

И. Г. БЛЮМИН

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1ф
5-71
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И. Г. БЛЮМИН

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ II

КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ
АНГЛИЙСКОЙ
И АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1962

✓
*Печатается по решению
Отделения экономических, философских
и правовых наук АН СССР
и дирекции Института мировой экономики
и международных отношений АН СССР*

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО К ПЕЧАТИ
РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ В СОСТАВЕ:

доктор экономических наук И. П. ДВОРКИН
(ответственный редактор)

член-корреспондент АН СССР А. И. ПАШКОВ
доктор экономических наук Л. Б. АЛЬТЕР
доктор исторических наук Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ
кандидат экономических наук И. М. ОСАДЧАЯ

КРИТИКА
СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ
АНГЛИИ

АНГЛИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА
В ПЕРИОД ОБЩЕГО КРИЗИСА
КАПИТАЛИЗМА

1. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Для того чтобы разобраться в характере и особенностях современной английской буржуазной политической экономии, необходимо дать краткий анализ социально-экономической обстановки в Англии в период общего кризиса капитализма, как до второй мировой войны, так и после нее.

Общий кризис капитализма получает в отдельных странах своеобразное преломление в зависимости от исторических условий развития капитализма и от особенностей экономики в этих странах. При рассмотрении своеобразия проявления общего кризиса капитализма в Англии необходимо учесть, по крайней мере, три особенности ее развития, наложившие свой отпечаток на ее экономику и на экономическую литературу.

Первой особенностью является наличие огромной колониальной империи. Английские капиталисты в течение столетий беспощадно эксплуатировали сотни миллионов людей в колониальных и зависимых странах. Огромные богатства нажиты английской буржуазией в значительной мере за счет хищнической эксплуатации трудящихся этих стран и разграбления их природных ресурсов. В. И. Ленин охарактеризовал английский империализм как колониальный, а Англию — как «...государство, которое владеет большей частью земного шара, государство, которое стоит на первом месте по богатству, которое создало это богатство не столько трудом своих рабочих, но, главным образом, эксплуатацией необъятного количества колоний, необъятной силой английских банков, ...без всякого преувеличения можно сказать: нет кусочка земли на всем земном шаре, на который этот капитал не наложил бы свою тяжелую руку, нет кусочка земли, который не был бы опутан тысячами нитей английского капитала»¹.

При этих условиях кризис колониальной системы для Англии имеет исключительное значение. Этот кризис, выражающийся в

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 367.

том, что устои империализма в колониальных и зависимых странах оказались расшатанными, что в этих странах наступила эра освободительных революций, что империализм не в силах там больше хозяйничать по-старому, привел к кризису Британской империи, поставил под удар важнейший источник высоких прибылей английской буржуазии и ограничил возможности подкупа верхушки рабочего класса.

Кризис Британской империи особенно усилился после второй мировой войны в связи с огромным подъемом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, который привел к распаду колониальной системы империализма. Этот распад колониальной системы придает особую остроту проявлению общего кризиса капитализма в Англии.

Второй особенностью развития Англии является ее исключительно большая зависимость от мирового рынка. Из всех крупных капиталистических стран она в наибольшей степени зависит от состояния внешней торговли. Она одновременно сочетает роль крупнейшего экспортера промышленных изделий и крупнейшего импортера продовольствия и сырья. Англия экспортировала в 1937 г. около 22% своей промышленной продукции готовых изделий, в 1950 г. — около 40% и импортировала $\frac{2}{3}$ продовольствия и сырья. Она полностью зависит от импорта хлопка, каучука, цветных металлов, нефтепродуктов и ряда других важнейших видов сырья. Только 10% необходимого сырья и материалов производится внутри страны.

Важнейшие отрасли экономики Англии, созданные в тот период, когда она обладала промышленной монополией, ориентировались в значительной мере на экспорт. Исторически обусловленное преобладание экспортного направления английской промышленности сделало ее особенно чувствительной к изменениям мирового спроса, к усиливающейся конкуренции других капиталистических стран и, в частности, к конкуренции капитализма, развивающегося в колониальных и зависимых странах. В области внешне-торговых отношений особенно отчетливо сказываются растущие противоречия английской экономики. И поэтому проблема платежного баланса имеет для Англии такое большое значение: в нем, как в фокусе, отражаются ее экономические связи с внешним миром. Не случайно так много внимания уделяется вопросу о платежном балансе в английской прессе.

Третья особенность экономического развития заключается в том, что загнивание капитализма и паразитизм, характерные для периода империализма, проявились в Англии раньше, чем в других капиталистических странах. В. И. Ленин указывал на две крупные отличительные черты империализма, которые имели место в Англии со второй половины XIX в.: это — громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Огромные богатства, накопленные английской буржуазией, позволили

ей осуществить экспорт капитала раньше и в более крупных масштабах, чем другим странам. Колоссальный вывод капитала, представляющий собой, по словам В. И. Ленина, «паразитизм в квадрате», наложил отпечаток паразитизма на экономику и общественную жизнь страны.

Оставаясь крупной промышленной страной, Англия приобрела черты, характерные для стран-рантье. Опорный рост паразитизма отразился на профессиональной структуре английского населения, получив свое выражение и в большом удельном весе населения, занятого непроизводительным трудом, в частности обслуживанием буржуазии.

Одним из проявлений загнивания капитализма был и является оппортунизм в рабочем движении, возникший в Англии раньше, чем в других капиталистических странах, и получивший там наиболее законченные формы.

Особенно резко выраженное загнивание капитализма в Англии непосредственно связано с действием закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма.

В Англии промышленный переворот произошел раньше, чем в других капиталистических странах. В течение длительного времени она была экономически наиболее развитой страной капитализма. Маркс писал про Англию, что она — «истинная вершина буржуазного общества в Европе»².

Резкое обострение неравномерности развития капитализма, которое начало проявляться уже в период перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму (с 70-х годов XIX в.) и которое с особенной силой сказалось в период империализма, изменило соотношение сил между отдельными капиталистическими державами. Небывалое раньше развитие техники позволило молодым капиталистическим странам быстро догнать Англию, а наличие в Англии значительной части старого основного капитала превратилось в тормоз для быстрого технического развития. Английской промышленности, сложившейся в период господства свободной конкуренции, было труднее приспособиться к изменившимся потребностям экономического развития в период империализма, нежели более молодой промышленности Германии и США; в Англии дольше сохранялись старые формы кредитования промышленных предприятий, медленнее развивались монополистические объединения, дольше удерживалась фритредерская политика.

Усиливающееся отставание в промышленном отношении английская буржуазия пыталась компенсировать за счет форсирования экспорта капитала. Это еще более усилило паразитический характер английского капитализма.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV. М., Партиздат, 1933, стр. 160.

Промышленная монополия Англии была подорвана в последней четверти XIX в. Уже в 80-х годах прошлого столетия США обогнали Англию по общему объему продукции, а в 90-х годах ее обогнала и Германия. К началу первой мировой войны существовала большая дистанция в области промышленной продукции между Англией и США. США превзошли Англию по выплавке стали в 4 раза, выплавке чугуна — в 3 раза, потреблению хлопка — в 1,4 раза, добыче угля — в 1,7 раза. Стоимость промышленной продукции США в 2,5 раза превысила стоимость промышленной продукции Англии. Но Англия в то время еще удерживала первенство в области экспорта капитала, мирового кредита, внешней торговли. После первой мировой войны Англия лишилась первенства и в этих областях.

В результате сочетания этих особенностей некоторые черты общего кризиса капитализма сказались в английской экономике с особенной силой. Для господствующих классов этой страны характерны судорожные попытки сохранить то привилегированное положение, которое занимала прежде Англия в системе мирового капитализма. Но осуществление этой задачи все более и более наталкивается на растущие затруднения в связи с усиливающейся неравномерностью развития капитализма, с ослаблением экономических позиций Англии, со снижением ее роли в мировом хозяйстве, с кризисом Британской империи. Англии становится все труднее удержать господство над колониальными и зависимыми странами. На современном этапе общего кризиса капитализма она для решения этой задачи прибегает к американской «помощи».

Экономика Англии, этой старейшей страны капитализма, особенно отчетливо показывает старческие болезни капитализма, его тормозящую роль в развитии производительных сил, его паразитический и реакционный характер.

2. ЭКОНОМИКА АНГЛИИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Первый этап общего кризиса капитализма охватывает период от первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции до второй мировой войны.

Важнейшей особенностью экономики Англии на первом этапе общего кризиса капитализма, отличающей ее от предшествующего периода империализма (1900—1913 гг.), является общий упадок народного хозяйства и снижение роли Англии как промышленной державы.

Паразитические черты, наложившие отпечаток на английскую экономику еще в XIX и в начале XX в., получили после первой мировой войны еще более отчетливое выражение. Это, в частности, нашло отражение в резком снижении темпов роста промышленно-

го производства. За весь период, отделяющий окончание первой мировой войны от начала второй, Англия не знала промышленного подъема. В то время как промышленная продукция Японии выросла в 1929 г., по сравнению с 1913 г., на 197%, США — на 70%, Франции — на 38%, английская промышленность в том же 1929 г. еще не достигла уровня 1913 г. При этом очень важно учесть, что в решающих отраслях промышленности — угольной, выплавке чугуна, судостроении — уровень производства был все эти годы ниже довоенного.

Рассматриваемый период характеризуется в Англии огромным ростом безработицы. Если в 1900—1913 гг. процент безработных держался обычно на уровне 2—5, то в 20-е годы он в среднем составлял 12, а в 30-е годы — 16. Во время кризиса 1929—1933 гг. процент безработных доходил до 22, а число их — до 3 млн. Безработица в период общего кризиса капитализма приобретает качественно новые особенности: миллионные армии безработных из резервных превращаются в постоянные армии безработных.

В период между двумя мировыми войнами сказалась и другая черта общего кризиса капитализма — хроническая недогрузка предприятий: значительная часть производственной мощности английской промышленности — по меньшей мере 20% — была постоянно недогруженной.

В связи с общим упадком английской экономики снизился национальный доход на душу населения.

С этого периода начинает падать роль Англии как мирового кредитного центра, как мирового банкира.

Длительный упадок английской экономики порожден общим кризисом капитализма, характеризующимся резким углублением противоречий капитализма, усилением факторов, тормозящих расширение капиталистическое воспроизводство, и обострением проблемы рынков.

Обострение проблемы рынков вообще и проблемы внешних рынков в особенности сильнее всего отразилось на экономике Англии, промышленность которой исторически сложилась на основе обслуживания в первую очередь внешних рынков. Обострение проблемы рынков, обусловленное всей совокупностью противоречий, характеризующих общий кризис капитализма, в частности усилением обнищания трудящихся в капиталистических странах, огромным ростом конкуренции США, Японии и других стран, кризисом колониальной системы и развитием в колониальных и зависимых странах собственного молодого капитализма, успешно конкурирующего на рынках со старыми капиталистическими странами, — все это вместе взятое вызвало длительный упадок английской экономики. Не случайно этот длительный упадок английской экономики особенно сильно задел старейшие отрасли промышленности Англии, расцвет которых относится к тому периоду, когда Англия играла роль «промышленной мастерской мира».

К числу этих отраслей следует прежде всего отнести угольную промышленность. За период между двумя мировыми войнами в Англии произошло значительное снижение добычи угля — с 292 млн. т в 1913 г. до 231 млн. т в 1938 г. Число рабочих, занятых в этой отрасли, сократилось на 30%.

В английской угольной промышленности особенно отчетливо сказывается обострение неравномерности экономического развития капиталистических стран. Эта отрасль промышленности с множеством мелких шахт, с устарелой техникой оказалась одной из наиболее отсталых в мировой угольной промышленности. За межвоенный период в этой отрасли имел место незначительный рост производительности труда, уступающий росту производительности в других капиталистических странах.

Сильный упадок наблюдался также в старейшей и ведущей раньше отрасли промышленности — в хлопчатобумажной, послужившей в свое время исходным пунктом промышленного переворота. Число занятых в этой отрасли рабочих резко упало. Доклад Управления хлопчатобумажной промышленности о послевоенных проблемах рисует следующую красноречивую картину: численность занятых в этой отрасли, включая рабочих отделочных цехов, составляла в 1912 г. 711 тыс., в 1924 г. — 614 тыс. (13% безработных), в 1930 г. — 480 тыс. (37,4% безработных), в 1935 г. — 448 тыс. (21,4% безработных), в 1936 г. — 455 тыс. (16% безработных), в 1937 г. — 400 тыс. (11,2% безработных), в 1938 г. — 365 тыс. (26,7% безработных)³. По тем же данным, выпуск хлопчатобумажных штучных товаров в Соединенном Королевстве с 1912 г. по 1937—1938 гг. сократился почти на 60%, а экспорт этих товаров — на 70%. Экспорт английской пряжи за тот же период сократился на 43%⁴.

Упадок в этой отрасли был еще сильнее, нежели в угольной промышленности. Тут особенно сказались обострение проблемы рынков, поскольку эта отрасль непосредственно обслуживает массового потребителя, экономическое положение которого резко ухудшается в период общего кризиса капитализма. Хлопчатобумажная промышленность была единственной крупной отраслью, в которой не было роста в относительно благополучный 1929 год (экономический кризис в Англии проявился лишь с начала

³ М. П. Фогарти. Перспективы промышленных районов Великобритании. М., ИЛ, 1949, стр. 255.

⁴ Там же. Английский коммунист Аллен Хатт в годы кризиса 1929—1933 гг. писал: «Даже поверхностный наблюдатель может заметить симптомы упадка промышленности. Везде можно видеть объявления о продаже с торгов фабрик с таким-то количеством станков или веретен. Но кому все это нужно? Машины в конце концов продаются на слом, а сами фабрики постепенно разваливаются. Достаточно проехать в поезде по Ланкаширу, чтобы видеть из окон серые законченные фабрики с разбитыми окнами» (Аллен Хатт. Положение рабочего класса в Англии. М., 1934, стр. 81).

1930 г.). В этой отрасли с наибольшей силой отразился кризис 1937—1938 гг. Экспорт ее за эти годы упал до наиболее низкой точки не только за послевоенный период, но и за вторую половину XIX в.⁵ Процент безработицы, как видно из приведенных выше данных, в 1938 г. резко вырос по сравнению с 1937 г.

За эти два года было уничтожено свыше 4 млн. веретен (9% всего числа веретен).

II в этой отрасли очень сильно сказалась отсталость английской промышленности. Парламентская комиссия Франка Платта, обследовавшая состояние этой отрасли промышленности перед второй мировой войной, вынуждена была признать, что «условия почти во всей британской хлопчатоткацкой промышленности в основном похожи на те, которые существовали 40—50 лет тому назад»⁶.

Одной из отраслей, в которых наиболее сильно сказался упадок, является также английское судостроение. Эта отрасль оказалась особенно чувствительной к обострению проблемы внешних рынков, поскольку она непосредственно обслуживает внешнюю торговлю. II в этой отрасли за межвоенный период произошло значительное сокращение занятости — с 174 тыс. в 1929 г. до 133 тыс. в 1937 г. Тоннаж выпущенных судов в 1936—1938 гг. уменьшился по сравнению с 1911—1913 гг. почти наполовину. Прогрессирующее ухудшение положения в судостроении видно из следующих данных⁷:

	1913 г.	1929 г.	1938 г.
Удельный вес Англии в мировом тоннаже торгового флота	46,5	33	29
Удельный вес Англии в тоннаже спущенных на воду новых судов	58	54,5	34

Падение роли Англии в области судостроения сопровождалось сокращением экспорта новых морских судов. В 1929 г. английская судостроительная промышленность производила на экспорт судов водоизмещением около 500 тыс. т в год, в 1937 г. — около 130 тыс. т⁸. Утерянные Англией позиции были захвачены конкурирующими странами (Скандинавскими, Голландией, Германией и др.). В связи с большой дороговизной английских судов некоторые британские пароходные компании передавали свои заказы на морские суда иностранным предприятиям. В годы кризиса 1937—1938 гг. впервые в истории Англии эта отрасль промышленности имела пассивный торговый баланс: тоннаж судов, заказанных ан-

⁵ «Мировое хозяйство. Ежегодник». 1938—1939 гг., стр. 52.

⁶ «Economist», October 28, 1944.

⁷ «Economist», January 21, 1939.

⁸ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1938, № 4, стр. 80.

глийскими судовладельцами за границей, превышал тоннаж судов, предназначенных для экспорта. Нужна ли более яркая иллюстрация глубокого упадка судостроения в Англии — старейшей морской державе?

Об упадке ведущих отраслей английской промышленности свидетельствуют данные о снижении числа занятых рабочих. Так, с июня 1923 по июнь 1935 г. число занятых в горной промышленности снизилось на 58% (в том числе в каменноугольной — на 46%), в судостроительной — на 38%, в железоделательной — на 23%, в хлопчатобумажной — на 22%⁹. Правда, наряду с упадком старых, ведущих отраслей происходил рост некоторых так называемых «новых» отраслей, например, производства электроэнергии, автомобильной, электротехнической, производства натурального и искусственного шелка. Однако рост «новых» отраслей никоим образом не мог компенсировать упадка старых отраслей, поскольку последние играли значительно более крупную роль в экономике страны и в них было занято несравненно большее число рабочих.

Глубокий упадок ведущих отраслей промышленности Англии получил свое дальнейшее выражение в упадке ряда промышленных районов. Характерным фактом английской экономики периода общего кризиса капитализма является наличие так называемых районов депрессии или пораженных районов, очагов хронической депрессии. В таком положении оказались старейшие промышленные районы Англии: Южный Уэльс, Мидленд, северо-восток Англии — важнейшие центры угольной и металлургической промышленности; Западная Шотландия, в особенности Клайд — крупный центр судостроения и металлургии; Ланкашир — родина и основной центр хлопчатобумажной промышленности.

Наиболее «зараженным» безработицей оказался район Уэльса. Между 1931 и 1936 гг. уровень безработицы в Уэльсе на 16% превышал средний уровень безработицы по стране в целом. Безработные, отчаявшись получить работу, массами покидали Уэльс. В период 1923—1936 гг. 35% всего населения Уэльса в поисках работы эмигрировало в другие районы Англии¹⁰.

Массовая безработица была характерна и для Западной Шотландии — крупнейшего центра судостроения. Упадок судостроения весьма болезненно отразился на экономике этого района. Так, в Клайде среднегодовой спуск на воду торговых судов с 1929 по 1937 г. был на 58% ниже, чем в 1909—1913 гг.¹¹ Безработица в Западной Шотландии была выше среднего уровня по всей Англии. Так, в районе Ренфру она превышала этот уровень на 10%, в Ла-

⁹ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1936, № 2, стр. 148—149.

¹⁰ М. П. Фогарти. Перспективы промышленных районов Великобритании, стр. 134.

¹¹ Там же, стр. 185.

парке — на 11%, в Думбартоне — более чем на 17%. С 1921 по 1931 г. Западную Шотландию покинуло около 9% населения¹².

Большим очагом безработицы был, как отмечалось выше, и Ланкашир. Особенно сильная безработица была в районе Блэкборна. За период 1929—1936 гг. безработица в этом районе составляла в среднем 33,5% против 17,1% по Великобритании в целом¹³.

Глубокий экономический упадок наложил отпечаток на все стороны жизни в этих «районах депрессии». Там обнаружился настоящий процесс вымирания ряда промышленных районов. Закрывались школы, ибо не было средств содержать учителей, а дети не могли посещать школы из-за недостатка одежды и обуви. Много мелких лавочников обанкротилось потому, что население не имело возможности производить покупки в таких размерах, которые экономически оправдали бы существование этих мелких лавок. Многие небольшие пункты были полностью покинуты населением. Обезлюдели даже некоторые города с довольно значительным числом жителей. Характерна в этом отношении судьба города Джерроу, одного из старейших судостроительных центров, описанная в напумевшей книге лейбористки Эллен Уилкисон «Город, который был умерщвлен» (1939 г.). Уилкисон описывала, как постепенно один за другим закрывались в Джерроу цехи металлургических заводов, потухли домы, были заброшены шахты, продавались на слом судостроительные верфи. В 1935 г. население города уже на 3/4 состояло из безработных.

Загнивание капитализма получило свое отражение не только в резком замедлении темпов роста общественного производства и в глубоком упадке ведущих отраслей, но и в усилении паразитических черт английского капитализма.

В межвоенный период произошли весьма характерные сдвиги в профессиональной структуре английского населения. Значительно увеличился удельный вес населения, занятого непроизводительным трудом — в сфере обращения и личных услуг. Так, в период с 1923 по 1935 г. наряду с сокращением числа занятых рабочих в важнейших отраслях промышленности (горной, металлургической, текстильной) число занятых в торговле увеличилось на 55%, в гостиницах и ресторанах — на 63%, в увеселительных учреждениях — на 96%, в области оказания профессиональных услуг — на 42%, в банках — на 16%, в центральных и местных государственных органах — на 10%.

Англия все больше и больше становилась типичной «страной-рантье». Это, в частности, получило отражение в увеличении доли народного дохода, поступающей рантье. После первой мировой вой-

¹² Там же, стр. 187.

¹³ Там же, стр. 256.

ны резко возросли расходы государственного бюджета по уплате процентов по государственному долгу. Эти расходы, составившие в 1911—1913 гг. 24 млн. ф. ст., выросли в 1929 г. до суммы 355 млн., в 1938 г. — до 230 млн. ф. ст. На покрытие этих огромных расходов тратились средства бюджета, получаемые от налогоплательщиков. Налоговое обложение в Англии в межвоенный период резко выросло. По степени обложения налогами населения Англия шла впереди других стран.

При помощи государственного бюджета происходило перераспределение значительной части народного дохода в пользу рантье.

Английские рантье получили огромные доходы от заграничных капиталовложений, от процентов по железнодорожным, муниципальным займам и т. д.

Наличие огромных паразитических доходов позволило господствующим классам Англии содержать большие армии непродуцируемых рабочих и служащих. Англия имела по сравнению с другими крупными капиталистическими странами меньший процент населения, занятого в производительных отраслях, и наибольший процент занятых в сфере домашних и личных услуг.

Паразитический характер английского капитализма нашел отражение в чрезвычайно низком удельном весе населения, занятого в сельском хозяйстве. Гигантские доходы давали возможность английским господствующим классам оставлять необработанными большие земельные пространства, используемые в качестве охотничьих парков. Тенденцию превращения пастбищ в парки отметил еще К. Маркс: «...В конце концов, и часть пастбищ для овец, в свою очередь, превращается в охотничьи парки. Как известно, в Англии нет настоящих лесов. Дичь, обитающая в парках аристократов, есть конституционное домашнее животное, она жирна, как лондонские альдермены...»¹⁴ Для хозяйничанья английских господствующих классов Англии в особенности характерна Шотландия. В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму» приводит следующую цитату из книги Шульце-Геверница «Британский империализм и английская свободная торговля начала 20-го века»: «Класс рантье завладел также большей частью и Шотландии, переделав ее в соответствии с потребностями людей, которые 3—4 месяца в году ищут там в гольф, разъезжают на автомобилях и яхтах, охотятся на дичь и ловят лососей. Шотландия — это самая аристократическая «спортивная площадка» всего мира...»¹⁵

Для английской экономики в период между двумя мировыми войнами характерны два процесса: во-первых, длительный упадок экономики, сильнейшая безработица; во-вторых, паразитическое

перерождение экономики, рост рантье и части населения, занятой непродуцируемым трудом. Такая паразитическая структура хозяйства могла поддерживаться только вследствие наличия огромных доходов английской буржуазии от иностранных инвестиций, эксплуатации колониальных и зависимых стран. Но уже в 30-х годах начал сказываться тот факт, что капиталистическая Англия живет не по средствам, что огромное паразитическое потребление английской буржуазии не соответствует ее сократившимся экономическим ресурсам.

Растущие трудности, связанные с сохранением этой структуры, получили яркое отражение в платежном балансе Англии, в котором суммарно выражаются все разнообразные экономические связи с внешним миром. Несмотря на усиление эксплуатации колоний, доминионов и зависимых стран, английскому империализму становилось все труднее поддерживать активный платежный баланс. Торговый баланс Англии стал пассивным еще в первой половине XIX в. Но Англии прежде удавалось перекрывать это пассивное сальдо за счет так называемого невидимого экспорта, т. е. за счет доходов от иностранных капиталовложений, услуг торгового флота, доходов от посредничества в области международного кредита и т. д. До первой мировой войны Англия в области платежного баланса всегда имела положительное сальдо. В 20-х годах удавалось еще, хотя и с возрастающими трудностями, сводить этот баланс без пассивного сальдо. Но во время кризиса 1929—1933 гг. положение резко ухудшилось. В 1931 г. отрицательное сальдо торгового баланса резко возросло, в то же время значительно упали доходы от «невидимого экспорта». Это послужило одной из причин отказа от золотого стандарта в 1931 г. Платежный баланс Англии с этого времени становится пассивным.

Дефицит платежного баланса в 1938 г. составил уже внушительную цифру в 70 млн. ф. ст. С 1931 по 1938 г. Англия изыала 285 млн. ф. ст. из заграничных капиталовложений для сбалансирования своих расчетов.

Отсюда вытекает весьма важный вывод, что уже в 30-х годах Англия оказалась неспособной покрыть за счет текущих доходов свой непомерно выросший импорт, связанный с паразитической структурой английского народного хозяйства. Еще до второй мировой войны Англия начала проедать свои заграничные инвестиции.

Уже на первом этапе общего кризиса капитализма отчетливо сказались ослабление британского империализма, глубокий упадок важнейших отраслей английской экономики, резкое обострение экономических противоречий, усиление империалистической реакции среди господствующих классов Англии. В этих условиях растет использование капиталистическими монополиями государственной машины для подавления рабочего класса в самой Англии и национально-освободительного движения в колониях, для борьбы с

¹⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, 1953, стр. 735.

¹⁵ В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., Госполитиздат, 1939, стр. 400.

иностранными конкурентами и проталкивания английских товаров на внешние рынки, для финансирования монополистических предприятий и предоставления им государственных заказов. Среди монополистов становятся популярными лозунги «сильного государства» и «вмешательства государства в экономику». Старые фритредерские теории, господствовавшие в английской литературе еще в начале XX в., потеряли под собой почву. На смену им пришла «теория регулируемого капитализма», призванная оправдать соединение силы монополий с силой государственной власти.

3. ОБОСТРЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА НА ВТОРОМ ЕГО ЭТАПЕ

В период второй мировой войны, особенно после отпадения от капиталистической системы народно-демократических стран в Европе и в Азии, развернулся второй этап общего кризиса капитализма — этап, характеризующийся резким углублением всех противоречий, заложенных в капиталистической системе.

Это углубление общего кризиса выражается на современном этапе прежде всего в изменении соотношения сил между капиталистической и социалистической системами¹⁶.

В результате отпадения ряда стран от лагеря капитализма более трети человечества освободилось от капиталистического ига и вступило на путь строительства социализма.

Важным экономическим результатом второй мировой войны и ее хозяйственных последствий является распад единого всеохватывающего мирового рынка.

Образовались два параллельных мировых рынка, противостоящих друг другу. СССР и страны народной демократии создали социалистическую систему мирового хозяйства на основе братской взаимопомощи, на началах взаимного сотрудничества и добровольного союза. Отпадение от системы капитализма ряда стран, являющихся крупнейшими источниками сырья и рынками сбыта, привело к обострению проблемы реализации для капиталистических стран. В результате увеличилась хроническая недогрузка производственного аппарата промышленности, расширилась хроническая

¹⁶ [Ныне наступил новый, третий этап общего кризиса капитализма. Важнейшей особенностью этого третьего этапа является то обстоятельство, что он развернулся вне связи с мировой войной. Новый этап общего кризиса капитализма характеризуется резким изменением соотношения сил между социалистической и капиталистической мировыми системами. Мировая система социализма превратилась в решающий фактор развития человеческого общества. Происходит крушение мировой колониальной системы. На месте прежних колоний и полуколоний возникли суверенные государства. Произошло дальнейшее резкое ослабление капиталистической системы, участились экономические кризисы, растет безработица и недогрузка промышленных предприятий.— *Ред.*]

ческая безработица, усилились противоречия между империалистическими странами в их борьбе за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала.

Экономические трудности для капиталистических стран, вызванные образованием параллельного мирового рынка, усугубляются еще вследствие искусственного разрыва экономических связей между странами империалистического и демократического лагерей, осуществляемого под нажимом монополий США. Эта губительная для капиталистического мира политика экономической блокады стран социалистического лагеря привела к дальнейшему сплочению последних и укреплению нового мирового рынка.

Наряду с образованием двух параллельных мировых рынков для Англии особое значение имеет усилившийся кризис колониальной системы, ее фактический распад. Английские колонизаторы, даже будучи вынужденными предоставить политическую независимость прежде поработенным народам, стремятся сохранить свои экономические позиции любыми средствами. Но в современную эпоху политика «неоколониализма» обречена на провал и терпит крах.

Распад колониальной системы создает серьезную угрозу для монопольных прибылей английских концернов.

Особое значение имеет то обстоятельство, что во время войны Англия вынуждена была продать свыше 1/4 своих капиталовложений. Американские же монополии стали прибирать к рукам значительную часть прибылей от эксплуатации других стран, которые раньше шли в карман английских монополистов. В то же время значительно выросли расходы на содержание английских военных частей за границей. Правительственные расходы Англии за границей выросли по сравнению с довоенным уровнем в 10 и более раз. Если до второй мировой войны эти расходы составили 16 млн. ф. ст., то в 1948 г. они возросли до 173 млн. и в 1951 г. составили 171 млн. ф. ст.¹⁷

Во время второй мировой войны резко усилилась неравномерность экономического развития Англии и США. Война ослабила экономические позиции Англии и привела к прямой экономической зависимости ее от США.

В послевоенный период американский империализм захватывает все новые экономические позиции в странах, в которых прежде господствующее положение занимал английский капитал.

Существенной особенностью экономического положения Англии в послевоенный период, ярко иллюстрирующей ослабление ее роли в мировом капиталистическом хозяйстве, является тот факт, что

¹⁷ «Tribune», July 11, 1951. В интервью, данном представителям американской печати в начале 1953 г., английский министр финансов Батлер заявил, что расходы на войну в колониях в 1952 г. обошлись Англии в 354 млн. ф. ст.

из главного мирового кредитора она превратилась в главного должника США, хотя одновременно она кредитует другие страны и осуществляет экспорт капитала.

Американский монополистический капитал угрожает коренным интересам английских монополий — получению монопольных прибылей, являющихся целью современного капитализма. На этой почве борьба между Англией и США разгорается с нарастающей силой.

Обострение англо-американских противоречий выражается, в частности, в неприкрытой борьбе за источники нефти, каучука, цветных и редких металлов, серы, шерсти, за рынки сбыта своих товаров.

Во время войны и в первые годы после войны американские монополии захватили чрезвычайно важные позиции в области внешней торговли, принадлежавшие раньше английскому капиталу. До войны почти весь экспорт американского угля направлялся в Канаду, Кубу и Мексику. Страны Европы не импортировали американский уголь, а Южная Америка — лишь в незначительной степени. Английский же уголь шел преимущественно в страны Европы и Южной Америки. Воспользовавшись тем, что в 1946—1947 гг. английский экспорт угля фактически прекратился, американские монополии увеличили в несколько раз свой экспорт угля, направляя его в страны, импортировавшие раньше английский уголь. Теперь Англии, возобновившей экспорт угля, приходится выбивать американских экспортеров с завоеванных ими позиций. Такая же картина наблюдается в области экспорта текстильных товаров.

Англо-американская конкуренция обостряется и в связи с изменением структуры английского экспорта. До войны крупнейшую роль в английском экспорте играли уголь, текстиль, стальной прокат. После войны роль этих товаров в английском экспорте снизилась. Зато сильно вырос удельный вес в экспорте оборудования и транспортных средств, химикатов, изделий из искусственного шелка. Иными словами, Англия стала в больших масштабах вывозить товары, играющие крупнейшую роль в экспорте США. Это не может не вызвать дальнейшего усиления борьбы английских и американских монополий.

Борьба между Англией и США на мировом рынке приобретает особенно ожесточенный характер в связи с тем, что Англия, несмотря на общий упадок ее экономики, имеет ряд экономических преимуществ по сравнению с США. Ахиллесовой пятой американского капитализма в области внешней торговли является ограниченный масштаб импорта. Громадный рост американского экспорта после второй мировой войны не покрывается соответствующим ростом импорта. В результате США получили огромное активное сальдо, которое не могло не обострить экономические трудности для стран, импортировавших товары из США. Обратной стороной

этого огромного активного сальдо во внешней торговле явился острый долларовый кризис в ряде стран, невозможность оплатить импорт из стран долларовой зоны. В отличие от США Англия является крупнейшим импортером. Это дало возможность Англии широко развернуть свои экспортные операции в обмен на английский импорт или на фунты стерлингов, которые легче получить, нежели доллары. В 1948—1950 гг. английский экспорт по темпам своего роста обогнал американский. С 1951 г. английский экспорт стал испытывать все возрастающие трудности.

Англо-американские противоречия остро проявляются в борьбе не только за рынки сбыта, но и за источники сырья. В этой борьбе Англия располагает важными позициями. Она контролирует подавляющую часть продукции капиталистического мира по натуральному каучуку, олову, хрому, кобальту и некоторым другим видам сырья.

Борьба между американским и английским империализмом разветвляется и в области экспорта капитала¹⁸.

Участком острой борьбы между американским и английским империализмом является морской транспорт. Во время второй мировой войны США добились огромного перевеса в отношении общего тоннажа торгового флота (после окончания войны США располагали общим тоннажем в 40 млн. т, а Англия — 17 млн. т). Однако большинство американских пароходов типа «Либерти», построенных во время войны, оказалось малоприспособленным к мирному времени. В послевоенное время Англии удалось значительно снизить разрыв в общей величине тоннажа торговых судов между США и Англией.

Успехи Англии на отдельных участках экономической борьбы с США не означают, конечно, прекращения зависимости английского империализма от американского: эти успехи дают лишь повод для еще более ожесточенного наступления США на экономические позиции Англии, для еще более острой борьбы между ними.

В своей борьбе против английских конкурентов американские империалисты используют возрождающиеся с их помощью западногерманские и японские монополии, которые широким потоком направляют товары на традиционные английские рынки. Уже в 1951 г. Западная Германия обогнала Англию в отношении экспорта в Западную Европу. Япония в 1952 г. экспортировала в страны, входившие в состав Британской империи, больше хлопчатобумажных и вискозных тканей, чем сама Англия.

Американские монополии пытаются ликвидировать систему имперских преференций и стерлинговый блок. Английский моно-

¹⁸ По оценке журнала «Экономист» от 20 декабря 1952 г., экспорт капитала из Англии только в страны Британской империи достигал 150—200 млн. ф. ст., или 420—560 млн. долл. в год.

полистический капитал всячески сопротивляется этим попыткам американских монополий.

Английские буржуазные экономисты — Баллог, Беверидж и другие — стараются придумать различные аргументы для оправдания преференциальных пошлин. В частности, они ссылаются на то, что эти пошлины — якобы необходимое условие «полной занятости». Эта аргументация призвана затушевать истинное значение имперских преференций. На самом же деле, борьба, разгорающаяся вокруг этого вопроса, — одно из многочисленных свидетельств роста противоречий между британскими и американскими монополиями. Ряд выступлений в парламенте свидетельствует о растущей тревоге английской буржуазии по поводу усиливающегося наступления США на экономические позиции Англии¹⁹.

Важнейшим участком американского наступления на английские экономические позиции является стерлинговый блок. Главную основу этого блока составляет так называемая необратимость фунта стерлингов (т. е. необязательность размены фунта стерлингов на другую валюту, например, на доллары). Золотые запасы всего стерлингового блока сосредоточены в Лондоне, который регулирует торговые и валютные отношения стран этого блока с внешним миром. Если отдельная страна, входящая в состав стерлингового блока, имеет в результате своих торговых операций валютные излишки, то она может использовать их в странах, входящих в тот

¹⁹ Так, например, 22 февраля 1952 г. ряд депутатов палаты общин консервативной партии внес резолюцию, требующую «сбросить оковы общего соглашения о тарифах и торговле и пользоваться довоенной свободой регулирования имперской торговли». «Мы, — заявил консерватор Рассел, — хотим освободиться от любого диктата или нажима с той стороны Атлантики».

20 апреля 1953 г. английский министр торговли Торникрофт в своем выступлении в палате общин сделал заявление о дискриминации английских фирм со стороны Соединенных Штатов Америки.

[С тех пор, как это было написано (т. е. с 1953 г.), произошли значительные изменения в экономике Англии, США и других капиталистических стран. В качестве грозного соперника Англии на мировых рынках выступила Западная Германия, промышленность которой развивалась быстрее, чем промышленность Англии и США. В 1957 г. был заключен Римский договор об «общем рынке» шести европейских стран — Западной Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Договору «шестерки» противостоит договор семи стран во главе с Англией. Образование двух экономических блоков выражало резкое обострение противоречий внутри капиталистического мира. Это грозило подорвать военно-политическое единство стран НАТО. Отсюда усиленное подталкивание Англии Соединенными Штатами к вступлению ее в «общий рынок» под флагом «единства» капиталистического мира против социалистических стран и ради осуществления «коллективной» эксплуатации стран Африки и слаборазвитых стран Азии. Независимо от того, вступят ли Англия и другие страны «семерки» в «общий рынок», налицо резкое обострение противоречий между Западной Германией и Англией, Западной Германией и США, странами «общего рынка» и США, США и Англией, — противоречий, которые американский империализм пытается ослабить путем европейской «интеграции». — *Ред.*]

же блок. Эта система ограничивает возможности США проникать на рынки, входящие в состав стерлингового блока.

Фактически американские монополии ведут лихорадочную работу по сколачиванию новой колониальной империи США, которая пришла бы на смену старой колониальной системе Британской империи. Американский журналист К. Виганд, откровенно выражая возмущения империализма США, писал: «Британская империя отходит в историю. Америка — естественный наследник власти и мирового лидерства, которые в течение столь долгого времени были в руках Британской империи»²⁰.

Еще во время второй мировой войны американский журналист Джон Маккормик в своей книге «Америка и мировое господство» писал: «Насколько слабеет рука Англии, держащая мировую власть, настолько крепче должны сжимать ее в своих руках Соединенные Штаты, и там, где кончается владычество Англии, должна начать господствовать сила Америки». Американская империалистическая пресса открыто предупреждает Англию, чтобы она не рассчитывала на восстановление былого влияния. «Юнайтед стейтс энд уорлд рипорт» (в номере от 5 октября 1951 г.) беспрецедентно писал по адресу Англии: «То, что она потеряла, она потеряла навсегда». Американским империалистам не терпится, они хотели бы поскорее захватить «вакантное место» главной колониальной державы.

Не приходится доказывать тщетность попыток США занять теперь то место, которое принадлежало в XIX в. Англии. В современных условиях, когда позиции капитализма так основательно расшатаны и подорваны, когда начался крах колониализма, всякого рода планы создания новых колониальных империй оказываются построенными на песке.

Важнейшим фактором обострения экономических трудностей современной Англии является растущая милитаризация хозяйства, усиливающая процессы загнивания английского капитализма, ухудшающая и без того тяжелое положение английских рабочих.

Непосредственным выражением милитаризации хозяйства является громадный рост военных расходов. Прямые военные расходы с 197 млн. ф. ст. в 1937/1938 бюджетном году возросли до 1636 млн. ф. ст. в 1953/1954 г. и превышают на 9% военные расходы по бюджету 1952/1953 г.²¹

Кроме того, значительная часть военных расходов скрыта в таких статьях бюджета, как «гражданская оборона», субсидии воен-

²⁰ Цит. по «Labour Monthly», April 1947, p. 100.

²¹ Даже преуменьшенные данные, приводимые в Белой книге, выпущенной в 1953 г. под заглавием «Предварительный подсчет национальных доходов и расходов в 1948—1952 гг.», рисуют картину непрерывного роста удельного веса затрат на вооружение по отношению к бюджетным расходам. В 1948 и 1949 гг. он составил 19%, в 1950 г. — 21, в 1951 г. — 26, в 1952 г. — 30%.

ной промышленности, в затратах на создание стратегических резервов. В бюджете 1953/1954 г. предусматривается, что гражданские ведомства должны израсходовать на военные нужды 139 млн. ф. ст.

Эта бешеная гонка вооружений осуществляется за счет сокращения невоенных производств, т. е. в первую очередь за счет сокращения производства предметов потребления. Батлер заявил в апреле 1953 г., что расходы на гражданские нужды сократятся по сравнению с предыдущим годом на 60 млн. ф. ст. Белая книга, выпущенная английским правительством в феврале 1953 г. под названием «Заявление об обороне», излагая смету военных расходов на 1953/1954 финансовый год, признает, что военные расходы в 1953/1954 г. «будут на уровне, беспрецедентном в мирное время».

Государственные же расходы Англии на социальные нужды (образование, здравоохранение, социальное обеспечение, продовольственные субсидии и т. д.) были на 40% меньше государственных затрат на подготовку к войне.

Усиленная милитаризация экономики вызвала огромное обострение экономических трудностей Англии. Это обострение приняло такие угрожающие размеры, что его не могут замолчать лейбористские и консервативные деятели. О растущих экономических трудностях Англии твердит вся английская пресса. По этому поводу приводились многочисленные факты на конференциях отраслевых профессиональных союзов и на конгрессе британских тред-юнионов в 1953 г.

Милитаризация хозяйства углубляет кризисное состояние английской экономики. Темпы роста объема промышленного производства Англии неуклонно сокращаются.

Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1950 г. прирост промышленного производства составил 9%, в 1951 г. — 2%, в 1952 г. произошло снижение промышленного производства на 3%, а обрабатывающей промышленности на 5%. Основную причину этого процесса составляет сокращение спроса на гражданскую продукцию как внутри страны, так и на мировом капиталистическом рынке. Рост военного спроса не смог компенсировать падения гражданского потребления. Экономические трудности, переживаемые Англией, еще более углубились в связи с обострением конкуренции на мировом капиталистическом рынке со стороны Западной Германии, других стран Западной Европы и Японии, а также недостатком некоторых сырьевых материалов и стали, лимитировавшим развитие ряда гражданских производств. Физический объем экспорта в 1952 г. сократился по сравнению с 1951 г. на 6%.

Наиболее сильное сокращение производства имеет место в текстильной промышленности, которая переживает упадок. Выпуск хлопчатобумажных тканей в 1952 г. снизился на 30,4% по сравнению с 1951 г., а по сравнению с 1937 г. выпуск хлопчатобумажных тканей в 1952 г. составил всего 46%. Безработица в Ланкашире сильно растет.

Во второй половине 1952 г. в тяжелом положении оказались автомобильная промышленность, легкое машиностроение и электропромышленность. Так, выпуск автомобильной промышленности в 1952 г. сократился на 7%, а экспорт — на 16%²².

Такое же положение и в английской судостроительной промышленности. Строительство торговых судов на английских верфях в 1952 г. сократилось по сравнению с 1951 г. В 1952 г. английские верфи получили заказы на суда общим тоннажем в 1,2 млн. т, т. е. почти в 4 раза меньше, по сравнению с 1951 г., когда сумма заказов составила 4 млн. т²³.

В упадочном состоянии находится такая важнейшая отрасль английской промышленности, как угольная. Добыча угля по-прежнему значительно отстает от уровня 1913 г. В 1951 г. уровень угледобычи составил 77% к уровню 1913 г. Как отмечается в «Экономическом обзоре на 1953 г.», добыча угля на человека-меню в 1952 г. снизилась по сравнению с 1951 г. (1,19 т против 1,21 т). По «плану» Национального совета по углю Англия сможет достичь уровня добычи угля 1913 г. только через десять лет.

Однобокое развитие промышленности, связанное с усиленной милитаризацией экономики, повлекло за собой общую экономическую неустойчивость и вызвало кризисное положение в ряде отраслей промышленности.

Огромные расходы на вооружение являются важнейшей причиной (вместе с более общими причинами, вытекающими из обострения всех противоречий капиталистического воспроизводства) разветвления инфляционных процессов. Количество денег в обращении увеличилось в Англии почти в 3 раза по сравнению с 1938 г. Количество же товаров на внутреннем рынке увеличилось незначительно. Покупательная способность фунта стерлингов в 1951 г. составляла по отношению к 1939 г. по официальным, явно преуменьшенным, данным лишь 32%. Инфляция стала бичом для английских трудящихся. Но зато она весьма выгодна для буржуазии. Наступление на заработную плату английских рабочих сопровождается невиданным ростом прибылей капиталистов.

Ухудшение положения рабочего класса в современный период усиленно подстегивается политикой империалистического государства. Весь комплекс мероприятий, проводимых английским правительством, — политика замораживания заработной платы, увеличения косвенного обложения, развязывания инфляции, сокращения социальных расходов, снижения производства предметов потребления, уменьшения продовольственных субсидий и т. д. — имеет своей целью небывалое снижение жизненного уровня английских рабочих. Реакционная английская печать в последнее время ведет кампанию за удлинение рабочего дня.

²² «Statist», February 21, 1953.

²³ «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 14 февраля 1953 г.

Растущая инфляция вызывает глубокое возмущение у английских трудящихся. Учитывая это возмущение, английские буржуазные экономисты в послевоенный период пытаются прикрыть программу наступления на жизненный уровень рабочего класса антиинфляционной демагогией²⁴.

Ослабление экономических позиций Англии в послевоенный период, значительное снижение возможностей получать сверхприбыли за счет эксплуатации других стран, рост экономических трудностей в связи с милитаризацией хозяйства весьма ярко сказались в резко возросшей дефицитности ее платежного баланса. Дефицитность платежного баланса объясняется буржуазными писателями исключительно снижением английских доходов от «невидимого экспорта» в связи с потерей части заграничных капиталовложений и сокращением судоходства. Исходя из этой «теории», буржуазная и лейбористская пресса в качестве панацеи от теперешних экономических трудностей выдвигает максимальное форсирование экспорта. «Экспортировать или умереть» — таков популярный лозунг английской буржуазии. Максимальное покровительство экспорту стало одним из важнейших принципов экономической политики английского правительства. Этот принцип лежит в основе практикуемой в Англии системы приоритетов, ставящей своей целью обеспечить экспортные отрасли дефицитным сырьем, оборудованием и рабочей силой. На этом принципе основана система лицензий, введенная еще в период войны. Предприятия, работающие на экспорт, финансируются в первую очередь.

В действительности этот громадный дефицит платежного баланса является лишь одним из показателей, а отнюдь не первопричиной огромных экономических трудностей, переживаемых современной Англией. Коренную причину этих трудностей нужно искать в кризисе английского империализма. Сама дефицитность платежного баланса обусловлена сокращением сверхприбылей, зависимостью от США, отказом от связей со вторым, параллельным рынком, громадным ростом расходов на содержание армий за границей и на всякого рода военные авантюры.

Огромная дефицитность английского платежного баланса обусловлена также длительным упадком ряда важнейших отраслей промышленности Англии, играющих важнейшую роль в ее экспорте. По-прежнему остро стоит вопрос с отставанием угольной и текстильной промышленности.

Платежный баланс Англии за послевоенный период ухудшается. Некоторое улучшение платежного баланса в 1950 г. имело эпизодический характер, оно объяснялось специфическими причинами — скупкой США стратегического сырья по взвинченным ценам в колониальных владениях Англии. Сейчас положение изменилось. Пока Англия делала все возможное для того, чтобы увели-

чить свои долларовые и золотые запасы путем расширения экспорта, США скупили сырье и стали монопольными владельцами многих видов сырья. Затем США прекратили скупку сырья и добились снижения цен на сырье, получаемое из стран Британской империи. В то же время США удерживают высокие цены на свое сырье (медь, свинец, цинк, хлопок, пшеницу). В результате уже с 1951 г. платежный баланс Англии снова резко ухудшился.

Это ухудшение платежного баланса Англии отражает дальнейшее ослабление ее международного положения и зависимость от США и в то же время обострение англо-американских противоречий. Создав за короткий срок огромные запасы сырьевых материалов, США потребовали от Англии и других стран стерлинговой зоны снижения цен на сырье, получаемое из этих стран, продолжая в то же время поддерживать высокие цены на собственное сырье. Поскольку Англия не пошла на дальнейшее снижение цен, США прекратили закупку малайского каучука и олова, приносящую Англии основную часть ее долларовых поступлений. В то же время долларовые расходы Англии и других стран стерлинговой зоны продолжают расти, поскольку они, в связи с гонкой вооружений, испытывают нужду в американском сырье и оборудовании.

Дефицит Англии по расчетам с долларовой зоной достиг в 1951 г. 1,4 млрд. ф. ст. Отлив золота и долларовой валюты принял катастрофические размеры. «Экономический обзор на 1952 г.» вынужден был признать, что положение с платежным балансом к концу 1951 г. стало критическим и что дальнейшее усиление кризиса платежного баланса означало бы голод и безработицу для миллионов людей и снижение производства товаров на экспорт, а потому и импорта и потребления.

Отчаянные усилия английского правительства преодолеть кризис платежного баланса, как и следовало ожидать, не увенчались успехом. Золотые и долларовые запасы Англии резко сократились. Согласно заявлению министра финансов Англии Батлера, золотые и долларовые запасы Англии со времени усиленной милитаризации (лето 1950 г.) сократились к началу 1953 г. почти вдвое — с 3,8 млрд. долл. до 2 млрд. долл.²⁵

Мероприятия, при помощи которых английские монополии пытаются разрешить кризис платежного баланса, сводятся к ограничению импорта и искусственному форсированию экспорта и экспортных отраслей промышленности за счет отраслей, обслуживающих внутренний рынок. Эти мероприятия, получившие характерное название «топор Батлера», не помогли разрешить кризис платежного баланса, они только способствовали ухудшению экономического положения Англии. Сокращение импорта в значительной мере произведено за счет ввоза продовольствия, что привело к ухудшению и без того тяжелого продовольственного положения

²⁵ «Правда», 15 марта 1953 г.

²⁴ Подробнее об этом см. гл. 4 настоящей работы.

Англии. Во имя выполнения раздутой экспортной программы в Англии всячески урезаются капитальные вложения в отрасли, обслуживающие внутренний рынок. В то же время форсируется вывоз некоторых видов оборудования, необходимого народному хозяйству самой Англии. Ярким примером пагубного влияния экспортной политики английского правительства является текстильное машиностроение. Текстильная промышленность Англии, остро нуждающаяся в новом оборудовании, получает лишь крохи от текстильного машиностроения самой Англии.

Необходимо отметить, что не только текстильная промышленность, но и другие основные отрасли промышленности Англии, такие, как угольная, металлургическая и т. д., испытывают острый недостаток в капитальном оборудовании, соответствующем требованиям современной техники, который не может быть восполнен из-за отвлечения колоссальных средств на военные цели.

Сокращение гражданского производства наряду с продолжающейся гонкой вооружений и расширением военных отраслей, растущие диспропорции между разными отраслями народного хозяйства, снижение общего объема закупок населения, быстрый рост числа полностью и частично безработных, резкое ухудшение платежного баланса — все это результат подчинения Англии Соединенным Штатам. Милитаризация хозяйства толкает экономику Англии к катастрофе.

В послевоенный период использование буржуазного государства монополиями в интересах обеспечения монопольных прибылей приобретает все больший размах. Буржуазия, проводя ожесточенное наступление на жизненный уровень рабочих, пытается превратить пролетария в бесправного раба, ликвидировать последние остатки буржуазной демократии, подавить всякое прогрессивное движение.

Использование буржуазного государства монополиями все более тесно связывается с милитаризацией экономики.

Реакционная буржуазия в качестве одного из важнейших моментов военной подготовки выдвигает задачу «обезвредить» коммунистические партии, возглавляющие борьбу масс за мир и демократию, объявить эти партии вне закона и загнать их в подполье. Законы об «обеспечении безопасности» в США, процесс против лидеров американской коммунистической партии, реформа избирательного права во Франции, репрессии против коммунистов в разных странах, в том числе в Англии, — все это звенья одной и той же цепи. Военные планы капиталистических государств включают в качестве первоочередной меры преследование всех прогрессивных, демократических сил. Весьма откровенно эту задачу формулирует изданный в 1950 г. английским Институтом международных отношений доклад под названием «Оборона в холодной войне». «В то время, когда пишется данный доклад, — читаем мы там, — французский министр национальной обороны Ж. Мок объя-

вил, что во Франции будут созданы части наподобие национальной гвардии и что численность жандармерии будет утроена с целью поддержания внутренней безопасности в случае войны. Если это решение является результатом предложений, внесенных оборонной организацией Западного Союза, то за ним, несомненно, последуют такие же мероприятия в других странах. Авторы считают такие мероприятия настоятельно необходимыми для того, чтобы в случае войны действия коммунистов не парализовали промышленный потенциал и транспортную систему в тылах союзных войск в Европе; кроме того, они необходимы для сохранения сооружений и коммуникаций, требуемых для обеспечения надлежащей обороны от воздушного нападения и авиадесантов».

Эти ультрареакционные планы наглядно показывают, какова действительная цена декламации реакционной прессы о борьбе за «демократию», за «свободу» против «тоталитаризма».

ЭВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ АПОЛОГЕТИКИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ ДВУХ МИРОВЫХ СИСТЕМ

Современная буржуазная политическая экономия целиком опирается на старую вульгарную политическую экономию, сложившуюся в XIX в. Современные буржуазные экономисты заимствуют у последней общие методологические принципы, исходные положения по важнейшим вопросам политической экономии, в частности по теории стоимости, денег, прибыли, заработной платы, кризисов и т. д. С помощью этого обветшалого, заржавленного оружия, давным давно разоблаченного марксистской политической экономией, ученые приказчики капиталистов в наши дни пытаются решить задачи, стоящие перед современным капитализмом.

Поэтому критику современной буржуазной политической экономии необходимо начать с критического анализа ее теоретической базы, т. е. с критики основных положений вульгарной политической экономии прошлого столетия.

Прежде чем перейти к краткому историческому очерку эволюции вульгарной политической экономии до периода общего кризиса капитализма, сделаем несколько предварительных замечаний.

К. Маркс устанавливает два основных различия между классической и вульгарной политической экономией. Во-первых, в отличие от классической школы вульгарная экономия отказывается от изучения внутренней сущности экономических явлений, ограничиваясь рассмотрением внешних, кажущихся зависимостей в том виде, в каком они выступают на поверхности явлений. Вульгарные экономисты не идут дальше систематизации ходячих, пошлых взглядов буржуазных деятелей производства. Во-вторых, в противоположность классикам буржуазной политической экономии, которые, несмотря на их классовую ограниченность, были добросовестными исследователями капиталистической действительности, вульгарные экономисты занимаются корыстной апологетикой капиталистического строя, сознательно замалчивая его противоречия, измышляя всякие небылицы о «гармонии интересов», якобы царящей в буржуазном обществе.

Классическая буржуазная политическая экономия могла суще-

ствовать лишь при определенных исторических условиях. Она отражает тот период, когда, с одной стороны, буржуазия играла прогрессивную роль, возглавляя борьбу с феодальными элементами; с другой стороны, противоречия между буржуазией и пролетариатом были еще в неразвитом состоянии. Буржуазия могла позволить себе роскошь научной разработки политической экономии лишь до тех пор, пока она не чувствовала непосредственной опасности со стороны пролетариата, пока последний ограничивался стихийными движениями, направленными против отдельных предпринимателей, а не против капиталистического строя в целом.

По мере того как пролетариат начал осознавать свои задачи и превращаться из «класса в себе» в «класс для себя», по мере того как пролетарское движение начинает принимать угрожающие для буржуазии формы, классическая школа сходит со сцены, уступая свое место безраздельному господству вульгарных апологетов. В качестве водораздельной черты между периодами господства в буржуазном лагере научной и вульгарной политической экономии К. Маркс указывает 1830 год, когда «буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробила смертный час для научной буржуазной экономии»¹.

С появлением чартистского движения подавляющее большинство английских буржуазных экономистов переходит на позиции вульгарной политической экономии.

К. Маркс отмечал, что параллельно развитию классовых противоречий буржуазного общества «вульгарная политическая экономия сознательно становится все более апологетической...»²

Арсенал апологетических теорий, которым располагает вульгарная экономия, очень ограничен. Современные буржуазные экономисты в основном перепевают старые вульгарные теории. В отношении современных буржуазных экономистов можно сказать словами поэта: «В новизне твоей старина мне слышится». Ныне старые теории используются для решения новых задач, стоящих перед буржуазией. Соответственно происходит некоторая модификация вульгарных теорий, хотя основное содержание их остается прежним.

Главные элементы, из которых складывается вульгарная политическая экономия, ее важнейшие теории и важнейшие приемы апологетики капитализма, являются общими для всех стран капитала. Буржуазных экономистов разных стран объединяет общность классовых задач. Поэтому основное содержание буржуазных экономических теорий совпадает в разных капиталистических странах.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. М., Госполитиздат, 1953, стр. 13.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III. М., Госполитиздат, 1961, стр. 478.

Но это не исключает некоторых национальных особенностей буржуазных экономических теорий.

При рассмотрении особенностей английской вульгарной политической экономии необходимо учесть особую изощренность английской буржуазии в обмане рабочих. Это выражается в том, что английские буржуазные экономисты дают более завуалированную формулировку задач своего класса, стремясь замаскировать последние разговорами об общенациональных интересах. Это выражается в разглагольствовании о социальных реформах. С этим связана особая популярность в английской литературе эволюционистской философии, проповедующей рабочим миф о постепенном улучшении их положения.

На помощь буржуазным экономистам в их апологетических измышлениях приходит традиционное лицемерие английской буржуазии, классическое ханжество британских толстосумов. «...Едва ли где доходит лицемерие до таких размеров и до такой утонченности, как в Англии», — писал В. И. Ленин³. Для английской буржуазии и ее ученых приказчиков — буржуазных экономистов — характерно стремление везде и всюду демонстрировать свою «респектабельность», свою мнимую верность высоким моральным принципам, что не мешает им ловко обдѣлывать свои делишки, не обращая никакого внимания на столь воспеваемые моральные принципы. К. Маркс очень метко охарактеризовал эту черту. «При всей своей приверженности к морали и респектабельности английский буржуа все же восхищается прежде всего человеком, о котором говорят, что он «clever», которого мораль не связывает и шлет не сбивает с толку, который на принципы смотрит как на сети, расставляемые для поимки своих ближних»⁴. Действительно, моральные принципы, которыми так любят спекулировать английские буржуазные экономисты, выполняют функции сетей, предназначенных для того, чтобы улавливать одуряченных рабочих.

1. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ВУЛЬГАРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ АНГЛИИ XIX И НАЧАЛА XX В.

До 1830 г. вульгарная политическая экономия проповедовалась в Англии преимущественно экономистами, отражавшими точку зрения землевладельческого класса. Не случайно родоначальником вульгарной политической экономии в Англии явился Мальтус, в ту эпоху главный идеолог английского лендлордизма. К. Маркс дал уничтожающую характеристику Мальтуса, как «плагиатора от природы». «...Убожество Мальтус проявляет там, — писал Маркс, — где он становится на собственные ноги и не имеет возможности совершать плагиат у Таунсенда, Андерсона или у кого-нибудь еще»⁵.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 75.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11, стр. 96.

⁵ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 27.

Но этот «плагиатор от природы» и заурядный экономист обладал очень незаурядным классовым чутьем. Он раньше, чем кто-либо из его современников, оценил служебную роль буржуазной политической экономии в борьбе эксплуататоров против эксплуатируемых. Мальтус рекомендовал распространять такие положения, которые отвлекали бы массы от революционной борьбы. «Если эти истины распространятся, — писал он, имея в виду свою «теорию народонаселения», — ...то низшие классы народа, взятые во всей их совокупности, станут более миролюбивы и послушны; они не так легко готовы будут на возмущение в случае недостатка хлеба; их труднее будет волновать соблазнительными и зажитательными книжонками, ибо они понимали бы, как мало зависит от революции заработная плата и средства для содержания семьи...»⁶ Политическая экономия, по замыслу Мальтуса, должна внушать рабочим представление о вечности капиталистического строя. Одна из главных заповедей, которую призвана распространять в массах политическая экономия, по Мальтусу, сводится к тому, что «народ должен видеть главным образом самого себя в собственных страданиях»⁷. Таким образом, Мальтус сознательно старался превратить политическую экономию в служанку господствующих классов.

Мальтус выступил со своей основной работой, посвященной проблеме народонаселения, в бурную эпоху французской буржуазной революции. Революция, охватившая Францию, вызвала большой подъем общественного движения в Англии. В английской литературе велась проповедь весьма левых для своего времени идей, связанных с критикой частной собственности. Наиболее ярким документом этой эпохи было произведение Годвина «Исследование политической несправедливости» (1793 г.), в котором дается резкая оценка частной собственности как главного источника пороков и преступлений. Мальтус усмотрел в учении Годвина большую социальную опасность для господствующих классов. Нанумованная книга Мальтуса «Опыт о народонаселении» была, по словам Маркса, «памфлетом против французской революции и современных ей идей о реформах в Англии (Годвин и др.). Она представляла собой апологию нищеты рабочего класса»⁸.

Французская буржуазная революция конца XVIII в., подъем общественного движения и рост левых течений в Англии вызвали обострение политической борьбы и усиление реакционных элементов. Главным идеологом реакции в области политической экономии в Англии выступил Мальтус. Он защищал капитализм с позиций лендлордизма, с позиций обуржуазившихся феодальных баронов.

«Теория народонаселения» Мальтуса была разоблачена и раскритикована еще в ранних работах Ф. Энгельса «Очерки критики

⁶ Т. Р. Мальтус. Опыт о законе народонаселения, т. II. СПб., 1868, стр. 341.

⁷ Там же, стр. 243.

⁸ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 51.

политической экономии» (1844 г.) и «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.). Ф. Энгельс уже тогда писал, что «самым откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата является теория народонаселения Мальтуса...»⁹

Исчерпывающая критика «теории народонаселения» Мальтуса дана Марксом в «Капитале». Маркс показал, что нет вечного закона народонаселения, что всякому историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения. Избыточное население при капитализме представляет собой форму относительного перенаселения, порожденного законами капиталистического накопления, а отнюдь не мнимым недостатком средств существования. Капиталистическое общество располагает огромными возможностями в области производства средств существования, но оно отстраняет трудящихся, т. е. подавляющее большинство населения, от пользования этими средствами существования. Совершенно очевидно, что не может быть речи о недостатке средств существования там, где во время кризисов уничтожается огромное количество продуктов, в том числе предметов питания.

Маркс на примере Ирландии показал, что сокращение населения, проповедуемое Мальтусом в качестве панацеи от социальных бедствий, меньше всего способно разрешить противоречия капитализма. В Ирландии в течение 2 лет, с 40-х по 60-е годы прошлого столетия, покинуло страну вследствие голода и других причин около $\frac{5}{16}$ населения. Это привело к тому, что много земли осталось без обработки, внутренний рынок сократился, в связи с чем упал спрос на рабочую силу, доход мелких промышленников уменьшился. Несмотря на сокращение населения, перенаселение в Ирландии не снизилось, обнищание усилилось на почве развития капитализма в сельском хозяйстве Ирландии. Маркс указывал, что этот эксперимент с уменьшением населения «куда более внушительный, чем столь прославленная мальтузианцами чума половины XIV столетия»¹⁰. Марксизм, научно обосновав, что относительное перенаселение в буржуазном обществе представляет собой результат действия законов капитализма, не оставил камня на камне во всем «учении» Мальтуса. Однако, несмотря на полный крах мальтузианства как в теории, так и на практике, оно в наши дни поднято на щит империалистической реакции по обе стороны Атлантического океана¹¹.

Наряду с мальтузианцами в 20-х годах XIX в. выступает новый отряд вульгарных экономистов — Джеймс Милль, Мак Куллох и другие, работы которых знаменовали собой разложение рикардианской школы.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 504.

¹⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 709.

¹¹ Критика современных мальтузианцев дана в гл. 6 настоящей работы.

Адам Смит и Рикардо пытались вскрыть внутренние закономерности буржуазного производства и в этом направлении дали ряд ценных выводов. Но в силу классовой ограниченности своего кругозора классики буржуазной политической экономии не смогли объяснить многих фактов и пришли к некоторым неправильным выводам, противоречащим лежащей в основе их учения теории трудовой стоимости. Эти неправильные положения буржуазных классиков были подхвачены вульгарными экономистами и легли в основу их теоретических построений. Так, например, ошибочные положения А. Смита по вопросу теории стоимости (определение стоимости трудом, который покупается в обмен на данный товар) стали исходным пунктом теории стоимости Мальтуса. Точно так же слабые места теории стоимости Рикардо были использованы его вульгаризаторами. Рикардо не мог разрешить противоречия между обменом товаров по стоимости и тенденцией к уравниванию нормы прибыли. Он фактически отождествил стоимость с ценой производства и, в силу этого отождествления, пришел к неправильному выводу, что на стоимость, кроме количества затраченного труда, которое он считал важнейшим фактором, определяющим величину стоимости, могут влиять и другие факторы, вроде заработной платы. Правда, Рикардо считал, что влияние этих других факторов на стоимость незначительно, но, допустив самую возможность такого влияния, он тем самым дал вульгарным экономистам материал для «теоретических» построений.

Джеймс Милль и Мак Куллох внесли свой существенный «вклад» в дело буржуазной апологетики, использованный последующими сифофантами капитализма. Они сделали попытку под флагом мнимой защиты рикардианской теории трудовой стоимости выхолостить из нее все научные элементы и приспособить ее к выводам вульгарной экономии о пресловутой «производительности» капитала и земли.

Первым автором этой «теории», получившей у Маркса прощальное название «триединой формулы», был Ж.-Б. Сэй, поставивший перед собой задачу «обосновать» отсутствие эксплуатации рабочих капиталом. С этой целью Сэй сконструировал «теорию», согласно которой в образовании доходов принимает участие не только труд, но и капитал (отождествляемый со средствами производства) и природа. Труд рабочих, по Сэю, создает только ту часть стоимости, которая соответствует заработной плате. Что же касается прибыли и земельной ренты, то эти части национального дохода, по Сэю, создаются капиталом и природой. При помощи этой «триединой формулы» Сэй пытался доказать рабочим, что они получают все, что создают, что у них нет оснований быть недовольными капиталистическим строем и что нет вообще экономических оснований для классовой борьбы. Вся эта выдумка, цель которой оправдать существование как капиталистов, так и землевладельцев, опирается на отрицание теории трудовой стоимости,

согласно которой единственным источником стоимости является труд и которая тем самым отрицает возможность образования какой-либо части национального дохода, т. е. новой стоимости, с помощью средств производства и природы. В противовес этому Сэй проповедовал лженаучную «теорию полезности», согласно которой стоимость определяется не трудом, а полезностью или услугами. Последние же, по Сэю, могут быть созданы не только трудом, но и капиталом и природой. Так Сэй пытался замазать эксплуатацию рабочих, классовые противоречия рабочих и капиталистов и показать мнимую гармонию их интересов.

Вульгаризаторы Рикардо — Джемс Милль и Мак Куллох — фактически защищали те же выводы, что и Сэй, но, поскольку они формально признавали теорию трудовой стоимости, им пришлось несколько изменить свою аргументацию. Основным прием, которым они пользовались для своих апологетических целей, заключался в таком широком толковании понятия труда, при котором к трудовым процессам причислялись не только подлинные затраты труда, но и «работа» машин, биологические процессы роста растений и животных и т. д. Так, например, Джемс Милль рассматривал прибыль как своеобразную форму заработной платы, выплачиваемую за «труд», выполняемый орудиями производства. А Мак Куллох пытался представить земельную ренту как продукт «труда» природы.

В итоге получалась та же апологетическая «триединая формула» Сэя с той только особенностью, что вместо «услуг» капитала и природы, о которых писал Сэй, вульгаризаторы Рикардо говорили о «труде» этих «факторов производства».

Формально признаваемая Джемсом Миллем и Мак Куллохом теория трудовой стоимости была ими так извращена, что она превратилась в свою противоположность и стала, как две капли воды, похожей на вульгарную антинаучную «теорию полезности» Сэя. В дальнейшем А. Маршалл и последующие английские буржуазные экономисты использовали эту фальсифицированную и полностью вульгаризованную рикардianскую теорию.

Наряду с вульгаризацией экономического учения Рикардо с 30-х годов XIX в. начинается открытый поход против классиков буржуазной политической экономии. В Англии этот процесс усилился в связи с тем, что английский утопический социализм опирался на учение Рикардо, в особенности на его теорию трудовой стоимости. Этим Рикардо был скомпрометирован в глазах буржуазии. Американский буржуазный экономист Кэри, по выражению К. Маркса, даже «доносил» на Рикардо, как на «отца коммунизма».

Представителем наиболее откровенной апологетики капитализма, открыто разорвавшей с учением классической школы, выступил в середине XIX в. Сениор. Этот, по характеристике К. Маркса, «умничающий пачкун» открыто поставил целью своих «теоретиче-

ских» работ служение капиталистам. Для оправдания борьбы капиталистов против проектов о 10-часовом рабочем дне он выдвинул свою пресловутую теорию «последнего часа», согласно которой при 11½-часовом рабочем дне прибыль создается в течение последнего часа. Сениор выдвинул новый вариант оправдания доходов эксплуататорских классов, более изощренный, нежели господствовавшая тогда «триединая формула». Сениор оказался более тонким и опытным апологетом капитализма, нежели патриарх вульгарной экономии во Франции — Сэй. Сэй объяснял прибыль «производительностью капитала» (под которым он понимал — средства производства), а ренту — деятельностью природы. Сениор понимал, что такое объяснение уже недостаточно для оправдания получения прибыли капиталистами и ренты землевладельцами. Если прибыль создается средствами производства, то возникал естественно вопрос: почему ее должны присваивать собственники средств производства, а не рабочие, создавшие их. Такой же вопрос возникал и в отношении землевладельцев: если рента есть даровой продукт природы, то почему должны присваивать ренту землевладельцы, а не общество. Сэй, отвергая в апологетических целях эксплуататорский характер прибыли и ренты, не смог все же оправдать их капиталистическое присвоение. За решение этой задачи взялся Сениор. Прежде всего он постарался совершенно запутать вопрос о ренте, отождествив земельную ренту с доходами, связанными с какими-либо выдающимися личными качествами или талантами, например с доходами знаменитого певца или хирурга. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы поставить земельную ренту на одну доску с доходами высокооплачиваемых профессий. Затем Сениор попытался оправдать присвоение прибыли капиталистами какими-то особыми жертвами с их стороны. Для того чтобы показать «услуги», которые оказывают капиталисты в процессе производства, Сениор выдумал свою пресловутую «теорию воздержания». Согласно этой «теории», прибыль есть вознаграждение капиталиста за воздержание, которое заключается в отказе от непроизводительного потребления капитала.

Не приходится доказывать, что воздержание от непроизводительного потребления капитала не может создать ни одного атома стоимости, которая является исключительно результатом затраченного труда. Воздержание вообще ничего не создает и ничего не может создать.

Приводя высказывание Сениора «Я заменяю слово капитал, рассматриваемый как орудие производства, словом воздержание», К. Маркс с уничтожающим сарказмом писал: «Поистине недостижимый образец «открытий» вульгарной экономии! Определенная экономическая категория подменяется сикофантской фразой. Voilà tout [Вот и все]»¹². Этот апологетический прием сыграл боль-

¹² К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 602.

шую роль в буржуазной политической экономии. Он полностью использован позднейшими буржуазными экономистами вплоть до наших дней. Единственное новшество в этом вопросе сводится к тому, что термин «воздержание» был заменен более скромным и стыдливым названием «ожидание». Этим термином «ожидание» буржуазные апологеты хотят подчеркнуть минимую «жертву» капиталиста, выражавшуюся в том, что он вынужден ждать, пока закончится процесс производства и образования капитала. Прибыль трактуется как компенсация за эту «жертву» капиталиста.

«Теория воздержания», взятая со времен Сениора буржуазией на свое идеологическое вооружение, представляет собой одно из наиболее циничных измышлений буржуазной апологетики. В действительности капиталистическое накопление сопровождается гигантским ростом богатства буржуазии, расточительное потребление которой принимает поистине чудовищные размеры. Параллельно прогрессирующему обогащению буржуазии растет нищета трудящихся масс, растут их материальные лишения, их страдания и нужда. Буржуазия поистине проявляет в отношении рабочих, выражаясь словами К. Маркса, тимур-тамерлановскую расточительность в расходовании человеческой жизни¹³. Вопреки этим очевидным фактам буржуазные фарисеи на все лады воспевают «самоотречение» капиталистов. Буржуазные ханжи, как метко отметил К. Маркс, «проявляют свою христианскую душу в том смиреннии, с которым они переносят чрезмерный труд, лишения и голод третьих лиц»¹⁴. Буржуазные сикофанты не ограничиваются только воспеванием мнимого «самоотречения» капиталистов: они требуют за это щедрой и вполне реальной компенсации в виде гигантских прибылей капиталистов.

«Теория воздержания» или «ожидания» стала господствующим вариантом теорий прибыли в английской экономической литературе. Очевидно, английская буржуазия считает эту теорию более удобной для обоснования идеи «классового мира», поскольку она объявляет капиталиста посетителем каких-то мифических жертв.

В современной Англии произведения Сениора переиздаются, усиленно пропагандируются и распространяются. Буржуазные экономисты возвели этого изощренного апологета на пьедестал.

Перестройка вульгарной экономики начинается в Англии с 70-х годов прошлого столетия в ответ на выход в свет первого тома «Капитала». Опубликование «Капитала» означало коренной переворот в политической экономии. Буржуазные экономисты вначале ответили своеобразной тактикой замалчивания великого произведения Маркса. Но осуществление «заговора молчания» оказалось невозможным: идеи марксизма стали быстро распространяться среди рабочего класса. С этого момента главный огонь вульгарной политической экономии направляется против марксизма. В каче-

стве теоретического оружия буржуазии в борьбе с марксизмом выдвигается пресловутая «теория предельной полезности». Почти одновременно, в начале 70-х годов в разных странах вышли в свет три произведения, излагающие эту теорию, — К. Менгера в Австрии, Л. Вальраса в Швейцарии и Джемсона в Англии. Работа Джемсона «Теория политической экономии» была первой работой в английской литературе, в которой излагалась «теория предельной полезности», или, как автор ее называл, «теория конечной полезности».

Однако в Англии, как и на континенте Европы, эта теория получила распространение преимущественно через посредство работ так называемой австрийской школы. Это объясняется тяжеловесным математическим аппаратом, который применил Джемсон, пользовавшийся высшей математикой для изложения положений этой вульгарной теории. Австрийская школа, защищая в основном те же положения, что и Джемсон, дала значительно более популярное их изложение.

Экономическая теория Джемсона и австрийской школы — это реакция вульгарной политической экономии против экономического учения марксизма, попытка «опровергнуть» учение Маркса о капитале, его теорию стоимости и прибавочной стоимости, его выводы о прогрессирующем росте противоречий между буржуазией и пролетариатом и неизбежности крушения капитализма.

В целях опровержения марксизма защитники пресловутой «теории предельной полезности», во-первых, старались выхолостить социально-классовое содержание экономических категорий, представить последние как якобы независимые от общественного строя и тем самым от классовой структуры общества, от антагонистических противоречий, присущих капитализму. С этой целью Джемсон и австрийская школа широко применяют метод робинзонад, заключающийся в том, что исходным пунктом рассмотрения экономических явлений берется изолированный «хозяйствующий субъект». Вполне естественно, что в таком хозяйстве человека, живущего на необитаемом острове, нет места ни для эксплуатации, ни для антагонистических противоречий, ни для экономических кризисов и безработицы, ни для классовой борьбы. Эти черты, присущие хозяйству Робинзона, защитники «теории предельной полезности» мошеннически распространяют на капиталистическую экономику, трактуя ее как сумму апожеств Робинзонов, «хозяйственных атомов». Так, в пошлых побасенках о робинзонадах у буржуазных апологетов «исчезает» капиталистическая эксплуатация, а с ней — и все антагонистические противоречия буржуазного общества.

Вторая задача, преследуемая идеалистической методологией Джемсона и австрийской школы, — свести на нет роль труда в экономических процессах и прежде всего в определении стоимости. Скрытый смысл этого маневра состоит в том, чтобы всячески

¹³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 269, сноска 103.

¹⁴ Там же, стр. 270, сноска 104.

запутать вопрос об источниках доходов буржуазии и помещиков, чтобы найти какие-то особые источники для этих доходов вне производства и тем самым скрыть капиталистическую эксплуатацию рабочих.

Для оправдания этого маневра буржуазные экономисты дали совершенно фальшивое определение предмета политической экономии, которая, согласно этому определению, имеет дело не с производством; от производства можно-де абстрагироваться. Все дело, мол, в «редкости хозяйственных благ», а последние зависят якобы только (в этом «только» вся суть) от индивидуальных потребностей в определенных благах и наличных запасов последних. Эта антинаучная концепция поладилась буржуазным экономистам прежде всего как методологическое оружие в борьбе с теорией стоимости. Стремясь «обосновать» вечность капитализма, они стараются использовать эту концепцию для оправдания частной собственности, для доказательства ее вечности и нерушимости. Экономисты австрийской школы пытаются представить дело так, будто частная собственность вытекает не из исторических условий производства, как это имеет место в действительности, а из ограниченности наличных благ. Последняя объявляется естественным фактом, не зависящим от исторических условий. При помощи таких приемов частная собственность превращается в вечное и неотъемлемое условие человеческого существования.

Буржуазным экономистам важнее всего опровергнуть теорию прибавочной стоимости, являющуюся краеугольным камнем экономического учения К. Маркса, раскрывающую существо капиталистической эксплуатации. Но в основе теории прибавочной стоимости лежит марксова теория трудовой стоимости. Поэтому основное острие Джемсона и австрийской школы было направлено против исходного пункта марксистского учения, против положения, что стоимость определяется трудом. В противовес единственно правильной теории трудовой стоимости К. Маркса Джемсон и австрийская школа выдвинули лженаучную теорию о том, что стоимость определяется степенью полезности, которая в свою очередь, по их представлениям, зависит от интенсивности потребностей и от редкости благ. По существу за весьма сложными формулами «теории предельной полезности» скрывается очень элементарное положение: стоимость товара тем выше, чем в меньшем количестве он имеется, чем больше его редкость.

«Теория предельной полезности» надуманна от начала до конца. Она стремится отвлечь внимание от решающего условия образования стоимости — от процесса производства, от труда, являющегося единственным источником стоимости. Эта «теория» рисует фантастическую картину существования людей при отсутствии производства.

«Теория предельной полезности» ставит вещи на голову, когда она величину стоимости товара объявляет зависимой от относи-

тельной редкости товаров. В действительности относительная редкость товаров определяется их стоимостью. Последняя через рыночные цены воздействует на размеры платежеспособного спроса, к которым приспособляются размеры общественного предложения товаров. Товары, имеющие более высокую стоимость, как правило, производятся в меньших количествах, поскольку спрос на эти товары ниже. К. Маркс в «Нищете философии» писал: «Почему же хлопок, картофель и водка являются краеугольным камнем буржуазного общества? Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют, вследствие этого, наименьшую цену. А почему минимум цены обуславливает максимум потребления?... потому, что в обществе, основанном на *нищете*, самые *нищенские* продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс»¹⁵.

Для того чтобы придать своей теории какую-то видимость правдоподобия, сторонники «теории предельной полезности» ссылаются на так называемые «редкие» товары, имеющиеся в ограниченном количестве и не поддающиеся воспроизводству (например, древнюю утварь, некоторые естественные продукты и т. д.). На деле же такие редкие товары составляют ничтожную часть товарной массы и ими можно пренебречь при изучении законов образования стоимости и рыночных цен, поскольку оно строится на рассмотрении типичных условий производства и обращения товаров. А типичными для капиталистического производства являются товары, которые можно производить в любом количестве, в зависимости от условий платежеспособного спроса. Попытка Джемсона и австрийской школы сделать редкие товары отправными пунктами теории стоимости столь же бессмысленна, как и попытка объяснения стоимости на основе рассмотрения образования цен в условиях осажденной крепости.

Экономисты австрийской школы нарочито отбрасывают типичные случаи и берут исключительные случаи образования цен, когда нарушается процесс воспроизводства. Но и в этих исключительных случаях, хотя рыночные цены обычно выше стоимости или цены производства редких товаров, не уничтожаются принципы, определяемые стоимостью товаров на основе количества затраченного труда. Сумма цен всех товаров равна сумме их стоимостей. Повышенная по сравнению со стоимостью цена редких товаров делает лишь возможным перенесение части прибыли производителей других товаров на эти товары. Источником стоимости редких товаров, как и всех товаров, является труд.

Порочность «теории предельной полезности» ярко демонстрируется абсурдными выводами, логически вытекающими из нее. Так, исходя из этой трактовки стоимости, английский буржуазный экономист Кеннан, один из последователей Джемсона, выступивший в начале XX в., приходит к совершенно невероятному

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 97.

выводу, что труд, вместо того чтобы быть источником стоимости, скорее является средством уничтожения стоимости, поскольку он способствует увеличению благ и тем самым уменьшению их редкости. «Именно отсутствие, а не наличие труда образует одну из многочисленных причин того ограничения предложения, которое составляет существо стоимости»¹⁶.

В своем стремлении полностью отмежеваться от теории трудовой стоимости буржуазные экономисты доходят до величайшей бессмыслицы.

Но в «теории редкости» при всей ее бессмысленности скрывается свой внутренний смысл. «Принципы редкости» оказывается весьма удобным для того, чтобы выхолостить социальную природу экономических категорий, замазать классовые противоречия и классовую борьбу, эксплуатацию рабочего класса, гнет монополий, подавление колониальных народов, свести все экономические явления к невинной игре в хозяйствующих Робинзонов. «Теорию редкости» буржуазные экономисты используют для обоснования положения о том, что экономические законы будто бы выражают отношение между интенсивностью индивидуальных потребностей и наличием запасов благ. Отсюда делается вывод, что экономические законы вытекают из психологии человека, что они не зависят от социально-экономического строя и, следовательно, имеют вечный характер.

«Теория предельной полезности» Джевонса была использована в работах кембриджской школы, возглавляемой А. Маршаллом.

Маршалл выступил на литературную арену в конце прошлого столетия, в период, когда английский пролетариат начал пробуждаться от длительной спячки, наступившей после поражения чартистов в 40-х годах XIX в., когда либеральной буржуазии, опиравшейся на монопольное положение промышленности Англии, удалось идейно поработить рабочих на ряд десятилетий.

Остановимся подробнее на рассмотрении теории Маршалла, поскольку его апологетические измышления образуют «теоретический базис» современной буржуазной политической экономии Англии.

Английские буржуазные экономисты провозгласили беспардонного апологета и вульгарного эклектика А. Маршалла «великим экономистом». В английских университетах создан настоящий культ Маршалла. Его главная работа «Начала экономической науки» («Principles of Economics», 1890) стала основным источником экономической «премудрости», которой начиняют головы буржуазных сынков. Нечего говорить о том, что легенда о «великом экономисте» Маршалле построена на песке. В отношении Маршалла, как и в отношении других буржуазных профессоров-экономистов, целиком применима следующая ленинская характеристика: «общественное положение профессоров в буржуазном обществе та-

ково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие лезености и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»¹⁷.

Своей главной целью Маршалл поставил запереть идейное порабощение английских рабочих. В противовес марксистскому учению об обнищании рабочих в капиталистических условиях, Маршалл проповедовал насквозь лживую апологетическую идею о том, что положение рабочих якобы улучшается, что безработица сокращается, что экономические кризисы не имеют серьезного значения и т. д. Маршалл попытался придать своей вульгарной стряпне видимость наукообразной системы, используя для этого сложный математический аппарат (дифференциальное и интегральное исчисление, различные графические изображения и т. д.). Этот квазинаучный маскарад призван прикрыть пустоту и бессодержательность измышлений Маршалла.

К. Маркс в свое время высмеял эту черту, характерную для буржуазных экономистов. В письме к Ф. Энгельсу от 23 мая 1868 г. он писал: «все они так полны экономических банальностей, — и знают к тому же, что это основательно надоело их читателям, — что стараются приправить свою стряпню псевдо-философским или псевдо-научным slang (жаргоном). Несмотря на этот мнимонаучный характер, содержание (само по себе равное нулю) ни в коем случае не становится более понятным. Напротив. Весь фокус состоит в том, чтобы мистифицировать читателя и заставить его ломать себе голову, пока он, в конце концов, не придет к успешному выводу, что за этими hard words (страшными словами) скрываются лишь общие места»¹⁸. Эти слова Маркса целиком сохраняют свою силу при характеристике Маршалла и позднейших буржуазных экономистов.

Маршалл был типичным эклектиком. В борьбе с марксизмом он попытался объединить старые вульгарные теории издержек производства, спроса и предложения, производительности капитала и воздержания, имевшие хождение еще в первой половине XIX в., с модными в конце прошлого столетия «теориями» предельной полезности и предельной производительности, а также с реакционными социологическими «учениями» в виде социального дарвинизма и эволюционизма. В интересах оправдания реакционной политики английской буржуазии Маршалл пытался представить политическую экономию как «часть биологии в широком толковании»¹⁹. С помощью фальсифицированной биологии он пытался оправдать колониальный гнет. В английской экономической литературе он выступил разносчиком расовой теории.

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 364.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 60—61.

¹⁹ A. Marshall. Principles of Economics. L., 1925, p. 772.

¹⁶ E. Cannan. A Review of Economic Theory. L., 1929, p. 186.

Маршалл всюду стремился подчеркнуть принцип постепенности развития. Основной смысл этого принципа заключается в отрицании революционных скачков, в признании эволюции единственной формой развития.

Эволюционизм Маршалла прямо и непосредственно направлен против материалистической диалектики, которая признает две формы движения: эволюционную и революционную. Эволюция prepares революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует ее дальнейшему развитию. Эволюционизм отвергает революционную форму развития.

Своей проповедью революционизма Маршалл пытался помешать участию рабочих в революционной борьбе, внушить покорность рабочему классу, готовность терпеливо ожидать, пока некое автоматическое развитие экономических сил само приведет к улучшению его положения.

Окрошку из различных вульгарных экономических и социологических теорий Маршалл пытался представить как продолжение учения завершителя английской классической школы Д. Рикардо. В буржуазной литературе Маршалл слыл как представитель неоклассической школы, хотя он не имел ничего общего с классической школой буржуазной политической экономии. Правильно было бы назвать его представителем неовульгарной школы.

Все апологетические измышления Маршалла подчинены одной задаче — борьбе с революционным рабочим движением, с научным социализмом. С этой целью Маршалл сконструировал «новую» лижеторию стоимости, непосредственно направленную против теории трудовой стоимости Маркса и связанной с ней теории прибавочной стоимости.

Маршалл начал свое извращение теории стоимости с того, что попытался лишить категорию стоимости всякого качественного содержания. Сведя стоимость к чисто количественному соотношению, в котором товары обмениваются друг на друга, он выбросил за борт основное — саму стоимость. Этот маневр проделан Маршаллом, конечно, неспроста. Маршаллу нужно было незаметно «снять» вопрос об источнике стоимости, который неразрывно связан с вопросом о сущности стоимости, и свести всю проблему к безобидному и невинному вопросу о факторах, воздействующих на уровень цен.

«Разделавшись» со стоимостью, растворив ее без остатка в цене, Маршалл поспешил воспользоваться услугами старой вульгарной теории спроса — предложения, несколько подновив ее, придав ей математическое облачение и усложнив ее рассуждениями о функциях. Весь «переворот», который совершил Маршалл в этой области, сводится к тому, что он поставил цену в зависимость от функций спроса — предложения. Функция спроса (соответственно предложения) изображается Маршаллом как два связанных между собой ряда цифр: каждому уровню цен соответствует опреде-

ленный размер спроса (соответственно предложения). С повышением цены снижается размер спроса (соответственно растет размер предложения). Функции спроса и предложения выражают количественную зависимость между изменениями цены и соответствующими изменениями спроса и предложения. Эти функциональные связи могут быть выражены графически в виде кривых спроса и предложения. Цена устанавливается, по Маршаллу, в точке пересечения обеих кривых, т. е. на уровне, при котором величина спроса оказывается равной величине предложения.

Все эти математические манипуляции и выкрутасы, которым Маршалл подверг старую вульгарную теорию спроса, направлены к тому, чтобы за «ученым» туманом скрыть действительное положение. В действительности изменения спроса и предложения объясняют лишь отклонения рыночных цен от средних цен, совпадающих при простом товарном хозяйстве со стоимостью, при капитализме — с ценой производства.

«...Если вы вообразите, — говорит К. Маркс, — будто предложением и спросом в конечном счете определяется стоимость труда (Маркс имеет в виду стоимость рабочей силы. — *И. Б.*) или какого-либо другого товара, вы весьма ошибаетесь. Предложение и спрос регулируют только временные колебания рыночных цен. Они могут объяснить, почему рыночная цена товара поднимается выше его *стоимости* или падает ниже его *стоимости*, но они никак не могут объяснить самое эту *стоимость*. Предположим, что предложение и спрос взаимно уравниваются или, как говорят экономисты, взаимно покрываются. Ведь в тот самый момент, когда эти противоположные силы становятся равными, они взаимно парализуют друг друга и перестают действовать в том или другом направлении. В тот момент, когда между предложением и спросом устанавливается равновесие и потому они перестают действовать, *рыночная цена* товара совпадает с его *действительной стоимостью*, с нормальной ценой, вокруг которой колеблются его рыночные цены. Поэтому при исследовании природы этой *стоимости* нам нет никакого дела до временных воздействий предложения и спроса на рыночные цены»²⁰.

Маршалл старается всячески запутать выяснение вопроса о законах, лежащих в основе спроса и предложения, отрывая последнее от лежащей в их основе стоимости. «...Отношение спроса и предложения, — указывал К. Маркс, — абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение»²¹. А этим базисом является стоимость. Она оказывает определяющее влияние на спрос. Для того чтобы купить тот или иной товар, недостаточно одного желания. Необходимо для этого прежде всего обладать покупательной силой, а последняя сама выражается в обладании определенным количеством стоимости

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 120.

²¹ К. Маркс. Капитал, т. III, М., Госполитиздат, 1955, стр. 189.

в виде денег. Очевидно, что ключ к объяснению изменений спроса нужно прежде всего искать в анализе покупательной силы, а этот анализ нельзя дать без решения проблемы стоимости.

Без решения этой проблемы нельзя выяснить и законы, лежащие в основе предложения. Предложение товаров в буржуазном обществе возможно лишь при определенном уровне цен, который прежде всего должен покрыть издержки производства, а затем — обеспечить известную норму прибыли: в условиях монополистического капитализма — среднюю, в условиях современного капитализма — монопольно высокую прибыль. Издержки производства и прибыль, в свою очередь, представляют собой элементы стоимости капиталистически произведенного товара. Анализ этих элементов невозможен без решения проблемы стоимости.

Маршалл дает фальсифицированное объяснение спроса. Суть «объяснения» Маршалла сводится к следующему: если какой-либо товар имеется в большом количестве, то его полезность низка и покупатель согласен платить более низкую цену; если товар имеется в малом количестве, то его полезность высока и покупатель согласен платить дороже.

В действительности закономерности общественного спроса целиком определяются величиной национального дохода и его распределением между отдельными классами. Так, спрос рабочих полностью определяется уровнем заработной платы. Рабочий вынужден ограничивать свой спрос на те или иные товары отнюдь не в силу того, что его потребности в этих товарах удовлетворены и что эти товары представляют для него низкую полезность, а в силу ограниченности его покупательной способности. Нищенское положение, в котором находится подавляющая масса населения капиталистических стран, — вот что определяет закономерности движения общественного спроса при капитализме. Без учета абсолютного и относительного обнищания трудящихся ничего нельзя объяснить в резком падении общественного спроса в фазе кризиса, в возрастающих трудностях реализации в период общего кризиса капитализма. «Отметим здесь совсем мимоходом, — писал К. Маркс, — что «общественная потребность», т. е. то, что регулирует принципы спроса, существенно обуславливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно в частности, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.)...»²²

Маршалл сознательно, в целях защиты и оправдания капитализма, обходит эти важнейшие моменты, определяющие движение общественного спроса при капитализме, связанные с классовой структурой, с антагонистическими условиями производства и рас-

пределения, с движением основного противоречия капиталистического производства и вытекающего из него противоречия между тенденцией капиталистического производства к расширению и ограниченным потреблением трудящихся масс.

Стремясь затуманить классовые противоречия между рабочими и капиталистами, Маршалл извращает представление не только о спросе, но и об издержках производства. Во-первых, он, следуя догме А. Смита, исключает из издержек производства затраты на постоянный капитал. Во-вторых, он включает в издержки производства прибыль капиталиста. Таким образом, издержки производства у Маршалла отождествляются с доходами основных классов буржуазного общества.

Он трактует издержки производства не как фактические затраты труда в процессе производства, а в чисто психологическом смысле, т. е. как переживания разных лиц, связанных с производством. Маршалл сводит «реальные издержки» к «жертвам» со стороны рабочих и капиталистов. Жертвы со стороны рабочих выражаются в затраченном ими труде.

Для того чтобы запутать вопрос, Маршалл рассматривает труд с субъективной стороны; он оперирует субъективной оценкой труда, «тягостностью труда», отличной, конечно, от действительных затрат труда, определяющих стоимость.

К. Маркс в своей черновой рукописи «Основы критики политической экономии» дал уничтожающую критику субъективной трудовой теории. Он характеризует субъективную оценку труда как чисто негативное определение, не дающее никакого представления о положительном содержании труда. «Чисто негативное, — говорит Маркс, — ничего не создает. Когда труд, например, приносит работнику удовольствие или сеньоровское воздержание доставляет удовольствие скупому, — то продукт ничего не теряет в своей стоимости... Отрицание отдыха, как чистое отрицание, как аскетическая жертва ничего не создает»²³.

Подмена объективного общественного процесса производства субъективными ощущениями производителей вполне устраивает буржуазных апологетов: при субъективном понимании труда нет возможности разграничить необходимое и прибавочное время, что затемняет происхождение прибавочной стоимости и тем самым скрывает эксплуатацию рабочих капиталистами. А это — то, что нужно адвокатам капитала.

В понятие «реальных» издержек Маршалл включил также мифические жертвы со стороны капиталистов, выражающиеся в пресловутом «воздержании» капиталистов.

Апологет Маршалл изо всех сил старается убедить читателя, что процесс производства основан на взаимных жертвах рабочих и капиталистов: если рабочему приходится жертвовать своим

²³ Karl Marx, Grundrisse der Kritik der Politischen Oekonomie. M., 1939, S. 506—507.

²² К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 189.

трудом, то и капиталист, мол, приносит какую-то жертву, поскольку он должен бороться с желанием прокутить имеющийся у него капитал. Смысл фокуса, проделанного Маршаллом, состоит в том, что и труд рабочего, который Маршаллом сведен к чисто психологическому явлению, и «ожидание» или «воздержание» капиталиста трактуются как тождественные и равноправные категории. В результате этого фокуса классы и антагонистические противоречия буржуазного общества исчезают, налицо оказывается густой «теоретический» туман, в котором исчезают все различия между действительными и мнимыми категориями и получается полное смешение всех экономических явлений: и полезности, и труда, и каких-то выдуманных жертв капиталиста. Эта мешанина призвана заменить единственно правильное представление о труде как об источнике стоимости и подвести базу под апологетическую схему «гармонии интересов» рабочих и капиталистов.

Основной смысл измышлений Маршалла о заработной плате сводится, во-первых, к замазыванию эксплуатации рабочих, во-вторых, к внушению рабочим мысли о том, что роста заработной платы можно добиться не на основе классовой борьбы рабочих с капиталистами, а лишь в результате роста производительности труда. Уровень заработной платы, по Маршаллу, изменяется в прямом отношении к изменению производительности труда. Это — грубейшее извращение капиталистической действительности. На деле уровень заработной платы определяется стоимостью рабочей силы, которая не увеличивается, а, наоборот, снижается с ростом производительности труда в отраслях, производящих средства к жизни. В условиях буржуазного общества рост производительности труда идет исключительно на пользу капиталистам, являясь важнейшим методом производства относительной прибавочной стоимости. Что касается рабочего класса, то его положение ухудшается с ростом производительности труда и сопровождающим его процессом повышения органического строения капитала, увеличения относительного перенаселения и т. д.; растет абсолютное и относительное обнищание рабочих, снижается реальная заработная плата.

Маршалл использует антинаучную, изобретенную на пользу капиталу теорию производительности для оправдания удлинения рабочего дня. Сокращение рабочего дня, «доказывает» он, может вызвать уменьшение национального дивиденда со всеми вытекающими отсюда последствиями для рабочего класса.

Апологетический смысл теории заработной платы Маршалла очевиден: всячески скрыть тот факт, что рост производительности труда в условиях капитализма сопровождается прогрессирующим обнищанием рабочего класса.

Теория процента Маршалла также имеет целью прямую защиту интересов капитала. отождествив предпринимательскую прибыль с платой за надзор, Маршалл сводит всю проблему прибыли

к проблеме процента. В отношении процента Маршалл применяет тот же метод, которым он пользовался в своей теории цены. Он пытается найти синтез различных вульгарных теорий. По теории Маршалла процент определяется по линии спроса «производительностью» капитала, а по линии предложения — пресловутым «воздержанием» капиталистов.

Теории «производительности капитала» и «воздержания» были давным-давно разоблачены К. Марксом. Их несостоятельность совершенно очевидна. Сама стоимость не может создать ни одного атома новой стоимости: последняя образуется только трудом. Стоимость, воплощенная в средствах производства, только переходит на продукт при помощи конкретного труда производителей. Поэтому понятие «производительности капитала» в том смысле, какой ему придают сторонники этой теории, лишено всякого смысла.

Что касается «теории воздержания», то она еще более абсурдна. «Воздержание» капиталиста, если бы оно даже имело место, есть пассивный процесс, не имеющий никакого отношения к образованию стоимости. Прибавочная стоимость получается капиталистом независимо от его психологических переживаний в процессе накопления капитала. Испытывает ли при этом капиталист наслаждение или лишение — совершенно безразлично для конечного результата накопления. Выше мы привели высказывания Маркса, в которых он остроумно высмеял эту теорию. Принятое Маршаллом сочетание этих двух несостоятельных теорий — «теории производительности капитала» и «теории воздержания» — могло породить только теоретический убоинок, в котором причудливо переплетаются апологетические измышления Сэя и Сениора. «Синтез» Маршалла оказался синтезом апологетических измышлений.

Классовый смысл этого «синтеза» также совершенно очевиден. Он направлен прямо и непосредственно против теории прибавочной стоимости Маркса. Маршалл откровенно раскрывает этот смысл, выступая против Маркса, за то, что Маркс сводит стоимость только к труду и отвергает «ожидание капиталиста».

Теория распределения Маршалла направлена против марксовой теории абсолютного и относительного обнищания. Сердцевину теории распределения Маршалла образует «принцип производительности» труда и капитала. Маршалл ставит своей целью показать, что заработная плата и процент взаимно дополняют друг друга, что они растут параллельно с общим ростом производительности, что нет никаких противоречий между ними.

Окрошка из разных вульгарных теорий, которую преподносит Маршалл, состряпана им для одурманивания рабочих, для внушения им иллюзий об отсутствии антагонистических противоречий между рабочими и капиталистами.

Экономическая теория Маршалла имеет ряд особенностей, характерных для большинства английских буржуазных экономистов конца XIX в. и текущего столетия. К числу этих особенностей

следует прежде всего отнести отмеченную выше апелляцию к принципу постепенности развития, а также демагогию о социальных реформах, в частности о целесообразности более «справедливого» распределения богатства и народного дохода. Демагогия о желательности более уравнительного распределения народного дохода была затем разработана Пигу и Кейнсом, а также лейбористами, придававшими этому учению «социалистическую» окраску. В действительности, лозунг «справедливого распределения» представляет только пустое обещание, рассчитанное на обман трудящихся.

В работах Маршалла получили отражение некоторые особенности английской буржуазии: ее большая гибкость и большая изощренность в обмане масс, умение призвать свою грабительскую практику видимостью некоторых реформ, умение установить тесный контакт с оппортунистическими деятелями рабочего движения.

Экономическое учение Маршалла характеризует определенный этап в эволюции вульгарной политической экономии. Деятельность Маршалла разворачивается в основном в 80-х и 90-х годах XIX в. и начале XX в. Это был период перехода к высшей стадии капитализма, к империализму. Это был период начавшегося заката Англии. В своем главном произведении «Начала экономической науки» Маршалл старался внушить читателю оптимистическую веру, что экономическое положение Англии будет улучшаться.

Однако в последних произведениях Маршалла, вышедших в свет после первой мировой войны («Промышленность и торговля», 1919 г., «Деньги и банки», 1923 г.), звучит уже тревога по поводу перспектив Англии в связи с тем, что ее обогнали США и Германия. Маршалл открыто призывал к созданию монополистических объединений прежде всего в интересах усиления конкурентоспособности Англии на мировом рынке.

Однако и для этих книг характерна общая черта, присущая Маршаллу, как и другим буржуазным экономистам того периода, — тенденция полностью замолчать факт растущих экономических противоречий и апелляция к принципу *laissez faire*, к принципу невмешательства государства в экономическую жизнь, как к всепобеждающему средству от всякого рода экономических трудностей.

В условиях общего кризиса капитализма буржуазные экономисты вынуждены были, как мы увидим это ниже, изменить свою тактику.

2. СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ НА СЛУЖБЕ МОНОПОЛИЙ В БОРЬБЕ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ

С победой Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой произошел раскол мира на две системы — социалистическую и капиталистическую, — буржуазия поставила перед своими апологетами новые задачи.

Вульгарная экономия всегда боролась против передовых, прогрессивных идей своего времени.

В первой половине XIX в. она в основном вела борьбу против утопического социализма. Эта борьба достигла особого напряжения в период революции 1848 г.: властителем дум буржуазных экономистов в этот период стал пресловутый пророк «гармонии интересов» Бастия. Про вульгарных экономистов этого периода П. Г. Чернышевский метко писал, что они не могут «ни одной буквы написать, не думая о коммунизме. Как победить этого ненавистного врага?»²⁴ (имеется в виду утопический коммунизм).

Со второй половины XIX в. вульгарная экономия направляет свою критику против экономической теории К. Маркса, получившей наиболее развернутое выражение в «Капитале». Различные школы буржуазной политической экономии, возникшие с 70-х годов прошлого столетия (австрийская, молодая историческая и т. д.), ставили своей непосредственной целью «опровержение», «преодоление» марксизма.

Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла смертельный удар по капиталистической системе. Ослабив мощь империализма в метрополиях и расшатав его господство в колониях, она поставила под вопрос самое существование мирового капитализма в целом.

Советский Союз самым фактом своего существования оказывает огромное революционизирующее влияние на международное рабочее движение, на освободительную борьбу колониальных народов.

В новых исторических условиях возросла реакционность буржуазии, почувствовавшей смертельную угрозу своему существованию. Все силы империалистической реакции направлены прежде всего против СССР и стран народной демократии. Выполняя социальный заказ своих хозяев, буржуазные экономисты подчинили свою апологетику капитализма основной задаче — антисоветской пропаганде. Борьба с марксизмом в наши дни означает борьбу не только с марксистской теорией, но и с социалистическим государственным и общественным строем, победившим в СССР и являющимся воплощением на практике идей марксизма.

В первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции буржуазные экономисты пытались просто замолчать существование советской системы.

Наряду с простым замалчиванием советской системы в буржуазной литературе была распространена версия, отрицавшая социалистический характер советского хозяйства. Эту версию распространяли социал-демократы, трактовавшие советскую экономику как своеобразную форму государственного капитализма.

²⁴ П. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II. М., Госполитиздат, 1948, стр. 347.

Разносчиком подобных «теорий» в СССР выступил контрреволюционный троцкизм совместно с бухаринцами. Коммунистическая партия разгромила эту контрреволюционную «теорию», не оставив от нее камня на камне.

Когда этот трюк был разоблачен, буржуазные экономисты сосредоточили свои усилия на «доказательстве» «нерациональности» и «неэффективности» социалистического хозяйства. Наиболее ревностно этой критикой занимаются Хайек, Роббинс и другие английские буржуазные экономисты, примыкающие к так называемой лондонской школе.

Буржуазные софисты («критики» социалистического хозяйства вытаскивают из хлама вульгарной политической экономии «психологические», «субъективные» лижетории. При помощи этих давно обанкротившихся апологетических измышлений они пытаются «обосновать» вечность и неустрашимость стихийно развивающегося капиталистического хозяйства и «невозможность» социалистической экономики, подчиняющейся закону планомерного развития народного хозяйства. Объявляя «нормальной» экономику, в которой действующими лицами выступают частнокапиталистические предприниматели и в которой руководящими мотивами являются индивидуальные мотивы (т. е. погоня за прибылью), буржуазные экономисты, примыкающие к лондонской школе, в принципе отвергают возможность социалистического производства, управляемого обществом и в интересах общества.

Хайек пытается подкрепить «теорию» о «противоестественном» характере социалистической экономики ссылкой на якобы невозможность научного прогноза в области общественных явлений, без которого немислимо сознательное управление общественным производством. Он устанавливает коренное различие между техническими и социально-экономическими процессами: «первые поддаются сознательному воздействию и контролю со стороны людей, вторые — нет»²⁵.

В основе всех этих измышлений Хайека и других буржуазных апологетов лежит давно опровергнутое марксизмом-ленинизмом положение о том, будто в области общественных явлений вместо объективных законов господствует субъективный произвол и случайность. Объективные законы общественного развития также познаваемы и в такой же мере имеют значение объективных истин, как и законы природы.

Познание объективных экономических законов дает возможность научного предвидения общественного развития и осуществления экономического руководства со стороны социалистического общества.

Отрицание существования объективных закономерностей в экономической жизни используется буржуазными экономистами прежде всего для опровержения марксистского положения о неизбежности революционного крушения капиталистического способа производства. Отрицая возможность предвидения общественного развития, буржуазные идеологи стараются внушить рабочим, что экономическое развитие может пойти по самым различным путям и что сохранение капитализма является наиболее приемлемым вариантом.

Отрицание закономерности общественных явлений, признание в истории слепой случайности — излюбленный метод буржуазных идеологов, пытающихся доказать вечность капитализма и представить социалистическую экономику, как экономику, противоречащую природе человека.

Когда читаешь эти высказывания буржуазных авторов, открываешь отрицающих закономерности общественной жизни, вспоминаются слова В. И. Ленина: «В области естественных наук человека, который сказал бы, что законы явлений естественного мира — фантом, посадили бы в дом сумасшедших или просто осмеяли. В области наук экономических человека, щеголяющего так смело... в голом состоянии... охотно назначат профессором, ибо он, действительно, вполне пригоден для отупления буржуазных сынков»²⁶.

Вся аргументация буржуазных авторов о «невозможности» социалистического хозяйства исходит из предпосылки, что существует только стихийно развивающееся хозяйство. Эта нарочито выдуманная аргументация целиком и полностью опровергается всем ходом исторического развития, гигантским опытом советского народа, осуществившего на практике плановое хозяйство и показавшего огромные преимущества планового социалистического хозяйства над стихийным капиталистическим хозяйством.

Буржуазные сифофанты незаметно, под видом квазиученой аргументации, принимают за исходное положение то, что еще должно быть доказано и что, конечно, никак нельзя доказать. В свое время Ф. Энгельс высмеял этот обычный прием буржуазных сифофантов. «Если приняты такие предпосылки, которые уже содержат в себе конечный вывод, то, конечно, достаточно той ловкости, какою обладает любой шарлатан, чтобы вытащить из кармана заранее готовый результат и кичиться несокрушимостью логики, продуктом которой он является»²⁷.

Совершенно очевидно, что «критики» социалистической системы хозяйства, народнохозяйственного планирования ничего, кроме лжи и выдумок, не могли предложить. Им ничего не остается, как закрыть глаза на существование СССР и с серьезной миной

²⁵ F. A. Hayek. Scientism and the Study of Society. «Economica», February 1944, p. 34.

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 46.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 15.

доказывать при помощи всяких уверток невозможность планового хозяйства.

Подобно щедринскому бюрократу, который иногда находил в себе элементы понимания реального, буржуазные экономисты приходят к выводу, что просто отрицать совершенно очевидный и общеизвестный факт существования планового хозяйства в СССР не ново. Тогда начинаются поиски мнимых преимуществ стихийно развивающегося хозяйства над производством, сознательно управляемым социалистическим обществом.

Хайек первоначально полностью отрицал возможность планового хозяйства. Однако в 1935 г., скрепя сердце, вынужден был сделать поправку и признать, что плановое хозяйство возможно, но оно якобы менее эффективно, чем капиталистическое хозяйство.

Практика советского социалистического общества полностью опровергает это измышление Хайека.

Действие основного экономического закона социализма обеспечило и обеспечивает коренное превосходство социалистического способа производства над капиталистическим способом производства.

Уже экономический кризис 1929—1933 гг. и блестящие хозяйственные успехи СССР в эти годы продемонстрировали огромные преимущества социалистической системы над капиталистической. Об этом разительном контрасте говорят сравнительные цифры, приведенные на XVII съезде партии. В то время как объем промышленной продукции СССР в 1932 г. по сравнению с 1929 г., принятым за 100, составил 184,7, объем промышленной продукции США составил 53,8, Англии — 83,8, Германии — 59,8, Франции — 69,1. Относительно более высокий индекс для Англии по сравнению с другими капиталистическими странами объясняется низким уровнем производства Англии в 1929 г., который был тогда ниже уровня 1913 г. Экономический кризис 1929—1933 гг. отбросил ряд ведущих отраслей Англии на несколько десятилетий назад, в частности по таким важнейшим показателям, как добыча угля, выплавка стали, объем внешней торговли и т. д.

В то время как капиталистические страны находились в состоянии небывалого по силе и продолжительности экономического кризиса, блестящий успех первого пятилетнего плана СССР воочию продемонстрировал огромные преимущества социалистической системы над капиталистической.

Революционизирующее влияние, которое оказывали на массы экономические кризисы и гигантская безработица, усиливалось, поскольку эти процессы разворачивались на фоне огромных достижений советского хозяйства. Трудящиеся массы на практике получили совершенно наглядное и убедительное подтверждение преимуществ советской системы. Уже кризис 1929—1933 гг. отчетливо показал, что капиталистическая система промышленности не выдержала экзамена в тягбе с советской системой.

В новой исторической обстановке по-новому встала проблема безработицы. Наличие промышленной резервной армии всегда было для капиталистов средством давления на активную рабочую армию, позволяющим снижать заработную плату и усиливать эксплуатацию рабочих. В условиях же общего кризиса капитализма безработица стала источником огромных социальных потрясений. Дело не только в том, что безработица достигла невиданных прежде масштабов. Решающее значение имело то обстоятельство, что, в то время как в капиталистических странах существуют многомиллионные постоянные армии безработных, социалистическая система доказала на практике возможность полной ликвидации безработицы.

Глубокий контраст в движении капиталистической и социалистической систем с наименьшей силой проявился после кризиса 1929—1933 гг. В годы второй и третьей пятилеток до начала Великой Отечественной войны промышленность СССР продолжала развиваться бурными темпами, снова и снова демонстрируя огромные преимущества советской системы. Валовая продукция крупной промышленности СССР выросла с 1913 по 1940 г. почти в 12 раз. Фактически весь этот прирост приходится на последние 13 лет перед Великой Отечественной войной. Среднегодовые темпы прироста физического объема промышленного производства составили в СССР за период 1928—1936 гг. 22%, за три года третьей пятилетки (1938—1940 гг.) — около 13%.

Между тем капиталистический мир вступил в 1937 г. в новый экономический кризис.

В итоге гигантского развития СССР к концу второй пятилетки занял по объему промышленной продукции первое место в Европе и второе место в мире, уступая лишь США. Удельный вес СССР в мировой промышленной продукции сильно вырос за эти годы.

Всемирно-историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне окончательно опрокинула утверждения врагов социализма о непрочности советского строя.

За годы послевоенного мирного строительства с новой силой проявилось великое превосходство социалистической экономики над капиталистической. Реакционные буржуазные деятели не скрывали своих надежд на то, что СССР не сможет своими силами преодолеть послевоенные трудности, что он вынужден будет пойти на поклон к империалистам. Английский журнал «Уорлд ревью» весной 1946 г. утверждал, что Советский Союз не в состоянии осуществить свой новый пятилетний план одними лишь собственными средствами.

Успешное выполнение и перевыполнение заданий послевоенной пятилетки разбило в пух и прах надежды врагов мира и демократии. Оно воочию показало всему миру, какие титанические силы заложены в социалистическом строе.

Промышленность СССР выполнила первый послевоенный пятилетний план в четыре года и три месяца. В 1950 г. в СССР произведено промышленной продукции на 73% больше, чем в довоенном 1940 г., в то время как пятилетним планом предусматривался рост на 48%; в 1951 г. промышленность СССР добилась удвоения продукции по сравнению с 1940 г., а в 1953 г. произведено промышленной продукции примерно в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. В послевоенные годы восстановлено, построено и введено в действие свыше 7 тыс. крупных промышленных предприятий, не считая мелких государственных, кооперативных и колхозных предприятий. В результате восстановления, строительства и реконструкции предприятий, оснащенных передовой техникой, основные производственные фонды всей промышленности СССР увеличились в 1952 г. по сравнению с 1940 г. на 77%.

Особенно быстро развивается промышленность, производящая средства производства; она в 1951 г. по общему объему производства превзошла довоенный уровень в 2,4 раза, а в 1952 г. примерно в 2,7 раза. Исключительно быстрыми темпами развивалась в послевоенной пятилетке сердцевина тяжелой индустрии — советское машиностроение, играющее крупнейшую роль в обеспечении технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства СССР.

Рост производства средств производства и увеличение продукции сельского хозяйства создали надежную базу для развития промышленности, производящей предметы потребления.

Интенсивный рост производства товаров широкого потребления позволил быстро поднять потребление трудящихся СССР в полном соответствии с основным экономическим законом социализма.

Основным показателем подъема благосостояния советского народа является непрерывный рост национального дохода. За период с 1940 по 1951 г. национальный доход СССР вырос на 83% (а в 1952 г. вырос на 11% по сравнению с 1951 г.). В отличие от капиталистических стран, где больше половины национального дохода присваивается эксплуататорскими классами, в Советском Союзе весь национальный доход является достоянием трудящихся. Трудящиеся СССР получают для удовлетворения своих личных материальных и культурных потребностей около $\frac{3}{4}$ национального дохода, а остальная часть идет на расширение социалистического производства и на другие общегосударственные и общественные нужды.

На основе подъема советской экономики и роста национального дохода благосостояние советского народа за послевоенные годы неуклонно повышалось. В результате роста денежной заработной платы рабочих и служащих, увеличения денежных и натуральных доходов крестьян, снижения цен на товары массового потребления и роста других выплат населению за счет государства, реальные

доходы рабочих и служащих, по расчету на одного работающего, в 1951 г. были выше, чем в 1940 г., примерно на 57% и реальные доходы крестьян, по расчету на одного работающего, были выше примерно на 60%.

В послевоенные годы было широко развернуто жилищное строительство: построены и восстановлены жилые дома общей площадью около 155 миллионов квадратных метров. Кроме того, в сельских местностях восстановлено и построено более 3,8 млн. жилых домов. Значительно возросли государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание трудящихся. В 1951 г. население СССР получило различных выплат и льгот за счет государства на сумму 125 млрд. рублей, в 3 раза более, чем в 1940 г., а в 1952 г. население получило их на сумму 129 млрд. рублей.

Неуклонный рост благосостояния трудящихся в СССР неопровержимо доказывает действие основного экономического закона социализма.

Гигантский рост промышленного производства в СССР по своим темпам не имеет себе равного в мировой истории. Если промышленная продукция СССР выросла за годы советской власти в 27 раз, то Англия за последние 90 лет увеличила свое промышленное производство в 4,7 раза, Франция за последние 80 лет в 4,4 раза, а США за последние 35 лет увеличили производство промышленной продукции только в 2,6 раза.

Весь ход экономического развития за последние десятилетия в странах капитализма и в СССР (а после второй мировой войны и в странах народной демократии) с полной очевидностью демонстрирует наличие двух линий развития.

Одна линия — это линия непрерывного подъема мирной экономики в Советском Союзе и странах народной демократии; другая линия — это линия экономики капитализма, производительные силы которого топчутся на месте или развиваются крайне медленно, экономики, бющейся в тисках все более углубляющегося общего кризиса капитализма и постоянно повторяющихся экономических кризисов, линия милитаризации экономики и одностороннего развития отраслей производства, работающих на войну, линия конкурентной борьбы между странами, порабощения одних стран другими.

Хозяйственные успехи СССР слишком велики и очевидны, чтобы их можно было полностью игнорировать и замалчивать, особенно в свете экономической победы, одержанной СССР во второй мировой войне. Поэтому слишком упрощенная тактика Хайека, сводящаяся к полному замалчиванию хозяйственных успехов СССР, не устраивает многих буржуазных экономистов, предпочитающих более скрытую и замаскированную «критику» советской хозяйственной системы. Буржуазные идеологи учитывают, что слишком упрощенная «критика» Хайека, игнорирующая гигантские хозяйственные достижения СССР, не может иметь никакой убедительной

силы для масс. Поэтому апологеты капитализма изыскивают более тонкие и изощренные методы обмана масс.

Для того чтобы ослабить неотразимое впечатление, производимое грандиозными достижениями СССР в области экономики, некоторые буржуазные экономисты пытаются оспорить официальные данные советской статистики. Особенно старается в этом направлении буржуазный статистик Колин Кларк. Однако это — покушение с негодными средствами.

Плановое хозяйство не может нормально развиваться при отсутствии точной статистики. Советская статистика имеет дело с государственными и кооперативными предприятиями, в которых осуществление учета является органической потребностью социалистического планирования. Другое дело — частнокапиталистические предприятия, заинтересованные в сокрытии действительного положения в производстве по самым различным мотивам: укрытия своих доходов от налогового обложения, обмана своих акционеров, надувания конкурентов и т. д.

Попытки подвергнуть сомнению данные официальной советской статистики, как и другие приемы буржуазных клеветников, явно несостоятельны.

Другим приемом буржуазных клеветников является распространение легенды о наличии якобы более высокого уровня жизни в главных капиталистических странах по сравнению с СССР.

В частности, в буржуазной печати печатаются подтасованные цифровые данные, призванные показать, что уровень жизни английских рабочих якобы значительно выше уровня жизни советских рабочих. Этой фальсифицированной статистикой фореин оффис (английское министерство иностранных дел) снабжает прессу в целях создания у англичан заведомо ложного представления о жизненном уровне в СССР после войны.

Фальсификаторские приемы, к которым прибегают буржуазные писатели, так бросаются в глаза, что их без труда смог разоблачить прогрессивный английский журналист Ральф Паркер, выступивший с книгой «Заговор против мира», в которой он справедливо пишет: «Фальсификация «статистиков» из фореин оффис слишком очевидна. Цены в Советском Союзе они берут послевоенные, а заработную плату довоенную, не учитывая значительных повышений зарплат, имевших место после 1940 г. Кроме того, они «упускают» тот факт, что английский рабочий платит за квартиру около трети своего заработка, на выплату прямых налогов промышленный рабочий Англии ежегодно отдает почти полуторамесячную заработную плату, кроме того, он платит много всяких косвенных налогов. Прибавьте к этому постоянную угрозу безработицы, и будет ясно, что вся статистика фореин оффис как небо от земли далека от действительности английской жизни»²⁸.

²⁸ Ральф Паркер. Заговор против мира. Приложение к журналу «Новое время», 1949, стр. 58.

К этому нужно добавить, что в расчетах буржуазных статистиков при определении уровня жизни в капиталистических странах учитываются лучшие оплачиваемые привилегированные группы рабочих. И в настоящее время сохраняет всю свою силу замечание, сделанное В. И. Лениным в 1916 г.: «Чтобы прикрасить положение английского рабочего класса, обыкновенно говорят только об этом верхнем слое, составляющем *меньшинство* пролетариата...»²⁹

Буржуазные писатели совершенно замалчивают тот факт, что в СССР рабочие и служащие, сверх заработной платы, получают разнообразную помощь со стороны государства в виде выплат по социальному страхованию, пенсий, бесплатных и по льготным ценам путевок в санатории и дома отдыха, бесплатной медицинской помощи, бесплатного обучения и повышения квалификации, стипендий и т. д.³⁰

Буржуазные фальсификаторы при сравнении жизненного уровня английских и советских рабочих «забывают» о таком огромной важности факте, как полная ликвидация безработицы в СССР. Между тем известно, что необходимость содержать безработных членов семьи весьма чувствительно отражается на бюджете рабочих в капиталистических странах.

Идеологические оруженосцы монополий «забывают» и тот существенный факт, что жизненный уровень рабочих определяется не только характером их потребления, но и условиями производства. В капиталистических условиях работа на фабриках и заводах выматывает у рабочих все силы, подвергает их непрерывному риску в силу полного отсутствия или крайне несовершенного состояния мер по охране труда.

При определении жизненного уровня рабочих необходимо учитывать коренную разницу между капиталистической и социалистической производительностью труда.

При капиталистической системе хозяйства рост производительности труда занятого рабочего означает прежде всего огромный рост интенсификации труда, изнуряющий работника.

При социалистической системе хозяйства рост производительности труда определяется прежде всего ростом и улучшением технических средств производства, облегчающих труд работника и способствующих повышению его материального благосостояния. Он определяется, далее, ростом культуры труда, овладением рабочими техникой производства.

Буржуазные экономисты совершенно замалчивают также и то, что в СССР после второй мировой войны (как и до войны) реальная заработная плата неуклонно растет, тогда как в капита-

²⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 269.

³⁰ Как уже было указано выше, по всем этим статьям трудящимся Советского Союза только за 1952 г. было выплачено 129 млрд. рублей.

листическом мире, в частности в Англии, рабочим приходится бороться с наступлением монополий на их жизненный уровень.

В СССР происходит непрерывный рост личного потребления. Так, например, в 1952 г. в государственной и кооперативной торговле СССР было продано населению товаров в сопоставимых ценах на 10% больше, чем в 1951 г. Наиболее значительно увеличилась продажа масла животного, колбасных изделий, рыбопродуктов, сахара, кондитерских изделий, тканей, кожаной обуви, мебели, патефонов, часов, радиоприемников, фотоаппаратов, телевизоров, велосипедов. Сам ассортимент товаров, продажа которых увеличилась в наибольших размерах, свидетельствует о возросшем уровне потребления населения. Значительно превышен довоенный уровень продажи населению продуктов на колхозных рынках (особенно мяса, молока, яиц и фруктов).

Чувствуя свое бессилие выступить с экономической критикой советского общественного строя, все буржуазные экономисты, без различия направлений, прибегают к клевете на советский строй. Совершенно надуманное, наглое обвинение коммунизма в тоталитаризме объединяет всех без исключения врагов рабочего класса, начиная от капиталистических магнатов и кончая лидерами правых социалистов, которые с величайшей готовностью подхватывают любую клевету на СССР, подкаzanную их империалистическими хозяевами. В то же время буржуазные экономисты закрывают глаза на вопиющие нарушения норм даже формальной демократии в буржуазных странах, замалчивают национальный и расовый гнет, осуществляемый империалистами.

В своей борьбе с советским политическим строем буржуазные идеологи всячески стараются изобразить диктатуру финансового капитала как демократию. Если одни (например, Хайек) прямо пишут, что демократия возможна только при капитализме, то другие (например, правые лейбористы) пытаются представить буржуазную демократию как важнейшее условие рекламируемого ими «социализма».

Политическая свобода, провозглашаемая буржуазной демократией, имеет для огромного большинства населения только формальный характер. Она не обеспечивается и не может быть обеспечена в условиях капитализма. Поэтому для трудящихся она существует только на бумаге.

Совершенно очевидно, что равенство в буржуазном обществе — пустой звук. О каком равенстве может идти речь в современной Англии, когда в руках 2% населения сосредоточены 67,5% всего национального богатства этой страны?

В свое время лозунги буржуазной демократии были знаменем, под которым буржуазия вела борьбу против феодальных привилегий дворянства и против феодальных стеснений.

В период империализма буржуазия все более и более переходит на путь отказа от буржуазной демократии. Формально при-

знаваемая демократия используется политическими дельцами для обмана масс. Под маской этой буржуазной демократии осуществляется попрание даже формальных буржуазных «свобод».

Наиболее наглядно отказ от буржуазной демократии проявляется в фашистском типе государства. На путь отказа от демократии стали современные буржуазные государства по обе стороны Атлантического океана, в первую очередь США. Достаточно напомнить об антирабочих законах Тафта — Хартли, о «проверке лояльности» в США, кампании против коммунистов в Англии, во Франции и в других капиталистических странах. Рост революционного движения в метрополии и колониях, укрепление и успехи режима народной демократии в ряде стран вызывают неистовую злобу в лагере реакции.

Буржуазные апологеты сознательно замалчивают факты попрания демократии, ставшие общим правилом в период империализма и общего кризиса капитализма, обманчиво рисуя диктатуру финансового капитала как «эдем прирожденных прав человека», как царство свободы.

В своей ненависти к социалистическому государству буржуазные идеологи всячески умалчивают о пролетарской демократии, являющейся демократией высшего типа. В отличие от формальной демократии капиталистических стран, которая на бумаге сулит трудящимся разные свободы, а на деле освящает эксплуатацию рабочего класса и широких трудящихся масс, советская демократия основана на ликвидации эксплуатации человека человеком. В советском обществе нет антагонистических классов. Границ между рабочим классом и крестьянством, равно как между ними и интеллигенцией, стираются. Рабочие, крестьяне и интеллигенция связаны узами дружественного сотрудничества. Экономической основой советской демократии является социалистическая собственность на средства производства, исключающая возможность эксплуатации. Советское государство реально гарантирует своим гражданам демократические права, в том числе такие жизненно важные права, как право на труд, на образование, на отдых, на обеспечение при утрате работоспособности и в старости.

Советская демократия характеризуется не только уничтожением капиталистической и помещичьей эксплуатации, но и ликвидацией национального гнета. Одним из важнейших признаков советской демократии является полное равноправие народов.

В. И. Ленин еще в первые годы Советского государства писал: «Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»³¹.

³¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 227.

«Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян...»³²

С тех пор в ходе социалистического строительства советский демократизм получил огромное развитие. Советская демократия — необходимое условие поднятия активности трудящихся масс, вовлечения всех трудящихся в управление государством, в хозяйственное и культурное строительство. Строить и построить социализм было бы невозможно без самого широкого развертывания демократии для трудящихся.

Советская демократия как демократия высшего типа проявляется в огромной политической и культурной активности широчайших народных масс, в бурном росте социалистического соревнования, в многогранной деятельности многочисленных общественных организаций трудящихся. Расцвет подлинно народного демократизма в СССР находит свое выражение во все ускоряющемся росте культурной жизни страны, он выражается в морально-политическом единстве нашего общества, в животворном советском патриотизме. Великая Отечественная война и последующее развитие советского общества вновь и вновь наглядно показали огромный рост политической активности трудящихся, дальнейшее укрепление морально-политического единства советского народа, сплоченного вокруг Коммунистической партии, дальнейшее укрепление братского содружества народов СССР и развитие советского патриотизма.

Огромные достижения советского общественного и политического строя вместе с тем демонстрируют преимущества советской идеологии над буржуазной идеологией. Именно потому, что советская идеология несет народам светлые идеи гуманизма и прогресса, мира и счастья, она является могучей силой сплочения народов.

Жалкие потуги оклеветать советский строй, предпринимаемые апологетами империализма, обречены на полный провал.

3. НОВЫЕ ФОРМЫ ОПРАВДАНИЯ КАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ ДВУХ СИСТЕМ

Перед буржуазией периода общего кризиса капитализма, когда мир раскололся на идущую ко дну капиталистическую систему и преуспевающую социалистическую систему, встал вопрос об изменении методов идеологического обмана масс, о новых приемах оправдания капитализма.

Прежде основной прием апологетики заключался в восхвалении автоматического действия стихийных экономических законов капитализма. Буржуазная литература была полна дифирамбов по адресу этих экономических законов. «Таков великий, восхититель-

ный, утешительный, необходимый, непоколебимый закон капитализма», — с восторгом писал Бастиа³³.

До 30-х годов XX в. в английской буржуазной литературе безраздельно господствовала теория Ж.-Б. Сэя о невозможности общего перепроизводства. Проповедь даже буржуазно-реформистской «теории недопотребления» считалась в академических кругах неизлечимой ересью. За пропаганду этой теории буржуазный экономист Дж. Гобсон был устранен от преподавательской работы в университете. В толстом фолианте Маршалла «Начала экономической науки» («Principles of economics») не нашлось места даже для постановки проблемы об экономических кризисах. Через всю работу Маршалла красной нитью проходит идея, что механизм капиталистической конкуренции автоматически, без больших потрясений и кризисов ликвидирует все экономические противоречия и трудности капитализма.

В условиях общего кризиса капитализма обнаружилось, что старые методы апологии капитализма недостаточно эффективны. Слишком велик контраст между идиллической картиной, рисуемой экономистами XIX и начала XX в., и современной действительностью. Некоторые буржуазные экономисты понимали, что в обстановке небывалого обострения и углубления экономических кризисов, гигантской хронической безработицы и хронической перегрузки производственных мощностей тактика полного замалчивания противоречий капитализма может только привести к потере последних остатков доверия к буржуазным экономистам среди той части трудящихся, которая раньше находилась под их влиянием. В частности, Кейнс выразил тревогу по поводу того, что рядовой человек современности перестал верить в традиционную буржуазную экономическую «теорию». «Профессиональные экономисты...», — писал Кейнс, — оставались явно равнодушными к несоответствию между их теоретическими выводами и наблюдаемыми фактами. Это противоречие не могло не быть замечено рядовым человеком, вследствие чего с его стороны стало заметно все меньше и меньше склонности относиться к экономистам с тем же уважением, как к другим группам ученых, у которых теоретические выводы, когда их применяют на практике, согласуются с наблюдениями»³⁴.

Это высказывание Кейнса весьма симптоматично, как вынужденное признание неприятного для буржуазии факта, что трудящиеся уходят из-под влияния буржуазной идеологии, что создаются благоприятные условия для широкого распространения революционной, пролетарской идеологии. За часто встречающимися в современной буржуазной литературе жалобами на бесплодие

³³ F. Bastiat. Oeuvres complètes, v. VI. P., 1860, p. 223.

³⁴ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., ИЛ, 1948, стр. 32.

³² В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 32.

политической экономии³⁵ скрывается призыв к тому, чтобы буржуазные экономисты более эффективно боролись с коммунистами. В этом отношении характерна рецензия американского экономиста Соутера на книгу английского экономиста Роббинса «Очерк о природе и значении экономической науки». Соутер писал, что теперь нельзя бороться с марксизмом при помощи детских игрушек австрийской школы. Соутер объявляет старую экономическую доктрину «интеллектуальным банкротом» потому, что она не может стать «оплотом, способным противостоять... растущей коммунистической и коллективистической опасности»³⁶.

Для того чтобы противодействовать растущему влиянию коммунистов на трудящиеся массы, потребовалось несколько изменить методы апологии капитализма. Это изменение прежде всего выражается в тенденции замаскировать фактическую защиту капитализма под флагом формальной, чисто словесной критики некоторых, по выражению Кейнса, «недостатков», «изъянов» капитализма. Такая критика не затрагивает, конечно, коренных вопросов капиталистического способа производства. Она обычно обходит столь животрепещущий и имеющий важное значение вопрос, как вопрос о капиталистических монополиях. Эта «критика» имеет чисто демагогический характер; она направлена на то, чтобы завоевать доверие трудящихся, создать у последних впечатление о том, что современные буржуазные экономисты заботятся об их интересах и рекомендуют якобы действенные меры для улучшения их бедственного положения.

В интересах борьбы с коммунистами буржуазия старается убаюкать сознание масс иллюзией о возможности исправления «недостатков» капиталистического механизма, о возможности предотвращения кризисов и массовой безработицы. Эти идеи особенно охотно распространяются в рабочем классе буржуазной агентурой — правыми социалистами и ревизионистами. Они пытаются внушить трудящимся иллюзии о возможности коренного излечения капитализма от таких неизлечимых его язв, как кризисы и безработица. При этом прислужники империализма скрывают тот факт, что временное разрешение экономических противоречий в ходе экономического кризиса создает предпосылки для взрыва этих противоречий в дальнейшем.

Временное разрешение экономических противоречий при капитализме, временный выход из кризиса осуществляются за счет усиления эксплуатации трудящихся.

³⁵ Наиболее подробно жалобы на буржуазную литературу систематизированы в книге английской писательницы Уотон «Жалобы на экономическую науку» (B. Wooton. Lament for Economics. L., 1938). Характерен вывод, который делает Уотон: «Экономисты, которых подозревают в шарлатанстве, не имеют права претендовать на почетный титул ученых» (p. 111). На этот раз буржуазная писательница сказала правду.

³⁶ R. W. Souter. The Nature and Significance of Economic Science in Recent Discussion. «Quarterly Journal of Economics», May 1933, p. 411.

Сущность всех проектов «реорганизации», «усовершенствования», «лечения» капитализма и сводится к усилению эксплуатации рабочего класса, наступлению на заработную плату в прямой или косвенной форме через инфляцию, интенсификацию труда. Но для успокоения рабочих эти антирабочие проекты преподносятся как осуществление программы «полной занятости», проводимой якобы в интересах рабочих.

Если, с одной стороны, наиболее ловкие демагоги из современных буржуазных экономистов стараются замаскировать свое служение капиталистическим интересам под флагом формальной, словесной «критики» некоторых «недостатков» капиталистической системы, то, с другой стороны, они пытаются замаскировать также свое враждебное отношение к социализму.

В условиях общего кризиса капиталистической системы апология капитализма принимает самые чудовищные формы, причем апологеты капитализма нередко вынуждены прибегать к «социалистической» фразеологии. Это и понятно: социализм перестал быть только теорией. Он на практике доказал свои огромные преимущества перед капитализмом. В этих условиях притягательная сила социалистических идей в настоящее время неизмеримо возросла по сравнению с дооктябрьским периодом. Буржуазные идеологи вынуждены считаться с этим фактом, признать большое влияние советского опыта на английский народ. Так, например, английский буржуазный писатель Карр в книге, специально посвященной советскому влиянию на «западный мир», вынужден был отметить огромную притягательную силу советского лозунга «справа на труд», а также советского принципа расового и национального равноправия. Вся буржуазная цивилизация, по словам Карра, переживает глубокий кризис, поскольку существует новая цивилизация, служащая миллионам людей и оказывающая громадное влияние на весь мир³⁷. Для того чтобы в какой-то мере ослабить огромное влияние опыта Советского Союза и стран народной демократии, буржуазные идеологи стараются внушить массам идею, что социализм не ограничивается только СССР и странами народной демократии, но что элементы социализма существуют якобы уже и в капиталистических странах. Вместо прямой и открытой атаки социализма буржуазные идеологи и их правосоциалистическая агентура концентрируют свои усилия на борьбе с марксистско-ленинским учением о неразрывной связи социализма с диктатурой пролетариата, с необходимостью ликвидации капиталистической собственности и эксплуататорских классов.

Учитывая огромную популярность социалистической системы хозяйства среди широких трудящихся масс, многие буржуазные демагоги стараются представить дело так, будто в условиях капи-

³⁷ E. H. Carr. The Soviet Impact on the Western World. N. Y., 1947, p. 112.

тализма могут быть осуществлены важнейшие достижения социалистического способа производства: плановое ведение хозяйства, устранение кризисов, массовой безработицы и инфляции. Нередко апология капитализма преподносится под флагом того, что капиталистическая система все более и более «социализируется», что капиталистические и социалистические «элементы» мирно сочетаются друг с другом в пресловутой «смешанной экономике». Иногда эта апология преподносится под видом «реорганизованного», «усовершенствованного», «исправленного» капитализма, будто бы имеющего все положительные качества, присущие социалистической системе хозяйства.

Для того чтобы замаскировать свое враждебное отношение к социализму и представить себя в роли «друзей социализма», современные буржуазные сикофанты, преимущественно из лагеря правых социалистов, стараются фальсифицировать понятие социализма, лишить его действительного конкретного содержания. Смысл этого жонглирования «социалистической» фразеологией состоит в том, чтобы замазать коренные черты социалистической системы хозяйства и показать ее минимую совместимость с господством капиталистической собственности.

Важнейшие отличительные особенности социалистической системы хозяйства могут быть сведены к следующим положениям.

Во-первых, государственная власть в нашей стране находится в руках трудящихся города и деревни. Государственное руководство обществом принадлежит рабочему классу, как наиболее передовому классу.

Во-вторых, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и превращены в общественную социалистическую собственность.

В-третьих, развитие производства подчинено не принципу обеспечения капиталистической прибыли, а социалистическому принципу обеспечения наиболее полного удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

В-четвертых, распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения класса капиталистов, а в интересах систематического повышения материального благосостояния трудящихся.

В-пятых, систематическое повышение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей являются источником непрерывного расширения производства и гарантией от кризисов перепроизводства, безработицы и т. д.

В-шестых, рабочий класс и трудовое крестьянство являются хозяевами страны, работающими не на капиталистов, а на себя, на свое государство, на трудовой народ.

Буржуазные фальсификаторы, стремясь напугать на себя личину социалистов, умышленно затушевывают перечисленные выше

коренные отличия социалистической системы от капиталистической, сводя все дело к пустяковым различиям. Такого рода «социализм» превращается в ширму, прикрывающую безраздельное господство буржуазии. Под флагом подобного «социализма» адвокаты империализма ведут борьбу за укрепление капитализма. Этот обходный маневр для врагов социализма кажется более эффективным, чем прямая атака в лоб. Этот маневр рассчитан на усиление в рабочем классе реформистских иллюзий, направленных против коммунизма.

Для методологии современных буржуазных экономистов характерна статья, опубликованная в американском журнале «Уик мэгазин» под характерным заглавием «Требуется новое название для капитализма». Автор ищет спасения капитализма в подыскании нового термина для последнего. «Замена всего лишь одного слова другим, — пишет он, — может содействовать изменению хода истории. Отыскание нового термина для обозначения нового понятия может послужить решающим препятствием распространению коммунизма по всему миру»³⁸.

Когда читаешь подобного рода бессмыслицу, усердно распространяемую современными апологетами капитализма, на память приходит иронические слова К. Маркса по адресу Прудона, видевшего в «труде-товаре» только прагматическое сокращение. «И если общество, — писал Маркс, — захочет «устранить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык, а для этого ему лишь следует обратиться к Академии и попросить нового издания ее словаря»³⁹.

Метод апологии капитализма, выражающийся в том, что капитализм преподносится как социализм, отнюдь не является новшеством. Этот метод применялся и раньше, как средство борьбы с рабочим классом. Но особое распространение он получил тогда, когда социализм стал практической действительностью и когда притягательная сила социализма во много раз выросла.

Этот метод давно применялся реакционными немецкими идеологами, представителями пресловутой доктрины «государственного социализма». Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «...появился особого рода фальшивый социализм, проявляющийся то там, то тут в виде особого рода добровольного лакейства, объявляющего без всяких затруднений социализмом *всякое*, даже бисмарковское обращение средств производства в государственную собственность. Если табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма»⁴⁰.

³⁸ «The Week Magazine», March 4, 1951.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 92.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 281, сноска.

На английской почве эти попытки нарядить капиталистические формы хозяйства в «социалистическое» одеяние широко применялись фабианцами, отождествляющими социализм с простым ростом государственных и муниципальных предприятий. На этом фальсификаторском приеме в «Фабианских очерках» еще в конце XIX в. строилось сногшибательное положение, что «Англия уже является самой социалистической из всех стран». Для доказательства этого положения С. Вебб ссылался на развитие собственного хозяйства государства, городов, сельских приходов. Общество, писал он, создает и поддерживает свои собственные парки, музеи, библиотеки, концертные залы, дороги, мосты, рынки, пожарные обозы, больницы, телеграфные линии, школы, церкви, читальни. Даже создание пожарных обозов, спасательных лодок, богаделен казалось Веббу признаком «непрерывного прогресса социализма»⁴¹.

Этот прием отождествления социализма с простым ростом государственных и муниципальных предприятий заимствовал от фабианцев правые лейбористы, продолжающие основную линию фабианцев. Правые лейбористы из кожи лезут вон, чтобы выхолостить из учения о социализме пролетарское содержание и представить социализм тождественным с капитализмом⁴².

Отождествление государственно-монополистического капитализма с социализмом стало распространенным методом буржуазной апологетики в условиях победоносного развития социалистической системы хозяйства в СССР.

Не все буржуазные экономисты считают «тактически» целесообразным и безопасным прибегать к социалистической фразеологии. Но и те, которые не прибегают к последней, стремятся приукрасить капитализм, приписав ему качества и особенности, принципиально присущие только социалистической системе хозяйства. Эта форма буржуазной апологетики выражается в стремлении приписать капитализму совершенно не свойственные ему закономерности, которые могут быть осуществлены только в рамках социалистического строя. Буржуазные апологеты распространяют иллюзии о возможности устранения при капитализме таких неизбежных его спутников, как кризисы, безработица, анархия производства, инфляция. Эта демагогия распространяется в форме пропаганды теорий «бескризисного капитализма», «полной занятости», «планового капитализма», «управляемой валюты».

В действительности неизбежность экономических кризисов перепроизводства, безработицы, анархии производства и т. д. заложена в самой природе капиталистического производства, в основном противоречии капитализма между общественным характером

производства и частнокапиталистической формой присвоения. Экономические кризисы перепроизводства — не только неизбежный продукт капитализма, но и специфический закон движения последнего. Выражая собой взрыв всех противоречий капиталистического производства, кризисы вместе с тем представляют насильственный способ временного, частичного разрешения этих противоречий. Характерный путь капиталистического производства таков, что развитие производительных сил становится возможным лишь путем периодического разрушения производительных сил в ходе кризисов.

С развитием капитализма обостряется его основное противоречие. Отсюда — неизбежность экономических кризисов, их разрушительная сила. На этой основе все сильнее разгорается борьба трудящихся против капиталистического рабства. Нанюганные все усиливающимися кризисами, буржуазные идеологи пытаются изобрести рецепты предотвращения кризисов. Для того чтобы ослабить притягательную силу СССР, они пытаются приукрасить капитализм, внушить массам, что возможно его бескризисное развитие.

Для этой же цели они пытаются сеять иллюзии о возможности устранения хронической массовой безработицы, присущей капитализму периода его общего кризиса.

В действительности буржуазия никогда не помышляла и не может помышлять о ликвидации безработицы. Безработица оказывает неопределимые услуги классу капиталистов. Наличие промышленной резервной армии — важнейший элемент капиталистического механизма. Но в условиях общего кризиса капитализма безработица достигает таких размеров, которые создают угрозу капиталистическому производству. Массовая хроническая безработица — важнейший фактор обострения социальных противоречий. Она таит в себе источник крупнейших социальных потрясений. Поэтому буржуазные идеологи разрабатывают проекты некоторого ограничения массовой безработицы, которые всячески рекламируются под широким названием «полной занятости». Главный мотив этих проектов — опасение революционного взрыва. В частности, Кейнс откровенно высказал тревогу по поводу того, что массовая безработица не может остаться без социальных последствий. «Ясно, — пишет он, — что мир больше не потерпит безработицы»⁴³. Преимущество XIX в. Кейнс видел в том, что тогда «средний уровень занятости был, конечно, значительно ниже полной занятости, но не настолько нетерпимо низок, чтобы побуждать к революционным переменам»⁴⁴.

Ликвидация безработицы возможна только на основе социалистического способа производства. Полная занятость не может

⁴¹ «Fabian Essays in Socialism». L., 1920, p. 47—48.

⁴² Этот вопрос рассматривается подробнее в разделе 5 настоящей главы.

⁴³ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 368.

⁴⁴ Там же, стр. 301.

быть реализована без устранения экономических законов капитализма, неизбежным результатом которых является безработица.

Теории «бескризисного капитализма» и «полной занятости» тесно связаны с положениями о возможности «планирования» капитализма, также представляющими собой характерный для периода общего кризиса капитализма метод буржуазной апологетики, порожденный условиями борьбы двух систем.

В основе теории «планового капитализма» лежит фальшивое утверждение, будто народнохозяйственное планирование может осуществляться независимо от господства капиталистической или социалистической собственности. Наиболее откровенно эти воззрения выразил немецко-американский экономист Карл Ландауэр, который утверждал, что государственный строй, коллективная собственность и планирование, осуществленные в СССР, ни логически, ни практически не зависят друг от друга⁴⁵.

Трудно придумать другое положение, которое находилось бы в таком вопиющем противоречии с действительностью. Господство частнокапиталистической собственности неизбежно влечет за собой конкуренцию и анархию производства, являющиеся законом капиталистического способа производства. Плановое хозяйство нельзя совместить с принципом частной собственности на средства производства, с господством капиталистов, с погоней за капиталистической прибылью как основным двигателем производства. Для подлинного планирования требуются условия, которые отсутствуют в капиталистическом мире.

Известно, что планирование народного хозяйства является более или менее верным отражением закона планомерного (пропорционального) развития социалистического производства, который возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме на базе обобществления средств производства после того, как закон конкуренции и анархии производства потерял силу. Закон планомерного развития вступил в действие потому, что социалистическое народное хозяйство может развиваться лишь на основе этого объективного экономического закона. Конкретные формы проявления и действия закона планомерного развития народного хозяйства в свою очередь определяются требованиями основного экономического закона социализма.

Возможность народнохозяйственного планирования, непосредственно вытекающая из закона планомерного развития народного хозяйства, коренится во всей системе социалистических производственных отношений и обусловленных ею экономических законах и прежде всего — в основном экономическом законе социализма.

⁴⁵ Carl Landauer. Theory of National Economic Planning. Berkeley and Los Angeles, 1947, p. 143.

Социалистическое плановое хозяйство приобрело огромный авторитет в глазах трудящихся всего мира, для которых оно является символом освобождения от капиталистического рабства. Учитывая эту огромную популярность народнохозяйственного планирования, буржуазные идеологи пытаются использовать и «плановую» фразеологию.

Разговоры о плановом хозяйстве при капитализме представляют попытку использовать в интересах монополий популярность социалистического планового хозяйства среди рабочего класса. Буржуазные идеологи умышленно дают такое бессодержательное определение планирования, чтобы к нему можно было подогнать любое экономическое мероприятие буржуазного государства, производственное интересам монополистического капитала. Особенно стараются в этом направлении правые лейбористы. Они умышленно отрицают наличие органической связи между плановым хозяйством и социалистическим обобществлением средств производства. «Планирование, — писал Дальтон, — не есть то же самое, что социализм. Социализм есть прежде всего вопрос собственности, планирование есть вопрос контроля или управления. Есть частное планирование, преследующее частные цели, и социальное планирование, преследующее социальные цели»⁴⁶. Такое определение понадобилось Дальтону для того, чтобы преподнести читателю вывод о совместимости планирования с господством частнокапиталистической собственности.

Пользуясь таким лженаучным определением планирования, многие буржуазные экономисты проповедают неверный вывод, будто буржуазное государство всегда планирует деятельность частных предприятий, хотя бы в форме налоговой и таможенной политики. Лейборист Коль пытается установить элементы плановой экономики в США на том единственном основании, что там имеется... высокий таможенный тариф⁴⁷.

Подобного рода мероприятия экономической политики буржуазного государства не имеют ничего общего с подлинным народнохозяйственным планированием. То, что с таким шумом преподносится буржуазными деятелями под широковещательной этикеткой «планирование», представляет собой мероприятие, которое проводит буржуазное государство в интересах монополий⁴⁸.

⁴⁶ High Dalton. Political Socialism for Britain. L., 1935.

⁴⁷ D. G. H. Cole. The Intelligent Man's Guide to the Postwar World. L., 1948, p. 160.

⁴⁸ Даже такой буржуазный орган, как «Экономист», вынужден был признать, что «планирование в том смысле, какой придет этому слову лейбористское правительство, — это дело бесконечно более жалкое, чем планирование в Советской России». Лейбористское планирование, по характеристике «Экономиста», «является более или менее умеренной политикой рационализации» («Economist», March 29, 1947). «Экономист» ехидно охарактеризовал «планирование» лейбористов, как применение доктрины Куэ (лечение путем самовнушения).

Лейбористский теоретик по вопросам планирования Мейхью вынужден был признать, что существование частных предприятий, охватывающих более 80% промышленности Англии, является «опасно неустойчивым фактором». «Поскольку,— пишет Мейхью,— существует обширный сектор, правительство должно разработать систему налогов и субсидий для поощрения частных капитальных затрат»⁴⁹.

Итак, основа столь разрекламированного «планирования» сводится к старому испытанному методу налогов и субсидий в пользу финансовых магнатов. Под флагом «планирования» происходит щедрое финансирование капиталистических монополий.

Пресловутые «планы» буржуазных государств представляют собой ширму, за которой скрывается программа различных мероприятий по усилению эксплуатации трудящихся масс и подготовке империалистических войн. За «планирование» выдавал свои программы Гитлер. Пресловутые гитлеровские «четырёхлетки» представляли собой только программы подготовки войны, в частности они включали мероприятия по накоплению стратегических ресурсов для этой цели. Существо «четырёхлетки» при проведении в жизнь свелось к установлению порядков беззастенчивой эксплуатации рабочих и всей массы трудящихся во имя поддержания господства капитала. От гитлеровцев в этом отношении не отстают империалисты по обе стороны Атлантики и их правосоциалистические подручные, которые также пытаются замаскировать свои программы борьбы за мировое господство разговорами о планировании. С этой целью пущена в оборот версия о том, что военное хозяйство капиталистических стран представляет собой якобы плановое хозяйство. В книжке лейбориста Джекя, изданной с предисловием Эттли, «преимущества» буржуазного «планирования» иллюстрируются на примере «успехов» английской экономики во время второй мировой войны⁵⁰.

Все указанные выше методы буржуазной аналогистики, порожденные в условиях борьбы двух систем, тесно связаны с не имеющими ничего общего с реальной действительностью представлениями об особой роли современного буржуазного государства в экономической жизни. Адвокаты монополий пытаются внушить массам веру в то, что современное буржуазное государство своим вмешательством может исправлять недостатки механизма капиталистического хозяйства; что это «вмешательство» может восполнить недостаток платежеспособного спроса в фазе кризиса развертыванием государственных заказов, общественных работ и т. д.

При этом классовая природа современного империалистического государства, находящегося в подчинении у капиталистических

монополий и стоящего на страже их интересов, тщательно замалчивается.

Буржуазные экономисты пытаются приписать империалистическому государству функцию, которой оно не обладает и не может обладать по своей природе.

Только в условиях социализма коренным образом меняется экономическая роль государства. Руководимое Коммунистической партией, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, на познание объективных экономических законов социализма, Советское государство организует и направляет массы на хозяйственное строительство в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма. Используя преимущества и возможности, объективно присущие социалистической системе хозяйства, социалистическое государство является мощной силой, воздействующей на развитие и укрепление экономического базиса социалистического общества.

Только социалистическое государство может осуществлять хозяйственно-организаторскую функцию, недоступную буржуазному государству. Эта функция предопределяется самой природой социалистического общества: во-первых, социалистическое государство является собственником и полновластным распорядителем основных и решающих средств производства; во-вторых, социалистическая экономика не может развиваться иначе, как по плану в соответствии с законом планомерного развития народного хозяйства; в-третьих, социализм предполагает стройящийся учет и контроль над мерой труда и мерой потребления каждого члена общества, что может быть организовано только социалистическим государством. Оно устанавливает планы производства для государственной промышленности и совхозов, планы товарооборота, заготовок и закупок, планы транспортных перевозок. Оно направляет хозяйственную жизнь колхозов. Государство осуществляет планомерную подготовку рабочей силы, ее распределение и перераспределение в соответствии с потребностями народного хозяйства. Оно руководит всеми отраслями культурного строительства.

Функции буржуазного государства противоположны функциям социалистического государства. Буржуазное государство призвано всеми способами охранять капиталистическую эксплуатацию, держать в узде народные массы, служить инструментом всеяческого обогащения капиталистических монополий путем использования для этой цели, в частности, государственного бюджета и финансово-кредитной системы, осуществлять экономическую и территориальную экспансию, поддерживая господство монополий в метрополии и в колониях и завоевывая новые территории, новые рынки сырья, сбыта товаров и вывоза капитала; иными словами, капиталистическое государство всей своей политикой призвано обеспечить охрану и всемерное повышение прибылей монополистического капитала.

⁴⁹ C. P. Mayhew. Socialist Economic Planning. L., 1946, p. 8.

⁵⁰ Douglas Jay. The Socialist Case. L., 1947, p. 180.

Антинаучные теории «обескризисного капитализма», «полной занятости», «планового хозяйства при капитализме» направлены на то, чтобы приукрасить загнивающий и умирающий капитализм. Вместе с тем эти теории ставят своей задачей идеологически оправдать использование монополиями аппарата буржуазного государства в своих узкокорыстных интересах и, в первую очередь, для наступления на жизненный уровень рабочего класса и подготовки империалистической войны.

То обстоятельство, что буржуазные апологеты в защите капитализма вынуждены прибегать к «социалистической» фразеологии, является косвенным признанием банкротства капиталистической системы и непобедимой силы социализма. Это — яркая иллюстрация кризиса буржуазной политической экономии.

4. КЕЙНСИАНСТВО КАК ТИПИЧНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Наиболее характерной для эволюции буржуазной политической экономии в период общего кризиса капитализма является теория Д. М. Кейнса (1884—1946).

Кейнс выступил в роли экономиста монополий в период общего кризиса капитализма, когда на передний план выступило противоречие двух систем, когда резко обострились все противоречия капитализма и явно обнаружился кризис Британской империи. Кейнс вынужден был признать в 1930 г., что «мы в настоящее время живем под знаком величайшей экономической катастрофы, какую только знает новейшая история»⁵¹. В этих условиях оказалось гораздо труднее проводить тактику полного замалчивания противоречий капитализма, как это удавалось Маршаллу, и буржуазные экономисты сочли целесообразным отказаться от некоторых апологетических догм, которые слишком очевидно противоречили действительности, и заменили их новыми, не менее апологетическими догмами. Так, Кейнс отказался от столь очевидно абсурдной теории, как теория Ж.-Б. Сэя о невозможности общего перепроизводства, о невозможности превышения совокупного предложения над совокупным спросом. Под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Кейнс счел нецелесообразным открыто отрицать горькую истину, абстрагироваться от безработицы и общего перепроизводства и рассматривать их как случайное явление. Взамен догмы Ж.-Б. Сэя о том, что капиталистическая конкуренция автоматически преодолевает диспропорции между спросом и предложением, Кейнс выдвинул другую догму, что эти диспропорции могут быть ликвидированы путем усиления вмешательства государства в

экономику, путем государственного «регулирования» экономики, в частности в области капиталовложений.

Кейнс выполняет ту же основную функцию защиты и оправдания капитализма, что и Сэй. Но Сэй занимался буржуазной апологетикой в период, когда капитализм развивался по восходящей линии, когда экономические кризисы не были столь продолжительными и глубокими. В период общего кризиса капитализма колоссальное обострение экономических кризисов создает угрозу для монопольных прибылей. В фазе кризиса противоречие между условиями производства и реализации прибавочной стоимости принимает исключительно острый характер, да и сама масса произведенной прибавочной стоимости сокращается в силу уменьшения численности занятых в производстве рабочих, вынужденного сокращения продолжительности рабочего дня в случае частичной безработицы и т. д. В этих условиях экономисты типа Кейнса, заинтересованные в сохранении прибылей монополий, не считают более целесообразным замалчивать факты кризисов и безработицы, и, напротив, подчеркивают опасность, связанную с кризисами и безработицей, используя это для того, чтобы добиться от государства более щедрых субсидий, более крупных и выгодных заказов и возможностей более наглого и бесцеремонного казнокрадства. В силу этих причин Кейнс счел целесообразным внести «исправки» в апологетическую теорию Сэя.

Кейнсианство представляет собой попытку перестройки буржуазной политической экономии в связи с новыми задачами, вставшими перед буржуазией в период общего кризиса капитализма. Кейнс сделал попытку подвести теоретический базис под различные махинации капиталистических монополий, с помощью которых они присваивают монопольно высокие прибыли. Монополии обеспечивают получение таких прибылей при помощи подчинения себе государственного аппарата, использования последнего для осуществления политики наступления на жизненный уровень рабочего класса, прабегка колоннальных и зависимых стран и подготовки империалистических войн. Под видом восхваления «государственного вмешательства в экономику» и отрицания прежней, традиционной для Англии политики *laissez faire* Кейнс занимается апологией практики государственно-монополистического капитализма.

Не случайно империалистическая реакция видит в кейнсианстве важнейший оплот в борьбе с марксистско-ленинской экономической теорией⁵².

⁵² Сам Кейнс по тактическим соображениям избегал в своих работах говорить откровенно о том, что его главной целью является борьба с революционным марксизмом. Однако в его переписке этот мотив иногда проскальзывает весьма отчетливо. В этом отношении характерно его письмо к Бернарду Шоу от 1 января 1935 г., написанное в тот период, когда он

⁵¹ «Wirtschaftsdienst», 19 Dezember 1930.

Кейнс получил широкую известность в связи с выходом в 1919 г. его нашумевшей книги «Экономические последствия Версальского мира». В. И. Ленин на основе этой ранней работы дал Кейнсу беспощадную характеристику, отметив его «непреклонную решимость защищать капитализм» и «ненависть к большевизму»⁵³. Кейнс, писал В. И. Ленин, «заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде»⁵⁴. Неудивительно, что этот злобный враг марксизма стал популярным идеологом буржуазии.

Теория Кейнса выражает стремление найти выход из глубочайших кризисов на основе усиления эксплуатации рабочего класса, организации спасения близких к банкротству монополий, использования государства для ведения торговой войны, для экспорта кризиса и безработицы в другие страны. Эта теория освящает, наконец, милитаризацию хозяйства, военную подготовку и самую войну как отдушину от экономических кризисов.

Кейнсианство выполняет две тесно и неразрывно связанные между собой задачи. Во-первых, оно пытается теоретически обосновать программу обогащения капиталистических монополий за счет средств государственного бюджета. Во-вторых, оно пытается подвести теоретический базис под программу наступления на жизненный уровень трудящихся. Снижение реальной заработной платы Кейнс рассматривает как необходимое условие увеличения общего объема занятости. Наиболее целесообразным методом снижения реальной заработной платы он считает использование инфляционной практики. Скрытый смысл «теории занятости» Кейнса состоит в том, чтобы навязать такую трактовку этой проблемы, которая подвела бы к оправданию политики инфляции и империалистической агрессии, являющейся средством обогащения монополий и ограбления рабочих. При этом для приукрашивания инфляции Кейнс выдвинул учение об «управляемой валюте», суть которого заключается в мифе о способности буржуазного государства управлять законами денежного обращения и осуществить «плановую», «контролируемую» инфляцию, якобы свободную от разрушительного влияния на народное хозяйство. В действительности буржуазное государство бессильно приостановить неумолимое действие стихийных законов инфляционного хозяйства,

подготавливал свою «Общую теорию занятости, процента и денег» (приводится в книге: R. F. Haggard. The Life of John Maynard Keynes. L., 1954, p. 462). Кейнс хвастался в этом письме, что с помощью своей «новой теории» ему удастся «опрокинуть» основы марксизма. Как не вспомнить тут крыловскую синицу, обещавшую зажечь море. Это письмо представляет интерес, как откровенное выражение главного мотива литературной деятельности Кейнса.

⁵³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 199.

⁵⁴ Там же, стр. 195.

ведущих к развалу экономики, нарушению экономических связей между отдельными странами и районами, подрыву кредитной системы, назреванию экономических кризисов.

Идеолог капиталистических монополий Кейнс выступает как враг рабочего класса.

Апология государственно-монополистического капитализма переплетается у Кейнса с изощренной социальной демагогией. Эта черта проявляется в нарочитом противопоставлении своих теорий прежней, традиционной вульгарной политической экономии. У кейнсианцев нередко встречаются обвинения прежних буржуазных экономистов в сознательной анологии капитализма.

Сам Кейнс в одном месте сравнивает буржуазных экономистов с Кандидом, утверждавшим, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров. Кейнс обвиняет старую вульгарную экономку, к которой он фальшиво приклеил ярлык классической экономки, в забвении действительных трудностей современного капитализма. Подобного рода высказывания представляют собой ловкий маневр, рассчитанный на то, чтобы скрыть свою собственную анологетику.

Такую же роль дымовой завесы играют «критические» замечания Кейнса по поводу некоторых, как он деликатно выражается, «изъянов существующей хозяйственной системы».

Суть этой демагогической «критики» капитализма заключается в сведении всех противоречий капитализма к несущественным, второстепенным противоречиям. Так, Кейнс пытается представить высокую норму процента в качестве первоисточника бедствий капитализма, а рантье — в качестве единственного класса, живущего нетрудовыми доходами. Эта теория, воспроизводящая на новый лад прудоновские измышления о «даровом кредите», пытается внушить рабочим иллюзию о возможности ликвидации всех противоречий капитализма в результате снижения нормы процента до нуля и так называемой эвтаназии (отмирания) рантье.

Лозунг Кейнса об «эвтаназии рантье» также имеет чисто демагогические цели. Этот лозунг направлен на то, чтобы отвлечь внимание рабочих от узловых вопросов классовой борьбы. Это — повторение на новый лад старого трюка Прудона, пытавшегося представить наличие процента в качестве первоисточника всех социальных бедствий буржуазного общества. В чисто демагогических целях пытались использовать этот трюк нацисты, выступавшие со своим пресловутым лозунгом: «долой процентное рабство».

Выдвигая лозунг об «эвтаназии рантье», Кейнс учитывал специфические условия Англии, в частности, глубокую вражду, которую питают английские трудящиеся к рантье. В Англии, этой типичной «стране рантье», в пользу рантье поступает значительно большая доля народного дохода, чем в других капиталистических странах. Это связано непосредственно с паразитической структурой английского народного хозяйства, с наличием в первую очередь огромных доходов от иностранных капиталовложений,

с колоссальными расходами на уплату процентов по государственному долгу. В период между двумя мировыми войнами доля дохода в пользу рантье увеличилась в связи с дефляционной политикой, проводимой английским правительством в 20-х и начале 30-х годов. Снижение цен, увеличение покупательной силы денег шло на пользу владельцев денежного капитала. Последним была также весьма выгодна высокая учетная ставка, существовавшая в Лондоне в годы, предшествовавшие кризису 1929—1933 гг.

Учитывая глубокую вражду английских трудящихся к паразитической рантьерской буржуазии, Кейнс выступил с нападками на высокую норму процента, с предложениями об «эвтаназии рантье». Все эти маневры были рассчитаны на то, чтобы отвлечь внимание трудящихся от их основного врага — финансовой олигархии, внушить им реформистские иллюзии о возможности мирным путем устранить все противоречия капитализма, о ненужности революционной борьбы, как единственного средства освободиться от капиталистического рабства. Кейнс, конечно, и не думал ущемлять интересы рантье. Ведь основная масса доходов рантьерского типа поступает в пользу финансовых магнатов. Они получают наибольшую долю доходов от иностранных капиталовложений. Они владеют наибольшими пакетами ценных бумаг, в том числе и облигаций. Через банковскую систему финансовые магнаты концентрируют в своих руках наибольшую массу свободного денежного капитала. Кейнс никогда не выступал за умаление роли банков и ограничение их вмешательства в промышленность. Напротив, критикуя старомодные методы кредитования промышленности, сохранившиеся в Англии вплоть до 20-х годов, он горячо поддерживал установление более тесного контакта между промышленными картелями и банками. С подобного рода предложениями он выступил еще в 1927 г. при обсуждении вопроса о создании хлопчатобумажного картеля в Англии.

Конечно, разглагольствования Кейнса насчет возможности устранения рантье при сохранении монополистического капитализма — нелепость. Напротив, загнивание капитализма и рост паразитизма на империалистической стадии находят свое проявление, в частности, в увеличении групп рантье.

Буржуазные экономисты подняли огромную шумиху вокруг Кейнса, создав настоящий культ этого вульгарного экономиста, идеолога империализма. В буржуазной литературе была раздута легенда о «кейнсианской революции» — «новой экономической теории».

Шумиха, поднятая вокруг Кейнса, отражает, конечно, не подлинное значение его работ, а острую потребность буржуазии найти какие-то методы укрепления позиций капитализма, отсрочить час его неизбежной гибели. Буржуазии понадобились «спасители». В политической области в этой роли подвизались Муссолини, Гитлер, ряд политических деятелей в Англии, США, Франции. В об-

ласти экономической теории на эту роль претендовал Кейнс. Уильям Фостер остроумно охарактеризовал Кейнса, как «врача скорой помощи при смертельно больном капитализме».

Шум, поднятый вокруг Кейнса, объясняется не тем, что он сказал какое-то «новое слово». Содержание отдельных разделов его «теории» показывает, что они под новыми этикетками преподносят затасканные вульгарные теории весьма большой давности. Даже буржуазные экономисты (Диллард, Ган, Вильсон и другие) не могли скрыть близость Кейнса ко многим весьма старым направлениям буржуазной политической экономии, например к меркантилизму (в частности, к Джемсу Стюарту), Джону Лоу, Мальтусу, Прудону и т. д.

Недостаточно сказать, что Кейнс продолжает традиции вульгарной политической экономии, начиная от Ж.-Б. Сэя и Мальтуса и кончая кембриджской школой. Работы Кейнса знаменуют дальнейшее усиление реакционности буржуазной политической экономии: последняя перешла от апологии индивидуального капитала к апологии капиталистических монополий, горстки хищников, стремящихся к мировому господству; от оправдания эксплуатации рабочих своей страны — к оправданию эксплуатации также и миллионов рабочих и крестьян колониальных и зависимых стран; от критики социалистической теории — к критике и клевете на социалистический общественный и политический строй. Кейнс был не прочь цегольнуть «левой» фразой, но в действительности его теория гораздо более реакционна, нежели теории его многочисленных предшественников из лагеря вульгарной экономии.

Теория Кейнса наряду с общей защитой интересов монополистического капитала отражает и некоторые специфические интересы английской крупной буржуазии. Это нашло наиболее отчетливое выражение в вопросах денежного обращения, в оппозиции системе золотого стандарта, в защите так называемой «регулируемой», т. е. бумажно-денежной, валюты.

Реакционная сущность кейнсианской программы привлекает к этому «учению» симпатии реакционеров разных мастей. В частности, в гитлеровской Германии идеи Кейнса встретили весьма благоприятный прием на страницах экономических журналов «Дер дейтше фольксвирт» и «Ди дейтше фольксвиртшафт»⁵⁵.

Благоприятный прием, который встретила «общая теория занятости» Кейнса у гитлеровцев, не случаен: последние в авторе «Общей теории занятости, процента и денег» почувствовали родственную душу.

⁵⁵ Юрген Кучинский цитирует высказывания одного из виднейших сподвижников Гитлера, Шахта, в журнале «Дер дейтше фольксвирт», где Шахт писал, что кейнсовские идеи «представляют теоретическое объяснение и оправдание национал-социалистической экономики» (Jürgen Kuczynski. New Fashions in Wage Theory. L., 1937, p. 15).

Правда, Кейнс избегал высказывать открыто свои симпатии гитлеризму, прикрываясь завесой «демократии» и пацифизма. Но его скрытые симпатии к фашизму иногда прорывались.

Весьма показательна в этом отношении его статья «О национальной самодостаточности», опубликованная в 1933 г. (после прихода к власти Гитлера) в немецком журнале «Шмоллерс Яр-бух». В этой статье Кейнс пытался обосновать целесообразность экономического обособления отдельных стран. В качестве одного из аргументов он выдвинул соображение о том, что такое обособление облегчает существование разнообразных социально-политических режимов в отдельных странах. Такое разнообразие Кейнс рассматривает как положительное явление. При этом он ссылается на новые формы «хозяйственного руководства» в Италии Муссолини и Германии Гитлера⁵⁶. Как видим, Кейнс относился с явным одобрением к фашистскому «хозяйственному руководству» в Италии и Германии.

Особенно отчетливо симпатии Кейнса к фашизму сказались в предисловии к немецкому переводу его книги, изданному в гитлеровской Германии в 1937 г. Он писал тогда, что его теория встретит у немецкого читателя меньше возражений, нежели в Англии, что «теория полной занятости» может быть легче приспособлена к условиям тотального государства, чем к капитализму свободной конкуренции⁵⁷.

Реакционные кейнсианские идеи получили широкое распространение среди буржуазных кругов Англии и Америки. В английской буржуазной прессе после смерти Кейнса часто приводилось выражение, что «мы все теперь — кейнсианцы». Влияние кейнсианских идей весьма значительно и в США. Американский буржуазный экономист Хансен признает, что почти все экономисты, независимо от того, симпатизируют ли они Кейнсу или нет, благоприятно относятся к кейнсианской компенсированной циклической политике (т. е. к попыткам устранения кризисов путем перестройки бюджета)⁵⁸. Кейнсианские идеи получили выражение в опубликованных за последние годы докладах так называемого Комитета экономического развития, организованного американскими монополиями, в ряде коллективных выступлений американских буржуазных экономистов, например докладе Комитета американской экономической ассоциации о мерах борьбы с кризисами в 1950 г.⁵⁹ К кейнсианской аргументации часто прибегали в своих докладах

⁵⁶ J. M. Keynes. Nationale Selbstgenüsamkeit. «Schmoller's Jahrbuch», 57 Jahrgang, 1933, S. 81.

⁵⁷ J. M. Keynes. Allgemeine Theorie der Beschäftigung, des Zinses und des Geldes. München und Leipzig, 1936, p. VIII—IX.

⁵⁸ A. H. Hansen. The Influence of Keynesian Thinking in the United States. «Weltwirtschaftliches Archiv», B. 69. H. 1, 1952.

⁵⁹ «The Problem of Economic Instability». — «American Economic Review», September 1950.

экономические советники президента Трумэна. Весьма характерно, что в органе государственного департамента США «Форин афферс» ссылкой на авторитет Кейнса пытались оправдать экономическую экспансию США, попытку закабаления американскими монополиями маршаллизованных стран⁶⁰.

То обстоятельство, что Кейнс использует социальную демагогию, что он тщательно маскирует реакционные тенденции своей программы, что он выдвигает столь популярные лозунги, как борьбу с безработицей, что он дает «критику», выражаясь его словами, некоторых «изъянов» капиталистической системы, сделало кейнсианство весьма пригодным идеологическим оружием для правых социалистов. Фактически кейнсианство широко используется при обосновании экономической программы лейбористов, французских правых социалистов и вообще всей международной социал-демократии. Лидеры правых социалистов протаскивают кейнсианские идеи в массы рабочего класса. Как писал Фостер в 1948 г., «в Соединенных Штатах кейнсианство глубоко проникало в идеологию профсоюзных масс. Американская федерация труда, хотя она все еще окрашена представлениями о «свободном предпринимательстве», замеченными у Национальной ассоциации промышленников, тем не менее весьма охотно примкнула к кейнсианской идее о том, что государственные расходы могут положить конец циклическим кризисам и обеспечить достижение полной занятости в рамках капитализма. Конгресс производственных профсоюзов и «Железнодорожное братство»⁶¹ являются даже еще более определенно кейнсианскими по своим взглядам. Американские организованные рабочие восприняли эти кейнсианские идеи в течение рузвельтовского периода»⁶².

Таким образом, кейнсианство привлекает к себе представителей различных политических группировок, начиная от гитлеровских фашистов и кончая правыми социалистами и ренегатами типа Браудера. Всех их объединяет прежде всего забота об укреплении капитализма в эпоху его общего кризиса. Далее их привлекает в кейнсианстве попытка «обоснования» государственно-капиталистических мероприятий, в которых монополии видят важнейшее средство обеспечения монопольно высоких прибылей и укрепления капитализма. Наконец, все эти группировки объединяет стремление лозунгом «полной занятости» завоевать доверие рабочих.

В современных условиях борьба с кейнсианством является одной из актуальнейших задач рабочего движения в капиталистических странах. Распространяемый кейнсианцами миф о возможности «усовершенствования» капитализма на основе его «регули-

⁶⁰ Hubert Feis. Keynes in Retrospect. «Foreign Affairs». July 1951, p. 577.

⁶¹ «Железнодорожное братство» — объединение американских профсоюзов транспортных рабочих.

⁶² W. L. Foster. The Political Significance of Keynesism. «Political Affairs», January 1948, p. 31.

рования» буржуазным государством является на современном этапе важнейшим методом подчинения рабочих буржуазной идеологии, широко используемым лидерами правых социалистов. Оппортунистическая пропаганда ставит своей целью внушить доверие рабочим с тем, чтобы под шумок трескучих фраз в духе антикапиталистической демагогии преподнести им основные идеи оппортунизма и, прежде всего, идею сотрудничества классов, идею классового мира.

Кейнсианство является господствующим течением в современной английской буржуазной экономической литературе. Наряду с многочисленными кейнсианцами имеются, однако, некоторые буржуазные авторы, которые, хотя и принимают ряд практических предложений Кейнса, прибегают к теоретической аргументации, заимствованной из других источников. Так, например, Пигу, Робертсон и другие в своих «теоретических» манипуляциях опираются на Маршалла, пытаются приспособить его теорию к изменившейся социально-экономической обстановке.

Особо следует отметить группу буржуазных экономистов, опирающихся на ликтеорию Джевонса и австрийской школы. Эту группу иногда называют лондонской школой (Кеннан, Роббинс, Хайек).

Лондонская школа наиболее тесно связана с консервативной партией, в то время как кейнсианство идеологически обслуживает лейбористов. В отличие от лейбористов, пытающихся подчинить рабочий класс буржуазной идеологии, экономисты лондонской школы имеют в виду идеологическое воздействие на буржуазную и мелкобуржуазную аудиторию. Этим объясняется то, что экономисты лондонской школы, будучи более откровенными в своей апологии капитализма, нежели лейбористы, считают опасным прибегать к социалистической фразеологии, открыто восхваляют капиталистическую систему и проповедуют наступление на жизненный уровень трудящихся.

Книги Хайека, Роббинса и других представителей лондонской школы целиком опираются на методологию и основные положения экономического учения Джевонса и австрийской школы. «Новизна» работ лондонской школы заключается в новом использовании этих затасканных учений. Если учение Джевонса, К. Менгера, Бем-Баверка и других вульгарных экономистов, выступавших в 70—90-х годах XIX в., было направлено своим острием против экономического учения К. Маркса, то Хайек, Роббинс и другие пытаются использовать старый хлам вульгарной политической экономии в борьбе с ленинизмом, против советского общественного строя, представляющего воплощение на практике марксистско-ленинского учения.

Современные защитники «теории предельной полезности» из кожи лезут вон, чтобы опорочить и оклеветать народнохозяйственное планирование в СССР и странах народной демократии. Таким

образом, теоретическая деятельность лондонской школы имеет явно выраженную антисоветскую направленность.

Несмотря на ревностную защиту капиталистического строя, это течение не стало господствующим в английской экономической литературе. Экономисты лондонской школы, выполняя социальный заказ буржуазии, делают это слишком грубо и откровенно. Они слишком демонстративно афишируют свою реакционность. Эти теории могут пользоваться успехом в буржуазной аудитории, но они мало пригодны для воздействия на рабочего читателя. Неудивительно, что в Англии наибольшим спросом пользуются буржуазные экономисты кейнсианского толка, которые проявили большую гибкость и изощренность, большее умение маскировать классовые задачи и которые лучше приспособлены для воздействия на рабочих.

5. ЛЕЙБОРИСТЫ — ПРОПАГАНДИСТЫ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Особую роль в распространении буржуазной идеологии среди английских рабочих в период общего кризиса капитализма играют правые лейбористы. В условиях, когда социалистическая система хозяйства обнаружила свои явные преимущества над капиталистической, потребовались особо изощренные методы обмана рабочих, а для этой цели более всего пригодными оказались лейбористы. Обострение социально-экономических противоречий в современной Англии приводит к тому, что монополистический капитал вынужден прибегать к все более широкому использованию своей правосоциалистической агентуры, социальной базой которой является рабочая аристократия.

Хотя в современной Англии сократились возможности подкупа рабочей аристократии капиталистами, хотя кризис Британской империи приводит к постепенному расшатыванию и размыванию английской рабочей аристократии, но последние пока еще сохраняют значительное влияние. Помимо того, что рабочая аристократия в Англии сильнее, чем где-либо, она располагает большим политическим опытом, имея за своими плечами не десятилетия, а столетия. При этом нужно учесть, далее, большой опыт в деле подкупа рабочей аристократии, которым обладает английская буржуазия.

Праволейбористские руководители в своей деятельности опираются на оппортунистические традиции, которые в течение многих десятилетий насаждали в английском рабочем классе идеологи тред-юнионизма и фабианства.

В Англии уже давно сложились особый тип рабочих деятелей, руководителей тред-юнионистских и лейбористских организаций, выходцев из рабочего класса, но всецело преданных буржуазии. Этот слой деятелей, насквозь пропитанных буржуазной идеологией, совместно с выходцами из буржуазной интеллигенции, тесно свя-

занными с капиталистическим классом, возглавил лейбористскую партию и определил ее политику с самого момента ее возникновения.

В. И. Ленин дал отчетливую классовую характеристику лейбористской партии. «Конечно, — говорил Ленин, — Рабочая партия большею частью состоит из рабочих. Однако, является ли партия действительно политической рабочей партией или нет, это зависит не только от того, состоит ли она из рабочих, но также от того, кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики. Только это последнее и определяет, имеем ли мы перед собой действительно политическую партию пролетариата. С этой единственно правильной точки зрения Рабочая партия является насквозь буржуазной партией, ибо хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, — самые худшие реакционеры, действующие вполне в духе буржуазии; это — организация буржуазии, существующая для того, чтобы с помощью английских Песке и Шейдеманов систематически обманывать рабочих»⁶³.

Оппортунисты оказывают огромную услугу магнатам капитала. Сдерживая революционный напор пролетариата, они облегчают наступление финансовой олигархии на жизненный уровень трудящихся и осуществление империалистической политики. С особой силой звучат в наши дни слова В. И. Ленина: «Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться»⁶⁴.

Эта ленинская характеристика целиком применима к праволейбористскому руководству.

Праволейбористские деятели являются главными проводниками буржуазной идеологии и пропагандистами реакционной империалистической политики финансового капитала среди рабочего класса.

Они открыто называют себя наследниками буржуазного либерализма. Они полностью принимают буржуазную концепцию «классового мира» и отказа от классовой борьбы, дополняя эту концепцию рассуждениями в духе так называемого этического социализма.

В противовес марксистскому учению о классовой борьбе лейбористская программа выдвигает надуманное, заимствованное из буржуазных источников и явно апологетическое в отношении к эксплуататорскому обществу положение о том, что «сотрудничество есть закон жизни». Противопоставление идее классовой борьбы идеи сотрудничества всех членов общества проходит красной нитью через все писания лейбористов.

⁶³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 232—233.

⁶⁴ Там же, стр. 206.

Отрицание классовой борьбы означает стремление полностью подчинить рабочих господству капиталистов. Наиболее откровенно классовую суть лейборизма выразил Г. Моррисон, заявивший в 1929 г. (тогда он был министром транспорта во втором лейбористском правительстве): «Я хочу, чтобы каждый делец и управляющий понял, что лейбористское правительство не является его врагом, что каждый министр в этом правительстве хочет взять его за руку, относиться к нему как к равному и брату и хочет помочь ему добиться большего, чем в прошлом, успеха в его торговой и промышленной деятельности». С такого рода воззваниями к капиталистическим предпринимателям Моррисон и другие лейбористские лидеры обращались и после избирательной победы 1945 г. Лейбористский официоз «Дейли геральд» с возмущением отзывался о консерваторах, обвинявших лейбористское правительство в том, что оно ограничивает частные предприятия.

Отрицание классовой борьбы у лейбористов непосредственно связано с проповедью идеалистических представлений. Они стараются одурачить рабочих обманчивой иллюзией, будто социализм победит не в результате революционной классовой борьбы пролетариата, а на основе «этического» воспитания. Они пытаются представить социализм как реализацию этических мотивов.

Лейбористы всячески стараются внушить рабочим такие этические представления, которые отвечали бы интересам капиталистов. «Этика» в трактовке лейбористских писателей по существу означает отказ от классовой борьбы пролетариата, примирение пролетариата с буржуазией, оправдание капиталистической эксплуатации. Лейбористы стремятся привить рабочим буржуазную идеологию.

«Этическое» покрывало лейбористы используют для того, чтобы приукрасить самые хищнические проявления империализма. В частности, им приписывалась империалистическая сущность «плана Маршалла».

Отказ от классовой борьбы пролетариата, отрицание революционных методов борьбы, защита идеалистической точки зрения неразрывно связаны с враждебным отношением к марксизму. Лейбористы, которые всегда кичатся своей терпимостью к чужим взглядам, проявляют особую нетерпимость, когда речь идет о марксизме⁶⁵.

⁶⁵ Праволейбористские руководители пользуются всяким случаем, что бы «осудить» идеологию марксизма и подчеркнуть, что лейбористы не имеют с ним ничего общего. Так, например, на конференции правосоциалистических партий в Копенгагене в 1950 г. секретарь английской лейбористской партии Морган Филлипс всячески отмежевывался от научного социализма, подчеркивая, что «основатели и учителя английской лейбористской партии осарили, а затем окончательно отвергли экономическую и политическую теорию Маркса». «Никакого марксизма. Никакого материализма и классовой борьбы!» — бесцеремонно заявлял Морган Филлипс.

Правые лейбористы распинаются в том, что они являются ударной силой в борьбе с революционным марксизмом-ленинизмом. Морган Филлипс заявил в 1952 г. на втором съезде правых социалистов в Милане: «Никто не питает такой острой ненависти к коммунизму, как английская лейбористская партия».

В экономической области в борьбе с марксизмом-ленинизмом лейбористы опираются на работы вульгарных экономистов. Традиции рабологии перед вульгарной политической экономией усиленно насаждали в английском рабочем движении фабианцы, которые сыграли главную роль в формировании лейбористской идеологии. Фабианцы отрицали и отрицают классовый характер политической экономии.

Марксистскому учению о классовом и партийном характере политической экономии фабианцы противопоставили фальшивое апологетическое утверждение о «нейтральности» политической экономии, о ее мнимой независимости от борьбы классов и партий и превратились в оруженосцев вульгарной политической экономии.

Исходя из положения о нейтральности политической экономии, отрицая ее связь с политической борьбой, фабианцы делают вывод, что вопросы экономической теории не являются программными вопросами, что их решение может быть предоставлено личному усмотрению отдельных членов организации. В программном документе фабианцев «Политика фабианцев и английский социализм» сказано, что фабианцы не имеют своей определенной точки зрения по ряду вопросов, считая это личным делом каждого. В число этих вопросов входят вопросы о браке, религии, экономическом учении, историческом процессе, денежном обращении и т. д.⁶⁵

Фабианцы провозгласили «свободу» научного творчества. В действительности это свобода от последовательно пролетарских позиций, свобода от марксизма, свобода для самого беспартийного эклектизма. Эта пресловутая «свобода» фактически означает капитуляцию перед вульгарной политической экономией. В свое время Ф. Энгельс писал, что английская буржуазия хочет довести дело до того, чтобы иметь буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Энгельс имел в виду и идеологическую зависимость английского пролетариата от буржуазии. Проводежь нейтральности политической экономии позволяет закрепить эту идеологическую зависимость в области экономической теории.

Следуя заветам фабианцев, лейбористы полностью разделяют буржуазную методологию, основанную на увековечении экономических законов капитализма. Они горячо подхватывают реакционные кейнсианские планы «реорганизации» капитализма на основе использования и полного подчинения государства монополиям и охотно распространяют теории в защиту империалистической политики.

Лейбористы полностью принимают основные руководящие идеи вульгарной политической экономии, из которых, в частности, исходил Кейнс. В противовес теории стоимости Маркса лейбористы выдвигают пресловутый принцип редкости как исходный принцип при объяснении капиталистической экономики. Эттли, например, заявляет, будто «капитализм был построен на существовании редкости..., прибыль возможна только там, где есть относительная редкость..., процент образуется в результате ограниченности суммы располагаемого капитала»⁶⁷.

Трудно придумать более лживую концепцию, заимствованную непосредственно из мальтузианского арсенала. Она призвана внушить рабочим мысль, что источник всех социальных бедствий якобы коренится в относительной ограниченности богатства, в недостаточном уровне производительных сил, т. е. в конечном счете все сводится к противоречию между человеком и природой. Сия концепция умышленно оставляет в тени основной источник классовых противоречий, который коренится в системе производственных отношений, в экономической структуре капитализма. Своими рассуждениями о редкости Эттли старается подвести читателя к чисто оппортунистическому выводу, что для ликвидации социальных противоречий достаточно устранить редкость, т. е. добиться роста производительных сил и увеличения народного богатства, независимо от капиталистической формы производства. Это есть призыв к рабочим — максимально содействовать накоплению капитала, увеличению капиталистических прибылей.

Нужно отметить, что принцип редкости лежит в основе реакционной «теории предельной полезности», которая пользуется большим признанием среди лейбористов.

Лейбористы охотно подхватывают наиболее вульгарные теории прибыли. В этом отношении характерна упомянутая выше книга Джексона «В защиту социализма». Плетьясь в хвосте за реакционной «теорией воздержания» Сениора, жестоко высмеянной и разоблаченной Марксом в I томе «Капитала», Джексон усматривает источник процента в пресловутом «воздержании» капиталиста.

Известно, что лейбористы придерживаются господствующей среди буржуазных экономистов «теории предельной производительности», согласно которой заработная плата определяется предельной производительностью труда. Эта заимствованная у буржуазных экономистов теория стремится внушить рабочим мысль, что они получают в форме заработной платы весь продукт своего труда, что, следовательно, нет никакой эксплуатации.

Данная теория служит для «обоснования» вывода о том, что рост заработной платы может иметь место лишь при повышении производительности труда. Эту выгодную для буржуазии идею лейбористская пропаганда усиленно внушает английскому рабочему

⁶⁵ С. Вебб. Социализм в Англии. СПб., 1918, стр. 56.

⁶⁷ C. R. Attlee. The Will and the Way to Socialism. L., 1935, p. 29.

классу для оправдания политики замораживания заработной платы⁶⁸.

На современном этапе применение «принципа нейтральности» политической экономии выражается в принятии лейбористами на свое идейное вооружение кейнсианства.

Едва только успела появиться работа Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.), как в том же году появилась брошюра лейбориста Рауса на тему «Мистер Кейнс и лейбористское движение». «Что отделяет сейчас мистера Кейнса от лейбористского движения? — спрашивал автор и на этот вопрос давал категорический ответ: — Ничего не отделяет. Общая теория занятости Кейнса в каждом пункте без единого исключения находится в полном согласии с лейбористской политикой в этой стране»⁶⁹.

Рыбак рыбака видит издалека. Сам Кейнс, принадлежавший к либеральной партии, писал еще в 1926 г. о большой близости друг к другу «конструктивных мыслителей» из лейбористской и либеральной партий. «Я верю, — писал он, — что обе секции будут становиться все большими и большими друзьями и коллегами в конструктивной работе»⁷⁰.

Как видим, Кейнс демонстративно заявил о своей близости к лейбористам. Он только реже прибегает к социалистической фразеологии и выступает с более откровенной апологией капитализма по сравнению с лейбористами, сделавшими своей специальностью изыскание особых методов «тонкого» одурачивания рабочих и поэтому более тщательно маскирующими свое буржуазное нутро. Но лейбористы охотно пропагандируют основные реакционные идеи кейнсианства.

Тот факт, что праволейбористское руководство взяло на свое идейное вооружение такую реакционную теорию, как кейнсианскую, служит новым подтверждением глубокого падения правых социалистов.

Выступая в роли пропагандистов реакционных теорий вульгарной политической экономии, лейбористы прикрывают эти теории, в частности кейнсианство, социалистической фразеологией. Для более удобного использования реакционных воззрений Кейнса и его последователей они совершенно извратили представление о социализме, выдавая его за особую разновидность капитализма. Эту задачу лейбористы, следуя за фабианцами, пытаются разрешить путем отождествления всякого государственного и муниципального предприятия с социалистическим. Лейбористы отождествляют социализм с простым ростом государственных и муниципальных предприятий.

Главный «прогресс», достигнутый лейбористами по сравнению со старыми фабианцами, состоит в том, что лейбористы сделали

⁶⁸ Этот вопрос более подробно излагается в гл. 4 настоящей работы.

⁶⁹ A. L. Rowse. *Mister Keynes and the Labour Movement*. L., 1936, p. 12.

⁷⁰ J. M. Keynes. *Essays in Persuasion*. L., 1952, p. 342.

краеугольным камнем своего учения о «социализме» апологию государственно-монополистического капитализма. На английской почве эта апология приняла форму восхваления так называемых публичных корпораций, этой типичной формы государственно-капиталистических предприятий. «Публичная корпорация» учреждается государством и находится под его общим контролем, но в то же время правление корпорации, в которой руководят и управляют представители финансового капитала, пользуется широчайшей самостоятельностью. «Публичные корпорации» были объявлены лейбористами главным звеном в осуществлении их программы «национализации», основной формой прокламируемого ими «социалистического» пути. При этом лейбористские писатели под видом «борьбы с бюрократизмом» из всех сил изощряются в том, чтобы предоставить максимальный простор для махинаций финансовых магнатов, орудующих в правлениях «публичных корпораций». Так, под флагом борьбы за лейбористский «социализм» осуществляется фактически защита господства капиталистических монополий.

Вслед за лейбористами этот прием апологии монополий под флагом «социалистической» фразеологии подхватили некоторые экономисты, принадлежащие к консерваторам, вроде Роберта Бутби, объявившего $\frac{3}{4}$ крупного капитала Англии «социализованным» на том основании, что этот капитал находится в руках монополий.

Даже такой буржуазной орган, как лондонский «Экономист», вынужден был признать, что нет разницы между тем, что руководители английских тред-юнионов называют «системой социализма», и тем, что капиталистические предприниматели называют «системой свободных предприятий»⁷¹.

Эта попытка выдать государственно-монополистический капитализм за социализм находит свое логическое завершение в широко распространенном в лейбористской экономической литературе положении, что все выводы политической экономии капитализма целиком применимы к социалистическому хозяйству. Эту абсурдную идею особенно ревностно проповедовал лейбористский писатель Дурбин.

Еще в 1848 г. Маркс и Энгельс отметили, что «самое подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит только тогда, когда превращается в простой ораторский оборот речи»⁷².

У правых лейбористов социализм низведен на роль простой риторической фразы, назначение которой — обман рабочих и приукрашивание капитализма всякого рода «социалистическими» фразами.

⁷¹ «Economist», July 2, 1949.

⁷² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1952, стр. 35.

Каким бы именем лейбористские демагоги ни окрестили капитализм, какие бы «социалистические» ярлыки они ни приклеивали к нему, от этого ни на поту не изменится эксплуататорская, хищническая природа капитализма. Ф. Энгельс по этому поводу остроумно заметил, что можно, при желании, назвать сапожную щетку млекопитающим, но от этого у нее не вырастут молочные железы.

Одним из характерных методов лейбористской апологетики в условиях борьбы двух систем является попытка представить современный капитализм как некую «смешанную экономику». Эта теория строится на лживом утверждении, что социализм может развиваться «кусочками» в недрах капитализма. Исходя из этого глубоко оппортунистического представления, лейбористский деятель Дальтон еще в 1935 г. писал, что в каждом современном обществе имеется «ядро социализма, более или менее социализированный сектор в экономической жизни общества»⁷³. К числу элементов социализированного сектора Дальтон прежде всего относит государственные и коммунальные финансы, а также полицию, прагматическую администрацию, вооруженные силы. Таким образом, Дальтон относит к «социализированному сектору» государственные органы, при помощи которых финансовая олигархия осуществляет неприкрытое насилие над трудящимися внутри страны, империалистический разбой и грабеж в колониях и зависимых странах в интересах обеспечения монопольно высоких прибылей, готовит и осуществляет с целью получения тех же прибылей грабительские войны.

Под вывеской «социализированного сектора» Дальтона скрывается обычный государственно-монополистический капитализм. Сам Дальтон по существу подтверждает это положение, указывая, что основной формой развития «социализированного сектора» являются так называемые публичные корпорации. Дальтон всячески восхваляет эту форму «социализации», подчеркивая при этом, что «публичным корпорациям» нужна «менее тесная и непосредственная зависимость от правительства и парламента»⁷⁴. Но это как раз то, что нужно монополиям, получающим в этом случае финансовую помощь со стороны государства и в то же время «свободу рук», избавляясь от опасности публичного разоблачения их махинаций с парламентской трибуны. Не ясно ли, что защита «публичных корпораций» — это прямая апология монополий.

Измышление о «социализированном секторе», якобы существующем в рамках современного буржуазного общества, представляет большие удобства для лейбористского обмана и дезорганизации рабочего класса. Оно пришло по вкусу некоторым буржуазным экономистам, применяющим те же приемы фальсификации

и демагогии насчет наличия при капитализме маленьких кусочков социализма в виде государственных железных дорог и т. д.

Опыт Советского Союза и стран народной демократии неопровержимо подтвердил и показал истинность марксистско-ленинского положения о том, что социалистический способ производства не может вырастать в рамках капитализма, подобно тому как вырастал, например, капитализм в рамках феодализма, а феодализм — в рамках рабовладельческого способа производства. Для всех способов производства, основанных на классовом антагонизме, одинаково характерно, что они, во-первых, основаны на частной собственности, во-вторых, имеют эксплуататорский характер. Феодальные методы эксплуатации в форме древнеримского колоната могли ужиться с рабовладельческими латифундиями. Те же рабовладельцы нередко переводили своих рабов на положение колоннов, т. е. крепостных. Точно так же капиталистические предприятия могли развиваться в недрах феодального строя. Нередко в одном и том же предприятии сочетались элементы феодальной и капиталистической эксплуатации. Нередко один и тот же крепостной, отпускаемый на оброк, подвергался эксплуатации и со стороны своего помещика-крепостника и со стороны капиталиста. В недрах феодализма постепенно складывался и развивался капиталистический способ производства, вытеснявший феодальные отношения. Задача буржуазной революции заключалась в том, чтобы привести в соответствие государственную власть с уже сложившимися в основном в недрах феодализма капиталистическими отношениями.

В отличие от всех предшествующих способов производства, возникновение социалистических производственных отношений происходит совершенно по-иному. Развитие капитализма создает материальные предпосылки для социалистического способа производства в виде высокого уровня обобществления производства и формирования рабочего класса, призванного к тому, чтобы под руководством своей революционной партии свергнуть капитализм и взять власть в свои руки. Но пока у власти стоит буржуазия, возникновение социалистических производственных отношений невозможно. Это становится возможным лишь после свержения политического господства буржуазии и установления власти пролетариата.

При сохранении капиталистической системы даже предприятия рабочей потребительской или производственной кооперации являются коллективно-капиталистическими предприятиями.

Не может быть и речи о создании каких-то социалистических «оазисов» или «островов», каких-то социалистических секторов при сохранении власти буржуазии.

То, что буржуазные экономисты называют «смешанной экономикой», представляет собой государственно-монополистический капитализм, при котором и государственная собственность и

⁷³ Hugh Dalton. Practical Socialism for Britain. L., 1935, p. 250.

⁷⁴ Ibid., p. 95.

частная собственность имеют одну и ту же классовую природу, причем государственно-капиталистическая собственность в условиях капитализма используется для обогащения частного капитала, представленного в монополиях.

В так называемой смешанной экономике эксплуатация рабочего класса еще более усиливается в связи с развитием государственно-монополистического капитализма. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всеильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о «тыле» их — в военно-кааторжные тюрьмы для рабочих»⁷⁵. В. И. Ленин следующим образом характеризовал капиталистическое «регулирование» хозяйства: это «регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли *выше* тех, какие были до войны»⁷⁶.

Другой «прогресс», достигнутый лейбористами по сравнению со старыми фабианцами, состоит в том, что они объявили социализм уже «осуществленным» в современной Англии. Они безапелляционно провозгласили, что им удалось коренным образом изменить природу капитализма, устранив все его противоречия, в том числе и антагонизм классов. Стрэчи, бывший военный министр в лейбористском правительстве, в брошюре «Задачи лейборизма», опубликованной в конце 1951 г., хвастливо писал: «Мы заметно модифицировали самую природу английского капитализма». В действительности, как правильно указывается в программе коммунистической партии Великобритании «Путь Британии к социализму», пресловутый «демократический социализм», победу которого в Англии провозгласили лейбористы, «является ширмой, с помощью которой они (лейбористы. — И. Б.) пытаются скрыть и оправдать свою защиту системы капиталистических прибылей и эксплуатации, защиту интересов капиталистов и монополистов и свое стремление поддерживать обанкротившуюся капиталистическую социальную структуру, сущность которой — богатство для меньшинства, бедность и низкий жизненный уровень для большинства и постоянная угроза кризисов и войны»⁷⁷.

Как более опытные социальные демагоги, специализировавшиеся на одурмативании и обмане широких рабочих масс, лейбористы, в отличие от таких откровенно-буржуазных идеологов, как Кейнс, особенно спекулируют на таких лозунгах, как «уравнение богатства», «уравнение доходов» и т. п. Лейбористская пропаганда провозгласила «уравнение доходов» при посредстве налогов «главным путем к социализму».

Все разглагольствования лейбористов о «социальной справедливости», о достижении «уравнения доходов» путем налогов, о движении к социализму через «уравнение доходов» является сущим блефом. Социальное содержание налоговой системы, ее характер и практические результаты целиком определяются экономической структурой общества, расстановкой классовых сил, характером государственной власти. В условиях капитализма налоговая система подчинена задаче укрепления власти буржуазии. «...Налоги, — писал Маркс, — служат именно средством сохранения за буржуазией положения господствующего класса...»⁷⁸ Буржуазия многообразными методами старается взвалить налоговое бремя на трудящихся, неся для этого в особенности косвенное обложение. Налоги, уплачиваемые непосредственно капиталистами, в значительной части перекладываются на потребителя, а в другой части эти налоги капиталистам компенсирует государство, обеспечивая им возможность получения громадных прибылей. Даже там, где монополии вынуждены допустить, в силу напряженности социально-политической обстановки, прогрессивное обложение больших доходов, они имеют в своем распоряжении множество средств для того, чтобы удержать свои доходы от высокого обложения. Так, значительная часть прибылей акционерных компаний перечисляется в счет резервных капиталов, не облагаемых налогами. Излюбленный трюк крупных фирм, совершаемый открыто и безнаказанно, заключается в следующем: вместо выплаты процентов по акциям, рассматриваемых как доход и, следовательно, подлежащих налогообложению, практикуется выпуск за счет прибылей специальных «бон», которые по волшебным законам финансовой алхимии рассматриваются как «капитал» и на этом основании налогом не облагаются. Часть прибылей — притом немалая — распределяется в форме высоких окладов между директорами и членами правлений акционерных компаний. Эти оклады облагаются такими же налогами, как обычная заработная плата. Наконец, в семьях крупной буржуазии громадные доходы расписываются между подставными лицами, родственниками и т. д. для того, чтобы во много раз уменьшить доход, фактически получаемый главой семьи.

За период пребывания лейбористов у власти не только не произошло более равномерного распределения налогов, которое бы меньше обременяло людей с низшими доходами, как обещала лейбористская избирательная программа 1945 г., — напротив, резко выросло обложение подоходным налогом рабочих и служащих по сравнению с довоенным периодом. Так, подоходный налог с рабочих повысился с 2 млн. ф. ст. в 1938 г. до 212 млн. ф. ст. в 1950/51 г., т. е. в период пребывания лейбористов у власти подоходный налог увеличился в 106 раз. Подоходный налог с рабочих и служащих, вместе взятых, повысился с 45 млн. ф. ст. в 1938 г. до

⁷⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 355.

⁷⁶ Там же, стр. 309.

⁷⁷ «Путь Британии к социализму». — «Большевик», 1951, № 3, стр. 56.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 167.

457 млн. ф. ст. в 1950/51 г., т. е. более чем в 10 раз. Между тем подоходный налог с буржуазных групп за те же годы повысился менее чем в 4 раза⁷⁹.

Лейбористское правительство оказало серьезную услугу буржуазии снижением налога на сверхприбыль, на которую в годы войны был введен 100-процентный налог: лейбористы снизили этот налог до 80%, а еще через год — до 60%.

В то же время лейбористское правительство всячески форсировало косвенное обложение, падающее всей своей тяжестью на трудящихся.

С 1946 по 1950 г., т. е. в годы пребывания лейбористов у власти, доли капиталистического класса в национальном доходе увеличилась с 32 до 35% (за вычетом налогов, с учетом нераспределенных прибылей), а доля рабочего класса снизилась с 47 до 43%⁸⁰. Это показывает несостоятельность лейбористской демагогии о «социальном уравнении».

Лучшим опровержением социалистической фразеологии правых лейбористов является их практика. Вся их деятельность во время пребывания у власти (1945—1951 гг.) наглядно подтверждает, что лейбористский «демократический социализм» представляет собой маскарад, прикрывающий фактическое служение капиталистическим монополиям.

Весьма ярко этот маскарад проявился в проведенной лейбористами национализации, которая на деле гарантирует капиталистам высокие прибыли. Бывшие собственники «национализированных» предприятий получили громадную компенсацию, превышающую 2,8 млрд. ф. ст. Они получили эту компенсацию в виде государственных облигаций, приносящих устойчивый доход из расчета среднегодового дохода за последние 10—15 лет. Буржуазная пресса не скрывает, что многие владельцы убыточных предприятий не мечтали о лучшем выходе из длительного кризиса, охватившего ряд важнейших отраслей английской промышленности. За счет компенсации собственников национализированных предприятий значительно вырос государственный долг, усилилось бремя, которое легло на налогоплательщиков в пользу рантье. Под маской «национализации» за счет народных средств осуществлялась стабилизация доходов некоторых групп капиталистов. Огромные доходы, выплачиваемые собственникам «национализированных» предприятий, крайне лимитируют возможности затраты средств на переоборудование этих отраслей.

Под маской «борьбы за социализм» лейбористы способствовали укреплению позиций монополий за счет трудящихся, осуществили антирабочую программу замораживания заработной платы, что в условиях роста цен не могло не привести к фактическому сниже-

нию реальной заработной платы. Снижению последней способствовал и рост косвенных налогов, падающих своей основной тяжестью на рабочих. Как отметил исполнительный комитет английской компартии по поводу бюджета на 1949/50 г., «повышение цен на продовольствие, отказ от всякого снижения налога на покупки и даже внедрение дополнительного подоходного налога на лиц наемного труда в размере 10 млн. ф. ст. — все это представляется вопиющим контрастом на фоне подарка богачам в сумме 75 млн. ф. ст. в виде увеличения субсидий на погашение амортизационных отчислений»⁸¹.

Снижение реальной заработной платы, использование войск против бастующих, небывалый рост прибылей — вот как выглядел на деле лейбористский «социализм» в Англии. Торговые прибыли английских корпораций (trading profits) составляли: в 1938 г. — 1029 млн. ф. ст., а при лейбористском правительстве в 1948 г. — 2478 млн. ф. ст., в 1949 г. — 2574 млн. ф. ст., в 1950 г. — 2892 млн. ф. ст., в 1951 г. — 3311 млн. ф. ст. Эта тенденция роста прибылей продолжалась и при консервативном правительстве, в 1952 г. прибыли составили 3161 млн. ф. ст., т. е. возросли больше чем в 3 раза против довоенного уровня⁸².

«Прибыли крупных трестов и монополий достигли небывалых размеров...

Капиталисты исключительно хорошо преуспевают при лейбористском правительстве, они никогда не жили лучше. За все это рабочие расплачиваются низкой заработной платой, более высокими ценами и более тяжелым налогообложением...»⁸³

Небольшое снижение общей суммы прибылей в 1952 г., несмотря на рост прибылей военных отраслей, отражает ухудшившиеся условия реализации товаров в ряде отраслей гражданского производства, что привело к банкротству многих предприятий и к общему снижению реализованной прибавочной стоимости.

За последнее время для того, чтобы привлечь на свою сторону наиболее реакционные элементы, правые лейбористы стали реже употреблять и социалистическую фразеологию. Весьма показательны в этом отношении две коллективные работы, выпущенные лейбористами в 1952 г.: «Социализм. Новое изложение принципов» и «Новые фабианские очерки»⁸⁴. Авторы первого сборника прямо,

⁸¹ «Правда», 13 апреля 1949.

⁸² Здесь произведен некоторый перерасчет для 1938 и 1951 гг. в связи с тем, что данные за 1952 г. включают в себя и амортизационные отчисления, которые в современных условиях являются скрытой формой резервных фондов за счет прибылей. Данные взяты из «National Income and Expenditure of the United Kingdom. 1946 to 1950», April 1951, p. 17; «Annual Abstract of Statistics. 1938—1950», 1952, N 88, p. 272; «Records and Statistics», April 3, 1952, p. 248.

⁸³ «Путь Британии к социализму». — «Большевик», 1951, № 3, стр. 49.

⁸⁴ «Socialism. A New Statement of Principles. Presented by Socialist Union». L., 1952; «New Fabian Essays». L., 1953.

⁷⁹ «Records and Statistics», April 29, 1950, p. 408.

⁸⁰ «Labour Monthly», August 1952, p. 344.

без обиняков объявляют идею замены капитализма социализмом... мифом. «Для европейских социалистов в XIX в., — изрекают они, — положение казалось простым. Капитализм должен быть свергнут; нечто, известное как социализм, естественно, должно заменить его. Был провозглашен прямой выбор между двумя ясно различимыми и противоположными системами — разрушить одну и другая заменит ее. Не существует двух основных и противоположных систем, есть лишь бесконечная серия переходных ступеней»⁸⁵. А. Кросс-лэнд, один из авторов «Новых фабианских очерков», вместо социализма «наиболее вероятным наследником капитализма» объявляет так называемый «стейтизм», под которым подразумевается не что иное, как государственно-монополистический капитализм.

Как видим, лейбористы за последнее время стали отбрасывать и социалистический ярлык. В этом нет ничего удивительного. Как писал Толлятти, «социализм стал для лейбористских лидеров контрабандным товаром, который надо прятать для того, чтобы удержаться на поверхности»⁸⁶. Даже в буржуазных органах печати все чаще начинает подчеркиваться, что «социализм» лейбористов — пустая фраза⁸⁷.

Правые лейбористы выступают как левое крыло консерваторов. Таков естественный, логический конец политики предательства рабочего класса и пресмыкательства перед капиталом.

⁸⁵ «Socialism. A New Statement of Principles», p. 41.

⁸⁶ «Правда», 2 марта 1950 г.

⁸⁷ «Дейли телеграф энд морнинг пост» в июле 1949 г., комментируя избирательную программу лейбористов «Взглянем в будущее», с которой они выступали на парламентских выборах 1945 г., ехидно отметил, что в этой программе, изложенной на 12 страницах, слово «социализм» упоминается лишь один раз («Daily Telegraph and Morning Post», 27 July, 1948).

Глава третья

АПОЛОГИЯ МОНОПОЛИЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МОНОПОЛИЙ В АНГЛИИ

Английские буржуазные экономисты стали писать о монополиях позже, чем буржуазные экономисты других стран. Для английской буржуазной экономической литературы не только XIX, но и начала XX в., т. е. уже в период империализма, была характерна тенденция к замалчиванию и отрицанию господства монополий в Англии. Эта тенденция тесно связана с особой живучестью фритредерской идеологии буржуазных кругов Англии и определяется особыми историческими условиями ее развития.

Английские буржуазные экономисты конца XIX и начала XX в. упорно отрицали развитие в Англии монополий, отстаивая тезис о том, что свободная конкуренция царит в современной им Англии в таких же формах, как это имело место в «веселой старой Англии» времен Кобдена и Манчестерской лиги.

Эта легенда была опрокинута фактами еще в конце прошлого столетия. Своеобразие экономического развития Англии выражалось в том, что, в силу некоторых исторических особенностей, в частности в силу длительного отсутствия протекционизма, монополии возникли там позже, и на первом этапе уровень их развития отставал от уровня развития монополий других крупных капиталистических стран. Но никакие экономические особенности Англии не могли приостановить действия законов экономического развития, характерных для капиталистической формации, в частности неизбежности перехода капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм. В. И. Ленин по этому поводу писал в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»: «Чрезвычайно важно, что в стране свободной торговли, Англии, концентрация *тоже* приводит к монополии, хотя несколько позже и в другой может быть форме»¹.

В 80-х и 90-х годах прошлого столетия в Англии образовался ряд монополистических объединений. Не случайно Ф. Энгельс в своей известной вставке к гл. 27 III тома «Капитала» о монополи-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 187.

стических объединениях выбрал в качестве иллюстрации английскую химическую промышленность. «...В Европе, — писал Энгельс, — величайшим примером этого рода до сих пор остается «United Alkali Trust», сосредоточивший все английское производство калия в руках одной единственной фирмы... Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности, в Англии конкуренция заменена монополией и самым удовлетворительным образом подготавливается будущая экспроприация всем обществом, нацией»².

Производство рельсов было синдицировано в Англии еще в начале 80-х годов. Английский синдикат вместе с германским и бельгийским выступил в 1883 г. организатором международного фельсового картеля. Соляной трест уже в 1888 г. объединил 90% добычи соли.

Весьма интенсивный процесс создания монополистических объединений в Англии происходил в самом конце прошлого и в начале текущего столетия. Так, кабельное производство было трестировано в 1898 г. Возникший в 1899 г. ситценабивной трест объединил 46 фирм, представлявших 85% всего производства ситца.

В 1897 г. образовалась компания, монополизировавшая производство ниток. Тонкое бумагопрядение в своей значительной части было объединено компанией «Файн коттон спиннерс», возникшей в 1898 г. В 1900 г. образовалось объединение в цементной промышленности, контролировавшее в 1912 г. около 75% его производства. Обойный трест, возникший в 1898 г., контролировал 98% производства обоев. Монополистические объединения начали захватывать и металлообработку. Так, возникшее в 1911 г. объединение «Нэйшнл лайт кастингс ассосиэйшн» вскоре охватило 95% всего производства чугунного литья.

Весьма характерно, что в то время как английские экономисты упорно старались не видеть процесса образования монополистических объединений на своей родине, на этот процесс обратили внимание иностранные наблюдатели, представители стран, конкурировавших с Англией. Одним из первых авторов, подробно описавших этот процесс, был немецкий экономист Герман Леви, выпустивший в 1909 г. книгу «Монополии, картели и тресты», данными которой В. И. Ленин иллюстрировал монополистическое развитие Англии. Еще раньше на эти процессы обратила внимание индустриальная комиссия конгресса Соединенных Штатов. В своем отчете за 1901 г. она указывала: «В течение нескольких лет тенденция промышленности Англии к созданию объединений и комбинаций различных предприятий была достойна внимания (noticeable). За последние два-три года это движение было очень заметно»³.

² К. Маркс. Капитал, т. III. М., Госполитиздат, 1955, стр. 451.

³ Цит. по кн.: George W. Stocking and Myron W. Watkins. Cartels or Competition... The Economics of International Controls by Business and Government. N. Y., Twentieth Century Fund., 1948, p. 19.

Уже к началу первой мировой войны процесс развития капиталистических монополий в Англии достиг такого высокого уровня, что его, наконец, не могли замолчать и английские официальные органы. Отчет официального комитета о трестах при британском министерстве реконструкции в 1919 г. констатировал, что «в настоящее время наблюдается в каждой важной отрасли промышленности Соединенного Королевства усиливающаяся тенденция к образованию промышленных ассоциаций и комбинаций, имеющих своей целью ограничение конкуренции и контроль над ценами»⁴.

Только после первой мировой войны английские буржуазные экономисты отказались от своей прежней тактики замалчивания монополий в Англии и начали применять новую тактику приукрашивания и оправдания капиталистических монополий.

В период между двумя мировыми войнами процесс монополистического развития в Англии далеко шагнул вперед. Основу этого процесса составлял весьма высокий уровень концентрации производства, достигнутый в Англии. Данные, основанные на переписи 1935 г. и опубликованные в 1945 г., свидетельствуют о том, что уровень концентрации английской промышленности тогда многим уступал американской. В Англии в фирмах с числом рабочих свыше 500 человек было сосредоточено в 1935 г. более 52% общего числа рабочих, занятых в промышленности.

Монополии подчинили себе важнейшие отрасли промышленности, что видно из следующих данных⁵:

Отрасли	Год	Число монополий	Находится под контролем монополий, %	Отрасли	Год	Число монополий	Находится под контролем монополий, %
Черная металлургия	1934	10	70—75	Искусственный шелк	1930	1	80
Алюминиевая	1928	1	100	Цемент	1926	2	60—70
Судостроение	1926	10	66	Мыло	1926	1	90
Основная химия	1928	1	95				

В этот период в Англии возникают огромные тресты и концерны. Так, в черной металлургии возник ряд крупных объединений. Наиболее крупное из них концерн Виккерс — Армстронг, охвативший как в самой Англии, так и вне ее огромный комплекс предприятий, производящих металл, суда, военное снаряжение и материалы, электрическое оборудование и т. д. В 20-х годах в Англии возник крупнейший трест — «Империял кемикл индастри» с капиталом в 77 млн. ф. ст. Этот гигантский трест с самого начала подчинил себе 95% английской продукции в области основной химии, 100% выработки синтетического аммиака, 40% производства кра-

⁴ Ibid.

⁵ Приводится в кн. John E a t o n. Political Economy. A Marxist Textbook. L., 1949, p. 142.

сителей. В те же годы возник гигантский концерн «Юнилевер», подчинивший себе в годы кризиса 1929–1933 гг. большую часть маргаритовой промышленности Европы.

Процесс трестификации принял крупные масштабы не только в тяжелой промышленности, но и в легкой, в частности в хлопчатобумажной. Так, в 1922 г. образовалось объединение хлопчатобумажных фабрик, перерабатывавших в Англии около 20% египетского хлопка. В 1929 г. была создана «Ланкашир коттон корпорейшн», объединившая 139 фабрик, перерабатывавших американский хлопок, из которых 53 фабрики были снесены на слом.

Параллельно концентрации в промышленности происходил очень интенсивный процесс концентрации в области банковского дела. Достаточно привести одну цифру. Удельный вес вкладов пяти самых крупных банков (так называемой «большой пятёрки») по отношению к вкладам всех английских акционерных банков вырос с 27% в 1900 г. и 39,7% в 1913 г. до 74,1% в 1932 г.

Федерация британской промышленности в середине 1935 г. выдвинула программу широкого картелирования всех отраслей народного хозяйства. В специальном докладе она призывала проводить еще более последовательно и систематически политику монополистического капитала. Она так сформулировала основные принципы этой политики: 1) ликвидация избытков производственной мощности и содействие «концентрации выпуска продукции на рентабельных и современных заводах», 2) «ограничение допуска новых пришельцев в промышленность», 3) установление большего единства между английскими промышленниками при переговорах с иностранными конкурентами; 4) изгнание из деловой сферы фирм, «которые не могут надеяться когда-либо стать прибыльными»⁶. Речь, конечно, шла о сравнительно мелких и средних предприятиях, а не о гигантах, получающих щедрые субсидии со стороны государства и обеспечивающих себе наивысшие прибыли.

Эта политика усиленного картелирования неуклонно осуществлялась как при консервативном, так и при лейбористском правительствах.

В этих условиях отрицать наличие монополий в Англии стало невозможным даже для самых изощренных буржуазных апологетов. Буржуазная печать не могла больше совершенно замолчать тот очевидный факт, что свободная конкуренция ушла в прошлое⁷.

Но дело не только в том, что замалчивать наличие монополий

⁶ Цит. по кн.: Джемс Аллен. Международные монополии и мир. М., ИЛ, 1948, стр. 149–150.

⁷ Лондонский «Экономист», который в свое время был создан для пропаганды фритредерских идей и который в течение долгого времени упорно делал вид, что не замечает монополистических процессов, вынужден был признать: «В 1939 г. было величайшей редкостью найти отрасль обрабатывающей промышленности, которая в каком-либо отношении приближалась к состоянию свободной конкуренции» («Economist», June 29, 1946, p. 21–22).

стало просто неудобным, так как буржуазные экономисты рисковали потерять всякое доверие к себе даже в мелкобуржуазных кругах. Дело также в том, и это имеет особое значение, что английская буржуазия искала и ищет средств укрепления ослабевших позиций британского империализма путем усиления организации финансового капитала, в частности, путем установления более тесной связи промышленных и банковских монополий на путях преодоления организационной отсталости английских монополий по сравнению с более мощными монополиями других стран, в частности США. Поэтому английские буржуазные экономисты после первой мировой войны стали не только открыто писать о монополиях, но и призывать к их усилению и укреплению.

Пример в этом отношении дал А. Маршалл.

В своих статьях, написанных в 80-х и 90-х годах прошлого столетия, Маршалл весьма скептически относился к развитию монополистических объединений, в частности — трестов. Маршалл особенно восхвалял средние предприятия, во главе которых стоят единоличные капиталисты. Тресты, указывал Маршалл в одной из своих статей, не имеют серьезной перспективы для своего развития.

Однако Маршаллу пришлось изменить свою точку зрения. В своей позднейшей работе «Промышленность и торговля», изданной в 1919 г., он прямо сетует на то, что в Англии нет таких мощных монополистических объединений, как в США и Германии, в частности — трестового типа. Он начинает с неприятного признания, что Англия все же «в некоторых отношениях потеряла господство»⁸. Для того чтобы восстановить потерянное господство, нужно, по утверждению Маршалла, прежде всего преодолеть техническую и организационную отсталость английской промышленности. А это преодоление отсталости он связывал с развитием капиталистических монополий.

В указанной работе «Промышленность и торговля» Маршалл настойчиво рекомендует английским капиталистам пошире использовать иностранный опыт в части применения наиболее изобретенных «научных» методов эксплуатации рабочих, например таких, как потогонная система Тейлора. Он пропагандирует конвейерный метод производства. Наряду с новыми методами организации труда, Маршалл рекомендует перестроить внешнюю торговлю на основе широкого использования монополистических организаций.

Весьма характерно, что Маршалл ратует в этой работе за установление более тесных связей между промышленностью и банками. Он призывает к тому, чтобы банки непосредственно управляли промышленностью.

Вопрос о взаимоотношениях промышленного и банковского капитала не случайно привлекал к себе большое внимание англий-

⁸ A. Marshall. Industry and Trade. L., 1927, p. 3.

ских экономистов. Дело в том, что процесс сращивания промышленных монополий с банками происходил в Англии в менее развитых формах, чем в других капиталистических странах. Вопреки утверждениям буржуазных экономистов, этот процесс сращивания происходил еще до первой мировой войны. Хотя в Англии преобладала форма краткосрочных банковских ссуд промышленности, но когда операции текущего финансирования становятся регулярными и постоянными, то уже одно это меняет взаимоотношения между промышленными предприятиями и кредитующими их банками. Однако до первой мировой войны между этими двумя группами монополий в Англии не было столь тесных и многосторонних связей, как в других странах (например, в Германии). Большая часть английской промышленности в тот период не использовала метод открытой эмиссии акций и в сравнительно небольших масштабах прибегала к рынку капиталов. В случае расширения предприятий дополнительные капиталы привлекались не путем выпуска акций, а на основе долгосрочных ссудных капиталов в форме облигаций или привилегированных акций с твердым доходом. Часто эти дополнительные капиталы привлекались без посредничества банков, путем непосредственных ссуд отдельным предприятиям со стороны частных лиц. В такой форме происходило, например, финансирование текстильной промышленности в XIX и в начале XX в. Что касается банков, то они большей частью оказывали краткосрочные ссуды промышленным предприятиям в виде прямого займа или в специфической для Англии форме «овердрафта» (т. е. в такой форме, когда должник имеет право выставлять чеки до известной суммы, уплачивая проценты только по дебетному сальдо). Долгосрочные банковские ссуды промышленности имели тогда сравнительно небольшое распространение. Поэтому связи банков с промышленными предприятиями не были столь интенсивными, как в других капиталистических странах, например в Германии.

Эта отсталость организационных форм монополистического капитала вызвала критику со стороны ряда влиятельных деятелей английской буржуазии.

Так, небезызвестный Альфред Монд, организатор английского химического треста, ратовал за то, чтобы банки играли основную роль в «новом порядке индустриального контроля». Он сетовал на то, что «в прошлом финансовые эксперты играли слишком незначительную роль в промышленности»⁹. Руководитель комиссии по обследованию промышленности Мак-Миллан в книге «Реконструкция» (1933 г.) призывал к перестройке английской промышлен-

⁹ Монд, как известно, выступил главным защитником в капиталистических кругах «сотрудничества» реформистских тред-юнионов с капиталистическим монополиями. Мондизм, охотно подхваченный праволейбористскими лидерами, — одна из разновидностей защиты пресловутой «гармонии интересов» в условиях общего кризиса капитализма.

ности на основе установления более тесных связей с банками, усиленной трестификации и интеграции (развитие всякого рода вертикальных межотраслевых объединений).

В английской литературе в 20-х годах часто ставился вопрос о необходимости укрепления связи между банковскими и промышленными монополиями. Призывы подобного рода исходили как от промышленных, так и от банковских кругов (в частности, в показаниях комиссии Мак-Миллана подобного рода призыв высказал директор Английского банка Норман).

Этот же призыв поддерживало английское правительство: премьер-министр Болдуин при открытии вновь избранного парламента в ноябре 1931 г. настаивал на необходимости сотрудничества между Сити и промышленностью.

В межвоенный период процесс сращивания промышленного и банковского капитала в Англии далеко продвинулся вперед. В этот период не только усилились всякие косвенные формы участия банков в промышленных предприятиях, имевшие место и до первой мировой войны, например, через посредство инвестиционных трестов, контролируемых нередко банками; в этот период участились случаи прямого, открытого контроля банков над промышленными предприятиями. Так, английские банки создали общество по финансированию «Индастриал девелопмент компании», сыгравшее крупную роль в монополизации ряда отраслей промышленности. Во многих случаях банки оказывали прямое давление на промышленных капиталистов в ускорении создания картельных объединений, в проведении программы сокращения производства и уничтожения части оборудования и т. д. Банки сыграли большую роль в создании районных картелей в угольной промышленности. Ряд слияний в области черной металлургии был осуществлен при непосредственном участии Английского банка.

Английский банк в годы экономического кризиса 1929—1933 гг. выдвинул известный проект реорганизации хлопчатобумажной промышленности на основе уничтожения 15 млн. веретен. Он принимал непосредственное участие в создании Ланкаширской хлопчатобумажной корпорации. Хотя этот проект не был реализован в намеченных масштабах, но он свидетельствует о том, что руководящие группы финансового капитала всячески форсировали развитие монополий в отраслях, где еще сохранился значительный удельный вес средних и мелких предприятий.

Вторая мировая война ускорила процесс концентрации капитала и производства. Во время войны происходило массовое закрытие мелких и средних предприятий с числом рабочих менее ста.

Данные промышленной переписи 1949 г. отчетливо показывают, что концентрация рабочей силы на крупных предприятиях возросла. Так, удельный вес рабочей силы на предприятиях с числом рабочих от 11 до 24 по отношению к рабочей силе во всей промышленности снизился с 1935 по 1949 г. с 5,4 до 4,1%, от 25 до

49 рабочих — с 8,5 до 7,2%, от 50 до 99 рабочих — с 11,7 до 10,2%, от 100 до 499 рабочих — с 39,0 до 34,1%; на предприятиях же с числом рабочих от 499 до 999 возрос с 14,0 до 14,2%, а на предприятиях, имевших свыше 1000 рабочих, — с 21,4 до 30,2%¹⁰. Как видно из этих данных, наибольший рост обнаружили наиболее крупные предприятия, на которых занято свыше тысячи рабочих.

Во время второй мировой войны и после нее были созданы новые предпринимательские объединения, как, например, «Ассоциация по производству электрооборудования», «Ассоциация машиностроительной промышленности», «Федерация по производству искусственного шелка». В эти годы еще более усилилась экономическая мощь наиболее крупных и наиболее важных английских монополий, таких, например, как военно-металлургический концерн Виккерса, металлургические концерны «Юнайтед стил компании», «Бритни айрон энд стил компании», «Дорман Лонг», «Британская алюминиевая компания», химический трест «Империл кемикл индустри», крупнейшая монополия в мыловаренной и пищевой промышленности «Юнилевер» и т. д. Главные монополии подчинили себе подавляющее большинство предприятий отдельных отраслей. Так, например, на долю «Ройял дэтч шелл» приходится около $\frac{3}{4}$ всего акционерного капитала английских нефтяных компаний; монополия «Дэнлон раббер компании» контролирует 90% резинового производства в Англии и владеет многочисленными плантациями и предприятиями в других странах Британской империи; монополия «Куртоде лимитед» контролирует производство искусственного шелка.

В ряде отраслей машиностроения за последнее время монополии захватили ведущее положение и установили контроль над подавляющей частью производства. Таковы, например, монополии — «Текстиль машинери мейкерс» в области текстильного машиностроения, «Локомотив мэнуфакчурерс ассосиэйшн» в области паровозостроения.

Такие же процессы происходят в электротехнической промышленности, где главную роль играют «Кэбл мейкерс ассосиэйшн» (в производстве кабеля), «Электрик ламп мейкерс ассосиэйшн» (в производстве электрических лампочек).

В бумажной промышленности все производство контролируется компанией «Уолл пейпер мэнуфакчурерс ассосиэйшн».

В производстве строительных материалов командные позиции также захватили некоторые монополии. Так, большая часть производства асбеста находится во владении компании «Тэрнер энд ньюлс». В цементной промышленности 80% производства контролируется ассоциацией «Портланд-цемент».

В хлопчатобумажной промышленности тон задает мощная монополия «Коутс лимитед».

¹⁰ См. «Annual Abstract of Statistics», 1935—1945; «Ministry of Labour Gazette», June 1950.

За время второй мировой войны и в послевоенный период сильно выросла экономическая мощь крупнейших банков Англии. Достаточно привести следующую цифру: депозиты 5 банков («большая пятерка») увеличились с 1,9 млрд. ф. ст. в 1938 г. до 5,3 млрд. ф. ст. в 1949 г.¹¹

Во главе английских монополистических союзов стоят Британская федерация промышленности и тесно связанная с ней Конфедерация британских предпринимателей. Эти организации все больше усиливают свое влияние на английскую промышленность. Конфедерация британских предпринимателей объединяет 62 отрасли индустрии, в которых занято примерно 70% всех промышленных рабочих Англии. Британская федерация промышленности и при лейбористском и при консервативном правительстве определяет внутреннюю и внешнюю политику Англии. Доверенные лица монополий занимают важнейшие посты в государственном аппарате, фактически проводят в жизнь всякого рода «регулирующие» мероприятия, заправляют национализированными отраслями.

Господство капиталистических монополий в современной Англии достигло громадных масштабов. Это не могло не наложить своего отпечатка на современные методы буржуазной апологетики.

Приемы оправдания монополий, которые буржуазные экономисты начали применять в период между двумя мировыми войнами, получили дальнейшее развитие и распространение в послевоенный период.

2. МЕТОДЫ ОПРАВДАНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАБИТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ МОНОПОЛИЙ

В новых исторических условиях буржуазные экономисты от замалчивания монополий и восхваления системы свободной конкуренции перешли к прямой апологии монополий. Последняя составляет существо современной буржуазной политической экономии, превратившейся в настоящую служанку монополистического капитала.

Необходимо отметить, что за последнее время усилилась прямая, непосредственная зависимость буржуазных экономистов от монополий. Большинство буржуазных экономистов работает в разных исследовательских организациях, учреждаемых монополиями. Американский экономист Гаррис вынужден признать, что университеты потеряли теперь свое значение, что экономисты вынуждены защищать то, что соответствует интересам бизнесменов. «Продажа идей стала крупным бизнесом»¹², — заявляет он. В Англии этот идеологический бизнес осуществляется не в таких грандиозных масштабах и в более замаскированной форме, нежели в США.

¹¹ «Records and Statistics», June 24, 1950.

¹² Seymour E. Harris. The National Debt and the New Economics. N. Y. and L., 1947, p. 79.

Но несомненно, что одни и те же тенденции действуют в капиталистическом мире по обеим сторонам Атлантического океана.

Апология монополий требует от буржуазных экономистов большей изощренности и маскировки. Она представляет большие трудности, нежели апология свободной конкуренции. Вульгарные экономисты, включая и лидеров правых социалистов, широко используют тот факт, что в буржуазном обществе внешняя видимость экономических явлений выступает в извращенном, мистифицированном виде, резко противоречащем его сущности. Так, заработная плата выступает как цена труда, прибыль — как продукт капитала, земельная рента — как продукт земли и т. д. Поскольку заработная плата выступает внешне как цена труда, создается видимость, что весь труд рабочих оплачивается. Эта обманчивая видимость облегчает задачи буржуазных экономистов. Но она не может прийти им на помощь, когда дело идет о монополиях, ибо гнет монополий выступает с полной очевидностью даже на поверхности явлений. Можно расписывать на все лады прелести монополий в узком кругу капиталистов или среди тесно связанной с ними интеллигенции. Но как втолковать все это широким кругам, в особенности рабочим, которые на своей шкуре весьма явственно ощущают гнет монополий?

Проводя свою антинародную политику, капиталистические монополии разоблачают себя перед трудящимися всего мира как реакционная агрессивная сила, стоящая на пути прогресса. Монополии стали объектом ненависти демократических сил всего мира. Все шире разрастается экономическая и политическая борьба рабочего класса против засилья монополий.

В этих условиях апология монополий требует весьма изощренных методов. Лишь немногие буржуазные экономисты решаются выступать с откровенной защитой монополий. Обычно апология последних маскируется и нередко преподносится под флагом «критики» монополий. Нечего говорить о том, что такая «критика» рассчитана на то, чтобы пустить пыль в глаза, обмануть и запутать доверчивого читателя.

Больше всего набили себе руку в этой области идеологического обмана американские экономисты. Английские буржуазные экономисты в этом вопросе идут по стопам более опытных и изощренных американских софистов. Если по другим вопросам буржуазной политической экономии (например, по «теории занятости») американские экономисты обычно учились у английских, то в области разнообразных методов апологии монополий приоритет несомненно принадлежит ученым приказчикам Уолл-стрита.

Неудивительно, что попытки оправдания капиталистических монополий прежде всего выражаются в оправдании средств и методов получения монопольно высокой прибыли монополиями. Ученым приказчикам монополистического капитала прежде всего важно затушевать эксплуататорский характер прибыли, получае-

мой за счет беспощадной эксплуатации трудящихся метрополий, в первую очередь рабочего класса. По мере развития монополистического капитализма гнет монополистов над трудящимися становится все тяжелее, ощутительнее, невыносимее. Всемерно повышая интенсивность труда, используя давление армии безработных, монополии стремятся к снижению заработной платы. Одновременно они оказывают на рабочего давление как на потребителя. В то время как рабочая сила чаще всего продается ниже ее стоимости, средства существования рабочего продаются по монопольным ценам, превышающим их стоимость.

В результате рабочий подвергается двойной эксплуатации. Фактически он теряет часть стоимости, необходимой для воспроизводства его рабочей силы. Эта потерянная часть необходимого продукта выступает как важный элемент монопольно высоких прибылей монополистов.

По мере своего роста картели и тресты все в большей степени перенимают функции специальных антирабочих организаций. Рост и укрепление монополистических союзов приводит к усилению давления капитала на рабочий класс. В частности, значительно расширяется использование черных списков рабочих, антистачечных фондов, поддержки штрейкбрехеров и желтых профсоюзов и т. д.

Гнет монополий во все возрастающей степени ощущают не только рабочие, но и широкие круги потребителей, страдающие от дороговизны. Эпоха империализма в целом характеризуется значительным повышением цен. Эта тенденция начала проявляться с конца прошлого столетия. К началу первой мировой войны цены повысились по сравнению с 1896 г. в Англии на 32—40%, в Германии и Франции — более чем на 40%. В США — в полтора раза. Во время первой мировой войны цены выросли в 2—3 раза. После войны произошло лишь незначительное снижение цен. Только в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. средний уровень цен упал немного ниже 1913 г., все же значительно превышая уровень конца прошлого столетия. При этом обнаружилось, что в годы кризиса падение монопольных цен было неизмеримо слабее, а уровень их выше, чем соответственно падение уровня так называемых свободных цен. Монополистические объединения, взвизгивая цены в фазе оживления и подъема, задерживают их падение во время кризиса. После кризиса 1929—1933 гг. вновь обнаружился рост цен, который не мог приостановить кризис 1937—1938 гг. Резкое повышение цен произошло в годы второй мировой войны и в особенности после ее окончания. Важнейшим источником повышения цен является политика капиталистических монополий, искусственно ограничивающих производство в интересах взвизгивания цен и получения на этой основе высоких прибылей. Рост цен на товары массового потребления приводит к резкому усилению обнищания рабочего класса. С ростом монополий происходит рост

дороговизны и усиление их гнета над рабочим классом. Таков один из источников наживы монополистического капитала.

Наряду с этим гигантские размеры принимает эксплуатация монополиями народов колоний, полуколоний и зависимых стран. Монополистическое господство над колониальными и зависимыми странами обуславливает неэквивалентный обмен между метрополиями и колониями. Сбывая свои товары в колонии по непомерно высоким монопольным ценам, метрополии в то же время за бесценок выкачивают из колоний и зависимых стран сырье и продовольствие. Неценово эксплуатируя трудящихся колоний на плантациях и фабриках, опутывая мелких товаропроизводителей сетями контрактации, разоряя их путем экспроприации земли и установления множества повинностей, монополисты получают громадные прибыли.

Важнейшим средством обеспечения монопольно высоких прибылей являются империалистические войны и милитаризация народного хозяйства. Вторая мировая война и послевоенный период дают ярчайшую иллюстрацию подлинной вакханалии наживы монополий. Достаточно привести данные о динамике прибылей американских корпораций (до уплаты налогов). Даже по уменьшенным официальным данным прибыли капиталистических монополий США выросли с 3,3 млрд. долл. в 1938 г. до 42, 9 млрд. долл. в 1951 г., т. е. увеличились в 13 раз. Особенно гигантских размеров капиталистические прибыли достигли с 1950 г. на базе усиленной милитаризации экономики.

Важнейшим каналом, по которому поступают эти гигантские прибыли, являются военные поставки, превратившиеся в узаконенную форму казнокрадства. Военные поставки осуществляются по издутым ценам, на условиях, крайне выгодных для монополий. Через использование государственного бюджета в обстановке войны и милитаризации экономики осуществляется перераспределение национального дохода в пользу монополий в невиданных прежде масштабах.

Стремясь всячески затушевать тот факт, что монопольно высокая прибыль получается путем зверской эксплуатации трудящихся, адвокаты монополистического капитала (Альфред Маршалл, Кейнс, Хикс и др.) пытаются свести весь «анализ» монополистической прибыли к рассмотрению взаимоотношений между продавцами и покупателями, абстрагируясь от антагонистических противоречий капиталистического производства. А самый процесс отношений между продавцами и покупателями рисуется в идеалистическом свете. Буржуазные экономисты стараются представить монопольно высокую прибыль как результат установления якобы оптимальной цены, основанной на учете динамики спроса и издержек производства. Суть этого фальсификаторского приема, предложенного еще в первой половине прошлого столетия французским буржуазным экономистом Курио, состоит в том, чтобы пред-

ставить практику грабежа, осуществляемого монополиями, каким-то невинным занятием, ориентирующимся прежде всего на характер спроса потребителей. При этом апологеты монополий стараются представить дело так, что монополии-де отнюдь не заинтересованы в максимальном взвинчивании цен, что они, мол, стремятся установить цены на каком-то «разумном» уровне, отвечающем якобы интересам потребления и производства.

Буржуазные апологеты стараются внушить читателю мысль о том, что собственные интересы монополий якобы диктуют им умеренную политику цен. При этом имеет место ссылка на двойного рода моменты. Во-первых, буржуазные экономисты любят ссылаться на то, что повышение цен вызывает снижение спроса. Отсюда делается вывод, что монополист заинтересован в установлении такой цены, при которой цена всей реализованной продукции (с учетом как цены единицы изделий, так и количества проданных товаров) является наиболее высокой. Буржуазные экономисты всячески подчеркивают, что чрезмерно высокий уровень цен может вызвать такое сокращение общественного спроса на данный товар и количества проданных товаров, при котором цена всей реализованной продукции снизится, несмотря на повышение цены товара. Во-вторых, буржуазные экономисты ссылаются на то, что сокращение спроса в результате высоких цен должно вызвать сокращение производства, что, в свою очередь, приведет к росту издержек производства на единицу продукции.

Для того, чтобы судить о приемах буржуазных экономистов, приведем данные, в которых суммированы приведенные выше ссылки¹³.

Цена одной единицы, пенсы	Число проданных штук	Издержки не зависящие от масштаба производства, шилл.	Издержки, зависящие от масштаба производства, шилл.	Выручка, шилл.	Прибыль = выручка — издержки, шилл.
3	4200	900	350	1050	—200
4	4000	900	333 ¹ / ₃	1333 ¹ / ₃	+100
5	3600	900	300	1500	+300
6	3000	900	250	1500	+350
7	2400	900	175	1225	+150
8	1000	900	83 ¹ / ₃	666 ² / ₃	—316 ² / ₃

Согласно этим данным, оптимальная цена составляет 6 пенсов.

Смысл всех этих расчетов в том, чтобы приукрасить монополистическую практику и представить капиталистические монополии чуть ли не в роли ревнителей развития общественного производства и потребления. Такая характеристика практики капитали-

¹³ R. C. Lyness and E. R. Emmet. An Introduction to Economics. L., 1939, p. 79.

стических монополий не имеет ничего общего с действительностью. Она исходит из лживой предпосылки, что капиталистические монополии имеют возможность «планировать» общественное производство хотя бы в масштабе отдельных отраслей.

Подобно «теории планового капитализма», «теория оптимальных цен» замазывает антагонистические противоречия капиталистического производства. Она скрывает тот факт, что источником монопольной прибыли являются эксплуатация, разорение и обнищание трудящихся, что рост прибылей монополистического капитала прежде всего опирается на усиление эксплуатации пролетариата, повышение интенсивности труда, снижение реальной заработной платы. Правда, это снижение имеет своим непосредственным результатом сокращение потребления рабочих и ухудшение условий реализации, но таков вообще результат капиталистического производства, вытекающий из его основного противоречия. Разрешение противоречия между ростом производственных возможностей и сокращением платежеспособного спроса со стороны миллионных масс при помощи политики «умеренных» или «оптимальных» цен невозможно в условиях капитализма.

«Теория оптимальной цены» затушевывает и тот элементарный факт, что монополии не устраняют конкуренции, а существуют над ней и рядом с ней. Наличие монопольных форм конкуренции (со стороны других монополий той же отрасли, со стороны других отраслей, производящих субституты данных товаров, иностранная конкуренция и т. д.), стихийный характер общественного производства в целом, наличие антагонистических противоречий, которые неизбежно порождают экономические кризисы, — все это, вместе взятое, исключает возможность «планирования» даже в масштабе отдельных отраслей. Если бы какая-нибудь монополия и захотела следовать рецептам установления «оптимальной цены», то осуществление такого рецепта оказалось бы совершенно невозможным в условиях анархического производства. Как можно предвидеть все капризные изменения спроса, зависящие от тысячи многообразных условий? Неудивительно, что капиталистические хищники предпочитают непосредственно ощутимые выгоды от взвинчивания цен проблематичным выгодам «умеренных» цен. Более мощные монополии стараются переложить издержки, связанные с сокращением внутреннего рынка, на своих конкурентов. Так, они продают по бросовым ценам на внешних рынках ту часть продукции, которую не удается реализовать на внутреннем рынке в силу чрезмерно высокого уровня цен.

«Теория оптимальных цен», наконец, замалчивает и тот общеизвестный, бесспорный факт, что капиталистические монополии тормозят техническое развитие, развитие производительных сил и тем самым — снижение издержек производства. Гигантские прибыли, получаемые капиталистическими объединениями на основе

монопольных цен, значительно перекрывают «ущерб», связанный с неполным использованием производственного аппарата этих предприятий.

Господство монополий является главным тормозом технического развития в капиталистических странах. В интересах выколачивания монополиями высоких прибылей монополии во многих случаях задерживают применение новых технических методов, поскольку последние могут привести к обеспечению действующих производственных мощностей. Технические нововведения применяются монополиями лишь в тех случаях, когда эти нововведения способствуют получению монопольных прибылей.

Вместе с тем приведенные выше расчеты теоретиков «оптимальной цены» ставят своей целью показать, что возможности монополистов в деле увеличения своих прибылей якобы весьма ограничены. Буржуазная «теория оптимальной цены» неразрывно связана с выводом о том, что монопольная цена выше цены, устанавливаемой в условиях свободной конкуренции, якобы только для ограниченной группы товаров, характеризующихся слабой «эластичностью» спроса. Эту фальсификаторскую версию в английской экономической литературе выдвинул А. Маршалл. Он утверждал, что источник монопольной цены коренится в особенностях потребительского спроса, в его слабой эластичности. Последнюю Маршалл выставляет как решающий фактор в образовании монопольной цены. Эластичность спроса, по Маршаллу, выражает количественное соотношение между изменениями цен и объемом спроса. Если рост цены вызывает пропорциональное сокращение спроса (например, рост цены вдвое — сокращение спроса вдвое), то эластичность спроса приравнивается единице. Слабая эластичность спроса имеет место в тех случаях, когда изменения спроса происходят в более слабой степени, нежели изменения цены. Маршалл выступает с «открытием», что только в том случае, когда эластичность спроса меньше единицы, монополисту выгодно сокращать производство и взвинчивать цены. Суть аргументации Маршалла сводится к тому, что только в этом случае сокращение выпуска товаров и повышение цен приводят к росту совокупной цены всей массы реализованных товаров, равной произведению количества проданных товаров на цену одной единицы, поскольку рост цены одной единицы товара в этом случае вызывает более слабое сокращение спроса.

В основе этой аргументации лежит стремление идеализировать монополистов, показать, что они в большинстве случаев заинтересованы в «умеренных» ценах, что они всегда считаются с возможностью сокращения спроса и поэтому воздерживаются от чрезмерного взвинчивания цен и идут на последнее только в особых случаях, когда налицо слабая эластичность спроса.

Разговоры Маршалла и других буржуазных экономистов о том, что сфера монопольных цен ограничена узкой группой товаров,

столь же «основательны», как и все их теории. В действительности политика монопольных цен распространяется на самые разнообразные товары независимо от особенностей спроса на последние. Известно, что наиболее мощные монополии существуют в тяжелой промышленности, несмотря на то, что спрос на ее продукцию, в особенности на элементы основного капитала, имеет высокую «эластичность».

Теория монопольных цен Маршалла выполняет социальный заказ, целиком отвечающий интересам монополистов. Суть этого заказа заключается в том, чтобы показать, что ключ к объяснению монопольных цен нужно искать не в особенностях общественной организации производства, не в капиталистической концентрации и обусловленных ею сдвигах в производстве, а в характере потребления отдельных товаров. Эта состряпанная Маршаллом версия, охотно подхваченная последующими буржуазными экономистами, оказывается весьма выгодной для капиталистических монополий, ибо она дает возможность свалить ответственность за рост цен с монополистов на особенности потребления отдельных товаров.

Эти психологические экскурсы были использованы для оправдания политики цен, осуществляемой монополиями во время кризиса 1929—1933 гг., когда особенно отчетливо сказалось то, что монополии задерживали падение цен.

Этот факт в немалой степени способствовал углублению и затяжке мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Большинство американских буржуазных экономистов пыталось свалить ответственность за устойчивость цен на особенности товаров, характер спроса, своеобразие издержек производства, т. е. на причины, обусловленные своеобразием производства и потребления отдельных товаров. Для того чтобы завуалировать решающую роль монополий, буржуазные апологеты особенно охотно ссылались на мнимые изменения «эластичности» спроса.

Буржуазные экономисты используют ссылку на выдуманную ими связь между монопольной ценой и слабой эластичностью спроса для того, чтобы всячески умалить масштабы и значение монополистических процессов. Так, например, английский буржуазный экономист Харрод, ссылаясь на то, что в фазе экономического кризиса усиливается эластичность спроса (поскольку покупатель более строго и тщательно подходит к ценам при определении своего спроса), делает отсюда вывод, что во время кризиса якобы ослабевает роль монополий¹⁴. А другой английский экономист, Каледский, рассматривает рост эластичности спроса как важнейший фактор, противодействующий усилению монополий¹⁵.

Нечего говорить о том, что все эти схемы ничего общего с действительностью не имеют. Общеизвестно, что в фазе экономи-

ческого кризиса для монополий создаются особенно благоприятные условия для разорения, подавления и поглощения своих конкурентов.

Буржуазные экономисты, стремясь оправдать монополистическую практику обеспечения монопольно высоких прибылей, сознательно отвлекаются от современной капиталистической действительности. Они оперируют не действительными, а созданными их фантазией монополиями, якобы стоящими в стороне от острых вопросов классовой борьбы современности, от жесточайшей эксплуатации колониальных и зависимых стран, от империалистических противоречий, раздирающих капиталистический мир, от разгула милитаризма и подготовки войны и т. д. Эти сугубо абстрактные схемы монополий, которые живописуют современные буржуазные экономисты, не имеют ничего общего с действительностью и сконструированы для того, чтобы обелить монополии и показать, что последние не имеют никакого отношения к политике современных реакционных правительств, к империалистической агрессии и т. д.

Апологеты капиталистического строя стремятся всячески запутать вопрос о самой сущности империализма. В действительности, как показал В. И. Ленин, империализм представляет собой высшую стадию капитализма, он подготовлен всем предшествовавшим развитием капиталистического способа производства, является продолжением основных свойств капитализма и воспроизводит на расширенной основе все противоречия, заложенные в капиталистическом производстве. «...Империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнажится старый капитализм»¹⁶.

Буржуазные апологеты пытаются противопоставить капитализму империализм; последний изображается ими как политика агрессии, якобы имеющая место на самых различных стадиях общественного развития.

Буржуазные идеологи выставляют очень выгодное для капиталистических монополий положение, будто империализм не связан внутренне и органически с капитализмом и тем самым с капиталистическими монополиями, что, следовательно, последние не имеют никакого отношения к империалистическим войнам.

Для того чтобы обелить капиталистические монополии, доказать их мнимое «миролюбие» и «непричастность» к войнам, ученые приказчики Уолл-стрита пытаются свалить всю ответственность за империалистические войны исключительно на военные круги, противопоставляя эти последние финансовой олигархии, в войнах якобы не заинтересованной. Впервые такую попытку сделал еще в 1919 г. немецко-американский экономист Шумпетер, изложивший свои идеи в ряде журнальных статей, оставшихся, впрочем, тогда

¹⁴ R. Harrod. The Trade Cycle. Oxford, 1936, p. 86—87.

¹⁵ M. Kalecki. Essays in the Theory of Economic Fluctuations. L., 1939, p. 32.

¹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 147

пезамеченными. Ныне американские империалисты издали эти статьи в виде отдельной книги. Тот факт, что идеологические оруженосцы империализма решили извлечь на свет божий давно позабытую теоретическую стряпню Шумпетера, нельзя считать случайным. Книга Шумпетера как нельзя лучше выполняет социальный заказ современного империализма.

В самом деле, трудно себе представить более откровенную апологику капиталистического строя, нежели ту, которую дает Шумпетер. Империализм под пером Шумпетера претерпевает чудесную метаморфозу и превращается в ... прямую противоположность капитализма. Захлебываясь от восторга, Шумпетер на все лады расписывает мнимое «миролюбие» капитализма, природе которого-де чужды империалистические тенденции. Откуда же берутся последние? Шумпетер пытается все свалить на военные круги, которые он изображает как... остатки докапиталистических времен. Работа Шумпетера — характерный образец словесной эквилибристики, в результате которой империализм превращается в какое-то атавистическое явление, ничего общего с капитализмом не имеющее и чуждое ему. Шумпетер сознательно противопоставляет «касту военных», которую он относит к «мертвым силам», капиталистам и капиталистическим монополиям, именуемым им «живыми силами». Таким образом, Шумпетер замазывает тот факт, что монополистические союзы подчиняют себе и целиком направляют деятельность военных кругов капиталистических стран. Это извращение действительности понадобилось Шумпетеру и его хозяевам для того, чтобы доказать насквозь лживый тезис о непричастности капиталистических монополий к современным войнам.

До какого абсурда доходят буржуазные синкофанти в своем стремлении отгородить военщину от господствующих классов буржуазного общества и затушевать действительные причины войн, видно на примере английского буржуазного экономиста Хоутри, с важным видом преподносящего миру открытую им «истину», которая гласит, что «главной причиной войны является сама война»¹⁷: война-де порождает военных, военные круги порождают войну, — в этом заколдованном кругу вращается, по Хоутри, история человечества. Капиталисты же изображаются им в роли мирных овец, не имеющих никакого отношения к военным авантюрам.

Этим же стремлением доказать непричастность монополистического капитала к империалистической политике и войнам пронизана книга современного английского буржуазного экономиста Роббинса «Об экономических причинах войны»¹⁸. Для того чтобы доказать свое основное апологетическое утверждение, будто воз-

никновение современных войн нельзя объяснить интересами финансового капитала, Роббинс прибегает к различным фальсификаторским приемам. Он извращает, во-первых, самое понятие о финансовом капитале, отождествляя его исключительно с банковским капиталом. Во-вторых, Роббинс голословно, не пытаясь прибегнуть даже к намеку на какие-либо доказательства за полным отсутствием таковых, утверждает, будто английские банкиры всегда-де стояли за мир. Наконец, Роббинс противопоставляет банки буржуазному государству, уверяя, будто банки являются лишь «послушными инструментами государства» и что в тех случаях, когда банки поддерживают милитаризм, они действуют исключительно под давлением государства. Так, Роббинс сознательно извращает тот бесспорный факт, что современное империалистическое государство находится в полном подчинении у финансовой олигархии, волю которой оно послушно выполняет, что интересам финансовой олигархии подчинена вся деятельность современных буржуазных государств.

Противопоставлением монополий государству и военным кругам Роббинс, как и Хоутри и Шумпетер, стремится выгородить финансовых магнатов, обелить монополистический капитал и тем самым скрыть от масс главных виновников империалистических войн.

Выведенная Шумпетером, Хоутри, Роббинсом и уже с ними теория о «миролюбии» капитализма вымышлена от начала до конца на потребу капиталистических монополий. В действительности война является для капиталистических государств столь же естественным и закономерным состоянием, как эксплуатация рабочего класса. Войны красной нитью проходят через всю историю капитализма, являясь одним из важнейших средств обогащения капиталистов. Войны сыграли весьма важную роль в процессе возникновения капиталистического способа производства. Наряду с колониальной системой, государственными долгами, протекционизмом и другими явлениями, свойственными первоначальному накоплению капитала, К. Маркс отмечает в качестве существенного момента торговую войну европейских наций, «ареной для которых служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума и так далее»¹⁹.

Развитие милитаризма органически связано с ростом капитализма. «Современный милитаризм, — писал В. И. Ленин, — есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях

¹⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 754.

¹⁷ R. G. Hawtrey. *Economic Aspects of Sovereignty*. L., 1930, p. 105.
¹⁸ L. Robbins. *The Economic Causes of War*. L., 1939.

(«Militarismus nach aussen», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»)»²⁰.

Особое значение приобретают войны на стадии империализма. Обеспечение монополиями высокой прибыли, являющееся непременным условием развития монополистического капитализма, порождает острейшие противоречия между империалистическими странами, обуславливающие неизбежность империалистических войн. Погоня за монополиями высокой прибылью лежит в основе гонки вооружений и милитаризации экономики.

Насквозь лживая теория о «миролюбии» капитализма призвана скрыть от широких народных масс факт кровной заинтересованности монополий в захвате новых рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала, в переделе уже поделенного мира. Эта теория старается скрыть от масс тот факт, что империалистические войны, принесшие человечеству неслыханные бедствия и разрушения на протяжении последних десятилетий, готовятся и ведутся в интересах обеспечения прибылей монополий. Своими теориями современные буржуазные экономисты рассчитывают убить двух зайцев: во-первых, скрыть действительных виновников империалистических войн, сваливая вину или на законы природы или на другие факторы, вроде «правил поведения», наличия военной касты и т. д.; во-вторых, сама финансовая олигархия, в интересах которой ведутся войны, выдается за защитницу мира.

В условиях второго этапа общего кризиса капитализма такого рода доводы призваны оправдать и выгородить в первую очередь американскую финансовую олигархию, которая в интересах достижения мирового господства разжигает войны в Азии, стремится вызвать новую мировую войну.

Для того чтобы обелить капиталистические монополии, некоторые буржуазные экономисты стараются показать, что монополии отнюдь не представляют собой неизбежный продукт капиталистического развития. Чаще всего монополии трактуются ими как результат технического развития. В основе такой трактовки лежит простой трюк, состоящий в отождествлении крупного производства с капиталистическим и любой концентрации производства с процессом монополизации. Смысл этого трюка в том, чтобы представить монополии как абсолютно неизбежное явление для любого современного общества, а борьбу с монополиями — как реакционное движение, направленное против технического прогресса. Такую тактику применяют более откровенные защитники монополий, всячески замалчивающие их капиталистический ха-

рактер, их неразрывную связь с капиталистическими производственными отношениями.

Скрытые защитники монополий, выступающие под флагом фальшивой критики, предпочитают другую тактику. Они привлекают столь излюбленный буржуазными социологами метод апелляции к случайности, отрицания закономерности общественных явлений. В соответствии с этой «установкой» монополии лживо изображаются как случайное явление, не характерное для современного капитализма. Так, например, Роббинс фальсифицирует историю современного капитализма, выступая с отрицанием неизбежности роста монополий. Он выдвигает положение, что круг отраслей, в которых существуют благоприятные производственные условия для развития монополий, якобы является весьма ограниченным. Он всячески старается изобразить современные монополии как случайный продукт экономической политики и прежде всего — политики протекционизма, которую он демагогически пытается представить как первоисточник бедствий современного капитализма.

Положение Роббинса о том, что монополистическое развитие нельзя рассматривать как неизбежный процесс, противоречит всему фактическому развитию последних десятилетий. Изменение методов экономической политики буржуазных государств может оказать некоторое влияние на формы капиталистических монополий, на темпы их роста и т. д., но оно не в состоянии изменить основное направление процесса развития монополий, который прежде всего определяется растущей концентрацией производства, неизбежно приводящей к образованию монополий. Как писал В. И. Ленин, «факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, напр., в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополий концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»²¹.

Как ни различны приемы, применяемые открытыми и скрытыми защитниками монополий, то отрицающими неизбежность монополий, то изображающими монополии как чисто техническую необходимость, — в основе обоих методов лежит одна и та же цель: стремление оправдать монополии или скрыть их действительную роль. В зависимости от конкретно-исторической обстановки применяется то один, то другой метод. Прежде, когда господство монополий не было столь очевидным и когда английская буржуазия культивировала легенду об отсутствии в Англии монополий, преобладала точка зрения, трактовавшая монополии как случайное явление. С 30-х годов, когда замалчивать монополии

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 187.

²¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 188.

стало уже невозможно, в английской литературе начинает применяться другой прием — восхваление монополий, якобы не отделимых от технического прогресса.

В интересах приукрашивания капиталистических монополий буржуазные экономисты пытаются затушевать тот факт, что современный капитализм характеризуется господством маленькой кучки, горстки монополистов над обществом. Монополии подчиняют себе массу мелких и средних предприятий. В условиях империализма борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени развития. Монополии имеют в своем распоряжении многообразные средства, позволяющие ставить в зависимость, подавлять и уничтожать массу мелких и средних предприятий, не входящих в состав монополистических союзов, — лишение этих предприятий сырья, сбыта, рабочей силы, кредита, прямой бойкот и т. д. вплоть до «применения динамита». «Перед нами, — писал В. И. Ленин, — уже не конкурентная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»²².

Для того чтобы скрыть это характерное для периода империализма господство немногих монополистов, в буржуазной литературе монополиям дается такое широкое определение, при котором и мелкий продавец зачисляется в монополисты.

Суть этого приема сводится к тому, чтобы свести на нет различие между монополистическим и немонаполистическим предприятием, чтобы в конечном счете любое капиталистическое предприятие, включая мелкие и средние, трактовать как монополистическое. В качестве примера можно привести модную сейчас «теорию монополистической конкуренции» американского буржуазного экономиста Чемберлина.

Чемберлин сконструировал совершенно искусственное понятие «чистой конкуренции», не имеющее ничего общего с реально существовавшей в прошлом свободной конкуренцией. Необходимым условием этой нарочито выдуманной «чистой конкуренции», по Чемберлину, является наличие совершенно однородных или стандартизированных товаров. Весь «смысл» этой бессмысленной схемы заключается в том, чтобы обосновать причисление мелких предприятий к монополиям. Известно, что как раз в крупных предприятиях существуют наиболее благоприятные условия для стандартизации производства. В отраслях же, рассчитанных на удовлетворение индивидуальных вкусов, мелкие предприятия шире распространены, нежели там, где преобладает стандартизированное производство.

Не только крупные, но средние и даже мелкие производители могут выпускать на рынок новые продукты, несколько отличаю-

щиеся по своему качеству от обычных товаров данного вида, и временно получить преимущества на данном рынке. Чемберлин использует подобного рода факты для того, чтобы сделать абсурдный вывод: всякий-де предприниматель, в том числе сотни тысяч мелких и мельчайших, является в той или иной мере монополистом. Такой прием искажения сущности монополий — паруку монополистам. Недаром он получил довольно широкое распространение в американской литературе. Так, например, Найт с серьезным видом замечает, что «практически каждое предприятие есть частичная монополия». Эта же идея вслед за американскими авторами повторяется в английской литературе. Так, Робинсон пишет, что «монополист только по степени отличается от другого производителя, потому что всякий производитель есть монополист своих собственных продуктов»²³.

Для того чтобы запутать проблему монополий, буржуазные экономисты применяют разнообразные и нередко противоположные манипуляции. Пытаясь обнаружить монополии там, где их нет (среди мелких и средних предприятий), буржуазные апологеты в то же время отрицают наличие монополий там, где они бесспорно имеют место. Если одни чрезмерно расширяют понятие монополий, включая в эту категорию любое предприятие, даже небольшое, выпускающее уникальные продукты, то другие чрезмерно суживают это понятие, ограничивая его только объединениями большинства предприятий отдельной отрасли, т. е. объединениями картельного типа. При такой трактовке из круга монополий выпадают предприятия трестовского типа, если они контролируют только часть продукции данной отрасли (например, «Американская стальная корпорация» или автомобильная компания «Дженерал моторс», или так называемые семейные концерны, возникшие не на основе объединения ранее существовавших предприятий, например, фирма Круппа, фирма Форда и т. д.). Далее буржуазные экономисты имеют обыкновение исключать из круга монополий концерны, основанные на финансовых связях, на так называемой системе участия, на «общности интересов» и т. д. «Система участия» является одним из самых эффективных средств подчинения монополиям множества предприятий и вместе с тем она имеет неоценимое для монополистов свойство маскировать действительные зависимости и связи. Нередко концерны осуществляют фиктивный раздел предприятий и объединений для того, чтобы скрыть действительные размеры власти наиболее мощных концернов. Буржуазные экономисты охотно подводят теоретические обобщения под такого рода практику монополий. Благодаря таким приемам из круга монополий исключаются самые мощные капиталистические объединения, при помощи которых финансовая олигархия осуществляет свое господство над промышленностью и банками.

²² В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 194.

²³ E. A. G. Robinson. Monopoly. L., 1945, p. 168.

Один из важнейших приемов выхолащивания эксплуататорской, капиталистической сущности монополистических объединений состоит в причислении к последним рабочих организаций. Буржуазные экономисты пытаются замазать глубочайшие классовые различия и антагонистические противоречия между монополистическими организациями и профессиональными союзами.

Представляя собой наиболее массовую организацию рабочего класса, профессиональные союзы своей повседневной борьбой способствуют развитию классового сознания у рабочего, готовят его для выполнения своей исторической миссии — свержения капитализма. Они являются одной из важнейших организаций, на которые опираются революционные пролетарские партии в борьбе с капиталистическим рабством.

«Если профессиональные союзы, — писал К. Маркс, — необходимы для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они в еще большей степени важны как *организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала*»²⁴.

Профессиональные союзы, которые в отличие от желтых профессиональных союзов на деле ведут борьбу с капиталом и являются действительными защитниками рабочих, представляют организацию, которую не терпят капиталистические монополии. Только опираясь на профессиональные союзы, только в ожесточенной борьбе с капиталистами, проводимой профессиональными союзами, защищающими интересы рабочих, пролетариат может сдерживать наступление капиталистов на его жизненный уровень в интересах получения монополией высоких прибылей. Маркс охарактеризовал профсоюзы «в качестве центров сопротивления наступлению капитала»²⁵.

Между профсоюзами, на деле защищающими интересы рабочего класса, и монополистическими союзами капиталистов налично глубочайший антагонизм, определяемый антагонизмом между пролетариатом и буржуазией.

Практика профессионального движения полностью опровергает басню, которую пустил в оборот еще в прошлом столетии Л. Брентано, о том, что профессиональные союзы якобы коренным образом меняют экономическое положение рабочих в условиях капитализма. В настоящее время сохраняет полностью свою силу оценка итогов деятельности профессиональных союзов, которую дали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»: «Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих»²⁶.

Клеветническое и лживое отождествление рабочих организа-

ций с монополиями используется буржуазными экономистами для разных целей.

Во-первых, отождествление объединений капиталистов и рабочих позволяет затушевывать коренные антагонистические противоречия буржуазии и пролетариата. Старая формула «гармонии интересов» и «классового мира» здесь выступает в другом обличьи. Апологеты капитала используют предательство профсоюзных вождей в Англии, как и в других капиталистических странах, чтобы выступить с проповедью «идентичности» интересов профсоюзов и капитала.

Во-вторых, этот прием используется для того, чтобы обелить монополистический капитал, свалив всю вину за растущий гнет монополий и ухудшение экономического положения трудящихся на профессиональные союзы, облыжно причисляемые апологетами капитализма к рубрике монополий.

В-третьих, такое отождествление профсоюзов с монополиями используется финансовой олигархией для того, чтобы прикрыть поход против профессиональных союзов разговорами о борьбе с монополиями.

Наиболее известный пример в этом отношении опять-таки дала американская финансовая олигархия. В США, как в стране самых мощных монополий и наибольшего их господства, антитрестовское движение пользуется особой популярностью среди народных масс. На этой ненависти масс к трестам спекулировали и спекулируют различные политические дельцы. Так, еще в конце прошлого столетия в США был проведен антитрестовский закон Шермана, дополненный в 1914 г. законом Клейтона. Этот закон должен был создать видимость, что правительство борется с капиталистическими монополиями. Но при обсуждении этого закона была внесена весьма существенная «поправка»: закон был распространен и на рабочие организации. Реакционеры выступили с демагогическими речами о том, что разрешать рабочим объединяться для повышения заработной платы и не разрешать нанимателям объединяться для повышения цен было бы «несправедливостью». В глазах капиталистов несправедливо все, что мешает их наступлению на жизненный уровень рабочих. В действительности от антитрестовского закона осталось только одно название; капиталистические же монополии легко обошли и обходят этот закон путем всяких фиктивных реорганизаций. Зато это так называемое антитрестовское законодательство было широко использовано против рабочих организаций. Так, например, Верховный суд США в 1921 г. установил, что судебный указ, запрещающий забастовки рабочих, соответствует закону Клейтона.

Наиболее откровенные идеологи монополий открыто требуют ликвидации профессиональных союзов, выдвигая для этой цели положение о том, что профессиональное движение якобы несовместимо с капитализмом.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 200.

²⁵ Там же, стр. 155.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения т. I, 1952, стр. 17.

Лживые обвинения в «монополистической практике» профессиональных союзов имеют определенный адрес: эти обвинения направлены против профессиональных организаций, стоящих на страже интересов рабочих и ведущих активную борьбу с предпринимателями.

Для того чтобы парализовать действие этих подлинно пролетарских организаций, капиталисты создают свои желтые профсоюзы и пытаются разложить боевые профсоюзы с помощью подкупленных реформистских деятелей.

За современными реакционными теориями о профессиональных союзах как разновидности монополий скрываются две тесно связанные между собою задачи: обосновать разгром пролетарских профессиональных союзов под флагом «критики» монополий, с одной стороны, и оправдать подчинение монополиям желтых профсоюзов, находящихся под руководством реформистов, с другой стороны.

Апологеты монополистического капитала в Англии рьяно «трудятся» над выполнением первой задачи. Лондонский «Экономист» стал органом, который с особенной развязностью и циничностью ведет систематическую и злобную пропаганду наступления на жизненный уровень рабочих. «Экономист», учитывая опыт американского антitrustовского законодательства, выражает сожаление по поводу того, что предложенный и принятый лейбористским правительством в 1948 г. акт о монополиях, представляющий собой жалкую пародию на контроль над монополиями и на деле их прикрывающий, не используется против профсоюзов²⁷. «Экономист» откровенно выразил желание Сити превратить этот акт в подобие закона Шермана с тем, чтобы под ширмой борьбы с монополиями зажать в тиски рабочие организации.

Следуя за самыми реакционными американскими авторами, «Экономист» изоцриется в том, чтобы всячески очернить массовые профсоюзы, представить их в качестве «наиболее агрессивной монополии».

С неподражаемым цинизмом «Экономист» противопоставляет «агрессивным» тред-юнионам постоянных монополистов, которые рисуются в качестве каких-то бедных овечек. «Экономист» фарисейски воспекает «скромность» английских монополистов.

В статье под весьма характерным названием «Добродетельный монополист»²⁸ «Экономист» старается представить дело так, что современный британский «добродетельный монополист» просто лишен возможности получать высокие прибыли.

Вся эта переминада по адресу бедного «добродетельного монополиста» призвана обмануть трудящиеся массы. Капиталистические прибыли, в своей львиной доле получаемые монополистами, обнаруживают в современной Англии стремительный рост. Прибыли

²⁷ «Economist», July 12, 1947, p. 54.

²⁸ Ibid.

английских акционерных обществ с 1947 по 1952 г. увеличились с 2402 млн. ф. ст. до 3161 млн. ф. ст.

В то время как «Экономист» на все лады расписывал трудности получения сверхприбылей, «добродетельные» монополисты загребали громадные прибыли за счет недоедания «агрессивного» рабочего класса.

Необходимо отметить, что в Англии такие откровенные выступления против профессиональных союзов стали появляться позже и не поощряются так финансовой олигархией, как в США. Это объясняется рядом исторических условий. Английские тред-юнионы играют значительно более крупную роль в общественной жизни, нежели американские. Поэтому английские буржуазные идеологи вынуждены проявлять большую осторожность. Кроме того, в Англии существует длительная практика сотрудничества с буржуазией профсоюзной верхушки, тесно связанной с праволейбористским руководством.

Поэтому в английской литературе версия о монополистическом характере тред-юнионов преимущественно используется для оправдания превращения профсоюзов, руководимых реформистами, в послушное орудие капиталистических монополий.

Не только в реформистской литературе, но и в книгах открытых апологетов монополий, в университетских курсах нередко дается положительная оценка деятельности руководителей британских тред-юнионов, приветствуется их склонность к соглашательству с капиталистами, их умеренность и отказ от революционной классовой борьбы.

Про этих реформистских деятелей Ф. Энгельс писал, что «они — в самом деле очень милые, покладистые люди для всякого неглупого капиталиста в отдельности и для класса капиталистов в целом»²⁹.

Отожествление рабочих организаций с монополиями используется в Англии для оправдания и восхваления капиталистических монополий. Некоторые буржуазные экономисты требуют отказа от критики монополий и борьбы с ними под лживым предлогом, что к монополиям-де принадлежат и такие организации, пользующиеся общественным признанием, как тред-юнионы. Это весьма откровенно выразил английский экономист Э. А. Г. Робинсон, автор специальной работы о монополиях. Он пишет без обиняков: «Не всякий монополистический доход неизбежно является нежелательным. Было уже давно установлено, например, что тред-юнионы путем монополизации предложения труда в данной отрасли ...или ассоциации бедных сельскохозяйственных производителей скорее способствуют улучшению, чем ухудшению распределения богатства»³⁰. В интересах апологии монопо-

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 273.

³⁰ E. A. G. Robinson. Monopoly, p. 170.

лий Робинсон сваливает в одну кучу такие противоположные по своей классовой природе и антагонистические по отношению друг к другу организации, как объединения монополистов, путем бесконтрольной эксплуатации трудящихся обеспечивающие себе монопольно высокие прибыли, и экономические организации рабочих, борющиеся за сохранение жизненного минимума против грабителей-монополистов.

Другим приемом апологетики является попытка представить растущий гнет монополий в качестве случайного явления, устранимого при сохранении господства монополий.

Трактуя хищническую политику монополий, их растущий гнет как случайное явление, буржуазные экономисты стремятся посеять в массах иллюзии о возможности устранения «отрицательных сторон» монополий, о возможности существования «порядочных», «добродетельных» и «чистеньких» монополий наряду с «порочными» и «вредными». На этой почве строится глубоко апологетический тезис о том, что монополия сама по себе нейтральна, что в зависимости от конкретных условий она может быть орудием «добра» или «зла». Приоритет в пропаганде этой идеи опять-таки принадлежит буржуазным экономистам США. Так, например, Э. Хекснер стремится доказать, что международные картели, «подобно механическому орудию могут служить социально нежелательным, нейтральным или желательным целям»³¹. Ему вторит Хансен, который демагогически заявляет, что «монополистические организации корпораций должны стать (а значит, и могут быть.— И. Б.) слугами хорошо функционирующего экономического и политического общества, вместо того чтобы быть его господами»³². В связи с этим многие американские борзенисты выступают с лицемерной поведью организации «контроля», призванного якобы устранить «отрицательные» черты монополистических объединений при сохранении самих монополий. Вслед за американцами эти идеи пропагандируют английские буржуазные экономисты. Для того чтобы продемонстрировать свою «объективность», они порой не прочь и «покрытиковать» монополии. Но затем тут же оговариваются, что «недостатки» монополий не вытекают органически из их природы, что они легко могут быть устранены прежде всего путем морального внушения, а также организации «контроля» над монополиями. Таким образом, под флагом словесной, ни к чему не обязывающей «критики» монополий защищается господство финансового капитала.

Некоторые английские авторы, например Аллан Фишер, сделали своей главной темой «критику» политики монополий, направленной к искусственному сокращению производства в интересах взвинчивания цен. Но когда речь доходит до практики, то Фишер

ограничивается ничего не говорящими предложениями незначительных поправок к существующему законодательству об уставе контрольных обществ, о патентном праве, организации лучшей информации об экономическом положении дел для тех, кто намеревается делать инвестиции, и т. д.³³ Реализация подобных предложений абсолютно не в состоянии изменить что-либо в господствующем положении капиталистических монополий. Подобного рода «критические» выступления преследуют только одну цель — одурачить трудящиеся массы.

В более изощренной форме демагогия о «контроле» над монополиями развивается у Бевериджа. Вначале он старается создать впечатление, что рестрикционистская, т. е. обычная, политика монополий, выражающаяся в распределении рынков, установлении высоких цен, затруднении доступа конкурентов и т. д., связана только с недостатком спроса. Отсюда Беверидж делает утешительный вывод, что с применением рекомендованных им рецептов «антикризисных» мероприятий возможно свертывание ассоциаций и победа «естественного» для англичан духа индивидуализма. Утешив читателя, чтобы он не слишком беспокоился по поводу растущего гнета монополий, Беверидж для большего успокоения внушает, что в крайнем случае, если монополии не захотят отказаться от своей «вредной» практики, их можно будет подвергнуть «контролю». В качестве крайнего средства утешения монополий, «злоупотребляющих своей экономической мощью», Беверидж рекомендует их «социализацию». На первый взгляд это звучит весьма грозно. На деле угроза «социализации» «порочных» монополий имеет, конечно, только декларативный характер. Никто из буржуазных деятелей не придает серьезного значения такого рода декларациям. Тем паче, что «социализацию» Беверидж мыслит в форме превращения «контролируемой» и «наказанной» монополии в «публичную корпорацию». Последняя же, как было показано в предыдущей главе, представляет собой одну из специфических для Англии форм подчинения государственного аппарата финансовой олигархии.

От изощренных демагогов типа Бевериджа не отстают и лейбористы. Так, один из лидеров лейбористской партии, Моррисон, перечислив для очистки совести многочисленные «недостатки» монополий, в конце концов приходит к выводу, что монополии все же можно «реформировать», «усовершенствовать», «улучшить», «удалить» каким-то чудом их «пороки». Оказывается, что для этого не нужно каких-либо коренных преобразований, что желанная цель перевода монополий на стезю добродетели и порядка может быть достигнута всего-навсего законодательным изменением, внимательным общественным надзором и налоговой политикой, которая «подбадривает предприимчивость». Воодушевленный откры-

³¹ Erwin Hexner. International Cartels. Chapel Hill, 1946, p. 161.
³² A. Hansen. America's Role in the World Economy. N. Y., 1945, p. 176.

³³ Allan G. B. Fisher. Economic Progress and Social Security. L., 1946, p. 161

вающимися блистательными перспективами «оздоровления» и «усовершенствования» монополий, Моррисон с упованием замечает: «Наши монополии могут стать истинным фактором растущего процветания»³⁴.

Моррисон писал эти строки в 1944 г. С 1945 г., когда лейбористы пришли к власти, они имели возможность неоднократно продемонстрировать, какое конкретное содержание они вкладывают в широковещательный лозунг «контроля» над монополиями. В 1948 г. лейбористское правительство издало акт о монополиях — Monopoly (Inquiry and Control) Bill. Трудно найти что-нибудь более жалкое, нежели эта столь разрекламированная программа «контроля» над монополиями. Не случайно в самом названии правительственного акта на первом плане фигурируют «исследовательские» задачи. Комиссии по монополиям, созданной по этому акту, вменялось в обязанность организовать наблюдение над монополиями и вносить свои предложения, если будет обнаружено, что практика некоторых объединений противоречит общественным интересам. Итак, весь «контроль», которым так угрожали лейбористы в период предвыборной кампании 1945 г.³⁵, свелся к безобидной «исследовательской» работе о монополиях. Нетрудно было сказать, в каком направлении будет вестись это «исследование». Во всяком случае, капиталистические монополии не проявили никакой тревоги по поводу этого акта, а органы буржуазной печати ограничились замечаниями в духе вполне дружественной критики.

Орган монополий «Экономист», который с таким остервенением и злобой нападает на самые робкие пожелания насчет необходимости повышения заработной платы, ограничился безобидным зубоскальством по поводу акта, формально направленного против монополий. Не без оснований «Экономист» писал о скептиках, которые в этом акте «усматривают только стремление обеспечить правительству алиби в случае обвинения его в поддержке рестрикционизма»³⁶, т. е. монополистической практики.

Нечего говорить о том, что сама идея «контроля» над капиталистическими монополиями в буржуазном государстве насквозь фальшива. Она пытается скрыть решающей важности факт, что буржуазное государство в период империализма защищает в первую очередь интересы монополистического капитала, что оно не

³⁴ H. Morrison. Prospects and Politics. N. Y., 1944, p. 25.

³⁵ Во время избирательной кампании 1945 г. лейбористы, желая вызвать симпатии рабочих, не жалели кренких слов по адресу монополий. Так, в избирательной программе лейбористов «Лицом к будущему» монополии сравнивались с «тоталитарными олигархиями». Эттли в одном из предвыборных выступлений сравнивал гнет монополий с гнетом феодальных баронов («Times», June 22, 1945). Практика хозяйничанья прав лейбористского руководства, когда оно было у власти в 1945—1951 гг., отчетливо показала, что оно подчиняет свою политику интересам этих «тоталитарных олигархий» и «новых баронов».

³⁶ «Economist», April 10, 1948, p. 574.

может и не хочет принимать какие-либо меры против финансовой олигархии. При рассмотрении этого вопроса очень большое значение имеет следующее указание В. И. Ленина: «В сущности говоря, весь вопрос о контроле сводится к тому, кто кого контролирует, т. е. какой класс является контролирующим и какой контролируемым»³⁷. В период империализма, в условиях подчинения государственного аппарата монополиям, последние осуществляют контроль над государством.

Критикуя программу американского президента Теодора Рузвельта, В. И. Ленин дал четкую характеристику подлинного классового содержания, скрывающегося за широковещательной платформой «контроля над трестами».

«Вся программа, вся агитация Рузвельта и «прогрессистов» ведется вокруг того, как бы *спасти капитализм* посредством... *буржуазных реформ*....

— Мы спасем капитализм реформами — говорит эта партия. — Мы дадим самое передовое фабричное законодательство. Мы введем государственный контроль за *всеми* трестами (в Америке это значит за *всею* промышленностью!)... Мы клянемся и божимся *всеми* реформами... мы не хотим только *одной «реформы»: экспроприации капиталистов!*

В Америке все национальное богатство исчисляется теперь в 120 миллиардов (тысяч миллионов) долларов, т. е. около 240 миллиардов рублей. Из них *около трети*, около 80 миллиардов рублей, принадлежит *двум* трестам, Рокфеллера и Моргана...

Понятно, что, при наличии этих современных рабовладельцев, все «реформы» — пустой обман. Рузвельт *заведомо* нанят миллиардерами-ловкачами для проповеди этого обмана. «Государственный контроль», обещаемый им, превратится — при сохранении капитала за капиталистами — в средство борьбы со стачками и удушения их»³⁸.

То, что В. И. Ленин писал в 1912 г. про США, целиком применимо к современному капитализму, независимо от того, идет ли речь об Англии или о другом буржуазном государстве.

Любой государственный контроль в условиях современного капитализма получает только одно определенное применение: подавлять рабочий класс в интересах обогащения монополистов.

Яркую иллюстрацию этого положения дает практика «государственного контроля» над военным хозяйством Англии в период второй мировой войны. Этот «контроль», формально осуществляемый от имени министерства снабжения, был целиком сосредоточен в руках монополий. Даже ультраконсервативная «Британская энциклопедия» должна была признать, что «руководители управлений по осуществлению контроля были взяты из соответствующих отраслей, и таким образом осуществлялся принцип, согласно кото-

³⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 317.

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 193—194.

рому промышленность (читай: монополии. — *Н. Б.*) несколько возможно должна себя контролировать»³⁹.

Не случайно во главе министерства снабжения, централизованного функцией «контроля» над военными предприятиями, т. е. над значительной частью промышленности, был поставлен председатель «Британской федерации железа и стали» Эндрю Дункан. Министерство снабжения создало органы контроля над отдельными важнейшими видами сырья, во главе которых были поставлены представители монополий. Так, во главе химического контрольного управления стоял представитель крупнейшей монополии «Империял кемикл индастриес», по стали — представитель крупнейшего концерна «Болдуин», по лесу — бывший председатель федерации лесопромышленников «Тимбер трейд федерейшн», по хлопку — представитель «Ланкаширской хлопчатобумажной корпорации», по шерсти — председатель крупнейшей шерстяной компании «Уоллен энд Уорстед трейд ассосейшн», по каучуку — директор крупной компании «Дэлоуп раббер компани», по коже — председатель кожевенной монополии «Юнайтед таннерс» и т. д.

Характерно, что «Корпорация железа и стали», являющаяся торговой организацией «Британской федерации железа и стали», оплачивала из специального фонда разницу между жалованием, установленным этой федерацией для служащих контроля, и фактически выплачиваемым министерством. Таким образом, контролеры по железу и стали фактически находились на службе у частных компаний.

Характерен и другой факт: в основу контроля над ценами министерством снабжения была положена система, практиковавшаяся до войны монополиями (например, той же «Британской федерацией железа и стали»).

Монополистические объединения промышленников, используя принудительные мероприятия военной экономики, фактически превратились в принудительные картели. Монополиям было поручено разработать и осуществить «схемы концентрации». Это дало возможность крупнейшим капиталистическим предприятиям беспощадно расправиться с массой средних и мелких предприятий, в особенности в легкой промышленности. Такая практика ликвидации мелких и средних предприятий усилила позиции монополистического капитала.

«Государственный контроль», осуществляемый монополиями по принципу «самоконтроля», был использован для усиления и обогащения тех же монополий.

Это полностью подтверждается при рассмотрении послевоенного периода. Лейбористское «регулирование» экономики свелось преимущественно к различным методам поощрения капиталистических монополий. Первым элементом этого «регулирования» яви-

лись гарантированные займы. Закон 1946 г. предоставил казначейству право гарантировать частным фирмам кредит на сумму до 50 млн. ф. ст. Вполне естественно, что этим правом воспользовались в первую очередь крупные монополии. Вторым элементом лейбористского «регулирования» составили субсидии фирмам, строящим новые предприятия и вводящим новое оборудование на старых предприятиях. Под этим предлогом происходит перекачка значительных государственных средств в распоряжение монополий. Третьим элементом «регулирования» экономики образовали налоговые льготы, предоставленные капиталистическим монополиям под предлогом, что они приступили к новому строительству и к модернизации старых предприятий.

Формы «регулирования капиталовложений» в современной Англии, как и в других капиталистических странах, могут быть различны, но суть их одна и та же: использование буржуазного государства, его законодательства и бюджета в интересах обеспечения монополиями высоких прибылей для капиталистических монополий.

3. ВОСХВАЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА ПОД ФЛАГОМ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКУ

Государственный «контроль» и «регулирование» хозяйственной жизни, государственное вмешательство в экономику в условиях империализма есть выражение государственно-монополистического капитализма, основным содержанием которого является соединение сил государства с силой монополий для усиления эксплуатации трудящихся. При капитализме государство само контролируется капиталистическим хозяйством, т. е. в современных условиях — монополиями. В государственно-монополистическом капитализме получает свое наиболее отчетливое выражение огромная власть монополий, ставящих государственный аппарат на службу своим корыстным интересам, подчиняющих экономическую политику задачам выколачивания монополиями высоких прибылей и подавления трудящихся.

Монополии широко используют государственную машину прежде всего для наступления на жизненный уровень трудящихся, для усиления репрессий против них. В условиях империализма имеет место чрезвычайное усиление государственной машины, неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата и трудящихся в целом.

Наиболее мощные монополии используют государство для подавления своих конкурентов как внутри страны, так и за ее рубежами. Разумеется, монополия трестов, как указывал В. И. Ленин, осуществима и при чисто экономических методах борьбы. Однако монополии не ограничиваются только экономическими средствами, они широко применяют и политические средства.

³⁹ «Encyclopaedia Britannica. Book of the Year 1940», p. 19.

Подчиняя себе государственный аппарат, монополии в невиданных размерах практикуют казнокрадство, использование государственных средств, полученных от налогоплательщиков, т. е. прежде всего от трудящихся. Государство при этом используется монополиями как послушное им орудие перераспределения народного дохода посредством налогов и займов, с одной стороны, и государственных субсидий — с другой. Монополии обогащаются за счет весьма многообразных способов. Тут и высокие цены на государственные заказы, и авансы под последние, и ссуды предприятиям, терпящим банкротство, и налоговые льготы, и таможенные скидки, и льготные железнодорожные тарифы и т. д. Еще в годы первой мировой войны В. И. Ленин указывал, что подобные мероприятия буржуазного государства представляют собой «государственно-планомерные меры обеспечения тройных, если не десятикратных, прибылей капиталистам»⁴⁰.

Практика показывает, что в период империализма любое государственное мероприятие, даже прикрытое самыми демократическими лозунгами, идет в конечном счете на потребу монополий, командующих государственным аппаратом. Помимо участия финансовых воротил в правительствах, известны разнообразные формы подкупа бюрократии со стороны монополистов: предоставление теплых местечек, награждение их пакетами акций и т. д. В нужном случае монополии могут свалить негодное им правительство, используя различные методы, в частности, методы финансового нажима.

Подчинение государства монополиям ускоряется в силу громадного обострения всех противоречий капитализма в период империализма. Особую роль в этом направлении играют мировые войны. Наряду с войнами значительную роль в усилении подчинения государства монополиям приобретают экономические кризисы. Капиталистические монополии стараются использовать государство для того, чтобы смягчить для себя тяжесть кризисов и переложить ее на трудящихся. Разнообразные «антикризисные» мероприятия, предпринимаемые монополиями, преследуют цель «огосударствить» убытки, искусственно расширить реализацию товаров внутри данной страны (за счет прежде всего военных заказов) и протолкнуть залежалые товары на внешние рынки, удержать во что бы то ни стало высокие прибыли.

В период общего кризиса капиталистической системы особенно отчетливо сказывается то, что современный капитализм является загнивающим и умирающим. Воротилы монополий, в интересах обеспечения монопольно высоких прибылей, стараются укрепить свое положение на основе широкого использования государства как экономически (путем субсидий, заказов, привилегий, огосударствления убытков), так и политически (путем подавления трудящихся, в первую очередь рабочего класса). Государст-

венно-монополистический капитализм призван продлить существование отжившего, прогнившего, умирающего общественного строя и поэтому носит глубоко реакционный характер.

Изменение исторической обстановки потребовало перестройки буржуазной политической экономии. Основная задача последней — оправдание капиталистической системы — осталась и останется до тех пор, пока будет существовать капитализм. Но методы оправдания и укрепления капитализма меняются вместе с изменением методов экономической политики. А последние претерпевают весьма значительную эволюцию. Принцип *laissez faire*, применявшийся в Англии в условиях капитализма свободной конкуренции, ныне заменен принципом использования государства всемогущими капиталистическими монополиями для подавления рабочего класса, борьбы с конкурентами и т. д. Буржуазная политическая экономия все более приспосабливается к оправданию империалистической реакции и развязывания захватнических войн.

Современные буржуазные экономисты тщательно маскируют свою основную задачу оправдания максимального использования буржуазного государства монополиями, подменяя этот вопрос вопросом об усилении государственного вмешательства в экономику. Вмешательство буржуазного государства в экономику осуществлялось на всем протяжении капиталистического развития, причем в разные исторические эпохи оно наполнялось различным содержанием. Существует громадная принципиальная разница между мероприятиями по укреплению капиталистической промышленности в период первоначального накопления капитала и политикой обогащения монополий за счет государственного бюджета в период империализма. Мероприятия первого рода объективно выполняли прогрессивную роль; мероприятия второго рода имеют глубоко реакционный характер. Различие между ними такое же, как между приходящим на смену феодализму капитализмом в стадии его становления, развивающимся в целом по восходящей линии, и современным загнивающим, умирающим капитализмом в его империалистической стадии, развивающимся по нисходящей линии. Буржуазные экономисты стараются скрыть эти важнейшие социально-экономические различия сведением всего вопроса к чисто формальному моменту о государственном вмешательстве в экономику. Для этого они (например, Кейнс) конструируют учение о так называемом неомеркантилизме, пытаются представить современный государственно-монополистический капитализм в качестве нового издания меркантилизма XVI—XVIII вв. С этой целью подавляющее большинство современных буржуазных экономистов пытается свести суть государственно-монополистического капитализма лишь к отходу от фритредерства, к замене его политики *laissez faire* политической государственного вмешательства в экономику. При этом обходится центральный вопрос — в чьих интересах осуществляется это вмешательство. Тем самым выпадает самое существенное и

⁴⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 29.

главное, выпадает монополистическая сущность государственно-капиталистических мероприятий в период империализма. Это служит лишней иллюстрацией к тому, что перестройка буржуазной политической экономики идет в направлении изыскания новых форм обмана масс в угоду монополиям.

В Англии эта перестройка буржуазной политической экономики происходила медленнее, чем в других странах. Она осложнялась глубоко укоренившимися фритредерскими традициями. В Англии в течение 150 лет (с момента выхода в свет знаменитого «Богатства народов» Адама Смита, т. е. с 1776 г.) господствовала доктрина *laissez faire*, руководящим началом которой был принцип невмешательства государства в экономическую жизнь. Фритредерская политика наиболее отвечала интересам английских фабрикантов и их глашатеев политико-экономов, — писал Энгельс, — состояла в том, чтобы заставить все другие страны поверить в евангелие фритредерства и создать, таким образом, мир, в котором Англия была бы большим промышленным центром, а все остальные страны — зависящими от нее земледельческими провинциями»⁴¹. Играя роль «промышленной мастерской» мира, Англия легко могла подавлять своих конкурентов в условиях свободной конкуренции. При помощи использования фритредерской политики Англия экономически завоевала и подчинила себе колонии. Фритредерская идеология и политика сохранились и после того, как Англия потеряла свою промышленную гегемонию.

С этой фритредерской идеологией было непосредственно связано широко распространенное представление о том, что экономические функции государства должны быть сведены к минимуму. Ни в одной другой стране философы, социологи, экономисты не изощрялись так в умалении роли государства, в сведении последнего к роли «ночного сторожа».

В этом отношении господствующая буржуазная идеология Англии отличалась от идеологии других стран, где буржуазия связывала с государством решение очень важных задач, например национального объединения (в Германии), устранения экономической зависимости и т. д. Достаточно сравнить буржуазную литературу Англии и Германии в первой половине XIX в. для того, чтобы увидеть различие в оценке роли государства. В Англии господствовали смитовские оценки государства. Адам Смит, как известно, включал государя со своими судейскими чиновниками и офицерами в ту же рубрику непродуцированных рабочих и служащих, к которым он относил и актеров, скоморохов, музыкантов, оперных певцов, танцовщиц и т. д. Между тем немецкая литература пропагандировала настоящий культ юнкерско-буржуазного государства как абсолютной и высшей ценности, как источник всякого развития, а том числе и экономического. Так, например,

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 312.

Фихте писал, что только государство превращает аморфную массу людей в социальное целое. А Гегель усматривал в прусской монархии наиболее законченное и совершенное выражение абсолютного духа, творящего, по его концепции, всю историю мироздания. Основу такого культа государства составляли специфические условия развития германского капитализма, и прежде всего факт позднего государственного объединения Германии. Немецкая буржуазия жаждала сильной государственной власти, как средства уничтожения раздробленности германских государств, тормозившей развитие капитализма.

На английской почве⁴² фритредерские идеи, защита принципа *laissez faire*, отрицание государственного вмешательства в экономику пустили глубокие корни. Английская буржуазия медленно освобождалась от влияния этих идей. Дело не только в косности и консерватизме. Англия в течение длительного времени после того, как она потеряла свою промышленную монополию, сохраняла первенствующее положение в области мировой торговли. Она продолжала оставаться крупнейшим экспортером капитала и товаров, а также крупнейшим морским перевозчиком товаров. Английская буржуазия была заинтересована в устранении препятствий для ведения мировой торговли, в снятии таможенных барьеров в других странах. Эти мотивы лежали в основе фритредерской пропаганды, усердно распространяемой английскими экономистами уже в начале XX столетия, т. е. в период империализма.

Но экономические процессы эпохи империализма оказались сильнее власти исторических традиций. Упорная защита отжившего принципа *laissez faire* вступила в противоречие с вошедшим в повседневную практику использованием государства капиталистическими монополиями. Среди монополистической буржуазии начинает распространяться мнение, что нужно открыто пропагандировать принцип государственного вмешательства в экономику, что нужно отказаться от восхваления обанкротившегося принципа *laissez faire*. В сборнике «Международная торговая политика», изданном в 1944 г. Британской федерацией промышленников, основной организацией английского монополистического капитала, свободная конкуренция осуждается и провозглашается политика «регулирования» производства. Финансовые магнаты поставили перед буржуазными экономистами задачу теоретического оправдания использования государства монополиями под видом госу-

⁴² Весьма характерно, что современные английские буржуазные экономисты пытаются подвергнуть сомнению фритредерские традиции и представить виднейших английских буржуазных идеологов XIX в. в роли чуть ли не противников политики *laissez faire*. В этом отношении характерна книга Мак Грегора «Экономическая мысль и политика» (D. H. McGregor. Economic Thought and Policy. L., 1949).

Так «обрабатывается» история английской экономической мысли для того, чтобы показать, что практика государственно-монополистического капитализма опирается на длительные традиции и что она находится в полном соответствии с учением буржуазных классиков политической экономии.

дарственного вмешательства в экономику. Эта задача выполняется учеными приказчиками финансовой олигархии под флагом пропаганды так называемого «регулируемого капитализма». Последняя получила наиболее отчетливое выражение в кейнсианстве.

Учению марксизма-ленинизма об общем кризисе капитализма Кейнс пытается противопоставить положение, что колоссальная безработица и острейшие экономические кризисы неизбежны только для так называемого нерегулируемого капитализма, т. е. буржуазного общества, в котором господствует принцип *laissez faire*, но что эти явления необязательны и их можно избежать с переходом к «регулируемому капитализму». Кейнс старается внушить иллюзию, что можно излечить старческие болезни современного капитализма путем усиления государственного вмешательства в экономику.

Кейнсианская программа «лечения» капитализма — типичный продукт периода общего кризиса капитализма. Она отражает поиски средств укрепления капитализма в условиях острейших экономических кризисов, массовой хронической безработицы, с одной стороны, и огромных экономических успехов СССР, с другой стороны. Буржуазные экономисты пытаются обмануть массы басней о том, что столь успешно осуществляемый в СССР метод планирования можно реализовать в капиталистических условиях и устранить таким образом неизбежные последствия стихийных законов капитализма, и в частности кризисы. Буржуазные экономисты при этом преследуют двойную задачу: успокоить массы и оправдать использование государства монополиями под видом «планирования».

Практические предложения Кейнса об усилении государственного «контроля» над экономикой направлены к усилению гнета финансовой олигархии, к перераспределению народного дохода в пользу монополий при помощи бюджета, к еще более ожесточенному наступлению монополий на жизненный уровень рабочего класса. Цель всех этих мероприятий — обеспечить монополиями высокую прибыль монополистическому капиталу. Этим определяется классовая природа кейнсианства.

Выше мы показали, что апология монополий в современной буржуазной литературе осуществляется в разнообразных формах. Одной из таких форм является мнимая критика монополий. Столь же разнообразны приемы, применяемые для оправдания использования монополиями буржуазного государства. Если одни маскируют это использование общими разговорами о государственном вмешательстве, то другие считают нужным еще больше маскировать свои подлинные цели, выступая под флагом «критики» государственного вмешательства в экономику. Особую активность в этом направлении в 30-х годах XX в. проявляли Хайек и Роббинс⁴³.

⁴³ В послевоенный период, как увидим ниже, они значительно сблизились с кейнсианцами.

Они пытались представить себя в роли хранителей былой фритредерской политики; любое государственное вмешательство в экономику они рисовали в качестве чуть ли не социалистической меры, а своих противников из буржуазного лагеря представляли чуть ли не в качестве скрытых «социалистов».

На деле эта критика государственного вмешательства в экономику имеет демагогический характер. Самые горячие адепты «свободы бизнеса» горячо поддерживают такие формы государственного вмешательства, как разного рода субсидии монополистам, расширение системы заказов, рост военных расходов и т. д.⁴⁴

Мнимая защита давно отжившей и сданной в архив фритредерской политики направлена на то, чтобы отвести внимание от грабительской политики монополий, от их растущего гнета, характеризующего современный капитализм. Хайек и Роббинс пытаются заслонить монополии пугалом, именуемым протекционизмом или государственным вмешательством.

Такого рода демагогию особенно используют консерваторы. По этому поводу Гарри Поллит писал: «В своих предвыборных выступлениях консерваторы произносят красивые слова об уничтожении контроля над производством. Мы знаем, что это будет означать дальнейшее урезывание заработной платы, удлинение рабочего дня, уменьшение субсидий на питание и на социальное обслуживание, т. е. материальные лишения»⁴⁵.

Буржуазные экономисты всячески раздувают разногласия между защитниками и «противниками» государственного вмешательства в экономику. Это — обычный прием буржуазных идеологов, пытающихся мнимыми или второстепенными разногласиями отвести внимание от коренных вопросов.

В послевоенный период расхождение между защитниками и «противниками» государственного вмешательства в экономику в значительной мере стерлось. Опротное значение для объяснения этого факта имеет милитаризация хозяйства, ставшая важнейшим элементом государственно-монополистического капитализма. Милитаризация хозяйства приводит к наиболее полному слиянию государственного аппарата с военно-промышленными концернами. Милитаризация означает во все возрастающих размерах работу на казну обслуживающих военный спрос предприятий. Государственно-монополистический капитализм получает при милитаризации хозяйства наиболее обнаженное выражение. В этих условиях

⁴⁴ По этому поводу Ф. Рузвельт писал: «Тот же человек, который говорит, что он не желает вмешательства государства в бизнес... он же первый направляется в Вашингтон просить правительство о запретительном тарифе на его товары. А когда дела идут довольно скверно, как это было в 1930 г., — на его товары. А когда дела идут довольно скверно, как это было в 1930 г., — он с такой же поспешностью обращается к правительству Соединенных Штатов с просьбой о займе» (F. D. Roosevelt. Looking Forward. N. Y., 1933, p. 85). Рузвельт хорошо знал своих бизнесменов, и его замечание по этому вопросу не нуждается в комментариях.

⁴⁵ Гарри Поллит. Мы боремся за интересы народа. «Правда», 19 февраля 1950 г.

буржуазные экономисты уже не считают более удобным выступать даже с демагогической критикой государственного вмешательства в экономику⁴⁶.

Буржуазные экономисты отражают позиции господствующих кругов монополистического капитала. Эти позиции весьма отчетливо отражаются в практике консервативной партии. Прикрываясь демагогией о «свободном предпринимательстве», консерваторы после своего прихода к власти в конце 1951 г. стали на первых порах еще более рьяно, нежели лейбористы, проводить мероприятия, выражающиеся в государственном вмешательстве в экономику. Весьма характерно, что в «Экономическом обзоре за 1952 год», представляющем собою первую развернутую экономическую декларацию консервативного правительства, провозглашается курс на «более жестокую» и «более строгую» финансовую политику. Консервативное правительство установило еще более строгое ограничение импорта товаров, установило еще более жесткие правила в отношении новых капиталовложений и т. д. Усиление государственного вмешательства в экономику выражает лишь процесс более полного подчинения государственного аппарата современной Англии капиталистическим монополиям. Ослабление этого «вмешательства» на отдельных участках означает лишь потребность монополистического капитала в более гибких и замаскированных формах использования государственного аппарата.

Знаменем времени является то, что сейчас среди английских буржуазных экономистов уже отпали споры о том, нужны ли вообще «регулирующие» мероприятия или нет: споры ведутся по вопросу о масштабах, формах и методах государственного «регулирования». Эти споры частично отражают действительные расхождения интересов между отдельными группами монополистического капитала, частично же являются продуктом надуманных фиктивных разногласий с целью запутать проблему и отвести внимание трудящихся от их коренных интересов.

При рассмотрении вопроса о расхождении интересов отдельных групп капитала существенное значение имеет экономическое положение монополий, их потребность в государственных субси-

⁴⁶ В этом отношении характерно высказывание «Экономиста» по поводу книги американского экономиста Л. Мизеса «Организованный хаос», выступающего в качестве крайнего сторонника политики *laissez faire*. «Экономист» писал, что в этой работе «либерализм... представлен в своей наиболее грубой и наименее убедительной форме; и никто не будет больше сожалеть об этом результате, чем сами либералы... доктрина Мизеса принадлежит к такому роду оружия, которое вызывает больше страха среди ее друзей, нежели среди ее врагов. Как средство вызвать насмешки среди левых, трудно придумать нечто лучшее» («Economist», August 30, 1947). «Экономист» развязывает слишком тупому и неоворотливому Мизесу, что нельзя вечно пережевывать старые, избитые положения о преимуществах *laissez faire*, не рискуя попасть в смешное положение. Использование государства монополиями стало настолько очевидным, что категорическое отрицание государственного вмешательства в экономику звучит теперь как анахронизм и вызывает возражения даже у самых откровенных поклонников капитализма

днях, как в средстве спасения от банкротства или укрепления их пошатнувшихся позиций, повышения прибылей. В. И. Ленин указывал, что «государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности»⁴⁷. В эпоху общего кризиса капитализма ряд отраслей переживают хронический упадок. Типичными образцами депрессивных отраслей в Англии являются такие отрасли, как угольная, текстильная, судостроение. Среди капиталистов этих отраслей находят для себя наиболее благоприятную почву призывы к регулированию экономики и даже к «национализации». Благоприятную почву для таких призывов представляют также отрасли, имеющие особое стратегическое значение, как, например, электрические станции, железнодорожный транспорт и т. п.

Наряду с депрессивными отраслями имеются отрасли, которым удалось завоевать себе относительно более устойчивый рынок. Это — всякого рода «новые отрасли», завоевавшие для себя рынок за счет вытеснения старых отраслей. В этих более устойчивых отраслях обычно сильна оппозиция против государственной монополии, которая нередко является средством спасения и укрепления их конкурентов, т. е. воротил отраслей, находящихся в состоянии упадка.

Лондонская школа отражала интересы капиталистов этих более устойчивых отраслей, менее нуждающихся в поддержке со стороны государства. В этом отношении характерно высказывание Роббинса по вопросу о широко практиковавшейся в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. санации предприятий, стоящих на грани банкротства. Роббинс в то время выступал против санации. «Мы избегаем острой чистки. Мы предпочитаем «затянуть болель»»⁴⁸ — жаловался он. «Когда масштаб неправильных инвестиций и чрезмерная задолженность перешли через известную границу, то меры, которые отсрочивают ликвидацию, имеют тенденцию только ухудшить положение»⁴⁹. Роббинс отражал в указанной книге интересы тех кругов монополистического капитала, которые полагали, что они прочно стоят на земле и что они смогут справиться с экономическими трудностями собственными средствами без экстраординарных государственных мероприятий.

Эти споры имели место до второй мировой войны, но, как мы отмечали выше, в послевоенный период расхождения между сторонниками и «противниками» государственного вмешательства в экономику в значительной мере сошли на нет. Споры, которые ведутся между буржуазными экономистами, касаются деталей, а именно вопроса о формах «регулирующих» мероприятий. Одна группа подчеркивает необходимость так называемого «физического

⁴⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 205.

⁴⁸ L. Robbins. The Great Depression. L., 1934, p. 73.

⁴⁹ Ibid., p. 75.

контроля», под которым имеются в виду различные методы рационализации сырья и продовольствия, непосредственного распределения имеющихся в ограниченном количестве материалов между предприятиями, принудительного направления рабочей силы на отдельные предприятия и т. д. Эти методы обычно рекомендуются в отношении отраслей, наиболее тесно связанных с военной подготовкой, которые империалистические круги стараются форсировать всеми средствами. Другая группа экономистов отстаивает предпочтительность «стоимостного контроля» в форме регулирования спроса при посредстве кредитной, налоговой, бюджетной, валютной политики, через воздействие на уровень цен и т. д. Как ни пытаются буржуазные экономисты раздувать эти разногласия, последние имеют совершенно второстепенный характер. В зависимости от конкретной обстановки, в частности от наличных запасов материалов и сырья, от международной обстановки и т. д., буржуазные правительства применяют то один, то другой метод, то комбинируют их в разных соотношениях. Оба метода имеют целью наилучшим образом обеспечить интересы монополий.

Важно отметить, что фритредерская аргументация, прежде столь господствовавшая в английской экономической литературе, все больше уходит в область прошлого. Демагогию о «плановом капитализме» стали применять даже экономисты, принадлежавшие к лондонской школе. В этом отношении характерна книга Роббинса «Экономическая проблема войны и мира», вышедшая в 1947 г., в которой он открыто переходит на сторону Кейнса и сторонников «регулируемого капитализма». Любопытно отметить, что в полемике, развернувшейся в январе 1951 г. на страницах консервативного журнала «Спектейтор» по вопросу о методах милитаризации хозяйства, Роббинс выступил сторонником наиболее жестких форм «регулирования» экономики в виде прямого распределения сырья, установления системы рационализации и т. д. Роббинс оправдывает такие мероприятия соображениями о том, что нужно спешить с военной подготовкой.

Былые выступления Роббинса против государственного вмешательства в экономику оказались забытыми, когда речь зашла о гонке вооружения. Сейчас среди английских буржуазных экономистов пользуется большой популярностью следующая формула: «Выравняйте совокупный спрос и совокупное предложение и предоставьте свободу действию механизма цен». Такую позицию защищают Харрод⁵⁰, Джукиз⁵¹, Мид⁵². Эта формула весьма отчетливо выражает требования монополистического капитала. Последний требует, чтобы государство обеспечило соответствие совокупного спроса и совокупного предложения, т. е., иными словами, чтобы оно обеспечило обширный рынок путем предоставления воен-

ных заказов. Монополии требуют, чтобы государство выступало в роли гаранта наивысшей нормы прибылей. С этим связано требование предоставления крупных субсидий монополистическим предприятиям, находящимся под угрозой банкротства. Монополии прежде всего стараются переложить свои убытки на государственную казну. Под их давлением государство проводит во время кризиса принудительное картелирование с целью повышения цен и сокращения производства на тех предприятиях, которые конкурируют с монополиями, с тем чтобы переложить убытки от кризиса на плечи их конкурентов, на средних и мелких капиталистов. Важнейшим содержанием «антикризисных» мероприятий, как показано в пятой главе, является наступление на жизненный уровень трудящихся при помощи инфляции, усиления милитаризма, экспансионистской внешней политики и подготовки войны.

Стремясь «огосударствить» убытки, монополии, однако, менее всего склонны поделиться с государственной казной своими прибылями. Отсюда — вторая часть приведенной выше формулы: предоставьте «свободу рук» монополиям в случае благоприятной конъюнктуры, т. е. предоставьте монополиям «свободу» грабить потребителя так, как это им заблагорассудится. Суть этой формулы весьма элементарна: обеспечьте монополиям высокие прибыли при плохой конъюнктуре и неограниченную возможность взвинчивания цен при хорошей.

4. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ИНТЕРЕСАХ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Особую форму оправдания государственно-монополистического капитализма представляет пропаганда правых лейбористов в защиту капиталистической национализации промышленности. Эта одна из наиболее распространенных в Англии и вместе с тем одна из наиболее опасных для рабочего класса форм проповеди «теории смешанной экономики», которая сеет среди рабочих иллюзии о том, что экономика современного капитализма представляет собой сочетание элементов капитализма и социализма (в виде государственных предприятий).

Суть апологетических приемов правых лейбористов в этом вопросе состоит в затуманивании коренных, принципиальных различий между социалистической и капиталистической национализацией. Эти приемы тесно связаны с характерным для многих современных буржуазных идеологов вообще и правых социалистов в особенности отождествлением социализма с государственно-монополистическим капитализмом, осуществляемым в разнообразных формах. Одной из таких форм является увеличение удельного веса государственных предприятий на основе как создания государственных предприятий, так и национализации частнокапиталистических предприятий.

⁵⁰ Roy Harrod. Are these Hardships Necessary. L., 1947.

⁵¹ John Jewkes. Ordeal by Planning. L., 1948.

⁵² E. Mead. Planning and the Price Mechanism. L., 1948.

Национализация приобретает различный характер в зависимости от социально-экономических условий. Характер национализации определяется природой государства, ее осуществляющего. Так, национализация промышленности, проведенная в СССР после победы Октябрьской революции, сыграла крупнейшую роль в создании предпосылок для социалистического развития. Такую же роль сыграла национализация в странах народной демократии. Гигантские успехи, достигнутые в СССР на основе ликвидации капиталистической частной собственности, сделали лозунг национализации промышленности чрезвычайно популярным среди рабочих капиталистических стран.

Учитывая это обстоятельство, лейбористы спекулировали на том, что они также осуществили национализацию. Но это национализация другого типа и осуществлена в интересах магнатов капитала с помощью государства, стоящего на страже их интересов.

Национализация в этих условиях не только не устраняет частнокапиталистического присвоения, но, напротив, превращается в метод гарантирования высокой прибыли для владельцев национализированных предприятий. Нередко владельцы этих предприятий получают большую прибыль, чем до такой национализации, поскольку последняя прежде всего распространяется на убыточные отрасли. Характерно, что в Англии размер компенсации за «национализированные» предприятия определялся на основе прежней нормы прибыли за ряд предшествовавших благоприятных лет. Иными словами, сохранение за владельцами «национализированных» предприятий прежней нормы прибыли в качестве минимума рассматривается как обязательное условие. Национализация при этих условиях сохраняет законы капиталистической прибыли, лишь несколько видоизменяя форму ее проявления: бывший владелец национализированных предприятий получает прибыль не прямо и непосредственно от данного предприятия, а через государство. В тех случаях, когда данное предприятие приносит убытки, владельцы национализированных предприятий тем не менее получают по-прежнему высокую гарантированную прибыль, источником которой является эксплуатация капиталистами рабочего класса в целом и перераспределение прибыли через посредство государства.

Вопреки утверждениям буржуазных экономистов, капиталистическая национализация не только не означает устранения капиталистических производственных отношений, а направлена к их сохранению. Ф. Энгельс, анализируя причины огосударствления некоторых отраслей, проведенного Бисмарком, ссылается на стремление буржуазного государства «превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих»⁵³.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 120.

Яркой иллюстрацией подобного типа национализации служит национализация некоторых отраслей, проведенная лейбористами. Объективным содержанием лейбористской программы является попытка укрепления позиций британского империализма на основе осуществления государственно-капиталистических мероприятий. Эта основная черта определила воззрения и практику лейбористов в области «национализации» некоторых отраслей производства.

Практика национализации некоторых отраслей промышленности, проведенной лейбористским правительством, является наилучшим опровержением их теории о постепенном внедрении элементов социализма в капиталистическую экономику.

Для проведенной лейбористами национализации характерен выбор отраслей, на которые она распространяется. Последняя прежде всего охватывает отрасли, имеющие особое стратегическое значение (железнодорожный транспорт, электростанции), или убыточные отрасли, в которых частнокапиталистическое хозяйничанье привело к банкротству. К числу последних относится угольная промышленность, которая после первой мировой войны переживает глубокий и длительный кризис. Практика показала, что техническая реконструкция этой отсталой отрасли не может быть проведена силами прежних собственников предприятий. Не случайно многочисленные буржуазные обозреватели угольной промышленности еще в 20-х и 30-х годах нынешнего века рекомендовали ее национализацию. Убыточным был и английский железнодорожный транспорт. Покойный лейбористский министр финансов Криппс во время обсуждения законопроекта о национализации транспорта (в декабре 1946 г.) заявил, что «железнодорожные компании стоят перед полным банкротством». Передача таких отраслей в руки государства, помимо огосударствления убытков прежних собственников, должна ускорить осуществление технической реконструкции, обеспечить снижение издержек производства, усилить конкурентоспособность английской промышленности на мировом рынке. Потребность в улучшении условий конкурентной борьбы в области внешней торговли сыграла роль одного из важнейших стимулов осуществленной в Англии частичной национализации.

Выбор отраслей, на которые распространялась лейбористская национализация, был подчинен задачам укрепления позиций британского империализма. Верные приказчики английского финансового капитала, лейбористы стремились огосударствить те отрасли, продукция которых (в виде топлива, электроэнергии, газа, водоснабжения, транспортных услуг) потребляется всеми отраслями народного хозяйства и которая оказывает значительное влияние на снижение уровня издержек производства, что направлено к усилению конкурентоспособности английских экспортных монополий на мировом рынке в борьбе с экспортерами других стран, в особенности с экспортерами США.

Огосударствление подобного рода предприятий, проводимое по указке капиталистических монополий, используется для обогащения капиталистического класса в целом. Капиталистическая национализация ставит цель не только обеспечить устойчивую прибыль бывшим владельцам национализированных предприятий, но и повысить прибыли предпринимателей в остальных отраслях промышленности путем предоставления им товаров национализированных отраслей по низкой цене. Именно с этой целью в национализированных отраслях промышленности рабочих заставляют работать интенсивнее и всячески удерживают низкий уровень их заработной платы. Капиталистическая национализация используется для того, чтобы принести выгоду капитализму в целом за счет рабочих в национализированных отраслях промышленности.

Таким образом, лейбористская национализация проводилась лишь там и постольку, где и поскольку это было выгодно финансовому капиталу. Любопытную иллюстрацию дает национализация сталелитейной промышленности, которая распространялась только на предприятия, производящие сталь, а не на предприятия, занимающиеся наряду с производством стали дальнейшей ее переработкой. Последняя группа предприятий, охватывающая в первую очередь фирмы, производящие оружие, не нуждается в подобной национализации: государство предоставляет им колоссальные заказы, гарантирует рынок и обеспечивает высокие прибыли.

Неудивительно, что при такой ориентации прав лейбористских руководителей на интересы монополистического капитала лейбористское правительство, одной рукой осуществляя огосударствление отдельных отраслей промышленности, другой рукой передавало монополиям ряд предприятий, принадлежавших раньше государству. Так, например, часть предприятий построенных государством во время войны, была продана за бесценок или передана в аренду крупным капиталистическим монополиям. В 1945 г. после окончания войны 117 предприятий, принадлежавших государству, на которых было занято 220 тыс. рабочих, были проданы или переданы в аренду.

Весьма характерно, что лейбористская избирательная программа 1949 г. старательно проводила знак равенства между национализированными и частными предприятиями. Программа подчеркивала, что «администраторы (имеются в виду руководители национализированных отраслей промышленности.— И. Б.) и частные предприниматели — это опекуны, ответственные перед страной. В этом смысле всякое предприятие является национальным». Нечего говорить о том, что положения об «опекунах» и о «национальном характере» капиталистических предприятий насквозь лицемерны. Это язык стопроцентных буржуазных апологетов.

Опровержением буржуазных «теорий смешанной экономики», утверждающих, что капиталистическая национализация вносит коренные изменения в экономику современного капитализма, слу-

жит и тот факт, что основная часть средств производства остается в частной собственности капиталистов. Прав лейбористские авторы считают такое положение нормальным. В книге лейбориста Фрэнсиса Уильямса «Тройной вызов» прямо декларируется, что около 80% всей промышленности должно остаться в частных руках.

Таким образом, лейбористы признают нормальным и желательным такой порядок, при котором основные отрасли промышленности, притом наиболее рентабельные, должны оставаться частной собственностью крупного капитала. Тот же Уильямс подчеркивает, что во всех крупных и мелких вопросах надо установить дружественное сотрудничество между государственными и частными предприятиями. Так Уильямс выразил основной лейтмотив лейбористской национализации, сводящийся к тому, что последняя не только не должна ущемлять, но, напротив, должна способствовать обогащению магнатов — владельцев капиталистических предприятий⁵⁴.

Практика лейбористской национализации наглядно показывает подлинное содержание «смешанной экономики», воспеваемое которой занимаются буржуазные экономисты. Капиталистическая национализация используется в интересах обогащения монополий — и только их.

Служебный характер проведенной лейбористами национализации, как средства укрепления английского монополистического капитала, наиболее отчетливо отразился в высоких компенсациях, выплачиваемых правительством собственникам национализированных предприятий. Размеры компенсаций значительно превышают стоимость национализированных предприятий на основе компенсации положен фиктивный капитал предприятий на основе капитализации среднегодового дохода за последние 10—15 лет. Бывшим собственникам гарантируется, таким образом, прочный и высокий доход. Их положение не только не ухудшается, но, напротив, улучшается, поскольку они освобождаются от риска, связанного с возможностью убытков и снижения годовой прибыли. Капиталистическая национализация не устраняет эксплуатации рабочих в национализированных отраслях, поскольку компенсация, выплачиваемая бывшим владельцам, обеспечивает последним возможность получать нетрудовой доход за счет рабочих, причем выплата компенсации гарантируется государством. В руках капиталистов остается тот же капитал, меняется лишь форма ценных бумаг.

⁵⁴ Прав лейбористские руководители все более свертывают свою программу дальнейшей национализации. Так, Моррисон в 1953 г. выступил в защиту так называемой эластичной политики, состоящей в том, что правительство, в случае прихода лейбористов к власти не берет на себя никаких обязательств в отношении национализации отдельных отраслей и что ему должно быть предоставлено право решать этот вопрос в зависимости от конкретных условий. Весьма характерно, что генсовет предложил на конгрессе британских тред-юнионов в сентябре 1953 г. ограничиться национализацией водоснабжения.

Высокие компенсации собственникам национализированных предприятий вызывают недовольство со стороны рядовых лейбористов.

На лейбористской конференции в 1950 г. в Маргете ряд делегатов высказался против высоких компенсаций. В прениях некоторые делегаты указывали на то, что требование железнодорожников о повышении заработной платы было отвергнуто, в то время как бывшим акционерам железнодорожных компаний ежегодно выплачивается в виде одних только процентов 33 млн. ф. ст. «Лучше было бы использовать часть этой суммы на модернизацию данной отрасли», — заявил один из делегатов, Роберт Вильсон. На конференции была внесена резолюция, предлагавшая сократить вдвое суммы, выплачиваемые владельцам национализированных предприятий. Но Моррисон тотчас же потребовал отклонить эту резолюцию, пугая делегатов тем, что принятие такой резолюции могло бы повести к неблагоприятному для лейбористской партии результату на будущих выборах.

Для идеологической обработки рабочих лейбористские лидеры изощряются в самых лживых аргументах. Для «обоснования» пресловутой «справедливой компенсации» прежде всего привлекается на службу испытанное апологетами и демагогами всех мастей «оружие» в виде апелляции к вечным и неизменным принципам морали. К этому испытанному «оружию» прибегнул, в частности, Эттли, выдвинувший два мотива в защиту компенсации: во-первых, этический, во-вторых, практический⁵⁵. В качестве центрального аргумента выступает соображение о том, что конфискация противоречит, мол, моральному сознанию англичан, что она будет воспринята как несправедливый акт. При этом приводится соображение, что конфискация, охватив только часть капиталистических предприятий, вызовет совершенно различное положение среди отдельных капиталистов: одни (чьи предприятия не будут подлежать национализации) не понесут никакого ущерба, другие же будут «несправедливо обложены». Это рассуждение лейбористов отчетливо выявляет подлинную подоплеку пресловутого «этического социализма», который выполняет определенное классовое назначение, прикрывая проповедями справедливости заинтересованность капиталистов в сохранении их баснословных доходов.

Лейборист Дальтон, защищая принцип «справедливой компенсации», демагогически ссылается на то, что конфискация-де ударит по мелким держателям акций, что-де многие рабочие свои сбережения вкладывают в акции. Дальтон ссылается на то, что даже Английский банк имеет больше 14 тыс. акционеров, из которых больше половины владеет акциями на сумму менее 500 ф. ст. каждый⁵⁶. Таким образом, в интересах финансовой олигархии

используется давно разоблаченная и находящаяся в вопиющем противоречии с фактами «теория демократизации капитала» акционерных компаний. В действительности мелкие акционеры не играют никакой роли в жизни акционерной компании. Они низведены фактически на положение кредиторов, капиталами которых бесконтрольно пользуются держатели «контрольных пакетов» акций. Эти держатели являются подлинными хозяевами акционерных компаний.

Дальтона, как и других лидеров лейборизма, прежде всего волнует вопрос о том, как бы при национализации не пострадали интересы монополий.

Национализация, проведенная лейбористами, направлена на укрепление основ капитализма. «Подобные мероприятия по национализации собственности приносили выгоду капитализму в целом и никоим образом не изменяли капиталистического характера британской экономики, так же как и аналогичные мероприятия, проводившиеся Бисмарком, Гитлером или британскими консервативными правительствами в прошлом»⁵⁷.

Крупные капиталисты по-прежнему хозяйничают в национализированных отраслях. Они занимают командные посты в правлениях всех национализированных отраслей. Некоторые крупные профессиональные организации Англии выдвигали предложение поставить во главе национализированной отрасли совет, состоящий не меньше чем наполовину из представителей рабочих соответствующих отраслей. Таково было предложение Федерации угольщиков, таково же было предложение Национального союза железнодорожных рабочих. Но руководство лейбористской партии отвергло эти предложения. Оно выступило за сосредоточение всего руководства национализированными предприятиями в руках бюро, куда под видом «специалистов» данной отрасли производства ввело прежних владельцев или их доверенных лиц.

Ссылка на «опыт специалистов» является ширмой, скрывающей стремление правых лейбористов сохранить фактическое управление национализированных отраслей в руках капиталистов этой отрасли. Для успокоения общественного мнения в состав правлений национализированных отраслей включаются несколько профсоюзных чиновников. При этом выбор падает, конечно, на наиболее послушных воле финансовой олигархии представителей профсоюзной бюрократии. Во главе правлений поставлены крупнейшие представители финансовой олигархии⁵⁸.

⁵⁷ «Путь Британии к социализму». — «Большевик», 1951, № 3, стр. 61.

⁵⁸ Так, например, во главе правления Английского банка остался прежний директор и крупнейший зубр Сити, — лорд Катто, председателем правления угольной промышленности назначен лорд Хайндли, состоявший прежде управляющим крупнейшей угольно-металлургической компании и директором ряда акционерных компаний.

⁵⁵ C. R. Attlee. The Labour Party in Perspective. L., 1937, p. 182.

⁵⁶ Hugh Dalton. Practical Socialism for Britain L., 1935, p. 169.

Уплата громадных компенсаций собственникам национализированных предприятий поглощает львиную долю прибылей последних, а в ряде случаев усиливает их дефицитность (например, в угольной промышленности). Огромные размеры компенсации владельцам шахт, которые прежде всего должны быть выплачены за счет самой угольной промышленности, ограничивают возможность выделения достаточных фондов для реорганизации остальных угольных предприятий. Все это было использовано лидерами лейбористов, как лишний мотив для того, чтобы отвергнуть предложение о повышении заработной платы. Выгоды от национализации получили капиталисты. Рабочим же лейбористские деятели прямо заявили, что они не должны рассчитывать на улучшение своего положения. Так, лейборист Фрэнсис Уильямс писал: «Ввиду крайней серьезности проблем, перед которыми стоит Британия... национализация отнюдь не означает для рабочего класса того, чего он ожидал, — более легких времен: она означает призыв к рабочему работать напряженней без всяких компенсаций»⁵⁹.

Лейбористы пытались внушить массам вредные иллюзии о том, что при помощи подобных методов национализации можно постепенно перейти от капитализма к социализму. Так, например, в изданной лейбористами брошюре Хьюгса «К бесклассовому обществу» утверждается, что «прогресс национализации будет в возрастающей степени уменьшать классовые различия в марксистском смысле»⁶⁰. Подобного рода утверждения рассчитаны на обман масс. Практика гигантского строительства в СССР, его всемирно-исторические победы неопровержимо показали рабочему классу всего мира, что для социалистического развития требуется подлинная национализация, национализация для народа, социалистическая национализация, за которую борется Коммунистическая партия Великобритании и которая является необходимым результатом уничтожения власти капитала и установления власти рабочего класса.

Коммунистическая партия Великобритании в своей программе «Путь Британии к социализму» выступила с развернутым предложением социалистической национализации промышленности. Коммунистическая партия предлагает национализировать всю крупную промышленность, банки, транспорт, торговые концерны, крупную земельную собственность, а также аннулировать национальный долг и фонды компенсаций ранее национализированных отраслей промышленности. Частичная компенсация в случае национализации устанавливается лишь для тех бывших собственников, которые останутся лояльными по отношению к народному правительству. В состав управлений национализированными отраслями войдут лишь рабочие и инженерно-технические работники.

⁵⁹ Francis Williams. The Triple Challenge. Melbourne. Heinemann, 1948, p. 120.

⁶⁰ H. D. Hughes. Towards a Classless Society. L., 1947, p. 16.

На всех ступенях управления, снизу доверху, будет обеспечено демократическое участие рабочих и профсоюзов. Социалистическая национализация даст возможность реорганизовать промышленность, добиться значительного роста производства, снизить цены, повысить заработную плату и улучшить условия труда, навсегда устранить опасность экономических кризисов и безработицы⁶¹.

* * *

Современная буржуазная политическая экономия стремится приукрасить хищническую практику монополий по выколачиванию монопольно высоких прибылей, замаскировать растущий гнет финансовой олигархии и направить критику монополий по адресу профессиональных союзов, причисляемых адвокатами капитала к монополистическим организациям.

Одной из форм апологии монополий является проповедь так называемого «контроля» над монополиями, который только маскирует фактическую диктатуру последних. Такую же апологию монополий представляет столь усилившаяся в период общего кризиса капитализма проповедь государственного вмешательства в экономику. Государственному «регулированию» экономики приписываются самые разнообразные задачи: борьба с безработицей, экономическими кризисами, инфляцией и т. д., но основным содержанием этого «регулирования» является обогащение монополий. Все государственно-монополистические мероприятия продиктованы интересами обеспечения монопольно высоких прибылей и укрепления позиций финансовой олигархии.

Такую же форму приукрашивания государственно-монополистических мероприятий и маскировки фактического служения монополиям представляют попытки лейбористов изобразить проведенную ими национализацию некоторых отраслей промышленности в качестве социалистического мероприятия.

За всеми этими апологетическими маневрами скрывается одна задача — примирить трудящихся с господством монополистического капитала и отвлечь их внимание от борьбы со своими злейшими врагами.

⁶¹ См. «Путь Британии к социализму». — «Большевик», 1951, № 3, стр. 60—62.

ОПРАВДАНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА РАБОЧИЙ
КЛАСС—ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ
«ТЕОРИЙ ЗАНЯТОСТИ»

1. ПРОПОВЕДЬ СНИЖЕНИЯ НОМИНАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
В 20-х И 30-х ГОДАХ

Хроническая массовая безработица в условиях общего кризиса капитализма стала острой экономической и политической проблемой. Она порождена всем комплексом противоречий, характеризующих период общего кризиса капитализма. Обострение основного противоречия капитализма в этот период выражается в невиданном прежде обнищании трудящихся во всех капиталистических странах, что ведет к снижению покупательной способности основных потребителей буржуазного общества — рабочих и крестьян, к сужению рынков сбыта, к сокращению темпов капиталистического производства, к хронической недогрузке предприятий, с которой неразрывно связано наличие постоянной массовой безработицы. Противоречие между тенденцией производства к безграничному росту и ограниченным платежеспособным спросом обостряется в силу неравномерного экономического и политического развития отдельных капиталистических стран и отраслей производства. Эта неравномерность развития, которая приобрела в эпоху империализма решающее значение, вызывает дальнейший рост постоянной массовой безработицы в капиталистических странах.

Среди причин, обусловивших обострение проблемы реализации и образование хронической массовой безработицы в период общего кризиса капитализма, важнейшее место занимает сужение сферы приложения капиталов в результате отпадения ряда стран от системы империализма (России после первой мировой войны, стран народной демократии в Центральной и Юго-Восточной Европе и Китая после второй мировой войны) и подрыв позиций империализма в колониальных и зависимых странах.

Образование и рост постоянной массовой безработицы являются ярчайшим показателем загнивания капитализма, свидетельством неспособности изжившей себя капиталистической системы обеспечить своим наемным рабам даже рабское существование.

Безработица в Англии в 20-х и 30-х годах достигла гигантских размеров. По официальным данным, в 20-е годы уровень безработицы в среднем составлял 12%, а в 30-е — 16% (в 1900—1913 гг. процент безработных держался обычно на уровне 2—5%). Во время кризиса 1929—1933 гг. этот процент доходил до 22 (3 млн. человек). Необходимо при этом учитывать, что официальная статистика преуменьшает число фактически безработных, ограничиваясь лишь учетом зарегистрированных. Тем самым не включаются сельскохозяйственные рабочие, на которых не распространяется страхование от безработицы, а также находившиеся раньше в личном услужении. Официальной статистикой не включаются рабочие, снятые с учета на основании изменений закона о страховании по безработице. Не учитываются безработные, которым отказано в пособии и которые поэтому также перестают регистрироваться. Далее во всех этих подсчетах не учтена частичная безработица.

Безработица в условиях общего кризиса капитализма приобретает новое качество: миллионные армии безработных из резервных превращаются в постоянные. Для характеристики безработицы в этот период важны не только данные о ее масштабах, но и о ее длительности для отдельного рабочего. Не имевшие работы в течение года и более, по отношению к общей численности рабочих, составляли: в 1932 г. — 21,1%, в 1933 г. — 25,4, в 1934 г. — 24,2, в 1935 г. — 26,5, в 1936 г. — 25,1, в 1937 г. — 21,3, в 1938 г. — 19,3, в 1939 г. (август) — 25,8%¹. Таким образом, от 1/5 до 1/4 рабочих были безработными в течение длительного времени.

Массовая хроническая безработица вызвала значительное обострение классовой борьбы в Англии. Для 30-х годов характерно переплетение стачечной борьбы рабочих с движением безработных; демонстрации последних приняли форму «голодных бунтов». Многие из этих демонстраций заканчивались столкновениями с полицией.

В годы экономического кризиса 1929—1933 гг. наиболее мощными были демонстрации безработных в Лондоне, Глазго и Бельфасте. Эти демонстрации вылились в серьезные классовые бои. Когда в 1936 г. консервативное правительство издало новый закон, сокращающий пособия безработным, это привело к их «голодному походу» в Лондон. Движение безработных не могло не вызвать тревоги у господствующих классов Англии. Отсюда — поиски рецептов некоторого ограничения безработицы с тем, чтобы ослабить социальную угрозу капитализму.

Безработица в условиях общего кризиса капитализма приняла такие гигантские размеры, что просто замалчивать ее стало уже невозможным. В этих условиях финансовая олигархия поставила

¹ Ю. Кучинский. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., ИЛ, 1948, стр. 145.

перед представителями буржуазной экономической мысли задачу — дать такое объяснение массовой безработицы, которое затушевывало бы неразрывную связь между ней и обострившимися противоречиями, характеризующими современный капитализм. Финансовая олигархия заинтересована в создании таких теорий, которые, с одной стороны, создавали бы у рабочих иллюзии о возможности преодоления безработицы в рамках капитализма, с другой — оправдывали бы необходимость снижения заработной платы как средства борьбы с безработицей.

В буржуазной литературе были выдвинуты различные варианты «объяснения» безработицы и проектов борьбы с ней. Все эти варианты объединяет одна общая черта — признание, что снижение заработной платы является необходимым условием роста занятости.

Английская финансовая олигархия поставила в качестве первоочередной задачи снижение заработной платы английских рабочих до уровня заработной платы континентальных рабочих, имея в виду прежде всего рабочих побежденных стран, например, Германии, где жизненный уровень рабочих был особенно низок. В период общего кризиса капитализма в буржуазной экономической литературе звучит прежде всего основной лейтмотив: экономические трудности, переживаемые Англией, и в частности массовая хроническая безработица, обусловлены в первую очередь наличием якобы слишком высокого уровня жизни английских рабочих, их «неуступчивостью» в вопросах заработной платы.

Теория, объявившая главной причиной массовой безработицы наличие якобы непомерно высокого уровня заработной платы английских рабочих, была импортирована в Англию из Франции. В 1925 г. французский экономист Жак Рюэфф выступил со статьей, посвященной английской безработице². Опираясь на статистические данные об индексах номинальной заработной платы, стоимости жизни и числа безработных, Рюэфф пытался показать наличие прямой связи между уровнем безработицы и реальной заработной платой. С ростом последней, по Рюэффу, растет безработица. Для снижения безработицы нужно снизить заработную плату — таков основной вывод Рюэффа, встреченный очень сочувственно в английской буржуазной экономической литературе. Классовый смысл этого вывода очевиден. Английские буржуазные апологеты постарались использовать статистические выводы Рюэффа для оправдания наступления на рабочий класс и попыток еще больше снизить его жизненный уровень.

В основе вывода Рюэффа лежит порочная статистическая методология. Во-первых, Рюэфф отождествил фактически получаемую рабочими заработную плату с официальными тарифными расцен-

ками, хотя это отождествление является прямой фальсификацией, так как в фазе подъема фактически получаемая заработная плата обычно выше тарифных расценок, в фазе кризиса она ниже. Во-вторых, Рюэфф при определении реальной заработной платы исходит из уровня оптовых цен. Между тем рабочим приходится покупать товары не по оптовым, а по розничным ценам, которые сохраняются на высоком уровне и в годы кризиса. В-третьих, Рюэфф исходит из официального индекса стоимости жизни, дававшего искаженное представление о действительных расходах рабочей семьи. Этот индекс был составлен в 1914 г. на основе обследования бюджетов рабочих семей, произведенного еще в 1904 г. В обследованных бюджетах не были учтены расходы на отопление, на квартирную плату, на одежду, на транспортные и другие «разные расходы». Все эти расходы, играющие важную роль в бюджете рабочих, включены были в индекс на основе простых «предположений», сделанных весьма тенденциозно, не говоря уже о том, что совершенно игнорировались расходы на социальные и культурные нужды рабочих.

Официальный индекс давал, с одной стороны, заниженную оценку стоимости жизни, а с другой, — искажал и ее динамику. Так, в фазе кризиса стоимость целого ряда элементов рабочего бюджета, включенных на основе «предположений» (например, квартирной платы, транспортных расходов и т. д.), остается неизменной. При большом удельном весе этих расходов в заработной плате снижение действительной стоимости жизни значительно отстает от официальных индексов.

Для того чтобы свалить всю ответственность за безработицу на якобы завышенный уровень заработной платы, буржуазные экономисты всячески пытаются затушевывать факт снижения номинальной заработной платы. В 30-х годах для этой цели была выдумана «теория неподвижности и неэластичности» (rigidity) заработной платы. Суть этой надуманной теории сводится к тому, что в то время как цены на товары во время кризисов упали, денежная заработная плата продолжала оставаться на прежнем или почти на прежнем уровне.

Для подтверждения «теории неподвижности» заработной платы Пигу и другими английскими экономистами была использована фальсифицированная буржуазная статистика. По ее данным, в годы кризиса 1929—1933 гг. имело место незначительное снижение заработной платы — всего на 4—5%. Между тем фактическое снижение заработной платы было гораздо большим. Порочность официальной статистики заработной платы заключается в том, что она учитывает только основные ставки заработной платы, предусмотренные соглашениями предпринимателей с тред-юнионами. Между тем снижение заработной платы осуществляется разнообразными методами, помимо урезки основных ставок. Оно осуществляется путем прекращения выплаты завоеванных рабочими

² J. Rueff. Les variations du chômage en Angleterre. «Revue Politique et Parlementaire», Décembre 1925.

надбавок к основным ставкам, прекращения повышенной оплаты сверхурочных работ, перевода рабочих на хуже оплачиваемые работы. Далее нужно учесть влияние такого важного фактора, как частичная безработица и снижение заработной платы в связи с наличием в ряде отраслей системы неполного рабочего времени. Наконец, нельзя обойти и влияния растущей доли низкооплачиваемого труда (подростков и женщин) в промышленности.

О масштабах снижения заработной платы говорят данные не только о сокращении ставок, но и о числе рабочих, которым была снижена заработная плата. Так, в 1929 г. заработная плата была снижена 917 тыс. рабочих на сумму 91 тыс. ф. ст. в неделю, в 1930 г. — 1088 тыс. рабочих на сумму 115 тыс. ф. ст., в 1931 г. — 3 млн. рабочих на сумму 405 тыс. ф. ст. в неделю.

В годы кризиса 1937—1938 гг. значительной части рабочих была снижена заработная плата, причем в эти годы происходило также сокращение сверхурочных работ и широкое распространение сокращенной рабочей недели почти во всех отраслях промышленности.

Таким образом, буржуазия в 30-х годах осуществляла весьма интенсивное снижение номинальной заработной платы для большей части рабочего класса. Тем не менее ученые приказчики финансовой олигархии упорно продолжали отстаивать насквозь лживую «теорию неподвижности, неэластичности заработной платы», проповедуя дальнейшее снижение жизненного уровня рабочих. Отражая желания своих хозяев, буржуазный экономист Роббинс с циничной откровенностью высказывал свое недовольство по поводу того, что потребление многих массовых продуктов снижалось во время кризиса 1929—1933 гг. якобы недостаточно быстро и сильно. «Потребление поддерживалось в ущерб капиталу», — сетует Роббинс³. Так откровенный прислужник финансовой олигархии жаловался на то, что наступление на жизненный уровень рабочих не достигает размеров, о которых мечтали наиболее хищные представители монополий.

Для обоснования теории обусловленности безработицы завышенным уровнем заработной платы, кроме фальсифицированной статистики, на службу был поставлен «теоретический» аппарат вульгарной политической экономии. Для этой цели была использована пресловутая «теория предельной производительности», получившая в английской литературе особое распространение после выхода работы А. Маршалла «Начала экономической науки». Суть этой теории сводится к тому, что уровень заработной платы определяется производительностью предельного рабочего, т. е. наиболее низкой производительностью, получаемой при данном числе рабочих и данной величине капитала. Эта теория призвана не только обосновать отсутствие эксплуатации рабочих капиталом, но и

показать, что увеличение численности рабочих приводит к снижению предельной производительности труда и тем самым к снижению заработной платы. Все эти измышления необходимы буржуазной политэкономии для того, чтобы «теоретически подкрепить» ее главный вывод: увеличение занятости возможно-де лишь при условии снижения заработной платы.

Эта теория находится в вопиющем противоречии с капиталистической действительностью. Во-первых, она исходит из того, что заработная плата равна стоимости всего продукта, созданного предельным рабочим. Иными словами, заранее исключается существование эксплуатации рабочих. «Теория предельной производительности» воспроизводит на новый лад давно раскритикованную Марксом «трехединую формулу» Сэя, согласно которой заработная плата равняется стоимости всего продукта труда рабочих. В действительности заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, которая ниже стоимости, созданной рабочими. Разность между последней и стоимостью (или ценой) рабочей силы и составляет прибавочную стоимость. Во-вторых, «теория предельной производительности» опирается на вымышленный буржуазными экономистами так называемый «закон убывающей производительности», представляющий собой ухудшенный вариант также вымышленного буржуазными экономистами «закона убывающего плодородия почвы». Суть «закона убывающей производительности» сводится к тому, что если непрерывно увеличивать число занятых рабочих при тех же размерах капитала, воплощенного в определенном производственном аппарате, то производительность каждого нового дополнительного рабочего будет снижаться в силу нарушения оптимальных пропорций между отдельными факторами производства (т. е. в силу того, что имеется слишком много рабочих по сравнению с данным производственным аппаратом). Отсюда делается вывод, что с ростом числа рабочих при данной величине капитала должна снижаться предельная производительность рабочих, определяющая, согласно этой апологетической версии, уровень их заработной платы. Иными словами, эта теория устанавливает обратную зависимость между объемом занятости и уровнем заработной платы. Отсюда делается вывод, что «увеличение занятости может наступить только вместе с уменьшением ставок реальной заработной платы»⁴.

Так, вымышленный «закон убывающей производительности» используется для оправдания снижения заработной платы.

В. И. Ленин в своей статье «Аграрный вопрос и «критика Маркса»» характеризует «закон убывающего плодородия» как «бессодержательную абстракцию». Его сторонники абстрагируются от технического развития. Они предполагают возможность неогра-

⁴ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., ИЛ, 1948, стр. 16.

³ L. Robbins. The Great Depression. L., 1932, p. 71.

нического приложения труда и капитала к одному и тому же участку земли при неизменном уровне техники. По этому поводу В. И. Ленин замечает: «В сущности ведь самое понятие: «добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала» предполагает изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо *изобрести* новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота...»⁵

Ленинская характеристика «закона убывающего плодородия» как «бессодержательной абстракции» в еще большей степени применима к «закону убывающей производительности».

Концентрация рабочей силы на предприятии и тесно связанный с ней рост кооперации труда являются источником повышения производительности труда. Кооперация создает новую производительную силу, которая по самой своей сущности есть массовая сила. Увеличение числа рабочих, занятых на предприятиях, делает возможным организацию более детального разделения труда, более интенсивное использование имеющихся и применение новых, более мощных орудий производства, более полную и эффективную реализацию преимуществ, которые заключает в себе кооперация труда. Как правило, рост применяемой на предприятии рабочей силы сопровождается повышением производительности труда.

Для того чтобы обосновать явно противоречащий действительности вывод о том, что каждый дополнительный рабочий является менее производительным, чем предыдущий, защитники «закона убывающей производительности» берут в качестве исходного пункта вымышленный случай, когда имеет место одностороннее увеличение рабочей силы на предприятии при неизменной величине производственного аппарата, т. е. когда в конечном счете получается нерациональное использование рабочей силы. Совершенно очевидно, что такой случай не является ни нормальным, ни типическим. Ни один капиталист не пойдет на то, чтобы накапливать на предприятии избыточное количество рабочей силы сверх потребностей, диктуемых масштабами данного производства, и в частности размерами производственного аппарата.

Вопрос о количестве потребной для предприятия рабочей силы не может решаться без учета имеющихся производственных мощностей и возможности наиболее интенсивного использования рабочей силы.

Ясно, что диспропорция между растущим числом рабочих на предприятии и неизменным производственным аппаратом целиком надумана буржуазными экономистами и не имеет ничего общего с реальной капиталистической действительностью. Вымышленный характер предпосылок, на которых строится «закон убывающей производительности», особенно отчетливо выступает в период об-

щего кризиса капитализма, одной из существенных черт которого является хроническая недогрузка предприятия. В этих условиях, если имеет место увеличение численности применяемой рабочей силы, оно происходит одновременно с ростом используемого производственного аппарата.

«Закон убывающей производительности» не имеет никакой научной почвы под собой, он сконструирован исключительно на потребу буржуазной апологетики для обоснования необходимости снижения заработной платы в связи с мнимым убыванием производительности труда.

Эту теорию, которая рассматривает высокий уровень заработной платы как основную причину массовой безработицы, попытался углубить Пигу, выступивший с особым вариантом так называемой «добровольной безработицы». Раньше, до периода общего кризиса капитализма, английские буржуазные экономисты пытались представить безработицу как так называемую фрикционную безработицу (*frictional unemployment*, буквально «безработица, основанная на трении»; под этим мудреным названием имеется в виду локальный, частичный характер безработицы, ограниченной отдельными районами и отраслями). Для объяснения такой безработицы выдвигалось соображение о несоответствии между изменившимися потребностями в рабочей силе и сложившимся ее распределением между отдельными отраслями и районами в силу недостаточной подвижности рабочих, привязанных к определенным местам своего жительства и к определенным специальностям. Пресловутая догма о невозможности общего перепроизводства была дополнена не менее абсурдной, находящейся в очевидном противоречии с общеизвестными фактами догмой о невозможности общей безработицы, т. е. безработицы во всех или в большинстве отраслей производства. Основной смысл этой догмы сводился к тому, чтобы всячески затушевывать значимость безработицы, свести ее к чему-то случайному, эпизодическому, локальному, несущественному.

В период общего кризиса капитализма, когда безработица приняла гигантские размеры, даже твердолобые апологеты капитализма не могли решиться на отстаивание старой догмы о частичной и локальной безработице. На место басни о «фрикционной безработице» была выдвинута басня о «добровольной безработице». Суть этой «доктрины» сводится к утверждению, что рабочие сами добровольно обрекают себя на безработицу, не соглашаясь работать за «нормальную», «естественную» заработную плату, соответствующую фактическому соотношению спроса и предложения на рынке труда. Подчеркиванием добровольного характера безработицы буржуазные сикофанты пытались показать, что она имеет мнимый характер. По их теории получается, что таких безработных нельзя считать настоящими безработными. Такой вывод и делает Пигу.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 101.

«Теория добровольной безработицы» Пигу строится на положении, что в условиях ничем не ограниченной конкуренции (имеется в виду отсутствие мощного профессионального движения и активной борьбы рабочих против попыток капиталистов снизить их жизненный уровень) безработица автоматически ликвидируется. «В стабильных условиях всякий желающий работать будет действительно занят»⁶, — заключает Пигу. Существование безработицы, если отбросить фрикционную безработицу, по Пигу, объясняется тем, что профсоюзы искусственно поддерживают заработную плату на уровне, превышающем тот уровень, при котором безработица падает до нуля⁷. Итак, ответственность за существование безработицы целиком несут профсоюзы, не проявляющие достаточной уступчивости и покорности в отношении притязаний капитала, — вот основной вывод, ради которого писалась книга Пигу «Теория безработицы», для пущей «учености» нагруженная сложными математическими формулами и расчетами.

В интересах буржуазной апологетики Пигу старается «обставить» свои измышления различными «аргументами». Он старается уверить читателя, что снижение заработной платы вызовет общее снижение товарных цен, что приведет к увеличению покупательной силы групп населения, живущих не на заработную плату, и создаст дополнительный спрос, стимулирующий расширение производства.

Этот аргумент также вымыслен от начала до конца. Совершенно неверно, что снижение заработной платы должно обязательно вызвать снижение цен. Снижение заработной платы при прочих равных условиях означает автоматический рост массы и нормы прибыли. Снижение товарных цен может и не иметь места. Изменение заработной платы оказывает лишь косвенное влияние на движение товарных цен через воздействие на величину общественного спроса и предложения товаров. Снижение заработной платы, с одной стороны, способствуя увеличению нормы прибыли, стимулирует рост капиталистического производства, а с другой стороны, вызывает сокращение покупательной силы основной массы населения (для Англии это имеет особое значение, поскольку рабочий класс составляет там подавляющее большинство населения). Иными словами, снижение заработной платы обостряет противоречие между производственными возможностями капитализма и ограниченным платежеспособным спросом, т. е. ускоряет наступление экономического кризиса, влекущего за собой неизбежное увеличение безработицы. Совершенно очевидно, что рецепт борьбы с безработицей путем снижения заработной платы, рекомендуемый Пигу, должен в конечном счете привести к диаметрально противоположному результату — к увеличению безработицы.

⁶ A. C. Pigou. Theory of Unemployment. L., 1933, p. 252.

⁷ Ibid., p. 253.

Утверждение же Пигу о положительном влиянии на конъюнктуру роста покупательной силы других групп населения, не получающих заработную плату, т. е. буржуазии, лишено серьезных оснований. Потребительский спрос этих групп на продукты массового производства имеет небольшое значение по сравнению со спросом основной массы населения — рабочих и крестьян.

Для Пигу характерно, что он сознательно замалчивает влияние на рост безработицы такого существенного фактора, как экономические кризисы перепроизводства. «Теория добровольной безработицы» Пигу зиждется на пресловутой и явно аналогичной теории реализации Сэя, согласно которой рост общественного производства автоматически влечет за собой пропорциональный рост общественного спроса, обеспечивая тем самым непрерывный рост производства и исключая возможность общего перепроизводства. Каждый экономический кризис перепроизводства, переживаемый капитализмом, представляет собой наглядное опровержение этой явно фальсификаторской теории. Тот факт, что на эту давно обанкротившуюся теорию Сэя опирается «теория добровольной безработицы», лишний раз подтверждает полную несостоятельность последней.

Для «подкрепления» своей «теории добровольной безработицы» Пигу извлекает из свалки буржуазных экономических теорий давным-давно раскритикованную и полностью обанкротившуюся «теорию фонда заработной платы». Суть этой теории сводится к тому, что величина капитала, которая может быть ассигнована капиталистами на покупку рабочей силы (или труда, по терминологии буржуазной политической экономии), является постоянной для данного периода. На основе этой теории средняя заработная плата определяется как частное от деления совокупного фонда заработной платы на число рабочих. Отсюда делается вывод, что снижение среднего уровня заработной платы должно вызвать пропорциональный рост спроса на рабочую силу. Все эти хитросплетения понадобились Пигу для того, чтобы сформулировать вздорный и не имеющий ничего общего с капиталистической действительностью вывод, будто бы снижение заработной платы способствует сокращению безработицы, и тем самым — снижению общей суммы пособий безработным делает возможным увеличение той части фонда заработной платы, которая идет занятым рабочим, т. е. создает возможность для еще большего увеличения спроса на рабочую силу. Так «обосновывается» лежащее в основе «теории добровольной безработицы» Пигу положение о чрезмерно высокой эластичности спроса на рабочую силу.

«Теория фонда заработной платы» — одна из самых вздорных теорий заработной платы, беспощадно высмеянная К. Марксом в I томе «Капитала». Маркс так охарактеризовал основной прием защитников этой теории: «Итак, мы сначала вычисляем сумму всех действительно выплаченных индивидуальных заработных

плат, затем объявляем, что результат этого сложения представляет стоимость «рабочего фонда», установленного богом и природой. Наконец, полученную таким путем сумму мы делим на число рабочих, чтобы снова открыть, сколько в среднем выпадает на долю каждого отдельного рабочего. Процедура чрезвычайно хитроумная»⁸. Для того чтобы придать какую-то научную видимость этой, с позволения сказать, теории, «была сочинена басня, что вещественное существование переменного капитала, т. е. та масса жизненных средств, которую он представляет для рабочих, или так называемый рабочий фонд, есть совершенно обособленная часть общественного богатства, определяемая непреодолимыми силами самой природы»⁹.

В свое время, в первой половине XIX в., «теория фонда заработной платы» была использована буржуазными апологетами для внушения рабочему классу представлений о бесцельности создания профсоюзов, о том, что последние не могут оказать никакого влияния на заработную плату, определяемую якобы чисто арифметическим соотношением совокупного фонда заработной платы и числа рабочих.

В настоящее время «теория фонда заработной платы» используется буржуазными апологетами для обоснования наступления буржуазии на жизненный уровень рабочего класса. При помощи этой теории буржуазные софисты стараются доказать возможность быстро рассосать безработицу за счет снижения заработной платы и соответственного роста спроса на рабочую силу.

«Теория добровольной безработицы» дает совершенно извращенное представление не только об условиях, определяющих спрос на рабочую силу, но и о характере предложения рабочей силы.

Пигу исходит из учения Джексона — Маршалла о так называемой тягостности труда. Это учение пытается дать субъективную характеристику труда с точки зрения ощущений и переживаний рабочего: в последние-де часы рабочего дня тягостность труда выше, чем в первые часы, в связи с ростом его усталости. По этой теории рабочий согласен продавать свою рабочую силу (свой труд) лишь до тех пор, пока предельная полезность продуктов, получаемых за заработную плату, превышает предельную тягостность труда (т. е. тягостность последнего часа).

Джексон и Маршалл построили свою «теорию тягостности труда» применительно к самостоятельному производителю, который сам регулирует продолжительность своего рабочего дня. При этом Джексон и Маршалл совершают двойную фальсификацию. Во-первых, они замалчивают жестокую нужду, в которой живут мелкие производители в буржуазном обществе. Беспощадная эксплуатация мелких производителей торговым капиталом обрекает их на

всяческие лишения. Они могут кое-как продержаться только за счет чрезмерного труда и недоедания. Они практически лишены возможности выбирать между сокращением рабочего дня и сокращением своего потребления, ибо их потребление урезано до минимума. Во-вторых, буржуазные авторы мошеннически распространяют выводы, сделанные по отношению к самостоятельным производителям, на наемных рабочих, подчиняющихся фабрично-заводской дисциплине и не имеющих вообще возможности регулировать по своему желанию длину рабочего дня. У наемных рабочих еще меньше возможности считаться с субъективными ощущениями тягостности труда, нежели у мелких производителей, ибо перед пролетарием стоит дилемма: продажа своей рабочей силы или голодная смерть, другого выхода у рабочего нет.

Эту явно надуманную, извращающую капиталистическую действительность теорию Джексона — Маршалла о предельной тягостности труда Пигу пытается приспособить для обоснования «теории добровольной безработицы». Он рисует такую картину: рабочие-де сами виновны в безработице, ибо они слишком высоко оценивают предельную тягостность труда, предпочитая безделье недостаточной высокой оплате труда.

Буржуазные апологеты самым бесцеремонным образом издеваются над элементарными фактами, сознательно замалчивая вопрос о том, на какие средства будут жить рабочие, предпочитающие безделье. Согласно этой версии получается, что для рабочих продажа своей рабочей силы не является вынужденной необходимостью, что они имеют какие-то дополнительные источники дохода. Нечего говорить о том, что такой насквозь фальшивый вымысел призван для того, чтобы прикрыть дымовой завесой действительный характер капиталистического наемного рабства и действительные причины массовой хронической безработицы.

Теория Пигу, пытающаяся представить хроническую безработицу как результат склонности рабочих к праздности, — беспримерная клевета на рабочий класс. Безработица, которую Пигу старается обрисовать как «добровольную», является для пролетариев величайшим бедствием, от которого страдают не только безработные, но и рабочие, занятые на производстве.

«Теория добровольной безработицы» является одним из примеров самого гнусного издевательства буржуазных экономистов над рабочими.

До какого уровня должна упасть заработная плата для того, чтобы обеспечить обещанную ликвидацию безработицы и установление «полной занятости»? Буржуазные экономисты обычно стараются в интересах успокоения рабочих внушить им представление о том, что для этой цели потребуются не очень большие жертвы со стороны рабочих. При этом раздаются жалобы на привычку английских рабочих к слишком высокому уровню жизни. Эта легенда строится на отождествлении положения высокооплачиваемой узкой

⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1953, стр. 617.

⁹ Там же, стр. 616.

верхушки рабочего класса Англии со всей массой рабочего населения. Экономическое положение основной массы рабочих Англии было весьма тяжелым в период между двумя мировыми войнами. Оно еще более ухудшилось в послевоенный период. Большинство английских рабочих не может удовлетворить свои самые минимальные, самые насущные потребности¹⁰.

О низком уровне жизни английских рабочих говорят даже официальные обследования питания населения (например, отчет официального комитета по обследованию недостаточного питания населения в 1935 г.), дающие преуменьшенные сведения о фактических масштабах нищеты. По данным буржуазного специалиста по вопросам питания лорда Бойд-Орра, половина населения Англии до войны расходовала на питание меньше 9 пенни в неделю. Эта сумма, по его расчетам, не обеспечивает получения достаточного количества калорий для нормального функционирования организма.

Ю. Кучинский приводит расчеты, сделанные буржуазным ученым Раунтри, о прожиточном минимуме английских рабочих в предвоенный период. Основываясь на бюджетных исследованиях, Раунтри вычислил «минимальный уровень жизни» рабочих семей различного состава. Руководствуясь апологетическими мотивами, Раунтри установил крайне преуменьшенные нормы расходов на питание, одежду, жилище. Однако сам Раунтри вынужден был признать, что исчисленные им «стандарты» позволяют поддерживать лишь такой уровень жизни, ниже которого «нельзя принуждать жить ни одну группу рабочих»¹¹. В частности, Раунтри в своих подсчетах совершенно исключает из питания рабочего и его семьи масло и цельное молоко, заменяя их маргарином и снятым молоком. Для того чтобы искусственно снизить нормы расходов рабочих, он исходит из того, что рабочие питаются более дешевым хлебом домашней выпечки, тогда как хорошо известно, что это неосуществимо в рабочих трущобах. Нечего говорить о том, что при этом совершенно не учитываются культурные потребности рабочего и его семьи. Однако, как показал Кучинский, и при этих фальсифицированных подсчетах заработная плата значительной части английских рабочих в период между двумя мировыми войнами¹² была ниже даже этого пищенского уровня. Ниже этого уровня были зарплаты всех сельскохозяйственных рабочих, 80% рабочих угольной промышленности, 75% рабочих других отраслей горной промышленности, 50% строительных рабочих и т. д.¹³

¹⁰ Журнал «Экономист», который меньше всего можно заподозрить в симпатиях к рабочему классу, вынужден был признать в конце 1938 г.: «Теперь уже хорошо известно, что очень большая часть населения не получает, даже имея работу, достаточного дохода для того, чтобы покрыть минимальные расходы семьи» («Economist», December 31, 1938).

¹¹⁻¹² J. Kuczyński. Hunger and Worker. Statistical Studies. L., 1938, p. 2.

¹³ J. Kuczyński. Hunger and Worker, p. 51.

Игнорирование экономического положения основной массы рабочего населения — характерный прием буржуазных апологетов, пытающихся представить жизненные условия узкой прослойки высокооплачиваемой группы рабочей аристократии типичными для всего английского рабочего класса. Этот фальсификаторский прием лежит в основе буржуазной статистики заработной платы, дающей далеко не полное и, как правило, искаженное представление об обнищании рабочего класса. К современной буржуазной статистике целиком приложима характеристика К. Маркса: «официальная статистика становится все более обманчивым показателем действительных размеров пауперизма по мере того, как с накоплением капитала развивается классовая борьба, а потому и самосознание рабочих»¹⁴. В частности, официальная статистика, оперируя данными о среднем уровне номинальной заработной платы, затушевывает различие в заработной плате широких слоев рабочего класса и рабочей аристократии. Она не включает в свои подсчеты заработную плату сельскохозяйственных рабочих — наиболее низко оплачиваемого отряда рабочего класса. Она часто публикует данные об общем фонде заработной платы, значительную часть которого составляет жалование административно-управленческого персонала, имеющего высокие ставки, и не учитывает частичную безработицу.

Жизненный уровень преобладающей массы английских рабочих настолько низок, что дальнейшее снижение номинальной и реальной заработной платы угрожает условиям их существования. Иногда буржуазные экономисты проговариваются, что рекомендуемое ими снижение заработной платы может привести к полуголодному или даже просто голодному уровню жизни. Так, Пигу в одной из своих работ¹⁵ прямо пишет, что при известных условиях, а именно при наличии глубокого кризиса, заработная плата для обеспечения «полной занятости» должна упасть до нуля. Это высказывание Пигу как нельзя лучше показывает истинное отношение «добропорядочных» представителей буржуазной науки к рабочему классу: идеалом проповедуемой ими теории является такое положение, когда рабочим ничего не остается, как умереть с голоду. Но это еще не предел цинизма, до которого доходят пророки буржуазной науки, когда дело касается обеспечения высоких прибылей магнатам капитала: тот же Пигу, перечисляя разные варианты «полной занятости», называет и такой: «устранение безработных путем их вымирания с голоду»¹⁶.

Пигу здесь смыкается с реакционнейшими буржуазными идеологами — мальтузианцами, восхваляющими вымирание безработных с голоду как проявление якобы «дарвиновского закона борьбы

¹⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 659.

¹⁵ A. C. Pigou. Industrial Fluctuation. L., 1929, Ch. XX.

¹⁶ A. C. Pigou. Lapses from Full Employment. L., 1945, p. 19.

за существование» и объявляющими помощь безработным вреднейшим, с точки зрения расовой гигиены, мероприятием¹⁷.

Высказывания Пигу и мальтузианцев отражают стремление монополистического капитала устранить «излишних» рабочих путем создания для них таких условий, при которых вообще невозможно никакое существование. Это поистине людоедская «теория», отражающая хищническую практику капитализма, о которой К. Маркс писал: «Но капитал не только *живет* за счет труда. Как знатный варвар-рабовладелец, он уносит с собой в могилу труны своих рабов — целые гекатомбы рабочих...»¹⁸

Классовый смысл теории Пигу очевиден. Она без обиняков предлагает укрепить пошатнувшиеся устои британского капитализма за счет сведения жизненного уровня английских рабочих до полуголодного минимума, за счет фактического превращения рабочего в паупера, а «излишние» массы рабочего населения уничтожить голодом. Такова подлинная сущность плана современных капиталистических рабовладельцев, плана полного закабаления рабочего класса, преподносимого под видом мероприятий по «борьбе» с безработицей.

Под флагом «теории неподвижности заработной платы» буржуазные синкофанты пытались сломить сопротивление рабочего класса, дезорганизовать его, внушить ему дух смирения и покорности¹⁹. На основе этой теории велась борьба за ликвидацию таких завоеваний рабочего класса, как страхование безработных.

Не имея возможности полностью ликвидировать страхование от безработицы, английская буржуазия постаралась свести к минимуму пособия безработным. По закону о страховании 1928 г. безработный лишался права на пособие, если он не мог доказать, что за последние два года он работал не менее трех недель. Между тем, по приблизительным подсчетам, к 1928 г. около 500 тыс. безработных не могли удовлетворить этому требованию. В 1931 г. второе лейбористское правительство постановило снизить пособия безра-

¹⁷ Показательной для мальтузианцев является работа А. Тилле под весьма характерным заголовком «Восточный Лондон как национально-оздоровительное заведение» (A. Tille. Ost London als Nationalheilsanlage. 1893). Тилле проповедовал, что Восточный Лондон (в его время здесь жило около трети миллиона рабочих, из которых 10 тыс. не имели квартир, а остальные находились в ужаснейших жилищных условиях, где семьи вымирали уже во втором поколении, а смертность вдвое превышала рождаемость) представляет «заведение для оздоровления нации, из которого немногие ведут свою родословную, и все попытки помочь несчастным только уменьшают громадное значение, которое оно имеет» (Ibid., S. 107). Массовую гибель безработных и пауперов Тилле с исключительным цинизмом воспевал как «оздоровление нации».

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 459.

¹⁹ Идеологическое «обоснование» наступления буржуазии в послевоенный период под флагом так называемого «замораживания заработной платы» будет рассмотрено во втором разделе настоящей главы.

ботным, а созданное в том же году «национальное правительство» провело это постановление в жизнь. Для значительной части рабочего класса были фактически упразднены пособия по безработице. Особенно широкие возможности для такого лишения безработных пособий давала так называемая проверка нуждаемости. Если рабочий состоял на бирже труда свыше шести месяцев, то требовалось обследование его нуждаемости специальной комиссией. Проводимая чиновниками «проверка нуждаемости» давала «достаточные материалы» для массового снятия безработных с пособий. По этой «проверке» за период с 1931 по 1933 г. в Англии было снято с пособий 1 124 900 человек. Осуществление этого закона «экономило» английскому казначейству только за 1932—1933 гг. 55 млн. ф. ст.

Такова подоплека «теории безработицы» Пигу. Разбор этой теории показывает подлинный смысл «экономии» государственного бюджета, за которую столь усердно ратуют буржуазные экономисты. Они молчат, когда речь идет о самом расточительном расходовании государственных средств в интересах монополий, но они поднимают ужасный крик, когда ставится вопрос об ассигновании незначительных сумм для оказания помощи безработным. Вся софистика, которой располагает современная буржуазная политическая экономия, привлекается тогда на помощь для «обоснования» отказа в помощи нуждающимся рабочим.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ СНИЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ПОД ВИДОМ БОРЬБЫ ЗА «ПОЛНУЮ ЗАНЯТОСТЬ»

Монополии применяют многообразные методы наступления на жизненный уровень рабочего класса. Одним из излюбленных методов является снижение реальной заработной платы. В 30-х годах в Англии весьма заметно сказался процесс роста стоимости жизни. Это видно из следующих данных об индексах стоимости жизни и розничных цен (июль 1914 г. = 100)²⁰:

Год	Индекс стоимости жизни	Индекс розничных цен на пищевые продукты	Год	Индекс стоимости жизни	Индекс розничных цен на пищевые продукты
1930	157	145	1935	143	125
1931	148	131	1936	147	131
1932	144	126	1937	154	139
1933	140	120	1938	156	140
1934	141	123			

В годы экономического кризиса (1929—1933 гг.) произошло некоторое снижение индекса стоимости жизни, которое

²⁰ «Мировое хозяйство. Ежегодник». 1938—1939 гг., стр. 429.

сопровождалось значительно большим снижением номинальной заработной платы. Но со второй половины 30-х годов весьма отчетливо обнаружился рост стоимости жизни прежде всего в области пищевых продуктов. Значительную роль в этом процессе сыграло введение таможенных пошлин на предметы потребления, в частности на продовольственные товары. Аграрный протекционизм обеспечил высокий рост земельной ренты английским землевладельцам за счет массового потребителя сельскохозяйственных продуктов. Весьма характерно, что рост стоимости жизни продолжался и в годы кризиса 1937—1938 гг., несмотря на снижение оптовых цен на мировом рынке. Получился разрыв между движением оптовых и розничных цен. Оптовые цены начали падать, а розничные продолжали расти. К этому привели рост крупных монополий в розничной торговле, увеличение косвенных налогов и таможенных пошлин. Весьма чувствительным для английских рабочих был также рост квартирной платы.

Рост стоимости жизни принял такие ощутительные размеры, что в Англии в предвоенные годы начало развиваться массовое движение против дороговизны, в котором приняли большое участие жены рабочих.

В предвоенные годы в английской экономике начали сказываться инфляционные процессы. Несмотря на сокращение товарного обращения в годы экономического кризиса 1937—1938 гг., банкнотная масса продолжала непрерывно расти на всем протяжении 30-х годов, начиная с 1932 г. Она выросла с 370 млн. ф. ст. в 1929 г. до 505 млн. ф. ст. в 1938 г.²¹ В 1938 г. произошло снижение валютного курса фунта стерлингов с 4,86 долл. до 4,66 долл. Падение курса фунта сопровождалось повышением цен на золото, ростом спроса на доллары, усиленным отливом золота из Англии в США.

Этот метод наступления на жизненный уровень рабочих, осуществляемый в более замаскированной форме, чем прямое снижение заработной платы, широко пропагандировался Кейнсом и его последователями.

Основной смысл пресловутой «теории занятости» Кейнса заключался в обосновании необходимости использования монополиями государственных мероприятий для наступления на жизненный уровень рабочего класса. Важнейшим рычагом этого наступления Кейнс считает снижение реальной заработной платы, осуществляемое при помощи ряда мероприятий. Кейнс не скрывает, что осуществление предлагаемых им практических мероприятий должно привести к росту товарных цен. Но при этом он настаивает на том, что номинальная заработная плата во всяком случае не должна повышаться.

²¹ «Мировое хозяйство. Ежегодник». 1938—1939 гг., стр. 480.

Смысл «теории занятости» Кейнса состоит в оправдании инфляции и империалистической агрессии как основных методов укрепления монополистического капитала и спасения от угрожающей ему катастрофы.

Стремление оправдать политику взвинчивания цен и политику разжигания войны определило все положения пресловутой кейнсианской «теории занятости». Поэтому Кейнс концентрирует основное внимание на необходимости усиленного форсирования производственного спроса путем увеличения затрат на новые инвестиции. Кейнс призывает к тому, чтобы создать наиболее благоприятную обстановку для капиталистических инвестиций. А для этого, по Кейнсу, необходимы: во-первых, снижение реальной заработной платы; во-вторых, дешевое кредитование капиталистов по низкой норме процента; в-третьих, щедрое финансирование капиталистов за счет государственного бюджета. Все эти мероприятия выражают стремление использовать современное буржуазное государство для подавления рабочих и обеспечения высоких прибылей финансовой олигархии. Эта политика неизбежно ведет к росту государственного долга и к развязыванию инфляции.

Проповедь форсирования частнокапиталистических инвестиций при помощи государственного бюджета и дешевого кредита, который должен быть достигнут при посредстве увеличения денежной массы, переносится у Кейнса с восхвалением непроизводительного, расточительного потребления. Это открывает широкую лазейку для оправдания не только паразитического потребления господствующих классов и содержания раздутого полицейско-государственного аппарата, но прежде всего для оправдания громадных военных расходов, роста милитаризма, империалистической агрессии и т. д. под тем предлогом, что это, мол, необходимо для обеспечения «полной занятости». «Общая теория занятости» Кейнса непосредственно служит апологии войны и милитаризации хозяйства. Уильям Фостер справедливо характеризует «убеждение капиталистов в том, что военные заказы, а в конечном счете и сама война необходимы для дальнейшей работы промышленности», как реакционный кейнсианский принцип²².

Кейнс, как и Пигу, старается в интересах монополистического капитала внушить рабочим мысль, что увеличение занятости возможно только при условии снижения реальной заработной платы. Но он прибегает к более сложным и изощренным методам обмана масс. Он понимает, что тезис о «добровольной безработице» может вызвать только глубокое возмущение среди рабочих. В обстановке гигантской хронической безработицы, охватывавшей в Англии 3 млн. человек, упрекать безработных в предпочтении безделья недостаточно высокой оплате труда значило бросить прямой вызов

²² В. Фостер. «Регулируемая экономика» Трумэна и угроза войны. — «Экономический кризис и «холодная война»». М., ИЛ, 1950, стр. 34.

рабочему классу. Кейнс не отказывается от злого вымысла Пигу о «добровольной безработице», но, как более изощренный демагог, дополняет этот вымысел признанием, что существует, как он выражается, «вынужденная безработица», что «налицо имеются безработные, которые согласились бы работать за меньшее вознаграждение, чем существующая реальная заработная плата»²³. «Вынужденная безработица», по Кейнсу, зависит от недостаточности платежеспособного спроса. Для того чтобы опростить «вынужденную безработицу», Кейнс предлагает форсировать общественный спрос при помощи различных государственных мероприятий, объективным содержанием которых является создание военно-инфляционной конъюнктуры.

Кейнс не менее ревностный сторонник наступления на жизненный уровень рабочего класса, нежели Пигу, но Кейнс предлагает несколько иную тактику. Он стоит за снижение реальной, а не денежной заработной платы. Пигу также стремился к снижению реальной заработной платы, но он полагал, что снижение номинальной заработной платы достаточно для этой цели. В отличие от Пигу Кейнс выступает с тезисом, что обе формы заработной платы подчиняются различным закономерностям, что они изменяются в различном направлении. Поэтому Кейнс считает необходимым сосредоточить все внимание на других методах снижения реальной заработной платы. «Мы стараемся показать, — пишет он, — что общий уровень реальной заработной платы определяется в первую очередь силами совсем другого рода»²⁴. Эти «силы совсем другого рода» он ищет в форсировании расточительного потребления господствующих классов и государственных расходов, финансируемых за счет бюджета.

Кейнс в некоторых местах откровенно выбалтывает подлинную классовую подоплеку предлагаемой им тактики наступления на жизненный уровень рабочего класса. В его высказываниях сквозит одно чувство — страх перед выступлениями рабочих. Он настойчиво внушает капиталистам, что «попытки нанимателей понизить денежную заработную плату путем пересмотра соглашений с рабочими вызовут гораздо более сильное сопротивление, нежели постепенное или автоматическое снижение реальной заработной платы в результате роста цен»²⁵.

Не случайно Кейнс во главу угла выдвигает положение, что номинальная и реальная заработная плата движутся в противоположном направлении. Это как раз характерно для инфляции. Рост номинальной заработной платы во время инфляции сопровождается падением реальной заработной платы. Но Кейнс возводит это противоположное движение обеих форм заработной платы

в общее правило. «Изменения реальной заработной платы, — пишет он, — сочетающиеся с изменениями денежной заработной платы, обычно отнюдь не происходят в том же направлении, а почти всегда в противоположном»²⁶. Выражения Кейнса «обычно», «почти всегда» свидетельствуют о том, что инфляцию он рассматривает как нормальный процесс.

Положение Кейнса о том, что движение номинальной и реальной заработной платы «обычно», «почти всегда» происходит в противоположном направлении, не выдерживает никакой критики. В частности, несостоятельность этого положения можно показать на примере экономических кризисов. В фазе кризиса происходит снижение товарных цен, что обычно связано со снижением стоимости жизни. Но снижение номинальной заработной платы происходит в еще более сильной степени. В результате налицо падение и реальной заработной платы.

Этот факт можно проследить на кризисах периода промышленного капитализма. Так, в связи с кризисом 1873 г. в США произошли следующие изменения в номинальной заработной плате и в стоимости жизни (1900 г. принят за 100)²⁷:

	1870 г.	1872 г.	1878 г.	1879 г.	Падение %
Заработная плата					
а) рабочей аристократии	120	—	90	—	25
б) прочих рабочих	—	116	—	85	27
Стоимость жизни	149	—	—	96	19

С переходом к империализму, с установлением господства капиталистических монополий этот факт выступает в еще более отчетливой форме. Огромное значение в этот период приобретает политика монопольных цен, искусственно задерживающая падение товарных цен и тем самым препятствующая снижению стоимости жизни в целях обеспечения высоких прибылей монополий. С особой силой эти тенденции, характерные для монополистического капитализма, сказались во время кризиса 1929—1933 гг. Монополиям удалось удержать цены на относительно высоком уровне, что послужило одной из важнейших причин затяжного характера этого кризиса.

В качестве фактора, задерживающего падение стоимости жизни, особое значение имели «ножницы» между оптовыми и розничными ценами. Товары подешевели лишь для крупных потребителей и торговцев, которые во время кризиса присваивали себе гораздо большую разницу между оптовыми и розничными ценами, чем в фазе подъема. Таким образом, до массового потребителя

²³ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 282.

²⁴ Там же, стр. 12.

²⁵ Там же, стр. 255—256.

²⁶ Там же, стр. 8.

²⁷ J. Kuczyński. Die Entwicklung der Lage der Arbeiterschaft in Europa und America, 1870—1933. Basel, 1934, S. 38.

снижение цен доходило в очень ослабленной форме и не могло вызвать ощутительного падения стоимости жизни. В результате снижение номинальной заработной платы в годы кризиса 1929—1933 гг. сопровождалось снижением реальной заработной платы.

Если же взять кризис 1937—1938 гг., то тогда, как мы отметили выше, снижение номинальной заработной платы сопровождалось ростом стоимости жизни, что еще более усилило падение реальной заработной платы.

Приведенные примеры показывают всю фальшь теории Кейнса, возводящего частный случай расхождения номинальной и реальной заработной платы во время инфляции в общее правило и пытающегося представить его в качестве нормы. Это связано с попыткой Кейнса всячески реабилитировать инфляционистские методы и преодолеть острую вражду, которую массы питают к этим методам. Ему важно показать, что в известных границах инфляция (так называемая контролируемая или регулируемая инфляция) не представляет опасности в народнохозяйственном смысле, что увеличение денежной массы может быть использовано для стимулирования роста производства.

Однако не следует делать вывод, что Кейнс вообще отвергает целесообразность и прямого снижения номинальной заработной платы. В специальной главе, посвященной вопросу об изменениях в номинальной заработной плате, он перечисляет ряд случаев, для которых такое снижение считает целесообразным. Особое значение имеет оговорка Кейнса, оправдывающая самую бесцеремонную систему урезок номинальной заработной платы в том случае, если налицо так называемая открытая хозяйственная система, т. е. если страна поддерживает тесные связи с мировым хозяйством. Кейнс мотивирует в этом случае снижение номинальной заработной платы интересами расширения и удешевления экспорта. Для английских монополий такая оговорка очень кстати, ибо Англия теснее связана с мировым хозяйством, чем какая-либо другая страна. На это не преминул указать сам Кейнс.

Таким образом Кейнс оставляет широкую лазейку для оправдания прямого снижения номинальной заработной платы, подчеркивая специфические условия Англии. Но все же не этот метод он считает решающим при осуществлении политики наступления на жизненный уровень рабочих. Решающее значение для Кейнса имеют соображения о социальной опасности таких методов, которые чреваты угрозой революционного взрыва. Говоря о снижении номинальной заработной платы, он пишет, что «довести это снижение до конца удалось бы, вероятно, только в результате разорительной и отчаянной борьбы»²⁸.

Рассматривая вопрос о номинальной заработной плате, Кейнс делает еще одно весьма характерное замечание. Он высказывает

сожаление, что в странах буржуазной демократии нет возможности сразу, по приказу сверху, провести единообразное снижение заработной платы для всех категорий рабочих. В качестве примера, достойного всяческого подражания, Кейнс ссылается на гитлеровскую Германию и Италию Муссолини, где такое единообразное снижение заработной платы было осуществлено после разрома рабочего движения. Кейнс на все лады восхваляет преимущества такого «единообразного» снижения заработной платы как наиболее верного метода обеспечения высоких прибылей для монополий.

Для того чтобы приукрасить программу наступления на жизненный уровень рабочего класса и развязывания инфляции, Кейнс преподносит ее как программу «полной занятости». С этой же целью он пытается запутать вопрос о причинах безработицы и выдвинуть такое «объяснение» безработицы, которое сняло бы с капиталистов ответственность за это бедствие и создавало бы иллюзию о возможности его преодоления в рамках капитализма. Этой задаче подчинена «общая теория занятости» Кейнса. Кейнс пытается увести читателя от коренных явлений и процессов, характеризующих современное буржуазное общество. Он пытается свести все дело к «вечным» экономическим тенденциям, действовавшим якобы на всем протяжении человеческой истории и лишь несколько видоизменившим сейчас форму своего проявления.

Кейнс продолжает традиции вульгарной политической экономии, установленные еще Мальтусом. Он всячески стремится замазать имманентную связь, существующую между безработицей и капиталистическим способом производства. Он старается затуманить тот факт, что безработица — неизбежный продукт капитализма. Поэтому проблеме безработицы при капиталистическом способе производства он подменяет проблемой занятости вообще. Такой внеисторический подход лежит в основе лживого вывода, охотно подхваченного современными буржуазными реформистами, — вывода о возможности преодоления безработицы в рамках капитализма.

Кейнс стремится скрыть и тот основной факт, что безработица неразрывно связана с повышением органического строения капитала при капитализме. Известно, что с ростом производительной силы труда изменяется органическое строение капитала: увеличение постоянного капитала превосходит быстрее, чем переменного, предназначенного на покупку рабочей силы. Это положение обуславливает относительное уменьшение спроса на труд, поскольку более производительное оборудование нуждается в относительно меньшем числе рабочих. Кейнс совершенно запутал вопрос о причинах безработицы, поскольку он абстрагируется от всяких производственно-технических и экономических изменений. Он, в частности, исходит из предпосылки о неизменности уровня техники и концентрации производства. В действительности же рост капиталистического накопления ведет к созданию относительно избыточ-

²⁸ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 259.

ного рабочего населения. Те самые факторы, которые повышают производительную силу труда и ускоряют накопление капитала как по массе, так и по стоимости, — эти же самые факторы постоянно создают и относительное перенаселение.

«Отвлекаясь» от капиталистических противоречий, обуславливающих образование относительного перенаселения, Кейнс замалчивает также специфические противоречия, характеризующие период империализма и, прежде всего, политику монополий, ограничивающих производство с целью взвинчивания цен и получения монополистических прибылей. Между тем, увеличение гнета монополистических организаций имеет огромное значение в ускорении роста массовой безработицы. Это замалчивание роли монополий выдает с головой Кейнса как идеолога монополистического капитала²⁹.

Для того чтобы запутать вопрос о причинах безработицы, Кейнс применяет излюбленный прием буржуазных экономистов: он подменяет объективные экономические законы капитализма всякого рода произвольными «психологическими законами», имеющими якобы вечный и внеклассовый характер. Общий объем занятости, по Кейнсу, лимитируется размерами эффективного, т. е. платежеспособного спроса, распадающегося на потребительский и производственный. Безработица, по Кейнсу, вытекает из недостатка эффективного спроса, для «объяснения» которого он придумал особый «основной психологический закон». Суть этого «закона» состоит в том, что рост личного потребления происходит в более слабой степени, нежели рост дохода данного лица.

Кейнс сознательно замалчивает классовую природу потребления в буржуазном обществе. Он измышляет единый закон потребления для всех классов, замазывая тот факт, что потребление рабочих имеет совершенно другую природу, нежели потребление капиталистов. Потребление рабочих подчинено закону стоимости рабочей силы, закону относительного и абсолютного обнищания; потребление же капиталистов определяется размерами прибавочной стоимости, которая обеспечивает капиталистам рост роскоши при одновременном росте накопления капитала. Для того чтобы окончательно запутать проблему реализации, Кейнс прибегает к обычному фальсификаторскому приему, рисуя положение дел так, что рабочие, подобно капиталистам, имеют возможность делать сбережения. Кейнс всячески замалчивает, что заработной платы не хватает для удовлетворения самых насущных жизненных потребностей. В. И. Ленин писал: «Та часть производимых наем-

²⁹ Весьма характерно, что в обширной книге Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» едва нашлось место для трех оговорок о монополиях и монопольных ценах, причем во всех этих трех случаях Кейнс прямо заявляет, что вопрос о монополиях им не рассматривается (стр. 142, 260, 263).

ным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен таким образом всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства»³⁰.

Ссылка Кейнса на «основной психологический закон» дает совершенно искаженную картину спроса рабочих, являющегося важнейшим фактором потребительского спроса общества.

Противоречие между производством и потреблением в буржуазном обществе объясняется не надуманным «психологическим законом» Кейнса, а совершенно другими причинами, корнящимися в структуре капиталистического производства. Это противоречие — форма проявления основного противоречия капитализма между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения, при этом решающее значение имеет абсолютное и относительное обнищание рабочего класса.

Противоречие между производством и потреблением отражает характерную особенность экономических законов капитализма, для которого движущим мотивом является погоня за прибылью.

Высказывания Кейнса о «склонности к потреблению» преследуют определенные классовые задачи, соответствующие реакционным интересам монополистического капитала. Рекомендуемая Кейнсом система инфляционных мероприятий сводится к поощрению расточительного потребления господствующих классов, но никак не может способствовать увеличению покупательной силы рабочих.

Не случайно довод о необходимости стимулирования личного потребления Кейнс использует для борьбы с требованиями установления налогов на сверхприбыли монополистов, ссылаясь на то, что такие налоги могут де снизить потребление «общества» (т. е. монополистов). Не случаен и тот факт, что Кейнс счел нужным поднять на щит таких реакционных идеологов расточительного потребления, как Мальтус. Кейнс считает необходимым поощрять всякие виды потребления, хотя бы самые расточительные и парадоксальные. Он расписывает «преимущество» древнего Египта с его таким родом «производительной деятельности», как... строительство пирамид. Неудивительно, что некоторые из последователей Кейнса договорились до того, что во время кризиса не плохо было бы организовать такие работы, как сооружение пирамид.

Эта защита и прославление самых паразитических и бессмысленных форм потребления — ярчайший показатель гниения

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 146.

современной буржуазной политической экономии, отражающей загнивание и разложение современного капитализма.

Апология расточительного потребления непосредственно связана с восхвалением войны и милитаризации хозяйства. Этой же цели служат и другие пункты программы Кейнса.

Ядром практической программы Кейнса является предложение о государственном регулировании инвестиций. Это основное свое практическое предложение Кейнс пытается обосновать путем ссылки на решающую роль инвестиций в определении общего объема занятости. При этом Кейнс исходит из предположения, что сама по себе ограниченность потребительского спроса не создает каких-либо непреодолимых границ. Недостаточный рост потребительского спроса может компенсироваться, по Кейнсу, увеличением инвестиций.

В своей «общей теории занятости» Кейнс стремится показать, что источник всех экономических трудностей современного капитализма, и в частности безработицы, заключается в недостаточном объеме инвестиций и что последний является результатом недостаточных побуждений капиталистов к новым инвестициям. Итак, все дело сводится к тому, чтобы вызвать у капиталистов дополнительные стимулы к инвестированию. А для этой цели имеется старый испытанный прием щедрого финансирования за счет бюджета капиталистов, неохотно соглашающихся на новые инвестиции: принятие государством на себя риска, связанного с этими инвестициями; гарантия капиталистам устойчивой прибыли и т. д., — короче говоря, применение разнообразных приемов обогащения капиталистических предпринимателей за счет средств налогоплательщиков. Этот прямой призыв к казнокрадству, к ограблению государственных средств в пользу капиталистических хищников лежит в основе всех теоретических хитросплетений кейнсианского учения о «склонности к инвестициям». Смысл этой теории Кейнса заключается, таким образом, в том, чтобы всемерно использовать государственный бюджет для обеспечения прибылей монополистов.

Для того чтобы обосновать свою политику поощрения грабительской практики капиталистических монополий, Кейнс пытается показать, что «бедные» капиталистические предприниматели получают слишком мало прибыли. Для этой цели он прибегает к двойному фальсификаторскому приему.

Во-первых, Кейнс рисует совершенно фантастическую картину современного буржуазного общества, над которым якобы нависла опасность... полного исчезновения прибыли. Кейнс формулирует поистине сногшибательный вывод, что в обществе, вооруженном современной техникой, предельная эффективность капитала, под которой фактически имеется в виду норма прибыли, в результате колоссальной аккумуляции капиталов может быть доведена в течение одного поколения до нуля. «Стоит немного поду-

мать, — восклицает Кейнс, — чтобы понять, какие огромные социальные изменения произошли бы в результате постепенного исчезновения нормы прибыли на накопленное богатство»³¹.

Нужно обладать поистине незаурядной дозой лицемерия и ханжества для того, чтобы проповедовать этот новый вариант «теории» автоматической самоликвидации капиталистической прибыли.

Вся история капиталистического производства полностью опровергает измышления Кейнса и по этому вопросу. Общей тенденцией капиталистического развития является тенденция увеличения массы прибыли, наряду с законом тенденции нормы прибыли к понижению. «...С развитием процесса производства и накопления, — писал Маркс, — необходимо *должна* возрастать масса прибавочного труда, который можно присваивать и который действительно присваивается, а потому должна возрастать и абсолютная масса прибыли, присваиваемой общественным капиталом»³². С развитием капитализма изыскиваются все новые и новые методы эксплуатации рабочего класса, которые имеют своим непосредственным результатом увеличение массы прибыли.

Особенно ярко эта тенденция к увеличению массы прибыли проявляется в эпоху империализма, когда обеспечение монопольно высокой капиталистической прибыли выступает в качестве закона движения современного капитализма. Капиталистическая действительность за последние 10—15 лет дает ярчайшие иллюстрации проявлению этого основного экономического закона современного капитализма. Достаточно вспомнить о неслыханном обогащении американских и английских монополий во время второй мировой войны и о еще больших прибылях, полученных ими в послевоенный период.

В свете этих фактов становится совершенно очевидным, что версия Кейнса о тенденции к самоликвидации прибыли надумана от начала до конца.

Факты обогащения монополий в период империализма настолько общеизвестны, что их вынуждена признавать даже фальсифицированная буржуазная статистика. Поэтому Кейнс предпочитает не прибегать к статистическим материалам для укрепления своего фантастического вывода о тенденции к самоликвидации прибыли. Кейнс предпочел прибегнуть к более простому приему — к пресловутой «теории предельной полезности». Он апеллирует к вымышленной буржуазными апологетами «редкости капитала», к тому, что «редкость капитала» — де снижается в результате его роста и, следовательно, снижается его предельная полезность и эффективность. Кейнс в этом вопросе целиком идет по стопам не только Бем-Баверка, но и Ж.-Б. Сэя. Этот винегрет из вульгарных теорий понадобился Кейнсу для того, чтобы замаскировать

³¹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 213.

³² К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 227.

эксплуатацию рабочего класса, являющуюся источником капиталистической прибыли. Редкость — это относительное и субъективное понятие, не имеющее никакого отношения к процессу образования прибавочной стоимости. Сногшибательный «прогноз» Кейнса об автоматическом исчезновении прибыли является досужим вымыслом апологета империализма.

Кейнс далее пытается представить дело так, что подавляющая часть прибыли капиталистических предпринимателей — инвесторов присваивается ссудным капиталом. Следуя старому приему вульгарной политической экономии, ведущему свою родословную еще от работ Ж.-Б. Сэя, Кейнс разрывает класс капиталистов на две якобы совершенно не связанные между собой части: предпринимателей и владельцев капитала. Согласно этой концепции, две стороны капитала, капитал-функция и капитал-собственность, полностью изолированы один от другого. Для этого Кейнс прибегает к утверждению, которое ничего общего с капиталистической действительностью не имеет: капиталистический предприниматель применяет-де исключительно чужой капитал, полученный в ссуду. При этом фантастическом предположении весь доход предпринимателей сводится к предпринимательской прибыли, а последняя определяется соотношением между нормой прибыли и нормой процента. Так норма процента приобретает решающее значение для определения объема инвестиций, устойчивость высокого уровня процента выдается за важнейший источник экономических бедствий современного капитализма, а снижение этого уровня — за главный фактор стимулирования инвестиций.

Своей «теорией процента» Кейнс пытается показать, что один из важнейших источников безработицы следует искать в высокой норме процента, т. е. в факте, на деле имеющем подчиненное значение. Кейнсу важно внушить иллюзию, что, во-первых, для устранения безработицы не требуется коренного преобразования капиталистического способа производства, а достаточно изменения нормы процента и, во-вторых, что сама норма процента определяется не стихийным экономическим законом, а экономической политикой и может быть регулируема буржуазным государством. Для «теоретического обоснования» этих вымыслов Кейнс проделывает над процентом такую же манипуляцию, как над другими экономическими категориями, т. е. истолковывает процент как чисто психологический феномен.

В своей «теории процента» Кейнс следует за самыми вульгарными теориями кредита. Все свое внимание он концентрирует на области биржевой спекуляции. Сущность кредита сводится им к ссуде и предложению денег, рассматриваемым независимо от процесса капиталистического воспроизводства, независимо от движения производительного капитала. Уровень процента, по Кейнсу, определяется, с одной стороны, интенсивностью «предпочтения ликвидности», выражающего стремление удержать богатство в

наиболее ликвидной, т. е. в денежной форме; с другой стороны, уровень процента зависит от количества денег, находящихся в обращении.

В действительности норма процента определяется спросом и предложением ссудного капитала; спрос и предложение, в свою очередь, находятся в зависимости от ряда моментов, обусловленных общим ходом капиталистического воспроизводства. Спрос на ссудный капитал зависит в первую очередь от спроса на элементы производительного капитала. Огромное влияние на спрос в ссудном капитале оказывает потребность в платежных средствах для ликвидации имеющихся долгов, а эта потребность находится в теснейшей зависимости от движения капиталистического цикла. Так, в фазе кризиса, когда нарушается обычный кругооборот капитала и коммерческий кредит свертывается, возникает усиленная потребность в денежных ссудах. Кейнс ставит вещи на голову, когда объявляет «предпочтение ликвидности» первичным фактором, определяющим движение процента. В действительности усиленная погоня за деньгами, характерная для отдельных моментов капиталистического цикла, является производным фактором, обусловленным экономическим кризисом и нарушением сложившихся кредитных связей.

Точно так же предложение ссудного капитала определяется всей совокупностью условий воспроизводства общественного капитала, воздействующих на процесс высвобождения отдельных частей производительного капитала, на движение общественных доходов, часть которых сберегается и становится, таким образом, дополнительным источником кредитования капиталистов.

Тот факт, что норма процента определяется в конечном счете общим ходом капиталистического воспроизводства, исключает возможность для буржуазного государства определять нормы процента. В тех случаях, когда центральные банки устанавливают новую процентную ставку, они, в основном, приспособляются к изменившемуся положению на рынке ссудных капиталов. Само же движение спроса и предложения определяется действием стихийных законов.

Для того чтобы обосновать свое утверждение о возможности сознательного воздействия буржуазного государства на норму процента, Кейнс тщится представить процент как категорию, совершенно независимую от производства и, в частности, от нормы прибыли.

Между тем процент есть часть средней прибыли, представляющей собой превращенную форму прибавочной стоимости. Распадение средней прибыли на процент и предпринимательский доход непосредственно определяется конкуренцией между функционирующим и денежным капиталами. В связи с этим норма процента приобретает видимость известной самостоятельности и внешнюю, кажущуюся независимость от нормы прибыли. Норма процента

может, например, обнаружить тенденцию к росту, в то время как норма прибыли падает (во время кризиса). Иллюзия внешней независимости процента от нормы прибыли усиливается еще вследствие того, что «границы средней ставки процента, в противоположность общей норме прибыли, или границы средней нормы процента, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм процента, не могут быть установлены каким-либо общим законом,— так как здесь дело идет лишь о разделении валовой прибыли под различными титулами между двумя владельцами капитала...»³³

Измышления о внешней независимости процента от прибыли Кейнс превратил в основную базу своей «теории процента».

В полную противоположность этим измышлениям капиталистическая действительность свидетельствует о неразрывной связи процента с прибылью. Это прежде всего проявляется в длительных тенденциях изменения нормы процента. Тенденция нормы процента к понижению в первую очередь определяется аналогичной тенденцией в области изменения нормы прибыли. Возможные расхождения в движении процента и нормы прибыли натапливаются на опрание в силу действия механизма капиталистической конкуренции. Если, например, норма процента растет при падающей норме прибыли, то это означает неизбежное снижение предпринимательского дохода, что, в свою очередь, должно вызвать снижение спроса на ссудный капитал и тем самым способствовать в дальнейшем снижению непомерно выросшей нормы процента. Поскольку спрос на ссудный капитал определяется в первую очередь потребностями капиталистического производства, а предложение ссудного капитала — кругооборотом промышленного капитала и процессом высвобождения отдельных его частей, движение нормы процента через ряд опосредствующих звеньев в конечном счете определяется движением нормы прибыли.

Совершенно несостоятельна и попытка Кейнса установить зависимость между изменением уровня процента и количества денег. Здесь особенно отчетливо сказалась фальсификаторская методология его «теории процента» — отождествление движения кредита с движением денег, связанное с игнорированием ссудного капитала. Предложение ссудных капиталов имеет свои закономерности, вытекающие из особенностей кругооборота капитала, из условий, вызывающих высвобождение некоторых частей капитала. Эти условия могут модифицироваться в зависимости от хода воспроизводства основного капитала и от ряда других моментов процесса воспроизводства. Так, например, в фазе депрессии, когда нет благоприятных условий для обновления и расширения основного капитала, предложение ссудных капиталов расширяется, поскольку продолжается процесс высвобождения определенных частей капи-

тала. Этот рост предложения ссудных капиталов не находится ни в какой связи с изменением массы денег в обращении.

Далее спрос на ссудный капитал в значительной степени зависит от состояния коммерческого кредита, которое, в свою очередь, находится в тесной зависимости от общего хода воспроизводства общественного капитала. Резкое сокращение коммерческого кредита в фазе кризиса вызывает увеличение спроса на ссудный капитал, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему повышению процента. Эти изменения коммерческого кредита опять-таки не связаны непосредственно с изменением массы денег.

Маркс в III томе «Капитала» с исчерпывающей полнотой показал, что «масса этого ссужаемого капитала отлична и независима от массы обращающихся денег»³⁴.

Своей «теорией процента» Кейнс пытается внушить иллюзию, что при помощи шарлатанских манипуляций в денежно-кредитной сфере можно регулировать общий объем занятости, бороться с кризисами и безработицей. Необходимым условием рекомендуемой им политики снижения процента Кейнс считает увеличение количества денег. Этот же метод фактического раздувания инфляции лежит в основе всех других практических предложений Кейнса, например увеличения непроизводительных расходов государства (за счет преимущественно военных расходов), стимулирования частных инвестиций посредством щедрых финансовых субсидий капиталистам и т. д. Непосредственным результатом этих мероприятий является снижение реальной заработной платы. Таким образом, суть практической программы Кейнса составляет наступление на жизненный уровень рабочих на основе создания военно-инфляционной конъюнктуры с целью обеспечения максимума прибыли для монополий.

История капитализма за последние десятилетия воочию показала всю фальшивость утверждения Кейнса о том, что снижение нормы процента может привести к устранению безработицы. В период между двумя мировыми войнами тенденция к понижению нормы процента, несмотря на ряд противодействующих факторов, проявляется с особой силой. Это объяснялось громадным накоплением бездействующих денежных капиталов, не получавших применения в производстве в силу сужения рынков и роста трудностей капиталистического воспроизводства. Наличие относительно низкой нормы процента ни в коей мере не послужило препятствием для роста безработицы, которая в период общего кризиса капитализма достигает колоссальных размеров, причем резервная армия труда превращается в постоянную армию безработных.

Теория процента изобретена Кейнсом для одурачивания рабочих утверждениями, что с понижением процента будет происходить отмирание рантье, а с их отмиранием исчезнут «многие отталкивающие черты капитализма».

³³ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 377—378.

³⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 513.

Следует отметить, что восхваление Кейнсом «спасительной» роли низкой нормы процента соответствовало интересам преобладающей части монополистического капитала лишь на определенном этапе, а именно во время экономического кризиса 1929—1933 гг. и депрессии особого рода.

Падение цен во время кризиса усилило позиции кредиторов и ухудшило положение должников.

В эти годы воротилы монополистического капитала надеялись при помощи удешевления кредита и снижения нормы процента приостановить волну банкротства. Действительность показала полную безуспешность таких попыток. Сам Кейнс вынужден был признать, что снижение нормы процента не является панацеей от экономических кризисов. Но он продолжал в демагогических целях настаивать на том, что низкая норма процента является важнейшим условием борьбы с безработицей.

В послевоенный период имела место переориентация английского монополистического капитала в вопросе о норме процента. С 1947 г. английское правительство (сначала лейбористское, а затем консервативное) проводит политику содействия удорожанию кредита. Учетная ставка Английского банка несколько раз повышалась. Английские монополии используют повышение нормы процента для того, чтобы затруднить получение кредита гражданскими отраслями производства. В обстановке военной конъюнктуры стал популярным лозунг высокой нормы процента.

Восхваление «спасительной» роли низкой нормы процента не выдержало критики времени даже в буржуазных кругах. Это не мешает, однако, буржуазным экономистам, вопреки всякой логике, отстаивать «общую теорию занятости» Кейнса. Последняя является главной базой современных буржуазных проектов «полной занятости». Эти проекты, с одной стороны, преследуют демагогические цели, а с другой — служат прикрытием военно-инфляционных программ. Буржуазные деятели и их правосоциалистические подручные учитывают популярность среди рабочих лозунга борьбы с безработицей и используют его для обмана рабочих. Ликвидация безработицы немислима без устранения капиталистического строя. Между тем буржуазные проекты «полной занятости» ставят своей целью укрепление прогнивших устоев капитализма.

Буржуазные экономисты, выступающие с лозунгом «полной занятости», например Беверидж и другие, отнюдь не заинтересованы в ликвидации безработицы. Они поддерживают тезис о том, что нужно сохранить «умеренную безработицу», которая оказывала бы давление на занятых рабочих и содействовала бы снижению их заработной платы. С наибольшим цинизмом эта откровенно антирабочая программа проповедуется после второй мировой войны. Но и в период между двумя мировыми войнами эта программа защищалась некоторыми более откровенными кейн-

сианцами. Был выдвинут, например, лозунг так называемой стандартной безработицы как «нормального» и желательного явления. Робинсон утверждала, что если безработица падает ниже этого, сконструированного буржуазными апологетами уровня, то необходимо принять меры для искусственного снижения занятости в интересах предупреждения роста заработной платы. «Уровень занятости, — писала она, — должен снижаться в течение продолжительного периода времени, до тех пор, пока он не достигнет такого пункта, на котором денежная заработная плата перестает повышаться»³⁵.

Робинсон откровенно сообщила, что авторы «теории полной занятости» вовсе не думают об устранении безработицы, и поэтому ее работа «Очерки теории занятости» не имела успеха. Буржуазии нужны были более изощренные демагоги.

Наиболее изощренным демагогом в этой области выступает английский буржуазный экономист Беверидж, автор разрекламированной буржуазными писателями книги «Полная занятость в свободном обществе». Беверидж пытается представить дело так, что осуществление «полной занятости» должно стать центральной задачей буржуазного правительства и основным критерием всех его мероприятий. Лишь в конце своей работы, и то мимоходом, Беверидж вынужден признать, что он вовсе и не ставит перед собой цели ликвидировать безработицу. Он считает нужным даже «планировать» безработицу, устанавливая для нее минимум в 3% от общей численности занятых рабочих; из них 1% падает на сезонную безработицу, 1% — на безработицу, связанную с техническим прогрессом и передвижением рабочих из одних отраслей в другие, и, наконец, 1% — на затруднения в производстве, связанные с внешней торговлей. Нечего говорить о том, что вся эта арифметика надумана от начала до конца. Основной экономический закон капитализма и вытекающий из него закон анархии производства и кризисов исключают возможность планирования при капитализме каких бы то ни было экономических процессов в народнохозяйственном масштабе. Но все эти расчеты о «нормальной» безработице проливают свет на подлинный смысл разглагольствований буржуазных экономистов о «полной занятости». За громко звучащими лозунгами «полной занятости» скрывается программа некоторого незначительного ограничения безработицы преимущественно за счет военных заказов, оплачиваемых путем налогов, взимаемых с трудящихся, в интересах обеспечения монопольно высоких прибылей.

Для того чтобы замаскировать подлинный классовый смысл своей программы, Беверидж старается создать впечатление, что он не является безоговорочным и стопроцентным сторонником частного капиталистического предпринимательства.

³⁵ J. Robinson. Essays in the Theory of Employment. L., 1938.

Основу «проекта полной занятости» Бевериджа составляет предлагаемый им «новый тип государственного бюджета». Беверидж призывает правительство взять на себя ответственность за обеспечение «соответствующего уровня издержек». На практике это означает, что правительство должно по возможности расширить свои расходы, используя их для помощи крупным монополиям в форме субсидий и дешевого кредита. «Новый тип бюджета» Бевериджа представляет собой не что иное, как типичный военный бюджет капиталистического государства с большим превышением расходов над доходами, составляющим основу инфляционной конъюнктуры, с большим удельным весом налоговых поступлений в приходной части.

Программа Бевериджа — это программа дальнейшего ухудшения материального положения трудящихся, развязывания инфляции, влекущей за собой рост цен и падение реальной заработной платы, рост налогового бремени, усиленную гонку вооружений, милитаризацию хозяйства.

Антирабочая и милитаристическая направленность проекта Бевериджа сказывается также и в его предложениях о распределении рабочей силы. Беверидж связывает решение проблемы «полной занятости» с осуществлением принудительного распределения рабочей силы. Он заявляет, что недостаточная «мобильность» рабочих является одной из причин безработицы. Под видом борьбы с безработицей он предлагает лишать пособий по страхованию рабочих, которые не идут в те районы и те отрасли, где капиталисты больше всего нуждаются в рабочей силе. Он предлагал сохранить в мирное время принудительное распределение рабочей силы, которое имело место в Англии в годы второй мировой войны, распространив его главным образом на молодые кадры. Тем самым Беверидж, как и Кейнс и иные с ними, выдает себя с головой как апологет милитаризма, требующий закрепощения рабочих, сохранения для них и после войны условий военной каторги.

Беверидж не выражается с такой откровенностью, как другие буржуазные идеологи, открыто проповедующие, что «полная занятость» может быть достигнута только в результате усиленной милитаризации хозяйства и развязывания мировой войны. Как более **осторожный демагог**, он **остерегается афишировать** свою близость к «торговцам смертью». Он предпочитает незаметно подвести читателя к тому же выводу, который целиком отвечает интересам монополий. Все его практические предложения по осуществлению так называемой полной занятости имеют своим содержанием милитаризацию хозяйства.

Подлинный смысл «проекта полной занятости» Бевериджа — в укреплении монополистического капитализма.

Проекты «полной занятости» Бевериджа, как и других современных буржуазных экономистов, носят на себе несомненную печать периода общего кризиса. Эти проекты порождены огромным

обострением социальных противоречий современного капитализма в связи с массовой хронической безработицей, выросшей в серьезную опасность для капиталистического строя. Методы, при помощи которых буржуазные авторы пытаются разрешить проблему «полной занятости», отражают господствующую практику периода империализма — обогащение финансовой олигархии за счет широкого использования государственных средств, обеспечение монополиям гарантированного рынка при посредстве военных заказов, гонки вооружений и развязывания войны в качестве наиболее выгодного бизнеса. Эти методы диктуются интересами монополистического капитала, требующего обеспечения монопольно высокой прибыли.

Продуктом общего кризиса капитализма является не только выдвижение лозунга «полной занятости» и рекомендуемые в буржуазной литературе методы ее разрешения, но и демагогические приемы защиты проектов «полной занятости». Прикрываясь внеисторической трактовкой проблемы безработицы и методов ее устранения, буржуазные авторы пытаются затушевать коренное различие между действительной ликвидацией безработицы в социалистическом обществе и демагогическими обещаниями устранить безработицу, содержащимися в проектах «полной занятости». Фактически эти проекты направлены на то, чтобы отвлечь рабочих от борьбы за свержение капитализма и социалистическое преобразование общества. Эти проекты, наряду с оправданием современной практики обогащения монополий, пытаются внушить рабочим обманчивое представление о том, что можно добиться величайшего достижения, осуществленного в СССР и в странах народной демократии, — устранения кризиса и безработицы — не на основе ликвидации власти капитала и введения социалистических отношений, а в рамках буржуазного строя.

В действительности ликвидация безработицы осуществима только в социалистическом обществе. Социалистическая организация производства, обеспечивающая неуклонный рост производительных сил, устраняющая экономические кризисы перепроизводства и всякого рода срывы производства, вытекающие из капиталистической анархии производства, устраняет причины безработицы.

Советский народ почти четверть века назад полностью ликвидировал безработицу и навсегда забыл об этом бедствии, от которого и поныне тяжело страдают рабочие капиталистических стран. В СССР непрерывно растет численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. Так, по сравнению с 1940 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР в 1950 г. возросла на 7700 тыс. человек. В 1952 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР возросла на 900 тыс. человек по сравнению с 1951 г.

Непрерывно растет численность рабочего класса и в странах народной демократии, где уничтожена власть капитала.

Действительными борцами за полную занятость выступают коммунистические партии, нацеливающие рабочих на борьбу с основным источником безработицы — капиталистическим общественным строем.

* * *

После второй мировой войны в английской литературе лейтмотивом становится положение, что экономическая мощь Англии может быть восстановлена только за счет рабочего класса. Позицию монополий лучше всего выразил «Экономист», заявивший, что «улучшение жизненных условий рабочих при данных обстоятельствах губительно для экономики страны в целом»³⁶.

Это требование усиления наступления на рабочий класс в послевоенный период получило отчетливое выражение в писаниях кейнсианцев. Стало ясно, что важнейшим содержанием кейнсианства является оправдание снижения реальной заработной платы. Если прежде кейнсианцы маскировали свои антирабочие проекты разговорами о «полной занятости», то в послевоенный период многие кейнсианцы выступили с открытой проповедью необходимости форсирования безработицы. Если прежде кейнсианцы старались подчеркнуть свой «демократизм» и «пацифизм», то в послевоенный период они стали открыто выражать свои симпатии империалистической реакции и фашистским методам управления государством.

После второй мировой войны для английской буржуазной экономической литературы, посвященной проблемам заработной платы и положения рабочего класса, характерны следующие три особенности:

- 1) попытки обоснования политики замораживания заработной платы;
- 2) попытки представить, что в современной Англии существует якобы «сверхполная занятость», и призыв к искусственному расширению безработицы;
- 3) защита наряду с экономическими внеэкономическими методов наступления на рабочий класс путем, например, запрещения стачек, государственного контроля над заработной платой, обязательного арбитража по всем трудовым конфликтам и т. д.

Как было показано выше, экономика послевоенной Англии развивается под знаком усиливающейся инфляции³⁷. Непрерывный рост цен на потребительские товары при «замороженной» заработ-

³⁶ «Economist», July 18, 1949.

³⁷ В связи с этим непрерывно растет стоимость жизни. Индекс стоимости жизни, разработанный Кембриджским университетом, который, хотя и выше официального, но также далеко не полностью отражает действительные процессы, показывает увеличение стоимости жизни в 1952 г. по сравнению с 1938 г. в 2,2 раза (цит. по статье: «Пути обеспечения максимальной капиталистической прибыли» (статистические материалы). «Вопросы экономики», 1953, № 5, стр. 114).

ной плате неизбежно означает падение реальной заработной платы. Даже в тех случаях, когда рабочим удастся в результате упорной борьбы добиться известного увеличения номинальной заработной платы, рост дороговизны перекрывает эти завоевания рабочих, и реальная заработная плата продолжает сокращаться. Так, индекс заработной платы всех английских рабочих в октябре 1952 г. составил 131 (июль 1947 г. = 100). Официальный индекс розничных цен на той же базе составил 138³⁸. Даже сопоставление этого явно заниженного индекса розничных цен и завышенного индекса заработной платы (ибо он отражает наряду с ростом номинальной заработной платы и влияние увеличения занятости) показывает, что рабочий на свою заработную плату мог в 1952 г. покупать меньше товаров, чем в 1947 г.

При характеристике уровня реальной заработной платы нужно иметь в виду, что потребление рабочих в послевоенной Англии снижается и в результате высокого налогового обложения. В современных условиях более чем когда-либо оправдываются слова К. Маркса, указавшего, что «с каждым новым налогом пролетариат оттесняется на ступеньку ниже; отмена же какого-нибудь старого налога повышает не заработную плату, а прибыль»³⁹.

Налоги выросли более чем вдвое по сравнению с довоенным уровнем (с учетом обесценения фунта стерлингов). По тяжести налогового бремени Англия занимает первое место в мире. Налоги составили в 1952/53 г. 48% всего национального дохода Англии против 24,2% в 1937/38 г.⁴⁰ Налоговое обложение увеличивается не столько за счет прямых налогов, сколько за счет косвенного обложения, в особенности за счет налогов, падающих на трудящихся. Как указал Гарри Поллит, рабочий класс Англии выплачивает 75% сумм, взимаемых в виде косвенного обложения⁴¹.

В этих условиях снижение номинальной заработной платы при одновременном росте цен означало бы такое катастрофическое падение реальной заработной платы, на которое английская финансовая олигархия при всем своем желании не может решиться из опасения, что это может вызвать решительное выступление со стороны рабочего класса. Все ее усилия поэтому теперь направлены к тому, чтобы всячески затормозить рост номинальной заработной платы и задерживать ее на теперешнем уровне. К этому сводится политика пресловутого замораживания заработной платы.

Буржуазные экономисты, включая и лейбористов, усердно роются в мусорной свалке вульгарных теорий для того, чтобы отыскать аргументы в пользу антирабочей политики замораживания заработной платы.

³⁸ Labour Monthly, January 1953, p. 13.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 301.

⁴⁰ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 150.

⁴¹ «Правда», 1 марта 1949 г.

Английский коммунист Итон систематизировал ходячие аргументы в буржуазной литературе по этому вопросу и свел их к следующему:

1. Рост заработной платы приведет к инфляции.
2. Рост заработной платы затруднит развитие английского экспорта.

3. Рост заработной платы отразится на прибылях и затруднит возможность переоборудования английской промышленности⁴².

Как видим, защитники политики замораживания прибегают к старым, затасканным приемам буржуазной апологетики. Тут старая-престарая апелляция к интересам развития экспорта. Ф. Энгельс еще в 1845 г. в работе «Положение рабочего класса в Англии» дал блестящую отповедь этой спекуляции на вопросах экспорта. Энгельс уже тогда подчеркивал, что подобного рода «аргументация» свидетельствует лишь о том, что «промышленная мощь Англии держится только на варварском обращении с рабочими, на разрушении здоровья, на пренебрежении к социальному, физическому и духовному развитию целых поколений»⁴³.

Столь же затасканный характер имеет старый прием вульгарной экономии — призывать рабочих к жертвам во имя интересов технического развития промышленности и ее переоборудования. Фальшь этой «аргументации» особенно отчетливо выступает в период империализма, когда монополии, получающие гигантские прибыли, нередко тормозят техническое развитие, а паразитизм и расточительное потребление достигают невиданных размеров. Экономика современной Англии дает многочисленные иллюстрации того, что в ведущих отраслях промышленности продолжает сохраняться техническая отсталость, несмотря на гигантские прибыли, получаемые капиталистами этих отраслей.

Для того чтобы оправдать те жертвы, на которые финансовые магнаты обрекают рабочий класс, современные буржуазные экономисты перекраивают на свой лад «теорию фонда заработной платы». Так, например, Криппс на лейбористской конференции в Блэкпуле в 1949 г. приводил избитое сравнение национального дохода с караваном. Криппс говорил, что рост заработной платы лишь «позволит разрезать тот же караван иным образом, но не увеличит размеров каравана». Это типичное сравнение сторонников «теории фонда заработной платы», имеющей вековую давность.

Еще в 1865 г. К. Маркс показал никчемность подобных сравнений: «Гражданин Уэстон иллюстрировал свою теорию следующим примером: если в миске содержится определенное количество супа, предназначенное для известного числа лиц, то это количество не может возрасти от того, что будут увеличены размеры ложек...

Гражданин Уэстон... позабыл, что в миске, из которой едят рабочие, находится весь продукт национального труда и что брать из нее больше им мешает не малый объем миски и не скудное количество ее содержимого, а только лишь малые размеры их ложек»⁴⁴.

Центральным теоретическим аргументом современных буржуазных экономистов в защиту политики замораживания заработной платы является старое, затасканное положение вульгарной экономии, опровергнутое в свое время еще Рикардо, что рост заработной платы неизбежно приводит к росту товарных цен. Ф. Энгельс писал, что со времен Рикардо определение стоимости товаров заработной платой «изгнано из научной политической экономии... и в наши дни имеет еще хождение только в вульгарной политической экономии. Как раз пошлейшие сикофанты существующего капиталистического общественного строя проповедуют определение стоимости заработной платой...»⁴⁵. Современная буржуазная политическая экономия выступает с этим старым хламом вульгарных теорий.

Следуя своему обычному методу сваливать с больной головы на здоровую, буржуазные апологеты тчатся представить дело так, будто ответственность за послевоенную инфляцию несет рабочий класс со своими якобы чрезмерными требованиями повышения заработной платы. Они стараются замаскировать тот факт, что современная инфляция представляет собой неизбежный результат обостряющихся противоречий капитализма. Они умалчивают и о том, что инфляционный процесс усиливается в результате империалистической политики США и Англии, гонки вооружений, чрезмерного раздувания военного бюджета.

С особой наглядностью здесь выступает лицемерие современных буржуазных идеологов: будучи вдохновителями политики, приводящей к усилению инфляции, они напяливают на себя маску противников инфляции, ревнителей устойчивой валюты. Во имя стабилизации цен и укрепления денежного обращения буржуазные апологеты требуют от рабочих, чтобы они заботились не об уровне оплаты, а о росте производства. Современные английские буржуазные экономисты в этом отношении не оригинальны: еще гитлеровские писак утверждали, что нет якобы особой экономической проблемы заработной платы, что основное значение заработной платы состоит-де в доставляемом ею моральном удовлетворении.

С проповедью отказа от борьбы за увеличение заработной платы усиленно выступают среди рабочих правые лейбористы, прибегающие к еще большей фальсификации, нежели откровенные

⁴² John Eaton. Marx against Keynes. A Reply to Mr. Morrison's «Socialism». L., 1951, p. 18.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 403.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 107.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 198.

буржуазные идеологи. Правые лейбористы спекулировали на том, что Англия развивается-де по социалистическому пути и что в этих условиях должно измениться поведение рабочего класса. Некоторые лейбористские авторы ссылаются в качестве примера на ...советских рабочих. Так, английский лейборист Пурдом предлагает культивировать среди английских рабочих дух «индустриального единства», характерный для рабочих СССР⁴⁶. Пурдом замалчивает, что социально-экономический строй в СССР и социально-экономический строй современной Англии диаметрально противоположны друг другу; что в стране победившего социализма, где уничтожены эксплуататорские классы, где господствует социалистическая собственность на орудия и средства производства и где трудящиеся работают на себя, рабочий по-хозяйски относится к своему предприятию; именно этим и объясняется тот дух «индустриального единства», который господствует в СССР. В капиталистической же Англии, где господствует кучка финансовых магнатов, осуществляющих при помощи своих лейбористских лакеев безудержную эксплуатацию, ни о каком «индустриальном единстве» не может быть речи. Совершенно очевидно, что пропаганда «индустриального единства» в условиях капитализма может быть только на руку капиталистам; эта пропаганда рассчитана на то, чтобы обезоружить рабочий класс, навязать ему отказ от классовой борьбы с капиталом.

Только в социалистических условиях повышение производительности труда становится источником роста заработной платы. В условиях же капитализма повышение производительности идет на пользу капиталистам.

Замазывая глубочайшее различие двух систем, лейбористская пропаганда старается одурачить рабочих, «доказывая», что ключ к улучшению экономического положения рабочих не в упорной и систематической борьбе с капиталистами, а в росте производительности труда и расширении производства, при условии отказа от классовой борьбы.

Наряду с этими идеологическими методами воздействия монополистический капитал старается усилить экономические методы нажима на рабочих. Эти стремления монополий отражает широко пропагандируемый сейчас в английской буржуазной литературе призыв искусственного форсирования безработицы.

После второй мировой войны безработица, сократившаяся в силу военной мобилизации огромного числа рабочих, снова обнаружила значительный рост. Даже по официальным, явно преуменьшенным данным, в Англии число зарегистрированных безработных превысило в 1952 г. полмиллиона человек. Согласно данным, опубликованным английским Министерством труда, число

⁴⁶ C. B. Purdom. *Economic Wellbeing*. L., 1948, p. 75.

полностью безработных увеличилось в Англии в 1952 г. на 101 тыс. человек. Безработица особенно сильна в текстильной промышленности и в других отраслях, производящих предметы потребления.

В 1952 г. также обнаружился значительный рост безработных в машиностроении, автомобильной и химической промышленности. Каждый пятый докер в современной Англии является безработным⁴⁷. По-прежнему сохранились «депрессивные районы» с высоким удельным весом безработных⁴⁸.

Но темы роста безработицы в послевоенный период не удовлетворяют английскую буржуазию. В буржуазной прессе нередко раздаются голоса о наличии в Англии какой-то фантастической «сверхполной занятости», являющейся якобы источником всех современных бед. За последние годы в Англии открыто пропагандируется точка зрения о желательности искусственного усиления безработицы. На этот раз английские буржуазные экономисты отбросили обычную маску респектабельности и обнажили клыки капиталистических хищников.

В качестве метода искусственного форсирования безработицы английские буржуазные экономисты рекомендуют сокращение капитальных затрат (имеются в виду капиталовложения в гражданские мирные отрасли производства). Для позиции большинства английских буржуазных экономистов характерна памфлетная брошюра Харрода «Нужны ли эти лишения?»⁴⁹, оказавшая непосредственное влияние на экономическую политику лейбористского правительства. Харрод выступил под флагом борьбы за экономию, имея в виду в первую очередь снижение расходов на жилищное строительство и на продовольственные субсидии. Харрод предложил сократить расходную часть бюджета на 500 млн. ф. ст., из них 150 млн. ф. ст. в виде административных расходов и 350 млн. ф. ст. в виде капитальных затрат. Лейбористское правительство поспешило через три месяца после выхода в свет брошюры Харрода реализовать его предложение и, в частности, сократило первоначально намеченную программу капитальных затрат.

Основной смысл сокращения капиталовложений Харрод усматривал в том, что оно приведет к росту безработицы, а это, с уное-

⁴⁷ Эти данные совершенно не учитывают частичную безработицу. Английская буржуазная пресса избегает давать подсчеты об общем числе безработных. Лишь иногда в эту прессу попадают данные, из которых видно, что общее число безработных значительно больше, чем по официальным данным. Если учесть частично безработных, то в Англии в 1952 г. было около 1 млн. безработных («Labour Monthly», August 1952, p. 343).

⁴⁸ Лейбористское правительство поспешило переименовать наиболее депрессивные районы Англии (Южный Уэльс, Ланкашир, Северо-Восточный район, судостроительный район Клайды в Шотландии) в так называемые «районы развития». Но от перемены вывески дело, конечно, не изменилось. По-прежнему безработица в этих районах относительно выше, нежели в других районах Англии.

⁴⁹ R. Harrod. *Are these Hardships Necessary*. L., 1947.

нием заявлял он, в силу низкой заработной платы обеспечит переход рабочих в отрасли, где нехватает рабочих рук.

В современной английской буржуазной экономической литературе широко распространенным аргументом в пользу ограничения капиталовложений является ссылка на то, что продукция машиностроения представляет собой наиболее рентабельный и перспективный экспортный товар и что в интересах форсирования экспорта машин следует идти на ограничение ввода новых машин в самой Англии.

Совершенно очевидно, что такая политика является близорукой даже с точки зрения интересов развития экспорта. Ограничение капиталовложений в самой Англии означает консервацию ее технической отсталости по сравнению с такими странами, как США, задержку снижения издержек производства английской промышленности и рост трудностей в ее конкуренции с лучше оснащенной современной техникой промышленностью других капиталистических стран.

Для оправдания антинациональной политики ограничения капиталовложений современные английские буржуазные экономисты используют старые увертки вульгарной экономии. Тут и ссылка на то, что труд, затраченный на услуги, является столь же производительным, как и труд, производящий материальные продукты (поэтому англичанам, мол, лучше сосредоточить свое внимание на производстве услуг, которые не требуют импортного сырья и оборудования), что рост населения отстает от роста промышленности и поэтому, мол, может оказаться избыток оборудования и т. д.⁵⁰ Там, где буржуазным экономистам выгодно, они применяют своеобразное «мальтузианство наизуот», выдвигая опять-таки на передний план биологические законы роста населения, но на этот раз жалуясь на недостаточный рост населения.

Предложения Харрода о сокращении капиталовложений имеют определенную империалистическую направленность. Харрод и его единомышленники, конечно, не возражают против инвестиций, имеющих военное значение. Напротив, он всячески приветствует такие инвестиции⁵¹. Под флагом борьбы за сокращение капиталовложений Харрод и другие английские буржуазные экономисты выдвигают требование о свертывании строительства школ, больниц, а также жилищного строительства, которое в Англии осуществляется при лейбористах и консерваторах в мизерных масштабах. Сам Харрод признает, что темпы строительства новых домов

⁵⁰ R. Harrod. Planning Delicately. «Financial Times», May 24, 1952.

⁵¹ С полной откровенностью Харрод писал об этом в статье «Финансирование вооружения» в «Файнэншл таймс» от 2 августа 1950 г. (т. е. вскоре после начала американской агрессии в Корее), в которой он выступил с предложением значительно увеличить ассигнования на вооружения. Харрод всячески подчеркивал, что предложение о сокращении инвестиций никоим образом не касается военных производств.

были неудовлетворительны. Но это не мешало ему вопить о чрезмерности жилищного строительства.

Призыв к ограничению капиталовложений, проповедуемый в современной английской буржуазной литературе, отражает стремление монополистического капитала искусственно задержать развитие гражданских отраслей производства, усилить в этих отраслях безработицу, высвободить капиталы для более усиленного перевода хозяйства на военные рельсы и развития экспортных отраслей, привлечь рабочую силу в военные отрасли на условиях, которые будут диктовать монополии, т. е. на условиях нищенской заработной платы.

Свертывание гражданского производства в современной Англии придает специфический характер безработице, которая с наибольшей силой проявляется именно в мирных отраслях промышленности, и прежде всего в производстве предметов потребления.

Для того чтобы осуществить искусственную задержку развития гражданских отраслей производства, английский монополистический капитал применяет разные методы: эти отрасли снабжаются в последнюю очередь дефицитным сырьем, они поставлены в значительно худшие условия в отношении кредитования и т. д.

Призыв к ограничению капиталовложений отражает стремление наиболее мощных английских монополий ускорить разорение массы мелких и средних предприятий путем лишения их сырья и кредита и тем самым ускорить переход этих предприятий в руки монополий.

Теория, восхваляющая целесообразность форсирования безработицы, направлена к тому, чтобы оправдать мероприятия, усиливающие безработицу в определенных отраслях, а именно в гражданских отраслях производства. Эта теория, отражая общее стремление английского капитала к усилению эксплуатации рабочих, вместе с тем отражает стремление наиболее мощных английских монополий к подчинению себе более слабых капиталистических групп.

Классовую подоплеку этой «теории форсирования безработицы» весьма откровенно выразил консервативный орган «Таймс» в статье, посвященной проектам «полной занятости». «Первая функция безработицы...», — писал «Таймс», — в том, что она поддерживает авторитет хозяина над рабочим. Хозяин находится в нормальном положении, когда он может сказать: «Если вы не хотите этой работы, то имеется множество других, которые ее сделают»⁵². «Таймс» угрожал, что устранение безработицы приведет неизбежно к хроническому росту заработной платы и цен.

С наибольшим упорством эту «теорию» проповедует «Экономист», жалующийся почти в каждом номере на якобы слишком мизерные масштабы безработицы в Англии. «Умеренная и

⁵² «Times», January 23, 1943.

правильно распределенная безработица, — писал «Экономист» в 1947 г., — необходима для спасения всего социального организма». «Не нужно быть слишком смелым человеком, — развязно повторяет ту же мысль «Экономист» в 1949 г., — чтобы признать, что известная степень безработицы принесла бы большую пользу»⁵³.

Что понимает орган Сити под «известной степенью безработицы», под «умеренной степенью безработицы»? Ответ на этот вопрос мы находим в том же номере «Экономиста». Оказывается, речь идет о том, чтобы довести в современных условиях безработицу до 5—7% общей численности рабочих. По подсчетам самого «Экономиста», 5% означало бы число безработных в 1050 тыс. человек, 7% — 1470 тыс. человек. Итак, «Экономист» откровенно мечтает о том, чтобы увеличить число безработных на миллион человек.

В действительности все мероприятия, предлагаемые буржуазией, способны только усилить, а не ослабить безработицу, поскольку эти мероприятия ведут к ограничению внутреннего рынка, к обострению противоречий реализации, к взрыву нового экономического кризиса, т. е. в конечном счете к росту числа безработных.

Весьма характерно, что этот откровенный призыв буржуазных деятелей поддерживается и правыми лейбористами, хотя в более осторожной и замаскированной форме, ибо лейбористам неудобно выступать с такими лозунгами на рабочих собраниях. В трехтомном сборнике «Британская лейбористская партия», изданном руководством этой партии в 1948 г., мы, например, читаем: «Более мудро рисковать небольшой безработицей с тем, чтобы производить слишком много, чем иметь полную занятость и производить слишком мало»⁵⁴. В завуалированной форме здесь поддерживается положение буржуазных экономистов о том, что установление полной занятости может привести к упадку производства. С проповедью «народнохозяйственной целесообразности» безработицы выступили за последние годы лидеры лейбористов — Моррисон (в том же трехтомном сборнике) и Уильямс (в книге «Тройной вызов»). Необходимость частичной безработицы подчеркивалась и в избирательной программе лейбористов 1949 г.

Не отказываясь полностью от демагогии о «полной занятости», современные буржуазные идеологи Англии выдвигают на первый план проповедь форсирования безработицы. На эти позиции в послевоенный период стал и Беверидж, хотя, со свойственной ему изворотливостью, он старается замаскировать этот факт. В этом отношении характерна его статья, опубликованная в близкой лейбористам газете «Дейли миррор» от 13 июля 1948 г. Беверидж при-

зывает рабочих, чтобы они работали еще интенсивнее без всякого увеличения заработной платы. Но он отдает себе отчет в том, что одной такой пропагандой многого не добьешься. И он напоминает, что существует более эффективное средство нажима на рабочих — массовая безработица. «Некоторые считают, — пишет он, — что только одно средство может дать нужный результат — доза безработицы».

Если раньше Беверидж мимоходом формулировал тезис, что «полная занятость» не исключает наличия небольшого процента безработицы (по Бевериджу, в объеме 3% от общего числа рабочих), то сейчас этот тезис выдвигается на передний план.

Расширение безработицы, преподносимое как метод борьбы с безработицей, — такова сущность буржуазной софистики в наши дни.

Летом 1950 г. американский империализм начал открытую агрессию в Корею и в Китае, к которой присоединился и британский империализм. Корейская авантюра послужила толчком для небывалого раздувания военного бюджета, для лихорадочной гонки вооружений. Экономика Англии была переведена на военные рельсы.

В этих условиях буржуазия делает главную ставку на то, чтобы принудить рабочих больше работать за ту же низкую заработную плату. Удлинить рабочий день, еще более интенсифицировать труд, выжать у рабочих максимальное количество энергии в интересах гонки вооружений — таковы главные требования, предъявляемые на современном этапе английской финансовой олигархией к рабочим; для обоснования этих требований используются теории Пигу, Кейнса и других современных буржуазных экономистов⁵⁵.

Английская финансовая олигархия в современных условиях ведет наступление на пролетариат с двух сторон: она снижает его потребление и выжимает из него как можно больше труда. Для выполнения этой цели используются методы прямого внеэкономического принуждения, занимающие большое место в послевоенном наступлении на рабочий класс. Монополистический капитал пытается лишить рабочих даже той формальной свободы продажи рабочей силы, которая составляет характерное отличие капиталистической формы эксплуатации от докапиталистических форм. Это яркая иллюстрация процесса фашизации капиталистических стран.

⁵⁵ О растущей интенсификации труда в Англии, как и в других капиталистических странах, свидетельствует увеличение числа несчастных случаев в английской промышленности: с 332 тыс. в 1938 г. оно возросло до 436 тыс. в 1950 г. (Цит. по ст. «Пути обеспечения максимальной капиталистической прибыли (статистические материалы)». — «Вопросы экономики», 1953, № 5, стр. 111).

⁵³ «Economist», June 4, 1949.

⁵⁴ «The British Labour Party. Its History, Growth, Policy and Leaders», v. II, L., 1948, p. 222.

Монополии прежде всего стремятся лишить рабочий класс свободы стачек.

Во время войны коалиционным правительством Черчилля — Эттли был издан «приказ о национальном арбитраже» (так называемый приказ 1305). Были учреждены арбитражные трибуналы из представителей капиталистов, тред-юнионов и чиновников для рассмотрения конфликтов между предпринимателями и рабочими. Всякая стачка, предпринятая до решения арбитражных трибуналов, объявлялась незаконной. «Подстрекатели стачек» по этому приказу привлекаются к уголовной ответственности. Этот закон продолжал действовать и после войны. До осени 1950 г. английские правители не решались открыто запрещать стачки. Когда летом 1950 г. началась усиленная гонка вооружений, лейбористское правительство стало подавлять стачки с помощью судебных преследований. Так, например, в начале 1951 г. на основе приказа 1305 были арестованы руководители стачки докеров, охватившей все основные порты страны. Это вызвало бурное возмущение рабочих, и лейбористское правительство вынуждено было отменить в 1951 г. приказ 1305. После этой вынужденной уступки английская пресса монополий ведет усиленную кампанию за то, чтобы снова ввести в действие законы военного времени о запрещении стачек и об обязательном арбитраже. В этой кампании монополиям помогают реакционные лидеры профсоюзов.

Несмотря на это реакционное законодательство, английский пролетариат активно борется против наступления капитала на его жизненный уровень. В 1952 г. число участников стачек в Англии составило 416 тыс. человек. В результате индустриальных конфликтов было потеряно 1,8 млн. рабочих дней⁵⁶.

Реакционные буржуазные деятели, вроде Бевериджа, призывают к введению драконовских мер против бастующих рабочих. Они призывают к прямому регулированию государством заработной платы.

Смысл всех этих призывов к установлению контроля над заработной платой ясен. Он сводится к тому, чтобы в юридическом порядке запретить рабочим легальную борьбу за увеличение заработной платы и обеспечить ее дальнейшее снижение мерами государственного насилия, антирабочим законодательством.

За последнее время в английской буржуазной литературе раздаются прямые призывы к тому, что недостаточно ограничиться одним уговариванием рабочих, что нужны другие меры воздействия на рабочих. Весьма развязно эта точка зрения откровенно фашиствующих капиталистов выражена в журнале лондонской школы «Экономика» в статье под характерным заголовком «Имеем ли мы политику полной занятости?» Автор этой статьи (некто Букер) подчеркивает, что нельзя ограничиться одной декларацией об

удержании безработицы на уровне 3—5% от общей численности рабочих или уговариванием рабочих, чтобы они не выдвигали требований об увеличении заработной платы. Автор предлагает отказаться от политики «увещаний» и перейти к более «радикальным» методам⁵⁷.

Буржуазные экономисты изоцряются в оправдании наиболее жестоких, драконовских мер против рабочего движения. Если в первые годы послевоенного периода главным аргументом служила ссылка на необходимость принятия предупредительных мер против экономических кризисов, массовой безработицы и т. д., то сейчас буржуазные экономисты прежде всего апеллируют к интересам перевооружения. Английский буржуазный экономист Хоутри в статье, озаглавленной «Россия и Западная Европа», с нескрываемым цинизмом заявляет, что нельзя рассчитывать на успешный исход войны с СССР до тех пор, пока не будет сломлено организованное рабочее движение. «Организованные рабочие — это весьма опасная сила, — восклицает этот адвокат промышленности, — может вызвать такое расстройство экономической жизни, которое причинит обществу серьезные неудобства или даже бедствия»⁵⁸. В своем полицейском усердии Хоутри доходит до того, что предлагает квалифицировать забастовку как форму гражданской войны. Он предупреждает, что крупные забастовки могут привести к развалу промышленности. Выводы, которые напрашиваются из всех этих высказываний Хоутри, очевидны: с забастовщиками нужно бороться, как с мятежниками, а в первую очередь следует покончить с коммунистами и руководителями боевых профессиональных организаций, возглавляющими борьбу пролетариата против наступления буржуазии.

Английская буржуазия ищет выхода из растущих экономических противоречий в осуществлении прямого, внеэкономического принуждения, в обязательном регулировании заработной платы, в милитаризации труда. Реализация этих мероприятий неразрывно связана с ликвидацией элементарных прав рабочих, завоеванных долгой и упорной классовой борьбой. Совершенно очевидно, что эти мероприятия не могут ограничиться только областью экономических взаимоотношений между рабочими и предпринимателями.

Реакционная профсоюзная верхушка в лице Генерального совета тред-юнионов усиленно помогает монополистическому капиталу в борьбе против прогрессивных организаций. Так, летом 1952 г. Генеральный совет вынес постановление об исключении из Британского конгресса тред-юнионов Лондонского совета профсоюзов,

⁵⁷ «Economica», February 1947.

⁵⁸ R. G. Hawtrey. Russia and Western Europe. «Political Quarterly», January — March 1951, p. 41.

⁵⁶ «Правда», 5 марта 1953 г.

объединяющего 658 тыс. членов профсоюзов. Реакционные руководители Генерального совета поставили своей целью разгромить это прогрессивное профсоюзное объединение, которое энергично боролось за повышение заработной платы и решительно отстаивало дело мира.

На протяжении 1952 г. правые вожди тред-юнионов вели непрерывные атаки на профсоюзные советы Глазго, Бирмингама и других крупнейших промышленных центров, где профсоюзные советы играют большую роль в сплочении трудящихся.

К каким бы жестоким методам ни прибегали монополии в борьбе против рабочего класса, какие бы уточненные рецепты «лечения», «оздоровления» капитализма ни предлагали буржуазные знахари, им не остановить общего хода классовой борьбы. Чем сильнее пажим финансовых магнатов и их агентов, тем большее сопротивление это вызывает со стороны рабочего класса. Становится труднее морочить головы рабочих баснями о том, что спасти английскую экономику можно только за счет их тощего кармана.

Рост противодействия английских рабочих грабительской политике монополий находит выражение в усиливающейся борьбе пролетариата за повышение заработной платы. В 1953 г. за поддержку требований о повышении заработной платы высказались 36 конференций отраслевых профсоюзов из 40 состоявшихся в этом году. Сейчас в Англии фактически нет ни одного профсоюза, который не выдвинул бы перед предпринимателями требования о повышении заработной платы.

Логика классовой борьбы неизбежно толкает английских рабочих на то, чтобы объединять экономическую борьбу за повышение заработной платы с борьбой за прогрессивные политические требования, за сокращение вооружений, расширение торговли между Востоком и Западом, запрещение бактериологического и атомного оружия. 18 конференций отраслевых профсоюзов в 1953 г. выступили с требованием всемерного расширения экономических связей между Западом и Востоком как одного из важнейших средств облегчения экономических трудностей Англии.

Ряд конференций отраслевых профсоюзов высказался за установление международного профсоюзного единства.

Многочисленные профсоюзные собрания и конференции английских рабочих выдвигают требования мирного урегулирования международных вопросов. Конгресс британских тред-юнионов в сентябре 1953 г. принял резолюцию, призывающую к обеспечению мира во всем мире.

Рабочие Англии, как и рабочие других капиталистических стран, воочию убеждаются в том, что их борьба против наступления буржуазии на жизненный уровень рабочего класса неразрывно связана с борьбой против агрессивной политики американского и

английского империализма, против гонки вооружений и милитаризации экономики, с борьбой за мир, за национальную независимость.

Великий пример Советского Союза и стран народной демократии, покончивших с эксплуатацией человека человеком, безработицей и народной нищетой, вдохновляет английских рабочих на борьбу против капиталистических монополий, за жизненные права трудящихся.

Широкие народные массы Англии на собственном опыте все более убеждаются в том, насколько тесно связаны между собой экономическая и политическая борьба, борьба за повышение жизненного уровня трудящихся с борьбой за социализм, мир и демократию.

КРИТИКА АНТИКРИЗИСНЫХ ТЕОРИЙ

Одной из характерных особенностей общего кризиса капиталистической системы является углубление экономических кризисов перепроизводства. В результате действия основного экономического закона современного капитализма противоречие между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями достигает в этот период исключительной силы. Развитие противоречий капитализма в период его общего кризиса, в частности борьба монополий за сохранение высоких монопольных цен, являющихся необходимым условием получения монополий по высоким прибылям, затрудняет рассасывание товарных запасов и тем самым придает особый характер переходу от кризиса к последующим фазам капиталистического цикла, порождая такие специфические формы, как депрессия особого рода. Стремясь обеспечить максимум прибыли, монополии усиливают эксплуатацию и ограбление трудящихся как в метрополии, так и в колониальных и зависимых странах, что неизбежно ведет к сокращению емкости капиталистического рынка. Основной экономический закон современного капитализма оказывает разрушительное действие на процесс капиталистического воспроизводства.

Как уже было указано, глубокий упадок капиталистической экономики получил особенно отчетливое проявление в Англии, которая за весь период общего кризиса капитализма ни разу не знала подлинного промышленного подъема. Этот застой в английской экономике поставил Англию в весьма невыгодные условия в конкурентной борьбе с другими капиталистическими странами. Достаточно указать, что по сравнению с уровнем 1913 г. промышленная продукция в 1929 г. выросла в Японии на 197%, в США — на 70%, во Франции — на 38%, между тем в Англии она еще не дошла до уровня 1913 г. (99,1%). Англия теряла свои позиции в области внешней торговли, снижалась ее доля не только в мировой промышленной продукции, но и на мировом рынке. На ряде важнейших рынков — угольном, текстильном, металлоизделий — она оттеснялась другими капиталистическими странами — США, Японией, Германией.

Несмотря на то, что в Англии в 20-х годах не было промышленного подъема, кризис 1929—1933 гг. проявился в ней в весьма острых формах и глубоко потряс английскую экономику. Английский монополистический капитал оказался бессильным удержать систему золотого стандарта. 21 сентября 1931 г. под ударами жестокого финансового кризиса, когда происходило бегство иностранных краткосрочных кредитов из Лондона и в связи с этим началась огромная утечка золота, а попытки Английского банка прибегнуть к финансовой помощи Франции и США оказались безуспешными, золотой стандарт был отменен. Хотя экспортные отрасли Англии выиграли на обесценении фунта стерлингов, отмена золотого стандарта явилась сильнейшим ударом по Англии как мировому финансовому центру. Английские буржуазные писатели пытались представить эту меру как сознательный маневр английского правительства. В действительности же отмена золотого стандарта выражала лишь глубокий кризис денежного обращения Англии.

В обстановке экономического кризиса 1929—1933 гг. английская буржуазия, как об этом говорилось в третьей главе настоящей работы, не смогла сохранить фритредерскую систему, которой она придерживалась в течение почти ста лет. В 1931 г. Англия перешла на позиции протекционизма, установив в Оттаве в 1932 г. систему преференциальных пошлин в пределах Британской империи. В течение 20-х годов руководящие круги английской буржуазии, в частности банковские круги, упорно старались отстоять фритредерскую систему, явившуюся наследием той эпохи, когда Англия обладала промышленной монополией. В манифестах банкиров 1921 и 1927 гг. настойчиво защищались преимущества системы свободной торговли. Но в начале 30-х годов произошел перелом. Так, в 1930 г. был опубликован меморандум банкиров, в котором категорически требовалось «изменение в нашей таможенной системе». К этим требованиям присоединилась Федерация британской промышленности.

После кризиса 1929—1933 гг. в Англии имел место незначительный рост производства, который сменился в 1937 г. взрывом нового экономического кризиса. Первый год экономического кризиса 1937 г. развертывался в более острых формах, чем первый год кризиса 1929—1933 гг. Так, по индексу Лондонско-Кембриджской экономической организации в 1938 г. продукция промышленности снизилась на 12% в сравнении с 1937 г., тогда как за весь период с 1929 по 1930 г. промышленная продукция упала всего на 11%¹. Особенно тяжелым оказалось положение английской хлопчатобумажной промышленности. В период кризиса 1937 г. кризисные явления в области денежного обращения начали сказываться раньше, чем в период кризиса 1929 г. Так, уже в 1938 г. произошло новое обесценение фунта стерлингов (после 1931 г.). Это обесце-

¹ «Мировое хозяйство. Ежегодник». 1938—1939 гг., стр. 52.

пение произошло, несмотря на отчаянные попытки со стороны английского правительства удерживать его на прежнем уровне. Но кризис 1937 г. имел специфические особенности: он носил на себе печать предвоенной эпохи с характерным для нее ростом расходов на вооружение. Военные расходы Англии, равные в 1929 г. 113 млн. ф. ст., составили в 1936 г. — 186 млн., в 1937 г. — 262 млн., в 1938 г. — 400 млн., а по бюджету 1939/40 г., установленному еще до начала войны, были определены в 578 млн. ф. ст.² Большой удельный вес расходов на вооружение позволил удержать выплавку чугуна и стали, а также производство металлообрабатывающей промышленности на более высоком уровне, чем это соответствовало кризисной фазе. Английская промышленность получила новый дополнительный спрос в виде военных заказов. Война, начавшаяся в 1939 г., оборвала кризис 1937—1938 гг.³

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. явился особым событием в период между двумя мировыми войнами. Этот кризис с исключительной силой показал остроту противоречий капитализма. Налицо оказались, с одной стороны, огромный избыток рабочей силы и оборудования (хроническая массовая безработица и хроническая недогрузка основного капитала), с другой — огромный избыток ссудного капитала, очень неохотно идущего в промышленность. В избытке оказались, как писали некоторые американские авторы, три «М»: Men (люди), Machines (машины) и Money (деньги). Капиталистическая система с полной очевидностью продемонстрировала свою неспособность использовать наличные производственные ресурсы и возможности.

В первый период общего кризиса капиталистической системы экономические кризисы приобретают небывалую остроту. Революционизирующее влияние этих кризисов на массы усиливается в огромной мере в связи с тем, что они развертываются на фоне гигантских достижений советского хозяйства. Массы на практике получают подтверждение преимуществ социалистической системы хозяйства над капиталистической системой.

Огромное принципиальное значение имеет то обстоятельство, что социалистическая система хозяйства показала непрерывный рост хозяйства в противоположность капиталистическому развитию, неизбежно сопровождаемому кризисами.

Неудивительно, что в период общего кризиса капитализма проблема экономических кризисов стала одной из самых грозных проблем, стоящих перед капитализмом. Основное внимание современных буржуазных экономистов сосредоточено на безнадежной попытке решить вопрос: каким образом при сохранении капиталистического строя предотвратить наступление кризиса или хотя бы ослабить его разрушительную силу.

² «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 6, стр. 133.

³ Об особенностях кризисов в послевоенный период см. второй раздел настоящей главы.

1. СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ КРИЗИСОВ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ

Теории кризисов и связанные с ними «антикризисные» проекты, в изобилии конструируемые современными буржуазными экономистами, направлены прежде всего против ленинского учения об общем кризисе капитализма. Авторам этих проектов важно убаюкать массы иллюзией, что циклические экономические кризисы, характеризующие современную эпоху, представляют собой временное явление, что они отнюдь не являются выражением загнивающего и умирающего капитализма. В условиях общего кризиса капитализма особенно отчетливо подтверждается вывод марксистско-ленинского учения о том, что периодические кризисы все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества. Буржуазные экономисты прежде всего заинтересованы в том, чтобы затуманить связь между кризисами перепроизводства и нарастанием предпосылок свержения капитализма. С этой целью измышляются различные теории кризисов.

Для успокоения масс прежде всего привлекается пресловутая «теория больших циклов». Суть последней сводится к тому, что наряду с действительными циклами, продолжительностью в 8—10 лет, существуют какие-то вымышленные большие циклы, продолжительностью около 50 лет, характеризующиеся сменой повышательной и понижательной волн. Основное назначение этой теории — представить обострение экономических противоречий в эпоху общего кризиса капитализма как очередную понижательную волну большого цикла, имеющую временный характер; за ней якобы должна последовать новая повышательная волна, сулящая блестящие перспективы экономического развития капитализма.

«Теория больших циклов» неразрывно связана с буржуазной «теорией конъюнктуры», пытающейся свести цикл к смене повышательного движения конъюнктуры понижательным, т. е. сконструировать бескризисные циклы.

В действительности кризисы представляют собой основную фазу капиталистического цикла. Именно кризисы придают капиталистическому воспроизводству скачкообразный, циклический характер. Этот циклический характер воспроизводства выражает неизбежность повторения через определенные периоды экономических кризисов перепроизводства. Кризисы представляют собой необходимую форму движения капиталистического производства. «Кризисы мирового рынка должны рассматриваться как реальное сведение воедино и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазной экономики»⁴.

История капитализма знает лишь циклы, продолжительностью в 8—10 лет, неразрывно связанные с периодическими кризисами

⁴ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II, 1957, стр. 515.

перепроизводства. Что же касается так называемых больших циклов, то они представляют собой продукт фантазии буржуазных экономистов. Для «подкрепления» этой фантазии буржуазные экономисты ссылаются на длительные колебания товарных цен. Но эти колебания обусловлены причинами, которые совершенно не связаны с циклическим движением, а вызваны изменениями в области денежного обращения (изменения стоимости золота, инфляционные процессы), внешней торговли и т. д. Такого рода колебания не имеют периодического характера. Они вызваны или случайными причинами, или такими изменениями в экономике капитализма, которые не поддаются даже временному смягчению и обнаруживают тенденцию ко все большему усилению (например, рост цен в результате образования монопольных цен).

Для того чтобы судить о трюках, к которым прибегают защитники этой теории, можно привести книгу австралийского буржуазного экономиста Колин Кларка «Экономика 1960 г.», вышедшую в 1945 г., в которой он пытается дать прогноз на ближайшие 15—17 лет.

Колин Кларк пророчил наступление после второй мировой войны повышательной волны нового большого цикла⁵.

«Теория больших циклов» вообще и вариант этой теории, предложенный Колин Кларком в частности, представляют прямое издевательство над фактами. Колин Кларк рисует такую схему. Во второй половине XIX в. имели, мол, место повышательная волна большого цикла с 1850 до 1875 г. и понижательная волна с 1875 до 1900 г. Для XX в. Колин Кларк устанавливает тенденцию увеличения продолжительности повышательной волны большого цикла. Первая такая повышательная волна якобы продолжалась с 1900 по 1930 г., затем наступила понижательная волна с 1930 по 1945 г., которая снова должна смениться повышательной волной. Это изменение Колин Кларк объясняет влиянием сначала первой, а затем второй мировой войны. Он исходит из положения, всячески прокламируемого современными защитниками милитаризма всех мастей, что мировые войны выступают в качестве фактора, улучшающего условия реализации и ослабляющего противоречия капиталистического процесса воспроизводства. Для того чтобы прийти к такому выводу, Колин Кларку потребовалось совершить прямое насилие над фактами. Разве не насилием над фактами является его утверждение, что острый недостаток в капитале характеризует 20-е годы, когда в крупнейших капиталистических странах существовала острая нехватка предпринимателей, хроническая безработица и при этом имел место огромный избыток ссудного капитала, когда многие страны не знали промышленного подъема? Такое насилие над фактами совершает

⁵ Colin Clark. The Economics of 1960. L., 1944, p. 109.

Колин Кларк, когда он, совершенно «забывая» об обострении противоречий между империалистическими странами, предсказывает огромное развитие в послевоенный период мировой торговли, широкое международное движение капитала и т. д.

Капиталистическая действительность после второй мировой войны полностью опровергла эти смехотворные прогнозы. Проблема внешних рынков достигла в послевоенный период небывалой остроты. Внешняя торговля капиталистических стран чрезвычайно стеснена в результате распада единого всеохватывающего мирового рынка и образования нового параллельного мирового рынка стран демократического лагеря, политики дискриминации против СССР и стран народной демократии, проводимой капиталистическими странами под нажимом монополий США, сокращения емкости оставшегося за капитализмом рынка вследствие усиления обнищания трудящихся в метрополиях и колониальных странах.

Нужно отметить еще одну характерную особенность «прогноза» Колин Кларка: при всех своих стараниях обнадеежить и успокоить английских монополистов он не обещает особых успехов в области промышленного развития Англии. Он прямо пишет о «перезрелой экономике» последней. Все свои упования на блестящее будущее мирового капитализма он связывает преимущественно с Соединенными Штатами Америки. Его оптимистический прогноз целиком опирается на вымышленную учеными прислужниками Уолл-стрита теорию исключительности американского капитализма.

Но как бы ни были утешительны для буржуазии «прогнозы» Колин Кларка и ему подобных, монополии не могут удовлетвориться только такого рода успокоительными идеологическими махинациями. Они требуют от своих ученых прислужников разработки практических мероприятий по борьбе с кризисами. Эти программы объединяет с «теорией больших циклов» одна общая идея — признание войны и милитаризации хозяйства главным противоядием экономических кризисов. Но в то время как Колин Кларк допускает, что война лишь смягчает экономические кризисы, большинство современных «антикризисных» проектов ставят задачу — показать, что милитаризация хозяйства и развязывание новой мировой войны могут якобы предупредить кризисы. Все это делается для разжигания военной истерии и оправдания раздувания военных бюджетов. Широкое распространение подобного рода «антикризисных» проектов стало характерной чертой современной буржуазной экономической науки, ярко демонстрирующей усиление ее реакционности.

«Новое» в трактовке проблемы кризисов в период общего кризиса капитализма заключается не в том, что выдвинуты какие-то новые варианты теории кризисов: буржуазные экономисты применяют в разных комбинациях давно затасканные теории недопотребления, диспропорций, кредитно-денежные варианты

и т. д. «Новое» заключается в том, что сейчас особое значение придается методам «антикризисной» политики.

Современные теории кризисов направлены против бесспорного положения марксистской теории о неустранимости при капитализме экономических кризисов, неизбежно вытекающих из основного противоречия капиталистического способа производства.

В отношении современных буржуазных экономистов можно сказать, что рекомендуемые ими программы «антикризисной» политики не столько вытекают из соответствующих теорий кризисов, сколько сами определяют содержание этих теорий. Последние специально подгоняются для оправдания «антикризисных» программ.

Основным содержанием этих программ являются попытки монополий выйти из экономических кризисов за счет рабочих своей страны — путем усиления их эксплуатации через повышение интенсивности труда, за счет крестьянства в своей стране — путем проведения политики наиболее низких цен на сельскохозяйственные продукты, за счет крестьян колоний и отсталых стран — путем еще большего снижения цен на продукты их труда.

Этот излюбленный метод «разрешения» экономических противоречий лежит в основе подавляющего большинства «антикризисных» проектов и связанных с ними теорий кризисов. Различие в оттенках отдельных проектов и теорий связано с различиями в рекомендуемой тактике наступления на жизненный уровень трудящихся.

Наиболее старым методом наступления на жизненный уровень рабочих является прямое, непосредственное снижение денежной заработной платы. В области «теории занятости» этот метод, как мы уже указывали, пытался «обосновать» Пигу. Этот же метод лег в основу теории кризисов Хайека, к которой примыкают Роббинс и другие представители лондонской школы.

В интересах «обоснования» политики наступления на жизненный уровень рабочего класса Хайек выдвинул тезис, что увеличение потребления со стороны рабочих может только обострить экономический кризис, что поэтому борьбу с кризисами нужно вести только путем снижения потребительского спроса рабочих, т. е. только путем снижения их реальной заработной платы. Основной рецепт «антикризисной» политики, рекомендуемой Хайеком сводится к снижению заработной платы в фазе кризиса и депрессии.

Для оправдания своей «антикризисной» программы Хайек пытается представить дело так, что коренную причину кризисов следует искать в выдуманном им «перепотреблении», в чрезмерном росте потребления, в гипертрофии потребительского спроса.

Эта центральная идея теории кризисов Хайека не имеет ничего общего с капиталистической действительностью, для которой характерно отставание потребительского спроса трудящихся —

основной массы покупателей — от роста производства. Это отставание вытекает из экономических законов капитализма, которые, с одной стороны, вызывают тенденцию к безграничному расширению производства, а с другой — ведут к абсолютному и относительно обнищанию трудящихся, следовательно, к ограничению потребления масс. Пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению. В условиях капитализма производительные силы общества растут без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс.

Отставание потребления трудящихся от роста производства неизбежно вытекает из самой сущности капитализма, из присущей капитализму и неразрывно связанной с погоней за прибылью тенденцией к усилению эксплуатации рабочих, к максимальному увеличению массы и нормы прибавочной стоимости.

Хайек явно ставит вещи на голову, измышляя абсурдную догму о том, что рост личного потребления при капитализме обгоняет рост производства, вызывая более усиленный рост производства предметов потребления и создавая трудности для воспроизводства, ведущие, по его теории, к экономическим кризисам. Для подкрепления этой явно надуманной схемы объяснения кризисов Хайек измышляет положение, что рост спроса на предметы потребления вызывает снижение спроса на «капитальные блага», т. е. на средства производства.

Фальшь этого положения настолько бьет в глаза, что не все буржуазные экономисты, весьма искусственные в софистике, рискуют выступить с такой явной бессмыслицей. Даже ребенку понятно, что нельзя производить предметы потребления из воздуха, что расширение производства предметов потребления требует расширения производства средств производства. Для того чтобы обосновать свою бессмыслицу, Хайеку понадобилось сконструировать надуманную, насквозь фальшивую схему, согласно которой рост реальной заработной платы в фазе подъема делает выгодным применение менее капиталоемких методов, снижает потребность в экономии на живом труде, вызывает использование более простых и дешевых механизмов; в результате происходит якобы перераспределение капитала в пользу отраслей, производящих предметы потребления. Такая перестройка по Хайеку, сопровождается снижением спроса на орудия производства, продукция которых выросла в начале подъема. Этого достаточно, по его утверждению, для возникновения кризиса.

Выше была показана полная несостоятельность исходного положения теории Хайека о наличии при капитализме мнимого перепотребления. Теория Хайека является несостоятельной и во всех своих последующих выводах.

Вся история капиталистических кризисов полностью опровергает положение Хайека, что в фазе кризиса происходит увеличение

реальной заработной платы. В действительности экономический кризис является величайшим бедствием для рабочих. Огромный рост безработицы в этой фазе дает возможность капиталистам оказывать сильнейшее давление на занятых рабочих и снижать заработную плату до минимального уровня. Резкое снижение жизненного уровня рабочих во время кризиса находится в вопиющем противоречии с созданным Хайеком мифом о мнимом благоденствии рабочих, получающих якобы более высокую реальную заработную плату. Правда, снижение товарных цен во время кризиса может вызвать некоторое снижение стоимости жизни, но номинальная заработная плата, как это было показано в предыдущей главе, падает еще сильнее.

История капиталистических циклов опровергает и другое измышление Хайека о том, что в фазе подъема наблюдается относительное снижение спроса на элементы основного капитала в связи с применением якобы менее капиталоемких методов производства.

В действительности в фазе подъема вступают в строй новые предприятия, стимулируется применение более дорогих, более капиталоемких методов производства. Предприниматели идут более охотно на риск применения новых технических методов в этой фазе, нежели во время депрессии и кризиса. Снижение спроса на элементы основного капитала во время депрессии и кризиса — результат, а не причина экономических кризисов.

Совершенно несостоятельно утверждение Хайека о том, что чрезмерный рост производства средств потребления лимитирует возможности роста производства средств производства. В действительности для капиталистического производства характерно, что первое подразделение растет значительно сильнее, нежели второе подразделение. В интересах «подкрепления» своих догм, направленных против рабочего класса, Хайек извращает общезвестные факты.

История капиталистических циклов подтверждает указанную выше неравномерность в движении первого и второго подразделений. Так, в период цикла, предшествовавшего кризису 1900 г. (т. е. с 1890 по 1900 г.), в мировом производстве важнейших товаров произошли следующие изменения: добыча угля увеличилась на 64%, выплавка чугуна — на 71%, выплавка стали — на 173%, а потребление хлопка, важнейшего сырья, используемого во втором подразделении, — всего на 23%. В Германии индекс производства средств производства вырос за этот период на 75%, а индекс предметов потребления — на 29%. В Англии первый индекс за тот же период увеличился на 18, а второй — на 10%.

Неравномерность в развитии первого и второго подразделений в условиях капитализма не является случайностью. Отставание второго подразделения неразрывно связано с пролетарским состоянием масс, с их бедностью и ограниченностью потребления, с отставанием роста потребительского спроса.

Но буржуазному апологету Хайеку нет, конечно, дела до действительных закономерностей. Для обоснования своей насквозь ложной схемы он сознательно извращает закономерности капиталистической действительности, устанавливает свои закономерности, совершенно противоположные действительным фактам.

Теория кризисов Хайека опирается на утверждение, что в капиталистическом обществе полностью используются производственные ресурсы (включая и рабочую силу), что сильный рост спроса создает большие трудности, связанные с ограниченностью материальных ресурсов. Нечего говорить о том, что и это утверждение насквозь фальшиво. Это особенно отчетливо выступает в период общего кризиса капитализма, когда налицо хроническая недогрузка производственных мощностей и хроническая безработица. Но и в период, предшествовавший общему кризису, для капиталистической системы было характерно противоречие между условиями производства и реализации товаров. Возможности реализации оказывались и оказываются значительно более узкими, нежели возможности производства товаров. Пределы расширения производства прибавочной стоимости очень эластичны. Для реализации же прибавочной стоимости существуют более узкие границы. Реализация наталкивается на границы, выражающиеся в узости спроса, обусловленной ограниченностью потребления при капитализме. Отсюда — неизбежность кризисов.

Апологет Хайек из всех сил старается затушить тот факт, что капиталистическая система делает невозможным рациональное и эффективное использование имеющихся производительных сил.

«Теория ограниченности производственных ресурсов», проповедуемая Хайеком, имеет самую тесную связь с реакционным малютузианством. «Принцип редкости», к которому все время апеллирует Хайек, непосредственно связан с пропагандируемой современными идеологами империалистической агрессии и войны догмой об ограниченности средств существования, о мнимом отставании наличных запасов средств существования от роста населения.

Все разглагольствования Хайека о «недостатке капитала» имеют одну цель — показать, что корень всех экономических противоречий и трудностей современного капитализма нужно искать не в самой системе капиталистических отношений, а в каких-то несуществующих особых причинах, якобы ослабляющих стимул капиталистов к расширению производства, в наличии каких-то естественных для капиталистов условий. Основным смыслом всех этих разглагольствований сводится к оправданию вождельной цели капиталистов — усилить наступление на рабочий класс.

При этом речь идет не только о снижении жизненного уровня рабочих, но и о политическом порабощении рабочих, лишении их элементарных прав, завоеванных упорной, многолетней борьбой с буржуазией. Призывая к устранению фактов, тормозящих

«инициативу» капиталистических предпринимателей. Хайек имеет в виду прежде всего ликвидацию тех жалких остатков буржуазной демократии, которые еще уцелели в современных капиталистических странах. Он имеет в виду полную ликвидацию или максимальную урезку жалкого фабричного законодательства, которое финансовой олигархии не удалось еще полностью ликвидировать. Хайек является рупором наиболее реакционных групп монополистического капитала. Не случайно он стал главным «теоретиком» по экономическим вопросам консервативной партии.

Теория кризисов Хайека, откровенно и цинично проповедующая сокращение потребления рабочих, не могла рассчитывать на успех в среде рабочих. Для того чтобы сделать свою теорию более привлекательной, Хайек пытается представить дело так, что она является якобы идеологическим оружием в борьбе с ненавистной для масс политикой инфляции. В целях демагогии Хайек включил в свое учение наряду с элементами «теории недостатка капитала» элементы денежно-кредитной теории кризисов. Этот дополнительный элемент в теории Хайека сводится к утверждению, что необходимым условием разворачивания процессов, приводящих к кризису, является кредитно-денежная экспансия. Исходя из этого утверждения, Хайек наряду со своим основным рецептом «антикризисной» политики — снижении заработной платы выдвинул еще один рецепт: проведение политики так называемых «нейтральных денег». Суть этого рецепта сводится к тому, что общий объем денежного обращения (под которым понимается масса денег, помноженная на скорость их обращения) должен оставаться неизменным. Это, мол, предупредит промышленный подъем, что, в свою очередь, предупредит наступление кризиса. Такую же идею выразил и Роббинс, выдвинувший такое откровение: для того чтобы предупредить кризис, нужно предупредить бум.

На критике кредитно-денежной теории кризисов мы остановимся ниже. Пока лишь отметим, что попытка Хайека представить себя в роли борца против инфляции преследует чисто демагогические цели. Хайек принадлежит к той группе буржуазных экономистов, особенно многочисленной в США, которая пытается представить себя в роли хранителя традиционной политики так называемых здоровых финансов, ревнителя экономии в области государственных расходов, защитника масс, стоящего на страже борьбы с инфляционистскими процессами. Но это, конечно, только обманчивая видимость. В действительности эта группа буржуазных экономистов, выступающая обычно под флагом защиты «здоровых финансов» и «свободы бизнеса», на практике всячески отстаивает предоставление капиталистам субсидий за счет государственного бюджета. Они всячески раздувают военную истерию, проповедуют гонку вооружений, предъявляющую очень большие требования к бюджету и являющуюся важнейшим фактором про-

цесса усиления инфляции. Возражения этой группы сторонников «здоровых финансов» направлены лишь против такой части государственных расходов, как, например, расходы на пособия безработным и т. д.

В отличие от большинства сторонников кредитно-денежных теорий кризисов, Хайек пропагандирует не расширение, а ограничение кредита. Но это не меняет положения. Суть дела не в том, предлагается ли расширение или сокращение кредита. Суть дела в том, что никакие методы кредитной политики — ни экспансионистские, ни рестрикционистские — не в состоянии предупредить кризисы, поскольку любая организация кредитной системы, любой «кредитный контроль» оставляют неприкосновенным капиталистический строй, неизбежно порождающий кризисы, вытекающие из противоречий, заложенных в самом капиталистическом производстве. Все эти мероприятия способствуют лишь перекладыванию тяжести кризисов на трудящихся.

В предыдущей главе мы показали, что наступление буржуазии на жизненный уровень рабочего класса ведется многообразными путями: в частности, наряду с непосредственным снижением денежной заработной платы буржуазия применяет окольные пути снижения реальной заработной платы на основе мероприятий, ведущих к усилению инфляции. В различных конкретно-исторических условиях приобретает решающее значение то первый, то второй метод. Так, в 20-х и на протяжении части 30-х годов английская буржуазия предпочитала политику прямого снижения денежной заработной платы. С 30-х годов начала проявляться инфляция, получившая особенно резко выраженный характер в послевоенный период. Соответственно изменились и методы наступления на рабочий класс.

Некоторые несущественные расхождения в вопросах тактики наступления на жизненный уровень рабочего класса наложили свой отпечаток и на трактовку проблемы кризисов. Для идеологов непосредственного снижения денежной заработной платы наиболее подходящей оказалась теория кризисов Хайека, объявляющая вымышленное перепотребление рабочих основной причиной кризисов и призывающая тем самым к прямому, открытому урезыванию потребления рабочих, к снижению их номинальной заработной платы. Сторонники второго метода наступления на жизненный уровень рабочих ухватились прежде всего за кредитно-денежные теории кризисов, воспевающие спасительную роль кредитно-денежной экспансии.

Необходимо при этом отметить совпадение конечной цели обеих групп сторонников этих теорий кризисов. И те и другие в конечном счете стремятся к «обоснованию» необходимости ограничения потребления рабочих. У Хайека этот основной мотив выражен с наибольшей откровенностью; у сторонников кредитно-денежных теорий кризисов он обычно маскируется.

В английской экономической литературе наиболее плодовитым сторонником кредитно-денежных теорий кризисов выступает Хоутри. Он не скрывает, что инфляция должна привести к снижению реальной заработной платы. Он подчеркивает, что целесообразнее снизить не денежную заработную плату, а создать условия, благоприятствующие росту цен. Он растолковывает яростному защитнику политики дефляции Мизесу, что никак нельзя абстрагироваться от специфических особенностей заработной платы, которая в своем росте отстает от роста товарных цен⁶.

Основная суть «антикризисной терапии», предлагаемой Хоутри и другими сторонниками кредитно-денежных теорий, сводится к тому, что кризис можно преодолеть путем расширения кредита на основе его удешевления. Таким образом, регулирование нормы процента рассматривается как основной рычаг воздействия на ход промышленного цикла. Снижение нормы процента выдается за важнейший метод лечения болезней капиталистической системы.

Для оправдания этих шарлатанских проектов понадобилось чрезмерное возвеличение капиталистического кредита как решающего фактора, определяющего весь ход процесса воспроизводства. Побуждаемые этим мотивом, сторонники кредитно-денежных теорий стараются представить дело так, что расширение производства ограничивается только размерами кредита, что если бы не было факторов, лимитирующих кредит, то производство-де можно было бы развивать безгранично.

Основная аргументация Хоутри такова: кредитная экспансия вызывает рост народного дохода, что ведет к увеличению общественного спроса, которое, в свою очередь, обуславливает рост товарных цен и связанные с этим процессы снижения реальной заработной платы и увеличения прибыли.

К этой точке зрения близко примыкал Кейнс в 20-х годах⁷. В своей работе «Исследование о деньгах» Кейнс защищал идею о примате кредитного фактора, приближаясь к крайним представлениям кредитно-денежных теорий кризисов.

Кредитно-денежные теории кризисов основаны на полном извращении капиталистической действительности.

Во-первых, совершенно несостоятельно положение о том, что банки создают доход и капитал. Народный доход представляет собой новую стоимость, которая создается и может быть создана

⁶ R. G. Hawtrey. The Theory of Money and Credit by prof. Ludwig von Mises. «Economic Journal», September 1935, p. 514. Опираясь на свою лжетеорию, Хоутри демагогически приписывал возникновение кризиса 1937—1938 гг. якобы имевшему место тогда росту заработной платы (R. G. Hawtrey. Economic Destiny. 1944, p. 253).

⁷ Кейнс, который очень любил подчеркивать свою «оригинальность» и отличие от других авторов, в одной статье писал, что считает Хоутри своим идейным предшественником. Любопытно, что лейбористский теоретик Дуглас Джей также рассматривает проблему цикла как чисто «монетарную проблему» (Douglas J a y. The Socialist Case. L., 1947, p. 137).

только в процессе производства в результате затраты человеческого труда. Реальный капитал также представляет собой стоимость, воплощенную в материальных ценностях (в средствах производства, готовой продукции, деньгах). Совершенно ясно, что ни прямо, ни косвенно банки не могут создавать капитал как таковой. Они могут создавать на основе коммерческого кредита лишь дополнительные средства обращения, выступающие в роли заместителей золотых денег. Эти средства обращения могут быть использованы в качестве ссудного капитала, но они не являются реальным капиталом. Поскольку им не соответствуют реальные ценности, обладающие самостоятельной стоимостью, они выступают лишь в роли фиктивного капитала.

Во-вторых, совершенно несостоятельная предпосылка о решающей роли кредита. В действительности развитие кредита, его объем, его структура, его связи с отдельными предприятиями и отраслями народного хозяйства целиком и полностью обусловлены процессом производства, а не наоборот. В целях маскировки действительных причин экономических кризисов кредитно-денежные теории кризисов трактуют эту проблему в совершенно превратном виде. «...То, что представляется кризисом на денежном рынке,— писал К. Маркс,— в действительности выражает аномалии в самом процессе производства и воспроизводства»⁸. Сильная погоня за ссудным капиталом и высокая норма процента в фазе кризиса отражают лишь огромные трудности реализации, невозможность превратить товарный капитал в денежный. Это создает видимость недостатка капитала, на которой покоится значительная часть буржуазных теорий кризисов. В действительности в фазе кризиса «имеется всегда обилие капитала, не могущего превратиться в деньги...»⁹ В последующей фазе капиталистического цикла, в фазе депрессии, налицо оказывается изобилие денежных капиталов, обусловленное опять-таки процессами, происходящими в сфере производства,— высвобождением части оборотного капитала, недостаточным спросом на новые инвестиции и т. д. Во всех этих случаях изменения в кредитной сфере отражают процессы, происходящие в области производства, и воздействуют на последнюю, но воздействуют так, как следствие влияет на причину.

Совершенно очевидно, что никакая кредитная экспансия сама по себе не в состоянии вызвать перехода к новой фазе, к фазе промышленного подъема, если для этого нет соответствующих условий в процессе производства. Об этом свидетельствует вся история экономических кризисов. В особенности кризис 1929—1933 гг. показал (не впервые, но на этот раз с исключительной силой) всю вздорность иллюзий о возможности хотя бы некоторого ослабления экономических кризисов при помощи воздействия на

⁸ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 346.

⁹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 530.

норму процента. В отличие от предшествующих кризисов, официальная учетная ставка во время кризиса 1929—1933 гг. продолжала оставаться на низком уровне в связи с громадным избытком бездействующих денежных капиталов. Это был исключительно благоприятный случай для проверки кредитно-денежных теорий кризисов. Что же показала эта проверка? Несмотря на небывало низкую для кризиса норму процента, кризис 1929—1933 гг. оказался исключительным по своей силе, глубине и продолжительности. Низкая норма процента не облегчила положения капиталистической промышленности. «Терапия», предложенная Хоутри и Кейнсом, настолько явно обанкротилась, что защищать ее стало неудобно даже для самых твердолобых апологетов капитализма¹⁰.

Даже такой трубадур кредитно-денежных манипуляций, как Хоутри, вынужден был подвергнуть сомнению тезис о всеисцеляющей роли снижения нормы процента. В своей книжке «Капитал и занятость» он выдвинул положение о «кредитном тупике» (*credit deadlock*), когда в результате глубочайшего кризиса снижение процента не оказывает стимулирующего воздействия на производство¹¹. Не отвергая номиналистических теорий, Хоутри и другие защитники этих теорий вынуждены были признать их практическую никчемность. В своей книге «Общая теория занятости, процента и денег», написанной под впечатлением кризиса 1929—1933 гг., Кейнс тоже вынужден был выразить сомнение в эффективности применения одной только денежной политики в качестве метода антикризисной политики.

«...Борьба с кризисами, — жаловался Кейнс, — так сложна. На более поздней стадии понижение процента может послужить большим подспорьем в деле хозяйственного восстановления и, вероятно, является даже необходимым его условием. Но на данный момент крах предельной эффективности капитала может оказаться настолько полным, что никакое мыслимое на практике снижение нормы процента не будет достаточно»¹².

После кризиса 1929—1933 гг. произошла некоторая модификация кредитно-денежных теорий. Суть этой модификации состоит в призыве к широкому использованию государственного бюджета монополиями. Буржуазные идеологи провозглашают, что недостаточно одних мероприятий кредитной политики, что помощь государства не должна ограничиваться снижением нормы процента, что необходимо поставить весь государственный бюджет на службу монополиям, которым угрожает банкротство. Иными словами, от

¹⁰ В США в 20-х годах многие буржуазные деятели возлагали особые надежды на федеральную резервную систему, которая, по замыслу ее учредителей, призвана была бороться с кризисами путем централизации кредитного дела и проведения во время кризиса политики дешевого кредита. Кризис 1929—1933 гг. похоронил и эту иллюзию.

¹¹ R. G. Hawtrey. *Capital and Employment*. L., 1937. p. 86.

¹² Д. М. Кейнс. *Общая теория занятости, процента и денег*. М., ИЛ, 1948, стр. 306—307.

мер косвенного содействия капиталистам (в форме мероприятий, воздействующих на норму процента) буржуазные экономисты переходят к требованиям прямого финансирования монополий за счет государственных средств. Современные буржуазные теории кризисов выдвигают на передний план бюджетную политику, которая должна быть использована как рычаг перераспределения средств, взимаемых при помощи налогов с трудящихся, в пользу капиталистических монополий. Под флагом «антикризисных» мероприятий буржуазные идеологи проповедают политику безудержного обогащения монополий, гарантирования им наивысших прибылей, перенесения всех убытков и риска на государственную казну, т. е. в конечном счете на трудящихся.

Теория кризисов Кейнса типична для показа тенденций, характеризующих эволюцию буржуазных теорий кризисов в период общего кризиса капитализма. Для этой эволюции характерны следующие моменты. Во-первых, в отличие от Сэя, который рисовал радужную картину соответствия общественного спроса и предложения на основе автоматического действия законов конкуренции, современные буржуазные идеологи все свои надежды возлагают на государство, призывая его к тому, чтобы оно своей политикой «регулирования» поддерживало столь желательное им соответствие спроса и предложения. Во-вторых, основу этого «регулирования» современные буржуазные идеологи усматривают прежде всего в государственных мероприятиях, которые должны стимулировать общественный спрос; в этой системе мероприятий особую роль играют государственные заказы. В-третьих, современные буржуазные авторы теорий кризисов всячески подчеркивают в качестве важнейшего метода «антикризисной» политики необходимость поощрения капиталистов, поддержания у них бодрости, веры в будущее, «самопроизвольного оптимизма», борьбы с «кризисом доверия» и т. д. Для обоснования этой столь выгодной для капиталистов политики выдвигается теория, что уровень прибыли определяется якобы перспективными расчетами капиталиста. В-четвертых, основной источник такого поощрения капиталистических предпринимателей современные буржуазные теории усматривают в щедром финансировании капиталистов, т. е. перераспределении народных средств через государственный бюджет в пользу капиталистов.

Обоснованию этой программы обогащения монополий за счет фактического казнокрадства служит теория кризисов Кейнса. Она нарочито запутана для того, чтобы замаскировать лежащую в ее основе цель — обеспечить для монополистов монопольно высокие прибыли.

Чтобы запутать проблему кризисов, Кейнс, например, вводит в свое учение о кризисах элементы теории недопотребления. В своей работе «Общая теория занятости, процента и денег» он положительно отзывается о теории кризисов Гобсона, пытавшегося

объяснить кризисы недопотреблением. В ряде мест своей книги Кейнс отмечает, что границы спроса определяются недостаточностью потребительского спроса в силу склонности к сбережению, особенно заметной у более зажиточных потребителей.

На деле Кейнс отрицает противоречие между производством и потреблением даже в том вульгаризированном и поверхностном виде, в котором оно представлено у мелкобуржуазных сторонников теории недопотребления (например, у Сисмонди). Он подчеркивает, что недостаточный объем потребительского спроса может быть компенсирован за счет роста инвестиций. Тем самым Кейнс отрицает практическое значение факта отставания потребления от производства. По Кейнсу получается, что любой дефицит потребительского спроса может компенсироваться соответствующим ростом производства, что если происходит рост инвестиций, то остальное все приложится. Эта ложная концепция, которую в свое время проповедовал в русской литературе М. И. Туган-Барановский, всесторонне замалчивает решающей важности факт, специфический для капиталистического способа производства: чем больше развиваются его производительные силы, тем более приходят они в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления.

Кейнс пользуется следующим фальсификаторским приемом. Он совершенно замалчивает, что рост инвестиций и расширение производства средств производства создают предпосылки для расширения производства предметов потребления. Известная «независимость» производительного потребления от личного потребления существует только в определенных границах. В конечном итоге производительное потребление связано с личным потреблением и ограничивается последним. «...Происходит, как мы видели (книга II, отд. III), — писал К. Маркс, — постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а происходит лишь оттого, что этого постоянного капитала больше потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление»¹³.

Рост производительного потребления, создавая предпосылки для расширения производства предметов потребления, неизбежно упирается в узкий потребительский базис, обусловленный антагонистическими отношениями распределения буржуазного общества. Кейнс замалчивает, что рост инвестиций приводит к обострению противоречия между производством и потреблением.

У Кейнса теория недопотребления играет лишь роль привес-

ка, необходимого для демагогических маневров, в частности для пустых разговоров о целесообразности более уравнительного распределения народного дохода.

Социальная демагогия в работах Кейнса находит свое отражение в выдвижении внешне радикальных лозунгов, рассчитанных на обман масс. Так, ссылаясь на вымышленный им пресловутый «основной психологический закон», Кейнс формулирует широковещательное положение о желательности некоторого смягчения имущественного неравенства, поскольку богатые собственники потребляют лишь незначительную часть своего дохода. При этом Кейнс высказывает свое пожелание о смягчении имущественного неравенства в такой нарочито расплывчатой и неопределенной форме. «Со своей точки зрения, я думаю, — пишет он, — что есть известные социальные и психологические оправдания для значительного неравенства доходов и богатств, однако отнюдь не для такого большого разрыва, какой существует сейчас»¹⁴.

Это нарочито расплывчатое, каучуковое высказывание Кейнса о желательности смягчения «слишком значительного» имущественного неравенства остается демагогическим благожеланием, рассчитанным только на то, чтобы внушить обманчивые иллюзии о возможности коренного улучшения положения трудящихся в буржуазном обществе, основанном на жестокой эксплуатации и угнетении подавляющего большинства населения.

Основной смысл теории кризисов Кейнса состоит в том, чтобы подвести базу под предлагаемые им «антикризисные» мероприятия. Особое место среди этих мероприятий занимает создание для монополий гарантированного рынка путем предоставления государственных заказов, искусственного расширения спроса, форсирования непроизводительного потребления.

Кейнс заинтересован в том, чтобы тщательно завуалировать основной смысл своей «антикризисной» программы и выпятить на передний план чисто «психологический фактор». Для того чтобы одновременно скрыть свой замысел и в то же время незаметно подвести читателя к своему самому главному практическому выводу, Кейнс привлекает одну из самых вульгарных теорий кризисов, которая когда-либо выдвигалась в экономической литературе, а именно так называемую психологическую теорию. Суть этой теории сводится к тому, что ключ к объяснению кризисов следует искать в психологии предпринимателя, в его обостренной реакции ко всяким внешним изменениям. Смена фаз капиталистического цикла, согласно этой теории, объясняется сменой настроений предпринимателя, сменой его оптимистических или пессимистических иллюзий. Кризис, с этой точки зрения, есть прежде всего «кризис доверия», означающий потерю предпринимателем веры в свое экономическое положение.

¹⁴ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 360.

¹³ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 316.

Пожалуй, ни одна буржуазная теория кризисов не показывает в такой наглядной и осязательной форме, как «психологическая теория», фальсификаторский прием буржуазной методологии. Он состоит в том, что чисто производный фактор, обусловленный изменением конъюнктуры, рассматривается в качестве первопричины ее изменений, тогда как на деле смена пессимистических и оптимистических настроений предпринимателя определяется изменением объективного положения, изменением конъюнктуры, а не наоборот.

Теория кризисов Кейнса не нова. Подобного рода «психологическими упражнениями» в области теории кризисов в английской литературе занимались Лавингтон, Пигу и другие. «Новшество» Кейнса заключается в том, что он сделал попытку «углубить» эту антинаучную теорию своим «учением» о предельной эффективности капитала. «Психологический фактор» Кейнс применяет и при объяснении источников прибыли. Рентабельность капитала он ставит в зависимость от оценки капиталистом возможного в будущем дохода. Расчеты капиталиста на будущее, его оценка перспектив развития, его надежды, страхи, ожидания и т. д. превращаются в самостоятельную силу, определяющую движение доходов предприятий. В качестве одной из основных причин экономических трудностей современного капитализма Кейнс выдвигает ослабление среди предпринимателей «духа жизнелюбия» и «самопроизвольного оптимизма».

Своей явно неверной так называемой теорией смены оптимистических и пессимистических настроений Кейнс придал более «глубокомысленный» и «ученый» вид, заявив, что в основе цикла лежат изменения предельной эффективности капитала¹⁵. Но от этой трансформации теория кризисов Кейнса не стала ни на йоту более обоснованной.

Теория Кейнса, объявляющая психологические факторы решающей силой экономического процесса, основана на чисто идеалистическом представлении об экономических законах как выражении субъективных процессов, порождаемых сознанием людей. Марксизм давно опроверг это идеалистическое представление. В частности, К. Маркс в «Ницше философии» и «Капитале», Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Людвиге Фейербахе», В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» неопровержимо доказали, что природа и общество развиваются по своим объективным законам. Последние действуют независимо от воли и сознания людей, независимо от того, осознаны ли людьми эти законы или нет. Экономические законы представляют собой разновидность законов общества, на них распространяется общее материалистическое положение об объективном характере законов природы и общества. Марксизм понимает законы науки — все равно, идет ли речь о законах есте-

ствознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Это положение относится к экономическим законам любого исторического периода.

Положение об объективном характере экономических законов в корне опровергает идеалистическую теорию Кейнса. Психологическая трактовка Кейнсом вопроса об источнике прибыли противоречит общеизвестным фактам капиталистической действительности. Капиталистическая прибыль представляет собой превращенную форму прибавочной стоимости. Она может создаваться только в процессе производства на основе эксплуатации наемных рабочих или присвоения прибавочного труда некапиталистических производителей, например крестьянства как в самой метрополии, так и в особенности в колониях. Расчеты капиталистов на близкое или отдаленное будущее не могут создать ни одного атома дополнительной прибыли. Эти расчеты не могут изменить и распределения прибавочной стоимости между отдельными капиталистами, поскольку это распределение зависит от соотношения экономической силы отдельных капиталистов, от специфических условий производства в отдельных странах и отраслях, а не от субъективных настроений капиталистов. Расчеты капиталистов на будущее не могут оказать сколько-нибудь существенного влияния на условия реализации прибавочной стоимости. Конечно, паника, охватывающая капиталистический мир в фазе кризиса, способствует дальнейшему обострению кризиса. Но сама эта паника — производный факт, обусловленный кризисом. Она только отражает реальные процессы, происходящие в капиталистической экономике. Влияние этого фактора ограничено общими условиями воспроизводства капитала.

Кейнс пытается всячески затуманить объективные основы смены настроений у предпринимателей. Признать эти объективные основы значило бы признать, что смена настроений — результат, а не причина кризисов, т. е. расписаться в полной несостоятельности «психологической теории кризисов». Не приходится доказывать, что Кейнс занимается неприкрытой апологией капиталистического предпринимателя, этого «рыцаря наживы», все действия которого определяются только одним мотивом — стремлением к получению наивысшей прибыли. Именно этот всеопределяющий движущий стимул капиталиста заставляет его тщательно присматриваться к объективной обстановке и соответственно изменять свою тактику. Ясно, что капиталист расширяет в фазе подъема свое производство отнюдь не потому, что он одержим каким-то духом «самопроизвольного оптимизма», а потому, что это диктуется всей экономической обстановкой капиталистического производства и что в этих конкретных условиях расширение производства необходимо для обеспечения высоких прибылей. Следуя своей фантастической теории, Кейнс договорился до такого абсурда, что при

¹⁵ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 303.

определении эффективности капитала «следует принимать во внимание нервы, склонность к истерии и даже несварение желудка и реакцию на перемену погоды у капиталиста»¹⁶. Единственный смысл этой бессмысленной теории в том, что она может оправдать все, что угодно и выгодно для капиталиста.

Теория кризисов Кейнса, при всей своей надуманности и абсурдности, выполняет определенный социальный заказ. Она служит не только, как увидим ниже, для обоснования политики государственных субсидий, но и для оправдания политической реакции. «Экономическое процветание, — пишет Кейнс, — в чрезмерно большей степени зависит от наличия политической и социальной атмосферы, подходящей к духу среднего бизнесмена. Если страх перед рабочим правительством... подавляет предпринимательство, то это не обязательно нужно считать результатом рационального расчета или политического заговора. Это простое следствие нарушения деликатного равновесия самопроизвольного оптимизма»¹⁷.

Кейнс выражается очень «деликатно», но за этой «деликатной» формой скрывается весьма не деликатное содержание. Скрытый смысл подобного рода положений сводится к тому, что политическая реакция, благоприятно действуя на «самопроизвольный оптимизм» предпринимателей и тем самым на предельную эффективность капитала, способствует... росту занятости. Таким образом, теория Кейнса является прямым и открытым оправданием всех форм политической реакции, включая террористическую диктатуру наиболее реакционных групп финансового капитала.

Своей идеалистической теорией кризисов Кейнс создал «теоретическую» базу для самых шарлатанских рецептов «лечения» капитализма от кризисов, предлагаемых современными врачами, или, вернее, знахарями капитализма. На возможность использования «психологической теории кризисов» в этом направлении указывал уже Пигу. Он писал, что даже такой внеэкономический факт, как благоприятный политический слух, может привести к прогрессирующему и далеко идущему улучшению в состоянии занятости¹⁸.

Итак, все годится для того, чтобы вернуть капиталисту «состояние уверенности», вплоть до распространения заведомо ложных слухов, вплоть до разжигания военной истерии и клеветнической кампании против СССР и стран народной демократии.

Кейнс при создании своей ультравульгарной теории кризисов руководствовался прежде всего следующим: ему важно было показать, что поскольку кризис вызывается сменой оптимистических

настроенный пессимистическими, постольку важнейшее средство борьбы с кризисами должно состоять в том, чтобы вызвать перелом настроений у предпринимателей. Для ободрения капиталистов, по Кейнсу, годится все, что может обеспечить наивысшие прибыли и усилить позиции магнатов монополистического капитала.

Речь идет прежде всего о том, чтобы организовать спасение предприятий, которым угрожает банкротство. Как известно, капиталистическая практика выработала специальный тип «спасательных организаций», предназначенных для этой цели. Наиболее известная из них — Реконструктивная финансовая корпорация в США, созданная в 1932 г. по инициативе правительства Гувера. Основной функцией этой корпорации являлась выдача субсидий крупным предприятиям, которым угрожает банкротство. За период со 2 февраля 1932 по 31 марта 1938 г. Реконструктивная финансовая корпорация предоставила займов и авансов капиталистическим предприятиям на 6607 млн. долл., скупила акций на 571 млн. долл. и предоставила ссуд другим правительственным агентствам на 2442 млн. долл.¹⁹

Как правильно отметил Уильям Фостер, мероприятия Гувера, а затем Рузвельта по борьбе с кризисами предвосхитили учение Кейнса²⁰.

Но Кейнс не удовлетворяется только предложениями об эпизодических мероприятиях «скорой помощи» для спасения предприятий, находящихся уже на грани банкротства. Он стоит за всестороннюю и систематическую помощь капиталистическим монополиям со стороны их государства, которое могло бы поддерживать у предпринимателей на длительный срок «состояние уверенности». Программу этих мероприятий Кейнс выражает термином «регулирование инвестиций». Сам по себе этот термин является весьма расплывчатым и неопределенным. Но капиталистическая практика прекрасно показала, как выглядит это «регулирование» инвестиций в условиях господства капиталистических монополий.

«Регулирующие» мероприятия буржуазного государства прежде всего создают особо благоприятные условия для крупнейших монополий, получающих львиную долю от правительственных заказов, связанных как с чисто военными расходами, так и с реализацией всевозможных проектов «общественных работ». Так, например, в США во время второй мировой войны $\frac{3}{4}$ всех военных заказов (по стоимости) были сконцентрированы в руках сотни монополистических корпораций. Фактически такое раздувание правительственных заказов означает создание гарантированного рынка и высоких прибылей для крупнейших монополий.

¹⁹ H. Moulton and Others. Financial Organisation and the Economic System. 1938, p. 476.

²⁰ William Z. Foster. The Two Variants of Keynesianism. «Political Affairs», January 1949, p. 55.

¹⁶ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 154.

¹⁷ Там же.

¹⁸ A. C. Pigou. The Theory of Unemployment. L., 1933, p. 243.

Монополии используют в своих интересах не только субсидии, дешевый кредит и гарантированный рынок, но и самое расширение государственных инвестиций. Яркую иллюстрацию этого процесса дает опять-таки американская практика во время второй мировой войны. Американские монополии предпочли переложить на государственный бюджет издержки строительства военных предприятий. Из 25,8 млрд. долл. новых капитальных вложений в обрабатывающую промышленность (с июня 1940 по июнь 1945 г.) 17,2 млрд. долл. вложило государство. Из созданных государством заводов около $\frac{2}{3}$ предприятий, стоимостью в 11,2 млрд. долл., было передано в эксплуатацию в основном крупнейшим трестам и концернам на началах аренды. После окончания второй мировой войны американское правительство продало за бесценок большинство этих предприятий тем же монополиям. Такую же практику осуществляли, хотя и в меньших масштабах, английские монополии. Только Имперский химический трест (ICJ) построил за счет государства заводы вооружения и военных материалов на сумму 61 млн. ф. ст. Всего за годы войны английское правительство вложило в промышленное строительство около 1 млрд. ф. ст. Как уже было указано в гл. 3, значительная часть построенных за счет государства заводов после окончания войны была передана лейбористским правительством монополиям.

«Возврат к состоянию уверенности», выражаясь словами Кейнса, осуществляется многообразными путями, но все они имеют одно общее содержание и одну общую цель — обеспечение наивысших прибылей монополиям за счет государственных заказов и субсидий, т. е. в конечном итоге за счет средств налогоплательщиков. Это новый метод перераспределения народного дохода в пользу монополий и усиления эксплуатации трудящихся.

Кейнс всячески стремится запутать вопрос об источниках финансирования государственных заказов, представить дело так, будто основным источником этого финансирования являются не доходы трудящихся, взимаемые с них в виде налогов, а «сбережения» капиталистического класса, которые при отсутствии государственных заказов якобы не могут быть использованы для производственных целей. Апологетический маневр идеолога империализма Кейнса сводится к тому, чтобы «доказать», будто в условиях военной экономики (ибо государственные заказы при капитализме в основном имеют военный характер) в результате применения ранее бездействовавших капиталов достигаются использование новых производственных мощностей и вовлечение в производство новой рабочей силы, отчего-де выигрывает хозяйство страны в целом и что выгодно якобы всем классам населения, как капиталистам, так и трудящимся.

Капиталистическая действительность полностью опровергает нарисованную Кейнсом схему финансирования государственных заказов. Непосредственным источником этого финансирования яв-

ляется, как известно, государственный бюджет. Основным источником поступлений в доходную часть бюджета капиталистических стран являются налоги. В то время как налоги на трудящихся непрерывно возрастают, капиталисты различными путями фактически освобождаются от уплаты налогов. Вносимые капиталистами налоги возвращаются им в виде различных правительственных субсидий, переплат на военных заказах, официально разрешаемого повышения цен на выпускаемую ими продукцию и т. д. В результате бремя по финансированию государственных заказов несут трудящиеся. Таким образом, источником государственных заказов является не какая-то вновь созданная покупательная способность, а перераспределение национального дохода в результате перекачки средств из карманов трудящихся в государственный бюджет, а оттуда — в сейфы монополий. Рост государственного финансирования происходит за счет сокращения потребления основной массы населения, что еще больше обостряет противоречие между производственными возможностями капитализма и платежеспособным спросом населения. Это в конечном счете не может не привести к острейшим экономическим кризисам.

Своей теорией кризисов Кейнс пытается внушить иллюзию о возможности предупреждения кризисов в условиях «регулируемого капитализма». В действительности же рост государственно-монополистического капитализма имеет своим результатом еще большее обострение экономических кризисов. «Контроль» над экономикой в условиях капитализма отнюдь не устраняет капиталистической анархии производства: ожесточенная конкуренция между монополиями продолжает свирепствовать, принимая лишь более замаскированные формы. Государственно-монополистический капитализм неразрывно связан с усилением эксплуатации трудящихся, с ростом обнищания народных масс, с обострением противоречия между возможностями производства и узким базисом потребления. Наконец, государственно-монополистический капитализм обычно переплетается с усилением милитаризации хозяйства; он в конечном счете ускоряет наступление военных конфликтов, приводящих к разорению и упадку экономики капиталистических стран и к еще большему обнищанию трудящихся.

Вся экономическая история периода общего кризиса капитализма служит наглядным подтверждением тому, что рост государственно-монополистического капитализма отнюдь не устраняет и не может устранить кризисов перепроизводства.

Марксистско-ленинская политическая экономия неопровержимо доказала, что контроль над общественным производством совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается платоническим благопожеланием. Практические предложения Кейнса в духе «регулируемого капитализма» представляют собой реакционную утопию, ибо подлинное управление общественным производством осуществимо только в

социалистическом обществе. Только социалистическое общество, опирающееся на основной экономический закон социализма, в состоянии организовать планомерное развитие народного хозяйства и обеспечить действительно бескризисное развитие.

2. РАЗВЯЗЫВАНИЕ ИНФЛЯЦИИ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА — СУТЬ «АНТИКРИЗИСНЫХ» ПРОЕКТОВ

Как ни разнообразны выдвигаемые различными буржуазными экономистами «антикризисные» проекты, все они имеют две общие черты: во-первых, они непременно связаны с раздуванием государственного бюджета, таящим в себе опасность инфляции; во-вторых, на практике они неизбежно выливаются в мероприятия, связанные с милитаризацией хозяйства, с подготовкой к войне. Создание военно-инфляционной конъюнктуры составляет основное содержание всех «антикризисных» проектов.

Руководящей идеей большинства «антикризисных» проектов является искусственное стимулирование общественного спроса за счет государственных финансов. Эта идея неразрывно связана с утверждением о том, что нет надобности соблюдать строгое соответствие между приходной и расходной частью государственного бюджета, что в интересах «антикризисной» политики можно смело идти на раздувание государственных расходов, на любой бюджетный дефицит. Такого рода политика неизбежно ведет к инфляции.

В наиболее обнаженной и карикатурной форме эта идея выражена у кейнсианца Михаэля Поляни²¹. Суть его теории сводится к следующему. Кризис обусловлен недостаточными размерами платежеспособного спроса, что в свою очередь объясняется тем, что в распоряжении населения недостаточно денежных средств. Для преодоления экономических кризисов нужно увеличить количество денег в обращении.

Итак, все получается очень просто: буржуазное государство, по Поляни, может легко устранить экономические кризисы путем регулирования денежного обращения. Поляни упускает только «мелочь» — увеличение выпуска денег может вызвать их обесценивание, в результате чего покупательная способность населения не только не увеличится, но даже снизится. В конечном счете в результате мероприятий, предложенных Поляни, противоречие между производственными возможностями капитализма и ограниченными масштабами потребительского спроса должно обостриться.

Поляни пытается замаскировать тот факт, что осуществление его рецепта прямым путем ведет к инфляции. С открытой защитой инфляции, неразрывно связанной с огромным ростом государственных расходов, не рискуют выступить даже наиболее изощрен-

ные буржуазные фальсификаторы. Инфляция, имевшая место после первой мировой войны, оставила после себя самые мрачные воспоминания. Достаточно вспомнить об исключительной по своей разрушительной силе инфляции в Германии в 1923 г. В Англии инфляция не приняла таких масштабов, как в Германии, но и там она оказалась весьма интенсивной. К 1920 г. в Англии количество бумажных денег превышало в 16 раз количество банкнот в 1914 г., а индекс цен поднялся больше чем в 3 раза.

Инфляция по ряду причин выгодна монополистическому капиталу. Она является важным средством наступления на жизненный уровень рабочего класса. Вызывая рост товарных цен, инфляция снижает реальную заработную плату, усиливает эксплуатацию рабочих, увеличивает прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистами.

Далее, инфляция является мощным средством централизации капиталов. Это дает возможность крупнейшим монополиям расширять свой контроль и поглощать массу мелких и средних предприятий. Инфляция вызывает массовое разорение мелких рантье. Как известно, инфляция влечет за собой некоторый выигрыш для должников за счет кредиторов, для производительного капитала за счет ссудного. Финансовая олигархия заинтересована также в инфляции как средстве усиления конкурентоспособности данной страны на мировом рынке. В целом финансовая олигархия обогащается за счет инфляции.

Однако инфляция выгодна финансовым магнатам лишь до известного предела. Инфляционные процессы, постепенно усиливаясь, в конечном счете приводят к развалу народного хозяйства. Они разрушают внутренний товарооборот, подрывают кредит, самым сильным образом ограничивают накопление капитала. На определенной ступени инфляции всякий капитал, оказавшийся в денежной форме, очень быстро обесценивается. На этой почве возникает тенденция к замораживанию капиталов: накопленные капиталы уходят из оборота, тесаврируются в каком-либо ценном имуществе (недвижимости, драгоценностях и т. д.). По мере разветвления инфляции снижается ее финансовый эффект. История денежного обращения знает случаи, когда печатание бумажных денег стоило дороже, чем результат эмиссии. Наконец, — и это является важнейшим результатом, — инфляция вызывает такое обострение социальных противоречий в связи с гигантским обнищанием рабочего класса и массовым разорением мелкой буржуазии, которое создает угрозу самому существованию капиталистического строя.

Финансовая олигархия заинтересована в «умеренной» инфляции, которая дала бы возможность обогащения монополий и снижения жизненного уровня рабочих, не приводя в то же время к развалу народного хозяйства, создающего угрозу прибылям монополий и чреватого опасностью революционного взрыва.

²¹ Michael Polanyi, Full Employment and Free Trade. Cambridge, 1948.

Отражая эти интересы монополистического капитала, современные буржуазные экономисты, в частности Кейнс, пытаются сеять иллюзию о возможности удержать инфляцию в «разумных» границах, о возможности осуществления «контролируемой» или «планируемой» инфляции. Эта иллюзия составляет основное содержание кейнсианской «теории управляемой валюты», неразрывно связанной с его проповедью увеличения государственных расходов.

Вся история денежного обращения капиталистических стран дает многочисленные иллюстрации, демонстрирующие полное бессилие буржуазных правительств регулировать по своему желанию процесс инфляции. В действительности сами буржуазные правительства оказываются игрушкой слепых стихийных законов капиталистического производства и обращения. Попытки удержать инфляцию на каком-то «разумном уровне» всегда кончаются провалом. Достаточно обратиться к современной действительности США и Англии, не говоря уже о Франции, Италии и других капиталистических странах, где обесценение денег приняло катастрофические размеры. Инфляция все усиливается в ведущих капиталистических странах мира.

«Теория управляемой валюты» представляет собой такую же разновидность «учения о плановом капитализме», как и «теория бескризисного капитализма». «Теория управляемой валюты» основана на заведомо ложной предпосылке о возможности сознательного управления в буржуазном обществе процессом ценообразования. Действующий в буржуазном обществе закон конкуренции и анархии производства, господство стихийного закона стоимости исключают возможность сознательного управления общественным производством и тем самым — ценами. Стихийные колебания цен представляют собой единственный механизм, регулирующий капиталистическое производство.

Стихийный характер капиталистического производства неизбежно приводит к тому, что экономические законы проявляются как слепая, принудительная необходимость, господствующая над людьми. Одним из проявлений этих слепых стихийных закономерностей является «власть денег».

Стихийный характер законов денежного обращения буржуазного общества проявляется в определяющей роли золота как основы денежного обращения. К. Маркс писал, что золото отличается «лишь как самостоятельное воплощение, как выражение общественного характера богатства... Следовательно, это его общественное бытие проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет бесперебойно, это забывается. Кредит, также общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолетным и идеаль-

ным, простым представлением. Но как только кредит потрясен, — а эта фаза неизбежно наступает в цикле современной промышленности, — все реальное богатство должно вдруг быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро... с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится уничтожить эту металлическую границу — эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова и снова разбивает себе голову об эту границу»²².

Для того чтобы обосновать совершенно иллюзорное представление о возможности создания «управляемой валюты», Кейнс стремится развенчать роль золота. Он объявляет золотой стандарт «варварской реликвией». Как в обосновании других своих догм, Кейнс и здесь пользуется избитыми аргументами в духе номиналистической теории денег, давно опровергнутой Марксом. Чего стоит одна ссылка на то, что золото вытесняется и сходит на нет как денежный материал, заменяясь знаками денег. В действительности стоимость денежных знаков в странах капитала определяется стоимостью представляемого ими золота.

То, что буржуазные экономисты называют «управляемой валютой», есть бумажно-денежная валюта, подверженная всем стихийным закономерностям капиталистического денежного обращения. В период общего кризиса капитализма в связи с обострением общей неустойчивости экономического положения усилилась неустойчивость денежных систем капиталистических стран. Резко обострилась неравномерность в распределении золотых запасов. Это нашло свое отражение в наличии ряда валют с недостаточным золотым обеспечением. Произошло значительное сближение банкнот с бумажными деньгами. Дело не только в том, что все капиталистические страны с 30-х годов перешли к системе неразменных банкнот, но и в том, что изменился характер вексельного покрытия, изменился характер самих векселей, из орудия коммерческого кредита ставших в значительной мере средством финансирования капиталистических монополий.

Исключительный по силе валютный кризис, сопровождавший мировой экономический кризис 1929—1933 гг., с полной очевидностью показал растущую неустойчивость денежного обращения капиталистических стран. Весьма знаменателен тот факт, что наиболее богатые капиталистические страны уже после того, как прошел кризис 1929—1933 гг., оказались неспособными вернуться к нормальному для капитализма денежному обращению, т. е. к системе золотого стандарта.

Послевоенная инфляция, девальвация валют, проведенная осенью 1949 г. в более чем 30 государствах, является новой яркой

²² К. М а р к с. Капитал, т. III, стр. 587—588.

иллюстрацией неустойчивости денежного обращения современного капитализма.

Вместе с тем в капиталистическом мире обостряется борьба за золото, вопреки заклинаниям буржуазных экономистов о необходимости освободиться от «золотой цепи». Особая чуткость валютных курсов к передвижению золота служит новым подтверждением того бесспорного факта, что так называемая «управляемая валюта» тесно связана с золотом, базируется на нем. Как никогда капиталистический мир ищет спасения от всеобщего банкротства в попытке сохранить абсолютную стоимость, денежный товар. Золотые фонды представляют собой одно из важнейших средств борьбы между капиталистическими державами и резервы на случай войны.

«Теория управляемой валюты» не нова. Она воспроизводит иллюзии о возможности исцеления всех бедствий капитализма при помощи печатного станка — иллюзии, пасаждавшиеся еще со времени авантюриста XVIII в. Джона Лоу различными шарлатанами. В период общего кризиса капитализма эта теория выполняет новую функцию: ею пытаются успокоить рабочих обещаниями о возможности предупредить кризисы и ослабить безработицу путем увеличения государственных расходов, умалчивая, что это неминуемо ведет к инфляции.

«Теория управляемой валюты» направлена на то, чтобы укрепить английскую валютную систему в ее борьбе с долларом. Свою слабость по сравнению с США Англия пытается компенсировать созданием замкнутой валютной зоны, где основой расчетов служил бы бумажный фунт. Стерлинговый блок является одной из важнейших экономических основ Британской империи.

Стремление расширить и укрепить стерлинговую зону приобретает для Англии особое значение в связи с дефицитом платежного баланса и острым недостатком в долларах. «Регулирование валюты», проповедуемое английскими буржуазными экономистами, приобретает, таким образом, определенный смысл как метод борьбы экономически более слабой империалистической страны против главного держателя золота — США. Теоретическая борьба против золотой основы денежного обращения отражает борьбу английского империализма против американского, располагающего наиболее крупными золотыми запасами.

После второй мировой войны произошло некоторое изменение демагогических приемов буржуазных экономистов, включая правых лейбористов, по вопросам денежного обращения. Инфляционные процессы получили в этот период несравненно более сильное развитие, нежели в период между двумя мировыми войнами. Инфляция превратилась в бич для трудящихся, снижая все сильнее их жизненный уровень. Стало неудобным выступать с откровенной защитой даже «умеренной инфляции», «регулируемой инфляции». Для послевоенного периода поэтому характерно пре-

обладание активной антиинфляционной демагогией. В частности, для того чтобы продемонстрировать отход от прежней политики, лейбористское правительство пожертвовало в 1947 г. канцлером казначейства Дальтоном, проповедовавшим политику «дешевых денег», т. е. развязывание инфляции. Заменявший Дальтона Криппс объявил на словах курс на ликвидацию инфляции. Однако в действительности произошла смена лишь демагогических приемов, а не какое-либо изменение реальной политики. Лейбористское правительство по-прежнему и в еще больших масштабах осуществляет мероприятия, которые привели к развязыванию инфляции. Эти же мероприятия продолжает проводить и нынешнее консервативное правительство. К числу таких мероприятий следует прежде всего отнести раздувание военного бюджета.

Поддерживая инфляционную практику, буржуазные экономисты предпочитают маскировать ее антиинфляционной демагогией. Последняя рассчитана на то, чтобы внушить рабочим мысль о недопустимости борьбы за повышение денежной заработной платы. Рабочих одурачивают теорией, провозглашающей повышение заработной платы главным источником инфляции. Как уже было показано в предыдущей главе, смысл этой антиинфляционной демагогии состоит в оправдании политики замораживания заработной платы.

В американской экономической литературе защита инфляционистской политики получила несколько иное преломление, нежели в Англии, в связи с особенностями экономического положения США. По вполне понятным причинам в США нет почвы для попыток номиналистического развенчания золота, ареной которых стала Англия. В США, где государственный долг после второй мировой войны достиг гигантских размеров (в конце 1952 г. он составил сумму в 266,9 млрд. долл.), буржуазные экономисты выступают с проповедью бюджетного дефицита и восхвалением народнохозяйственной роли государственного долга. В американской литературе возникла новая «философия государственного долга», согласно которой последний трактуется как фактор, благоприятствующий экономике, усиливающий богатство страны, разрешающий социальные противоречия. Эта теория, возникшая на американской почве, оказала отраженное влияние на английскую литературу.

За дивирамбами в защиту увеличения государственных расходов и роста государственного долга скрывается защита интересов воротил финансового капитала, наживающих огромные прибыли на государственных заказах и на операциях по государственному кредиту. Буржуазные апологеты тщательно обходят тот основной факт, что рост государственного долга по-разному влияет на положение отдельных классов. На трудящихся, составляющих основную массу налогоплательщиков, падают все финансовые тяготы. Уже сейчас налогоплательщики в США уплачивают ежегодно в виде процентов по государственному долгу громадную сумму в 5625 млн.

долл., которая превышает более чем в 20 раз расходы на просвещение и социальное обеспечение, вместе взятые. За последние 20 лет государственный долг в США вырос почти в 15 раз. Параллельно росту государственного долга бремя прямых налогов с населения за последние 15 лет увеличилось почти в 13 раз (с учетом обесценения доллара). Тяжесть этого бремени ложится в основном на плечи трудящихся.

В Англии государственный долг также вырос в огромных размерах: с 7783 млн. ф. ст. в 1939 г. до 23 095 млн. в 1945 г. После войны он продолжал возрастать, достигнув в 1952 г. колоссальной суммы в 30,6 млрд. ф. ст.²³ Одних процентов по государственному долгу ежегодно выплачивается свыше 500 млн. ф. ст.

Рост государственного долга выступает как средство усиления угнетения и эксплуатации трудящихся. Еще в 1853 г. К. Маркс писал: «Народ хорошо знает, испытав это на своем собственном кармане, каким бременем являются налоги, вызванные государственным долгом... «Государство» — это воплощение совместного господства объединившихся земельных и денежных магнатов — нуждается в деньгах для того, чтобы осуществлять угнетение внутри страны и за ее пределами. Оно занимает деньги у капиталистов и ростовщиков и выдает им взамен клочок бумаги, которым обязуется уплачивать определенную сумму в виде процентов за каждые 100 ф. ст., взятые займы. Средства для выплаты этих денег оно выжимает из рабочего класса посредством налогов и, таким образом, народ является поручителем за своих угнетателей перед людьми, которые ссужают этим угнетателям деньги для того, чтобы они душили народ»²⁴. Эта прекрасная характеристика классовых функций государственного долга в капиталистических странах целиком применима и в наши дни.

Рост государственного долга в гигантских масштабах, осуществляемых ныне в США и Англии, является фактором, способствующим развертыванию инфляции. Он переносит рынок платежными средствами и ведет к увеличению государственных расходов, покрываемых в известной мере эмиссией бумажных денег.

В основе «теории управляемой валюты» и новой «философии государственного долга» лежит одна общая иллюзорная попытка — искусственным форсированием роста государственных расходов за счет бюджета заполнить брешь, вызванную недостаточным спросом, в основе которого лежит растущее обнищание масс.

Само собой разумеется, что государственные расходы, рост которых столь усиленно прокламируется буржуазными экономистами, ни в какой степени не направлены на улучшение положения трудящихся и на развитие отсталых отраслей. Такой цели у государства финансовых монополий нет и быть не может.

В эпоху империализма наиболее соответствующей потребностям финансового капитала сферой использования растущих государственных расходов является применение их для военных целей. Яркой иллюстрацией этому являются бюджеты современных империалистических государств²⁵. Если развязывание инфляции является одной стороной «антикризисной» политики, то раздувание военных расходов есть другая сторона этой политики.

В условиях общего кризиса капитализма монополии ищут выхода из экономического кризиса в войне как средстве передела территории, рынков, отдушины для сбыта избыточных товаров. Военная подготовка и тем более война рассматриваются монополиями как наиболее крупный, доходный и гарантированный рынок. «Лучше война, чем кризис», — излюбленный лозунг, все чаще повторяющийся в современной буржуазной прессе.

Все это является ярким подтверждением загнивания капитализма, его реакционности, несовместимости с интересами огромного большинства человечества.

Уже во время кризиса 1929—1933 гг. наряду с действием внутренних сил капитализма военно-инфляционная конъюнктура сыграла существенную роль в выходе из кризиса некоторых стран, например Японии. По этой же причине Германия не была затронута, а Италия и Япония были слабо затронуты экономическим кризисом 1937—1938 гг. Военно-инфляционная конъюнктура имеет место на всем протяжении послевоенного периода и особенно усилилась в связи с интервенцией американского империализма в Корею.

Государственно-монополистический капитализм, составляющий основное содержание «теории регулируемого хозяйства», тесно связан с ростом милитаризма. Он используется прежде всего для военной подготовки, для мобилизации всех хозяйственных ресурсов на нужды войны, он получает свое наибольшее развитие именно во время войны. Кейнсовская концепция «регулируемого хозяйства» имеет особую ценность для обоснования всяких программ милитаризации хозяйства.

«Общая теория занятости» Кейнса подводит «базу» под программу гонки вооружений и милитаризации хозяйства. Не случайно Кейнс в качестве первопричины экономических трудностей выдвигает недостаток общественного спроса и в качестве главного противоядия предлагает искусственное форсирование спроса путем государственных мероприятий. Тем самым расчищается почва для наиболее излюбленной финансовым капиталом формы государственных затрат — военных расходов.

В «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнс, желая сохранить видимость объективного ученого, тщательно обходит

²⁵ Данные по этому вопросу для Англии приводились в гл. 1.

²³ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник. М., 1952, стр. 159.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 45.

вопрос о причинах войн. Но и в этой книге у Кейнса нередко прорывается мысль о войне как важнейшем факторе, стимулирующем рост общественного спроса. «Если не считать периода войны, — пишет Кейнс, — то едва ли мы имели за последнее время какой-нибудь бум настолько сильный, чтобы он привел к полной занятости»²⁶.

Еще более категорически Кейнс высказывается в журнальных статьях. Так, в одной из своих статей Кейнс писал, что в США «полная занятость» осуществима только при наличии военных условий²⁷.

В Англии перевод хозяйства на военные рельсы стал осуществляться позже, чем в Германии, Японии, Италии. Проблемы военного хозяйства стали усиленно обсуждаться в английской литературе во второй половине 30-х годов. Особое внимание буржуазных английских экономистов привлекал вопрос о влиянии военных заказов на безработицу. Кейнс откликнулся на эту проблему в апреле 1939 г. двумя статьями в «Тайме» (17 и 18 апреля), в которых он восторженно расписывал роль громадных военных заказов как средств достижения «полной занятости». По расчетам Кейнса получалось, что военные заказы потребуют вовлечения в производство в ближайшее время около 1,5 млн. человек. Даже с учетом перспектив удлинения рабочего дня, по расчетам Кейнса, приведенным в указанных статьях, потребовалось бы свыше 1 млн. человек. В обстановке жестокой безработицы, царившей в Англии в 30-х годах, такого рода расчеты были широко использованы защитниками раздувания военного бюджета.

Проповедь Кейнса о роли войны как фактора оживления конъюнктуры была охотно подхвачена господствующими классами. Эта проповедь стала одним из лейтмотивов современной буржуазной экономической литературы.

Военные мотивы определили содержание и направление программы «общественных работ», играющих крупную роль во всех «антикризисных» проектах. В буржуазной литературе было выдвинуто немало проектов использования «общественных работ» в качестве мнимого стабилизатора конъюнктуры. Согласно этим проектам объем «общественных работ» должен быть приспособлен к различным фазам цикла с таким расчетом, чтобы восполнить недостаток «частнохозяйственной активности». Иными словами, буржуазными прожектерами предполагается, что «общественные работы» должны производиться в сокращенном масштабе во время промышленного подъема и получать наибольшее развитие во время кризисов.

Не требует подробных доказательств, что подобного рода мероприятия в лучшем случае являются только жалкими паллиатива-

ми. Расширение «общественных работ» во время кризиса может обострить и без того тяжелое положение производства. Рост государственных и муниципальных инвестиций может и должен привести в конечном счете к росту товарной продукции, к росту общественного предложения. Если бы публичные инвестиции были сосредоточены в таких отраслях, как металлургия, машиностроение, текстильная и т. д., то рост публичных предприятий означал бы неизбежный рост конкуренции последних с частнокапиталистическими предприятиями тех же отраслей. Неудивительно, что современное буржуазное государство направляет публичные инвестиции в те отрасли, куда неохотно идет частный капитал (в связи с длительным оборотом основного капитала или с опасением, что эти производства придется свертывать после отпадения военной конъюнктуры). «Общественные работы» бессильны предотвратить или сколько-нибудь смягчить кризис. Но они используются для другой цели — для военной подготовки. Английские авторы — Бретертон, Бурхардт и Ротерфорд, — написавшие большую книгу о публичных инвестициях, откровенно пишут, что наиболее приемлемыми для капитала и наиболее целесообразными сооружениями и «общественными работами», связанными с военными сооружениями и вообще с военной подготовкой. И вот почему: во-первых, эти работы всегда встречают сочувствие «делового мира»; во-вторых, при проведении такого рода работ государство имеет «свободу рук», может осуществлять любое перемещение производительных сил, апеллируя к соображениям национальной безопасности²⁸, т. е. осуществлять в наиболее бесцеремонной форме волю военных концернов.

Не случайно в программах «общественных работ» столь большое место занимают, с одной стороны, дорожные работы, с другой — работы по строительству мощных электростанций. Так, например, одним из важнейших моментов программы «общественных работ» в США в 30-х годах было сооружение мощных электростанций в долине реки Теннесси. В период второй мировой войны государственные электростанции служили источником энергии для налаживания производства атомных бомб.

Капиталистическое производство придает «общественным работам» одностороннее, преимущественно военное направление, соответствующее интересам монополистических групп.

При рассмотрении вопроса об «общественных работах» необходимо учесть еще один важный момент — характер их финансирования. Источником их финансирования является государственный бюджет. Классовая политика, проводимая империалистическим государством в области налогов, приводит к тому, что основное бремя по финансированию «общественных работ» несут трудящиеся. В тех же случаях, когда эти работы финансируются за счет

²⁸ R. F. Bretherton and Others. Public Investment and the Trade Cycle in Great Britain. Oxford, 1941, p. 81.

²⁶ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 312—313.

²⁷ J. M. Keynes. How to Pay for Defense. «New Republic», July 29, 1940.

займов, это неизбежно влечет за собой рост государственного долга со всеми вытекающими отсюда последствиями. В конечном счете основными методами покрытия расходов на «общественные работы» являются или возросшие налоги, или эмиссия бумажных денег. В том и другом случае снижается покупательная способность населения, обостряется противоречие между ростом производственных возможностей и сокращением платежеспособного спроса трудящихся.

От «общественных работ» больше всего выигрывают монополии, получающие дополнительные заказы на строительные материалы, оборудование и т. д. Что касается трудящихся, то на их плечи падает основное бремя возросших финансовых тягот. Известно, что попытка Рузвельта ограничить безработицу при помощи «общественных работ» (30-е годы) дала весьма ничтожные результаты.

Для того чтобы внушить рабочим иллюзию о чудодейственном значении «общественных работ» как «антикризисного» мероприятия, современные буржуазные экономисты пытаются использовать учение Кейнса о так называемом мультипликаторе. Под «инвестиционным мультипликатором» Кейнс понимает индекс, показывающий, «насколько данное увеличение инвестиций увеличит спрос в целом»²⁹.

Современные буржуазные экономисты изощряются в подсчетах «мультипликатора». По расчетам Кейнса, «мультипликатор», например, в Соединенных Штатах равен приблизительно $2\frac{1}{2}$. Это значит на его языке, что если вовлечь в производство определенное число рабочих, получающих 1 млн. долл., то это даст возможность вовлечь в производство дополнительно еще большее число рабочих в результате роста общественного спроса со стороны дополнительных рабочих.

Все эти расчеты «мультипликатора» построены на песке. Они основаны на догме Адама Смита, т. е. на сведении стоимости к доходам, на игнорировании постоянного капитала. Ход рассуждений Кейнса таков: если бы весь общественный доход целиком расходовался на личное потребление, то вовлечение в производство дополнительных рабочих могло бы вызвать бесконечный рост общественного спроса. Для обслуживания дополнительных рабочих с заработной платой в 1 млн. долл. и капиталистов, применяющих этих рабочих, потребуется столько же дополнительных рабочих с заработной платой опять-таки в 1 млн. долл. Для обслуживания второй группы дополнительных рабочих потребуется третья группа и т. д. Но поскольку, рассуждает Кейнс, получатели дохода потребляют только часть дохода, постольку каждая последующая группа дополнительных рабочих должна быть меньше предыдущей, в итоге получается ряд убывающей прогрессии. Применяя формулу суммы членов убывающей прогрессии, Кейнс рассчиты-

вает коэффициент возрастания производного спроса, связанного с вовлечением дополнительных рабочих.

Достаточно сделать только поправку на высокое органическое строение капитала для того, чтобы убедиться, насколько фальшивы все эти расчеты. Для обслуживания дополнительных рабочих, вовлеченных в производство и получающих 1 млн. долл. в качестве заработной платы, может потребоваться ничтожное количество рабочих. В условиях общего кризиса капитализма следует сделать поправку на громадные товарные запасы, на хроническую недогрузку производственных мощностей. Все это позволяет обслужить спрос дополнительных рабочих с минимальным вовлечением новой дополнительной рабочей силы. Только вовлечение в производство очень большого количества дополнительных рабочих может дать толчок для сколько-нибудь заметного расширения производства предметов потребления. Но в том-то и дело, что в условиях общего кризиса капитализма, при наличии тенденции к росту массовой хронической безработицы, такая возможность исключена. В условиях общего кризиса капитализма новые инвестиции сопровождаются, как правило, ростом безработицы, которая быстрее увеличивается в отраслях, производящих предметы потребления, демонстрируя тем самым полную несостоятельность «теории мультипликатора».

Учение о «мультипликаторе» ставит своей целью показать, что для воспроизводства общественного капитала безразличен характер использования государственных расходов. Последние могут быть использованы на самые безрассудные мероприятия. По мнению буржуазных сикофантов, важно лишь то, что дополнительный рост государственных расходов, в какой бы форме он не был произведен, стимулирует производство предметов потребления для дополнительных рабочих, создающее в свою очередь все новые и новые стимулы для дальнейшего расширения производства. Вся эта «аргументация» строится на таком раздувании производных моментов, связанных с обслуживанием дополнительных рабочих, которое, по замыслу автора, должно заслонить первоначальные непроизводительные расходы. Подобный фальсификаторский прием оправдывает любую форму непроизводительных расходов, и прежде всего военных расходов, и используется для восхваления войны как фактора, якобы стимулирующего рост материального производства. То, что война, развивая производство средств разрушения, придает народному хозяйству односторонний характер, сознательно замалчивается учеными прислужниками империализма. Зато они на все лады расписывают то стимулирующее влияние, которое якобы оказывает на производство обслуживание дополнительных рабочих, занятых на военных предприятиях.

Положение Кейнса о роли войны как фактора оживления конъюнктуры составляет основу «антикризисных» проектов, предлагающих внести некоторые коррективы в организацию сферы обра-

²⁹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 291.

ния. В этом духе построено, например, предложение Хоутри об огосударствлении оптовой торговли³⁰. Хоутри для обоснования своего предложения ссылается на то, что в этом случае государство сможет контролировать предложение любого индустриального продукта. К такого же типа проектам в духе меновой концессии следует отнести предложение, поддерживаемое Бевериджем, об организации государством оптовой закупки товаров и продаже их по устойчивым ценам. Суть этого предложения сводится к тому, что государство во время кризиса должно покупать в больших количествах избыточные товары по устойчивым ценам для образования запасов, с тем чтобы реализовать эти запасы в фазе подъема по таким же устойчивым ценам. Иными словами, на государство возлагается задача стабилизации цен и конъюнктуры путем восполнения недостатка спроса (во время кризиса) или предложения (во время подъема).

Совершенно очевидна полная несостоятельность этих абсурдных проектов в качестве средства борьбы с кризисами. Ясно, что при сохранении частнокапиталистической собственности производство целиком остается в руках капиталистических предпринимателей и все законы капиталистической анархии производства полностью сохраняют свою силу. Следовательно, полностью сохраняются все причины, ведущие к экономическим кризисам. Огосударствление торговли в этих условиях ни в малейшей степени не может оказать влияния на объем капиталистического производства, определяемый погоней капиталистов за высокой прибылью, ни воздействовать на динамику общественного потребления. Если бы даже было проведено огосударствление торговли, то возможности ее воздействия на капиталистическое производство были бы крайне ничтожны. Мощные монополии, господствующие в важнейших отраслях, по-прежнему диктовали бы свои цены. Монополии, имея в своем подчинении государственный аппарат, по-прежнему использовали бы органы огосударственной оптовой торговли для проведения своей политики цен. Огосударствление оптовой торговли ни в коей мере не устраняет анархии капиталистического производства. При этих условиях конкуренция не исчезнет: она примет форму борьбы за заказы для огосударственной торговли. В этой борьбе победят наиболее сильные монополии, которые фактически будут диктовать свои условия государственным торговым организациям. Диктатура монополий не будет устранена, а примет лишь более замаскированные формы. Ясно, что никакая организация торговли не в состоянии устранить капиталистические противоречия, если в производстве продолжают господствовать капиталисты.

Совершенно очевидна и несостоятельность предложений о создании государственных товарных запасов во время кризиса. Это

³⁰ R. G. Hawtrey. *Economic Destiny*. 1944, p. 354—356; его же. *Economic Rebirth*. 1946, p. 113—116.

очень «легкий» способ разделаться с кризисом путем закупки государством всех избыточных товаров. Непонятна лишь одна «мелочь»: откуда государство возьмет средства для закупки такой гигантской массы товаров. Если государство будет черпать средства за счет налогов, то это вызовет такое усиление налогового пресса, которое приведет к небывалому обострению экономического кризиса. Если государство прибегнет к печатному станку, то это ввергнет народное хозяйство в разрушительную инфляцию. Если даже допустить на минуту, что государство, закупив огромную массу товаров, справилось бы с этими функциями в фазе кризиса, то при массовой распродаже накопленных товарных масс в фазе оживления и подъема возник бы новый экономический кризис. Иными словами, этот рецепт даже в лучшем случае привел бы лишь к отсрочке экономического кризиса.

Узкие рамки капиталистического рынка нельзя преодолеть тем, что реализация избыточной массы товаров переносится с одного срока на другой, из одной фазы цикла в другую. Все расчеты проектеров подобного рода строятся на том, что в самом начале кризиса, при помощи сравнительно небольших закупок, удастся преодолеть панику и создать уверенное, бодрое настроение у предпринимателей, т. е. строятся на том, что кризисы вызываются психологическими факторами, сменой настроений предпринимателей, что если во-время преодолеть волну пессимистических настроений, то все остальное приложится. «Психологическая теория кризисов» воспроизводит в экономической области пресловутую медицинскую теорию Куэ, суть которой заключается в том, что больного нужно лечить путем внушения ему, что он здоров. Смысл «антикризисных» проектов сводится к тому, чтобы внушить предпринимателям, что все обстоит благополучно.

Предложения об огосударствлении оптовой торговли и о скупке государством избыточных товаров как средство борьбы с экономическими кризисами имеют, как выше было показано, совершенно вздорный характер. Но эти предложения имеют другой, тщательно замаскированный смысл, непосредственно связанный с программой милитаризации хозяйства и подготовки войны. В основе предложения об огосударствлении оптовой торговли лежит стремление превратить работу на государственный заказ в универсальный принцип промышленности, т. е. создать для последней гарантированный государством рынок в виде военных заказов.

Что же касается предложений о скупке государством избыточных товаров, то они могут иметь лишь один практический смысл, а именно: создание запасов стратегического сырья, в виде нефти, алюминия, олова, других цветных металлов и т. д. Создание таких запасов составляет один из важнейших элементов военной программы империалистов.

Английское правительство затрачивает огромные средства на создание запасов стратегического сырья.

В английской буржуазной прессе пропагандируется положение, что запасы стратегического сырья для Англии должны быть относительно большими, нежели для США. Для подкрепления этого тезиса английские империалисты ссылаются на большую зависимость Англии от внешней торговли и тем самым на большую уязвимость ее экономики.

Военные мотивы составляют основное содержание программы «социализации спроса» Бевериджа. Эта программа широко рекламируется в буржуазной литературе в качестве панацеи от экономических кризисов. Суть проекта Бевериджа сводится к тому, что государство, располагая всеми имеющимися в его распоряжении средствами, должно регулировать общую сумму расходов в обществе, чтобы обеспечить спрос на таком уровне, при котором стала бы возможна «полная занятость». При этом частная собственность капиталистических предпринимателей остается в полной неприкосновенности.

Весьма характерно, что Беверидж пытается подкрепить свою программу ссылкой на опыт войны, когда государство потребляло огромную долю продукции. Он предлагает перенести этот военный опыт на экономику мирного периода.

Предложение Бевериджа о «социализации спроса» имеет тщательно замаскированный автором смысл: сохранить и в мирное время военную подготовку в таких больших масштабах, которые практически означают перевод хозяйства на военные рельсы.

Военные мотивы, как мы видели, играют огромную роль во всех современных «антикризисных» проектах. Основную идею последних наиболее откровенно выразил американский буржуазный экономист Боулдинг на конференции Американской экономической ассоциации в мае 1945 г. «Мир в настоящее время, — сказал он, — находится в тисках им самим созданной чудовищной дилеммы: либо расширить потребление посредством войны, либо сокращать производство посредством кризисов и безработицы».

Эта идея пропагандируется не только в экономической, но и в специальной военной литературе. Так, например, небезызвестный английский военный «теоретик» Фуллер объявляет войну «единственным регулятором производства в экономике, где господствует недопотребление».

Как ни усердствуют поджигатели войны, их судорожные попытки бессильны приостановить действие стихийных законов капиталистической экономики. Апологетической выдумкой является утверждение буржуазных экономистов о том, что милитаризация хозяйства приводит к ликвидации безработицы и недогрузки производственных мощностей. Даже в период второй мировой войны безработица не была полностью устранена в крупнейших капиталистических странах. Так, в США к моменту капитуляции Японии (в сентябре 1945 г.) было налицо 1100 тыс. безработных. Безработица сохранилась во время войны и в Англии. Точно так же во

время второй мировой войны не была полностью ликвидирована недогрузка производственного аппарата. В США и в Англии выпуск военной продукции после 1943 г. начал снижаться, обнаружив тем самым отсутствие полной загрузки даже в военных отраслях промышленности.

Апологетической выдумкой является также положение буржуазных экономистов о том, что милитаризация хозяйства может предупредить и устранить экономические кризисы. Рост военных расходов, вызывая уродливое, однобокое развитие экономики, временно отсрочивая кризис, в конечном счете предопределяет еще большую остроту и разрушительную силу неизбежного экономического кризиса.

Жизнь развеяла в прах теории буржуазных апологетов, утверждающих, что при помощи гонки вооружений якобы можно обеспечить «бескризисное развитие» капиталистической экономики. Факты говорят о том, что рост производства в отраслях военной промышленности уже не может компенсировать падение производства в отраслях мирной промышленности. Сокращение производства в Англии в 1952 г. охватило не только текстильную промышленность и другие промышленные отрасли, производящие предметы потребления, — сокращение производства распространилось на некоторые отрасли тяжелой промышленности, такие, как химическая, машиностроительная и отчасти металлургическая. Промышленное производство Англии в 1952 г. сократилось на 3%. Бюллетень одного из пяти крупнейших банков — «Вестминстер-банк» — вынужден был в конце 1952 г. констатировать, что «мировая экономика в целом и английская экономика в частности в настоящее время гораздо более уязвима для сил кризиса, чем это казалось вероятным всего только год тому назад».

Бешеная гонка вооружений, отвлекая все растущую долю производительных сил от использования на мирные цели, неотвратимо ведет к растущему снижению покупательной способности населения и тем самым обуславливает неизбежность исключительной остроты нарастающего экономического кризиса.

* * *

После второй мировой войны в связи с углублением всех противоречий капиталистической системы — между буржуазией и пролетариатом, между метрополиями и колониями, между империалистическими государствами — обострилась проблема реализации. Усилилось обнищание трудящихся по сравнению с довоенным уровнем, сократилось их потребление, налоговое бремя на трудящихся резко возросло, инфляция получила широкое распространение. Все это еще более усилило действие основного противоречия капитализма и всех причин, порождающих экономические кризисы.

Крупнейшую роль в усилении экономических трудностей капиталистических стран и обострении проблемы реализации после второй мировой войны сыграл распад единого всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство предопределило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы. До второй мировой войны капиталистические страны вели торговлю не только между собой, но и с СССР. Торговля этих стран с Советским Союзом, несмотря на все проiski и враждебные усилия антисоветских элементов, достигала больших размеров. Во время второй мировой войны и после нее от капиталистической системы отпал ряд народно-демократических стран в Европе и Азии, которые во главе с Советским Союзом образовали лагерь социализма. Экономическим результатом наличия двух противоположных лагерей явилось образование двух параллельных мировых рынков. Один из них — капиталистический рынок — характеризуется крайним обострением противоречий между империалистическими хищниками, усилением ограничений, запретов и дискриминаций в области внешнеэкономической политики, вытеснением из торгового оборота важнейших товаров гражданского потребления за счет стратегического сырья и вооружения.

Другой рынок — связанный с лагерем демократии и социализма — развивается по совершенно иным законам, нежели капиталистический мировой рынок — без кризисов и циклических колебаний, без обогащения одних стран за счет других. Экономические отношения между странами демократического лагеря строятся на совершенно иных принципах, нежели экономические отношения внутри империалистического лагеря, — на принципах сотрудничества, дружбы и искреннего желания помочь друг другу и добиться общего экономического подъема.

Правящие круги Соединенных Штатов Америки, а под их воздействием правительства других капиталистических стран проводят политику, рассчитанную на то, чтобы свести на нет торговые и всякие иные экономические связи со странами демократического лагеря. Суть этой политики выразила американская газета «Нью-Йорк таймс» (от 22 июля 1951 г.), заявившая, что «Соединенные Штаты подошли к тому, чтобы рассматривать торговлю между Востоком и Западом как элемент экономической войны». Политику американского империализма нельзя иначе характеризовать, как политику блокады стран демократического лагеря. Достаточно привести такие факты, как одностороннее расторжение США торговых договоров и соглашений с СССР, Польшей, Венгрией, Румынией, Болгарией, проведение в США закона Беттла, угрожающего лишением экономической «помощи» государствам, экспортирующим товары в Советский Союз и дружественные ему страны, введение США и рядом других капиталистических стран эмбарго на вывоз товаров в Китайскую Народную Республику и Корею, Республику Демократическую Республику. Под диктовку США правительство

Англии запретило экспорт в СССР и страны народной демократии ряда товаров, большинство которых не имеет никакого военного значения.

Подобная политика запретов, ограничений и дискриминаций, вопреки стремлениям империалистов, привела не к ослаблению стран демократического лагеря, а к их сплочению. Известно, что США и другие ведущие капиталистические страны, подвергшие СССР и страны народной демократии экономической блокаде, сами содействовали, конечно, помимо своей воли, укреплению нового параллельного мирового рынка, который явился результатом установления экономического сотрудничества и взаимопомощи между странами демократического лагеря.

Политика экономической блокады, проводимая американским империализмом в отношении стран демократического лагеря, привела к резкому падению торговли между странами империалистического лагеря, с одной стороны, и странами демократического лагеря — с другой. Так, товарооборот США со странами, ныне входящими в демократический лагерь, сократился в 1951 г. по сравнению с 1937 г. в 10 раз, товарооборот Англии с этими странами сократился в 6 раз, Франции — более чем в 4 раза.

Распад единого всеохватывающего мирового рынка обострил для капиталистических стран проблему внешних рынков сбыта, что имеет своим результатом увеличение хронической недогрузки производственного аппарата промышленности, увеличение армии безработных, усиление противоречий между империалистическими державами. Особенно болезненно распад мирового рынка отразился на экономике Англии, наиболее тесно связанной с внешним рынком и особенно чувствительной поэтому к расстройству международной торговли.

Высокие таможенные пошлины, валютные ограничения, установление системы лицензий, контингентов, экспортных и импортных квот и т. д. усугубляют процесс сужения мирового капиталистического рынка, обусловленный ростом капиталистических противоречий, уменьшением покупательной способности населения, снижением спроса на продукцию промышленности и сельского хозяйства, а также выпадением ряда стран из системы капитализма.

Физический объем экспорта капиталистических стран, несмотря на значительный рост торговли вооружением, был в 1951 г. в пересчете на душу населения на 7% ниже уровня 1929 г.³¹ Особенно сильно сократилась в пересчете на душу населения международная капиталистическая торговля товарами массового потребления.

Общее сужение мирового капиталистического рынка приобретает для отдельных стран, в том числе для Англии, тем большую

³¹ М. Нестеров и Я. Котковский. О распаде единого мирового рынка. «Вопросы экономики», 1953, № 2, стр. 66.

остроту, что США после второй мировой войны захватили значительную часть этого рынка. Американские монополии, форсируя всеми методами свой экспорт и одновременно ограждая свой внутренний рынок от ввоза иностранных товаров таможенными барьерами, создают все больше трудностей для внешней торговли других капиталистических стран. Так, США вывозят в капиталистические страны Европы товаров на сумму, в 4 раза большую, чем ввозят из них. В результате среднегодовой дефицит внешней торговли стран, входивших в «маршаллизованный» блок, возрос с 3030 млн. долл. в 1933 — 1938 гг. до 6506 млн. долл. в 1946—1951 гг.³² Это привело к дальнейшей дезорганизации и развалу мирового капиталистического рынка. Распад единого мирового рынка оказывает огромное влияние на проблему реализации в послевоенный период.

Однако буржуазные экономисты, которые меньше всего заинтересованы в том, чтобы дать правильную картину экономического положения капиталистического мира, стараются всячески замазать и свести на нет значение этого решающего фактора. Для буржуазных экономистов такая позиция вполне естественна: ставя своей задачей обоснование извечности капитализма, они стараются замолчать общий кризис капитализма и всячески умалить значение раскола мира на две системы, образования двух лагерей.

Для позиции английских буржуазных экономистов в этом вопросе характерна книга Баллога «Долларовый кризис»³³, посвященная выяснению причин дефицита платежного баланса Англии и мероприятий, необходимых для преодоления этого дефицита. Баллог старается утопить значение факта разрыва экономических связей между лагерями капитализма и демократии в длинном перечне всякого рода факторов, оказывающих воздействие на ухудшение экономического положения западноевропейских стран вообще и Англии в частности. В этом перечне фигурируют и утрата значительной части иностранных капиталовложений, и неблагоприятное соотношение экспортных и импортных цен для европейских экспортеров, и снижение мирового сельскохозяйственного производства, и даже влияние такого фактора, как прекращение эмиграции из стран с высокой нормой рождаемости. «Холодная война», развязанная американским империализмом против демократического лагеря, трактуется Баллогом как один из многочисленных побочных факторов, имеющий подчиненное значение при объяснении экономических трудностей, переживаемых современной Англией.

Позиция Баллога в этом отношении типична для современных буржуазных экономистов, выступающих в роли ученых приказчи-

ков американских и английских монополий. Эти экономисты стараются всячески затушевать пагубное влияние на капиталистическую экономику политики экономической блокады демократического лагеря, проводимой по инициативе американского империализма.

Буржуазные экономисты стараются обосновать свое игнорирование значения распада единого мирового рынка при помощи тенденциозно подобранных статистических расчетов. Они пытаются доказать, что роль и значение торговли Западом с Востоком вообще преувеличиваются. В буржуазной прессе часто приводятся такого рода расчеты: в 1949 г. участие Советского Союза и европейских стран народной демократии в международной торговле составило 6% от общего мирового итога.

Эти цифровые упражнения отчетливо иллюстрируют фальсифицированный характер буржуазной статистики. Во-первых, буржуазные экономисты для своих расчетов берут данные за 1949 или 1950 гг., т. е. исходят из периода, когда «холодная война» была в разгаре, когда уже сказались результаты экономической блокады стран демократического лагеря. Совершенно очевидно, что при этих расчетах следует исходить из периода, когда еще не проводилась такая искусственная экономическая изоляция стран, принадлежащих к демократическому лагерю. В этом отношении данные об экономических связях между отдельными странами за период между двумя мировыми войнами значительно более показательны. Согласно данным официальной статистики, удельный вес СССР, Китая и европейских стран, в которых после второй мировой войны победил режим народной демократии, в наиболее благоприятный год между двумя мировыми войнами достигал в экспорте США — 10,7%, Англии — 11%, Франции — 9,4%, Италии — 21,5%, Японии — 21,4%, Германии — 28,3%³⁴.

Во-вторых, цифровые расчеты, которыми жонглируют буржуазные экономисты, опираются на излюбленный в буржуазной литературе метод «статистических средних», игнорирующий очень существенные различия между отдельными странами и отраслями. Метод «статистических средних», взятый для всего капиталистического мира, ничего не дает для понимания специфических проблем, возникших вследствие разрыва экономических связей между Западной и Восточной Европой.

До второй мировой войны западноевропейские страны ввозом из Восточной Европы удовлетворяли свои импортные потребности в лесоматериалах на 35—60%, пшенице и яйцах — на 20%, кормовом зерне — на 18%, сахаре — на 10% и т. д.³⁵ Для отдельных западноевропейских стран удельный вес торговли с Восточной Европой достигал еще больших размеров. Так, Австрия в 1937 г.

³² М. Нестеров и Я. Котковский. О распаде единого мирового рынка. «Вопросы экономики», 1953, № 2, стр. 68.

³³ T. Ballogh. The Dollar Crisis, Causes and Cure. A Report of the Fabian Society. Oxford, 1950.

³⁴ А. Осипов. О восстановлении и развитии международных экономических связей. М., 1952, стр. 27.

³⁵ «Вопросы экономики», 1952, № 3, стр. 13.

импортировала из стран Восточной Европы 90% всего ввезенного зерна, 75% угля, 44% табака и т. д.

Точно так же для отдельных отраслей западноевропейских стран и США, например для машиностроения, торговля с СССР в период между двумя мировыми войнами имела огромное значение. Особенно велико было это значение в годы мирового экономического кризиса 1929 — 1933 гг. В 1931 г. СССР занял первое место в американском экспорте промышленного оборудования. В 1931 г. США вывезли в Советский Союз 74% всего своего экспорта литейного оборудования, 70% дробильного, 68% ковочного, 67% сельскохозяйственных машин, 65% станков³⁶. Большую роль СССР играл в американском экспорте машиностроительной промышленности и в последующие годы. Так, в 1938 г. в СССР шло 35% всего американского экспорта металлообрабатывающих машин, 38% всего экспорта станков и т. д. Даже еще в 1946 г. в Советский Союз вывозилось до 25% всего экспорта металлообрабатывающих машин США³⁷.

В период между двумя мировыми войнами очень значительна была роль СССР в экспорте продукции английского машиностроения. По данным английской статистики, в 1932 г. на долю СССР приходилось 25% всего экспорта основных типов машин и свыше 80% экспорта станков из Англии. В 1938 г. в СССР шло 38% всего английского экспорта станков³⁸.

Таким образом, в ряде важных отраслей производства существовали весьма интенсивные торговые связи между СССР и странами Восточной Европы, с одной стороны, западноевропейскими странами и США — с другой. Разрыв этих традиционных торговых связей между Востоком и Западом не мог не отразиться болезненно на экономике капиталистических стран.

Оруженосцы империализма пытаются оправдать экономическую войну против Советского Союза ссылкой на то, что экспорт ряда товаров в СССР будет способствовать росту его военного потенциала. Ссылка на стратегические мотивы является только жалкой уловкой, прикрывающей стремление империалистов удушить при помощи блокады страны демократического лагеря. Ярлык «стратегические материалы» приклеивается к товарам, имеющим очень отдаленное отношение к обслуживанию военных нужд. Даже такой человек, очень далекий от коммунизма, как бывший министр торговли Англии лейборист Вильсон, вынужден был отметить фальшь аргументации о запрете поставок каучука СССР по стратегическим мотивам. «Я считаю истеричными, — заявил он в палате общин в феврале 1952 г., — заявления о том, что, поскольку каучук может быть использован в стратегических целях, мы не должны постав-

лять его... Ведь взамен каучука мы получаем лес, который используем для создания своих стратегических запасов».

Для того чтобы успокоить общественное мнение, которое требует возобновления естественных экономических связей с Восточной Европой, английские буржуазные экономисты обещают, что эти связи можно будет восстановить, когда отпадет напряженное состояние в международных отношениях³⁹. При этом буржуазные экономисты сознательно умалчивают, что само развитие экономических связей между отдельными странами является весьма существенным фактором в улучшении международного положения. Связь между экономическим сотрудничеством и нормализацией международных отношений имеет двусторонний характер. С одной стороны, обострение международного положения является одним из серьезнейших факторов, препятствующих хозяйственному сотрудничеству народов; с другой стороны, расширение торговли, хозяйственное сближение народов, безусловно, способствовали бы укреплению послевоенного мира. Эту вторую сторону большинство буржуазных экономистов всячески замалчивает. Тем самым они выдают себя с головой в качестве слуг финансовой олигархии.

Разрыв экономических связей между Западной и Восточной Европой привел к резкому усилению зависимости западноевропейских стран от Соединенных Штатов Америки. Товары, которые раньше получались из СССР и стран народной демократии, западноевропейские страны вынуждены покупать в долларовой зоне.

Эти факты настолько очевидны, что даже буржуазные органы вынуждены признавать их. Так, «Экономист» должен был с прискорбием признать, что недостаточное развитие торговли с Восточной Европой «в послевоенные годы усилило зависимость Западной Европы от Северной Америки»⁴⁰.

Попытки западноевропейских стран, в том числе Англии, восполнить отпавший восточноевропейский рынок за счет американского рынка привели к огромному обострению экономических трудностей для этих стран. Страны Восточной и Западной Европы не являются конкурентами на рынках и структура их внешней торговли сильно отличается друг от друга. Между тем структура внешней торговли индустриально развитых стран Западной Европы, в первую очередь Англии и США, во многом совпадает друг с другом, в силу чего эти страны выступают конкурентами на внешних рынках. Соединенные Штаты не заинтересованы во многих экспортных товарах западноевропейских стран, и последние имеют все меньше и меньше возможности покрывать растущий импорт из США за счет своего экспорта в США. На этой почве

³⁶ «Вопросы экономики», 1952, № 3, стр. 16.

³⁷ Там же, стр. 36.

³⁸ Там же, стр. 37.

³⁹ См., напр., T. Ballogh. The Dollar Crisis, Causes and Cure, p. 191.
⁴⁰ «Economist», September 1, 1951.

усиливается долларовой кризис, превратившийся в одну из острейших проблем для западноевропейских стран капитализма.

Американские империалисты, вынуждая своих сателлитов прекратить торговлю со странами демократического лагеря, ставят своей целью не только нанести максимальный ущерб демократическому лагерю, но и экономически ослабить своих сателлитов-конкурентов. В начале 1952 г. был опубликован весьма любопытный меморандум английских промышленников министру торговли Англии по поводу ограничения торговли с Востоком. В этом меморандуме английские промышленники откровенно раскрывают подоплеку американской политики. Они жалуются на то, что американский нажим, направленный к тому, чтобы сократить торговлю с Востоком, диктуется не стратегическими причинами, как утверждают американцы, а американскими коммерческими кругами, которые извлекают выгоду из ухудшения экономического и финансового положения Англии и навязывают ей такую политику, которая причиняет хозяйственной жизни и торговле страны непоправимый вред.

Американские монополии, проводя политику экономической блокады стран демократического лагеря, стараются искусственно обострить экономические трудности «маршаллизованных» стран с тем, чтобы полнее закабалить их. С неприкрытым цинизмом программа использования в интересах дельцов с Уолл-стрит долларового кризиса в Западной Европе выражена в «ученом» труде американского экономиста Киндлбергера, посвященном проблеме долларовой проблемы⁴¹. Достаточно ознакомиться с некоторыми рекомендациями этого «ученого» мужа, преподносимыми в качестве рецепта для разрешения долларовой проблемы, чтобы убедиться, что Киндлбергер проповедует осуществление одной политики для Соединенных Штатов Америки, а другой — для «маршаллизованных» стран Западной Европы. Так, в США, согласно Киндлбергеру, должно поощряться расширение потребления и капиталовложений, а в «маршаллизованных» странах — сокращение потребления. Соединенные Штаты должны расширять импорт, а «маршаллизованные» страны — ограничивать его. Курс доллара должен быть повышен, а курс иностранных валют понижен. Иными словами, Киндлбергер в качестве метода разрешения долларовой проблемы цинично предлагает усиление экономической мощи США за счет «маршаллизованных» стран.

Жизнь показала полную несостоятельность всяких попыток разрешения долларовой проблемы для «маршаллизованных» стран при сохранении прежнего курса на экономическую блокаду стран демократического лагеря. Необходимость возобновления и усиления экономических связей с Восточной Европой и Китаем ощущается с такой силой, что в течение 1952—1953 гг. в английской

⁴¹ Ch. Kindlberger. The Dollar Shortage. L. 1950.

буржуазной печати стала подчеркиваться мысль о том, что без этой торговли невозможно разрешение существующего экономического кризиса. Так, упомянутый выше Вильсон в феврале 1952 г. писал в газете «Рейнольдс ньюс», что «для предотвращения кризиса Англия вновь должна обрести свободу торговли с Восточной Европой».

Весьма отчетливо идея о необходимости развития торговли с Восточной Европой выражена в статье Гордона Шаффера «Торговый барьер углубляет кризис», опубликованной в январском номере журнала «Нью сентрал юропнен обсервер» за 1952 г. Шаффер пишет: «Я считаю, что Англия сейчас достигла такого этапа в своей послевоенной истории, когда жизнь нашего народа и единственная возможность избежать экономической катастрофы зависят от того, удастся ли нам укрепить связь между Востоком и Западом».

Огромное значение для Англии развития торговли с Восточной Европой подчеркивается в вышедшей летом 1952 г. брошюре доцента Бирмингемского университета Давида Уайтмэна «Торговля между Востоком и Западом и наш экономический кризис». Уайтмэн указывает на два обстоятельства, в силу которых торговля с Востоком имеет в современных условиях особо актуальное значение для Англии. Во-первых, эта торговля обеспечивает Англию важными видами сырья без затраты столь дефицитных долларов. Во-вторых, «если масштаб торговли между Западом и Востоком не расширится в большей мере, Западной Европе и в особенности Англии придется терпеть ущерб от растущей экспортной конкуренции со стороны Западной Германии и Японии».

Уайтмэн убедительно показывает полную несостоятельность главного аргумента противников развития торговли с Востоком. «Все еще утверждают, — пишет он, — что до тех пор, пока возможна война, мы не должны экспортировать на Восток ничего, что могло бы послужить для его военного потенциала. На эту пессимистическую точку зрения может быть лишь один ответ. До тех пор, пока возможен мир, мы не должны делать ничего такого, что обострило бы политическое напряжение. Но политическая дискриминация в экспортной торговле Запада как раз и ведет к напряжению».

Однако эти трезвые голоса заглушаются вдохновляемой и в значительной мере финансируемой монополиями США кампанией оправдания экономической блокады стран демократического лагеря. Попытки замазать роковые последствия разрыва экономических связей между Востоком и Западом для капиталистического мира представляют характерную особенность буржуазных теорий кризисов в послевоенный период.

Вторая особенность этих теорий заключается в том, что они особенно усиленно рекламируют милитаризацию хозяйства в качестве главного противоядия против экономических кризисов.

Войны, бешеная гонка вооружений, разгул милитаризма стали главным средством, при помощи которого монополисты ищут выхода из экономических кризисов.

«Антикризисные» проекты оказались весьма удобным средством для прикрытия агрессивных планов. Для того чтобы судить о том, до какого бесстыдства дошли продажные ученые США, достаточно привести следующие слова американского буржуазного экономиста Слитчера, выступающего с настоящим дифирамбом «холодной войны». «С узко экономической точки зрения холодная война, — вещает Слитчер, — хорошая вещь. Она увеличивает спрос на товары, помогает поддерживать высокий уровень занятости, ускоряет технический прогресс и таким образом помогает стране поднимать ее уровень жизни»⁴². Представить бешеную гонку вооружений как причину роста жизненного уровня населения — до такой степени изустства не доходили ранее самые грубые апологеты капитализма. Агрессия в Корее показала, что империалисты не ограничиваются только «холодной войной» и что агрессия в Корее послужила поводом для громадного увеличения военных расходов США.

Не случайно современные империалисты высказывают опасение, что ослабление напряженности в международной обстановке, улучшение взаимоотношений между СССР и странами Северо-атлантического блока может подорвать «военный бум», порожденный безумной гонкой вооружений.

С наибольшей откровенностью и бесцеремонностью этот военный мотив «антикризисных» проектов получил выражение в США.

Современная английская, как и американская, империалистическая пресса высказывает тревогу по поводу того, что когда нынешняя грандиозная военная программа будет осуществлена, может разразиться экономический кризис, если к тому времени не наступит война. Ссылка на угрозу кризиса используется для того, чтобы продлить и расширить военные программы.

Английские идеологи монополий идут по стопам своего «старшего партнера». Так, английский буржуазный экономист Эйнциг в статье «Надвигающийся кризис» пророчит, что сокращение гонки вооружений приведет к экономическому кризису перепроизводства. «Промышленные предприятия, владеющие сырьем, купленным по высоким ценам, потерпят большие убытки, равно как и коммерческие предприятия, имеющие запасы готовых промышленных изделий из дорогого сырья... Возникнет безработица. Если предоставить кризису развиваться, это может привести к весьма тяжелому положению. Среди всеобщих страданий многие будут вспоминать наше время растущих цен и думать, что они не понимали, как хорошо им жилось в то время»⁴³. Так подголосок империалистов

⁴² «Commercial and Financial Chronicle», October 27, 1949.

⁴³ P. Einzig. The Coming Slump. «Fortnightly», May 1951, p. 287.

живописует современную военно-инфляционную конъюнктуру, вызывающую неслыханные лишения трудящихся.

Буржуазные экономисты забывают другое — война в то же время резко обостряет противоречия капитализма. Если война, по словам американского буржуазного экономиста Айреса, призвана продлить агонию капитализма, то в то же время она ускоряет разрыв империалистической цепи в ее наиболее слабых звеньях.

Война способствует отпадению от капиталистического мира новых стран. Так, после первой мировой войны из капиталистического мира выпала Россия, после второй мировой войны — ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Китай. Если же империалисты развяжут третью мировую войну, то мировая капиталистическая система будет уничтожена.

Третья особенность буржуазных теорий кризисов в послевоенный период выражается в том, что они отражают обострившиеся англо-американские противоречия в связи с тем, что Англия попала в политическую и экономическую зависимость от США.

Своеобразие нынешнего экономического положения состоит в том, что американские монополии, как никогда, пытаются «экспортировать» кризис в другие страны и разрешить за счет последних свои внутренние противоречия. Они всячески форсируют свой экспорт и одновременно ограждают свой внутренний рынок от ввоза иностранных товаров.

Единственное значение «антикризисных» мероприятий состоит в том, что они, в лучшем случае, смогут только ослабить или отсрочить наступление кризиса в ведущих капиталистических странах, выступающих в роли главных экспортеров капиталов и товаров. Но в то же время осуществление подобного рода программ неизбежно ускоряет наступление кризисов в тех экономически более слабых и зависимых странах, в которых внутренние предпосылки для наступления кризиса еще не вполне созрели.

Положение Англии в этой области коренным образом изменилось после второй мировой войны. До войны Англия сама пыталась организовать в широких масштабах «экспорт кризиса». Достаточно вспомнить демпинг в небывалых размерах, который она проводила в 1931—1933 гг. Она пыталась экспортировать кризис в свои колонии и зависимые страны. Система имперских преференций, стерлинговый блок и другие мероприятия, позволявшие английским монополиям сильнее подчинять себе экономику стран, входящих в Британскую империю, были широко использованы для этой цели.

В системе «антикризисных» мероприятий, применявшихся английским капитализмом в 30-х годах с целью обеспечения максимальных прибылей, наступление на жизненный уровень рабочего класса дополнялось широко развернутым наступлением на колониальные и зависимые страны.

После войны Англия сама стала объектом «антикризисных» мероприятий США. За время войны и после нее значительно вырос американский экспорт в страны Британской империи. Но эти «достижения» не устраивают американские монополии, добивающиеся расширения внешних рынков. Монополиям США важно максимально ослабить своего важнейшего конкурента на внешнем рынке — Англию.

Зависимое положение от США, в которое попала Англия, находит свое выражение в усилившейся чувствительности английской экономики к колебаниям конъюнктуры в США.

Зависимость современной Англии от американского империализма наложила свой отпечаток на трактовку кризисов в послевоенный период в современной английской экономической литературе. Весьма характерно, что последние совершенно обходят вопрос о внутренних источниках кризисов в английской экономике. Буржуазные экономисты пытаются представить дело так, что коренным источником экономических кризисов в Англии является воздействие чрезмерно разбухшего производственного аппарата США. Таким образом, ответственность за современные экономические кризисы английскими буржуазными апологетами целиком перекладывается на капиталистов другой страны. Это характерный симптом, показывающий, как отражается на буржуазной апологетике обострение противоречий между капиталистическими державами. При этом мотив «обороны» от экономического наступления США нередко используется для прикрытия наступления английских монополий против своих конкурентов на мировом рынке.

Характерной особенностью послевоенной экономики Англии является то, что рост экономических противоречий получает свое проявление прежде всего в форме кризиса платежного баланса. Послевоенная Англия пережила три таких острых кризиса — в 1947, 1949 и 1951 гг., вызвавших глубокое потрясение всей английской экономики. В этих кризисах нашла отражение экономическая и политическая зависимость Англии от США. Указанные выше причины, дезорганизовавшие мировой капиталистический рынок, создали громадные трудности для экспорта западноевропейских стран, в том числе Англии, вызвали «долларовый голод», утечку золотых запасов, поставили под угрозу денежную систему «маршаллизованных» государств.

В этих условиях «антикризисные» мероприятия английских правящих кругов приняли специфическую форму мероприятий по борьбе с кризисом платежного баланса. Попытки господствующих классов Англии найти выход из этого кризиса нашли отражение в программе Батлера. Выступая в палате общин в марте 1952 г. с речью по поводу бюджета на 1952/53 финансовый год, Батлер в качестве основных методов преодоления кризиса платежного баланса предложил максимально форсировать экспорт, сократить

импорт, ограничить затраты на создание товарных запасов и инвестиций в гражданское строительство. В «Экономическом обзоре на 1952 год» суть этой политики формулируется следующим образом: «Задача поэтому состоит в том, чтобы изменить распределение ресурсов страны, направив большую часть на удовлетворение нужд обороны (т. е., правильнее говоря, нужд гонки вооружений. — И. Б.) и экспорт, несмотря на то, что общий объем ресурсов уменьшится... Поэтому пришлось сравнительно резко уменьшить объем средств, направленных на капиталовложения внутри страны, особенно на промышленное строительство и оборудование для гражданских целей. Это сокращение будет осуществлено путем более жесткой финансовой политики». Эта более жесткая кредитная политика выразилась в повышении Английским банком учетной ставки с 2,5 до 4%, в ограничении возможностей выдачи частными банками кредита. Раньше Английский банк всегда был готов предоставить учетным банкам наличные деньги без ограничений путем приобретения казначейских обязательств по весьма низкой учетной ставке (примерно в 0,5%); теперь банк объявил, что в дальнейшем он будет предоставлять ссуды учетным банкам по учетной ставке в 2% под казначейские обязательства.

Для оправдания всех этих «антикризисных» мероприятий в английской прессе снова были извлечены на сцену старые варианты теории кризисов Хайека и Хоутри, согласно которым для предупреждения кризисов нужно прежде всего предупреждать наступление бумов путем осуществления жесткой политики кредитной рестрикции⁴⁴. В английской буржуазной, преимущественно консервативной прессе на все лады повторялся тезис о том, что в современной Англии общий объем инвестиций превысил сумму сбережений, что необходимо ограничить объем инвестиций и стимулировать рост сбережений путем, прежде всего, повышения нормы процента.

Если в 30-х годах кейнсыанцы пытались представить чрезмерный рост сбережений в качестве первоисточника всех социальных бедствий, то в настоящее время они изменили свой курс и перешли к усиленному восхвалению склонности к сбережению в качестве основной хозяйственной добродетели. Такова одна из особенностей английских буржуазных теорий кризисов в послевоенный период. Секрет этой перестройки заключается в том, что правящие круги Англии пытаются высвободить больше средств для милитаризации народного хозяйства и для расширения экспортных от-

⁴⁴ В парламентских прениях по бюджету 1952/53 г. депутат палаты общин Эдвард Бойль отметил, что представители правительства фактически использовали аргументацию Хоутри о норме процента как якобы главном рычаге, определяющем изменение конъюнктуры («Parliamentary Debats (Hansard)», 1952, N 54, p. 1681).

раслей. И в настоящее время, как и в 30-х годах, английские монополии делают свою главную ставку на увеличение расточительного потребления, как на важнейшее средство выхода из экономических кризисов. Но в настоящее время значительно выросла роль военных расходов как важнейшей формы расточительного потребления. Эта форма требует увеличения частных сбережений.

Буржуазные экономисты оправдывают эту перестройку соображениями о том, что основную опасность, которая угрожает Англии в настоящее время, представляет не кризис перепроизводства, а инфляция. «Приостановите инфляцию», — заявил Л. Роббинс в лекции, прочитанной в декабре 1951 г., — приостановите любыми средствами. Это — главный вопрос момента в экономической сфере. Если мы его решим, мы будем иметь большие надежды на будущее. Если мы не решим, я опасаясь, что наши дни, несомненно, будут сочтены как великой державы, возможно даже, как стабильного общества».

Классовая подоплека этой антиинфляционной демагогии, характерной для буржуазных теорий кризисов послевоенного периода, заключается в следующем. Наиболее мощные английские монополии, непосредственно связанные с военными отраслями, заинтересованы в использовании политики «дорогих денег», проводимой под флагом «борьбы с инфляцией», и кредитных ограничений для подавления мелких и средних предприятий; последние, сосредоточенные преимущественно в гражданских отраслях, испытывают на себе всю тяжесть жесткой финансовой политики. Ведущие монополии заинтересованы в том, чтобы сосредоточить все государственные субсидии и всю финансовую помощь, оказываемую государством, на более узком круге отраслей промышленности с тем, чтобы обеспечить более высокие прибыли для последних.

Английский министр финансов Батлер, выступая в марте 1952 г. в палате общин с обоснованием политики вздорожания кредита, оправдывал мероприятия по повышению процента тем, что они «будут напоминать и заимодавцам и заемщикам о необходимости осторожности и экономии»⁴⁵. Слова об экономии предназначены для того, чтобы отвлечь внимание от факта преимущественного использования кредита на военные нужды, т. е. от факта наиболее расточительного использования свободных капиталов.

«Файнэншл таймс» — газета, выражающая мнения банковских кругов, подчеркивала, что предпринимателям гражданских отраслей должен быть затруднен кредит даже при согласии платить повышенную норму процента. «Частный заемщик, — писал эта газета в ноябре 1951 г., — который захотел бы получить кредит для финансирования производства потребительских товаров, должен по-

лучить отказ, даже если бы он согласился платить вдвое более высокую, чем обычно, норму»⁴⁶.

Смысл призывов к экономии государственных средств, к ограничению инвестиций и стимулированию сбережений состоит прежде всего в том, чтобы оправдать поощрение инвестиций для наиболее привилегированных отраслей в интересах более мощных монополий за счет более слабых монополий в гражданских отраслях и тем не менее — за счет массы средних и мелких предприятий.

Призыв к стимулированию сбережений преследует еще одну цель: он тесно связан с усиленной кампанией, которую ведет английская буржуазная пресса за снижение налогов с корпораций и в первую очередь за отмену налога с сверхприбыли. Буржуазная пропаганда пытается убедить рядового англичанина в том, что единственное средство усиления конкурентоспособности Англии на мировом рынке и освобождения от экономической зависимости от США состоит в сокращении обложения налогами богатей с тем, чтобы они могли делать больше сбережений и вкладывать накопившиеся сбережения в экспортные отрасли. Вот почему снижение налогов в промышленности стало одним из центральных лозунгов прессы монополий.

Эта усиленная кампания, инспирированная монополиями, дала определенные результаты. Бюджет 1953/54 г. предусматривает значительное снижение подоходного налога, а этим снижением в первую очередь воспользуются монополии. В своей бюджетной речи в апреле 1953 г. Батлер заявил, что большая половина льгот по подоходному налогу будет получена корпорациями и что в результате этих льгот будут увеличены на 45 млн. ф. ст. нераспределенные прибыли компаний. В той же речи Батлер заявил, что будут возобновлены скидки (в размере от 10 до 40 %) с налога предпринимателям, осуществляющим инвестиции, и что с 1 января 1954 г. будет отменен налог на сверхприбыль.

Неудивительно, что бюджет 1953/54 г. был восторженно встречен буржуазной прессой, которая окрестила его названием «бюджета, поощряющего инициативу». Так английские монополии добились своего. Но монополии не могут похвастаться тем, что продиктованные ими мероприятия смягчили экономические трудности Англии. Напротив, имеются все основания для утверждения, что эти мероприятия в конечном счете только усиливают предпосылки назревания экономического кризиса, ибо основным содержанием этих мероприятий является наступление на жизненный уровень рабочего класса, усиленная борьба с мелкими и средними предприятиями, задержка развития гражданских отраслей производства, влекущая за собой рост безработицы. Конечным результатом всех этих «антикризисных» мероприятий является снижение

⁴⁵ «Banker», April 1952.

⁴⁶ «Financial Times», November 30, 1951.

покупательной способности основной массы населения и сужение внутреннего рынка.

Весь исторический опыт развития капитализма разоблачает тщетность всякого рода попыток, направленных к тому, чтобы парализовать неизбежное действие закона экономических кризисов, который непосредственно вытекает из основного экономического закона капитализма — закона прибавочной стоимости. Итоги развития капитализма после второй мировой войны, как и все предшествующее развитие капитализма, подтверждают положение марксизма о том, что для уничтожения кризисов необходимо уничтожение капитализма.

Глава шестая

ПРОПОВЕДЬ СОВРЕМЕННЫМИ БУРЖУАЗНЫМИ ЭКОНОМИСТАМИ ВОЙНЫ И МИЛИТАРИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Империалистическая стадия капитализма характеризуется небывалым ростом милитаризма. Агрессивные силы империализма в США и Англии, заинтересованные в гонке вооружений и в развязывании новой мировой войны, пытаются использовать для своих целей различные формы идеологии, в том числе и экономическую литературу. Для идеологической обработки народных масс к подготавливаемой новой войне эти агрессивные силы и их ученые прислужники широко применяют методы, заимствованные из арсенала германского фашизма. Организаторам новой войны прежде всего важно преодолеть ненависть народных масс к империалистической войне, несущей им неисчислимые бедствия. С этой целью распространяется насквозь фальшивая, продиктованная интересами империалистов идея о том, что война есть «нормальное» состояние, а мир представляет собой нечто вроде аномалии. Эта идея заимствована у бесноватого Гитлера, который кликушески изрекал: «Война вечна, война универсальна. Она не имеет начала, а мир вообще не существует. Война — это жизнь. Всякая борьба есть война. Война является началом всего сущего».

Стремясь всячески затушевать действительные причины возникновения войн, буржуазные идеологи пытаются доказать, что войны вытекают якобы из биологических особенностей человека.

Эта тенденция увековечивания войны переплетается с попытками восхваления войны как якобы основной движущей силы прогрессивного развития. Особенно старались в этом направлении реакционные немецкие авторы. «Война родила человека», — восклицал философ фашизма Шпенглер.

Немецким фашистам вторят реакционные английские авторы. Они состязаются с фашистами в восхвалении войны.

Проповедуемый социальным дарвинизмом принцип «выживания наиболее приспособленных» используется для оправдания войн. В 1947 г. в Лондоне вышла книга некоего Артура Кейса «Очерки человеческой эволюции», воспевающая войну как «очищающий нож», при посредстве которого человечество «очищается» от «неполноценных». Не приходится доказывать, что в дейст-

вительности война уничтожает цвет населения — наиболее здоровую и работоспособную его часть. Эти гнусные человеконенавистнические измышления, полностью совпадающие с высказываниями гитлеровских варваров, служат оправданию методов не только войны вообще, но самых чудовищных методов массового истребления населения в покоренных странах.

Реакционный социальный дарвинизм защищается не только консерваторами, но и лейбористами. Так, Эттли ссылкой на борьбу за существование пытается объяснить важнейшие исторические события вплоть до завоевательной политики современных империалистических государств: «Передвижения и миграции племен в средние века, — вещает он, — вторжения европейцев в Америку, Азию и Африку и развитие современного империализма — все это прямые или косвенные результаты этой борьбы»¹. Стремясь замазать связь современного империалистического государства с капиталистическими монополиями, Эттли ставит на одну доску империалистические войны с переселением народов в начале средних веков и все это выводит из «закона» борьбы за существование.

Буржуазные идеологи стараются всячески запутать вопрос о причинах и сущности войн, затушевать их классовый характер, стереть различие между разными типами войн — войнами справедливыми, освободительными и войнами несправедливыми, захватническими, империалистическими. Буржуазные ликеученые предпочитают оперировать абстрактным, внеисторическим понятием войны. Пытаясь доказать, что войны представляют собой естественное и вечное явление, буржуазные лакеи капитала стремятся замазать вопрос о происхождении и причинах империалистических войн, скрыть, что они организуются с целью обеспечения огромных прибылей, снять с империалистов ответственность за эти войны.

Классовая подоплека теории извечности и прогрессивности войны очевидна. Ее смысл заключается в оправдании империалистической войны, представляющей лучший бизнес для капиталистических монополий, создающей новые источники для их неслыханного обогащения. Войны и милитаризация хозяйства в эпоху империализма выступают как результаты действия основного экономического закона современного капитализма. Многообразными путями капиталистические монополии используют военную обстановку и подготовку войны для своего обогащения.

Восхваление империалистического господства, войны и милитаризации народного хозяйства составляет одну из важнейших черт современной буржуазной идеологии вообще, современной буржуазной политической экономии в частности. Для этого восхваления привлекаются разнообразные вульгарные, лженаучные теории, каждая из которых выполняет особую служебную роль. Эти теории служат следующим целям:

¹ C. R. Attlee. The Will and the Way to Socialism. L., 1935, p. 9.

1. Оправданию колониального порабощения и угнетения и войн, которые ведутся в интересах укрепления господства над колониальными народами; для этого дела привлекается расовая теория, проповедующая миф о превосходстве англо-саксонской расы, призванной якобы руководить миром.

2. Оправданию массового истребления населения при помощи войны; для этой цели используются мальтузианские бредни.

3. Обоснованию территориальных захватов при помощи геополитических теорий.

4. Оправданию политики создания империалистических блоков, непосредственно направленных против СССР и стран народной демократии; важнейшим идеологическим оружием при решении этой задачи оказывается буржуазный космополитизм.

5. Маскировке огромных материальных жертв, которые несут трудящиеся при подготовке войны и во время самой войны, разглашательствами о том, что военная экономика капиталистических стран якобы является фактором нивелировки в распределении народного дохода.

1. МЕТОДЫ ОПРАВДАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ПОРАБОЩЕНИЯ И УГНЕТАНИЯ^{1а}

Излюбленным идеологическим оружием империалистов и колонизаторов всех мастей является расистская теория, оправдывающая колониальный гнет и порабощение более слабых наций. Неудивительно, что в Англии, главной колониальной державе, с конца прошлого столетия расистская теория получила широкое распространение. Широкая пропаганда расизма в художественной, исторической, экономической литературе Англии началась раньше, чем в других странах Европы. При этом расизм получил своеоб-

^{1а} [В эпоху после второй мировой войны, в особенности после 1953 г., когда эта книга И. Г. Блюмина была опубликована, в колониальной системе империализма произошли большие изменения. Полным ходом развернулся распад колониальной системы империализма. В результате национально-освободительных революций и движений народы прежних колоний английской империи в своем большинстве завоевали национальную независимость. Однако это не значит, как уверяют правые лейбористы и буржуазные экономисты, что английский империализм умер. Во-первых, господствующие классы Англии изо всех сил сопротивлялись и сопротивляются предоставлению независимости угнетенным народам и идут на это лишь из страха потерять все. Этим объясняется то обстоятельство, что Англия еще сохраняет господство в ряде колониальных стран. Во-вторых, даже предоставляя национальную независимость, английские монополии всячески стремятся сохранить экономические рычаги эксплуатации народов путем сохранения и увеличения капиталовложений в своих прежних колониях. Старый колониализм сосуществует рядом с новым империализмом. Критикуемые И. Г. Блюминым в этом параграфе теории, оправдывающие колониальное угнетение и господство белой расы, по-прежнему распространены, хотя и в иной форме, в Англии и в других империалистических странах. Критика И. Г. Блюминым этих теорий сохраняет свою актуальность и значение. — *Ред.*]

разную направленность: он тщится прежде всего показать расовое превосходство англо-саксов над народами колониальных и зависимых стран.

В английской литературе наиболее известным проповедником расизма был Редьярд Киплинг, развивавший в своих стихах и романах так называемую теорию «бремени белого человека». Эта, с позволения сказать, «теория» поражает типичным для английской буржуазии ханжеством. Неограниченную власть английских колонизаторов над туземным населением, их исключительные привилегии, произвол и беззастенчивый грабеж, их баснословные прибыли сия теория пыталась представить, как какое-то «бремя», как тяжкую мучительную «ответственность», которую несут так называемые представители белой расы. Нещадную эксплуатацию и жестокое истребление колониальных народов эта теория пытается изобразить, как методы «воспитания» и «руководства» «детьми природы», какими, по утверждению расистов, являются народные массы стран Востока и Африки.

Английские империалисты создали культ Киплинга. Его стихи широко изучаются в школах, где англичанам с детского возраста вбивают в голову человеконенавистнические, шовинистические идеи о превосходстве «белого человека». В Англии существует сеть «киплинг-клубов», в которых участвуют весьма видные политические и военные деятели.

Наряду с Киплингом значительную роль в массовой пропаганде расистских идей сыграл английский буржуазный историк Бенджамин Кидд. Один из первых идеологов британского империализма Джозеф Чемберлен восторженно отзывался о произведениях Кидда. Кидд, опираясь на лженауку — антропосоциологию, пытался обосновать мнимое превосходство людей белой расы, в первую очередь англо-саксов, над другими расами, которые высокомерно третировались им как якобы «низшие» и «неполноценные» расы. Кидд всячески подчеркивал опасность, угрожающую «высшей» расе из-за быстрого размножения народов, принадлежащих к «низшим» расам. В качестве метода предотвращения этой опасности он рекомендовал осуществление расовой дискриминации. Кидд использовал расовую теорию для оправдания не только колониального угнетения, но и эксплуатации трудящихся, и в первую очередь рабочего класса. С этой целью господствующие классы — аристократия и буржуазия, — отмеченные печатью вырождения, были учеными мракобесами наделены биологическим и интеллектуальным превосходством и объявлены «носителями высшей расы».

Расисты сознательно замалчивают классовую борьбу, подменяя ее борьбой за существование в ее биологической форме. Естественный отбор превращается расистами в главную движущую силу истории, определяющую все биологические и социальные различия между отдельными людьми, классами и народами.

Противопоставление фальсифицированной биологии марксизму,

получившее особо широкое распространение в эпоху общего кризиса капитализма, представляет старый прием буржуазных апологетов. К этому приему, в частности, прибегали гитлеровские демагоги. Под вывеской «биологизма» выступают писатели, извращающие дарвинизм: сторонники реакционного идеалистическоговейсманнизма и социального дарвинизма. Фальсифицированная биология призвана оправдать и теоретически обосновать власть капиталистов. На базе этой фальсифицированной биологии создаются различные апологетические теории, выполняющие определенный социальный заказ. Так, расовые теории служат средством разжигания шовинизма, освящения колониального гнета; органические теории — средством отвлечения трудящихся от классовой борьбы и создания иллюзий органического сожительства классов. Все эти реакционные биологические теории тесно связаны с мальтузианством.

В интересах оправдания господства буржуазии и расового угнетения в Англии была создана лженаука, пресловутая евгеника. Ее основоположник, английский биолог Френсис Гальтон, проповедовал вздорную теорию превосходства наследственных качеств аристократии и буржуазии и неполноценности трудящихся. Он требовал, чтобы представители высших классов не смешивались с низшими классами, ибо такое смешение должно якобы привести к вырождению наследственно наиболее ценных слоев населения, будто бы представляемых высшими классами. Такое же вырождение, по Гальтону, должно наступить в случае смешения людей белой расы с так называемыми низшими расами. Архиреакционное учение Гальтона открыто оправдывает расовую дискриминацию и провозглашает в качестве высшей добродетели жестокое обращение с колониальными и зависимыми народами.

Людоедский призыв к замещению темнокожих белыми, т. е. к физическому истреблению «неполноценных» цветных народов, — таков логический вывод расизма.

Расисты используют старый испытанный прием, применявшийся еще апологетами рабовладельческого общества — основу социального порабощения и эксплуатации они пытаются свести к биологическому фактору, чтобы оправдать социальное неравенство, как якобы данное самой природой. Авторы расовых теорий пытаются свалить ответственность за нищету, социальные болезни, культурную отсталость трудящихся на их якобы плохие врожденные расовые и биологические качества. Точно так же расисты пытаются представить сравнительную отсталость некоторых колониальных народов как результат каких-то изначальных, неизменных худших биологических качеств «низшей» расы.

Нет нужды доказывать, что все это является бредом ученых глашатаев империалистического угнетения. Давно известно, что в действительности нет каких-то неизменных, данных природой расовых признаков, что они подвергаются изменению в процессе ис-

торического развития. «Даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые и т. д. ... могут и должны быть устареваны историческим развитием», — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»².

Точно так же нет каких-то «чистых рас». Это понятие специально придумано для того, чтобы подвести базу под человеконенавистнический тезис о «низших» расах, будто бы обреченных природой на вечную зависимость и подчиненное положение. В действительности в ходе исторического развития все расы в той или иной степени подвергались смешению. Историческое развитие не дает никаких данных, которые могли бы подтвердить, что в результате такого смешения качество потомства ухудшилось.

Точно так же не выдерживают критики все разговоры о неравноценности рас. Ученые прислужники империализма пытались доказать эту неравноценность разными способами. Многие расисты утверждали, что отдельные расы произошли от различных предков, а отсюда делали вывод об изначальной неравноценности отдельных рас. Эти попытки совершенно несостоятельны: новейшие исследования еще раз подтвердили старое учение, высказанное еще Дарвином, что все человеческие расы произошли от единого общего предка. Многие расисты делали попытки доказать, что по строению тела «цветные» расы примитивнее белой. В особенности буржуазные лежучие спекулировали подтасованными данными о различии между отдельными расами по величине и форме черепа. Ничего общего с наукой не имеют попытки связать степень психической одаренности человека с величиной черепа или весом мозга. Эти попытки были опровергнуты рядом исследований. Известно, что у многих одаренных людей (Анатоль Франс, Либих, Софья Ковалевская и др.) вес мозга был значительно ниже среднего, а у людей, ничем не замечательных, встречался мозг огромного веса.

Что общего могут иметь с подлинной наукой попытки ученых мракобесов показать неравноценность рас путем «исследований» так называемой «расовой психологии»? Методология буржуазных лежучих в этой области характеризуется отвратительным цинизмом. Например, при помощи одинаковых текстов изучается психология неграмотных американских негров, зверски эксплуатируемых белыми помещиками, и психология самих белых плантаторов, живущих паразитически, в довольстве и получивших образование, и затем делается вывод, что одаренность негров настолько процентов ниже одаренности белых. При этом следует учесть, что эксперимент заранее ставится в такие условия, чтобы получить желательный результат о мнимой неполноценности людей «цветных» рас.

Опыт показывает, что люди, причисляемые расистами к «низшим» расам, осваивают культуру и наиболее сложную технику не хуже представителей так называемых высших рас.

Блестящим опровержением лживой и человеконенавистнической проповеди адептов расовой дискриминации и пресловутой расовой гигиены служит опыт успешного коммунистического строительства в СССР, в котором на основе полного равноправия принимают участие люди, принадлежащие к различным расам и народам.

Идею превосходства англо-саксонской расы в экономической литературе проповедовал Альфред Маршалл. Он пытался представить промышленную монополию Англии в XIX в. как продукт особых качеств, присущих якобы англичанам. Маршалл не жалел красок для восхваления особенностей характера людей англо-саксонской расы. Он прежде всего воспевал силу воли, составляющую якобы национальную черту английского характера. Маршалл пытался доказать, что англичане в большей мере приспособлены для того, чтобы создать тип энергичного, волевого предпринимателя: этим якобы объясняются промышленные успехи Англии в XVIII и XIX вв.

Расистская аргументация Маршалла была призвана затуманить внутреннюю связь, существовавшую между промышленной монополией Англии в XIX в. и установившейся еще раньше ее колониальной монополией.

Само собой разумеется, что корни промышленных успехов Англии в прошлом меньше всего следует искать в каких-то выдающихся особенностях английского характера. Иначе как объяснить такие факты, как потерю Англией ее промышленной монополии, длительный застой в ряде ее важнейших отраслей и глубокий упадок английской экономики в период общего кризиса капитализма? Уж не изменился ли английский характер на протяжении одного полувека? Корни промышленной монополии Англии следует, конечно, искать в другом: огромные богатства, накопленные Англией на основе жестокой, беспощадной эксплуатации колоний, позволили ей стать в середине прошлого века промышленной «мастерской мира». В. И. Ленин, давая характеристику приемам английских колонизаторов, писал: «Англия создала свое «блестящее» экономическое развитие, «процветание» своей промышленности и торговли в значительной степени на таких подвигах по отношению к припадскому крестьянству, которые напоминают русскую крепостную барыню Салтычиху»³.

Свою расовую теорию Маршалл пытается использовать для защиты монополий. Рассматривая конкуренцию американских моно-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. 3, стр. 426.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 365.

полний, Маршалл сделал неожиданный вывод, что результаты этой конкуренции получились в значительной степени менее разрушительными, чем можно было бы ожидать. В чем же дело? Оказывается, секрет в ... особенностях людей англо-саксонской расы, в «английской умеренности и стойкости», которые привели к тому, что «злоупотребления конкуренции и монополии держались в относительно узких границах»⁴.

Понятие «относительно узких границ» — гуттанерчевое понятие. Поэтому, при желании, любой масштаб злоупотреблений и преступлений можно трактовать, как осуществляемый в «относительно узких границах». Но нужно обладать поистине незаурядным бесстыдством для того, чтобы так трактовать практику монополий.

Маршалл и другие английские экономисты старались использовать ссылки на национальные особенности английского характера для обеления и приукрашивания британского империализма. Так, Маршалл пытался доказать, что из свойственной англичанам любви к свободе и независимости родилась не больше и не меньше как... Британская империя⁵. С такой ханжеской елейностью преподносит Маршалл образование Британской империи, созданной в результате подавления свободы и независимости, на крови и неисчислимых страданиях множества поколений колониальных народов⁶.

Чего только не приписывается расовым особенностям англо-саксов? Так, например, Хоутри объявляет коллективизм чуждым английскому характеру⁷. А Эттли провозгласил, что революционные методы якобы «чужды национальному темпераменту англичан»⁸. «Английский характер», «национальный темперамент англичан», расовые черты англо-саксов превратились в спасительную инстанцию, на которую принято ссылаться при отсутствии всяких аргументов и которая позволяет «обосновать» любую, самую чудовищную ложь. Это стало поистине незаменимым средством для современных апологетов империализма, которым во что бы то ни стало нужно обелить империализм. Вместе с тем попытка представить подобным образом «английский характер» является не чем иным, как клеветой на трудящихся Англии, т. е. на подавляющее большинство английской нации. Английский рабочий класс неод-

⁴ A. Marshall. Industry and Trade. L., 1927, p. 656.

⁵ Ibid., p. 582—583.

⁶ Казалось бы, что Маршалл побил рекорд бесстыдства апологии империализма. Но современные апологеты империализма перещеголяли Маршалла. Так, Эдуард Григ, ссылаясь на «умеренность» и «терпимость» англичан, излюбленным принципом которых якобы является положение: «живи и дай жить другим», провозглашает, что Англия-де всегда стояла на стороне независимости слабых народов (Edward Grigg. British Foreign Policy. L., Hutchinson, 1944, p. 177).

⁷ R. G. Hawtrey. Economic Rebirth. L., 1946, p. 110.

⁸ C. R. Attlee. The Labour Party in Perspective. L., 1937.

пократно демонстрировал свою высокую активность, классовую солидарность и способность к революционной борьбе. К. Маркс предостерегал против того, чтобы судить об английском народе по его буржуазным представителям. «...Именно рабочий класс, — писал Ф. Энгельс, — сохраняет в себе лучшие стороны английского национального характера...»⁹

В период общего кризиса капитализма расистские теории в Англии претерпевают некоторую модификацию, обусловленную кризисом колониальной системы.

В этих условиях колонизаторы, чувствуя, что почва уходит из-под ног, начинают маневрировать. «Экономист» откровенно писал о том, что не нужно афишировать господство белых. «Не должно ли быть меньше правительственных визитов, церемоний и других внешних символов британских раджей, раздражающих чувствительных, воспитанных африканцев?»¹⁰ В специальных изданиях, рассчитанных на узкий круг буржуазных читателей, открыто констатируется, что коренное население колоний ненавидит белых господ. Так, в органе английского Ллойд банка мы читаем: «Все, или почти все политические группы в Азии и в значительной мере в Южной Америке и в Африке охвачены враждебным чувством к господству белых. Это чувство охватило все классы населения — студентов, рабочих, администраторов, журналистов, и, не в последнем счете, нарождающиеся индустриальные и коммерческие группы»¹¹.

Для того чтобы несколько замаскировать колониальный гнет, британские колонизаторы стараются афишировать марионеточную власть туземной феодальной верхушки, местных вождей и старшин, через посредство которых колонизаторы осуществляют свою политику. В период общего кризиса капитализма британские колониальные власти, в интересах создания и укрепления своей опоры в колониях, всячески стараются консервировать родо-племенную организацию и связанные с ней архаические институты: родовое право, полигамию и т. д.; они ревностно следят за соблюдением туземных принципов наследования вождей и старшин, внешнего ритуала власти этих марионеток и т. п. Колонизаторы цепко держатся за всякие отсталые формы общественных отношений, используя эти отсталые формы в качестве средства, позволяющего держать в узде массы. Все эти марионетки являются посредствующим звеном, при помощи которого колониальные власти осуществляют эксплуатацию колониальных народов.

Для оправдания этой политики консервации архаического уклада колониальных народов измышляются различные теории. В качестве образчика таких измышлений можно привести высказывания

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 308.

¹⁰ «Economist», July 21, 1947, p. 141.

¹¹ «Lloyd's Bank Review», October, 1948, p. 47.

небезызвестного фельдмаршала Смэтса, бывшего премьера Южно-Африканского Союза.

С пагlostью и высокомерием, характерным для колонизатора, Смэтс третирует африканцев как «детоподобный тип человека с детской психологией и детскими взглядами»¹².

Смысл заклинаний Смэтса об опасности деафриканизации состоит в том, чтобы всячески затруднить культурное развитие и политическое пробуждение африканских народов, угрожающее господству колонизаторов.

Для того чтобы предупредить деафриканизацию, по Смэтсу, прежде всего требуется сохранить весь архаический уклад туземцев, т. е. надолго закрепить их отсталость. «Падение племенного строя надо предупредить во что бы то ни стало, — требует Смэтс, — надо сделать все, чтобы удержать на будущее ту власть, которая управляла жизнью туземцев в прошлом»¹³.

Сенатор Брукс, бывший член южно-африканского парламента, откровенно раскрыл классовую подоплеку всех разглагольствований об опасности деафриканизации. «Туземцы теперь, — говорит Брукс, — представляют превосходный материал для революционной коммунистической пропаганды. Коммунизм они понимают хорошо и прекрасно увязывают его с землей»¹⁴.

Расистская теория, выдвигающая положение о неполноценности «низших» рас, представляет собой наиболее откровенную попытку оправдания господства империалистических государств над колониальными народами.

По мере роста самосознания колониальных народов и усиления национально-освободительного движения колонизаторам становится все труднее воздействовать на угнетенные народы при помощи расистских аргументов. Колонизаторы прибегают к более утонченным методам обмана масс. Угнетение колониальных народов буржуазные апологеты пытаются прикрыть лицемерной, фальшивой проповедью о том, что британское господство осуществляется якобы в интересах самих колониальных народов, что оно имеет, мол, временный характер, что оно-де обусловлено неподготовленностью колониальных народов к самоуправлению. В период общего кризиса капитализма широкое хождение получила так называемая теория двойного мандата (первый ее проповедник — лорд Люгард, вышедший в 1922 г. книгу под тем же названием).

Эта теория пыталась оправдать политику закрепления за Англией главенствующей роли в угнетении колониальных и зависимых стран под тем предлогом, что Англия-де выступает в качестве представителя интересов, с одной стороны, всего цивилизованного мира, обеспечивая последнему доступ к колониальным ресурсам,

¹² J. C. Smuts. Africa and some World Problems. Oxford, 1930, p. 26.

¹³ Ibid., p. 87.

¹⁴ Brooks. The History of Native Policy in South Africa. 1927, p. 427.

а с другой — туземного населения колониальных стран. «Теория двойного мандата» — старая погудка на новый лад.

В несколько видоизмененной форме она повторяет старый человеконенавистнический тезис Киплинга о «бремени белого человека». Она имеет еще более ханжеский, фарисейский характер, нежели высказывания более откровенных защитников колонизаторов типа Киплинга. Зверское обращение с туземным населением колониальных стран, разграбление их природных богатств, хищническое ведение хозяйства, обрекающее население этих стран на голод и вымирание, эта теория прикрывает болтовней о необходимости «воспитания» колониальных народов, о подготовке их к «самостоятельному управлению под эгидой английских колонизаторов». Колонизаторы, прикрывающиеся маской «воспитателей», — что может быть более омерзительно!

Насквозь фальшивая и лицемерная «теория двойного мандата» была использована для обоснования установленной после первой мировой войны системы мандатного управления Англией бывшими германскими колониями и бывшими арабскими владениями Турции. В духе этой теории была сформулирована ст. 22 Устава Лиги Наций¹⁵, апеллирующая к мнимой неполноценности колониальных народов и к вымышленным интересам цивилизации, под которыми имеются в виду интересы сильнейших империалистических государств. Англия, как наиболее крупная колониальная держава, получила наибольшее количество мандатов. Она получила мандаты на управление Палестиной, Трансваалем, Ираком, Танганьикой, частью Того и Камеруна. В подмандатных владениях был фактически установлен колониальный режим.

Вся практика британских колонизаторов находится в вопиющем противоречии с лицемерной декларацией о какой-то воспитательной «миссии», выполняемой Англией в ее колониальных владениях, о «двойном мандате», который имеет Англия в качестве представителя якобы «мировой цивилизации» и «опекуна» колониальных народов. Империалистические колонизаторы делают все от них зависящее для того, чтобы задержать политическое, экономическое и культурное развитие колоний. В погоне за прибылями они расхищают естественные ресурсы колоний, подчиняя экономику последних целиком своим интересам, и всячески задерживают индустриализацию этих стран, которая является необходимым условием обеспечения их экономической самостоятельности. Английские империалисты, как и империалисты других стран, уже давно превратили колонии в сырьевой придаток Англии, придав эконо-

¹⁵ Эта статья говорила о территориях, «которые в результате войны вышли из под суверенитета государств, прежде управлявших ими, и которые населены народами, не способными еще самоуправляться. Лучший способ практически осуществить этот принцип заключается в том, чтобы поручить опеку над этими народами развитым нациям, которые в силу своих ресурсов, опыта и географического положения наиболее подходят для осуществления этой ответственности».

мике колониальных владений уродливый, однобокий характер. В этих владениях развиваются только те отрасли хозяйства, которые выгодны английским империалистам и приносят им наибольшие прибыли. Из отраслей промышленности развивается преимущественно добывающая промышленность, обеспечивающая колонизаторов сырьем. Переработка сырья, тяжелая индустрия, и в частности машиностроение, концентрируются в метрополии.

Что касается сельскохозяйственного производства, то оно почти исключительно концентрируется на выращивании какой-либо монокультуры. Происходящий при этом рост торгового земледелия лишь в очень незначительной степени способствует развитию внутреннего рынка, поскольку колониальное земледелие находится в зависимости от колонизаторов и работает, в своей подавляющей части, на экспорт.

Искусственно задерживая развитие промышленности и сельского хозяйства колоний, империализм является вместе с тем паразитом, высасывающим кровь из их хозяйственного организма и обрекающим их многомиллионные народы на постоянное голодание и массовое вымирание.

Результатом хозяйничанья империалистов в колониях является деградация сельского хозяйства и его ограбление. Развитие торгового земледелия отнюдь не сопровождается освобождением колониального крестьянства от докапиталистических пут. Напротив, хозяйничанье империалистов приводит к усилению докапиталистических методов эксплуатации крестьянства, к еще большему закабалению крестьянства торговым и ростовщическим капиталом. Техника в сельском хозяйстве остается на прежнем примитивном уровне.

Хищническая эксплуатация колоний приводит к задержке развития производительных сил и обуславливает крайне низкий уровень покупательной способности населения и узость рынков сбыта.

Английские монополии, как и монополии других империалистических стран, широко используют метод открытого ограбления народов колониальных и слаборазвитых в экономическом отношении стран путем неэквивалентного обмена. Монополии закупают сырье и продовольствие в этих странах по монопольно низким ценам. Так, например, цены, устанавливаемые английскими монополиями при перепродаже сырого кофе в зернах, скупленного в Уганде, и какао-бобов, скупленных в Золотом Береге, (ныне Гана), превышали в сентябре 1952 г. закупочные цены в 2,3—2,6 раза¹⁶. Как сообщал американский журнал «Форчун», одна из крупнейших английских монополий — «Юнилевер», грабя 50-миллионное население Экваториальной Африки, скупает там колониальные товары по ценам, составляющим менее 1/3 цен мирового капиталистического

¹⁶ Цит. по статье «Пути обеспечения максимальной капиталистической прибыли (статистические материалы)», «Вопросы экономики», 1953, № 5, стр. 120.

го рынка, и в то же время продает в этих странах товары по ценам, которые на 400—500% выше цен мирового капиталистического рынка¹⁷.

В результате империалистического господства колонии и слаборазвитые страны превращаются в аграрно-сырьевые придатки метрополий. Сами колонии в очень незначительной степени используют увеличивающуюся добычу сырья. Сырье целиком экспортируется из британских колоний, в первую очередь в США, и используется для создания стратегических запасов и для милитаризации экономики.

Английская империалистическая буржуазия делает сейчас свою главную ставку на максимальный рост эксплуатации сырьевых ресурсов африканских колоний. В многочисленных выступлениях английских государственных деятелей неоднократно подчеркивалось, что африканские владения представляют сейчас важнейший экономический резерв Великобритании и даже Западной Европы в целом, что использование огромных богатств африканского материка может разрешить все проблемы английской экономики и ослабить зависимость Англии от США¹⁸.

Лучшим опровержением «теории двойного мандата» и других попыток представить английских колонизаторов в роли опекунов колониальных народов является тот факт, что в колониальных владениях Англии и ее доминионах не только консервируются архаические экономические формы, но усиленно поддерживаются и культивируются самые жестокие формы эксплуатации трудящихся масс, напоминающие рабовладельческий строй. В частности, там широко практикуется «контрактация» рабочей силы коренного населения, представляющая собой современную разновидность рабства.

Существует в буквальном смысле охота на негров, которых насильно заставляют работать на предприятиях колонизаторов. Специальные вербовщики, агенты шахтовладельцев и других предприятий, через подкупленных вождей племен вербуют молодых здоровых негров. Последние не в состоянии погасить выданный им аванс, так как заработка не хватает даже на самое скудное пропитание. Так «завербованный» негр остается закабаленным на всю жизнь.

¹⁷ «Вопросы экономики», 1953, № 5, стр. 120.

¹⁸ [Бурное развитие национально-освободительной борьбы народов Африки и создание на месте бывших колоний независимых национальных государств показывает полную беспочвенность расчетов колонизаторов.

В программе, принятой XXII съездом КПСС, сказано: «Мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устои империализма. На месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают новые суверенные государства. Их народы вступили в новый период своего развития. Они поднялись как творцы новой жизни и как активные участники международной политики, как революционная сила разрушения империализма». — *Ред.*]

Наряду с долговым рабством методом закрепощения туземного населения является система специальных паспортов-пропусков. При этой системе туземный рабочий не может покинуть своего предпринимателя без разрешения последнего и соответствующей об этом отметке в паспорте.

Сами рабочие поселки — компаунды, где живут туземные рабочие, во многих случаях напоминают концентрационные лагеря. Поселки окружены высоким забором из колючей проволоки. Рабочему строго запрещается выходить с территории компаунда. Все входы и выходы из лагеря охраняются специальной стражей.

Как указывает английский журналист Б. Дэвидсон, написавший специальную работу о Южной Африке, «значительная часть английских владений в Африке в настоящее время экономически предназначена служить лишь источником дешевой рабочей силы для горной промышленности»¹⁹. Дэвидсон отмечает, что суды Южно-Африканского Союза являются поставщиками даровой рабочей силы. Каждый год в тюрьму попадает 10% коренных жителей страны. Африканцев арестовывают за участие в забастовке, за неуплату налогов, за отсутствие пропуска и под десятком других предлогов. Заключение африканцев используется для принудительных работ. За нарушение одних только законов о пропусках ежегодно приговаривают к принудительным работам в среднем до 100 тыс. человек. Чтобы обеспечить фермы европейцев дешевой рабочей силой, правительство Южно-Африканского Союза поощряет строительство частных тюрем в сельских местностях. Фермер, построивший тюрьму, получает право использовать труд заключенных.

Принудительный труд применяется в колониальных владениях Англии в самых разнообразных формах. Повсюду колониальные власти производят принудительную мобилизацию населения для работы на плантациях, лесных разработках, горных промыслах, для погрузочных работ, а также для переноски грузов на большие расстояния.

Колониальная администрация поддерживает и поощряет расовую дискриминацию, лишаящую туземных рабочих элементарных прав, не допускающую их к квалифицированному труду, запрещающую им участвовать в стачках и вступать в профессиональные союзы. На туземных рабочих не распространяются законы, регулирующие условия труда и взаимоотношения между предпринимателями и рабочими. Негров, например, используют на самых опасных и тяжелых работах. Даже та в высшей степени скромная система страхования, которая существует в некоторых владениях Англии, на них не распространяется. Каторжный труд цветных рабочих оплачивается гораздо ниже, чем равный по качеству труд белых. В некоторых случаях заработная плата туземных рабочих в десятки раз ниже заработной платы европейских рабочих. Так,

¹⁹ Basil Davidson. Report on Southern Africa. L., 1952.

например, в Южно-Африканском Союзе средняя ставка европейских рабочих в горной промышленности составляла в 1939 г. 384 ф. ст. в год, а средняя ставка африканского горняка — 33 ф. ст. в год, т. е. в 12 раз меньше²⁰.

Коренное население стонет с земли с тем, чтобы предоставить наилучшие земли европейским плантаторам. Так, например, в Кении у племени Кикуйю было отнято 500 тыс. акров земли, а у племени Вакамба и Масай была отнята вся пригодная для обработки земля. В результате захвата земель у африканцев небольшая горстка белых плантаторов владела 16 700 кв. миль лучшей земли, а на 5250 тыс. негров Кении приходилось всего 50 тыс. кв. миль, почти непригодных для обработки. Около 250 тыс. негров были вообще лишены земли и находились в полной кабале у белых фермеров²¹.

Туземцы насильно загоняются в резервации, расположенные на наименее плодородных землях, где плотность населения во много раз выше средней плотности населения во всей стране. Местным жителям, не имеющим специальных разрешений, запрещается под страхом тяжелого наказания появляться вне резервации. В Южно-Африканском Союзе коренное население, составляющее 80% всего населения, насильно загнано в так называемые туземные поселения, занимающие не более 8% всей обрабатываемой земли.

«Цветной барьер» применяется в африканских колониях в самых отвратительных формах, например в форме ограничения свободы передвижения и т. д.

В Южно-Африканском Союзе в настоящее время официальной правительственной программой является так называемая «доктрина обособления» (doctrine of apartheid), или «сегрегации». Согласно этой доктрине туземцы должны быть изолированы от белых. Одним из ее центральных пунктов является лишение туземцев избирательных прав.

Такова печальная действительность колониальных стран, не имеющая ничего общего с фарисейскими утверждениями о воспитательной роли Англии в колониях, о подготовке колониального населения к самоуправлению. Вопреки всем этим лживым фразам, британские колонизаторы со свойственной им беспощадностью осуществляют многосторонние формы угнетения колониальных народов, всячески задерживая их политическое, экономическое и культурное развитие и обрекая их на вырождение.

Наиболее лживой попыткой замаскировать эксплуатацию колониальных и зависимых стран является версия об... отмирании британского империализма. Это верх буржуазного лицемерия. Современные прислужники империализма далеко обогнали своих предшественников. Раньше буржуазные идеологи старались одурачить массы рассуждениями о том, что британский империализм якобы не похож на империализм других стран, что он-де предполагает

²⁰ Ю. Кучинский. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., ИЛ, 1948, стр. 373.

²¹ См. «Правда», 27 декабря 1952 г.

господство свободы и т. д. Лживость этой декламации о мнимом превосходстве английской колониальной системы разоблачил еще К. Маркс около ста лет назад.

В 1853 г. в статье «Будущие результаты британского владычества в Индии», бичуя исключительное лицемерие английской буржуазии, Маркс писал: «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов»²².

Английские буржуазные деятели со свойственным им фарисейством имеют обыкновение замечать только зверства, учиняемые колонизаторами других стран, замалчивая свои собственные зверства.

Маркс в период франко-прусской войны с большим сарказмом высмеял этот фальшивый прием. В письме к Кугельману от 13 декабря 1870 г. Маркс, указывая на то, что в Англии «всеобщее негодование вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников и тому подобные повторения Тридцатилетней войны», вместе с тем подчеркивал, что «англичане поступали точно так же в Индии, на Ямайке и т. д., но французы — не индусы, не китайцы и не негры, а пруссаки — не *heaven born englishmen* [не рожденные небом англичане]!»²³

В. И. Ленин характеризовал империализм Англии, как империализм страны, «заграбившей бездну колоний, применяющей там (вдали от Европы) зачастую не менее зверские приемы подавления, чем немцы, и нанимающей на свои миллиарды миллионные войска различных континентальных держав для грабежа Австрии, и Турции и пр.»²⁴.

После второй мировой войны ученые прислужники империалистов стали прибегать к особенно утонченной демагогии. Всемерно оправдывая колониальные войны как средство обеспечения монопольных прибылей и укрепления колониальной системы, адвокаты монополий в то же время сеют иллюзии о том, что британский империализм... умер. Вместе с откровенными проповедниками империализма эту насквозь фальшивую идеюку распространяют лейбористы.

В лейбористской брошюре «Карты на стол», проникнутой антисоветским духом, изданной к конференции в Маргете в 1947 г. и вызвавшей серьезные возражения в рядах самой лейбористской партии, с исключительным лицемерием утверждается: «За два года достигнуто много в отношении ликвидации империализма старого типа». А в конце 1947 г. Эттли заявил: «Если есть сегодня в мире империализм, под которым понимается подчинение других наро-

дов политическому и экономическому господству могущественной нации, то он определенно не может быть найден в Британском Содружестве».

Трудно дать более лживое определение существующего положения в Британской империи. Несмотря на ослабление британского империализма, английский монополистический капитал продолжает получать громадные прибыли от эксплуатации колониальных и зависимых стран. Хотя заграничные инвестиции сократились во время войны, английская буржуазия и теперь получает огромные доходы от этих инвестиций. Как правильно указал Гарри Поллит, «никто не должен поддаваться обману и думать, что английский империализм ликвидирован потому, что в результате развития и мощи национально-освободительных движений в Индии, Бирме, Малайе, на Цейлоне и в Египте он был вынужден пойти на некоторые уступки. За всякой уступкой скрывается старая цель — попытка увековечить традиционную политику «разделяй и властвуй». Это лежит в основе положения в Бирме, в Малайе и в Индии. На Цейлоне и в Трансиордании это даже еще более очевидно, ибо, несмотря на всю шумиху о новой эре, британский империализм по-прежнему удерживает основную власть в этих странах»²⁵.

Праволейбористские руководители, распространяя фальшивую легенду о том, что британский империализм умер, в то же время старались всеми средствами подавить национально-освободительную борьбу колониальных народов в Малайе и других странах, где народы с оружием в руках сражаются против своих вековых угнетателей. Прибегая к варварским методам ведения войны, британские колонизаторы как при лейбористском правительстве, так и после него стирают с лица земли целые деревни и истребляют их жителей. В июне 1950 г. английские империалисты начали осуществлять в Малайе людоедский «план Бригса», в соответствии с которым мирное население целых городов и деревень сгоняли в огороженные колючей проволокой концентрационные лагеря, устроенные по типу фашистских лагерей. В том же году английские власти в Малайе ввели закон, согласно которому за обнаружение литературы, издаваемой организациями национально-освободительного движения, выносятся смертный приговор. «План Бригса» не смог сломить национально-освободительного движения в Малайе.

Английские колонизаторы используют в своих колониальных войнах не только бомбардировщики и танки, но также различные средства хищнической войны и даже дикарей — охотников за скальпами. Жестокие карательные меры — назначение огромных сумм в качестве награды за головы патриотов, концентрационные лагеря и виселицы, уничтожение урожаев и конфискация домашнего скота, сравнение с землей целых деревень — вот методы,

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 229.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, стр. 80.

²⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 329.

²⁵ H. Pollitt. Looking Ahead. L., 1947, p. 25.

используемые империалистами для подавления колониальных народов, борющихся за свою независимость.

К исключительно жестоким мерам прибегали английские колонизаторы в 1952 г. в Кении для подавления недовольства местного населения, у которого империалисты экспроприровали большую часть земель. Британские колониальные власти осенью 1952 г. ввели чрезвычайное положение в Кении. Свыше 50 ежедневных газет, периодических и местных изданий были закрыты. Были запрещены собрания африканцев. Вся резервация племени Кикуйю стала обширным концентрационным лагерем. Скот, принадлежавший этому племени, являвшийся его единственным средством к существованию, был захвачен и угнан. Множество африканцев было убито и ранено.

Так выглядит на практике «опека» английских колонизаторов над колониальными народами.

Это кровавое законодательство, «план Бригса», и т. д. — красноречивые иллюстрации того, насколько фальшивы утверждения современных апологетов британского империализма, что последний якобы «радикально изменил свою природу», «испарился» или даже «умер».

Официальное переименование Британской империи в «Британское Содружество Наций» является только переменной вывески: фактическая сущность взаимоотношений внутри империи не изменилась, борьба против колониальных народов приняла еще более ожесточенный характер.

Никакие ухищрения буржуазных идеологов, проводимые под флагом «исторической миссии Англии», «двойного мандата», «отмирания британского империализма», не могут завуалировать стремления империалистов предотвратить крушение колониализма.

Подлинное развитие угнетенных и отсталых колониальных народов невозможно без устранения колониального гнета и освобождения от империалистических цепей.

Блестящий опыт ленинской национальной политики, осуществленной в СССР, воочию показал, какие огромные результаты получены в сравнительно короткие сроки в деле приобщения прежде отсталых народностей к участию в политической жизни, к развертыванию высокоразвитой промышленности и культуры, отвечающей интересам освобожденных Великой Октябрьской социалистической революцией народов.

По степени развития высшего образования, культуры и науки эти советские республики намного опередили не только зарубежные страны Востока, но и страны Западной Европы.

Гигантские успехи, достигнутые во всех областях хозяйства и культуры отсталыми прежде народами буржуазно-помещичьей России, прекрасно иллюстрируют, что может быть достигнуто на основе великого учения марксизма-ленинизма о свободном раз-

витии народов и приобщении их к социалистическому строительству. Тем самым иллюстрируется еще раз, какой огромный тормоз представляет империалистическая система для развития колониальных народов, и раскрывается чудовищная фальшь и лицемерие современных апологетов империализма, воспевающих «цивилизаторскую миссию белого человека».

2. НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО НА СЛУЖБЕ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Одной из наиболее ходких теорий, распространяемых для оправдания новой мировой войны, стала сейчас вытасченная из хлама истории мальтузианская лжетеория о перенаселенности земного шара.

Реакционные мальтузианские бредни широко пропагандируются в современной буржуазной литературе, в частности в Англии. Буржуазные органы печати (например, «Экономист») отмечают возрождение мальтузианства в Англии после второй мировой войны. Газета «Таймс» вещает о том, что «Мальтусу суждено создать запоздалое отомщение Британским островам». Особенно большую активность в пропаганде мальтузианства в современной Англии проявляет Олдос Хаксли.

В послевоенной Англии некоторые экономисты под флагом борьбы с «избытком населения» выступили со сногсшибательными проектами организации массовой эвакуации из Англии от 10 до 15 млн. населения в страны Британской империи²⁶.

Мальтузианцы пытаются утратить рядового англичанина мрачными прогнозами якобы угрожающей Англии перспективы голода. Под таким кричащим заголовком («Перспектива голода») вышла в начале 1953 г. в Англии книга Дж. Мэссингэма и Эдварда Хайама. Авторы начинают первую главу своей книги с постановки вопроса «Когда мы, англичане, начнем умирать с голоду?» и отвечают: «очень скоро», если не будут приняты необходимые меры. Угрозу голода эти авторы используют для оправдания максимального поощрения сельского хозяйства в Англии, т. е. фактического обогащения лендлордов.

Современные мальтузианцы пытаются внушить, что основой бедствий в капиталистических странах является якобы «кризис населения и мировых ресурсов», выражающийся будто бы в том, что производство пищи из-за эрозии почвы сокращается, в то время как население земли все увеличивается.

Современные последователи Мальтуса применяют апологетический прием, пущенный в оборот их учителем, — коренные пороки капиталистического строя, в том числе хищническую растрату природных богатств, они объявляют законом природы, свойствен-

²⁶ См., напр.: D. Barker. The Deficiency of People in the British Commonwealth of Nations. L., 1947.

ным всем ступеням развития человеческого общества. В действительности это хищническое истребление естественных ресурсов обусловлено капиталистическими отношениями. «...Всякий прогресс капиталистического земледелия. — писал К. Маркс. — есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия»²⁷. Маркс иллюстрировал это положение на примере Соединенных Штатов. Последующее развитие американского земледелия полностью подтвердило это положение Маркса. Эрозия почвы, обусловленная отсутствием рациональной системы земледелия, господством системы монокультур, хищническим истреблением лесов²⁸, приняла в США характер национального бедствия. Известный американский почвовед Беннет сообщил в 1939 г. комиссии конгресса США, что за время существования США уничтожен верхний покров почвы на 282 млн. акров, из них — около 100 млн. акров лучших земель погибли безвозвратно для посевов. Кроме того, эрозия разрушительно действует еще на территорию в 775 млн. акров.

Губительная эрозия почвы, на которую любят ссылаться современные мальтузианцы, меньше всего обусловлена развитием земледелия. Напротив, современное развитие агрономической науки открывает огромные перспективы в отношении повышения плодородия почвы и гигантского роста производительных сил в земледелии. Блестящий пример реализации огромных возможностей в деле развития земледелия, обеспечиваемых современным научным развитием, дают передовые колхозы и совхозы СССР.

Массовое применение новейших передовых методов мичуринской агробиологии создает возможности для небывалого расцвета советского земледелия.

Практика Советского Союза, страны с самой высокой рождаемостью в мире, особенно убедительно показывает, что при современном уровне агрономической техники земледелие может прокормить любое число населения, если нет социально-экономических препятствий, вытекающих из капиталистических производственных отношений.

Капитализм не только тормозит развитие производительных сил, но он в еще большей мере задерживает рост платежеспособного спроса трудящихся на сельскохозяйственную продукцию. Капиталистический мир в период общего кризиса капитализма страдает от длительных аграрных кризисов.

Коренную причину слабого развития производительных сил в капиталистическом сельском хозяйстве следует искать не в тех-

²⁷ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 509.

²⁸ По официальным американским данным, в США с 1908 по 1938 г. уничтожено 40% еще оставшихся к тому времени лесных массивов.

нической трудности расширения производства предметов потребления, а в ограниченности платежеспособного спроса населения. «Производится слишком мало, — писал Ф. Энгельс, — вот в чем дело. Но почему же производится слишком мало? Совсем не потому, что исчерпаны пределы производства, даже на сегодняшний день, при современных средствах. Вовсе нет, а потому, что пределы производства определяются не количеством голодных желудков, но количеством покупающих, способных платить кошельков. Буржуазное общество не желает и не может желать производить больше. Безденежные рабочие с пустыми желудками, труд которых нельзя применить с прибылью и которые, стало быть, не в состоянии покупать, попадают в цифру смертности»²⁹.

Современная капиталистическая действительность полностью опровергает измышления Олдоса Хаксли и других современных мальтузианцев о наличии какого-то «кризиса мировых ресурсов».

Реакционные мальтузианские бредни не только широко пропагандируются в современной буржуазной литературе, они получили новое использование по сравнению с XIX в. Мальтус предназначал свою теорию преимущественно для «внутренних» целей — для того чтобы отвести недовольство масс баснями об абсолютном перенаселении, чтобы оправдать безработицу и лишения трудящихся якобы естественными причинами.

В эпоху империализма использование мальтузианства для «внутренних» целей не потеряло, конечно, своего значения. Ссылкой на чрезмерное размножение рабочих современные мальтузианцы, как и в прошлом столетии, стараются уверить читателей, что в безработице виноваты-де сами рабочие, а не капиталистическая система.

Но наряду с этим старым использованием мальтузианства получает в эпоху империализма новое назначение: оно становится идеологическим оружием оправдания империалистических войн, грабежа колониальных народов, территориальной экспансии, оно насквозь пронизывается тлетворным духом воинствующей империалистической агрессии.

Мальтузианство используется для оправдания войны с колониальными и зависимыми странами. Своеобразие английского варианта неомальтузианства состоит в том, что оно используется преимущественно для оправдания этого наступления под флагом борьбы с «перенаселением» в колониальных странах. В аргументации современных мальтузианцев центральное место занимает противопоставление «стран с низкой рождаемостью» (куда относятся метрополии) «странам с высокой рождаемостью» (куда причисляются слаборазвитые и зависимые страны). При этом буржуазные экономисты обходят такой факт, представляющий огромное значение, что в странах только что освободившихся от колониальной

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 451.

зависимости или еще остающихся колониями имеет место высокая смертность, в результате чего темпы прироста населения во многих таких странах значительно уступают темпам прироста населения в капиталистических странах. Плотность населения большинства слаборазвитых стран меньше, нежели во многих капиталистических странах.

Мальтузианцы распространяли действие «закона Мальтуса» в первую очередь на весь колониальный мир. Эту позицию защищали многочисленные буржуазные авторы³⁰. Реакционный журнал «Экономист», подчеркивая, что «Британия не является государством с мальтузианским перенаселением»³¹, в то же время пытается свести коренную причину экономических трудностей современного капитализма к фактам мнимого перенаселения в Юго-Восточной Азии и в Африке.

Мальтузианство нужно современным расистам для того, чтобы оправдать политику порабощения, расовой дискриминации и массового истребления коренного населения в якобы перенаселенных колониальных и зависимых странах.

Для характеристики противоречий в империалистическом лагере показательно, что если английские экономисты жалуются на перенаселение в своих колониальных владениях, то американские мальтузианцы указывают пальцем на перенаселение в самой Англии со всеми вытекающими для нее отсюда выводами о необходимости ограничения народонаселения. Наиболее откровенно позицию американских мальтузианцев выражает Форт, заявляющий, что Англия представляет собой наиболее яркий пример разрыва между размерами населения и возможностями его пропитания. Форт бесцеремонно предупреждает англичан, чтобы они не возлагали слишком больших надежд на американскую «помощь»³². Уолл-стрит не прочь обречь Англию на ту же участь, на которую британские колонизаторы давно обрекли колониальные и зависимые народы.

Современные мальтузианцы стараются свалить ответственность за бедствия колониальных народов (безработицу, широкое распространение болезней, высокую смертность), порожденные бесчеловечной эксплуатацией со стороны империалистических хищников, на наличие якобы абсолютного перенаселения в колониях. Их поддерживают лейбористы. Так, лейбористская партия опубликовала заявление, озаглавленное «К изобилию во всем мире», в ко-

³⁰ Весьма отчетливо эта точка зрения была выражена на международном конгрессе по вопросам народонаселения в Париже в 1931 г. В отчете конгресса подчеркивалось, что в странах Азии, Индии, Японии, Китае и вообще в колониальном мире «за пределами Европы, в которой закон Мальтуса почти опровергнут фактами, там этот закон действует в полной мере» («Revue d'économie politique», 1931, Septembre-Octobre).

³¹ «Economist», November 5, 1949.

³² W. V o g t. The Road to Survival. N. Y., 1948, p. 72.

тором пытаются доказать, будто рост населения «слаборазвитых районов угрожает неуклонным снижением жизненного уровня».

Мальтузианство в современных условиях используется также для оправдания империалистической агрессии.

С этой целью империалисты и их ученые подголоски стараются поставить в связь излюбленное мальтузианское положение о недостатке средств существования со столь же вымышленным положением о недостатке территории в сравнении с якобы чрезмерной густотой населения. Ссылка на ограниченность естественных ресурсов, связанную якобы с ограниченностью государственной территории, составляет лейтмотив всех учений идеологов империализма. На этой идее строилось пресловутое «учение» гитлеровцев о «жизненном пространстве». Эта идея составляла основу проповеди итальянских и японских империалистов. При помощи этой идеи аргументируются агрессивные программы современных американских космополитов, ссылающихся на мнимую ограниченность продовольственных и минеральных ресурсов. Этот мальтузианский тезис американские авторы используют для обоснования необходимости международного контроля над якобы ограниченными мировыми сырьевыми ресурсами, который мыслится, конечно, под эгидой США.

Факты легко разоблачают все эти мальтузианские измышления о дефиците продовольствия и сырья, недостатке территории по сравнению с населением и т. д. Наиболее желательными для империалистов являются как раз густо населенные земли, где есть кого эксплуатировать. В США плотность населения сравнительно небольшая (17 человек на км²), но именно они и претендуют на мировое господство.

Важнейшее назначение мальтузианства на современном этапе состоит в оправдании самой войны как способа массового истребления населения. Неудивительно, что мальтузианство стало знаменем империалистов, готовящих третью мировую войну. При этом современная буржуазная литература отражает различные тенденции, связанные с подготовкой войны. С одной стороны, для ведения войны требуется большое количество пушечного мяса. Численность населения той или иной страны является одним из важнейших факторов ее военного потенциала.

С другой стороны, финансовую олигархию больше всего устроило бы создание небольших армий из преданных финансовому капиталу людей. Империалисты боятся давать оружие народу. Они боятся, что вооруженный народ может повернуть свое оружие против империализма. Этот страх перед народом породил авантюристскую «теорию малых профессиональных армий» и тесно связанную с ней «теорию молниеносной войны», наиболее видными представителями которой в английской литературе являются генерал Фуллер и Лидделл Харт. Они предлагают создавать малые армии из танковых частей и небольшого количества пехоты, по-

саженной на вездеходные автомобили, поддержанные мощной авиацией. Буржуазия мечтает о таком решении вопроса, которое позволило бы малыми силами добиться победы, не прибегая к вооружению масс, и устранило бы зависимость военного потенциала от численности населения. Фуллер писал, что «идеальная армия, к которой надо стремиться, это не вооруженный народ, а один человек, притом не какой-нибудь сверхчеловек, но просто человек, способный нажать кнопку или вынуть пробку и тем привести в действие машины, изобретенные лучшими умами науки в мирное время»³³.

Но опыт второй мировой войны, как и первой, полностью показал рост массовости армий. Империалисты делают ставку на создание все более крупных армий.

Это обстоятельство объясняет тот факт, что в буржуазной литературе наряду с мальтузианской пропагандой раздаются жалобы на снижение численности населения и ведется агитация за усиление рождаемости.

На первый взгляд получается противоречие между двумя тенденциями в современной буржуазной литературе (и за низкую и за высокую рождаемость). Но это противоречие мнимое. Империалисты фактически выступают за высокую рождаемость в метрополиях, усматривая в этом необходимое условие увеличения своих армий. Они в то же время стараются всеми средствами задержать рост населения в странах, рассматриваемых в качестве потенциальных противников. Они готовят самые варварские средства массового истребления мирного населения этих стран.

Другим мотивом поощрения высокой рождаемости в метрополиях является потребность в молодых рабочих, которые могли бы выдерживать бешеные темпы интенсификации труда в современной капиталистической промышленности. Монополистическому капиталу требуется быстрая смена поколений.

Для оправдания массовой безработицы и других язв капитализма современные мальтузианцы пишут о наличии «избыточного населения» во всех странах, включая и США. Но в действительности они делают основное ударение на угрозе, которую якобы несет «западной цивилизации» быстрый рост населения в СССР и странах народной демократии.

В действительности в СССР и в странах народной демократии закон капиталистического народонаселения потерял свою силу, а действует закон социалистического народонаселения. Это обеспечило и обеспечивает быстрый рост населения в указанных странах. Идеологи империализма ссылаясь на бесспорный факт быстрого роста населения в СССР и странах народной демократии, придают ему тенденциозное толкование, изображая дело так, что

³³ Дж. Фуллер. Танки в великой войне 1914—1918 гг. М., 1923, стр. 254—255.

быстрый рост населения в странах демократического лагеря несет с собой якобы какую-то опасность для Западного мира. Смысл подобного рода басен заключается в том, чтобы оправдать необходимость «насильственного сокращения» населения в странах демократического лагеря. А единственным способом для осуществления такого сокращения является война. Так мальтузианство на современном этапе используется для идеологического обоснования войны против СССР и стран народной демократии.

Весьма символической является тесная кооперация между современными мальтузианцами и атомщиками. Не случайно книга Фогта вышла с предисловием виднейшего атомщика, автора известного проекта «контроля» над атомной энергией Бернарда Баруха, рекомендовавшего эту книгу вниманию «деловых кругов» и государственных деятелей капиталистических стран.

Эта кооперация отнюдь не случайна. Дело в том, что атомная бомба представляет собой оружие массового истребления в первую очередь мирного населения больших городов. Основной смысл атомной войны заключается в подавлении воли противника к сопротивлению в результате многочисленных жертв мирного населения больших городов, колоссальных разрушений жилищ, промышленных предприятий и т. д. Для оправдания такого варварского истребления сотен тысяч и миллионов людей мальтузианская теория оказывается очень кстати. Если бы не было мальтузианства, то империалистам его нужно было бы придумать специально на потребу атомной войны.

Подготавливая новую войну, американские империалисты предусматривают применение неслыханных по своей жестокости и изверству методов массового истребления населения, перед которыми бледнеют зверства германского фашизма. «Вторая мировая война, — писал один из апологетов американского империализма, Розбери, — была последней из старомодных войн, в которой к концу был приподнят некоторый занавес над войной сегодняшнего и завтрашнего дня. Современные биологические средства не были использованы, так же как и управляемые снаряды; ракетный двигатель не вышел из детского возраста, были сброшены только (!) две атомные бомбы»³⁴.

Когда читаешь эту откровенную пропаганду массового истребления человечества, вспоминаются ленинские слова: «Право, не веришь даже своим глазам, когда читаешь такие вещи. До такой степени маразма, упадка и проституции дошла современная профессорская наука!»³⁵

Атомный психоз используется для того, чтобы увеличить затраты на милитаризацию экономики. Прикрываясь провокационными измышлениями о якобы существующей опасности атомного

³⁴ Цит. по газ. «Правда», 7 июля 1950 г.

³⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 51.

нападения³⁶, американские и английские военные писатели требуют наряду с усилением производства атомных бомб для агрессивной войны осуществления дорогостоящих мероприятий, дающих возможность укрепить «оборону» от мнимой угрозы атомного нападения (переводы под землю многочисленных заводов, создание громадных подземных убежищ для персонала важнейших предприятий, хранение обширных запасов военных материалов, стратегического сырья и продовольствия и т. д.).

Факт кооперации атомщиков и мальтузианцев весьма показателен для загнивания буржуазной культуры. Величайшие завоевания науки и техники в капиталистическом мире используются не для развития и роста материального богатства, а для массового истребления людей.

В наши дни с исключительной яркостью и полнотой оправдывается классический анализ капиталистической промышленности, данный В. И. Лениным на IX Всероссийском съезде Советов в конце 1921 г.: «...если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 годах. Тогда промышленность работала на войну и снабдила она человечество своими продуктами так полно, что оказалось не меньше 10 милл. человек убитыми и не меньше 20 милл. искалеченными...

Вот на что работала эта богатая передовая крупная промышленность. Она служила для дела фабрикации искалеченных людей, и у нее не осталось времени для снабжения крестьян своими продуктами»³⁷.

Современные людоеды-мальтузианцы и их хозяева далеко превзошли «торговцев смертью» периода первой мировой войны. О каннибальских проектах современных мальтузианцев, пропагандистов атомной войны, можно судить по чудовищному предложению Фогта сократить население земного шара в таких масштабах, чтобы довести его до 900 млн. человек, т. е. сократить его больше чем наполовину; причем, по мнению Фогта, привилегия на то, чтобы остаться в живых, должна, конечно, в первую очередь принадлежать представителям «высшей» англо-саксонской расы.

Эти кровавые планы наглядно демонстрируют, какую гигантскую опасность для современного человечества представляют агрессивные силы империализма. Они представляют особую опасность для Англии, поскольку «Британия больше всех уязвима в

³⁶ Об атомном психозе Англии свидетельствует факт продажи индивидуальных атомных бомбоубежищ. Газета «Санди экспресс» в номере от 11 февраля 1951 г. сообщила, что с 10 февраля в Англии начали поступать в продажу индивидуальные атомные бомбоубежища.

³⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 131.

случае атомной войны³⁸. Как правильно указано в программе Коммунистической партии Великобритании, третья мировая война, если она будет вестись при помощи атомного оружия, уничтожила бы крупные города, «стерла бы с лица земли миллионы людей и отбросила бы Британию назад на столетия. Она могла бы только кончиться ужасной катастрофой для британского народа»³⁹.

3. ГЕОПОЛИТИКА КАК МЕТОД ОБОСНОВАНИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

Наряду с мальтузианством для оправдания агрессии идеологами империалистической реакции используется так называемая геополитика. Эта лженаука специально сфабрикована для того, чтобы оправдать захватнические империалистические войны. Геополитика используется для того, чтобы обосновать как необходимость империалистической экспансии, так и ее направление, т. е. подсказать, какие территории должны быть захвачены в первую очередь.

Особенно широко эта лженаука культивировалась в гитлеровской Германии, где она была использована для обоснования экспансии германского разбойничьего империализма. Геополитика гитлеровцев наиболее откровенно показала, что подобная «теоретическая» стряпня подчинена задаче одурачивания широких масс махровым шовинистическим духом расовой исключительности и воспевания «законности» порабощения других народов. Главный фашистский «теоретик» геополитики Гаугсгофер похвалялся, что под ее влиянием-де «весь народ перейдет от смутного чувства стесненности к сознательному стремлению изменить свои границы».

Английские геополитики не выступают со столь откровенным воспеванием захватнических войн, как их немецко-фашистские собратья, но все их писания подчинены той же основной задаче — оправданию империалистической экспансии.

Геополитика в английской литературе с самого начала получила некоторые своеобразные черты, отличающие ее от работ германских геополитиков. Здесь сказалось различие условий развития германского и английского империализма. Германская империя росла прежде всего как континентальная держава. Основное направление экспансии германского капитализма было связано с захватом соседних государств, с постепенным округлением германской территории за счет поглощения прилегающих стран. Поэтому германские геополитики отводили большое место так называемому фактору расстояния. «Ближайший сосед — злейший враг» — таково было одно из основных положений германских геополитиков.

В отличие от последних, английские геополитики выступают

³⁸ «Путь Британии к социализму». — «Большевик», 1951, № 3, стр. 53

³⁹ Там же, стр. 52.

в качестве идеологов мирового господства крупнейшей морской державы. Осуществление этих бредовых планов английские геополитики связывают прежде всего с ослаблением СССР.

Центральной идеей английской геополитики становится, как увидим ниже, противопоставление «стержневого района земли», отождествляемого с Россией, и «окраинных земель», которые должны непосредственно войти в сферу английского влияния. При такой постановке «фактор расстояния» для английских геополитиков не играл такой роли, как для германских, поскольку английские империалисты готовили раньше и вынашивают сейчас планы войны против стран, весьма далеко расположенных от Англии.

Неудивительно, что идеи английских геополитиков так охотно подхвачены агрессивными американскими кругами, готовящими новую мировую войну против СССР и стран народной демократии и применяющими в широчайших размерах систему антисоветских блоков.

Современная американская геополитика строится в первую очередь на базе работ английских геополитиков. Родоначальником геополитики на английской почве является географ Гальфорд Макиндер, выступивший еще в 1902 г. с книгой «Британия и Британские моря»⁴⁰. Макиндер оказал весьма значительное влияние на американских геополитиков, в частности на их виднейшего представителя — Спикмена.

Макиндер еще в начале текущего столетия выступил со своей теорией, основной вывод которой состоит в том, что главную опасность для Британской империи представляет якобы Россия. Россия Макиндер пытался изобразить в качестве главного источника мировых потрясений, в качестве «колыбели потрясений». Для того чтобы придать ученой видимость своим выводам, Макиндер построил совершенно произвольную схему. По этой схеме имеются три части земной суши: 1) «ядро мирового острова» (т. е. Евразии), совпадающее с территорией России, и 2) окружающий это ядро «пояс приморских стран», состоящий из стран, находящихся на побережье Европы, из засушливых стран Ближнего и Среднего Востока и из азиатских муссонных стран; 3) «внешний пояс», куда относятся континенты Америки, Африки и Австралии. Вся эта надуманная географическая классификация понадобилась Макиндеру для того, чтобы сформулировать свой вывод о том, будто Россия, стремясь овладеть берегами незамерзающих морей, упрощает завоевать весь «пояс приморских стран» и тем самым ставит под удар морские коммуникации Англии и всю систему Британского морского могущества.

⁴⁰ Буржуазия высоко оценила «заслуги» Макиндера — он получил звание члена Тайного совета, титул баронета, стал председателем имперского комитета судоходства, созданного по решению Британской имперской конференции в 1923 г., советником английского правительства по вопросам внутриимперских экономических отношений.

Макиндер не ограничился постановкой оборонительных задач. Он старался оправдать стремление напасть на Россию и обосновать политику окружения России путем подчинения английскому контролю всей «окраины» Евразии, т. е. территории средиземноморских стран, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, а также опорных пунктов в Китае. Борьбу Англии за мировое господство Макиндер пытался представить как меры предупреждения против угрозы, идущей якобы со стороны России.

Макиндер первоначально выступил, когда в России еще господствовал царизм. После Октябрьской революции, когда английские империалисты организовали интервенцию против Советской России, Макиндер выступил с книгой «Демократические идеалы и действительность» (1919 г.), в которой пытался использовать на новый лад свою старую теорию, направленную на этот раз против первого в мире рабочего государства. Его теория получила, таким образом, антисоветскую направленность. В этом качестве она и была припята на вооружение современной английской и американской геополитикой.

Враждебный характер по отношению к Советскому Союзу имеет и последняя статья Макиндера «Круглая земля и выпрыгивание мира». Характерно, что эта статья вышла в 1943 г., когда Англия вела войну против гитлеровской Германии в союзе с СССР. Весьма характерно также, что в этой статье Макиндер выступает с идеей агрессивного Атлантического сообщества, реализованного в создании в 1949 г. Североатлантического союза. Атлантический океан Макиндер характеризует как «средиземный» океан. Тремя элементами, на которых должно строиться Атлантическое сообщество, он объявляет Францию («предместное укрепление на Атлантическом океане»), Англию («обнесенный рвом аэродром») и Соединенные Штаты Америки.

Особое место в этой последней статье Макиндера занимает идея создания вокруг СССР «санитарного коридора» из граничащих с ним мелких государств.

Наконец, Макиндер выступает в этой статье с предложением максимально усилить влияние Англии и США на Китай.

Таким образом, Макиндер является яростным проповедником борьбы агрессивных сил империализма США и Англии за мировое господство на базе создания Атлантического сообщества, окружения СССР враждебными ему государствами, полного закабаления Китая.

Продолжателем Макиндера явился преподаватель Бирмингемского университета Уоткин Дэвис, опубликовавший в августовском номере журнала «Континентари ревью» за 1947 г. статью «Геополитика в США».

Дэвис выступил в послевоенный период, когда Англия оказалась в зависимости от США. Он делает главную ставку на американский империализм, всемерно поддерживая его захватническую

политику и подготовку третьей мировой войны. С помощью всякого рода рассуждений о географическом положении Англии и США Дэвис стремится обосновать союз этих капиталистических держав.

Дэвис старается приспособить геополитику для оправдания «политики силы», проводимой американским и английским империализмом. В качестве одного из главных выводов геополитики Дэвис выдвигает положение, что мир управляется сейчас и долго будет управляться политикой силы.

Современные английские геополитики пытаются использовать схемы Макиндера для оправдания антисоветских блоков. Так, английский геополитик Мауди, преподаватель Лондонского университета, на все лады рекламирует Макиндера в качестве пропагандиста антисоветских планов.

Так современные геополитики ссылками на географическое положение Англии пытаются оправдать агрессивную политику империализма и организацию антисоветских блоков.

Для «теоретического подкрепления» своих измышлений геополитики воскрешают давно опровергнутую догму о решающей роли географического фактора в развитии человеческого общества.

«География, — вещает Дэвис, — является самым основным фактором во внешней политике государств, так как она является наиболее постоянным фактором». «История — это география, приведенная в движение», — гласит излюбленный лозунг современных геополитиков.

Попытки трактовки географических условий в качестве определяющего фактора общественного развития не новы. Эти идеи в духе географического направления, неоднократно высказывавшиеся в буржуазной литературе, полностью опровергнуты теорией исторического материализма. Классики марксизма-ленинизма всегда признавали важное значение географической среды в развитии общества. Но они показали, что само влияние географических условий, как и всякого рода других природных условий, определяется способом производства, играющим ведущую роль в развитии общества. В работе «Наемный труд и капитал» К. Маркс писал: «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»⁴¹. Сама возможность воздействия того или иного географического условия, степень, характер и формы этого воздействия определяются экономическим состоянием данного общества, уровнем развития производительных сил. Так, например, только с появлением машинной индустрии угольные копи и железные рудники приобрели особое значение для экономического развития.

Старые представители географического направления в социологии, например Монтеस्कье, Карл Риттер, Бокль и другие,

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 441.

признававшие географическую среду решающим фактором исторического развития, давали совершенно неправильную трактовку вопроса о значении географической среды, но они исходили из реальных географических фактов. В отличие от этих заблуждавшихся представителей географического направления геополитики сознательно извращают географические факты. Они оперируют фальсифицированной географией, в которой географические факты преподносятся в таком свете, в каком это выгодно данной империалистической группировке в данной ситуации. Географическое положение определяется геополитиками не действительным положением той или иной территории, а интересами империалистической экспансии. Это отчетливо видно на примере вымышленной Макиндером географической схемы, приведенной выше.

Фальсификация геополитиками географических положений отчетливо выступает в сконструированной ими «теории естественных границ». Суть последней сводится к тому, что государство должно быть обеспечено хорошими «естественными границами» в виде высоких горных цепей, глубоких рек, морских берегов и т. д. Не приходится говорить о том, что эти «естественные границы» выражают намечаемые империалистами масштабы экспансии данного государства на ближайший период. В действительности так называемые естественные границы определяются в первую очередь не географическими моментами, а чисто политическими причинами, соотношением сил отдельных государств.

Маркс и Энгельс в свое время разоблачили эту «теорию естественных границ». Энгельс писал: «Мы теперь увидели, к чему ведет теория «естественных границ», выдвинутая проповедниками идеи «великой средневропейской державы». Такое же право, которое Германия имеет на По, Франция имеет на Рейн. Если Франции не следует ради хорошей военной позиции присоединять к себе 9 миллионов валлонов, нидерландцев и немцев, то и мы не имеем также никакого права из-за военной позиции поработать 6 миллионов итальянцев. И эта естественная граница, река По, в конце концов является лишь только военной позицией, и только поэтому, говорят нам, Германия должна ее удерживать»⁴².

Ярким примером того, как при помощи ссылки на вымышленные географические факты оправдывается создание империалистических блоков служит схема Атлантического сообщества, в которое включены столь отдаленные от Атлантического океана страны, как Греция и Турция. Борзониусы империалистической реакции распространяются об «атлантической культуре», «атлантических связях», «атлантических путях», «атлантическом веке» в развитии общества. Эта теория дает благовидный предлог для обоснования территориальной экспансии и создания всякого рода империалистических блоков. В частности, подголоски империалистиче-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 276.

ской реакции ссылаются на то, что Атлантический океан якобы «слишком узок» для того, чтобы служить надежным прикрытием. что страны, прилегающие к океану, образуют якобы «единую стратегическую область».

Вся эта реакционная стратегия специально придумана для того, чтобы прежде всего оправдать агрессивный Северо-атлантический блок.

В своих различных вариантах геополитика используется для идеологической подготовки новой мировой войны. Геополитика является идеологическим оправданием тех чудовищных преступлений, которые готовят агрессивные силы империализма; как и мальтузианство, она демонстрирует, какую угрозу представляет империализм для народов мира.

4. БУРЖУАЗНЫЙ КОСМОПОЛИТИЗМ — ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ИМПЕРИАЛИСТОВ

Среди реакционных теорий, призванных оправдать империалистическую агрессию, наряду с мальтузианством и геополитикой, фигурирует и буржуазный космополитизм. Последний выполняет специфические функции в идеологической подготовке третьей мировой войны. Он пытается оправдать подчинение более слабых государств главным империалистическим державам соображениями об «устарелости» государственного суверенитета. Буржуазный космополитизм старается приукрасить бредовые планы мирового господства, лелеяемые агрессивными империалистическими кругами и преподносимые ими под флагом «мирового государства».

Стремясь скрыть подлинные причины и подлинных виновников империалистических войн, буржуазные космополиты пытаются поставить вещи на голову, изобразив государственный суверенитет в качестве якобы источника... военной опасности. Буржуазные экономисты превратили государственный суверенитет в настоящего «козла отпущения», на которого сваливают ответственность за все преступления империализма и прежде всего за империалистические войны. Буржуазные писатели из кожи лезут вон, чтобы показать, что государственный суверенитет якобы устарел, что он не соответствует тенденциям развития мировых хозяйственных связей.

Английский буржуазный экономист Хоутри договорился даже до того, что приравнял стремление сохранить государственный суверенитет с тенденцией удерживать остатки варварства⁴³.

Для характеристики фальсификаторских приемов, к которым прибегают современные идеологи империализма, показательна книга Куртиса «Мировая война, ее причина и лечение», изданная

Оксфордским университетом в 1945 г. Куртис объясняет происхождение мировых войн наличием суверенных государств, существование которых, по Куртису, приводит к анархии в международных отношениях. Выход автор видит в создании мощного блока из государств Западной Европы, с включением туда США. Иными словами, Куртис в 1945 г., когда еще велась вторая мировая война, намечал создание блока, который предвосхитил Северо-атлантический блок. Апологетическую суть этой теории, сводящейся к тому, чтобы отвести внимание трудящихся от капиталистической системы, которая является действительным источником всех бедствий трудящихся, и от задач революционной борьбы, недвусмысленно признал Роббинс. «Не капитализм, — пререкает он, — а... национализм, который ведет к нищете и конфликтам, является причиной наших современных бедствий. То, в чем мир нуждается, это — не социалистическая революция. Национализм есть нечто, что должно быть преодолено»⁴⁴. Под национализмом в данном случае имеется в виду стремление оградить национальный суверенитет. Трудно выразить более откровенно стремление монополий отвлечь внимание трудящихся от борьбы против империалистических поработителей.

Фальсификаторский прием Куртиса, Роббинса и других современных оруженосцев буржуазного космополитизма, пытающихся представить наличие государственного суверенитета в качестве первоисточника войн, очевиден в свете ленинской теории империализма, дающей исчерпывающее объяснение причин, порождающих империалистические войны. Последние представляют собой неизбежное порождение противоречий, характеризующих империалистическую стадию капитализма. В силу неравномерности политического и экономического развития капиталистических стран, существующее распределение между ними территорий, колоний и т. д. вступает в противоречие с изменившимся соотношением экономических и политических сил. Отсюда — стремление добиться нового передела мира, которое осуществляется путем войн.

Как известно, борьба за мировое господство, составляющая содержание империалистической политики, неразрывно связана с подчинением все новых стран, ликвидацией суверенитета более слабых государств. В современных условиях борьба за государственный суверенитет является мощным средством защиты против империалистических агрессоров, стремящихся подавить национальную независимость и поработить более слабые народы.

Современные космополитические «теории мирового государства» имеют идейное родство с пресловутой «теорией ультраимпериализма» Каутского или родственной ей «теорией интеримпери-

⁴³ R. G. Hawtrey. Economic Aspects of Sovereignty. L., 1930, p. 138—139.

⁴⁴ L. Robbins. Economic Planning and International Order. L., 1937, p. 327.

лизма» Гобсона. В. И. Ленин еще в годы первой мировой войны подверг эту теорию уничтожающей критике, не оставив от нее камня на камне. В. И. Ленин показал, что развитие к всемирному тресту идет «при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультра-империалистического» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»⁴⁵. На примере тогдашних каутскиански-троцкистских проектов создания сверхимпериалистического государства в виде Соединенных Штатов Европы В. И. Ленин показал, что всякого рода объединения империалистических государств представляют соглашения о дележе мира, о дележе колоний и зависимых стран. Но в условиях капитализма единственным принципом такого дележа является соотношение сил. А последнее, в силу действия закона неравномерности экономического и политического развития капитализма, не может оставаться неизменным. Противоречия между империалистическими государствами не могут быть ликвидированы. Они получают свое временное разрешение лишь путем империалистических войн. «При капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике»⁴⁶. Империалистические войны, временно восстановив вооруженной силой «равновесие» в международной области в пользу победителей, порождают противоречия между империалистическими государствами на новой базе и в новых формах.

Космополитические теории в Англии не являются новостью. Одним из первых проповедников космополитизма на английской почве был Гобсон. Еще в 1915 г. он выпустил книгу под названием «К международному правительству», в которой выступил с пропагандой объединения всех империалистических государств под эгидой единого «международного совета» и «международного правительства». Космополитический план Гобсона целиком подчинен интересам британского империализма. Он не нашел ничего лучшего, как сослаться на пример Британской империи в качестве образца, которому должно следовать это пресловутое «международное правительство»⁴⁷.

Подобно Гобсону, с таким проектом «мирового государства» выступил Эдвин Кеннан⁴⁸.

Тот же мотив характерен и для книги Роббинса «Об экономических причинах войн», опубликованной в 1939 г. Наиболее актуаль-

ной задачей Роббинс в этой книге считал создание Соединенных Штатов Европы, конечно, без СССР⁴⁹. В то же время в этом проекте почетное место отводилось гитлеровской Германии. Это лишняя иллюстрация того, что лозунги «демократии» и борьбы с тоталитаризмом, которыми любят щеголять Роббинс и ему подобные, представляют собой только маску, скрывающую глубоко реакционное содержание их программы. Роббинс в этой книге выступает как идеолог безраздельного господства английского империализма. Англия, по его замыслу, должна играть ведущую роль в проектируемых им Соединенных Штатах Европы.

Это же стремление оправдать и в то же время замаскировать стремление британского империализма к мировому господству лежало в основе космополитических теорий лейбористов. В программе лейбористов 1918 г. планы мирового господства британского империализма преподносились под флагом борьбы, как говорилось в этой программе, «за универсальную лигу или общество народов, за сверхнациональную власть с международным судом».

Эттли еще в 1935 г. писал, что идея национальных государств якобы отжила⁵⁰. В послевоенный период лейбористы выступили с еще более беззащитной проповедью ликвидации национального суверенитета. В выпущенной в 1948 г. руководством английской лейбористской партии брошюре «Обеими ногами на земле», обосновывающей империалистическую политику, национальный суверенитет высокомерно третируется, как «академическое понятие, предназначенное для философов».

Буржуазный космополитизм, получивший особенно широкое распространение и в английской и в американской литературе после второй мировой войны, приобрел в этот период некоторые новые специфические черты. Важнейшей особенностью буржуазного космополитизма на современном этапе является то, что он превратился прежде всего в идеологическое прикрытие борьбы американских монополий за мировое господство. Формально буржуазный космополитизм выступает с требованием отказа от национального суверенитета в пользу «мирового государства» и «всемирного правительства». Но на практике это требование в современных условиях означает, что все капиталистические страны должны отказаться от своего суверенитета в пользу США.

Важнейшей функцией современного буржуазного космополитизма является идейное разоружение и подавление национального самосознания народов, отстаивающих свою независимость от посягательств со стороны американского империализма.

Буржуазный космополитизм призван не только оправдать уже существующую зависимость капиталистических стран от США, но и пропагандировать под видом защиты ограничения и ликвидации

⁴⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 94—95.

⁴⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 310.

⁴⁷ J. H o b s o n. Towards International Government. L. — N. Y., 1916, p. 142

⁴⁸ E. C a n n a n. An Economist's Protest. L., 1927.

⁴⁹ L. R o b b i n s. The Economic Causes of War. L., 1939, p. 106.

⁵⁰ C. R. A t t l e e. The Will and the Way to Socialism. L., 1935, p. 90—91.

национального суверенитета дальнейшее усиление этой зависимости.

Смысл кампании, которую буржуазные космополиты ведут против национального суверенитета, состоит в том, чтобы приукрасить экспансию американских монополий, нарушающих суверенные права народов, а тех, кто сопротивляется американскому пропихиванию, представить сторонниками отжившего «эгоистического национализма».

Весьма отчетливо этот проамериканский характер современного буржуазного космополитизма выступает в пресловутом плане Баруха о «контроле» над атомной энергией. По этому проекту международный контрольный орган, находящийся фактически в руках США, получает право собственности и неограниченного контроля не только на атомное сырье и атомные предприятия, но и на смежные отрасли промышленности, включая металлургические и химические заводы. Американский план открыто требует признания за этим международным органом права вмешиваться в любую область экономической жизни каждого государства.

Реализация этого плана означала бы переход в полное и неограниченное распоряжение монополий США всех источников атомного сырья и производства атомных бомб во всем мире. Естественно, что Советский Союз и страны народной демократии решительно отвергли этот план, диктуемый необузданными аппетитами американских монополий, их стремлением к мировому господству. Как известно, монополия США на атомную бомбу давным-давно ликвидирована Советским Союзом. Вместе с ликвидацией этой монополии особенно явно обнаружилась перед всем миром беспочвенность и фантастичность плана Баруха.

В современных условиях пропаганда космополитизма не может не означать оправдания политики прислужничества перед американскими монополиями.

Другой особенностью современного буржуазного космополитизма, наряду с его проамериканским характером, является его антисоветский характер. Писания современных космополитов пронизаны неистовой злобой против СССР, стран народной демократии в Европе и Азии. Под шум разговоров о «мировом государстве» происходит сколачивание антисоветских блоков. Космополитические идеи о «мировом государстве» и «всемирном правительстве» используются как лозунги, специально противопоставляемые Советскому Союзу, который неустанно и последовательно отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов.

Современные проповедники «сверхгосударства» не ограничиваются только идеологической борьбой против демократического, антиимпериалистического лагеря. Под флагом подготовки «сверхгосударства» американскими империалистами формируются различные военно-политические блоки, призванные организовать

подготовку войны против СССР и стран народной демократии. Среди этих блоков главную роль играет агрессивный Североатлантический союз. Последний является воплощением на практике космополитических теорий.

Современные проамериканские космополитические теории конкретно воплощаются на практике и в таких организациях, как в созданном по «плану Шумана» Европейском объединении угля и стали, подчиняющем себе угольную и металлургическую промышленность шести западноевропейских государств (Западной Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга), в Европейском оборонительном сообществе, призванном объединить под «общим» (фактически под американским) командованием вооруженные силы капиталистических государств Западной Европы.

Суть этих международных организаций — создание в Западной Европе военного арсенала и наемных армий на базе милитаризованной Западной Германии, которые можно было бы поставить на службу агрессивной военной машине США.

Американский империализм вслед за созданием этих международных организаций в Европе поставил перед своими западноевропейскими сателлитами новую задачу: создать «сверхнациональную политическую организацию», которая смогла бы осуществить дальнейшую ликвидацию государственного суверенитета шести стран, входящих в Европейское объединение угля и стали, и еще больше ограничить функции отдельных правительств, еще больше подчинить их американскому диктату.

Эта политика направлена не только против СССР и стран народной демократии: для достижения своих целей американские монополии стараются ослабить Британскую империю, подорвать влияние Англии в ее колониальных владениях и в Европе. Тем не менее космополитические теории имеют широкое хождение в современной Англии. Это объясняется не только историческими традициями — ликвидацией в прошлом национального суверенитета многих стран английскими колонизаторами: дело также в том, что английский монополистический капитал рассчитывает использовать созданные под флагом космополитических теорий международные организации в своих интересах, играя на противоречиях между США и другими странами и надеясь, что Англии удастся ослабить господствующее сейчас влияние США в этих организациях.

Поэтому, хотя теоретическая аргументация американских и английских буржуазных космополитов в основном совпадает, имеются существенные различия между ними в трактовке отдельных практических вопросов, связанных с международными организациями, образование которых оправдывается космополитическими теориями. Эти разногласия отражают обостряющиеся англо-американские противоречия.

Эти противоречия нашли свое выражение в различном отношении к такой международной организации, как Европейское объединение угля и стали. Одной из задач этого объединения, созданного по инициативе американских монополий, является подрыв конкурентной способности английской тяжелой промышленности. Рурские магнаты, играющие крупнейшую роль в этом наднациональном монополистическом объединении, надеются дешевой своей продукции выбить английских конкурентов из занимаемых ими позиций. Английский монополистический капитал отказался вступить в Европейское объединение угля и стали, но в то же время поддерживает контакт с этим объединением, послав свою делегацию в высший орган последнего. Очевидно, английские монополии не теряют надежды, что при благоприятных условиях им удастся направить деятельность этого объединения в желательном для себя направлении⁵¹.

Двойственное положение, в котором находится английский империализм (как участник общего империалистического блока и как объект наступления со стороны американских монополий), — стремление, с одной стороны, урвать для себя выгоды от мероприятий, проводимых американским империализмом, и боязнь, с другой стороны, что эти мероприятия усилят зависимость Англии от США, — отражается в борьбе разных точек зрения в английской буржуазной литературе. Наряду с широко распространенной пропагандой буржуазного космополитизма и охаиванием национального суверенитета в буржуазной прессе начинают раздаваться трезвые голоса о том, что ликвидация государственного суверенитета ни к чему хорошему не приведет. Характерно, что основным аргументом в английской литературе против американских проектов создания «сверхнациональной политической организации» в Европе является ссылка на то, что это приведет к потере национального суверенитета. Для английской позиции в этом вопросе весьма характерна статья в английском журнале «Юристен ревью» (декабрь 1951 г.) под заголовком «Предстоящее объединение Европы». Статья резко ополчается против проекта создания «европейской федерации», квалифицируя его как выражение «благжелательного деспотизма». «В наше время, — заявляет статья, — государства, которые согласились бы передать решение таких важных вопросов (как военное дело, внешняя политика, налоговая политика и финансы. — *И.Б.*) какому-либо сверхнациональному органу, не сохранили бы в своих руках никакого суверенитета, достойного этого названия». Английский журнал «Стейтист» в

⁵¹ Европейское объединение угля и стали выработало в марте 1953 г. проект так называемого Европейского политического сообщества, который был предметом обсуждения на совещании министров иностранных дел государств, входящих в Европейское объединение угля и стали в мае 1953 г. Уже в начале обсуждения этого вопроса выявились острые противоречия между отдельными государствами, в особенности между Западной Германией и Францией, сделавшие этот проект нереальным.

июне 1952 г. высказывает тревогу по поводу попыток создания «мирового правительства». «Стоит только ликвидировать или поколебать национальный суверенитет и создать вместо него какой-нибудь центральный правительственный орган... без национальной принадлежности, как любая хунта сможет захватить власть и превзойти все виды империализма»⁵². «Стейтист» тревожит то, что при этих условиях Англия может быть обречена на ту же жалкую участь, на которую она обрекала и обрекает зависимые от нее страны.

Начинающая проявляться в английской буржуазной литературе оппозиция против безоговорочного отрицания национального суверенитета — непосредственный результат англо-американских противоречий, достигших такого обострения, когда часть английской буржуазии начинает понимать, что наступление американских монополий угрожает национальной независимости Англии.

5. АПОЛОГИЯ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Наряду с человеконенавистническим тезисом о «спасительной» роли империалистической войны буржуазные экономисты заинтересованы в том, чтобы представить в наиболее благоприятном свете милитаризацию экономики капиталистических стран.

Военная экономика характеризуется огромным ростом производительного потребления, колоссальным расхищением производительных сил. Несмотря на то, что война дает толчок для развития некоторых отраслей, обслуживающих военные нужды, она в конечном счете ведет к упадку производительных сил. Потребление многомиллионных армий, истребление в ходе войны огромного количества всякого рода материалов, не говоря уже о прямых военных разрушениях, поглощают колоссальное количество материальных ресурсов, извлекаемых из процесса производства и обратно в него не возвращаемых. К. Маркс в свое время писал: «Война... в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала...»⁵³.

Буржуазные апологеты стараются всячески затуманить эту существенную особенность военной экономики. В буржуазной литературе часто повторяется тезис, что война якобы служит одним из важнейших рычагов развития производительных сил и что военные расходы имеют производительный характер.

В. И. Ленин дал достойную ответь такого рода попыткам апологии войны в своей оценке книги немецкого буржуазного экономиста Гёнигера «Хозяйственное значение германского военного дела». По поводу этой книги В. И. Ленин писал: «Болтовня преданного милитаризму пошляка, который доказывает, что де расходы на войско вовсе не потеря, ибо деньги остаются в стране, от них

⁵² «Statist», June 7. 1952.

⁵³ «Архив Маркса и Энгельса», т. IV. М., Партиздат, 1935, стр. 29.

громадная прибыль, военная служба воспитывает и укрепляет etc. etc.»⁵⁴.

Буржуазные экономисты в целях апологетики стараются использовать характерную для войны видимость «промышленного подъема», выражающуюся в повышенном спросе на товары, высоких прибылях и т. д. По вполне понятным причинам апологеты буржуазии умалчивают, что за этим видимым «благополучием» скрываются процессы, знаменующие собой громадные разрушения производительных сил.

Особенно много буржуазная апологетика изощряется в том, чтобы замазать социальные последствия военной экономики.

Военная подготовка и империалистическая война вызывают огромное обострение капиталистических противоречий. Движущей силой этой военной экономики являются монополии, для которых милитаризация хозяйства и сама война представляют доходную статью.

Война, обычно являющаяся источником обогащения капиталистов, приобретает особое значение и исключительный размах в эпоху империализма, когда подчинение государственного аппарата финансовой олигархии создает основу для небывалого разгула капиталистических мародеров, для самого беззастенчивого использования средств государственного бюджета в интересах монополий. В. И. Ленин в 1917 г. охарактеризовал капиталистическое хозяйство «на войну», как «систематическое, узаконенное казнокрадство»⁵⁵. В. И. Ленин писал, что «особенно крупные фирмы и банки, ссужающие деньги под операции с военными поставками, наживаются здесь неслыханные прибыли, наживаются именно казнокрадством, ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей»⁵⁶.

С развитием военной техники, с применением новых видов вооружения, с дальнейшим ростом механизации вооруженных сил, с небывалым ростом военной авиации и т. д. война становится все дороже, а это делает ее еще более важным способом обеспечения огромных прибылей для капиталистических монополий. Достаточно сравнить первую и вторую мировые войны для того, чтобы убедиться в этом. Прибыли американских монополий за период второй мировой войны увеличились втрое — небывалый случай в истории капиталистической страны за такой короткий период времени. Ярким примером того, как современное развитие военной техники используется для обогащения монополий, является атомное оружие. В современных условиях сама война становится важнейшим фактором, способствующим обогащению монополистического капи-

тала. Это новый факт, знаменующий собой небывалое усиление загнивания капитализма.

Буржуазные экономисты стараются прежде всего всячески скрыть важнейшую черту военной экономики капиталистических стран, именно то, что она является средством обогащения монополистического капитала. У разных буржуазных авторов этот апологетический прием получает разнообразное выражение. Одни из них пытаются искусственно сконструировать «различие» между военным и капиталистическим хозяйством, утверждая, что в военной экономике стремление к получению прибыли не является, мол, основным стимулом хозяйствования (на опровержении этого апологетического домысла мы остановимся ниже). В английской литературе получил преимущественное распространение другой прием буржуазной апологетики: империалистическую войну пытаются представить как средство «социальной пивелировки», т. е. как средство смягчения имущественных различий, смягчения социальных контрастов. Идейку о том, что задачей экономической политики буржуазного государства является будто бы «социальная пивелировка» в Англии пустил в обращение Альфред Маршалл. Эту же апологетическую идейку особенно широко использовали лейбористы, сделавшие ее основой своего пресловутого «демократического социализма» («социализм, осуществленный через более справедливое распределение»). Эту же идейку английские буржуазные экономисты пытаются использовать по всякому поводу, в том числе и для того, чтобы совершенно исказить природу военной экономики. Представить дело так, что основные жертвы по ведению войны несут богатые, а трудящиеся в конечном счете выигрывают от этого — таков смысл этого шитого белыми нитками апологетического маневра.

В откровенно циничной форме суть этого маневра выразил Пигу, выступивший после первой мировой войны с работой «Политическая экономия войны». Пигу пытался так представить суть социальных изменений, вызываемых войной: «Правительство, взимая деньги с более богатых членов общества в виде налогов и займов, передает их людям, призванным из промышленности в армию. Уход этих людей из промышленности увеличивает ценность оставшихся работников и делает для предпринимателей выгодным платить повышенное вознаграждение даже таким людям, которые в обычное время остались бы без работы... Эти ценности, взимаемые путем налогов и займов, в обыкновенное время пошли бы на удовлетворение потребностей более богатых людей и для иностранных кредиторов»⁵⁷.

Такую пидиллическую картинку рисовал Пигу в начале 20-х годов. Не менее пидиллическую картинку рисовал Кейнс в начале

⁵⁴ В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., Госполитиздат, 1939, стр. 163.

⁵⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 315.

⁵⁶ Там же, стр. 316.

⁵⁷ А. К. Пигу. Политическая экономия войны. Л., Изд-во Ленингр. воен. округа, 1924, стр. 21—22.

второй мировой войны, предложив свою схему финансирования войны. Замораживание заработной платы, принудительное отчисление части заработной платы в фонд сбережения до окончания войны, отказ от обложения военных сверхприбылей и т. д. Кейнс рекламировал следующим образом: «Полная схема, ныне предложенная..., означает движение к социальному равенству в значительно большей степени, чем какая-либо другая, предложенная за последнее время»⁵⁸.

Это воспевание военной экономики применяется до последнего времени. Редактор лондонского «Экономиста» Том Кент в статье, опубликованной в апреле 1951 г., так живописует «благодетельные» последствия второй мировой войны для социальных отношений Англии: «Военная экономика имела ряд преимуществ, которыми компенсировалось вызванное ею крушение надежд и лишения. Это был период полной занятости после многих лет депрессий; скорее случайно, чем преднамеренно, эта политика привела к весьма значительному смягчению неравенства доходов; она дала возможность уничтожить многие социальные несправедливости»⁵⁹.

Так выглядит на бумаге приукрашенная и принаряженная военная экономика, изображаемая чуть ли не в роли какого-то «социального эдема». Нечего говорить о том, что эта картинка, нарисованная в духе рождественских сказок, не имеет ничего общего с действительностью. Когда наблюдаешь эти неуклюжие попытки представить военную экономику капиталистических стран как реализацию какой-то «социальной справедливости», вспоминается меткая характеристика В. И. Ленина по адресу немецкого социал-демократа Ленча в период первой мировой войны. Ленча, который пытался представить самую империалистическую войну как «подъем пролетариата», как «революцию», В. И. Ленин охарактеризовал одним убийственным словом: «шут!»⁶⁰.

В действительности милитаризация экономики капиталистических стран знаменует собой усиление капиталистической эксплуатации, рост обнищания трудящихся, происходящий наряду с небывалым обогащением монополистического капитала. Капиталистические страны превращаются во время войны, по словам В. И. Ленина, «в военно-каторжные тюрьмы для рабочих»⁶¹. Подлинная суть социальных изменений, вызванных военной экономикой, не имеет ничего общего с идиллией, нарисованной буржуазными апологетами. Это легко показать на примере Англии периода второй мировой войны.

Война дала повод английским монополистам усилить традиционные методы производства абсолютной и относительной прибав-

⁵⁸ J. M. Keynes. How to Pay for the War. L., 1940, p. IV—V.

⁵⁹ T. Kent. The Economics of Defence. «Twentieth Century», April, 1951, p. 261.

⁶⁰ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 536.

⁶¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 355.

очной стоимости. Число проработанных часов в среднем на рабочего возросло в 1944 г. по сравнению с 1938 г. на 9,5%.

Наряду с удлинением рабочего дня имела место интенсификация труда. Косвенным показателем последней служит рост несчастных случаев на производстве. По сравнению с 1938 г. число последних на предприятиях в 1941 г. возросло на 80%. По сравнению с тем же 1938 г. число несчастных случаев среди женщин-работниц в 1940 г. удвоилось, а в 1943 г. — учетверилось. В угольной промышленности ежегодно каждый четвертый (до войны — каждый пятый) рабочий становился жертвой несчастного случая⁶².

Английская буржуазия в годы войны широко использовала подлую капиталистическую практику, обрекающую женщин на более низкую заработную плату по сравнению с мужчинами. Удельный вес женского труда значительно повысился. Свыше 2 млн. женщин впервые поступили на работу во время войны. Увеличение рабочей силы в важнейших отраслях, связанных с обслуживанием военного ведомства (машиностроении, металлургии, химической промышленности), с 3 до 5 млн. человек происходило в основном за счет вовлечения женщин.

Большое число сверхурочных часов работы при непрерывно сокращающейся реальной заработной плате и ухудшении продовольственного снабжения подрывало жизненные силы рабочих.

Значительную роль в ухудшении положения рабочих сыграло усиление во время войны налогового бремени в связи со снижением ставок налогооблагаемого дохода, повышением ставок прямого налога, отменой ряда налоговых льгот. Уже в 1943 г. 7 млн. английских рабочих уплатило 200 млн. ф. ст., т. е. на 2 млн. ф. ст. больше, чем общая сумма расходов государственного бюджета Англии накануне первой мировой войны⁶³.

Буржуазия использовала войну для того, чтобы лишить рабочих элементарных прав. Министерству труда и национальной повинности были предоставлены исключительные полномочия в отношении регулирования условий труда. Так называемый закон о важных работах (закон от 5 марта 1941 г.), действие которого распространялось на военные предприятия и все важнейшие отрасли, запрещал уход с работы без разрешения представителя министерства труда. Главным «достижением» монополий было принятие парламентом пресловутого акта 1305, запрещающего стачки.

Антирабочее законодательство было осуществлено не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Даже американский буржуазный экономист Альберт Витон, написавший в 1942 г. статью о военной экономике Англии, вынужден был признать, что

⁶² «Правые лейбористы на службе английского и американского империализма», М., Госпланиздат, 1950, стр. 199.

⁶³ А. М. Алексеев. Военные финансы капиталистических государств, изд. 2. М., Госполитиздат, 1952, стр. 177.

«британский фермер контролируется и направляется на каждом шагу; работники фермы (farmerhand) имеют теперь не больше свободы передвижения, нежели в середине века»⁶⁴.

Все тяготы войны буржуазия возложила на трудящихся. Финансирование войны производилось за счет снижения жизненного уровня рабочего класса и всех трудящихся. Буржуазные экономисты изощрялись в самой пошлой демагогии с тем, чтобы «обосновать» необходимость сокращения гражданского потребления. Особенно охотно использовался истрепанный за давностью времен «аргумент» о том, что увеличение заработной платы якобы неизбежно приведет к инфляции.

Война вызвала значительное сокращение потребления гражданского населения. Расходы населения в Англии на покупку товаров и оплату потребительских услуг (выраженные в довоенных ценах) уменьшились с 4 147 млн. ф. ст. в 1938 г. до 3 244 млн. ф. ст. в 1944 г. Расходы на одного потребителя за тот же период сократились с 87,9 ф. ст. до 73,9 ф. ст. или на 22%⁶⁵. Расходы на предметы питания снизились на 11%, на одежду и обувь — на 34%, домашнюю утварь — на 82% и т. д.⁶⁶.

Суммарные данные о снижении потребления не дают еще, конечно, полного представления о лишениях рабочих, ибо эти данные охватывают потребление всех классов. Однако совершенно очевидно, что значительное сокращение потребления было уделом только трудящихся. Буржуазия постаралась оградить себя от лишений в этой области. Нормирование было распространено только на предметы массового потребления. Специфическая сфера потребления господствующих классов — предметы роскоши — была освобождена от нормирования. В упомянутой выше работе Пигу уместно подводит «теоретическую» базу, оправдывающую никак не контролируемое потребление предметов роскоши финансовой олигархии такого рода «экономическими аргументами»: «Предметы роскоши являются менее выгодными объектами для экономии, чем большая часть необходимых для жизни товаров»⁶⁷. В качестве примера продуктов, сокращение производства которых не дало бы никакой экономии для военного дела, Пигу приводит «балльные платья»⁶⁸.

Это является лишь примером того, что буржуазные апологеты, эти хранители и проповедники «теории воздержания», оправдывают расточительство магнатов капитала не только в обычные времена, но и тогда, когда империалистическое государство, используя состояние войны как повод для «регулирования» потреб-

ления широчайших народных масс, подтягивает их вплоть до голода⁶⁹.

Буржуазия, кроме того, имела возможность покупать нормированные продукты по повышенным ценам на черном рынке.

В отношении военной экономики Англии, как и в отношении военной экономики других капиталистических государств, целиком оправдалось то, что В. И. Ленин писал еще в 1917 г. про буржуазное государство. «Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакционной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, и регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь *не посягая* на действительное регулирование потребления в смысле *контроля за богатыми*, в смысле возложения на них, лучшие поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, *больших* тягот в военное время»⁷⁰.

Военная экономика капиталистических стран, вопреки фальшивым утверждениям буржуазных апологетов, характеризуется огромным перераспределением национального дохода в пользу монополий. Даже фальсифицированная буржуазная статистика дает некоторое, хотя очень неполное, представление об этом процессе. В Англии, где, как увидим ниже, монополии проявили особую изощренность в деле маскировки военных сверхприбылей, также можно проследить этот процесс. Так, доходы английских капиталистов (в текущих ценах), полученные в форме прибыли и процентов, увеличились с 1326 млн. ф. ст. в 1938 г. до 2376 млн. ф. ст. в 1944 г., т. е. на 79,2%, в то время как общая сумма номинальной заработной платы рабочих и служащих возросла с 2835 млн. ф. ст. до 4403 млн. ф. ст., т. е. на 55,3%⁷¹.

Военная экономика характеризуется также значительным усилением процесса централизации капитала, разорением мелкой и средней буржуазии. Под предлогом необходимости концентрации военного производства в Англии было осуществлено массовое закрытие мелких и средних предприятий. К середине 1943 г. концентрация производства охватила 70 промышленных отраслей, в которых было закрыто 3,5 тыс. предприятий. Правда, владельцы закрытых предприятий получали возмещение из специального

⁶⁹ Газета «Таймс», которую никак нельзя обвинить в симпатиях к рабочему классу, писала в 1940 г.: «Роскошные витрины дорогого платья, драгоценностей, мехов и т. д., которые еще видны в Вест-Энде, являются издевательством над призывом к жертвам и лишениям. Таким же издевательством над призывом к жертвам и лишениям является наличие широко распространенных роскошных автомобилей, потребляющих огромное количество бензина» (Цит. по журн. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 7, стр. 34).

⁷⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 321—322.

⁷¹ «Statist», April 28, 1945, p. 360.

⁶⁴ «Economic Problems of War», edited by G. A. Steiner, 1942, p. 3—39.

⁶⁵ «The Impact of War on Civilian Consumption in the United Kingdom», United States and Canada, L., 1945, p. 21.

⁶⁶ Ibid., стр. 26.

⁶⁷ А. Р. Пигу. Политическая экономия войны, стр. 36.

⁶⁸ Там же, стр. 35.

фонда, образуемого функционирующими предприятиями, но последним передавались все заказы закрываемых фирм. Это дало возможность оставшимся, т. е. наиболее крупным фирмам, в еще большей мере монополизировать рынок. В ряде случаев функционирующие фирмы приобретали в полную собственность предприятия ликвидируемых фирм, либо большинство акций этих фирм.

Наряду с мифом о «социальной нивелировке» в буржуазной литературе распространен другой миф о том, что в условиях военной экономики перестают действовать стихийные экономические законы и что там осуществляется плановое хозяйство. Эта версия также не выдерживает критики. Как об этом говорилось выше, планирование является отражением закона планомерного развития народного хозяйства, который действует только в социалистических условиях на базе обобществления средств производства. При капитализме же действует закон конкуренции и анархии производства, исключающий возможность народнохозяйственного планирования. Во время войны сильно вырастает роль централизованного спроса со стороны государственных органов на военную продукцию. Это создает видимость «контроля» государства над экономикой. Но поскольку производство остается частной собственностью капиталистических монополий, поскольку само империалистическое государство является орудием капиталистических монополий, постольку анархия производства сохраняется. Меняется лишь форма конкуренции: она принимает форму борьбы за получение заказов. Борьба между монополиями разворачивается внутри государственных органов, предоставляющих заказы. В условиях военной экономики капиталистических стран обостряются все явления, неразрывно связанные с анархией производства, в виде расточительности капиталистического хозяйства, диспропорций между отдельными отраслями, наличия неиспользованных производственных мощностей и т. д.

Уже во время войны сказались результаты расточительного ведения военного хозяйства. Часть огромных производственных мощностей, созданных в годы второй мировой войны, оказалась излишней уже в период войны. Нередки были случаи, когда в ведении министра авиационного производства лорда Бивербрука находились предприятия, работавшие на неполную мощность, в то время как в усилении выпуска их продукции было заинтересовано министерство снабжения.

Миф о плановом характере военной экономики тесно связан с другим мифом, распространяемым в буржуазной литературе, о том, что в условиях военной экономики война за прибылью перестает якобы играть определяющую роль. В буржуазной литературе на все лады повторяется легенда о том, что во время войны основным стимулом становится удовлетворение военных потребностей и что обычный капиталистический мотив отходит на заднее место. Автор большой работы о военной экономике Англии, Мэр-

фи, пытается представить в виде главной «жертвы», на которую во время войны попили «деловые круги», тот факт, что мотиву прибыли не было предоставлено определять течение производства⁷².

История второй мировой войны опровергает эти апологетические измышления. О своих капиталистических интересах — о монопольно высоких прибылях, составляющих основную движущую силу современного капитализма, — о них не забывали ни на минуту даже в самый разгар войны. Правительственные учреждения, предоставляя заказы предпринимателям и заключая с ними соглашения об условиях поставок, были прежде всего озабочены тем, чтобы обеспечить им «нормальную» прибыль. Правительственные органы принимали на себя обязательство гарантировать для определенных условий такой уровень прибыли. В качестве критерия для определения этого уровня правительство брало за основу высокие прибыли, полученные английскими предпринимателями в 1935—1937 гг., т. е. в период до наступления кризиса 1937—1938 гг. Иными словами, правительство предусмотрительно обходило тот факт, что в кризисные предвоенные годы английские предприятия приносили более низкую норму прибыли. Что же касается предприятий, начавших функционировать после середины 1936 г., то для них была установлена норма прибыли в 8—10%, т. е. весьма высокая норма прибыли⁷³.

Для того чтобы судить о том, насколько заботливо правительственные органы оберегали интересы капиталистических предприятий, можно взять в качестве примера их соглашение с железнодорожными компаниями. По этому соглашению железным дорогам была гарантирована в качестве минимума прибыль в сумме 40 млн. ф. ст. (средняя для 1935—1937 гг.). Кроме того, под предлогом необходимости создания у предпринимателей стимулов к применению более эффективных методов компаниям разрешалось увеличить прибыли до 43,5 млн. ф. ст. и сверх этой суммы присваивать половину дополнительной прибыли с тем, чтобы общая сумма прибыли не превысила 55 млн. ф. ст.⁷⁴ Последнее ограничение было введено с целью продемонстрировать публике, что правительство осуществляет «жесткий контроль» над прибылями. Даже в буржуазной прессе того периода это соглашение было оценено как чрезмерно великодушное по отношению к железнодорожным компаниям.

Этот пример, конечно, не является единичным. Он характеризует общую линию поведения английских правительственных органов, заключавших контракты на заказы, которые сулили полу-

⁷² Mary E. Murphy. The British War Economy. 1939—1943, N. Y., 1943, p. 5.

⁷³ Ibid., стр. 210.

⁷⁴ W. K. Hancock and M. M. Gowing. British War Economy. L., 1949, p. 162.

чение высоких норм прибыли. Из опубликованных материалов Комитета государственной отчетности видно, что средняя норма прибыли в черной металлургии за время войны составляла 11,5%. Цены по заказам, распределенным в станкостроительной промышленности, предусматривали еще более высокую норму прибыли. Министерство авиационной промышленности заключало контракты со своими контрагентами на условиях, обеспечивающих самолетостроительным фирмам не менее 10—15%.

Контракты правительственных органов с отдельными фирмами предусматривали предоставление субсидий предприятиям с более высоким уровнем издержек производства. При этом созданные во время войны органы «контроля» над соответствующими отраслями производства полностью копировали практику капиталистических монополий в распределении заказов и установлении цен.

Таким образом, и в период войны забота об обеспечении высокой прибыли монополиям была первой заповедью английского правительства. Погоня за прибылью является определяющим мотивом в условиях военной экономики капиталистических стран, как и в условиях мирной экономики.

Английская финансовая олигархия и в этой области, как и в других, проявила свойственную ей способность к изощренному обману масс и к маневрированию. В Англии обогащение монополий во время войны не проявлялось в такой обнаженной, неприкрытой форме, как в США⁷⁵. Английская буржуазия постаралась замаскировать это обогащение проведением налога на сверхприбыль. Первоначально в форме налога государством присваивалось 60% сверхприбыли, затем, с 1940 г., — 100%. Таким образом, была создана видимость, что нет военной сверхприбыли, что капиталисты не обогащаются на войне, что они ограничиваются только получением «нормальной» довоенной прибыли. Это был блеф, ибо, во-первых, монополистам удавалось укрыть от обложения значительную часть военных сверхприбылей; во-вторых, часть уплаченного налога на сверхприбыль была возвращена капиталистам после окончания войны.

Эта махинация была широко использована буржуазными экономистами, включая и правых социалистов. Буржуазные экономисты всячески спекулировали на этом, «доказывая», что военная экономика потеряла капиталистический характер. Апологеты капитализма постарались раздуть эту версию. В английской буржуазной прессе во время войны развернулась кампания против налога на сверхприбыль. Апологеты капитализма старались по-

казать, что при наличии этого налога у предпринимателей отпадают стимулы к экономии на издержках производства, к введению более эффективных методов производства, к расширению производства.

На этот «аргумент» ссылался Кейнс в брошюре «Как оплатить войну», написанной еще тогда, когда налог составлял 60% сверхприбыли. Кейнс рьяно выступал против тех, кто требовал стопроцентного обложения сверхприбылей, ссылаясь на то, что это, мол, убьет стимул к экономии⁷⁶.

Особенно большая кампания против налога на сверхприбыль развернулась в 1940—1941 гг., когда было введено стопроцентное обложение сверхприбыли. «Экономист», «Стейтист» и другие «солидные» экономические органы пытались показать, что этот налог препятствует важнейшей задаче военной экономики — созданию благоприятных условий для расширения производства, в котором нуждается военное ведомство.

В послевоенный период авторы, писавшие о военной экономике, также пытались показать, что налог на сверхприбыль создал главную трудность для военного хозяйства. Так, авторы вышедшей в 1949 г. большой работы по этому вопросу Хенкок и Гаунг пытались показать, что наиболее трудно разрешимой проблемой военной экономики Англии была следующая: «найти форму контракта, которая сочетала бы жесткий контроль над прибылями, требуемый общественным мнением, с предоставлением подрядчику достаточных стимулов для развития производительности и экономики»⁷⁷.

Вся эта кампания преследовала двойную практическую цель: с одной стороны, буржуазные экономисты нарочито заостряли «критику» налога на сверхприбыль с тем, чтобы укрепить иллюзии об отсутствии якобы в Англии военных сверхприбылей; с другой стороны, идеологические прислужники финансовой олигархии старались выторговать различные льготы для английских толстосумов.

В действительности наличие налога на сверхприбыль не мешало английским монополиям получать в годы войны значительно более высокую прибыль, чем в мирное время. Капиталисты нашли ряд способов для того, чтобы обойти этот налог. Исчисление прибыли зависит от того, как учитываются издержки производства. Часть прибыли можно записать в виде элементов издержек производства. Фактически определение последних находилось в руках предпринимателей, которые строили учет издержек, исходя из своих интересов. Государственные органы при определении издержек производства пользовались материалами, получаемыми от частных фирм. А последние всегда держат в тайне данные о подлинном положении своих дел, о подлинной величине своих издер-

⁷⁵ Даже официальный меморандум Временного комитета национальной экономики при президенте США жаловался, что во время войны для предпринимателей, выполнявших военные заказы, «прибыли, налоги, займы и т. д. были более важными, чем выпуск пушек, танков и самолетов... Предприниматели соглашались работать только на условиях, продиктованных ими самими» (Цит. по газ. «Правда», 27 октября 1947 г.).

⁷⁶ J. M. Keynes. How to Pay for the War, p. 50.

⁷⁷ W. K. Hancock and M. M. Gowing. British War Economy, p. 161.

жек и прибылей для того, чтобы иметь возможность осуществлять выгодные для себя махинации с балансами, в интересах сокрытия истинных прибылей и обмана массы акционеров.

Особое значение имело то обстоятельство, что при исчислении сверхприбыли контролирующие финансовые органы допускали огромные скидки на амортизационные отчисления, значительно превышающие средний износ основного капитала. Капиталистические предприятия удерживали значительную часть прибыли сверх «нормального» уровня под видом накопления амортизационных фондов. О масштабах этого накопления можно судить по отчету Имперского химического треста: его амортизационный фонд за два года (с 1941 по 1943 г.) увеличился с 6890 млн. ф. ст. до 9773 млн. ф. ст., или почти на 50%. Совершенно очевидно, что действительные размеры изнашивания основного капитала не могли в такой короткий срок увеличиться до таких размеров и, конечно, были несравненно меньше амортизационных отчислений.

Однако воротил монополий не удовлетворяло то, что они получали при помощи всяких методов обхода существующей налоговой системы: они требовали прямых скидок. По их указке за эту задачу принялись буржуазные экономисты, развернувшие «критику» налога с сверхприбыли, как якобы мешающего развитию военного производства.

Это привело к тому, что в 1941 г. правительство предоставило ряд льгот для плательщиков налога с сверхприбыли. Большие скидки были даны владельцам естественных ресурсов, запасы которых могут быть истощены в течение ближайших 50 лет. В апреле 1941 г. английское правительство обязалось по окончании войны вернуть предпринимателям 20% уплаченного ими налога с сверхприбыли для финансирования послевоенной реконверсии.

После окончания второй мировой войны эти обещания были полностью выполнены.

Налог на сверхприбыль способствовал процессу централизации капитала в Англии. Как указывала «Таймс», многие концерны, стремясь укрыть свои прибыли от обложения, затрачивали часть прибылей на скупку акций других предприятий⁷⁸.

Распространение басен о «социальной нивелировке», о потере решающей роли мотива прибыли и т. д. нужно магнатам капитала не только для того, чтобы приукрасить военную экономику капиталистических стран; эти басни используются для решения чисто практических задач финансовой олигархии. Последней нужно во что бы то ни стало оправдать перенесение всех тягот войны и усиление налогового бремени на трудящихся. Для этой цели оказываются пригодными состряпанные буржуазными апологетами фантастические бредни, согласно которым главное бремя военных издержек будто бы падает почти исключительно на господствующие классы. Мораль, которую ученые приказчики капита-

листов пытаются навязать при помощи своих фантастических вымыслов, сводится к тому, что-де и рабочий класс должен взять на себя долю военных издержек. Буржуазные экономисты делают вид, что они не знают о лишениях трудящихся, об их колоссальной изнуряющей работе, об огромных налоговых суммах, уплачиваемых ими, о росте нищеты и т. д.

Буржуазным экономистам иногда выгодно прикидываться дурачками, не знающими самых элементарных, общеизвестных вещей. Так, Кейнс ханжески вопрошал рабочих: «Неужели рабочие претендуют на то, чтобы только они получали выгоды от войны, воспользовавшись ею для увеличения потребления? Неужели они хотят, чтобы все бремя войны — и даже больше того — несли другие?»⁷⁹.

В таком елейном и лицемерном стиле писал Кейнс в 1940 г. В таком же стиле ему вторил «Экономист» в 1950 г. С возмущением высказывается этот, по определению В. И. Ленина, «орган миллионеров» против призыва, что богачи также должны нести какую-то долю бремени войны. «Экономист» объявляет недопустимым даже само предположение, что во время войны 1939—1945 гг. слишком большое бремя лежало на рабочем классе и слишком малое — на богачах⁸⁰.

«Экономист» раскрыл тайный смысл, вкладываемый финансовой олигархией в легенду о «социальной нивелировке», характеризующей якобы военную экономику. Этот смысл сводится к тому, чтобы убедить трудящиеся массы (в особенности рабочий класс), что во второй мировой войне финансовая олигархия якобы несла слишком много жертв, что в готовящейся новой войне финансовую олигархию от этого нужно разгрузить, перенести это бремя на трудящиеся массы, в первую очередь на рабочий класс. С исключительным цинизмом эту насквозь лживую версию развивает профессор Кембриджского университета Остин Робинсон. Последний рисует такую картину: во время войны 1939—1945 гг. сокращение потребления происходило-де за счет ограничения более богатых слоев. «Теперь, — изрекает профессор, — их уровень жизни настолько снизился, что значительная часть ограничения потребления должна происходить за счет других классов»⁸¹. Бедные капиталисты! Их так «обижают», что у них совершенно не осталось средств для того, чтобы финансировать войну. Для того чтобы отвергнуть какие бы то ни было претензии к загребавшим огромные военные прибыли толстосумам, буржуазные апологеты не гнушаются сочинять даже такую явную нелепость, как своеобразную «теорию обнищания капиталистов». И это преподносится в обстановке громадного роста прибылей монополий.

⁷⁹ J. M. Keynes. How to Pay for the War, p. 21.

⁸⁰ «Economist», July 29, 1950, p. 202.

⁸¹ Austin Robinson. The Fiscal Problems of Defence. «Financial Times», April 7, 1951.

⁷⁸ См. «Times», May 20, 1941.

За попытками приукрасить военную экономику капиталистических стран, как и за всякими другими апологетическими построениями, скрывается обычное, всегда свойственное финансовой олигархии стремление усилить наступление на трудящихся и за их счет разрешить все противоречия капитализма.

В послевоенный период Англия, как и другие империалистические страны, не знала подлинной реконверсии, подлинного перевода хозяйства на мирные рельсы⁸².

В особенно больших масштабах милитаризация экономики стала осуществляться в Англии с лета 1950 г., после того как американский империализм развязал агрессию в Корее. Характеристика современной милитаризации Англии дана нами в первой главе настоящей работы.

Оправдание современной милитаризации экономики в Англии, США и других капиталистических странах в условиях, когда еще нет «большой войны», представляет для апологетов империализма специфические трудности и требует от них особых приемов, к рассмотрению которых мы сейчас переходим.

В обстановке могучего движения за мир, охватившего все страны, открытая пропаганда войны становится все более непопулярной и наталкивается на растущий отпор со стороны народных масс. Это вынуждает империалистов маневрировать. Империалисты пытаются обмануть массы, изобразить свою агрессивную политику как миролюбивую, а действительно миролюбивую политику Советского Союза и стран народной демократии представить как политику агрессивную. В экономической области эта маскировка выражается в попытках изобразить современную милитаризованную экономику как какой-то особый тип экономики, отличный от военной экономики, преследующей цели не подготовки войны, а укрепления мира.

Современные буржуазные английские и американские экономисты изобретают в изобретении разных терминов для характеристики современной экономики. Так, Герберт Гендерсон предлагает термин «экономика напряженных отношений». Смысл этого «словотворчества» состоит в том, чтобы пацифистскими словесными покровами скрыть основной факт перевода значительной части производства на военные рельсы.

Некоторые пропагандисты империализма в своих изысканиях маскировочных средств предлагают даже отказаться от термина «переворужение». Так, в упомянутой выше книге «Оборона в холодной войне» (подготовленной Королевским институтом международных отношений) мы находим такое откровение: «Кажется

⁸² Это настолько очевидный и общезвестный факт, что даже «Экономист» вынужден был признать в июле 1950 г.: «Было бы ошибочно говорить, что сейчас Англия собирается вернуться к военной экономике, ибо она по-настоящему никогда не отходила от экономики последней войны» («Economist», July 29, 1950).

более справедливым и более реалистичным заменить слово «переворужение» словами «сила для предотвращения войны». Так, при помощи этой игры в словечки апологеты реакции надеются выдать поджигателей войны за ревнителей мира.

Этот ханжеский, насквозь лицемерный тон господствует в английской реакционной экономической литературе. Правда, нередко буржуазные борзописцы забывают о своих маскировочных задачах и начинают выражать сожаления по поводу того, что теперь нет еще настоящей «горячей» войны. Так, журнал «Банкер» довольно откровенно вздыхает по военному времени, когда можно будет обуздать стремление к получению более высокой заработной платы⁸³. Однако в большинстве случаев английские буржуазные экономисты стараются завуалировать свои подлинные цели.

Характерным образчиком обмана, к которому прибегают современные английские апологеты империализма, является статья Кента «Оборонная экономика». Используя словечко «оборонная экономика» для характеристики современной милитаризованной экономики капиталистических стран, Кент в качестве центрального положения выдвигает следующий «оригинальный» тезис: «экономическая проблема обороны в корне отличается от экономической проблемы войны»⁸⁴. Здесь же укажем на то, что смысл изобретенного Кентом противопоставления военной и «оборонной» экономики сводится к тому, чтобы экономику, характеризующуюся усиленной подготовкой к войне, изобразить как экономику, якобы ставящую своей целью предотвращение войны и защиту мира. Стремясь натянуть на себя маску «защитников мира», современные поджигатели войны усиленно распространяют басню о «советском империализме».

Трудно придумать более наглую ложь. Первым декретом Советского правительства был декрет о мире. На всем протяжении своего существования Советское правительство неуклонно проводило и проводит политику мира.

Политика мира органически и неразрывно связана с природой социалистического строя. В то время как капитализм неизбежно порождает войны, социалистическое общество с такой же неизбежностью порождает стремление к миру. «Страны социализма не нуждаются в колониях или сферах капиталовложений ради получения сверхприбылей. Поскольку производство в этих странах поставлено на службу народа и уничтожен принцип капиталистической наживы, они не нуждаются в «захвате» рынков, а требуют лишь честной торговли на свободных и равных началах. Внешней политикой социализма может быть только политика мира»⁸⁵.

⁸³ «Banker», March, 1951, p. 126.

⁸⁴ T. Kent. The Economics of Defence. «Twentieth Century», April, 1951, p. 261.

⁸⁵ «Путь Британии к социализму». — «Большевик», 1951, № 3, стр. 51.

Яркой демонстрацией миролюбия Советского государства является закон о защите мира, принятый Верховным Советом СССР 12 марта 1951 г. Закон устанавливает, что всякая пропаганда войны есть «тягчайшее преступление против человечества» и что лиц, виновных в пропаганде войны, нужно «предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников».

Для того чтобы обмануть и запугать массы криками о «советской опасности», буржуазная пропаганда фабрикует подтасованные сведения о громадном перевесе советских вооружений. Эта пропаганда, основанная на грубейшем искажении фактов, рассчитана на то, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и оправдать этим гонку вооружений, осуществляемую в угоду монополиям.

Важнейшими моментами военной экономики являются:

- 1) усиленное развертывание военной промышленности;
- 2) сокращение гражданской промышленности и приостановка гражданского строительства;
- 3) резкое ухудшение положения трудящихся, в частности в результате роста цен.

Эти моменты присущи любой военной экономике капиталистических стран. Конечно, имеются известные различия между современной милитаризованной экономикой, развертывающейся в условиях отсутствия «большой войны», и экономикой в обстановке мировой войны. В последнем случае имеет место громадное потребление вооружения и боеприпасов (между тем в милитаризованной экономике мирного времени они производятся на запас), что влияет в сторону значительного увеличения удельного веса расходов национального дохода на военные нужды. В военных условиях обычно имеет место снижение производительности труда в силу отвлечения в армию наиболее сильной и здоровой части населения, неблагоприятной обстановки труда (затемнения и т. д.). В обстановке войны происходит прямое разрушение производительных сил в результате военных сражений, воздушных бомбардировок и т. д. В милитаризованной экономике мирного времени нет, с одной стороны, такого массового потребления продукции военной промышленности, а с другой — нет таких процессов, связанных с понижением производительности труда и разрушением производительных сил. В силу этих особенностей в милитаризованной экономике мирного времени имеется еще больше возможностей для наступления экономического кризиса перепроизводства, нежели в обстановке мировой войны.

При всех этих различиях милитаризованная экономика мирного времени и экономика в условиях мировой войны имеют между собой много общего: и здесь и там военное производство имеет определяющее значение; и здесь и там осуществляются специфические формы военно-государственного монополистического капитализма; и здесь и там на капиталистических предприятиях вво-

дится военно-каторжный режим.

Буржуазные экономисты в интересах аналогии милитаризации народного хозяйства, всячески подчеркивая указанные выше различия, пытаются умолчать о наличии общих моментов между милитаризацией хозяйства и военной экономикой.

Значительная часть промышленного производства Англии идет на военные нужды. В 1952 г. свыше 1 млн. рабочих было занято в производстве вооружения и военных материалов. По данным журнала «Стейтист», доля военной продукции в общей продукции английской промышленности в 1951 г. составляла около 10%, а в машиностроении — 15%⁸⁶. Эти данные сильно занижены, так как не учитывают работы отраслей, обслуживающих военную промышленность (угольной, рудной, металлургической и т. д.).

Для современной Англии характерна глубокая диспропорция между отраслями, обслуживающими прямо или косвенно производство вооружения, и отраслями, имеющими преимущественно «мирный» характер. В то время как продукция ряда отраслей тяжелой промышленности, обслуживающих гонку вооружения, возросла, производство текстиля и других изделий легкой промышленности, а также многих пищевых продуктов сейчас ниже, чем до войны.

Указанная диспропорция характеризует движение не только всего общественного производства, но и отдельных отраслей. Так, машиностроение в целом выросло, поскольку оно тесно связано с военной промышленностью, но отдельные отрасли машиностроения, обслуживающие гражданские отрасли, продолжают падать; это относится, например, к производству электрокабеля, паровозов и вагонов, к производству горнорудного оборудования и оборудования для текстильных, табачных фабрик и т. д.

Усиленная гонка вооружений является важнейшей причиной обострения инфляционных процессов в капиталистических странах, в том числе в Англии. Милитаризация создает огромные трудности для развития экспортных отраслей, отвлекая дефицитное сырье и оборудование и усиливая тем самым дефицит платежного баланса.

Нет ни одного явления, ни одного процесса в экономической жизни современной Англии, как и в других капиталистических странах, которое не отражало бы воздействие все усиливающейся милитаризации хозяйства. Последняя есть ближайшая и непосредственная причина экономических трудностей, переживаемых современной Англией. Как указывает Джон Итон, «политически и экономически кризис, ныне постигший Англию, есть кризис мира и войны. Война есть политика империалистов — война против социализма и война против колониальных народов. Нищета, экономический кризис и ограниченная торговля есть цена этой полити-

⁸⁶ «Statist», September 29, 1951.

⁸⁷ John E a t o n. Economics of Peace and War. L., 1952.

ки. Мир есть политика народа. Для народа мир есть средство приостановить нищету и экономическую стагнацию»⁸⁷. Милитаризация хозяйства настолько очевидна, что буржуазные экономисты, при всех своих стараниях, не могут ее замолчать. Но они стараются представить дело так, что этот перевод хозяйства на военные рельсы отнюдь не является показателем усиленной подготовки к новой мировой войне.

Одним из выражений этой апологетики является сконструированная современными реакционными экономистами схема, согласно которой «сборочная экономика», или, точнее, «военная экономика мирного времени», может продолжаться в течение многих лет или даже десятилетий, не переходя в «военную экономику периода войны». Так проповедники империализма пытаются замазать элементарный и общеизвестный факт, что гонка вооружений усиливает международное напряжение и усиливает опасность войны.

Весьма отчетливо эту схему выразил известный лейбористский деятель Кроссмэн. Кроссмэн пророчит, что «холодная война» будет продолжаться в течение, по крайней мере, двух поколений, что она будет продолжаться до тех пор, пока будет иметь место сосуществование двух систем. Прочный и длительный мир между государствами Кроссмэн объявляет анахронизмом. На ближайший период времени, исчисляемый по Кроссмэну десятилетиями, будет господствовать экономика, отличная как от экономики «тотальной войны», так и от экономики мирного времени. Иными словами, Кроссмэн устанавливает своеобразную экономику «перманентной холодной войны».

Эта схема бесконечной подготовки к войне, не переходящей в войну, ставит своей целью замаскировать стремление военно-промышленных магнатов ускорить развязывание новой мировой войны. Весь смысл «военной экономики мирного времени» заключается в подготовке к войне. Отсутствие военных действий большого масштаба, т. е. массового потребления вооружения и боеприпасов, ставит некоторые границы для развития военных производств, а значит, и для увеличения прибылей пушечных королей. Поэтому монополисты в погоне за максимальной прибылью стремятся ускорить развязывание «большой войны», призванной обеспечить в течение длительного времени наиболее массовый рынок продуктов военной промышленности, наиболее законченные формы милитаризации экономики. Гонка вооружений, порожденная всей совокупностью условий империалистической системы, в свою очередь является фактором, ускоряющим развязывание войны.

Схема перманентной «холодной войны» несостоятельна и по другой причине. Перевод хозяйства на военные рельсы может только временно отсрочить взрыв экономического кризиса. Милитаризация народного хозяйства не устраняет, а, наоборот, углубляет диспропорцию между производственными возможностями и сокращающимся платежеспособным спросом населения, который

правящая верхушка капиталистических стран сводит к крайнему минимуму, что ведет к возрастающему сокращению емкости капиталистического рынка.

В своей брошюре «Политика коммунистов в борьбе за мир. Переговоры немедленно», опубликованной в октябре 1951 г., Гарри Поллит ясно показал опасность басни, распространяемой буржуазными идеологами о якобы спасительной роли милитаризации.

«Чем больше мы полагаемся на то, что с помощью вооружений удастся сохранить мир, тем больше мы играем на руку тем, кто хочет войны».

Чем больше мы полагаемся на то, что с помощью вооружений удастся спасти мир, тем больше мы ставим свою страну, свою политику и свою жизнь под контроль американского крупного капитала.

Чем больше мы полагаемся на то, что с помощью вооружений удастся спасти мир, тем больше мы подрываем экономическую устойчивость Англии, тем больше тягот мы создаем для нашего народа».

* * *

Буржуазные экономисты изощрялись и изощряются в измышлении самых хитроумных трюков для того, чтобы оправдать империализм; но им становится все труднее обманывать массы. Политическое сознание народных масс гигантски выросло за последние годы во всех странах. Миллионы простых людей в Соединенных Штатах, Англии и других странах понимают преступный характер агрессивной и антидемократической политики империалистов. Никакие софизмы буржуазных экономистов не смогут оправдать в глазах масс, до глубины души ненавидящих империалистическую войну и проявляющих живейшую симпатию к советскому народу, акты империалистической агрессии.

Движение за мир приобретает все большую силу в широких слоях народа и становится все более значительным фактором общественной жизни как в Англии, так и в других капиталистических странах. Несмотря на то, что правые лидеры лейбористской партии и тред-юнионов всячески пытаются помешать членам этой партии и профсоюзам принять активное участие в движении сторонников мира, борьба сторонников мира встречает все большее сочувствие среди самых различных слоев населения Англии.

В решениях многочисленных конференций ряда профсоюзов выражается настойчивое требование к правительству о принятии мер к ослаблению напряженности международного положения, осуждается гонка вооружений, применение атомного оружия, а также курс на ремилитаризацию Германии и Японии.

В числе этих профсоюзов можно назвать такие крупнейшие организации, как объединенный профсоюз машиностроителей, национальный профсоюз железнодорожников, национальный проф-

союз автомобильной промышленности, объединенный профсоюз строительных рабочих, объединенный профсоюз деревообделочников и другие.

Кооперативная партия, представляющая около 8 млн. членов английских кооперативов, на своей конференции в 1952 г. единодушно (при одном воздержавшемся из 800 делегатов) заявила о своей поддержке требования о заключении Пакта мира между пятью великими державами⁸⁸.

Число подписей под обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта мира между пятью великими державами достигло 1 300 тыс.

Движение за мир охватывает и английскую интеллигенцию. В 1951 г. был создан ряд организаций защиты мира: священников, писателей, ученых, музыкантов, врачей, учителей, журналистов. В начале 1951 г. была создана группа «Наука за мир». В числе видных ученых, подписавших декларацию этой группы, 18 членов Королевского общества, в том числе лорд Бойд-Орр, Кэтлин Лансдейл и Дж. Б. Холдейн.

Симптоматичной для настроений передовой части английской интеллигенции является изданная в 1950 г. Ассоциацией научных работников брошюра под названием «Атомная атака: может ли защищаться Британия?» В предисловии к этой брошюре проф. Блокетт, доказав невозможность организовать успешную защиту Англии от атомных атак, приходит к выводу, что единственное спасение Англии — в предотвращении третьей мировой войны. «Такая война, — пишет он, — будет иметь фатальные последствия, возможно наиболее крупные для Великобритании»⁸⁹.

Состоявшаяся весной 1953 г. конференция организации «Наука за мир», в которой приняли участие 150 ведущих английских ученых, горячо поддержала идею Пакта мира пяти великих держав. Конференция обратилась с призывом к английскому правительству предпринять новые шаги к достижению соглашения великих держав о международном контроле над атомной энергией.

В Англии в 1953 г. насчитывается 360 местных комитетов борьбы за мир. В этих комитетах работают плечом к плечу беспартийные, лейбористы, коммунисты, члены тред-юнионов и кооперативных организаций.

Английская делегация на Венском конгрессе мира в 1952 г. насчитывала 58 членов лейбористской партии и тред-юнионов. Никакие запугивания и угрозы со стороны правого руководства лейбористской партии не помешали этим честным людям принять участие в Венском конгрессе.

На Английском конгрессе действий в защиту мира в мае 1953 г. участвовало свыше тысячи представителей от 712 органи-

заций, в том числе от 250 профсоюзных. Среди делегатов были рабочие, видные профсоюзные деятели, известные ученые, бизнесмены, священники, квакеры, люди различных партий, разных национальностей и политических воззрений. Это был самый представительный конгресс из всех, имевших место в Англии.

Во главе прогрессивных сил английского народа, борющихся за мир и предотвращение новой мировой войны, стоит Коммунистическая партия Великобритании, ведущая неустанную борьбу против поджигателей войны. Она разоблачает распространяемую империалистической прессой версию о фатальной неизбежности войны между социалистическим и капиталистическим лагерями.

Английские коммунисты разоблачают подлинный смысл современного буржуазного космополитизма, призванного идеологически оправдать претензии американского и английского империализма на мировое господство. Они подвергают резкой критике расистские взгляды, показывая, что расистский бред имеет целью оправдание империалистической политики американских и английских монополий.

В противовес космополитическим и расистским измышлениям коммунисты пропагандируют идею о том, что «подлинное международное сотрудничество может основываться только на суверенной свободе и равноправии всех народов — больших и малых»⁹⁰.

Империалистической идеологии, культу силы и ненависти к другим народам английские коммунисты противопоставляют наиболее прогрессивную идеологию современности — советскую идеологию, идеологию равноправия всех рас и наций, идеологию дружбы народов. Именно потому, что советская идеология несет народам светлые идеи гуманизма и мира, она является могучей силой сплочения народов.

Неустанная борьба Коммунистической партии за мир неразрывно связана с разоблачением современной буржуазной политической экономии, являющейся идеологическим оружием империалистической агрессии и наступления на жизненный уровень трудящихся метрополий и колоний. Этой насковзь лживой буржуазной науке английские коммунисты противопоставляют единственно научную марксистско-ленинскую политическую экономию. В книгах, изданных за последние годы английскими коммунистами, как, например, Палм Датта «Современная Индия», «Кризис Британской империи», «Кризис Англии и Британской империи», работах М. Добба по экономике капитализма, «Маркс как экономист», Д. Итона «Учебник политической экономии» и «Маркс против Кейнса», на страницах коммунистических журналов «Коммунист ревью» и «Лейбор мансли», в ежедневном органе английской Коммунистической партии «Дейли уоркер» ведется систематическая борьба с марксистско-ленинских позиций против реакционной бур-

⁸⁸ «За прочный мир, за народную демократию!», 18 мая 1952 г.

⁸⁹ «Atomic Attack: Can British be Defended». L., 1950, p. 14.

⁹⁰ «Путь Британии к социализму», — «Большевик», 1951, № 13, стр. 54.

жуазной идеологии, в частности против буржуазных фальсификаторов в области экономических вопросов.

Разоблачая идейное убожество и апологетические приемы современных идеологов империализма и агрессии, английские марксисты убедительно вскрывают всю безнадежность попыток «оздоровления», «реорганизации», «усовершенствования» капитализма, предпринимаемых в интересах упрочения империализма. «Когда разрушается фундамент,— пишет Пальм Датт,— дает трещины все здание. Такова дилемма, которую не в состоянии разрешить ни консерваторы, ни лейбористы, ни фашизм, ни социал-демократия, ни Маршалл, ни Кейнс»⁹¹.

Единственно верный выход из экономического и политического тупика, в котором находится современная Англия, указывает программа Коммунистической партии Великобритании.

Идя по этому пути, английский рабочий класс выиграет свою битву за мир и социализм.

⁹¹ Р. Пальм Датт. Кризис Британской империи. М., ИЛ, 1950, стр. 26.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ США

ЭВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ США

1. БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ США КОНЦА XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Эволюция буржуазной политической экономии определяется экономическим развитием капитализма и характером классовой борьбы. Для возникновения научной буржуазной политической экономии необходимы два условия — известный уровень развития капиталистического способа производства и неразвитость классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, позволяющая буржуазным идеологам выступать с научным анализом капиталистической экономики в пределах буржуазного кругозора. Такие условия существовали в Англии и во Франции в XVIII и в начале XIX в. Они создали благоприятную обстановку для развития буржуазной классической политической экономии. Но сочетание этих двух условий имело место не во всех странах. На примере Германии Маркс показал, что капитализм там сравнительно поздно достиг такого уровня развития, который был необходим для возникновения политической экономии, и это совпало с обострением классовой борьбы пролетариата, которое исключало возможность для буржуазии научного анализа капитализма с его противоречиями. «...Едва, — писал Маркс, — наступили условия, при которых буржуазная наука политической экономии казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной»¹. По этим причинам Германия не знала своей буржуазной классической политической экономии. Вывод, сделанный К. Марксом в отношении Германии, применим к США, которые в течение длительного времени представляли собой страну с отсталой экономикой. В США быстрое развитие капитализма начинается после гражданской войны 60-х годов XIX в., когда рабочее движение в крупнейших капиталистических странах достигло высокого уровня развития, когда образовался I Интернационал, когда широко распространялся марксизм.

Для объяснения того факта, что США не знали своей классической политической экономии, необходимо наряду с этими общими причинами, действовавшими в разных странах, учесть

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1953, стр. 13.

специфические условия развития США. Важнейшей особенностью исторического развития США в первой половине XIX в. было сочетание роста капиталистических отношений с одновременным ростом рабовладельческого хозяйства. Развитие капиталистической текстильной промышленности как в США, так и в других странах, в особенности в Англии, стимулировало рост американского плантационного хозяйства. Маркс в «Ницете философии» подчеркнул имевшую место еще в 40-х годах прошлого столетия тесную связь между капитализмом и плантационным рабством. «Без рабства, — писал Маркс, — не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность... Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну»².

Следует отметить, что в конце XVIII в. рабовладельческое хозяйство в США переживало глубокий упадок. Однако изобретение в 1793 г. хлопкоочистительной машины и внедрение культуры сахарного тростника в Луизиане в 1795 г. дали толчок для интенсивного развития рабовладельческого хозяйства. Очистка хлопка была прежде самым узким местом в производстве хлопка, тормозившим развитие хлопководства. Раньше раб тратил почти целый день на то, чтобы очистить от семян всего один фунт хлопка-сырца. При помощи хлопкоочистительной машины раб стал очищать вначале до 150 фунтов хлопка в день, а позже, когда появился паровой двигатель, — 1 000 фунтов в день. Внедрение хлопкоочистительной машины создало предпосылки для сильного роста хлопководства. Вскоре хлопок стали выращивать во всех южных штатах. Хлопок вытеснил там все остальные культуры. Рост хлопководства, а также расширение посевов сахарной культуры сопровождался значительным увеличением числа рабов. В 1790 г. в США было 697 624 раба, в 1810 г. — 1 191 362, в 1840 г. — 2 204 313, в 1860 г. — примерно 4 млн.³

Увеличение спроса на рабов в первой половине XIX века привело к сильному росту цен на рабов. Колеблясь в отдельные периоды, в зависимости от общего состояния конъюнктуры, цена некалечиванного негра-раба в общем поднялась с 400 долл. в 1795 г. до 2 тыс. долл. в 1860 г.⁴

Быстрый рост рабовладельческого хозяйства в южных штатах в первой половине прошлого столетия значительно усилил позиции защитников рабства, которые получили большое влияние и в северных штатах. Следует отметить, что часть буржуазии Севера экономически выпирывала от развития плантационного рабства. Многие банкиры и судовладельцы северных штатов были связаны с

торговлей хлопком. В развитии хлопководства были заинтересованы текстильные фабриканты.

Конечно, наряду с частичной заинтересованностью некоторых кругов буржуазии в усилении рабства, существовали несомненные противоречия между промышленными капиталистами и рабовладельцами-плантаторами, но эти противоречия до определенного времени сглаживались взаимными уступками. Представители промышленного капитала с самого начала образования США вступили в компромисс с рабовладельцами. Так, в 1787 г. на Филадельфийском съезде делегатов штатов, который предшествовал выработке конституции США, было достигнуто соглашение между буржуазией северных штатов и плантаторами южных штатов: первая санкционировала свободный ввоз рабов, а последние согласились на введение протекционистских пошлин.

Такой компромисс осуществлялся на протяжении всей первой половины XIX в. Не удивительно, что партия промышленной буржуазии, образовавшаяся в 30-х годах прошлого столетия под названием вигов, нередко вступала во время избирательных кампаний в блок с плантаторами из южных штатов.

Очень важную роль в определении позиции промышленных капиталистов по отношению к рабству играло опасение, что полная отмена рабства окажет революционизирующее влияние на рабочих и фермеров. Поэтому большая часть промышленников не поддерживала активно аболиционистов (противников рабства) и проявляла большую терпимость к защитникам рабства. Однако промышленники стремились ограничивать рабство определенными территориальными рамками, не давая ему расширяться.

В годы, предшествующие гражданской войне, когда обострились противоречия между капиталистами и плантаторами, наиболее агрессивно выступали плантаторы. В 1860 г. сенат в угоду рабовладельцам вынес решение, по которому рабство объявлялось законным на всей территории США. Сама гражданская война началась по инициативе южных рабовладельческих штатов, которые вышли из федерации и образовали свою конфедерацию, объявившую войну северным штатам.

В буржуазных кругах США в первой половине XIX в. было широко распространено признание необходимости сохранения рабства. Признание рабства в тот период служило как бы свидетельством консервативного образа мыслей, приверженности существующим устоям, знаком принадлежности к «порядочному обществу». Не удивительно, что и в академических кругах тон задавали защитники рабства. В тех случаях, когда американские экономисты высказывались против рабства, они обставляли свою критику всякими оговорками, обычно выступая против немедленной отмены рабства.

Широко распространенное в буржуазных кругах оправдание рабства наложило свой отпечаток на формирование буржуазных

² К. Маркс. Ницета философии. М., Госполитиздат, 1956, стр. 86.

³ См. Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., ИЛ, 1953, стр. 373.

⁴ Там же.

экономических теорий в США. То, что рабовладельческий способ производства давно изжил себя, что рабский труд дает крайне низкую производительность, было очевидно в XIX в. для всех. В ту эпоху защищать рабство можно было только при помощи софизмов, при помощи сознательного искажения действительности и умышленного замалчивания реальных противоречий. Защитники рабства неизбежно становились на путь корыстной апологетики, и это не могло не сказаться и при рассмотрении ими проблем капиталистического хозяйства. Буржуазные экономисты могли дать в известной степени научный анализ лишь тогда, когда они отстаивали интересы прогрессивной в то время буржуазии. Когда же буржуазия отказывалась от борьбы с исторически отжившим способом производства, ее идеологи неизбежно переходили на реакционные позиции и оказывались неспособными давать научный анализ капиталистической экономики.

Одним из первых американских буржуазных экономистов является знаменитый государственный деятель XVIII в. Вениамин Франклин (1706—1790), который уже в 1729 г. выпустил книгу под заглавием «Скромное (a modest) исследование природы и необходимости денежного обращения».

В этой работе Франклин вслед за В. Петти определяет меновые отношения товаров отношениями количеств труда, затраченного на производство этих товаров. Эту работу Франклина К. Маркс отметил как одно из первых произведений, в котором защищается теория трудовой стоимости. В работе «К критике политической экономии» Маркс писал: «Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, приводящий ее к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света... Этот человек — Вениамин Франклин, который в своей первой юношеской работе... формулировал основной закон современной политической экономии. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера — труд»⁵. Маркс вместе с тем отметил, что Франклин в силу непонимания специфической природы труда, образующего стоимость, не смог развить дальше учение о трудовой стоимости и объяснить природу денег. У Франклина труд, создающий меновую стоимость, и деньги не находятся ни в какой внутренней связи.

Этим объясняется то обстоятельство, что в приведенной выше юношеской работе Франклина наряду с теорией трудовой стоимости защищаются меркантилистские взгляды. Важнейшим фактором роста богатства Франклин считал увеличение количества денег. Недостаток денег, по Франклину, приводит к росту нормы процента, к снижению цен на земельные участки, к задержке в развитии сельского хозяйства, промышленности и торговли. Исходя из этих

⁵ К. Маркс. К критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1953, стр. 44—45.

положений, он, в частности, обосновывал целесообразность бумажных денег как дополнительного источника денежного обращения.

Как отметил К. Маркс, «анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее движение науки, так как он рассматривал только отдельные вопросы политической экономии в связи с определенными практическими поводами»⁶.

Научные элементы, содержащиеся в работах Франклина, не оказали влияния и на американскую буржуазную экономическую литературу. Американские буржуазные экономисты довольно часто ссылались на Франклина, но заимствовали у него преимущественно ошибочную трактовку капиталистического накопления, основу которой составляет утверждение, что сбережения трудолюбивых людей являются исходным пунктом создания крупных богатств.

Франклин утверждал, что основным средством улучшения положения трудящихся является воспитание их в духе «смирения, трудолюбия, экономии и бережливости». Часто упоминавшийся в его произведениях герой — «бедный Ричард», выбившийся в люди при помощи жесткой экономии, стал нарицательным образом в американской литературе.

Несравненно большее влияние на формирование американской буржуазной экономической мысли оказал Александр Гамильтон (1757—1804), служивший адъютантом Вашингтона во время войны за независимость и назначенный министром финансов в первом американском правительстве.

Гамильтон принимал активное участие в выработке конституции США, причем он возглавлял консервативное крыло. Выступая открыто и резко против демократических принципов, демагогически запугивая американских обывателей тем, что демократия якобы приводит к деспотизму, Гамильтон выдвигал такие антидемократические предложения, как пожизненное избрание президента и сенаторов, как предоставление президенту США абсолютного вето в отношении всех решений конгресса.

Большую известность получили официальные доклады Гамильтона об общественном кредите, банках (1790 г.), деньгах, мануфактурах (1791 г.). В этих докладах, в особенности в докладе о мануфактурах, отчетливо сказались характерная особенность американской буржуазной экономической литературы, выражающаяся в откровенной защите использования государства в интересах капиталистического класса. Защита протекционизма и всяких форм государственного покровительства капиталистам составляет один из лейтмотивов и в немецкой экономической литературе XIX в. Но в Германии этот лейтмотив получил специфическое предомление в силу преобладающего влияния юнкерства

⁶ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 46.

в экономической, политической и социальной жизни. В США буржуазная сущность протекционизма выступила в значительно более обнаженном виде, нежели в Германии.

Характерно для Гамильтона то, что руководство всем денежным обращением он передал в руки Национального банка, представляющего собой частное учреждение. Это открыло возможности для финансовых кругов оказывать влияние на денежное обращение.

Некоторые практические предложения Гамильтона перекликаются с современными мероприятиями в США, несмотря на глубокое различие экономической обстановки в конце XVIII и середине XX в.

Рекомендуя оказывать покровительство капиталистам, в первую очередь занятым в промышленности (высокие таможенные пошлины, предоставление премий), Гамильтон придавал крупнейшее значение государственному долгу. Он восхвалял государственный долг как важнейший фактор привлечения капиталов и оживления промышленности. Рост государственного долга неизбежно требует усиления налогового пресса для оплаты процентов по государственному долгу. Гамильтон оставался верен себе, восхваляя высокие налоги ссылкой на то, что они якобы будут стимулировать более интенсивную работу производителей. Характерно, что Гамильтон, всячески отстаивая высокие налоги, в то же время выступал против налогов на капитал и на прибыль. Финансовая политика Гамильтона вызвала большую спекуляцию облигациями государственного займа и сопровождалась обогащением кучки капиталистов. Не удивительно, что этот реакционный идеолог конца XVIII в. пользуется ныне большим авторитетом и признанием среди американских бизнесменов.

Финансовая политика Гамильтона, основанная на ограблении трудящихся в пользу капиталистов, вызвала большое недовольство широких народных масс. В особенно тяжелом положении оказались трудящиеся фермеры. Налоги, которыми облагали фермеров, были настолько велики, что нередко разоряли их; они часто лишались своих земель, которые переходили в руки новой буржуазии. Возмущение налоговой политикой в некоторых случаях выливалось в восстания.

Недовольство масс финансовой политикой Гамильтона было так велико, что даже Вашингтон вынужден был вмешаться и потребовать ответа от Гамильтона⁷. Последний вынужден был признать, что имело место некоторое злоупотребление государственным долгом, но в то же время он подчеркивал, что интересы владельцев облигаций государственного долга должны быть обеспечены в первую очередь.

Когда вновь избранный в начале XIX в. президент США Джеф-

ферсон предложил ускорить выкуп государственного долга, то Гамильтон резко возражал против этого предложения, ссылаясь на то, что оно якобы отрицательно отразится на положении промышленности и «моральном уровне» американского народа.

Попутно следует отметить, что популярность, которую завоевал Джефферсон, в известной мере объяснялась тем, что он изменил курс финансовой политики, установленный Гамильтоном. Джефферсон добился снижения налогов и государственного долга (со 100 до 45 млн. долл.).

С Гамильтона начинается характерная для большинства американских буржуазных экономистов традиция — оправдание обогащения капиталистов за счет государственных средств, извлеченных из карманов трудящихся.

Одним из наиболее видных представителей этой тенденции в начале XIX в. выступил Дэниэл Раймонд, книга которого «Размышления о политической экономии», изданная в 1820 г., была первым в американской литературе систематическим изложением политической экономии.

В этой книге проявляется еще одна характерная черта американской буржуазной экономической литературы — всяческое восхваление американской экономики. Раймонд отстаивал в своей книге положение, будто США представляют собой наилучшее поле для изучения и действия законов политической экономии. Это положение об особых качествах американской экономики является как бы первым вариантом пресловутой «теории американской исключительности».

Раймонд использует реакционную теорию реализации Мальтуза, переделав ее на американский лад. Он объявляет, что чрезмерная тенденция к сбережениям может привести к отрицательным результатам, к недостатку спроса и образованию товарных излишков. Необходимо в таких случаях увеличить потребление. Лучше выкинуть товары в море, нежели держать их на складах, заявляет Раймонд, предвосхищая практику американских дельцов в период общего кризиса капитализма.

Следует, в частности, отметить, что Раймонд вслед за Мальтусом рекомендовал как меру поднятия спроса общественные работы, причем он поддерживал даже такого рода общественные работы, результаты которых окажутся бесполезными или будут уничтожены после завершения этих работ.

И в этом вопросе современные проповедники «антикризисных» мероприятий могут найти в книге Раймонда много родственных идей.

Вслед за Гамильтоном Раймонд отстаивал высокий таможенный тариф и государственный долг в качестве средств, облегчающих накопление капитала и рост национального богатства.

В американской экономической литературе первой половины XIX в. (вернее, до периода гражданской войны) отчетливо

⁷ История этого вопроса излагается в кн.: Joseph Dorfman. The Economic Mind in American Civilization. N. Y., 1946, p. 412—413.

сказывается тесная связь между защитой протекционизма и борьбой против промышленной монополии Англии. При рассмотрении этого вопроса необходимо помнить, что экономика США в тот период имела черты, характерные для колониальной страны. Маркс еще в 1867 г. писал, что «Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собою колонию Европы»⁸. По мере промышленного роста США усиливается экономическая борьба США с Англией. Это находит отражение в идеологической области в росте антианглийских выступлений, которые становятся характерными для многих экономических работ в США в рассматриваемый период. Одним из проявлений этих антианглийских настроений была резкая оппозиция против английской буржуазной классической школы политической экономии, выступившей в защиту фритредерства. Американский экономист Кольтон в книге «Политическая экономия Соединенных Штатов», изданной в 1848 г., доходит до утверждений, что Адам Смит и Рикардо были будто бы подкуплены для оправдания разорения других стран путем свободной торговли.

Все отмеченные выше особенности американской буржуазной экономической мысли получили наглядное выражение в произведениях наиболее известного и влиятельного американского экономиста XIX в. Генри Чарльза Кэри (1793—1879). Американская буржуазия создала шумную рекламу Кэри, который был верным защитником ее интересов. Он сам был преуспевающим бизнесменом и владел множеством предприятий, начиная от бумажных фабрик и кончая газовыми компаниями. Этот вульгарный экономист, составляющий гордость американской буржуазии, возведен ею в ранг «великого экономиста». «Только человек, отличающийся такой колоссальной нескритичностью и такой ложной ученостью,— писал Маркс,— заслужил того, чтобы, несмотря на свою протекционистскую ересь, стать тайным источником гармонической мудрости для какого-нибудь Бастиа и всех прочих оптимистов современного фритредерства»⁹. К этому следует добавить, что вульгарные теории Кэри составляют один из важнейших источников, за счет которых питается американская буржуазная политическая экономия вплоть до настоящего времени.

Американская буржуазия не случайно возвела на пьедестал Кэри — он является одним из первых и главных пророков пресловутой «теории гармонии интересов». Движимый стремлением замазать и замолчать антагонистические противоречия буржуазного общества, Кэри объявляет эти антагонизмы ложной видимостью и на их место подставляет мнимую гармонию интересов.

Кэри первым делом попытался «ликвидировать» антагонистическое противоречие между рабочими и капиталистами. С этой целью он совершенно извратил отношения между этими классами,

представив капиталистов в качестве производителей капитала, под которым он в фетишистском духе понимал средства производства, а прибыль, или, вернее, процент, поскольку он прибыль сводил к проценту, считал платой за труд, затраченный на производство средств производства.

Ссылаясь на факт растущей производительности труда, влекущей за собой снижение затрат труда на изготовление средств производства, Кэри сделал вывод о неизбежном снижении процента и об увеличении дохода рабочих как в абсолютном, так и в относительном выражении. Нетрудно заметить, что этот главный вывод Кэри, охотно подхваченный буржуазными апологетами всех мастей, вплоть до современных правых профсоюзных деятелей, основан на ряде софизмов.

Во-первых, Кэри совершенно неправильно сводит всю прибавочную стоимость к проценту, игнорируя все остальные формы прибавочной стоимости.

Во-вторых, он явно апологетически трактует процент как плату за труд, затраченный на производство средств производства. В действительности старая стоимость в виде постоянного капитала, созданная прошлым трудом, не входит в состав национального дохода, являющегося результатом труда, затраченного в данном производственном процессе. Прибавочная стоимость, составляющая часть вновь созданной стоимости, отлична от стоимости средств производства, существовавшей до начала данного производственного процесса. Маркс неопровержимо доказал, что процент, как и вся прибавочная стоимость, есть результат эксплуатации рабочих, а отнюдь не мифических трудовых затрат капиталиста.

В-третьих, Кэри смешивает два совершенно различных процесса — снижение нормы прибыли, отождествляемой им с нормой процента, и мнимое снижение доли прибыли (или процента) в национальном доходе. Норма прибыли выражает собой отношение массы прибавочной стоимости ко всему общественному капиталу, включая постоянный и переменный капитал. Между тем доля капиталиста в национальном доходе выражает собой отношение прибавочной стоимости к национальному доходу, состоящему из заработной платы и прибавочной стоимости. Это разные величины. Из факта снижения нормы прибыли, или нормы процента, никоим образом не вытекает снижение доли капиталиста в национальном доходе.

В-четвертых, неверно, что с ростом производительности труда при капитализме растет благосостояние рабочих. В условиях капиталистического способа производства рост производительности труда сопровождается ростом относительного перенаселения, усиленным давлением безработных на уровень заработной платы, усилением эксплуатации рабочих.

Вслед за «ликвидацией» антагонистических противоречий между капиталистами и рабочими Кэри столь же «успешно» пытается

⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 768, сноска 253.

⁹ Там же, стр. 567.

отвергнуть противоречие между землевладельцами и арендаторами. Чтобы проделать эту операцию, он отвлекается от такой «мелочи», как монополия земельной собственности. Он исходит из того случая, когда имеется неограниченное количество свободной земли и когда цена земельных участков сводится лишь к затратам капитала, необходимым для того, чтобы сделать эти участки годными к обработке. Кэри отвлекается и от различия в плодородии и местоположении отдельных участков. В результате всех этих абстракций исчезает как абсолютная, так и дифференциальная рента, арендная плата оказывается равной проценту на капитал, вложенный в земельный участок, отпадает различие между землевладельцами и капиталистами, а вместе с этим различием улетучиваются и противоречия во взаимоотношениях этих классов, а также замывается источник ренты — эксплуатация сельскохозяйственных рабочих.

«Теория гармонии интересов» отвечает интересам буржуазии любой страны, и поэтому она имеет международное распространение. Вместе с тем в отдельных странах она получила специфическое преломление. В частности, Кэри дает американский вариант этой «теории».

Для Кэри прежде всего характерно то, что защиту «теории гармонии интересов» он связывает с восхвалением американской экономики, с проповедью особых ее преимуществ. Кэри — один из первых представителей «теории американской исключительности».

Европейские защитники «теории гармонии интересов», как правило, были фритредерами. Отрицание антагонистических противоречий капитализма они органически связывали с восхвалением автоматического действия механизма свободной конкуренции, с осуждением всяких методов государственного вмешательства в экономику как методов, нарушающих «предустановленную гармонию». Логика защитников «теории гармонии интересов» сводилась к следующему рассуждению: раз экономические отношения сами по себе гармоничны, то отпадает необходимость в искусственном воздействии на них, в том числе в государственном вмешательстве.

Этот вывод, гармонизировавший с общим духом «теории гармонии интересов», вступал в противоречие с требованиями политики протекционизма, которую отстаивала и проводила в жизнь американская буржуазия. Кэри, отдавший в первых своих произведениях дань фритредерству, в позднейших работах ухитрился сочетать защиту «гармонии интересов» с проповедью далеко идущего протекционизма.

Кэри в своей защите протекционизма отличался от европейских проповедников протекционизма, например от Фридриха Листа. В отличие от последнего Кэри отстаивал покровительственные пошлины не как временную меру, необходимую для выращивания национальной промышленности, а как постоянную политику. Он требовал распространения высоких покровительственных пошлин

не только на обрабатывающую, но и на добывающую промышленность, а также на сельское хозяйство. Кэри не брезгал прибегать при этом к самой низкой пробной демагогии — он выступал, например, с демагогическими утверждениями о том, что отмена высокого таможенного тарифа приведет якобы к установлению деспотизма крупного капитала. В действительности, как известно, именно высокие таможенные тарифы способствуют обогащению капиталистов и укреплению монополий.

Кэри не ограничивался защитой покровительственных пошлин. Он отстаивал и все другие меры, способствующие обогащению капиталистов. В частности, он упорно пропагандировал идею «дешевых денег». Для этой цели он использовал свою теорию денег, имеющую, по словам Маркса, фантастический характер. Кэри приписывал деньгам самостоятельную силу в смысле содействия производству, сравнивая деньги с топливом, используемым для приведения в движение машин, или с пищей для людей. Он выступал как сторонник увеличения выпуска бумажных денег, пытаясь доказать, будто обилие бумажных денег не может привести к их обесценению.

Защита протекционизма у Кэри связана с резкой критикой внешнеторговой политики Англии. Он пытался представить Англию в качестве первоисточника всех социальных бед и зол. А влияние Англии на экономику других стран он в чисто идеалистическом духе трактовал как результат распространения идей английской классической буржуазной политической экономии и в особенности теории ренты Рикардо. Стремясь оправдать борьбу американских капиталистов против английских, Кэри прибегал даже к сисмондистскому восхвалению мелкобуржуазных порядков в Швейцарии, Германии и т. д. Он выступал с критикой чрезмерной концентрации производства, которая, по его мнению, была вызвана развитием мировой торговли. Чтобы ослабить централизующее влияние последней, Кэри рекомендовал децентрализовать как можно сильнее промышленность, с тем чтобы товары перевозились как можно меньше с места на место. Для достижения этой цели он вообще считал целесообразным ограничить масштабы торговли. Маркс иронически писал по адресу Кэри: он «...сначала торговли. Маркс иронически писал по адресу Кэри: он «...сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство способным лишь разрушить их свободную гармоническую игру, и затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, — влияние, повидимому не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государственного вмешательства, а именно государственной защиты этих «законов природы и разума», alias [иными словами] — необходимость системы протекционизма. Он открыл далее, что теоремы Рикардо и других, в которых формулированы существующие общественные противоположности и противо-

речия, являются идеальным продуктом действительного экономического развития, а наоборот, действительные противоречия капиталистического производства в Англии и прочих странах суть результат теории Рикардо и других! Он открыл, наконец, что прелести и гармонии, прирожденные капиталистическому способу производства, разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитал»¹⁰.

Кэри прибегал к самым удивительным софизмам чтобы оправдать необходимость ограничения свободы торговли.

Характерную особенность теории Кэри составляет то, что «гармонии интересов» он распространял и на взаимоотношения между рабовладельцами и рабами. В своей первой работе «Очерк о норме заработной платы» («Essay on the Rate of Wages»), изданной в 1835 г., он развивал положение, что накопление капитала содействует улучшению положения рабов.

И в данном случае Кэри в своих апологетических целях сознательно извращал факты. История плантационного рабства, в частности и в особенности в США, показывает, что развитие капиталистической промышленности (например, хлопчатобумажной), создавая усиленный спрос на продукцию рабовладельческих плантаций, толкало владельцев последних на применение самых жестоких и изощренных методов эксплуатации рабов. Развитие связей между капиталистическими предприятиями и рабовладельческими плантациями устраняло на последних всякие элементы патриархальных отношений и превращало погоню за наживой в основной движущий мотив плантатора.

Весьма характерно для Кэри, что если в вопросе о способах поощрения развития капиталистической промышленности он требовал максимальной поддержки со стороны правительства, то в вопросе об отмене рабства он целиком полагался на действие стихийных законов. Он заявлял, будто лучший способ изживания рабства — это... оставить действующие законы о рабстве и возложить надежды на развитие капитализма, которое сделает в конце концов невыгодным применение рабского труда. Не приходится доказывать, что такая точка зрения вполне устраивала южан-рабовладельцев.

После окончания гражданской войны сторонники Кэри выступили против ликвидации таких последствий этой войны, как обесценение бумажных денег и большой государственный долг.

Как увидим дальше, ряд положений Кэри в несколько измененном виде был воспринят Д. Б. Кларком и другими позднейшими буржуазными экономистами, теории которых играют определяющую роль в современной американской буржуазной экономической литературе.

¹⁰ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 566—567.

2. БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ США ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Гражданская война 60-х годов явилась переломным пунктом в экономической истории США. В. И. Ленин в своем известном «Письме к американским рабочим» отметил «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке...»¹¹ Важным последствием гражданской войны явилось уничтожение рабства. Крупнейшую роль в победе северных штатов сыграло активное участие в гражданской войне фермеров и рабочих, а также негритянского народа. Но основными плодами победы в этой войне воспользовались капиталисты Севера, которые боялись освободить негров по-настоящему. Они не возражали против того, чтобы плантаторы, утратившие свое политическое могущество, сохранили за собой крупные поместья и держали негров в экономической зависимости. Освобожденные негры оказались фактически на положении издолщников-пеонов.

Следует отметить, что многие американские буржуазные экономисты, высказывавшиеся до гражданской войны против немедленной отмены рабства, после ее окончания выступили против уравнивания в правах белых и негров.

После гражданской войны начинается интенсивное развитие капиталистического производства в США. Этому способствовали ликвидация плантационного рабства, раздача гомстедов, быстрое заселение Запада, большая иммиграция из Европы, гигантское строительство дорог и т. д. Особую роль сыграли железные дороги, о темпах роста которых свидетельствует тот факт, что через 50 лет — к 1910 г. — протяженность американских железных дорог достигла свыше 400 тыс. км.

В 90-х годах XIX в. США по объему своей промышленной продукции вышли на первое место в мире.

После гражданской войны американские капиталисты добились безраздельного политического господства. Отныне они без труда добивались установления выгодных им тарифов и предоставления субсидий. Особенно показательна практика железнодорожного строительства. Правительство, финансировавшее строительство дорог, щедро выделяло для них земли и денежные средства. Всего железнодорожным королям было роздано около 65 млн. га ценных пахотных земель, пастбищ, лесных угодий и земель с залежами полезных ископаемых. Одна только «Норзерн пасифик» получила 19 300 тыс. га — территорию, равную примерно половине территории современной Франции. Это был пример самого бесцеремонного расхищения земли. Кроме того, железнодорожные магнаты присвоили сотни миллионов долларов при постройке дорог.

¹¹ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 28, стр. 51.

После гражданской войны в американской промышленности исключительно быстрыми темпами развернулся процесс концентрации производства, создавший почву для широкого развития монополий уже в 70—80-х годах. В этот период развернули свою деятельность железнодорожные короли Гульд, Вандербилт, нефтяной король Рокфеллер и др.

Быстрое развитие капитализма в США сопровождалось значительным ростом рабочего класса и обострением противоречий между буржуазией и пролетариатом. В изменившихся условиях потребовалась известная перестройка вульгарной политической экономии. В 70-х годах начался усиленный импорт буржуазных экономических теорий из Европы, в частности из Германии. Вместе с тем в 80—90-х годах в США выступает ряд своих буржуазных экономистов, пытавшихся сочетать традиции, идущие от Кэри, с модными тогда теориями австрийской школы и А. Маршалла.

Среди американских буржуазных экономистов, выступавших в 70—90-х годах прошлого столетия, следует отметить Г. Джорджа, в работах которого защита радикальных лозунгов (устранение крупного землевладения) сочеталась с отстаиванием вульгарной политической экономии.

США в рассматриваемый период утратили те особенности колониальной экономики, о которых К. Маркс писал в I томе «Капитала». Уже в 70—80-х годах сильно обострились противоречия между фермерами, с одной стороны, и банковским капиталом, а также железнодорожными компаниями — с другой. Расхищение земельного фонда железнодорожными компаниями и спекулянтами, рост цен на промышленные товары в связи с высоким протекционистским тарифом, высокие железнодорожные тарифы ставили в тяжелое положение мелких и средних фермеров, которые попадали в зависимость от банковского капитала. Лучшие земли захватывали крупные компании. Железнодорожные заправилы держали в своих руках хлебные элеваторы, за пользование которыми с фермеров взималась высокая плата. Все это вызвало сильное недовольство фермеров. Среди них становится популярным требование национализации земли, выдвинутое идеологом радикальной буржуазии Г. Джорджем (1839—1897).

Произведения Джорджа, в особенности его главное произведение «Прогресс и бедность», изданное в 1879 г., сыграли в свое время прогрессивную роль, поскольку они мобилизовали массы на борьбу с крупным землевладением. Джордж развивал положение, что главная причина бедности народных масс заключается в земельной ренте, поглощающей все большую часть общественного продукта. Он всячески обличал крупное землевладение и предлагал конфисковать всю земельную ренту при помощи установления единого налога, что фактически означало бы устранение частной земельной собственности.

К. Маркс в своем письме к Ф. А. Зорге от 20 июня 1881 г. от-

метил: «...Книга Джорджа и сенсация, которую она у вас вызвала, имеет то значение, что это есть первая, хотя и неудачная попытка освободиться от ортодоксальной политической экономии»¹².

Маркс не случайно назвал попытку Джорджа неудачной. Дело в том, что Джордж в коренных вопросах капиталистической экономики — в вопросах о капитале и наемном труде — целиком стоял на позициях вульгарной политической экономии. Он отрицал антагонистические противоречия между буржуазией и пролетариатом, сводя все противоречия капитализма исключительно к противоречиям, обусловленным существованием крупного землевладения. Джордж утверждал, что только в возрастании земельной ренты и в монополии землевладельцев следует искать причину промышленных кризисов, снижения заработной платы и роста науперизма. Он игнорировал то, что капитализм вызывает ухудшение положения трудящихся как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. «Смещение частной собственности на землю с господством капитала в земледелии, — писал В. И. Ленин, — есть характерная ошибка буржуазных национализаторов земли (Джорджа в том числе и многих других)»¹³.

Придерживаясь таких взглядов на природу взаимоотношений между рабочими и капиталистами, Джордж оставался верным себе, когда отрицал необходимость каких-либо государственных мероприятий, проводимых в интересах рабочих, например фабричного законодательства.

Находясь в плену у вульгарной политической экономии, Джордж примыкал к теории заработной платы влиятельного в то время в США буржуазного экономиста Френсиса Уокера. Последний в своих произведениях нарисовал совершенно фантастическую картину буржуазного общества, в котором распределение вновь созданной стоимости осуществляется следующим образом: сначала получают свою долю капиталист (в соответствии с производительностью капитала) и предприниматель (как плату за оказанную им «услугу» в виде выполнения функций по руководству предприятием), а затем весь остаток поступает в пользу рабочих в виде заработной платы. В этой поистине фантастической картине рабочий класс наделен функциями распорядителя капиталистически произведенного продукта — он как бы выплачивает предпринимателю и капиталисту причитающиеся им доли. Иными словами, капиталист и рабочий у Уокера переменялись местами. Не удивительно, что при таком извращенном изображении капиталистической действительности пролетариат оказался тем классом, который якобы утилизирует в свою пользу все достижения технического прогресса. Ясно, что в этом капиталистическом обществе, поставленном на голову, в этом «буржуазном обществе наизуворот»

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1953, стр. 350.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 382.

нет и не может быть места ни для эксплуатации рабочего класса, ни для растущего обнищания пролетариата. А в том, чтобы замазать эти неприятные для буржуазии факты, и заключалась задача апологета буржуазии Френсиса Уокера. Такую же позицию занимал Джордж. Он считал, что если рабочего освободить от власти землевладельца, то он будет присваивать весь продукт своего труда.

Маркс в упомянутом письме к Ф. А. Зорге с полным основанием писал про Джорджа: «Человек этот в теоретическом отношении совершенно отстал. Он совсем не понял сущности прибавочной стоимости и потому вращается, по примеру англичан, в мире спекуляций об обособившихся частях прибавочной стоимости, т. е. о соотношении прибыли, ренты, процента и т. д., причем уровень его спекуляций даже ниже, чем у англичан»¹⁴.

За эти положения Джорджа охотно ухватились откровенные апологеты буржуазии. Правда, Джордж в этой области не проявил никакой оригинальности — он некритически повторял ходячие положения вульгарных экономистов. Но для буржуазных апологетов важно было подчеркнуть, что их взгляды на коренные вопросы капиталистической экономики поддерживает такой радикальный, пользовавшийся одно время большим авторитетом в демократических кругах деятель, как Джордж. Этим объясняются, в частности ссылки Д. Б. Кларка на Джорджа.

При этом то, что было действительно радикальным в произведениях Джорджа, — его борьба против частной земельной собственности — тщательно замалчивалось и замалчивается буржуазными апологетами, ибо они враждебно относятся ко всякого рода революционным мероприятиям, в том числе и к мероприятиям, связанным с буржуазно-демократической революцией.

Наиболее известным и влиятельным американским буржуазным экономистом конца прошлого столетия и первых десятилетий XX в. (до 20-х годов) является Джон Бетс Кларк (1847—1938). Его апологетические теории («теория статистики и динамики», «теория предельной производительности») до сих пор пользуются большим признанием и распространением в буржуазной литературе не только США, но и других капиталистических стран.

Основной движущий мотив литературной деятельности Кларка наиболее отчетливо выражен в его книге «Распределение богатства», изданной в 1899 г. Кларк начинает эту книгу с постановки следующего вопроса, который он считает центральным и жизненно важным: осуществляется ли в буржуазном обществе принцип, согласно которому каждый получает по своим заслугам? В зависимости от того, какой ответ будет получен на этот вопрос, можно решить, кто прав: защитники капиталистического общества или сторонники его социалистического преобразования. Таким образом, заявляет Кларк, решается вопрос, насколько соответствует своему

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 349.

назначению буржуазное государство. «Государство только для того и существует, — пишет он, — чтобы защищать собственность. Поэтому государство, которое принуждало бы рабочего оставлять на заводе собственность, принадлежащую ему по праву создания, оказалось бы несостоятельным в самом критическом пункте»¹⁵.

Не приходится сомневаться в том, что этой своей книгой, как и другими своими произведениями, Кларк хотел дать такой ответ на поставленный вопрос, который вполне удовлетворил бы буржуазию.

Кларк широко использовал апологетические приемы Кэри, основанные на «теории гармонии интересов», но кларковская апологетика имеет некоторые особенности, отражающие изменение социально-экономической обстановки, в первую очередь — усиление монополистического капитала и обострение классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом.

Теория Кэри в известной мере отражала неразвитость тогдашней американской экономики, наличие в ней черт, характерных для колониальной страны. На это обстоятельство обратил внимание Маркс. В письме к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс писал про Кэри: «В действительности же он доказывает лишь то, что «незрелые» общественные отношения Соединенных Штатов расцениваются им как «нормальные общественные отношения»¹⁶. Это обстоятельство, в частности, выразилось в том, что Кэри не проводил различия между земельной собственностью и капиталом. В тот исторический период в США было еще много свободной земли и не сложилась еще монополия земельной собственности.

Кларк продолжил тот же прием Кэри — он также отвергал правомерность рассматривания земельной ренты как самостоятельной категории. Он также рассматривал земельную ренту как разновидность процента, именно как процент на капитал, вложенный в землю. Он пошел еще дальше Кэри, утверждая, что если, с одной стороны, рента есть разновидность процента, то, с другой стороны, заработную плату и процент можно представить как разновидность ренты.

Кэри отразил неразвитость социальных отношений в США и в том смысле, что он не счел нужным прибегать к такому «испытанному» оружию буржуазной апологетики, как мальтузианская «теория народонаселения» и «закон убывающего плодородия почвы». Кэри критиковал мальтузианскую «теорию». Его теория ренты, согласно которой общество начинает с обработки худших, менее плодородных земель и затем переходит к обработке лучших, более плодородных земель, никак не могла быть увязана с признанием действия «закона убывающего плодородия почвы». Это

¹⁵ Дж. Б. Кларк. Распределение богатства. М.—Л., Соцэкгиз, 1934, стр. 44.
¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 63.

обстоятельство может быть объяснено тем, что в США, представлявших тогда страну с редким населением, с громадными неиспользуемыми естественными ресурсами, неправдоподобие мальтузианства особенно сильно било в глаза.

Кларк же не только защищал мальтузианство, но и дальше «усовершенствовал» эту реакционную теорию, в частности — положение об убывающем плодородии почвы. Это прежде всего связано с кларковской «теорией статики и динамики».

Кларк и в этом вопросе продолжал традиции Кэри, который изобрелся в измышлении всякого рода аналогий между законами, действующими в обществе, и законами природы. Вполне понятно, что ничего кроме нескольких выдуманных аналогий, основанных на явных натяжках, Кэри не мог изобрести. Даже буржуазные экономисты вынуждены были признать полный провал этих попыток. Однако этот провал не остановил Кларка, который уподобил политическую экономию теоретической механике и по типу последней предложил подразделить политическую экономию на статику и динамику.

Смысл маневра, предпринятого Кларком, состоит в том, чтобы представить экономическую статику в качестве исходного пункта политической экономии и тем самым сделать «теорию равновесия», составляющую основное содержание кларковской экономической статики, базой для разработки всех политико-экономических проблем. Для того чтобы укрепить «теорию равновесия», Кларк предлагает в разделе «экономической статики», т. е. в исходном, по его мнению, пункте экономического анализа, отвлечься от... всякого развития. «Экономическая статика», по его замыслу, должна изучать так называемое «стационарное общество», т. е. общество, в котором устранены всякие изменения. В таком обществе предполагается, по Кларку, неизменность величины населения и капитала, технического уровня, социальной организации производства и потребностей населения. Важнейшие экономические законы, по мнению Кларка, должны быть выведены при этих надуманных и явно переальных условиях. Кларк допускает и рассмотрение динамических процессов, т. е. процессов развития, но уже на последующей стадии исследования, в качестве дополнительного фактора, усложняющего и видоизменяющего первоначально установленные экономические законы, т. е. в качестве второстепенного момента. При этом динамические процессы он рассматривает как результат воздействия внешних сил, а не внутренних противоречий, заложенных в буржуазном производстве. Основной смысл кларковской «теории экономической статики» состоит в том, чтобы отвести политическую экономию от ее главной и решающей задачи — от изучения законов экономического развития общества. Метафизическая методология, присущая вообще буржуазной политической экономии, получает в этой теории свое предельно законченное выражение.

Одним из важнейших «экономических законов», который Кларк конструирует для своей «экономической статики», является «закон убывающей производительности труда и капитала», лежащий в основе его так называемой теории предельной производительности. Согласно этому «закону» дополнительное приращение труда, при условии неизменных масштабов применяемого в производстве капитала, дает более низкую производительность труда, нежели предыдущее приращение. Так, в примере, приводимом Кларком, первый рабочий создает продукт, оцениваемый в 10 долл., второй — в 8 долл., третий — в 6 долл., четвертый — в 4 долл., пятый — в 2 долл.

Нетрудно показать, что этот «закон» находится в очевидном противоречии с действительностью. Общеизвестен факт, что рост численности используемых на предприятии рабочих сопровождается повышением производительности труда, поскольку он создает предпосылки для усиления кооперации труда. А последние, как показал Маркс, создают новую производительную силу, которая по самой своей сущности есть массовая сила. Концентрация рабочей силы на предприятии способствует организации более детального разделения труда, более интенсивному использованию имеющихся орудий производства и применению новых, более мощных орудий производства.

Конечно, эффективное использование преимуществ, которые заключает в себе кооперация труда, возможно лишь при наличии рационального использования рабочей силы. Если на предприятии имеется излишек рабочей силы сверх необходимого числа, определяемого масштабами данного производства и техническими требованиями, то излишние рабочие не только окажутся бесполезными, но и будут мешать работать другим. Это условие настолько элементарно, что оно всегда подразумевается. И никакой капиталист не будет набирать излишнее количество рабочей силы на свои предприятия. Однако Кларк умышленно отвлекается от этого элементарного условия. Делает он это неспроста. Это ему необходимо для того, чтобы «обосновать» противоречащий действительности вывод о том, что каждый дополнительный рабочий является якобы менее производительным, чем предыдущий. С этой целью Кларк берет в качестве исходного пункта вымышленный случай, когда имеет место одностороннее увеличение на предприятии рабочей силы при неизменной величине производственного аппарата. Такая практика не является типичной, ибо она противоречит стремлению капиталиста к получению большей прибыли, в частности за счет экономии на издержках производства. Капиталист, как правило, стремится экономить на рабочей силе, а не искусственно расширять ее потребление.

Предположение, из которого исходил Кларк, явно противоречит действительности, ибо вопрос о количестве потребной для предприятия рабочей силы не может решаться без учета всех ус-

ловий производства, в частности — оборудования и возможности наиболее интенсивного использования рабочей силы.

Вымышленный характер предпосылок, на которых строится «закон убывающей производительности», особенно отчетливо выступает в период общего кризиса капитализма, одной из существенных черт которого является хроническая недогрузка предприятий. При наличии избыточных производственных мощностей совершенно непонятно, почему капиталисты должны искусственно создавать диспропорцию между растущим числом рабочих на предприятиях и неизменным производственным аппаратом.

Столь же надуманна и вторая сторона конструированного Кларком «закон убывающей производительности», выражающаяся в том, что каждое последующее приращение капитала, при условии неизменного числа рабочих на предприятии, дает меньше продукции, нежели предыдущее приращение. В примере, приводимом Кларком, первое приращение капитала (равное в его примере 100 долл.) создает продукт, оцениваемый в 8 долл., второе приращение — в 7 долл., третье — в 6 долл., четвертое — в 5 долл., пятое приращение — в 4 долл.

В данном случае вполне применимы те же возражения, которые приводились выше по поводу убывающей производительности труда. Предпосылка о неизменной величине рабочей силы в данном случае столь же противоречит действительности, как и предпосылка неизменности производственного аппарата в первом случае. А если отбросить эти явно вымышленные предпосылки, то рушится все «теоретическое» здание, воздвигнутое Кларком.

К этому следует добавить, что само предположение о том, что капитал якобы может создавать новую стоимость, совершенно ненаучно и основано на вульгарных «теориях стоимости». В действительности единственным источником стоимости, как неопровержимо доказал Маркс, является труд товаропроизводителей. Средства производства не создают и не могут создать ни одного атома стоимости. В процессе производства стоимость средств производства, созданная прошлым трудом, сохраняется при помощи живого труда, переносится им на новый продукт.

Кларк не зря защищает вульгарную «теорию производительности капитала» — ему важно показать, что стоимость продукта создается не только рабочими, но и капиталом. Это необходимо для «обоснования» правомерности притязаний капиталиста на прибыль и для положительного ответа на вопрос, который Кларк ставит в начале своей книги: соответствует ли капиталистическое распределение принципу «каждому по его заслугам».

Вымышленный буржуазными апологетами «закон убывающей производительности труда и капитала» органически связан с кларковской схемой «экономической статистики».

В основе той и другой «конструкции» лежит сознательное игнорирование технического прогресса, обеспечивающего рост произво-

дительности труда. В. И. Ленин вскрыл порочность этой «методологии» в своей критике «закона убывающего плодородия почвы». Сторонники этого «закона» исходят из предположения о возможности неограниченного приложения труда и капитала к одному и тому же участку земли при неизменном уровне техники. По этому поводу В. И. Ленин писал: «В сущности ведь самое понятие: «добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала» предполагает изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо *изобрести* новые машины, новые системы земледелия, новые способы содержания скота...»¹⁷.

Умышленное игнорирование технического прогресса, как известно, лежит в основе мальтузианства, которое взваливает ответственность за социальные бедствия на мнимый недостаток средств существования, игнорируя огромные возможности в области расширения производства средств существования, обеспечиваемые развитием науки и техники.

Переход на мальтузианские позиции — вот «достижение» Кларка по сравнению с Кэри. Этот переход весьма отчетливо выступает в «теории заработной платы» Кларка.

Суть ее сводится к утверждению, будто уровень заработной платы определяется продуктом последнего, наименее производительного приращения труда, или так называемой предельной производительностью труда. В приведенном выше примере Кларка, первый, второй, третий, четвертый и пятый рабочий соответственно создают 10, 8, 6, 4 и 2 долл. Предельная производительность труда в данном случае соответствует 2 долл. Она, по Кларку, и определяет уровень заработной платы. Все пятеро рабочих получают по 2 долл., поскольку они обладают одной и той же квалификацией, работают с одинаковой интенсивностью и имеют один и тот же рабочий день. Вместе они получают 10 долл. Но стоимость созданного ими продукта равна 30 долл. (10+8+6+4+2). Разность между стоимостью продукта и заработной платой составит 20 долл. Она поступит в пользу капиталиста в виде процента (Кларк полностью отрывает процент от прибыли и утверждает, что в условиях статичности вообще отсутствует предпринимательская прибыль).

При рассмотрении данного примера неизбежно возникает вопрос — не демонстрирует ли он даже при условиях, допускаемых Кларком, наличие очевидной эксплуатации рабочих капиталистом, притом в весьма крупных масштабах; ведь норма прибавочной стоимости в этом случае составит 200%. Кларк «спасается» от этого вывода ссылкой на вымышленную «производительность капитала». Он объявляет, будто стоимость продукта в 30 долл. создана совместно трудом и капиталом. Рабочие создают стоимость в

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 101

10 долл., капитал создает стоимость в 20 долл. Согласно Кларку, каждый получает по своим заслугам.

Эти рассуждения представляют типичный прием, известный в формальной логике под названием «*petitio principii*», сводящийся к тому, что в предпосылках, на которых строится доказательство, заключается вывод, который нужно обосновать. Пытаясь «обосновать» отсутствие эксплуатации труда капиталом, Кларк заранее исходит из «отсутствия» эксплуатации, предполагая, что $\frac{2}{3}$ стоимости продукта создаются не трудом, а капиталом и что рабочие создают не больше той стоимости, которую они получают в виде заработной платы.

«Теория заработной платы» Д. Б. Кларка основана на сознательном замалчивании антагонистических противоречий буржуазного общества и, в частности, того, что рабочие в условиях капитализма не являются собственниками средств производства, что они вынуждены продавать свою рабочую силу в крайне неблагоприятных условиях, при наличии резервной армии труда, что заработная плата, как правило, ниже стоимости рабочей силы, которая в свою очередь составляет только часть вновь созданной рабочими стоимости.

Это парочитое замазывание антагонистических противоречий буржуазного общества проявляется и в главном выводе «теории предельной производительности». Он состоит в том, что уровень заработной платы изменяется пропорционально изменению производительности труда. В действительности рост производительности труда в условиях капитализма целиком используется в интересах капиталистов, как средство производства относительной прибавочной стоимости. Применение новых технических методов, относительно снижая потребность в рабочей силе, в конечном счете приводит к росту относительного перенаселения, что в свою очередь способствует абсолютному и относительному обнищанию рабочего класса.

Кларк ставит уровень заработной платы в зависимость не от производительности труда вообще, а от его «предельной» производительности. «Предельная» производительность, согласно Кларку, находится в зависимости от численности рабочих — она тем ниже, чем больше число рабочих. Установление этой зависимости дает возможность Кларку связать свою «теорию заработной платы» с мальтузианством, чтобы свалить ответственность за низкий уровень заработной платы на самих рабочих: заработная плата якобы не может быть повышена в силу низкой, «предельной» производительности труда, обусловленной в свою очередь слишком большой численностью рабочих. Отсюда делается вывод в чисто мальтузианском духе — важнейшее средство повышения заработной платы состоит в том, чтобы ограничить размножение рабочих. Кларк писал: «Закон заработной платы... делает очевидным, что возрастание населения в то время как специальный фонд капитала остается тем

же самым, приводит к снижению предельного продукта труда и тем самым нормы заработной платы»¹⁸.

В период общего кризиса капитализма, когда резервная армия труда превратилась в постоянную, когда даже буржуазные деятели вынуждены ставить вопрос о мероприятиях по снижению массовой безработицы, «теория предельной производительности» используется для «обоснования» наступления на жизненный уровень рабочего класса под флагом борьбы с безработицей. Буржуазные идеологи, апеллируя к «закону убывающей производительности труда», стараются убедить рабочих в том, что дополнительное вовлечение рабочих в производство возможно лишь при условии снижения заработной платы.

«Теория процента» Кларка построена по тому же принципу, что и его «теория заработной платы». Уровень процента он ставит в зависимость от «предельной производительности капитала».

Порочность этой теории столь же очевидна, как и порочность «теории заработной платы» Кларка.

Во-первых, как выше было показано, совершенно несостоятельно положение о производительности капитала.

Во-вторых, в противоречии с капиталистической действительностью, Кларк пытается изобразить дело так, что составные части прибыли — предпринимательский доход и ссудный процент — якобы не зависят один от другого и имеют совершенно различные источники. Предпринимательскую прибыль Кларк изображает как временную категорию, существующую якобы только в условиях динамики и представляющую собой нечто вроде премии капиталистам-новаторам, вводящим новые технические методы или новые способы организации производства. Так Кларк пытается подменить предпринимательскую прибыль сверхприбылью, являющейся по существу избыточной прибавочной стоимостью. Кларк же изображает эту сверхприбыль как результат «услуг» капиталиста.

На самом же деле сверхприбыль — избыточная прибавочная стоимость — присваивается отдельными капиталистами только временно, до тех пор, пока новые методы производства, обуславливающие повышенную производительность труда на передовых предприятиях, не получат всеобщего распространения и соответственно не изменится общественно необходимое рабочее время. Однако помимо этого существует предпринимательская прибыль, которая присваивается всяким функционирующим капиталистом (при условии, конечно, что производство не является убыточным). Этот очевидный факт пытается скрыть Кларк.

В-третьих, Кларк при определении уровня процента совершенно отвлекается от условий капиталистического кредита, с которым

¹⁸ J. B. Clark. Essentials of Economic Theory. N. Y., 1927, p. 315.

неразрывно связана категория ссудного процента. Кларк пытается определить норму процента, не затрагивая вопроса о природе ссудного капитала и процента. Это лишний раз иллюстрирует полную никчемность в теоретическом отношении «теории процента» Кларка. Заработную плату и процент Кларк изображает как категории, подчиняющиеся одному и тому же закону — и та и другая категории определяются якобы уровнем «предельной» производительности. Это перелицованная на новый манер старая «теория гармонии интересов» Кэри.

Кларк выступил на литературной арене в конце XIX в., когда происходил переход к империалистической стадии капитализма. Его основное произведение «*Essentials of Economic Theory*» вышло в 1907 г., т. е. уже в период империализма. Не удивительно, что он большое место отводит в этом произведении апологии капиталистических монополий.

Кларк учитывал, что открытая защита монополий не может рассчитывать на успех среди трудящихся. Он решил замаскировать свою фактическую защиту монополий показной их критикой. Такой метод защиты монополий соответствовал официальному курсу тогдашнего президента США Теодора Рузвельта, который предпринял так называемый «антитрестовский поход». Для отвода глаз Теодор Рузвельт выступал с резкими заявлениями по поводу «злоупотреблений» трестов, по его предложению был возбужден ряд судебных процессов против трестов. Но это несколько не мешало ему фактически защищать монополии, всевластие которых в США продолжало усиливаться.

Следуя этому приему, Кларк не скупился на весьма крепкие словечки по адресу монополий. «Монополия, — писал он, — является наиболее мощным средством среди тех факторов, которые не только сопротивляются, но положительно сводят на нет действие естественного экономического закона. Монополия приостанавливает прогресс в производстве и вносит в распределение элементы рабства. Она дезорганизует (pervert) силы, которые обеспечивают каждому индивиду то, что он производит»¹⁹. Государство, «борющееся с монополиями», Кларк сравнивает со сторожевым патрулем, который идет по улице, чтобы охранять порядок и арестовывать взломщиков²⁰.

Все эти резкие критические выпады против монополий представляют только дымовую завесу. Это становится очевидным, когда Кларк переходит к рассмотрению деятельности крупных корпораций. Оказывается, что их не следует причислять к лику монополий. Кларк ссылается на то, что крупнейшие корпорации не свободны от действия законов конкуренции и что даже корпорации, полностью контролирующее производство в какой-либо отрасли, должны

считаться с возможностью потенциальной конкуренции, с возможностью появления новых конкурентов.

Кларк предпринимает новый маневр, утверждая, что бизнес может иметь только форму монополии, не обладая ее действительной силой. Превратив гигантские корпорации в организации, которые только-де формально, по видимости являются монополиями, он «освобождает» их от обвинений, которые он столь усердно направляет против монополий. Кларк идет еще дальше. Он пытается убедить читателей в том, что гигантские корпорации не только свободны от «недостатков» монополий, но и представляют по результатам своей деятельности якобы полную противоположность монополиям. «Истинная монополия, — заявляет он, — означает стагнацию, принуждение и то, что может быть названо новым феодализмом, в то время как консолидация (имеется в виду образование союзов капиталистов и концентрация предприятий. — И. Б.) без монополий означает прогресс, свободу и постоянное приближение к индустриальной демократии»²¹.

В отношении Кларка можно перевернуть известную поговорку — начав за упокой монополий, он фактически кончает за их здравие. Осуждение монополий превращается у него в восхваление монополистических предприятий и объединений.

Критические выпады Кларка направлены против таких монополий, которые полностью и абсолютно ограждены от конкуренции. Но таких монополий фактически не существует, ибо любой монополии приходится считаться с возможностью появления аутсайдеров, с возможностью конкуренции со стороны капиталистов других стран, а также других отраслей, производящих так называемые субституты, и т. д.

Впрочем, есть такая «монополия», которую Кларк имеет в виду, занимаясь своими критическими разглазгованиями. Но это не действительная, а мнимая монополия. Речь идет о выдуманной буржуазными экономистами «монополии» профессиональных союзов. Кларк приветствует расправу с профессиональными союзами. Он демагогически прикрывает борьбу с профессиональными союзами призывами... обеспечить свободу передвижения рабочих. А эту свободу он связывает с покровительством... штрейкбрехерам. Борьбу профессиональных союзов со штрейкбрехерами он квалифицирует как нарушение... прав рабочих на свободную продажу своей рабочей силы.

Такова сущность этой более чем своеобразной «критики» монополий.

Следует отметить еще одну важную особенность теории Кларка, характеризующую эволюцию американской буржуазной политической экономии. В работах Кларка дается уже защита империалистической политики США, хотя в весьма завуалированной

¹⁹ J. B. Clark. *Essentials of Economic Theory*, p. 375.

²⁰ Ibid., p. 385.

²¹ J. B. Clark. *Essentials of Economic Theory*, p. 535.

форме. Так, он заявляет, будто заработная плата рабочих в «цивилизованных» странах содержит элементы «квазипрофита», т. е. нечто вроде предпринимательской прибыли, связанной с более высоким уровнем производительности труда в этих странах по сравнению с общемировым уровнем.

Кларк защищает широко распространяемую империалистами идею о том, что империалистическая экспансия и колониальные захваты будто бы выгодны для рабочих метрополий, так как они якобы ведут к повышению заработной платы. Как и все идеологи империалистической экспансии, Кларк замалчивает тот факт, что империалистическая политика связана с большим ростом государственных расходов, с содержанием больших армий и т. д. Все эти тяготы падают на трудящихся и еще более ухудшают их положение. Выгодами же от империалистической экспансии пользуются монополии. В то же время огромные колониальные прибыли дают возможность буржуазии метрополий подкупать верхушку рабочего класса — так называемую рабочую аристократию.

Хотя экономическая теория Кларка сложилась еще в период домонополистического капитализма, она отразила попытку перестроить буржуазную апологетику в соответствии с потребностями монополистического капитала.

Отдельные элементы теории Д. Б. Кларка (в особенности его «теории заработной платы и процента») широко распространены среди буржуазных экономистов США. Однако для «обоснования» повседневной практики монополий современные буржуазные экономисты предпочитают прибегать к новейшим вариантам вульгарных теорий, в большей мере отвечающим запросам финансовых магнатов.

3. БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ США ПЕРИОДА ИМПЕРИАЛИЗМА И ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

а) Институционализм

Начало XX в. характеризуется вступлением капитализма в его высшую и последнюю стадию — в стадию империализма. Новые тенденции, присущие империалистической стадии капитализма, с особой силой проявились в США. Уже в первом десятилетии XX в. концентрация производства и капитала в США приняла гигантские размеры, которые обеспечили монополиям полное господство в важнейших отраслях промышленности. Ссылаясь на данные 1909 г., В. И. Ленин писал о США, что «почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий!»²² Возникновение колоссальных про-

мышленных концернов переплеталось с гигантской централизацией банковского капитала.

Изменившаяся социально-экономическая и политическая обстановка потребовала новых приемов для обмана трудящихся масс, положение которых еще более ухудшилось под гнетом монополий.

Эту задачу пытаются решить представители одного из направлений вульгарной политической экономии США, получившего название «институционализм».

Термин «институционализм» происходит от слова «институции», изучением которых, по мнению ряда буржуазных экономистов, должна заниматься политическая экономия. Обычно к институциям относят государство, частную собственность, конкуренцию, налоги, право наследования, семью, монополистические объединения и т. д.

Таким образом, под институциями понимают как категории политической и правовой надстройки, так и экономические явления. Не удивительно, что сам по себе термин «институционализм» весьма расплывчатый, и разные авторы обычно вкладывают в это понятие различное содержание. Некоторые буржуазные американские экономисты, например Хоман, вообще отрицают существование какого-то особого институционалистского направления²³.

Другие чрезвычайно расширяют понятие институционализма, причисляя к этому направлению и... К. Маркса. Так, например, буржуазный американский экономист А. Харрис устанавливает три разновидности институционализма: а) основанный на учении о классовой борьбе; б) опирающийся на историко-генетический метод (например, теория Зомбарта в Германии или Веблена в США); в) описательно-статистический (например, теория Митчелла)²⁴. Уэсли Митчелл выдвинул даже положение, что всякая экономическая теория имеет институционалистский характер. В частности, элементы институционализма он усматривает в учении А. Смита.

В американской буржуазной литературе преобладает взгляд, что институционализм представляет собой американскую разновидность исторической школы политической экономии²⁵. При рассмотрении этого вопроса следует учесть, что в действительности имеются некоторые моменты, сближающие институционализм с немецкой исторической школой, в частности критика абстрактного

²³ Т. Нoman. Appraisal of Institutional Economics. «American Economic Review», 1932, N 1, p. 10—17.

²⁴ А. Harris. Types of Institutionalism. «Journal of Political Economy», December, 1932, p. 721—749.

²⁵ Такая точка зрения развивается, в частности, в одном из новейших американских курсов по истории экономических учений в книге Л. Н. Ханеу. History of Economic Thought. N. Y. 1949.

²² В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 185.

метода, подчеркивание особой роли правовых факторов, применение историко-генетического метода. Однако для правильного понимания любой экономической теории решающее значение имеет рассмотрение исторических условий, в которых возникла эта теория, и классовых сил, интересы которых она выражает. Если под этим углом зрения подойти к институционализму, то следует признать, что он значительно отличается от немецкой исторической школы.

Молодая историческая школа возникла в начале 70-х годов прошлого столетия. Это был период, который В. И. Ленин охарактеризовал следующими словами: «...1860-ые и 1870-ые годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши»²⁶.

Между тем институционализм возник уже в условиях империализма и общего кризиса капитализма. Он самым непосредственным образом связан с апологией монополистического капитализма.

Наличие различных толкований институционализма в американской литературе показывает, что последний не представляет какого-то установившегося течения. То, что обычно называют институционализмом, выражает некоторые новые тенденции, характеризуется господством монополий, гигантских корпораций, между которыми существуют очень тесные связи и переплетения. В этих условиях методология индивидуализма и субъективизма, характерная для традиционной вульгарной политической экономии, оказалась не вполне пригодной для апологии капитализма.

Центральной фигурой традиционной вульгарной политической экономии был отдельный капиталист, имеющий дело с небольшой группой занятых у него рабочих. Политическая экономия трактовалась господствовавшей прежде субъективной школой как наука об отношении субъекта к вещи и об отношении между отдельными субъектами.

Такая трактовка политической экономии пришла в противоречие с новой задачей, возникшей перед буржуазными экономистами в условиях империализма, — с задачей оправдания капиталистических монополий. Как известно, эпоха империализма характеризуется господством монополий, гигантских корпораций, между которыми существуют очень тесные связи и переплетения. В этих условиях методология индивидуализма и субъективизма, характерная для традиционной вульгарной политической экономии, оказалась не вполне пригодной для апологии капитализма.

Так, например, монополии заинтересованы в том, чтобы прикрыть свою грабительскую политику разговорами о высших нацио-

нальных интересах государства и т. д. Поэтому монополии и их агенты отходят от старых теорий, объявляющих личные интересы «хозяйствующего субъекта» главным и определяющим мотивом в области экономики. Монополиям выгодна такая перестройка буржуазной политической экономии, при которой подчеркивается особое значение «общественных мотивов», прикрываясь которыми можно было бы оправдать любые действия финансового капитала.

Это является одной из причин, почему в эпоху империализма буржуазные экономисты начинают отказываться от старых, сугубо индивидуалистических определений политической экономии и все чаще начинают подчеркивать, что политическая экономия имеет дело с социальными процессами.

Такую эволюцию никоим образом нельзя толковать как переход буржуазной политической экономии на научные позиции. Дело в том, что сами социальные процессы буржуазные экономисты трактуют в извращенном свете, в идеалистическом духе, приписывая решающую роль праву, государству, моральному фактору и т. д. Указанная эволюция представляет собой переход от одной вульгарной точки зрения к другой, не менее вульгарной и реакционной. Меняется историческая обстановка, и соответственно меняются методы обмана масс.

При рассмотрении отмеченной выше эволюции буржуазной политической экономии необходимо учесть еще одно обстоятельство — громадный рост и усиление в эпоху империализма профсоюзного движения. Монополистический капитал вынужден считаться с этим неприятным для него фактом. Применяя различные методы борьбы с рабочим классом, монополии используют и такой метод, как подкуп правых деятелей профсоюзного движения. Оправдание выгодных для монополистического капитала соглашений между предпринимательскими организациями и реакционными деятелями профессиональных союзов становится одной из задач буржуазной политической экономии. Для решения этой задачи старая индивидуалистическая методология также оказывается непригодной.

Наконец, для указанной выше эволюции буржуазной политической экономии огромное значение имеет развитие государственно-монополистического капитализма. Старая методология оказалась непригодной для того, чтобы скрыть факт подчинения монополиям буржуазного государственного аппарата. Апологию государственно-монополистического капитализма легче и удобнее всего оказалось проводить путем подчеркивания решающей роли буржуазного государства в экономике и призыва к установлению правительственного контроля над экономикой. Эта тема становится одной из наиболее популярных в современной буржуазной экономической литературе. Она является лейтмотивом институционализма.

²⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 190.

В этом отношении характерно высказывание американского буржуазного экономиста Гамильтона на съезде американской экономической ассоциации в 1919 г. Попутно следует отметить, что именно Гамильтону принадлежит и самый термин «институционализм». Выступая с характеристикой институционализма, Гамильтон подчеркнул, что в основе этого направления лежит идея «социального контроля» над производством. Для подкрепления своей точки зрения Гамильтон привел следующую историческую аналогию. Классическая школа, говорил он, ставила своей основной задачей борьбу с излишней бюрократической регламентацией со стороны государства, осуществлявшего меркантилистскую политику. Лозунг *laissez faire* был тогда наиболее популярным лозунгом. Положение с того времени значительно изменилось. Проблема *laissez faire*, говорил Гамильтон, не является основной проблемой нашего времени. Основная проблема теперь, по его мнению, состоит в социальном контроле над производством. Для обоснования такого контроля должна быть соответственно перестроена политическая экономия. Этой задаче, по Гамильтону, и должно быть подчинено институционалистское направление.

Исходя из такой характеристики институционализма, Гамильтон выдвинул следующие требования перед этим направлением: а) необходимо стать на эволюционную точку зрения, учесть изменения, связанные с экономической эволюцией; б) следует шире практиковать описательно-статистический метод для характеристики многосторонних связей между предприятиями; в) нужно отказаться от старых индивидуалистических представлений о мотивах «хозяйствующих субъектов».

Основное положение Гамильтона о том, что институционализм должен быть подчинен задаче оправдания социального контроля над производством, поддерживалось и другими представителями этого направления. Так, например, американский буржуазный экономист Флетчер дал такую сравнительную характеристику буржуазной классической школы в политической экономии и институционализма: первая является эпифеноменом стихийной экономики, а второй — плановой экономики. Известный представитель институционализма Джон Коммонс для «обоснования» этого направления приводит выдуманную им периодизацию развития капиталистического общества. По его утверждению, капитализм проходит через три этапа развития: капитализм свободной конкуренции, финансовый капитализм, административный капитализм. Под административным капитализмом, очевидно, подразумевается государственно-монополистический капитализм. Коммонс рассматривает институционализм как направление, приспособленное к нуждам этого административного капитализма.

Институционалистское направление не выработало какой-то новой, самостоятельной экономической теории. Оно представляет собой реакцию против старых методов буржуазной апологетики,

применявшихся в период господства свободной конкуренции. Она выражает поиски новых методов оправдания капитализма, приспособленных к условиям господства монополий.

В этой связи становится понятным смысл выдвижения институционалистами историко-генетического метода. Буржуазным апологетам не всегда выгодно защищать положение о неизменности экономического строя. Как раз на современном этапе они много распространяются об эволюции экономического строя. Они пытаются утешить рабочих иллюзиями о том, что современный капитализм совершенно не похож на капитализм в прошлом, скажем в XIX в., что он, мол, свободен от недостатков и противоречий, свойственных старому капитализму. Буржуазным апологетам важно убедить рабочих в том, что при государственно-монополистическом капитализме якобы ослабляются или даже ликвидируются капиталистические противоречия, улучшается положение рабочих и т. д.

Этим же мотивами объясняется и подчеркивание институционалистами значения описательно-статистического метода в противовес абстрактно-теоретическому методу. Само по себе накопление большого статистического материала, собранного и обработанного в соответствии с требованиями статистической науки, могло иметь только положительное значение. Но все дело в том, что этот статистический материал тенденциозно подбирается и обрабатывается для определенных апологетических задач — для приукрашивания современного капитализма, для выдумок об ослаблении экономических кризисов, росте реальной заработной платы и т. д. Как видно, адвокаты капитализма не очень верят в то, что их абстрактно-теоретическая «аргументация» окажет воздействие на читателей, — слишком велик контраст между розовой картиной, рисуемой буржуазной политической экономией, и суровой капиталистической действительностью. Поэтому они предпочитают прибегать к фальсификации статистических материалов, чтобы иметь возможность ссылаться на груды цифр для подкрепления своих апологетических выводов. Защитникам капитализма для выполнения своей задачи приходится всячески извращаться, — описательно-статистический метод и есть попытка выйти из того тяжелого положения, в котором очутилась буржуазная апологетика.

Внутри институционалистского направления существует много оттенков. Можно выделить два основных варианта институционализма: в одном случае апология империализма осуществляется в замаскированной форме под флагом реформизма, а в другом — преобладает откровенное восхваление господства монополий.

Наиболее крупным идеологом реформизма на американской почве является Торнстейн Веблен (1857—1929). Его реформистская теория используется финансовым капиталом для борьбы с революционным движением.

Реформизм Веблена имеет специфические особенности, характерные для США. В Европе реформизм обычно выступает под

флагом социал-демократии. Между тем теория Веблена не имеет социал-демократического облачения: это связано с тем, что в США социал-демократическое движение, как известно, не получило большого распространения.

В этих условиях американский реформизм испытывает потребность в такой идеологической базе, которая была бы свободна от социалистической фразеологии и в то же время ублаживала бы массы иллюзиями о возможности разрешения мирным путем антагонистических противоречий капитализма.

Буржуазия США пытается использовать в условиях общего кризиса капитализма реформизм Веблена, так же как в свое время немецкая буржуазия пыталась использовать ревизионизм Э. Бернштейна, т. е. в качестве противовеса против революционного марксизма. Д. М. Кларк писал, что значение Веблена состоит в том, что он якобы «восстановил много элементов марксистской экономики, освободив их от самых неудобоваримых догм и умозаключений» (т. е. от революционной сути марксистского учения)²⁷.

Вебленовская «критика» марксизма идет по тем же линиям, что и критика марксизма всякого рода реформистами и оппортунистами. Эта критика прежде всего направлена против материалистической диалектики, которой Веблен противопоставляет плоский и вульгарный эволюционизм. Эволюционный процесс он рисует в виде накопления мелких случайных изменений в результате воздействия различных внешних факторов. Подмена диалектики эволюционизмом всегда имела целью отрицание революционных скачков в историческом процессе развития. Эту цель преследовал и Веблен.

Веблен пытался противопоставить марксизму дарвинизм. Механическое перенесение дарвиновского учения о естественном отборе за пределы биологии, распространение этого учения на область социальных явлений всегда приводило к неправильным выводам и нередко использовалось для оправдания капиталистической эксплуатации. Так называемый социальный дарвинизм всегда играл реакционную роль.

Следуя традициям социального дарвинизма, Веблен пытается умалить принципиальное различие между биологическими и социальными процессами. Это, в частности, выражается в недооценке им роли сознательных действий человека, в переоценке всяких подсознательных мотивов, инстинктов, традиций, привычек, обычаев и т. д. Согласно вебленовской теории поведение человека определяется мотивами, действующими преимущественно в

²⁷ Попутно следует отметить, что в своей статье, направленной против марксизма, Веблен высказывает сочувственное отношение к германским ревизионистам, в частности к работам Э. Бернштейна (T. Veblen. The Place of Science in Modern Civilization and other Essays).

подсознательной сфере в форме разнообразных инстинктов. Основные инстинкты, подчеркивает Веблен, существовали еще у первобытного человека. Кроме того, в процессе исторического развития традиции, обычаи, установившиеся взгляды и привычки в силу своего повторения превращаются во вторую природу человека, приобретают силу естественной потребности, принимают форму прирожденного инстинкта. Отсюда Веблен делает свой главный вывод о том, что поведение человека определяется рядом инстинктов, имеющих оправдание в прошлом, но иррациональных с точки зрения современной обстановки.

Такое подчеркивание иррациональных мотивов делается Вебленом неспроста — оно прямо им используется для критики марксистского учения о классовой борьбе.

Классовая борьба предполагает в качестве одного из своих условий определенный уровень классового самосознания. А это означает не только то, что классы осознали свои действительные интересы, но и то, что классы в своей повседневной деятельности руководствуются сознательным стремлением отстаивать свои интересы, что они этой сознательной борьбе подчиняют всякого рода предубеждения, предрассудки, исторически сложившиеся традиции. В классовом обществе сознательная общественная деятельность неизбежно выливается в форму защиты интересов определенных классов, а призыв к иррациональным мотивам, как правило, используется для того, чтобы отвлечь народные массы от борьбы за их подлинные классовые интересы, затуманить их классовое самосознание. Так, например, с этой целью буржуазия разжигает националистические, шовинистические, расовые предубеждения и т. п.

В частности, Веблен использует свою теорию, отрицающую обязательный рост классового самосознания, для «обоснования» положения о том, что нельзя предсказать, в каком направлении будет развиваться классовая борьба между капиталистами и рабочими. «Последняя, — пишет он, — может привести к попыткам социалистического переворота, если рабочий класс проникнется революционными целями. Но не исключена и другая возможность, — считает Веблен: — рабочий класс может проникнуться духом лояльности, уважения к существующему строю, он может принять активное участие в династических, империалистических войнах». Отчего же зависят перспективы развития классовой борьбы пролетариата и тем самым судьбы буржуазного общества? Веблен на этот коренной вопрос дает ответ, который отчетливо выявляет истинную подоплеку его теории. «Это, — отвечает он, — есть вопрос привычки, врожденных предрасположений и стимулов, действующих на пролетариат».

Не приходится доказывать, что такая теория очень выгодна для буржуазии, в особенности в такой стране, как США, где правые деятели профсоюзного движения сохраняют еще большое влияние

на массы. Эта теория направлена на то, чтобы идейно разоружить рабочий класс путем распространения тезиса, что там, где нет глубоких революционных традиций и имеются длительные реформистские традиции, не может быть революционных действий. В действительности весь опыт исторического развития буржуазного общества неопровержимо подтверждает, что обострение противоречий между буржуазией и пролетариатом приводит к такому усилению классовой борьбы, какое преодолевает самые прочные и самые длительные реформистские традиции. Как ни сильна власть прошлого, она отступает на задний план, когда речь идет о жизненных интересах рабочего класса, когда неумолимая логика классовой борьбы требует от него решительных, революционных действий. Культ исторических традиций в этих условиях означает попытку закрепить это прошлое, которое находится в глубоком противоречии с требованиями исторического развития.

Задачам отвлечения рабочих от революционной борьбы отвечает и теория Веблена о социальных группах буржуазного общества. В этой теории отсутствует такое решающее понятие для определения социальной структуры общества, как понятие класса. При характеристике различных общественных групп он игнорировал место, занимаемое этими группами в общественном производстве, их отношение к средствам производства, основные имущественные отношения, свойственные капиталистическому способу производства. Веблен придавал решающее значение «привычным жизненным условиям», в которых производят и потребляют представители различных социальных групп. Поэтому в качестве важнейшего критерия для определения различных социальных групп он выдвигал не классовые признаки, а различие «видов деятельности».

Так, Веблен в качестве основы социальной группировки буржуазного общества выдвигал деление его не на буржуазию и пролетариат, а на сферы «индустрии» и «бизнеса». Под индустрией он понимал всю сферу материального производства, бизнес же отождествлялся им со сферой обращения. Сюда он включал все виды коммерческой деятельности, спекуляции, биржевых махинаций, кредитных операций и т. д. При этом он игнорировал единство, существующее между капиталистическим производством и обращением. По Веблену, в этих сферах выступают совершенно различные типы деятелей с неодинаковой идеологией с различными целями и тенденциями развития. В результате производство и обращение выступают в вебленовской трактовке не как две сферы капиталистического воспроизводства, а как два борющихся, идеологически враждебных друг другу мира. Индустриальные рабочие, предприниматели, производственные директора предприятий при такой трактовке оказываются в одном лагере, а торговые служащие и коммерческие директора — в другом. Разъединив капиталистическое производство и обращение и противопоставив их одно

другому, Веблен дал превратную картину классовых антагонизмов в капиталистическом обществе.

Источник всех бедствий современного капитализма, по утверждению Веблена, находится не в капиталистическом производстве, а в сфере бизнеса. Веблен пытался доказать, что эти бедствия могут быть устранены лишь одним способом — путем освобождения индустрии от господства бизнеса. Он игнорировал капиталистические производственные отношения в сфере «индустрии». Веблен обходит тот факт, что все процессы, которые он относил к сфере бизнеса, например, создание сложной системы акционерных обществ («дочерных», «внучатых» компаний и т. д.), промадное раздувание фиктивного капитала, всякого рода кредитные, биржевые махинации, колоссальный рост издержек обращения и т. д., на деле представляют собой производные процессы, обусловленные сдвигами, имеющими место в сфере капиталистической «индустрии». Веблен игнорирует основной и важнейший вопрос — о концентрации производства и установлении господства монополистического капитала.

Вебленовская теория индустрии и бизнеса с полной очевидностью демонстрирует характерный для буржуазных экономистов полный отрыв материального содержания производственного процесса от его социально-экономической формы. Это не случайно. При такой постановке вопроса борьба классов, по Веблену, объясняется не различием их материальных интересов, а различием характера деятельности в отдельных сферах народного хозяйства. Приведем одну иллюстрацию. Веблен указывал, что в реформированном по его проекту обществе должны быть устранены с руководящих постов все те, кто играл видную роль в сфере бизнеса. Почему? Потому, что они могут оказаться опасными для нового строя? Нет, Веблен дает другой ответ. Он считает необходимым устранение дельцов из сферы бизнеса только потому, что они привыкли к другим методам работы. Решающую роль, по Веблену, играет не борьба бизнесменов за свои классовые интересы, а их приверженность к старым традициям, их консерватизм, их «отсталая» идеология.

Веблен пустил в оборот еще одну теорию, получившую широкое распространение среди американских реформистов и подхваченную яркими апологетами буржуазии. Речь идет о «теории», согласно которой не рабочий класс, а интеллигенция призвана играть руководящую роль в общественном развитии.

Основываясь на этом неправильном положении, Веблен предлагал поставить во главе общества совет техников. Главную роль в этом совете должны играть инженеры-производственники, которым должны помогать экономисты-производственники. Основная задача этого совета, по Веблену, состоит в том, чтобы освободить сферу индустрии от господства бизнесменов. В одной из своих последних работ «Инженеры и система цен», в которой изложена

развернутая программа практических мероприятий, Веблен призывал к тому, чтобы инженеры и техники объединились, организовались, осознали свою силу.

Рассуждения Веблена о том, что производственно-техническая интеллигенция должна сыграть главную роль в перестройке общества, вымыслы о возможности «усовершенствования» капитализма прямо и непосредственно направлены против марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Не случайно апологетическая теория Веблена охотно была подхвачена многими американскими буржуазными экономистами.

Вебленовская теория зиждется на игнорировании того решающего факта, что основными классами в буржуазном обществе являются буржуазия и пролетариат. Что касается технической интеллигенции, то в капиталистических условиях она в своем большинстве тесно связана с буржуазией и служит ей верой и правдой.

Наряду с этой интеллигенцией, тесно связанной с буржуазией, в капиталистических странах имеется прогрессивная интеллигенция, участвующая в общедемократической борьбе. Но она не способна самостоятельно, без пролетариата и его руководства, решать исторические задачи.

Теория Веблена была широко использована апологетами монополистического капитала в их борьбе против марксизма-ленинизма.

Наиболее откровенно реакционная сущность институционализма выражена в работах американского буржуазного экономиста Джона Коммонса, выпустившего в 1934 г. книгу «Институционалистская экономия».

Коммонс в качестве определяющего понятия политической экономии выдвигает понятие экономических институтов. Последнее он характеризует как общественные действия, которые определяют поведение каждого индивидуума и создают возможность для более широких действий, недоступных для деятельности отдельных лиц. Само это определение является настолько расплывчатым и туманным, что из него трудно сделать какие-либо определенные выводы. Некоторый свет на цели, которые преследовал Коммонс, проливает его перечень отдельных видов экономических институтов. Он причисляет к последним всевозможные объединения, начиная от семьи и кончая корпорациями типа холдинг-компаний, торговых ассоциаций, федеральной резервной системы; сюда он включает также государство и тред-юнионы. Коммонс упрекает старых буржуазных экономистов в том, что они уделяли слишком много внимания индивидуальным капиталистам и взаимоотношениям между капиталистом и занятыми у него рабочими. Коммонс призывает к тому, чтобы больше заниматься изучением таких монополистических организаций, как холдинг-компании, федеральная резервная система и т. д.

Однако центр тяжести институционализма заключается не только в призыве заниматься аналогией монополий. Это — очень

важный момент для характеристики современной буржуазной политической экономии вообще и Коммонса в частности, но не единственный. Основная цель, которую преследует Коммонс своим определением институтов, — это замаскировать сущность государственно-монополистического капитализма. Он упрекает традиционную буржуазную политическую экономии в том, что она мало внимания уделяла экономической роли государства, что она рассматривала экономические категории в отрыве от воздействия на них государства. Основной смысл институционализма Коммонса состоит в подведении «теоретической» базы под требования монополистического капитала о максимальном использовании в своих интересах подчиненного ему буржуазного государственного аппарата. Поскольку это использование на поверхности явлений выражается в усилении государственного вмешательства в экономику, Коммонс занимается восхвалением такого вмешательства. А для устранения сомнений в том, что это вмешательство продиктовано интересами монополий, Коммонс старается изобразить дело так, будто бы буржуазное государство или право... определяет развитие капитализма. Одну из своих книг Коммонс так и озаглавил — «Правовые основы капитализма». Таким образом, вымысел о примате права, над экономикой, составляющий ядро институционализма Коммонса, непосредственно отражает интересы монополистического капитала.

В США, как и в Англии, право развивалось в специфической форме так называемого «общего права» (common law). Своеобразие последнего заключается в отсутствии общей кодификации. При этих условиях судебная практика приобретает крупнейшее значение. Решения судебных органов (в особенности Верховного суда) по тому или иному делу имеют обязательную силу для всех аналогичных дел. Суды являются истолкователями права, их решения заменяют отсутствующие кодексы гражданских и уголовных законов.

В связи с этой особенностью американского права пропаганда примата права получила у Коммонса своеобразную судебную окраску. Суды в его трактовке выступают в роли важнейшего фактора разложения феодального общественного строя. Они, по Коммонсу, обеспечили торжество буржуазного права и расчистили почву для развития капитализма. Коммонс рекомендует положить в основу разработки экономических вопросов решения Верховного суда. Он всячески рекламирует значение последнего, подчеркивая, что Верховный суд якобы может и должен сыграть крупнейшую роль в развитии экономики США.

Нетрудно показать полную несостоятельность этой явно идеалистической трактовки.

Марксизм давно установил, что право относится к надстройке, возвышающейся над экономическим базисом. Изменение производственных отношений порождает соответствующие изменения

в области права. Примеры, на которые пытается сослаться Коммонс для доказательства своей теории, на деле опровергают его измышления и с полной очевидностью подтверждают известное марксистское положение о базисе и надстройке. Разложение феодального общественного строя произошло в результате развития внутренних противоречий феодального способа производства. Выражением этого разложения явилось возникновение и развитие в недрах феодализма капиталистических производственных отношений, на базе которых и возникли буржуазные формы права в виде, например, законов о свободной конкуренции, свободе договора и т. п. Развитие буржуазного права, конечно, способствовало упрочению и усилению капиталистических производственных отношений, но этот результат явился лишь выражением обратного воздействия следствия на причину. Само возникновение буржуазного права явилось ответом на потребности экономического развития, оно было вызвано к жизни ростом капиталистической экономики, оно было бы немыслимо в иной экономической обстановке.

Измышления Коммонса о примате права имеют определенный классовый смысл — они призваны «оправдать» практику государственно-монополистического капитализма. Коммонс продолжает защиту пресловутой «теории гармонии интересов» Кэри — Д. Б. Кларка, составляющую важнейшую линию американской буржуазной апологетики. Но Коммонс в новых условиях отстаивает эту лжетеорию по-новому. Кэри и Д. Б. Кларк утверждали, что «гармония интересов» классов капиталистического общества устанавливается автоматически, в силу действия стихийных экономических законов. Коммонс в эту традиционную «теорию» вносит корректив — «гармония интересов» возникает не в порядке самотека, поскольку имеется конфликт интересов, а достигается якобы при помощи всякого рода мероприятий и прежде всего — при содействии государства.

Чтобы подвести базу под новый вариант «теории гармонии интересов», Коммонс развивает свою «теорию сделок». Он трактует сделку как исходную экономическую категорию, как наиболее элементарную форму экономической деятельности. Рассмотрение сделок, по Коммонсу, исчерпывает все поле деятельности экономической науки. Нетрудно заметить, что такое выдвигание на передний план в политической экономии юридической категории сделок является непосредственным применением рассмотренной выше насквозь порочной, идеалистической трактовки о примате права над экономикой.

Коммонс не случайно объявляет сделку исходной экономической категорией. По его теории оказывается, что всякая сделка включает в себя три момента — конфликт интересов участников сделки, взаимозависимость этих участников и урегулирование конфликта. Смысл этой разрекламированной Коммонсом «теории сделок» состоит в том, чтобы показать, будто в любой сделке возмож-

ны конфликты, но последние якобы никогда не связаны с антагонистическими противоречиями (в том числе и сделки между капиталистами и рабочими). Коммонс старается прежде всего протолкнуть идею о том, что конфликты, заложенные в любой сделке, якобы всегда поддаются мирному урегулированию при помощи беспристрастного арбитра.

Как Коммонс мыслит это урегулирование конфликтов и установление «гармонии интересов», видно из того, что в качестве метода такого урегулирования он допускает не только убеждение, но и принуждение. Подлинный смысл, который Коммонс вкладывает в это на первый взгляд столь мирное и успокоительное выражение об «урегулировании», весьма отчетливо выступает в приводимом им примере о том, что наиболее крупным участком действительного сотрудничества являются американские холдинг-компании, которые подавляют конфликт, если убеждение оказывается неэффективным. Итак, сам Коммонс объявляет типической формой урегулирования конфликтов метод финансового контроля, осуществляемый холдинг-компаниями, т. е. метод подавления финансовыми магнатами более слабых капиталистов при помощи всевозможных махинаций, которые практикуются при организации акционерных обществ, капиталистического кредита, бирж и т. д. Корректив, который Коммонс вносит в «теорию гармонии интересов», сводится к тому, что эта «гармония» должна быть установлена методами финансовой олигархии и в интересах последней.

Особое значение Коммонс приписывает вмешательству государства в «конфликт интересов». Он иллюстрирует такое вмешательство на примере случая, названного им «разумной ценностью» (reasonable value). Под этим столь привлекательно звучащим термином имеется в виду «разумная», «нормальная» величина фиктивного капитала, устанавливаемая судом в случае конфликта (например, в случае обвинения в «разводнении» акционерного капитала).

Для Коммонса «урегулирование конфликтов» — синоним легализации гигантских прибылей монополий, одним из методов получения которых является присвоение учредительских прибылей, использование мошеннических операций, связанных с разводнением акционерного капитала, и т. д. Не случайно Коммонс всячески расписывает в качестве крупнейшего события в экономической жизни США решение Верховного суда от 1890 г., санкционировавшее право акционерных компаний неограниченно повышать курс акций на основе капитализации монопольных прибылей.

Коммонс пытается изобразить выдуманную им «разумную ценность» не как результат единичных случаев вмешательства судебных органов в конфликты между отдельными капиталистическими предприятиями, а как выражение какого-то общего принципа «сознательного» регулирования судебными органами цен и всей

экономической жизни. Коммонс выдает приведенный выше случай за демонстрацию «торжества коллективного разума» над рыночной стихией. Он в рекламных целях заявляет, что «теория разумной ценности» должна сыграть такую же роль для современной политической экономии, какую сыграло в свое время учение о естественном праве для классической школы.

Рассмотрение случая с «разумной ценностью» дает возможность более конкретно выяснить содержание институционализма Коммонса. Он подчеркивает, что экономические категории должны рассматриваться прежде всего с учетом воздействия правовых факторов и в первую очередь — использования государственного аппарата, в частности суда. Свою критику традиционной вульгарной политической экономии Коммонс сводит к тому, что последняя, по его мнению, уделяла недостаточно внимания современной практике монополистических корпораций и не ставила вопроса о так называемом «разумном капитализме». «Институционалистская экономика» в понимании Коммонса — это экономика «регулируемого капитализма», «административного капитализма», или, как он иногда выражается, «разумного капитализма». На самом же деле это экономика, характеризующаяся господством финансовой олигархии и подчинением ей государственного аппарата. Институционализм — это апология современного капитализма, и в частности государственно-монополистического капитализма.

Коммонс призывает к тому, чтобы буржуазное государство занималось урегулированием конфликтов не только между отдельными группами капиталистов, но и между капиталистами и рабочими. Он долгое время сотрудничал с правыми профсоюзными лидерами США и играл роль одного из главных «теоретиков» правых профсоюзов.

Стремясь всячески умалить значение противоречий между буржуазией и пролетариатом, Коммонс в противовес марксистскому учению о классах выдвигает тезис о том, что в буржуазном обществе существует якобы множество классов, или, вернее, отдельных групп, со своими, как он выражается, «протекционистскими интересами». Рабочие и капиталисты отдельной отрасли производства в изображении Коммонса имеют общие интересы. Задача профсоюзных организаций, утверждает он, заключается в том, чтобы обеспечить эти «общие интересы», а не в том чтобы подрывать капиталистическую систему. Коммонс на все лады расхваливает сотрудничество между капиталистическими предпринимателями и рабочими организациями, призывает к установлению более тесного контакта между ними. Он демагогически заявляет, что такие соглашения являются якобы важнейшим средством устранения «беспорядков» в капиталистической системе и придания последней более разумного характера.

Это новый штрих, позволяющий дальше конкретизировать институционализм Коммонса. «Институционалистская экономика»

по его мнению, характеризуется не только господством финансового капитала и наличием государственно-монополистического капитализма, но и использованием правых профсоюзных боссов в интересах финансовой олигархии.

«Разрешение» противоречий между буржуазией и пролетариатом в «институционалистской экономике» возлагается на буржуазное государство.

О том, как империалистическое государство «разрешает» эти противоречия, достаточно красноречиво говорит антирабочее законодательство США, в частности закон Тафта — Хартли. Оно означает создание всевозможных препятствий для легальной классовой борьбы пролетариата. Государственный аппарат широко используется монополиями для наступления на жизненный уровень и права трудящихся.

В качестве дополнительного штриха, характеризующего институционализм Коммонса, следует отметить его высказывание о фашизме. Он пишет: «Возможно, что американский капитализм движется к фашизму под маской планового экономического совета»²⁸. Коммонс откровенно заявляет, будто для народных масс лишение их политических прав не является большим злом, если им обеспечена работа. Поэтому, говорит он, подавляющее большинство населения, возможно, фашистскую диктатуру предпочтет американскому банковскому капитализму²⁹.

В этом высказывании столько же нелепостей, сколько слов. Во-первых, сознательные трудящиеся всегда высоко оценивали значение политических свобод, как важнейшего условия борьбы за свои конечные цели. Во-вторых, фашистская диктатура никогда не обеспечивала и не может обеспечить право на труд. В-третьих, фашизм ни в коей мере не устраняет «банковского капитализма», ибо он сам является террористической диктатурой наиболее реакционных и наиболее агрессивных империалистических кругов.

Но рассуждения Коммонса при всей своей несостоятельности весьма показательны — они наиболее ярко отражают реакционную, антинародную сущность институционализма.

Период наибольшего влияния институционализма — 20-е и первая половина 30-х годов. С конца 30-х годов влияние институционализма падает.

Подлинной причиной спада влияния институционализма является то, что попытки институционалистов найти новые формы буржуазной апологетики не оказались эффективными с точки зрения сколько-нибудь широкого воздействия на массы. Работы институционалистов не получили большого резонанса даже в США, не говоря уже о других капиталистических странах. Не удивительно, что институционалистские теории стали быстро сходить со сцены, как только у них появился серьезный конкурент в смысле

²⁸ J. Commons. Institutional Economics. N. Y., 1934, p. 902.

²⁹ Ibid., p. 903.

идеологической обработки масс. А таким конкурентом оказалось кейнсианство. Кейнсианство имеет много общих черт с институционализмом, но оно проявило значительно больше изворотливости и изощренности в деле обмана масс. После выхода в свет главной книги Д. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) и некоторые бывшие институционалисты перешли на позиции кейнсианства.

6) Кейнсианство.

Защитники «свободного предпринимательства»

С начала 30-х годов стал особенно очевидным глубокий контраст между непрерывным стремительным ростом производительных сил в СССР и глубоким упадком капиталистической системы хозяйства, подверженной периодически повторяющимся кризисам перепроизводства.

Крупнейшим событием, оказавшим огромное влияние на эволюцию американской буржуазной политической экономии, явился мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Этот кризис с большой настоятельностью поставил перед буржуазными экономистами вопрос об изыскании мер по укреплению капиталистической системы.

Новые формы, которые приняла социальная демагогия в условиях раскола мира на две системы и выявившихся гигантских достижений социалистической системы хозяйства, выражаются в проповеди вымыслов о «плановом капитализме», «бескризисном капитализме», «полной занятости». Эти демагогические идеи, усердно распространяемые буржуазной пропагандой, воспроизводят в новой форме старые приемы буржуазной апологетики, выражающиеся в отрицании имманентных противоречий капитализма, в отрицании неизбежности при капитализме экономических кризисов и массовой хронической безработицы.

Различие между старыми приемами буржуазной апологетики и новыми методами социальной демагогии лишь в следующем: старые апологеты просто замалчивали противоречия капитализма, современные же апологеты капитализма не могут позволить себе роскошь воспользоваться таким легким и простым методом «ликвидации» капиталистических противоречий; поэтому они утешают трудящихся, что противоречия капитализма, существование которых они вынуждены признать, якобы могут быть ликвидированы в рамках капитализма с помощью буржуазного государства. Идеологи буржуазии пытаются ослабить значение успехов социалистической системы хозяйства ссылкой на то, что эти успехи не заложены, мол, в самой системе социалистических производственных отношений.

Большую популярность среди буржуазных экономистов идея «планового капитализма» получила во время кризиса 1929—1933 гг.

Эти годы совпали с первой советской пятилеткой, блестящие успехи которой произвели огромное впечатление во всем мире. Успехи первой пятилетки вынуждены были признать даже буржуазные деятели. В американской литературе начинает проповедоваться идея о том, что нельзя проходить мимо советского опыта ведения планового хозяйства, что нужно использовать этот опыт и пересадить его на американскую почву. Американский буржуазный экономист У. Донам опубликовал в 1931 г. книгу под названием «Бизнес наугад», в которой писал: «Два урока, по крайней мере, мы должны извлечь из опыта Советского государства: первый — о значении и необходимости генерального плана, и второй — о важности такого плана для цивилизации. Трудности, которые мы переживаем, объясняются больше всего отсутствием плана»³⁰. В таком же духе высказался и Стюарт Чейз: он утверждал, что план для Соединенных Штатов, так же, как и для России, не является предметом, находящимся за пределом реальности.

Призыв к планированию в этот период получил широкое распространение в американской буржуазной литературе. Его поддерживал, в частности, и президент США Франклин Рузвельт. В своей известной книге «Смотря вперед» он писал, что одобряет плановую экономику «не только на этот период, но и надолго в будущем»³¹.

В 30-х годах развивает большую деятельность в США группа буржуазных экономистов, пропагандировавших идею плановой экономики и пользовавшихся поддержкой Франклина Рузвельта.

В 1933 г. при Федеральной администрации общественных работ было создано Национальное плановое управление, которое в 1935 г. было преобразовано в Национальный комитет ресурсов, а последний в 1939 г. был реорганизован в Национальное управление планирования ресурсов. Это управление просуществовало с 1939 по 1943 г., когда оно было ликвидировано в связи с отказом конгресса ассигновать средства на содержание этого управления.

Во второй половине 30-х годов в американской буржуазной экономической литературе широко распространяется кейнсианская теория. Последняя вытеснила с конца 30-х годов и в особенности в послевоенный период как институционализм, так и доморощенных идеологов «планового капитализма» вроде Тэгвелла и Саула.

Кейнсианство оказалось наиболее подходящим идеологическим оружием современного капитализма, в том числе и американского³². О восторженном отношении к кейнсианской теории со стороны некоторых американских буржуазных экономистов свидетельствуют появление в 1948 г. книги Лоуренса Клейна под

³⁰ W. Donham. Business Adrift. N. Y., 1931, p. 151.

³¹ F. Roosevelt. Looking Forward. N. Y., 1933, p. 13.

³² О теории Кейнса см. часть первую нашей работы «Критика современной буржуазной политической экономии Англии».

характерным названием «Кейнсианская революция» и высказывание американского профессора Мартина Бронфенбреннера: «Кейнсианской политике полной занятости, примененной до и во время второй мировой войны, может быть приписано без всяких преувеличений, что она спасла капитализм в 1930-х годах»³³.

А Сеймур Харрис в специальном, изданном под его редакцией, сборнике о влиянии Кейнса на экономическую теорию и политику писал, что «медицина», разработанная Кейнсом, лучше всего пригодна для США³⁴.

В американской буржуазной литературе делалось немало попыток приукрасить кейнсианство, представить его в качестве левого течения. Так, например, Шумпетер усматривает чуть ли не революционный смысл в кейнсовской критике сбережений, в его признании желательности некоторого смягчения имущественных различий. В действительности рассуждения Кейнса, на которые ссылается Шумпетер, представляют обычный для Кейнса демагогический прием. Следует отметить, что и сам Кейнс открыто признавал свою теорию «умеренно консервативной».

В американской буржуазной литературе были также попытки представить кейнсианство в качестве идеологического оружия борьбы с фашизмом. Так, например, Лоуренс Клейн изображает дело так, что альтернативой кейнсианских реформ является победа фашизма³⁵. Такая трактовка совершенно неправильна. В действительности нет антагонизма между фашизмом и кейнсианством. Не случайно в гитлеровской Германии идеи Кейнса встретили весьма благоприятный прием. Такой близкий к Гитлеру финансовый деятель, как Ялмар Шахт, писал, что кейнсовские идеи представляют теоретическое объяснение и оправдание национал-социалистской экономики.

Правда, Кейнс, прикрываясь завесой «демократии» и национализма, избегал высказывать открыто свои симпатии к фашизму. Но они иногда у Кейнса прорывались, например в предисловии к немецкому переводу его книги, изданной в гитлеровской Германии в 1936 г. Кейнс писал тогда, что его теория встретит у немецкого читателя меньше возражений, нежели в Англии, что теория «полной занятости» может быть легче приспособлена к условиям тотального государства, чем к «капитализму свободной конкуренции»³⁶.

Кейнсианство является наиболее типичным направлением в буржуазной политической экономии США. Наряду с кейнсианской

теорией в американской экономической литературе имеют хождение многие старые теории, например австрийской школы, Д. Б. Кларка, институционалистов. Нередко кейнсианские положения у отдельных авторов сочетаются с положениями, заимствованными у других экономистов.

Следует отметить, что в США в современных условиях нет вполне оформившихся течений в буржуазной экономической литературе, а имеется много индивидуальных оттенков. Если взять наиболее общие моменты, то можно выделить два основных направления — сторонников «регулируемой экономики», с одной стороны, и сторонников «свободного предпринимательства» — с другой. Это деление в известной мере, но только частично, совпадает с делением на кейнсианцев и антикейнсианцев, ибо и сторонники «свободного предпринимательства» часто прибегают к кейнсианской аргументации. Иногда первую группу характеризуют как стагнационистов, а вторую — как антистагнационистов.

Расхождения между указанными выше направлениями в основном имеют тактический характер. В коренных вопросах внешней и внутренней политики между ними нет сколько-нибудь существенных разногласий.

Подавляющее большинство буржуазных экономистов США выступает за государственное «регулирование» капиталистической экономики. Разногласия разворачиваются по вопросу о масштабах и формах этого «регулирования». Этот факт отмечает профессор Артур Бернс. «Вопрос о том, — писал он, — должно ли правительство играть определенную роль в деле поддержания высокого уровня экономической активности, сегодня не является уже объектом серьезных споров. Представители самых различных социальных групп и наших обеих политических партий теперь согласны с тем, что нельзя позволять экономическим штормам инфляции и депрессии без помех оказывать свое разрушающее действие. Теперь мы спорим не о необходимости регулирования экономических циклов, а скорее о характере действий правительства, их сроках и масштабах»³⁷.

Разногласия между буржуазными экономистами сводятся преимущественно к расхождению в вопросе о том, как оправдывать мероприятия, направленные к укреплению господства монополий и к обеспечению их монопольно высоких прибылей. Имеются расхождения по вопросу об экономической роли буржуазного государства, а также по некоторым специфическим вопросам экономической политики, например по вопросу об уровне таможенных пошлин в США, по некоторым деталям валютного и кредитного регулирования и т. д.

Буржуазные экономисты «спорят» о том, как преподнести массам характеристику современного экономического положения.

³⁷ A. F. Burns. From Ike's Business Adviser: The Recession is Ended. «United States News and World Report», Oktober 29, 1954, p. 43.

³³ M. Bronfenbrenner. Some Neglected Implications of Secular Inflation. — «Post-Keynesian Economics», edited by K. K. Kurihara. New Brunswick, New Jersey, 1954, p. 49.

³⁴ «The New Economics. Keynes Influence on Theory and Public Policy», edited with Introduction by Seymour E. Harris. N. Y., 1947, p. 40.

³⁵ Lawrence R. Klein. The Keynesian Revolution. N. Y., 1948, p. 167.

³⁶ J. M. Keynes. Die allgemeine Theorie der Beschäftigung, Zins und des Geld. München und Leipzig, 1936, S. VIII—IX.

Одни считают более целесообразным подчеркивать возросшие экономические трудности. По их мнению, это — лучшее средство для «обоснования» больших государственных субсидий и заказов. Они полагают, что ссылкой на грозную опасность, вырисовывающуюся перед современным буржуазным обществом, можно оправдать усиленную эксплуатацию рабочего класса, интенсификацию труда рабочих и т. д. Другие предпочитают замалчивать возросшие экономические трудности и давать казенно-оптимистические прогнозы, руководствуясь, очевидно, тем соображением, что подчеркивание противоречий капитализма может дискредитировать последний в глазах масс.

В качестве примера первого метода можно привести «теорию стагнации» А. Хансена, имевшую большое распространение в США в конце 30-х годов и в годы второй мировой войны. В послевоенные годы влияние этой теории ослабло, но и сейчас она имеет распространение в США³⁸.

Суть этой теории сводится к утверждению, что период бурного развития капитализма, начавшийся в последней трети XVIII в., закончился к началу первой мировой войны. Возможности дальнейшего развития значительно сужены, если не будут приняты особые меры в духе так называемой антикризисной политики.

«Теория стагнации» Хансена, признающая нарастание внутренних трудностей капиталистической системы, характерна как отражение в кривом зеркале буржуазной политической экономии громадного обострения экономических противоречий в период общего кризиса капитализма.

Основной смысл «теории стагнации» Хансена, как и кейнсианства в целом, состоит в том, чтобы противопоставить ленинскому учению об общем кризисе капитализма свою трактовку современного капитализма, представить упадок капитализма как результат случайных причин и тем самым «обосновать» возможность преодоления этого упадка. Хансен стремится показать, что основной источник экономических трудностей, переживаемых современным капитализмом, нужно искать не во внутренних противоречиях капитализма, а в исчерпании «внешних импульсов», к которым он относит сокращение коэффициентов прироста населения, исчерпание свободных земель в США, а также сокращение спроса на новые инвестиции в связи с возможностью технического перевооружения за счет «модернизации действующего оборудования», т. е. за счет главным образом применения потогонных методов эксплуатации рабочих. Совершенно очевидно, что снижение прироста народонаселения само по себе не может оказать влияния на платежеспособный спрос, который зависит от величины национального дохода и от его распределения, в особенности — от дохо-

да рабочего класса и трудящихся масс, а не от численности народонаселения. Кроме того, само изменение численности народонаселения является производным фактором от общего экономического положения. Это видно из расчетов, приводимых самим Хансеном. Он вынужден признать, что снижение прироста населения стало проявляться в США уже с 70-х годов XIX в. Хансен констатирует, что значительное снижение прироста населения произошло в 20-х годах XX в. и что наиболее низкий процент прироста населения имел место в 30-х годах, когда он равнялся всего 0,7%³⁹. Следовательно, значительное снижение прироста населения — спутник общего кризиса капитализма; оно обусловлено резким усилением обнищания трудящихся масс, в первую очередь рабочего класса, громадным ростом безработицы, колоссальным обострением экономических противоречий. Фактор, которому Хансен приписывает решающую роль, есть не первопричина, а лишь производное от тех процессов, которые происходят в современном капитализме.

Точно так же неосновательна и ссылка Хансена на особенности современной техники. Во-первых, последняя, допуская в известных пределах расширение производства за счет модернизации действующего оборудования и так называемой рационализации, в то же время требует на ряде участков применения более сложного и дорогостоящего оборудования. Таким образом, тенденции технического развития противоречивы — в одних производствах затраты основного капитала на единицу продукции возрастают, в других отраслях они снижаются. В целом техническое развитие идет в таком направлении, которое отнюдь не снижает спроса на элементы основного капитала. Во-вторых, — и это самое важное — сам характер воздействия технического развития на условия воспроизводства и реализации общественного продукта зависит от производственных отношений. В условиях социализма новейшая техника открывает возможности ускоренного расширения производства, ведет к росту численности рабочего класса и к подъему материального и культурного уровня трудящихся. В условиях же капитализма техническое развитие, хотя оно содействует временному расширению производства, в конечном счете приводит к увеличению безработицы, росту праздного капитала и «излишних денег», углублению противоречий капитализма. Но виновата в этом не техника, а сам капитализм. Следует отметить, что и в рамках капитализма непосредственное воздействие технического развития на воспроизводство различно в периоды, когда капитализм развивается по восходящей и нисходящей линиям. Решающее значение имеет вся совокупность капиталистических противоречий. При наличии глубоких экономических противоречий возможности воздействия технического развития на расширение производства

³⁹ A. Hansen. Some Notes on Terborgh's «The Bogey of Economic Maturity». «Review of Economic Statistics», February, 1946, p. 14.

³⁸ См. напр. ст. Anatol Murad. Net Investment and Industrial Progress. «Post — Keynesian Economics», p. 249, 250.

весьма ограничены. Таким образом, ясно, что и этот фактор, на который ссылается Хансен, является производным от капиталистических условий хозяйства периода общего кризиса капитализма.

«Теория стагнации» получила особое применение на втором этапе общего кризиса капитализма, когда эта теория использовалась для «обоснования» вывода о том, что раз американская экономика может развиваться только на основе «внешних импульсов» и раз старые импульсы уже исчерпаны, то нужно создать новые импульсы для оживления экономики. Наилучшей формой таких «внешних импульсов» агрессивные круги объявили усиленную милитаризацию. С этой теорией связана модная сейчас в США пропаганда необходимости «взбадривания» экономики, «накручивания» конъюнктуры, «выпрыскивания» в частнокапиталистическое хозяйство многих миллиардов государственных средств в форме больших заказов («Нью-Йорк таймс» сравнивала эти заказы с выпрыскиванием адреналина в ослабевший организм).

Вокруг «теории стагнации» за последние годы в американской экономической литературе развернулась большая дискуссия, в особенности в связи с появлением книги Джорджа Терборга «Призраки экономической незрелости». Легко разделившись с аргументацией Хансена, Терборг пытается использовать слабость своего противника для того, чтобы показать, что вообще ничего не изменилось в капиталистической экономике и что кризис 1929—1933 гг. принципиально ничем не отличается от кризисов, имевших место в XIX в. «Упадок 1929—1933 гг., — пишет он, — отражает острую, а не хроническую болезнь экономики, напоминающую приступ пневмонии в противоположность, скажем, диабету. Его вызвали циклические изменения в новых комбинациях и пропорциях, но в основном те же самые, что проявлялись так часто прежде»⁴⁰.

Если Хансен прибегает к неправильному истолкованию фактов для объяснения деформации капиталистического цикла и обострения экономических кризисов, то Терборг предпочитает вообще замалчивать факты. Пытаясь отвлечь внимание от проблемы изменения цикла и кризисов, Терборг сваливает вину за обострение экономических трудностей в 30-х годах на экономическую политику правительства США, которая якобы «расхолаживала» частные инвестиции. Для того чтобы скрыть подлинные причины углубления кризисов на современном этапе, заложенные в общем кризисе капиталистической системы, он объявляет «новый курс» Франклина Рузвельта первоисточником обострения экономических кризисов. На самом же деле Рузвельт стал президентом в 1933 г., т. е. когда низшая точка падения производства в кризисе 1929—1933 гг. была уже пройдена. «Новый курс» представлял собой

лишь попытку, оставаясь на почве капитализма и ни в коей мере не задевая прибылей монополий, найти выход из кризиса и предупредить возможность дальнейшего повторения кризисов.

Имеется тактическое расхождение между буржуазными экономистами и по вопросу о методах оправдания капиталистических монополий. Сторонники «свободного предпринимательства» объявляют государственное «регулирование» экономики первопричиной всех болезней капитализма. Они обычно выступают в роли наиболее откровенных защитников монополий, заявляя, будто сами монополии содействуют народному благу и что источник усиления экономических противоречий лежит не в господстве монополий, а в государственном вмешательстве в экономику, связанном с ростом государственных расходов, с инфляционными последствиями, с требованиями увеличения налогов. Разумеется, критика государственного вмешательства в экономику, которой занимаются сторонники «свободного предпринимательства», лишь прикрывает фактическую поддержку практики широкого использования монополиями государственного аппарата, в частности при проведении милитаризации народного хозяйства.

В этом отношении типична позиция одного из наиболее видных защитников «свободного предпринимательства» — Ф. Найта. Он объявляет «крайне преувеличенными» «толки о монополистическом господстве». Для «объяснения» этих «толков» он ссылается на присущую человеческой природе черту искать всегда конкретного виновника зла и бороться с этим злом путем «ликвидации кого-то»⁴¹. Объявив капиталистические монополии чем-то вроде пугала, «вымышленного демагогам», Найт спешит преподнести читателю вывод о том, что источник ограничения конкуренции следует искать не в монополиях, а в неправильной политике государства. «Мы можем сослаться, — заявляет он, — на умышленное предоставление патентов и авторского права... на ухаживание за угнетающими группами (pressure groups) в сельском хозяйстве и среди организованных рабочих, а также на исключительные привилегии корпорациям»⁴². Итак, все дело, по Найту, не в самих монополиях, а в привилегиях, предоставляемых им государством. Этот вывод еще более категорически формулирует другой идеолог «свободного предпринимательства» — Л. Мизес. Он провозглашает, что «великая проблема монополий, с которой сталкивается сегодня человечество, не является продуктом развития рыночной экономики. Она — продукт преднамеренных действий со стороны правительства»⁴³. А Георг Штиглер ставит точку над «и», утверждая,

⁴¹ Frank H. Knight. *Antropology and Economics*. «Journal of Political Economy», April 1941, v. XLIX, p. 264.

⁴² Frank H. Knight. *Economic and Social Policy in Democratic Society*. «Journal of Political Economy», December 1950, v. LVIII, p. 519—520.

⁴³ L. Mises. *Human Action. A Treatise on Economics*. New Haven 1949, p. 363.

⁴⁰ G. Terborgh. *The Bogey of Economic Maturity*. Chicago, 1945, p. 174.

будто государство является в современных условиях важнейшим фактором образования и роста монополий⁴⁴.

Всякому добросовестному исследователю современной капиталистической действительности видно, что у Найта, Мизеса и других все поставлено на голову. На деле не государство определяет деятельность капиталистических монополий, а крупнейшие монополии, подчиняя себе государственный аппарат, определяют формы и направление его деятельности.

Защитники «свободного предпринимательства» фактически выступают за проникновение монополистов в государственный аппарат, за использование этого аппарата в интересах монополий. Хотя со стороны представителей этого направления иногда раздаются критические замечания по поводу предоставления субсидий и всяких льгот монополиям, по эти замечания делаются только для вида. Всю свою критику защитники «свободного предпринимательства» направляют лишь против определенных форм государственного вмешательства в экономику, а именно против тех форм, которые представляют собой вынужденные уступки со стороны буржуазии рабочему классу, как то: социальное страхование, фабричное законодательство, общественные работы в той мере, в какой они связаны со строительством школ, больниц и т. д. Как ни мизерны мероприятия, проводимые буржуазным государством в этой области, они вызывают яростную критику со стороны наиболее откровенных защитников капитала.

Сторонники «регулируемой экономики» в отличие от защитников «свободного предпринимательства» открыто воспевают «благотворную» роль государственного вмешательства в экономику.

Представители этого направления заявляют, что экономические трудности современного капитализма возникают только в результате неправильной политики буржуазного государства. Они пытаются внушить массам иллюзии о том, что буржуазное государство способно при помощи определенных мероприятий устранить или во всяком случае смягчить главные язвы капитализма — безработицу, экономические кризисы и т. д. При такой трактовке причин экономических противоречий капитализма монополии также остаются в стороне.

Сторонников обоих направлений объединяет как попытка выгородить монополии, так и трактовка буржуазного государства в качестве решающей силы экономического развития.

Тактическое расхождение между представителями обоих направлений связано также с различными методами оправдания инфляции, проводимой монополистическим капиталом.

Многообразные мероприятия, проводимые под флагом «регулирования» капиталистического хозяйства, связаны со значительным ростом государственных расходов, что приводит к дальней-

шему усилению инфляционных процессов, порожденных общим кризисом капиталистической системы. Сторонники «регулируемого капитализма» обычно защищают инфляционную практику. Они выступают с восхвалением усиленного роста государственных расходов как фактора, якобы способствующего оздоровлению экономики, увеличению общественного спроса и т. д.

Защитники «свободного предпринимательства» выступают против инфляции. Однако в их антиинфляционной проповеди содержится много демагогии, поскольку они активно поддерживают милитаризацию, являющуюся на современном этапе важнейшей причиной роста государственных расходов и разворачивания инфляционных процессов. Но в известной мере эта антиинфляционная пропаганда отражает и реальные интересы некоторых групп монополистического капитала, в частности крупных держателей облигаций государственных займов. Обесценение доллара означает неизбежно обесценение облигаций государственных займов.

Важное тактическое расхождение между буржуазными экономистами имеется по вопросу о методах оправдания наступления монополий на жизненный уровень рабочего класса.

Монополистический капитал заинтересован в усилении эксплуатации рабочих, в снижении их жизненного уровня. Но эта задача может быть осуществлена по-разному. Одни — сторонники наиболее прямолинейных и грубо откровенных методов наступления на рабочий класс; другие считают целесообразным вести борьбу с рабочим классом в более замаскированной форме — прикрываясь демагогическими лозунгами, блокируясь с реформистским руководством профессиональных союзов, используя реформистские иллюзии среди рабочих.

Защитники «свободного предпринимательства» выступают с наибольшей откровенностью. Они открыто проповедуют снижение реальной заработной платы, пытаются представить рост номинальной заработной платы в качестве первоисточника всех экономических трудностей, переживаемых современным капитализмом. Они восхваляют различные мероприятия антирабочего законодательства, вроде запрещения стачек, требуют ограничения функций профессиональных союзов.

Сторонники «регулируемой экономики» применяют более гибкую тактику. Они в качестве необходимого атрибута «смешанной экономики» выдвигают требование установления тесного контакта монополистических корпораций не только с правительственными органами, но и с реформистскими профсоюзами, с лидерами профсоюзного движения. Представители этого направления ведут более тонкую игру, прикрываясь маской защитников профессиональных союзов и сторонников социальных реформ, в частности они выступают за увеличение расходов на общественные работы, за борьбу с безработицей. Некоторые из сторонников «регулируемой экономики» в целях привлечения масс на свою сторону выступают

⁴⁴ George J. Stigler. The Theory of Price. N. Y., 1947, p. 208—209.

с предложениями повышения реальной заработной платы, но сопровождают это требование такими оговорками, которые сводят его на нет. Реформистские требования в данном случае играют лишь роль дымовой завесы.

В качестве примера можно привести Хансена, который прослыл либералом и сторонником роста заработной платы. Хансен допускает рост заработной платы только в случае повышения производительности труда. «Если заработная плата, — заявляет он, — превышает границы, установленные производительностью, то такое увеличение заработной платы является инфляционным»⁴⁵. Это обычная уловка всех противников роста заработной платы. А ссылка на вымышленный «закон убывающей производительности» дает возможность Хансену утверждать, что перед кризисом заработная плата якобы слишком высока по сравнению с производительностью труда рабочих и что в этом следует видеть одно из главных оснований кризисов. Поэтому Хансен требует снижения заработной платы якобы для борьбы с кризисами.

Разногласия между сторонниками «регулируемого капитализма» и «свободного предпринимательства» отражают также расхождение интересов отдельных групп монополистического капитала по вопросу о внешнеторговой политике.

В кругах монополистического капитала США ведется борьба вокруг уровня американских таможенных тарифов. С требованиями снижения таможенных тарифов выступают те группы буржуазии, которые осуществляют в широких масштабах экспорт товаров и капиталов. Эти группы поддерживают пропаганду в духе «свободного предпринимательства», связанного с проповедью «либерализации» внешней торговли. Группы капиталистов, ориентирующиеся на внутренний рынок, поддерживают высокие таможенные пошлины и более охотно придерживаются пропаганды в духе «регулируемого капитализма».

Экспортные отрасли в период домонополистического капитализма составляли главную базу фритредерского движения. С переходом к империалистической стадии капитализма таможенные пошлины, как известно, начинают играть новую роль, способствуя экспорту товаров. В этот период экспортные отрасли широко используют разные формы государственного покровительства. Этот факт отчетливо выступает в период общего кризиса капитализма, когда особенно заметно сказывается связь направления экспорта и внешней политики, проводимой данным буржуазным государством.

Нужно, однако, отметить, что и в период общего кризиса капитализма капиталисты экспортных отраслей во многих случаях предпочитают поддерживать фритредерскую агитацию, умалчивая

о своей протекционистской практике. Фритредерская агитация в США имеет в этом случае главной целью воздействие на колонизальные и слабо развитые страны, для того чтобы парализовать там всякие попытки ограждения своих рынков от наступления американских экспортеров. Опираясь на свои производственно-технические преимущества, на большие возможности предоставления кредита покупателям и на другие экономические возможности, американские экспортеры находятся в более благоприятных условиях, чем их конкуренты на внешних рынках. Не удивительно, что американские экспортеры ратуют за максимальное ограничение государственного регулирования в области внешней торговли, имея в виду, конечно, в первую очередь регулирование в тех странах, куда направляется американский экспорт.

Наряду с апологетами крупного монополистического капитала в США выступают и экономисты, защищающие интересы мелкой буржуазии. Они критикуют всевластие монополистического капитала и приводят большой фактический материал о хищнической практике монополий. Однако их критика носит утопический характер. Они мечтают о возврате к домонополистическому капитализму и отвлекают трудящихся от революционной борьбы.

в) Эволюция буржуазной политической экономии США после второй мировой войны

В послевоенный период значительно усилились позиции сторонников «регулируемой экономики».

Известный американский буржуазный экономист Д. Саул в своей книге «Идеи великих экономистов», изданной в 1953 г., отмечает, что «приверженность системе *laissez faire* в классическом стиле сейчас редко встречается». А один из последних могилок доктрины *laissez faire* — Л. Мизес в своей книге «Планирование для свободы и другие очерки», изданной в 1952 г., жалуется на то, что экономические кафедры захватили в свои руки кейнсианцы и последователи Веблена, и призывает к тому, чтобы допускать к университетскому преподаванию и представителей «старой» экономической науки.

Усиление позиций сторонников «регулируемой экономики» нашло свое отражение в широком распространении кейнсианства, в усиленной пропаганде всякого рода программ, возлагающих на буржуазное государство основную ответственность за борьбу с экономическими кризисами. В частности, эти идеи заметно сказались в «Акте о занятости» (*Employment Act*, 1946 г.). По этому закону президент должен ежегодно представлять конгрессу доклад с обзором существующего экономического положения и с рекомендацией практических мер, рассчитанных на то, чтобы выправить конъюнктуру. Так, в случае бума президент может рекомендовать сокращение государственных расходов и увеличение налогов в целях

⁴⁵ A. Hansen. *Economic Policy and Full Employment*. N. Y.—L., 1947, p. 13.

понижения покупательной способности населения. В случае кризиса рекомендуются мероприятия, рассчитанные на увеличение государственных расходов в целях повышения спроса. Иными словами, «Акт о занятости» возлагает на государство задачу установления соответствия между совокупным спросом и предложением путем мероприятий налоговой и бюджетной политики.

В Экономическом отчете президента США за 1954 г. подчеркивается, что борьба с кризисами составляет одну из важнейших задач правительства. «Мы, — говорится в этом отчете, — должны координировать все правительственные программы, особенно валютную и фискальную политику, с тем чтобы ограничить и преодолеть тенденции, которые могут развиваться в депрессию или инфляцию»⁴⁶. «Американский народ, — заявлял Эйзенхауэр, — твердо верит в экономическую свободу, но не будет пассивно принимать депрессию или инфляцию»⁴⁷.

К кейнсианской аргументации часто прибегали в своих докладах экономические советники президента Трумэна. К ней прибегали и экономические советники президента Эйзенхауэра. У. Фостер отмечает, что «республиканцы, придя к власти, применяют родственные (related) кейнсианские схемы в значительно больших масштабах, чем это когда-либо применялось при Рузвельте»⁴⁸.

После второй мировой войны многие американские буржуазные экономисты, ранее критиковавшие теорию Кейнса, также перешли на позиции кейнсианства. В частности, такую эволюцию претерпел А. Хансен, который в 1933 г. критиковал предложения Кейнса о стимулировании инвестиций путем расширения государственных расходов и еще в 1936 г. выражал свои сомнения в целесообразности такого излюбленного кейнсианского мероприятия, как «общественные работы» в качестве метода стимулирования инвестиций⁴⁹.

Тот же Хансен в статье, специально посвященной вопросу о влиянии кейнсианства в США, констатирует⁵⁰, что большинство американских экономистов, независимо от того, принимают ли они полностью или частично теоретические положения Кейнса или отвергают их, благоприятно относятся к кейнсианской «компенсированной циклической политике», т. е. к предложениям о регулировании экономической конъюнктуры путем расширения государственных расходов во время кризиса и сокращения их в период бума. Хансен подразделяет в этой статье американских буржуаз-

⁴⁶ «Economic Report of the President, Transmitted to the Congress». Wash., January 20, 1955, p. 6.

⁴⁷ Ibid., p. 2.

⁴⁸ W. Z. Foster. Eisenhower and Keynesism. «Political Affairs», April 1955, p. 20.

⁴⁹ Lawrence R. Klein. The Keynesian Revolution, p. 48.

⁵⁰ A. H. Hansen. The Influence of Keynesian Thinking in the United States. «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 69, Heft 1, 1952.

ных экономистов по их отношению к Кейнсу на четыре группы. Первая группа — это явные антикейнсианцы. Наиболее известные из них — Найт, Мизес, Лютц. Это сравнительно небольшая группа. Другая группа состоит из экономистов, которые находятся под значительным влиянием Кейнса, но предпочитают не пользоваться его терминологией. К этой группе можно отнести, например, Моултона, Шумпетера. Третья группа частично применяет методы Кейнса, хотя и не разделяет полностью его положений. Типичным для этой группы Хансен считает Хаберлера. Наконец, четвертая группа состоит из открытых сторонников кейнсианства. Наиболее видные представители этой группы в США — Хансен, Харрис, Клейн и др. Эта группа пользуется особенно большим влиянием среди буржуазной молодежи США.

Следует учесть, что разногласия между этими четырьмя группами буржуазных экономистов сводятся преимущественно к тактическим разногласиям. Классовая суть их теорий одинакова.

Этим объясняется то, что многие буржуазные авторы, критикующие аргументацию Кейнса, принимают его практические предложения.

Кейнсианские идеи получили отражение и в ряде коллективных работ американских буржуазных экономистов, например в опубликованных за последние годы докладах Комитета экономического развития, организованного монополиями, в докладе комитета Американской экономической ассоциации о мерах борьбы с кризисами, изданном в 1950 г.⁵¹

Влияние кейнсианства заметно сказалось в докладе, подготовленном экспертами Социального и Экономического Совета Организации Объединенных Наций, под названием «Национальные и интернациональные средства полной занятости» (1949 г.). В подготовке этого доклада большое участие принимали американские экономисты кейнсианец Артур Смитис и Д. М. Кларк. Д. М. Кларк никогда не объявлял себя сторонником Кейнса, однако в своих практических выводах он весьма значительно приближается к кейнсианству.

Особенностью буржуазной экономической литературы в послевоенный период является то, что она в значительно большей степени, чем раньше, поставлена на службу пропаганде милитаризма. Вопросы военной экономики заняли одно из главных мест в экономической литературе. Буржуазные экономисты США усиленно распространяют идею о том, что гонка вооружений и милитаризация народного хозяйства представляют собой якобы наилучшее противоядие от экономических кризисов перепроизводства. Буржуазные экономисты занимаются восхвалением «преимуществ» военной экономики, якобы свободной от безработицы, кризисов,

⁵¹ «The Problem of Economic Instability. A Committee Report». — «American Economic Review», September 1950.

анархии производства и других противоречий капиталистической системы.

Апология милитаризма нашла отражение в особом истолковании теорий, возникших на предшествовавших этапах капитализма.

Характерно, что кейнсианская теория получила в США в послевоенный период особенно ярко выраженное милитаристское истолкование. Сам Кейнс рьяно в тогу нацифиста и по тактическим мотивам не считал целесообразным распространяться о благотворной роли военных расходов. Кейнсианцы 30-х годов и в Англии и в США преимущественно рекламировали «общественные работы» как наиболее желательную форму «антикризисных» мероприятий. В послевоенный период кейнсианство по инициативе американских буржуазных экономистов было поставлено прежде всего на службу оправдания гонки вооружений. Кейнсианская теория о необходимости искусственного форсирования общественного спроса путем увеличения государственных расходов оказалась сущей находкой для агрессивных кругов американского капитализма, сделавших как раз главное ударение на «народно-хозяйственном» значении военных расходов и завоевании внешних рынков в качестве средства преодоления внутренних противоречий американской экономики.

Кейнсианская теория, восхваляющая рост государственных расходов, стала основным методом оправдания милитаризации и войн как противоядия от экономических кризисов. В статье Роберта Брэйди «Расходы на оборону и национальная экономика», опубликованной в *Анналах Американской академии политических и социальных наук* за сентябрь — октябрь 1952 г., отмечается, что боязнь наступления экономического кризиса усиливает позиции сторонников гонки вооружений. «С момента появления доктрины Кейнса, — пишет Брэйди, — подобная идея (предупреждение экономического кризиса при помощи гонки вооружений. — *И. Б.*) хотя и в измененной и вульгаризированной различными экономистами и представителями правительства форме получила поддержку экспертов-экономистов» (речь в первую очередь идет об экономических советниках президента США). Американская газета «*Нью-Йорк геральд трибюн*» (от 15 апреля 1952 г.) восхваляет Кейнса как главного пропагандиста «благотворного» влияния роста государственных расходов. «Американцы всех толков, — заявляет газета, — уверовали в него (в Кейнса. — *И. Б.*). Они признают концепцию «эффективного спроса» и не могут допустить, чтобы государственные расходы не составляли значительную часть этого спроса».

Но было бы неправильным считать, что монополистический капитал США и его идеологи использовали кейнсианскую программу только для оправдания гонки вооружений и развития военного производства. У. Фостер в одной из своих статей, посвященных кейнсианству, указывает, что монополии, когда они

особенно остро почувствуют угрозу тяжелого экономического кризиса, могут прибегнуть к обширной программе мероприятий по расширению не только военных производств с целью ослабления кризиса⁵².

Идеология Мальтуса в послевоенный период стала идеологическим средством оправдания методов массового потребления населения — атомной, бактериологической войны и т. д.

В современной буржуазной литературе участились утверждения о «перенаселении», о мнимой угрозе продовольственной катастрофы и т. д. Проблема быстрого роста населения, пишет американский мальтузианец Хук, «является самой грозной проблемой нашего времени, безусловно более серьезной с точки зрения отдаленных перспектив, чем война или мир». «После атомной бомбы», — заявляет он, — неконтролируемое размножение людей в сегодняшнем мире — это самая зловещая сила». Американский журнал «*Ньюс уик*» опубликовал 13 сентября 1954 г. статью под характерным заглавием «Рост населения: слишком много новых ртов». Слишком быстрый рост населения, — пишет журнал, — «создает более серьезную опасность, чем водородная бомба».

Мальтузианские взгляды не только широко пропагандируются в современной буржуазной литературе, — они получили новое использование по сравнению с XIX в. Мальтус предназначал свою «теорию» преимущественно для «внутренних» целей — для того, чтобы обмануть массы баснями об абсолютном перенаселении, чтобы оправдать безработицу и лишения трудящихся выдуманными им «естественными» причинами. Милитаристские мотивы в мальтузианской проповеди XIX в. играли незначительную роль. Мальтус только жаловался на то, что «война, главная причина обезлюдения между дикими народами, в настоящее время сделалась менее опустошительной»⁵³.

В эпоху империализма использование мальтузианства буржуазией для «внутренних» целей не потеряло, конечно, своего значения. Ссылкой на чрезмерное размножение рабочих современные мальтузианцы, как и Мальтус полтора столетия назад, стараются уверить читателей, что в безработице виноваты-де сами рабочие, а не капиталистическая система. С этой целью измышляются легенды о наличии избыточного населения во всех странах, в том числе в главных капиталистических державах.

Современные мальтузианцы пытаются «обосновать» жестокие меры преследования трудящихся и в особенности наиболее революционных и прогрессивных элементов современного общества. Опираясь на лженаучную «теорию наследственности»,

⁵² W. Z. Foster. Eisenhower and Keynesism. «Political Affairs», April 1955, p. 25.

⁵³ Т. Р. Мальтус. Опыт о законе народонаселения т. 1, СПб., 1868, стр. 472.

мальтузианцы пророчат «качественную деградацию» человечества, или «генетическую эрозию», как угодно выражаться Куку, на том основании, что «нижние классы» размножаются интенсивнее, нежели «высшие классы». Если Мальтус в свое время рекомендовал рабочим «моральное воздержание», то современные мальтузианцы идут гораздо дальше своего учителя, требуя, во-первых, принудительной стерилизации целых групп населения (в первую очередь наиболее революционных), а во-вторых, такого регулирования браков, при котором наименее обеспеченным членам общества была бы закрыта возможность вступать в брак.

Американец Пенделл рекомендует провести закон, предусматривающий отказ в выдаче разрешений на заключение брака, если будущие супруги не представят доказательств того, что их доход достаточен для содержания семьи. Проектируемый Пенделлом закон устанавливает имущественный и образовательный ценз для людей, желающих иметь детей. Пенделл предлагает ввести лицензии на право иметь детей и даже на количество детей, которое он ставит в прямую зависимость от имущественного положения и образования. В отношении же трудящихся, не удовлетворяющих этим условиям, а также в отношении лиц, число детей у которых уже достигло установленной нормы, Пенделл считает необходимым применять принудительную стерилизацию.

Однако важнейшее назначение современного мальтузианства состоит в оправдании самой войны как способа массового истребления населения.

Современные мальтузианцы делают основное ударение на «угрозе» Западу, которую якобы представляет быстрый рост населения в странах демократического лагеря. Мальтузианство непосредственно связано с идеологической подготовкой третьей мировой войны.

Мальтузианство используется ныне также для оправдания войн империалистических государств против народов колониальных и зависимых стран. Оно нужно империалистам для оправдания политики порабощения, расовой дискриминации и массового истребления коренного населения в якобы перенаселенных колониальных и зависимых странах.

Империалисты всячески стремятся ослабить сопротивление колониальных народов, подавить их борьбу за освобождение от колониального рабства путем истребления миллионов людей. Они стараются ограничить численность населения в колониальных и зависимых странах, чтобы сократить боевые силы угнетенных народов.

Не удивительно, что сфабрикованный мальтузианцами миф об абсолютном перенаселении в колониях так охотно подхвачен колонизаторами всех мастей. Они пытаются свалить на это вымышленное абсолютное перенаселение ответственность за бедствия колониальных народов (безработицу, широкое распространение болез-

ней, высокую смертность), действительная причина которых — бесчеловечная эксплуатация империалистами населения колоний.

Мальтузианские измышления о наличии якобы абсолютного перенаселения в колониях не имеют под собой никакой почвы. Они преследуют своей целью оправдание обнищания колониальных народов, идеологическую подготовку истребительных войн, «обоснование» предпринимаемых империалистами мер к сокращению колониального населения.

Учитывая огромную непопулярность империалистических войн среди трудящихся, многие мальтузианцы напивают на себя тогу миротворцев и пацифистов. Они, мол, против, войны, но для этого нужно сократить рождаемость. Пока не будет сокращена рождаемость, война является железной необходимостью. Основное, что стремятся «доказать» мальтузианцы, сводится к следующему положению: пока не осуществляются эффективные методы контроля над рождаемостью, война остается важнейшим средством разрешения «проблемы перенаселения». *Война неизбежна и оправдана* — вот краткий смысл «ученых» изысканий мальтузианцев.

Классики марксизма дали исчерпывающую и уничтожающую критику мальтузианской «теории народонаселения»⁵⁴, не оставив от нее камня на камне. Они раскрыли полную несостоятельность этой «теории», объявляющей коренные пороки капиталистического строя вечным законом человеческого общества. Маркс показал, что каждому способу производства свойственны свои законы народонаселения, имеющие исторически преходящий характер, что избыточное население при капитализме представляет собой форму относительного перенаселения, порожденного законами капиталистического накопления, а отнюдь не мнимым недостатком средств существования. Капиталистическое общество располагает огромными возможностями в области производства средств существования, но оно отстраняет трудящихся, т. е. подавляющее большинство населения, от пользования ими. Совершенно очевидно, что не может быть речи о недостатке средств существования там, где во время кризисов уничтожается огромное количество предметов потребления.

Классики марксизма-ленинизма вскрыли суть апологетического маневра, предпринятого Мальтусом, которая сводится к тому, чтобы отвлечь внимание трудящихся от противоречий, заложенных в самом капиталистическом способе производства, подменить их противоречием между природой и обществом и свалить тем самым ответственность на природу за все бедствия буржуазного общества. Все эти попытки выгородить капитализм и снять с него

⁵⁴ Блестящая критика мальтузианской «теории», как известно, была дана и великим русским революционным демократом Н. Г. Чернышевским. Критиковали мальтузианство также выдающиеся русские ученые Д. И. Менделеев и К. А. Тимирязев.

ответственность за нищету масс, безработицу, войны и т. п. совершенно несостоятельны.

Все последующее экономическое развитие полностью подтвердило правильность критики мальтузианства, данной Марксом и Лениным. Как экономика современного капитализма, так и в особенности развитие социалистической экономики дают неопровержимые свидетельства лживости вымыслов об абсолютном перенаселении, об угрозе «мирового голода».

В социалистическом обществе в силу действия основного экономического закона социализма и закона планомерного развития народного хозяйства, в силу ликвидации анархии производства, конкуренции и экономических кризисов навсегда ликвидирована безработица. При социализме развитие производительных сил направлено на удовлетворение потребностей всего общества, поэтому оно не ведет и не может вести к выталкиванию трудящихся из процесса производства, к появлению относительного перенаселения. Ликвидация нищеты и безработицы — постоянных спутников капитализма, — непрерывный подъем материального благосостояния и культурного уровня народных масс в свою очередь обеспечивают быстрые темпы роста населения. Громадное значение в этой области имеют мероприятия по охране материнства и младенчества, организация широкой сети лечебных и санаторно-курортных учреждений, улучшение санитарных условий в городах и селах, массовое развитие физической культуры и спорта, строгое соблюдение правил безопасности и охраны труда на промышленных предприятиях и т. д.

С 1926 по 1939 г. население СССР возросло на 24 439 тыс. человек, или на 15,9%. За этот период население капиталистической Европы увеличилось на 8,7%. Чистый прирост населения в СССР за эти годы почти вдвое превышал прирост населения в капиталистических странах Европы.

После второй мировой войны прирост населения СССР осуществляется еще более быстрыми темпами. К октябрю 1952 г. чистый прирост населения СССР за предшествующие три года составил 9 500 тыс. человек.

Непрерывный быстрый рост народонаселения при сокращении смертности, особенно смертности детей, является законом развития социалистического общества.

Ликвидация безработицы в социалистическом обществе при исключительно высоких темпах прироста населения служит ярким наглядным опровержением мальтузианских утверждений о том, что перенаселение якобы обусловлено законами природы и имеет вечный характер.

Современные мальтузианцы пытаются уверить читателей, что основой бедствий в капиталистических странах является так называемый кризис населения и мировых ресурсов. Они пытаются доказать, будто количество целинных земель, пригодных для обра-

ботки, уже сократилось до минимума, в результате чего земля-де может прокормить все меньшее и меньшее количество людей.

Факты опровергают эти утверждения. Под зерновыми, техническими, овощными и другими культурами, а также под садами и лесонасаждениями занято менее 1 млрд. га, или от 7 до 7,5% поверхности земной суши. Между тем, по данным академика Л. И. Прасолова, около 10,5 млрд. га суши являются вполне пригодными для земледелия. Даже самые плодородные почвы — черноземные — освоены всего на 30—35%. В 1940 г. в США под сельскохозяйственными фермами было занято всего 55,7% земельной площади, а обрабатывалось немногим более 1/4 всей земельной площади страны. В этой стране около половины земли, признанной пригодной для обработки, не используется для сельскохозяйственного производства.

Мальтузианцы ссылаются еще на эрозию почвы, как на фактор, вызывающий упадок сельскохозяйственного производства. Эрозия почвы действительно имеет место, но ее причиной является не выдуманный мальтузианцами «закон убывающего плодородия почвы», а хищническая практика капиталистов.

«...Всякий прогресс капиталистического земледелия, — писал Маркс, — есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия»⁵⁵. Маркс иллюстрировал это положение на примере Соединенных Штатов Америки. Эрозия почвы в США обусловлена отсутствием рациональной системы земледелия, господством системы монокультуры, хищническим истреблением лесов.

По официальным американским данным, в США на 1950 г. из общего количества около 460 млн. акров пригодной для обработки земли около 365 млн. в той или иной степени подверглось эрозии. Ежегодно в стране эрозия разрушает сотни тысяч акров плодородной земли.

Капитализм тормозит развитие производительных сил в сельском хозяйстве, но в еще большей мере задерживает рост платежеспособного спроса трудящихся. Яркой иллюстрацией того факта, что современное капиталистическое земледелие переросло границы платежеспособного спроса, являются проводимые в США мероприятия по принудительному сокращению посевных площадей и по уничтожению сельскохозяйственной продукции.

Вопреки заявлениям мальтузианцев о недостатке сельскохозяйственных продуктов, в США, как и в других капиталистических странах, в период общего кризиса капитализма имеют место длительные аграрные кризисы, одним из показателей чего является громадный рост запасов сельскохозяйственной продукции.

⁵⁵ К. Маркс. Капитал. т. I, стр. 509.

Экономическое развитие человеческого общества более чем за полтора века, отделяющий нас от опубликования геростратовски знаменитой книги Мальтуса, полностью опровергнуто мальтузианскую теорию народонаселения.

В послевоенный период резко усилилось противоречие между возросшими производственными возможностями США и ограниченным внутренним рынком. Американские монополии пытаются разрешить это противоречие за счет увеличения экспорта товаров и капитала. Эти вопросы привлекли к себе усиленное внимание американских буржуазных экономистов.

В десятках книг, во множестве статей, вышедших в послевоенный период, американские буржуазные экономисты призывают к форсированному росту экспорта товаров и капитала, расписывая на все лады мнимые выгоды, которые несет эта экономическая экспансия не только США, но и всему капиталистическому миру.

Для характеристики позиции американских буржуазных авторов в этом вопросе характерна эволюция Хансена. В своей статье «Прогресс и убывающее население», опубликованной в 1939 г., Хансен очень пессимистически оценивал возможности роста иностранных инвестиций. Он писал, что «иностранные инвестиции в течение ближайших 50 лет будут играть несравненно меньшую роль, чем это имело место в XIX в.⁵⁶ Между тем в книге «Роль Америки в мировой экономике», изданной в 1945 г., Хансен всячески подчеркивает огромное значение экспорта капитала, выступая с откровенной пропагандой экономической экспансии США. Он предлагает широко развивать американский экспорт с помощью займов, предоставляемых странам-импортерам. Он ссылается на огромные суммы сбережений, ежегодно образующихся в США. «Нелегко будет найти применение этим крупным сбережениям в США»⁵⁷, — заявляет он. Суть предложений Хансена сводится к тому, что США должны стать мировым кредитором.

В наиболее откровенной и законченной форме пропаганда экономической экспансии США выражена в книге американского буржуазного экономиста Б. Джевитса «Мир посредством инвестиций». Джевитс предлагает, чтобы США ежегодно, в течение 50 лет, помещали за границей капитал примерно в сумме 20 млрд. долл. Страны, в которые будет инвестироваться американский капитал, должны, по замыслу Джевитса, специализироваться на производстве разных видов сырья, в которых нуждается американская промышленность, и поставлять это сырье в счет выплаты прибылей и погашения американских капиталовложений.

Джевитс заявляет, что экспорт капитала нужно прежде всего расценивать как хороший бизнес, сулящий солидные прибыли.

«Прибыли в денежном выражении, — восклицает он, — могут быть такие, что от них захватывает дыхание»⁵⁸.

Для оправдания экономической экспансии американские буржуазные авторы прежде всего мобилизуют ходячий в буржуазной литературе аргумент о том, что усиленный экспорт товаров и капиталов якобы может разрешить внутренние экономические трудности в США, в частности ослабить или предупредить экономические кризисы переизводства и рост массовой безработицы. Тот же Джевитс утверждает, что только значительный рост экспорта может «заставить» вертеться «колеса нашей машины» и обеспечить работой население. В сборнике статей под характерным заголовком «Как исправить капитализм» подчеркивается, что «экспорт чрезвычайно важен для хорошей конъюнктуры в США», и настойчиво выдвигается требование «расширить мировую торговлю, в которой Соединенные Штаты смогут играть роль ведущего кредитора в размерах, необходимых для полного использования производственных мощностей»⁵⁹.

Тот же аргумент играет главенствующую роль в обосновании американской экономической экспансии в цитированной выше книге Хансена «Роль Америки в мировой экономике», в сборнике «Спасая американский капитализм» и др.

Под видом борьбы за «полную занятость» и «бескризисный капитализм» американские буржуазные авторы пытаются приукрасить экономическую экспансию в глазах трудящихся США. Современная буржуазная экономическая литература США проникнута в своей значительной части идеями «американского образа жизни». Это новый вариант старой «теории американской исключительности», которая усиленно проповедовалась в 20-х годах.

В основе этой теории лежит глубоко порочный тезис о том, что американская экономическая система отлична от европейского капитализма, что она якобы свободна от классовых противоречий и демонстрирует классовую гармонию. Э. Джонстон, воспевая на все лады превосходство американского капитализма, характеризуемого им как «система свободного предпринимательства», над капитализмом «британского типа», объявляет, что только Америка может указать путь к настоящему капитализму⁶⁰.

С. Сlichter в том же духе воспекает американский капитализм, как «капитализм особого рода», «проникнутый духом конкуренции» (high competitive), «высоко динамичный» и даже представляющий собой «трудовую экономику» (laborist economy), где главную роль играет де-наемная администрация⁶¹ (критика последнего положения дана во второй главе).

Такие попытки представить капитализм одной страны в каче-

⁵⁶ B. Jevits. Peace by Investment. N. Y., 1950, p. 11.

⁵⁹ D. M. Keezer and others. Making Capitalism Work. N. Y., 1950, p. 186.

⁶⁰ Eric Johnston. America Unlimited. N. Y., 1944, p. 94.

⁶¹ Sumner H. Slichter. The American Economy. Its Problems and Prospects. N. Y., 1949, p. 5.

⁵⁶ A. Hansen. Progress and Declining Population. «American Economic Review», March 1939, p. 9.

⁵⁷ A. Hansen. America's Role in the World Economy. N. Y., 1945, p. 160.

стве экономической системы, принципиально отличной от мирового капитализма, не новы. С такими претензиями в свое время выступали носители «национальной системы политической экономии» в лице Ф. Листа и немецкой исторической школы. К. Маркс давно показал полную несостоятельность таких попыток. Он критиковал немецких буржуазных идеологов, утверждавших, что обнищание рабочего класса в Англии представляет собой чисто «английское» явление и что Германия не пойдет по тому же пути капиталистического развития, по которому шла Англия. В предисловии к I тому «Капитала» Маркс писал: «Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая степень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁶².

Ф. Энгельс конкретизировал марксистское положение об обязательном действии общих законов капиталистического развития для любой буржуазной страны как раз на примере США. В приложении к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» он писал: «Конечно, внешние условия жизни американского рабочего класса весьма отличны от условий английских рабочих, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не вполне тождественные, должны все же быть одного и того же порядка»⁶³.

Буржуазные экономисты в качестве специфической черты американского капитализма выдвигают то, что последний якобы не знал пережитков феодализма. В. И. Ленин в своей работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» показал, что в США были и имеются пережитки рабства, которые решительно ничем не отличаются от пережитков феодализма. Достаточно упомянуть об издольщине, широко распространенной в южных штатах. Пережитки рабства проявляются также в дискриминации негритянского населения.

Апологиеты американского империализма объявляют более быстрый, чем во многих капиталистических странах, рост производительных сил в США в прошлом характерной и неотъемлемой чертой американской экономики. Они выдвигают тезис о «высокой динамичности» американского капитализма по сравнению с западноевропейским.

Исторические условия в прошлом действительно благоприятствовали развитию производительных сил в США. Крупнейшим благоприятным фактором была хроническая нехватка рабочей силы.

В течение многих десятилетий в США направлялся большой

поток эмигрантов из разных стран. В. И. Ленин еще в начале XX в. писал, что «Америка все быстрее идет вперед, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население»⁶⁴.

В связи с нехваткой рабочей силы уровень заработной платы в США был тогда выше, чем во многих капиталистических странах. Это создавало благоприятные предпосылки для внедрения машин, для быстрого технического прогресса.

Указанный фактор, в сочетании с рядом других благоприятных условий, в частности — с невысоким уровнем военных расходов в прошлом, с исключительно богатыми природными ресурсами, обусловили быстрый рост производительных сил, позволивший США с 90-х годов прошлого столетия занять первое место в мире по объему промышленного производства.

Однако, несмотря на важное значение этих благоприятных условий развития американского капитализма, они могли оказать и оказали лишь временное и ограниченное влияние на экономическую систему США. Они несколько не изменили природы американского капитализма, который, как и во всех других буржуазных странах, основан на частной собственности на средства производства и на эксплуатации наемных рабочих.

Кроме того, очень важно учесть, что эти специфические благоприятные условия, способствовавшие в прошлом развитию производительных сил, стали сейчас достоянием истории (за исключением, конечно, природного фактора). Давно ушли те времена, когда в США ощущалась хроническая нужда в рабочей силе и когда они были центром притяжения для эмигрантов всех стран. В современных условиях США идут впереди всего капиталистического мира не только по объему промышленной продукции, но и по количеству безработных. Этот факт очевиден даже при тех заниженных оценках числа безработных, которые дает официальная статистика США.

О резко изменившемся положении в отношении спроса на рабочую силу свидетельствует и тот факт, что в настоящее время в США действуют жесткие законы относительно иммиграции. По закону Маккарэна (1952 г.) американская администрация получила почти неограниченное право запретить любому иностранцу — даже имеющему американскую визу — въезд в США. Более того, после второй мировой войны имело место массовое изгнание иностранных рабочих из страны. По официальным данным, в 1950 г. были высланы из США 580 тыс. иностранцев⁶⁵.

Достоянием истории стал и такой акт, благоприятствовавший в прошлом развитию производительных сил в США, как слабый уровень военных расходов. Сейчас США далеко обогнали все капиталистические страны по уровню военных расходов, которые

⁶² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 4.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 253.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 91.

⁶⁵ Е. Варга. Основные вопросы экономики и политики империализма. М., Госполитиздат, 1953, стр. 109.

охватывают примерно $\frac{3}{4}$ всего государственного бюджета США и доля которых в национальном доходе растет. Если в 1937/38 г. военные расходы составили 1,5% национального дохода, то в 1949/50 г. они достигли 8,2%, в 1950/51 г. — 11, в 1951/52 г. — 16,7, в 1952/53 г. — 21%⁶⁶.

Прежде для США был характерен так называемый американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. В настоящее время фермерские массы, составляющие базу американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве, впадают в жалкое существование.

Непрерывно растет задолженность фермеров, а их земельные участки все больше становятся собственностью банков. Среди фермеров происходит усиленный процесс пролетаризации. Число фермеров, работающих на стороне 100 и более дней в году, непрерывно растет. Так, в 1929 г. оно составило 723,3 тыс., в 1939 г. — 943,6 тыс., в 1949 г. — 1 265 тыс.⁶⁷.

О загнивании американской экономики свидетельствует снижение удельного веса самостоятельного населения, занятого в производительных отраслях. Он выражался в 1910 г. в 75,1%, в 1920 г. — 72,1, в 1930 г. — 65,6, в 1940 г. — 62,6, в 1950 г. — в 58%⁶⁸.

Недогрузка промышленных предприятий в США в конце 40-х годов составляла в угольной (битуминозной) промышленности 43,4% (1948 г.), сталелитейной — 19 (1949 г.), чугунолитейной — 21,7 (1949 г.), в автомобильной — 50% (1951 г.)⁶⁹.

Загнивание американского капитализма полностью опровергает измышления буржуазных апологетов о наличии какого-то особого, «высокодинамического» капитализма в США.

Тот факт, что американская экономика вынуждена все в большей мере прибегать к помощи такого искусственного «стимулятора», как военные заказы, не говорит о процветании этой экономики, напротив, он служит ярчайшим свидетельством ее внутренней слабости и неустойчивости.

Стремясь всячески приукрасить американский капитализм, проповедники «теории американского образа жизни» изощряются в том, как освободить (конечно, на бумаге) американскую экономику от всех капиталистических противоречий и представить капитализм США как «капитализм без классов». При помощи фальсифицированной статистики американские буржуазные экономисты стараются показать, будто рабочий класс получает все большую долю национального дохода. Особенно старается в этом направлении «главный специалист» в США по вопросам национального дохода С. Кузнец.

⁶⁶ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник, 1953, стр. 149.

⁶⁷ Там же, стр. 132.

⁶⁸ Там же, стр. 58.

⁶⁹ Там же, стр. 98.

Американские буржуазные идеологи с торжествующим видом делают вывод об «исчезновении» в США классов. Так, в цитированной выше работе Э. Джонстон заявляет: «Скромнейший рабочий на одном из моих электростанций, клерк в банке, в управлении которого я принимаю участие, продавец в моей кирпичной или известковой фирме — не меньше капиталисты, чем я сам»⁷⁰.

Такая явно апологетическая версия пропагандируется не только откровенно буржуазными деятелями, но и правыми лидерами профсоюзного движения. Например, бывший председатель Конгресса производственных профсоюзов Филипп Мэррей писал в 1948 г.: «На деле в Америке нет классов... Мы все здесь рабочие. И в конечном счете интересы фермеров, промышленных рабочих, бизнесменов, служащих и интеллигенции совпадают. Даже разделение работников промышленности на «администрацию» и «рабочих» носит несколько искусственный характер. Как мы обнаружили, администрирование требует большого труда, а от рабочих требуется изрядное умение администрировать»⁷¹.

В действительности в США существует глубокая пропасть между буржуазией и трудящимися.

Об этой глубокой пропасти свидетельствует распределение национального дохода в США. По данным переписи 1950 г., на долю $\frac{1}{5}$ населения приходилось 47% всех денежных доходов, а на долю 60% — только 29%. В этой богатой капиталистической стране мира почти половина всех семей получала меньше чем по 3 тыс. долл. дохода в год и не могла обеспечить себе прожиточный минимум. Зато 3% семей получали свыше 10 тыс. долл. каждая. Около 150 человек имели доходы, превышающие миллион долларов.

Основные средства производства в США сконцентрированы в руках горстки монополистов. Монополии крепко держат в своих руках всю экономику США. По данным 1950 г., активы 48 крупнейших компаний превышают в совокупности 120 млрд. долл., т. е. составляют свыше $\frac{1}{6}$ национального богатства США, исчисляемого в 685 млрд. долл., 66 акционерных компаний являются миллиардерами.

Даже Трумэн в своем послании конгрессу по экономическим вопросам от 15 января 1953 г. вынужден был признать, что $\frac{1}{5}$ населения США «плохо питается, плохо одевается и живет в плохих жилищных условиях... Многие семьи все еще страдают от недоедания. Средства, израсходованные в последние годы на школы и больницы, в процентном отношении к стоимости нашей национальной продукции были значительно меньше средств, израсходованных в 1939 г. Жилищные условия в значительной части наших городов весьма плохие... Примерно половине наших семей трудно оплачивать необходимую медицинскую помощь».

⁷⁰ Eric Johnston. America Unlimited, p. 13.

⁷¹ Цит. по кн.: Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма. 1951, стр. 84.

АПОЛОГИЯ МОНОПОЛИЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Важнейшей задачей буржуазной политической экономии является всяческое приукрашивание современного капитализма. Адвокаты монополий распространяют иллюзии о том, что в современных условиях буржуазное государство стало играть якобы решающую роль в экономике, что произошли-де «коренные» изменения в распределении собственности в сторону ее «диффузии» и «демократизации», что руководящую роль в производстве играет, мол, не капиталист, а наемная администрация, в частности инженерно-технический персонал, и т. д. Эта иллюзия опирается на сознательное игнорирование и извращение важнейшей и коренной черты современного капитализма, его самой глубокой экономической основы — господства монополий.

Разные направления в буржуазной политической экономии по-разному выполняют эту задачу. Сторонники «свободного предпринимательства» просто замалчивают монополии, изображая современный капитализм в виде мнимой системы свободного предпринимательства. Защитники «регулируемого», «управляемого» капитализма хотя и признают важную роль монополий, но отрицают их господство, ссылаясь на мнимый контроль буржуазного государства над монополиями, всячески извращая факты, относящиеся к монополистическому капиталу. Все это необходимо буржуазным апологетами для того, чтобы разрекламировать современный капитализм как якобы капитализм «прогрессивный», «демократический», «неагрессивный».

1. ОТРИЦАНИЕ ГОСПОДСТВА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА БУРЖУАЗНЫМИ ЭКОНОМИСТАМИ

В особенно больших масштабах этот идеологический обман развернулся в США, где существуют самые мощные монополии и где их всевластие проявляется с наибольшей очевидностью.

«Американские тресты, — писал В. И. Ленин, — есть высшее выражение экономики империализма или монополистического ка-

Комиссия Геллера подсчитала, что для семьи рабочего, пытающегося удержаться на скромном уровне жизни, требуется еженедельный доход в 102,6 долл. Между тем, согласно данным Бюро трудовой статистики, средний еженедельный заработок в обрабатывающей промышленности составлял 70—74 долл. в неделю⁷².

Таким образом, факты опровергают выдумки буржуазных апологетов о наличии высокого уровня жизни населения как якобы незыблемом атрибуте «американского образа жизни».

Стремясь во что бы то ни стало обосновать версию о том, что современный американский капитализм якобы лишен пороков, присущих европейскому капитализму, американские буржуазные идеологи заявляют, что у США нет колоний, кроме Пуэрто-Рико. Американские буржуазные экономисты всеми силами стараются скрыть то, что монополии США опутали сетью экономической зависимости ряд капиталистических стран.

В. И. Ленин указывал в отношении империалистической эпохи, что «типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»⁷³. Тот факт, что монополии США предпочитают эту форму подчинения других стран, объясняется некоторыми специфическими условиями, в которых приходится выступать американскому империализму. Во-первых, он вступил на путь колониальной экспансии тогда, когда большинство слаборазвитых стран мира было уже захвачено другими империалистическими державами. Во-вторых, в современных условиях стало значительно труднее, чем раньше, превращать еще свободные, слаборазвитые страны в страны, имеющие статус колоний. Соединенным Штатам пришлось прибегнуть к методам экономического и политического контроля, который не менее успешно подчиняет зависимые страны, чем старые методы установления открытого колониального господства.

Жизнь показывает, что американский капитализм не свободен ни от одного из противоречий, характерных для современного капитализма.

Как правильно резюмирует У. Фостер, «американский капитализм — это не «новый» капитализм, как его назвал проф. Томас Н. Карвер в период «бума» двадцатых годов; это не «народный» или «основанный на всеобщем участии» капитализм, как характеризует его сегодня Эрик Диколстон; это не «прогрессивный» капитализм, как хотят нас уверить многие социал-демократы и либералы; его нельзя использовать для индустриализации и демократизации всего мира, как проповедует Эрл Браудер»⁷⁴.

⁷² «12 Labor Fact Book». N. Y., 1955, p. 32.

⁷³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 250.

⁷⁴ Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма, стр. 59—60.

питализма»¹. Не случайно американские буржуазные экономисты особенно заинтересованы в распространении иллюзий об отсутствии в США господства монополистического капитала. Они пытаются изобразить это в качестве национальной особенности американской экономики. Для «обоснования» этой позиции в американской буржуазной экономической литературе используются следующие приемы:

1) выдвигается положение, что в современной экономике США якобы господствуют не монополии, а мелкие и средние предприятия;

2) при помощи пресловутой «теории демократизации акционерного капитала» буржуазные экономисты пытаются изобразить дело так, будто корпорации в США принадлежат не финансовым магнатам, а народу;

3) ссылкой на так называемое антитрестовское законодательство защитники монополии пытаются посеять иллюзию о том, что государство в США якобы предохраняет общество от возможности господства монополистического капитала;

4) пропагандируется так называемая теория уравнивающей силы, объявляющая, что в процессе концентрации возникают силы, способные нейтрализовать и парализовать тенденции монополий к господству.

При помощи всякого рода статистических манипуляций американские буржуазные экономисты пытаются «обосновать» насквозь фальшивый тезис о том, что основу американской экономики составляет масса мелких и средних предприятий, не входящих в монополии. Образцом этой статистической эквилибристики могут послужить расчеты американского экономиста Джорджа Штиглера, согласно которым 55,2% национального дохода в 1939 г. было создано в отраслях с преобладанием свободной конкуренции, 24,4% — в монополизированных отраслях, 2,5% — в картелированных отраслях и, наконец, 17,9% — в отраслях, которые трудно причислить к той или иной группе². Если отбросить последнюю категорию предприятий, заключает Штиглер, то общий вывод сводится к тому, что $\frac{2}{3}$ национального дохода в 1939 г. было создано в немонополизированных, а $\frac{1}{3}$ — в монополизированных отраслях.

Эти расчеты основаны на ряде грубейших извращений (мы уже не говорим о неправильном исчислении национального дохода буржуазными статистиками, трактующими все услуги в качестве источника национального дохода). Во-первых, около 18% национального дохода Штиглер совершенно не принимает во внимание. Эта часть национального дохода создается в отраслях, где господство монополий принимает более замаскированные формы. Если учесть эти 18% и причислить их к группе монополизированных отраслей, то удельный вес этих отраслей в создании национально-

го дохода США значительно увеличится. Во-вторых, Штиглер совершенно произвольно исключает ряд отраслей из сферы монополизированных. Достаточно сказать, что к немонополизированным отраслям он относит нефтедобычу, хотя эта отрасль полностью находится под контролем монополий, или производство каучуковых шин, хотя 88% этой отрасли монополизировано. Из сферы монополизированных отраслей Штиглер целиком исключает сельскохозяйственное хозяйство, игнорируя многообразные формы зависимости сельскохозяйственных предприятий от монополий.

Это один из главных приемов, при помощи которых буржуазные экономисты фальсифицируют данные статистики. Буржуазные экономисты обходят тот факт, что монополии нередко маскируют свое господство и что наряду с открыто трестированными и картелированными предприятиями существует масса мелких и средних предприятий, формально свободных, но фактически находящихся в полной зависимости от монополий. В ряде случаев гигантские предприятия, принадлежащие монополиям, предпочитают снабжаться сырьем и полуфабрикатами не с собственных предприятий, а с формально независимых мелких предприятий, специально работающих на данного заказчика. Такая система дает возможность перенести весь риск и все убытки, связанные с сокращением производства в фазе кризиса, на обслуживающие предприятия. Поскольку последние работают только на одного заказчика, они попадают в полную зависимость от него и вынуждены продавать свои товары по монополийно низкой цене. Таким образом, через систему формально независимых предприятий монополии организуют не только снабжение своих предприятий сырьем и полуфабрикатами, но и сбыт своей продукции. Так, например, организован в США сбыт нефтепродуктов, автомобилей и т. д. Компанию «Дженерал моторс» обслуживают 10 тыс. торговцев автомобилями. Формально они являются независимыми предпринимателями, но «Дженерал моторс» устанавливает для них торговые издержки, продажную цену, квоты, объем капиталовложений, порядок сбыта и требует от них ежемесячных финансовых отчетов. Совершенно очевидно, что зачислять все эти специализированные виды торговли в группу отраслей свободной конкуренции — значит грубо извращать действительность.

Современные американские буржуазные экономисты повторяют избитые доводы о том, что якобы преимущественной сферой действия закона концентрации является промышленность, что существуют обширные отрасли народного хозяйства, где, мол, еще царит мелкое производство, где еще господствует свободная конкуренция³. Чаще всего они при этом ссылаются на торговлю и сельское хозяйство.

³ См., напр., доклад Уилкоке на заседании Американской экономической ассоциации в 1949 г. (Clair Wilcox. On the Alleged Ubiquity of Oligopoly. «American Economic Review», May 1950, p. 69—70).

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 32.

² George J. Stigler. Five Lectures on Economic Problems. L., 1949, p. 50.

Американская экономика дает более богатый материал для опровержения этих буржуазных выдумок, нежели экономика какой-либо другой капиталистической страны. Дело в том, что в США более отчетливо, чем где бы то ни было, осуществляется процесс монополистического развития в оптовой и розничной торговле. США — родина и главная сфера проявления наиболее концентрированных форм капиталистической оптовой и розничной торговли в виде, например, цепной системы магазинов, посыльных магазинов и т. д. В США существуют гигантские торговые корпорации, например «Грейт Атлантик энд Пасифик ти компани», представляющие собой мощные монополии. Торговые корпорации США тесно связаны с крупными финансовыми организациями и группами.

Действительность опровергает также и буржуазные вымыслы о независимости американского сельского хозяйства от монополий. Как раз США являются классическим образцом страны, где трудовое фермерство находится в зависимости не от крупного землевладения, а от банков. Задолженность американских фермеров банкам достигает крупных размеров: в 1940 г. она составляла 10 млрд., в 1950 г. — 12,5 млрд., а к началу 1955 г. — 17,2 млрд. долл. Запущавшиеся в долги фермеры в ряде случаев являются лишь номинальными собственниками своих ферм, — фактически собственниками этих ферм выступают банки. Попавшие в кабалу к банкам фермеры в конце концов вынуждены расставаться со своими фермами.

Через систему капиталистического кредита американские фермеры попадают в зависимость от банковских монополий. Через систему массовой закупки сельскохозяйственной продукции специальными торговыми организациями фермеры попадают в зависимость от тех монополий, которые орудуют за спиной этих торговых организаций. Следует при этом учесть, что в ряде отраслей, являющихся крупнейшими потребителями сельскохозяйственного сырья, имеет место очень высокий уровень монополизации. Например, в мясной промышленности 3 корпорации контролируют 64% производства, в табачной (производство сигарет) 3 корпорации контролируют 77,6%, в молочной 6 корпораций контролируют 66,3%, в мукомольной 14 корпораций контролируют 56,6%, в консервной и холодильной 15 корпораций контролируют 59,2% производства. Высокий уровень монополизации отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, облегчает монополиям осуществление контроля над соответствующими отраслями сельского хозяйства. Так, американский мелкий фермер чаще всего переходит на положение работника или в некоторых случаях администратора (если у него имеются наемные рабочие), работающего на монополии, в руках которых находятся банки, ссужающие фермеров, и торговые организации, скупающие у фермеров их продукцию.

Буржуазные экономисты пытаются определить удельный вес и значение монополий в экономике страны по удельному весу про-

дукции, непосредственно выпускаемой монополиями, в общем национальном продукте. Не говоря о том, что этот показатель занижается буржуазными экономистами, он сам по себе недостаточен для того, чтобы судить о господстве монополий, — последние господствуют не только как монопольные производители важнейших промышленных изделий, но и как монопольные потребители ряда товаров. Монополии подчиняют себе как сферу производства в решающих пунктах, так и сферу обращения и кредита. Растущее господство монополий выражается и в том, что они все больше и больше подчиняют себе массу мелких и средних предприятий.

Излюбленным идеологическим средством маскировки господства финансового капитала в США является пресловутая «теория демократизации акционерного капитала», с которой еще в конце прошлого столетия выступил Эдуард Бернштейн. Суть этой теории сводится к утверждению, будто наряду с концентрацией производства имеет место процесс деконцентрации собственности, ее диффузии, поскольку собственниками акционерных предприятий якобы является растущая масса акционеров, охватывающая все слои общества, в том числе и рабочих. Эта теория, используемая буржуазными идеологами всех мастей в разных странах, получила в США особое преломление — американские буржуазные экономисты пытаются выдать вымышленную «демократизацию акционерного капитала» за национальную особенность американского капитализма, за основу «народного капитализма» в США.

Главным защитником этой теории на американской почве выступил профессор Гарвардского университета Карвер, охарактеризовавший рост числа акционеров и распространение акций среди некоторой части рабочих как знамение «экономической революции» в США. «Эта революция, — пишет Карвер, — стирает разницу между рабочими и капиталистами тем, что она делает рабочих их собственными капиталистами и заставляет большинство капиталистов стать в том или ином виде рабочими, потому что не многие из них будут в состоянии жить только на доходы от капитала. Это что-то новое в истории мира»⁴.

Американский буржуазный писатель Рипли в нашумевшей книге «Мэйн-стрит и Уолл-стрит» пытался представить дело так, что Уолл-стрит перестал играть главную роль в американской экономике, что тон всей политической и экономической жизни США дает Мэйн-стрит (что означает в переносном смысле улицу среднего американца). Фальсифицируя данные о числе акционеров, американские буржуазные экономисты изображают дело так, что чуть ли не каждый глава семьи в США владеет акциями. Например, Д. М. Кларк заявляет, будто «подавляющая часть жителей

⁴ Th. N. Carver. The Present Economic Revolution in the United States. Boston, 1926, p. 9—10.

Америки уже выступает в качестве капиталистов, т. е. владеет акциями».

При помощи «теории демократизации акционерного капитала» буржуазные экономисты, с одной стороны, всех рабочих причисляют к капиталистам; с другой — крупных капиталистов, входящих в руководящие органы акционерных компаний (правление, наблюдательный совет и т. д.) и получающих за свою деятельность высокие оклады, формально выстушающие под видом заработной платы, причисляют к рабочему классу. Так, С. Сличтер объявляет важнейшей особенностью современной экономической системы США то, что она якобы является «трудовой (laboristic) экономикой. «Служащие по найму, — пишет Сличтер, — составляют наиболее влиятельную группу в обществе»⁵. К «служащим по найму» он относит не только наемных администраторов, но и капиталистов, являющихся членами правлений и наблюдательных советов промышленных концернов. Фредерик Аллен при помощи того же трюка декларирует, будто экономическая система США — это скорее «мэнэджеризм» (от слова мэнэджер — управляющий, директор корпорации), чем капитализм, т. е. что руководящую роль играют, мол, директора корпораций, а не собственники капитала.

Опираясь на «теорию демократизации акционерного капитала», американские буржуазные экономисты и публицисты заявляют, будто в США капиталы принадлежат народу, что там имеется около 6,5 млн. акционеров, являющихся собственниками громадных богатств корпораций.

Буржуазные экономисты всячески замалчивают общезвестный факт, что многие из этих «акционеров» владеют в лучшем случае двумя или тремя акциями каждый, а огромное большинство имеет только по одной акции. Не приходится доказывать, что подавляющая масса «акционеров» не играет абсолютно никакой роли в жизни корпорации. «Теория демократизации акционерного капитала» целиком строится на замалчивании коренного различия в положении массы мелких акционеров и воротил акционерных компаний, владеющих контрольными пакетами акций.

Под маской «диффузии собственности» скрывается громадная централизация акционерного капитала в руках немногих акционеров. В 1939—1940 гг. Временная национальная экономическая комиссия определила, что во всех американских корпорациях 10 тыс. человек (0,008% всего населения) владели четвертью, а 75 тыс. человек (0,06% населения) — половиной всего акционерного капитала. На долю тысячи наиболее крупных держателей акций приходилось 10,4% дивидендов, а 61 тыс. акционеров (0,047% населения) получила половину дивидендов всех корпораций. В 200 крупней-

ших нефинансовых корпорациях 1% акционеров, числящихся в отчетах корпораций, принадлежало 60% обыкновенных акций. Примерно в четверти из этих 200 корпораций 20 крупнейшим держателям акций принадлежало более половины обыкновенных акций⁶. Эти крупнейшие владельцы акций и являются фактическими собственниками и хозяевами корпораций. Они определяют судьбу предприятий, принадлежащих корпорациям.

О том, какая глубокая пропасть существует между массой мелких держателей акций и крупными акционерами, свидетельствуют данные официального обследования распределения акций, проведенного выборочным методом статистическим бюро Мичиганского университета.

Из общего числа 53 100 тыс. американских семей семьи, владеющие каждой акциями на сумму не менее 10 тыс. долл., составляют около 1% всех семей, им принадлежит не менее $\frac{2}{3}$ всех акций. Большая часть из оставшейся $\frac{1}{3}$ акций приходится на долю средних держателей (от 5 до 10 тыс. долл.), составляющих также около 1% всех семей. Все остальные акционеры располагают весьма ограниченной частью акций. Таким образом, немногим более 1 млн. — около 2% всех американских семей владеют почти всеми акциями корпораций.

Семьи трудящихся владеют акциями на совершенно незначительную сумму. Распределение мелких акций среди трудящихся преследует целью мобилизацию их сбережений в интересах финансирования корпораций. Разоблачая идеологов «демократизации капитала», В. И. Ленин писал: ««Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии»⁷.

Распространение акций среди рабочих данного предприятия преследует еще дополнительные цели — прикрепление рабочих к предприятию и ослаблению их классовой активности. Во-первых, это способствует возникновению у рабочих иллюзии о том, что они якобы являются совладельцами предприятия. А капиталисты всячески заинтересованы в распространении такого рода иллюзий среди рабочих. Во-вторых, продажа рабочим акций во многих предприятиях осуществляется на особых условиях, представляющих специфические преимущества для корпораций. Так например, крупнейшая монополия в американской черной металлургии «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» продавала акции своим рабочим на следующих условиях: корпорация оговаривала за собой право аннулировать акции, не оплачивая дивидендов или процентов

⁵ S. H. Slichter. The American Economy. Its Problems and Prospects. N. Y., 1949, p. 7.

⁶ «Монополии сегодня». М., ИЛ, 1951, стр. 40.

⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 216.

в трех случаях: 1) если рабочий по своей воле уходит с работы; 2) если он увольняется за проступок; 3) если он временно прекращает работу помимо желания администрации, т. е., проще говоря, если он принимает участие в стачке. Известно, что капиталистическая администрация очень широко толкует понятие проступка, включая сюда участие рабочих в прогрессивных демократических организациях.

Распространение акций среди рабочих используется монополиями для того, чтобы по разным линиям ослабить сопротивление рабочих наступлению капиталистов на их жизненный уровень — путем ограничения свободы передвижения рабочих, создания затруднений для участия их в политической жизни, в стачечной борьбе и т. д.

Басня о «народном капитализме», муссируемая буржуазной печатью США, преследует, как видим, не только пропагандистские цели, но и ставит своей задачей создать условия, которые сломили бы волю рабочих к борьбе.

Одним из приемов, при помощи которых апологеты монополий пытаются опровергнуть ленинское положение о господстве монополистического капитала, является так называемая теория уравнивающей силы. Главным защитником этой теории является Джон Голбрейс, бывший во время второй мировой войны руководителем отдела регулирования цен, а затем руководителем отдела экономической безопасности при государственном департаменте США, автор работы «Американский капитализм. Концепция уравнивающей силы». Суть этой теории сводится к тому, что процесс концентрации производства, способствующий росту монополий, якобы порождает в то же время противодействие против власти монополий, вызывает силы, которые могут нейтрализовать, парализовать отрицательное влияние монополий. Голбрейс выступает как откровенный защитник монополий. Он распространяется о том, будто американские буржуазные экономисты недооценивают «прогрессивную роль трестов и концернов»⁸. Он старается внушить читателю мысль, будто монополии являются носителями технического прогресса. Но в то же время Голбрейс вынужден считаться с тем, что среди трудящихся масс США существует резко отрицательное отношение к монополиям. Учитывая эти настроения, Голбрейс спешит успокоить американское общественное мнение измышлениями о существовании сил, которые якобы способны «уравновесить» монополии и свести на нет их господствующее положение. «Фактически, — пишет он, — появились новые ограничения власти частных лиц (private power), заменяющие конкуренцию. Они создавались тем же процессом концентрации, который ослабил или уничтожил конкуренцию. Но они появились... с проти-

⁸ John K. Galbraith. American Capitalism. Concept of Countervailing Power. Boston, 1952, p. 91.

воположной стороны рынка — не со стороны конкурентов, а со стороны поставщиков или потребителей. Будет целесообразно дать имя этому двойнику конкуренции, и я назову его «уравнивающей силой»⁹.

Следуя установившейся в американской буржуазной литературе традиции, Голбрейс сваливает в одну кучу самые различные по своей социально-экономической, классовой природе организации, причисляемые им к разряду «уравнивающих сил». К ним он относит прежде всего... профессиональные союзы. Наличие сильных корпораций, заявляет он, делает необходимым для рабочих создавать в порядке защиты «уравнивающую силу» в виде мощных тред-юнионов, которые, мол, при благоприятных условиях принимают участие в дележе выгод, получаемых от господства корпораций на рынке. В разряд «уравнивающих сил» Голбрейс заносит и различного рода кооперативные организации, в частности фермерские объединения. Наконец, под рубрику «уравнивающих сил» он подводит и организации монополистического типа, существующие в других отраслях промышленности, снабжающих данную отрасль средствами производства или потребляющих ее продукцию, а также в области торговли.

Такое смешение самых различных организаций запутывает проблему монополий и дает совершенно искаженную картину современного американского капитализма. Голбрейс использует этот прием для подведения «базы» под явно апологетические рассуждения о том, что «уравнивающая сила» способствует якобы улучшению положения наиболее многочисленных и находящихся в худших условиях групп населения. За последние полвека, утверждает Голбрейс, рабочие и фермеры, опираясь на «уравнивающую силу» своих организаций, улучшили свое положение. Это высказывание Голбрейса отчетливо выявляет лживость и апологетическую направленность «теории уравнивающей силы».

Не требует особых доказательств самоочевидная истина, что в условиях капитализма профессиональные союзы никак не могут выступить в роли «уравнивающей силы» по отношению к монополиям. Сфера действий профессиональных союзов в экономической области ограничена вопросами купли и продажи рабочей силы. Профессиональные союзы в этих условиях не располагают какими-либо рычагами, при помощи которых они могли бы оказывать воздействие на реализацию промышленной продукции, на отношения, которые складываются между разными предприятиями в данной отрасли и в смежных отраслях, на процессы ценообразования, посредством которых осуществляется перераспределение прибавочной стоимости в пользу монополий. Капиталистическая частная собственность на средства производства заранее исключает для рабочих и их организаций возможность участия в

⁹ John R. Galbraith. American Capitalism. Concept of Countervailing Power, p. 118.

определении хода капиталистического производства. Точно так же исключается для рабочих и их организаций возможность участия в максимальных прибылях монополий, поскольку важнейшим источником этих прибылей является усиленная эксплуатация и обнищание рабочих. Наличие максимальных прибылей дает возможность монополиям подкупать верхушку рабочего класса, но этот подкуп как раз осуществляется в интересах укрепления господства монополистического капитала и облегчения условий эксплуатации основной массы рабочих.

Пока капиталистические монополии владеют важнейшими средствами производства, пока сохраняется частная собственность на средства производства и диктатура буржуазии, никакие усилия даже самых мощных профессиональных союзов не в состоянии парализовать или нейтрализовать деятельность монополий. Самое большее, на что могут рассчитывать профессиональные союзы в условиях капитализма, — это несколько ослабить наступление монополистического капитала на жизненный уровень рабочего класса.

Не выдерживает критики и положение Голбрейса о том, что кооперативные организации, в частности фермерские, могут претендовать на роль «уравновешивающей силы» по отношению к монополиям. Мелкие собственники средств производства слишком раздроблены и располагают слишком незначительной экономической мощностью для того, чтобы успешно бороться с капиталистическими монополиями. Как правило, кооперативные объединения мелких производителей попадают в открытую или скрытую зависимость от монополий. Вместо того чтобы выполнять функции органа борьбы с монополиями, кооперативные организации мелких производителей превращаются в служебное орудие монополистического капитала, используемое для укрепления его господства.

Что же касается капиталистических объединений в смежных отраслях, также причисляемых Голбрейсом к «уравновешивающим силам», то они, как правило, имеют монополистический характер. Образование таких новых монополий может в отдельных случаях ослабить позиции некоторых старых монополий, но это ни в коей мере не означает ослабления монополистического капитала в целом. Очевидно, что нельзя «уравновесить» монополии за счет создания... новых монополий. Возникновение новых монополий способствует обострению борьбы между монополиями, но это отнюдь не означает, что монополистические объединения превращаются в немонаполистические или что конкуренция между монополиями автоматически переходит в свободную конкуренцию, господствовавшую при домонаполистическом капитализме. В этом отношении нет никакой принципиальной разницы между образованием новых монополий в данной отрасли и в смежных с ней отраслях.

История американского капитализма дает многочисленные примеры того, как образование новых монополий в данной отрасли, хотя и ослабляло позиции старых монополий в той же отрасли, в

целом не подрывало, а усиливало власть монополистического капитала. Возьмем, например, американскую автомобильную промышленность. До первой мировой войны компания Форда производила большую часть автомобилей в США. С образованием «Дженерал моторс», «Крейслер» и других автомобильных компаний доля Форда в автомобильном производстве систематически снижалась. В автомобильной промышленности разгорелась ожесточенная конкуренция между отдельными монополиями. Доля Форда снижалась, доля «Дженерал моторс» росла. Так, заводы Форда производили в 1925 г. 42,8% всего количества автомобилей, в 1930 г. — 40,3, в 1935 г. — 30,2, в 1938 г. — 20,5%. На долю же «Дженерал моторс» за те же годы соответственно приходилось 20,0, 34,5, 38,4, и 44,8%. Вместе с тем наряду с обострением конкуренции между отдельными автомобильными монополиями происходил процесс увеличения доли трех крупнейших монополий в общем объеме автомобильного производства: эта доля возросла с 71,3% в 1920 г. до 90,3% в 1938 г. Этот процесс продолжается и в послевоенный период. Так, доля трех компаний в автомобильном производстве США в 1953 г. составила 91%.

Ослабление удельного веса крупнейшей монополии в общем производстве данной отрасли еще не означает ослабления монополистического капитала в целом. Так, например, в американской сталеплавильной промышленности доля «Юнайтед Стейтс стил», крупнейшей монополии в этой отрасли, снизилась с 40,1% в 1920 г. до 35,5% в 1938 г. Но доля четырех крупнейших компаний (включая и «Юнайтед Стейтс стил») в этой отрасли выросла за эти годы с 54,5 до 64%.

На базе концентрации производства и роста монополий происходит образование всякого рода «вертикальных» объединений, сочетающих различные дополняющие и обслуживающие друг друга смежные предприятия. В ряде случаев наиболее мощные монополии подчиняют себе предприятия, снабжающие их сырьем, полуфабрикатами, вспомогательными материалами и т. д., или отрасли, потребляющие их продукцию. В этих случаях не только не происходит какого-то «уравновешивания» монополий, но, наоборот, имеет место образование еще более мощных многоотраслевых монополий. Сам Голбрейс вынужден признать, что в таких случаях «уравновешивающая сила» перестает действовать¹⁰. Но эти случаи как раз являются типическими. Монополии, как правило, не ограничиваются подчинением себе отдельной отрасли, они стремятся подчинить своему контролю — и это им обычно удается — различные отрасли.

«Теория уравновешивающей силы» игнорирует ряд очень важных обстоятельств. Она игнорирует тот факт, что обострение конкуренции между монополиями, отражаясь на судьбе отдельных

¹⁰ John R. Galbraith. American Capitalism. Concept of Countervailing Power. P. 129.

монополий, не задевает общих источников монопольно высоких прибылей, присваиваемых монополистическим капиталом. Увеличение числа монополий и обострение борьбы между ними не только не ослабляет, а, напротив, способствует усилению эксплуатации рабочих и мелких производителей как в метрополиях, так и в колониальных и зависимых странах. Конкуренция между монополиями не устраняет процесса перераспределения прибавочной стоимости, производимой в мелких и средних капиталистических предприятиях, в пользу монополистического капитала. Какова бы ни была конкуренция внутри монополий и между ними, она не может улучшить положение мелких и средних капиталистических предприятий.

«Теория уравнивающей силы» игнорирует и то обстоятельство, что обострение конкуренции между монополиями не только не исключает, но, наоборот, сопровождается образованием еще более мощных монополий, усилением всякого рода «переплетений» между отдельными корпорациями, созданием «уний», развитием «системы участия», «сотрудничества» и т. д. История американского капитализма буквально пестрит такого рода фактами. Достаточно сослаться на «сотрудничество» разных финансовых групп, ведущих одновременно ожесточенную конкурентную борьбу между собой, в производстве атомного оружия. В этом производстве наряду с Дюпонами и Морганами принимают участие «Стандард ойл девелопмент компании», находящаяся под контролем Рокфеллера, «Вестингауз электрик корпорейшн», находящаяся под контролем Меллона, и т. д.

Все эти процессы свидетельствуют о невозможности какой-то нейтрализации власти монополий в условиях империализма. Процесс капиталистической концентрации производства не создает и не может создавать силы, способные автоматически парализовать или «уравновесить» власть монополий. Общество может освободиться от господства монополий не посредством какого-то мифического «уравнивания» их, а лишь в результате революционного свержения власти капитала.

* * *

Для всех теорий, отрицающих господство монополистического капитала, характерна попытка заслонить совершенно очевидную для всякого беспристрастного наблюдателя тенденцию растущего господства монополий грудой цифр о наличии формально независимых мелких и средних предприятий, о борьбе внутри монополистических объединений и росте организаций, ведущих борьбу против монополий. В то же время буржуазные экономисты тщательно избегают рассмотрения исторических тенденций развития капитализма, ибо эти факты с полной очевидностью демонстрируют, что развитие капитализма идет в сторону усиления концент-

рации и централизации капитала и производства, в направлении все возрастающей монополизации производства. Буржуазные экономисты умышленно обходят и то, что экономическое развитие общества определяется процессами, происходящими в решающей отрасли производства, т. е. в промышленности. Господство монополий в важнейших отраслях промышленности накладывает свой отпечаток на всю экономику общества и обуславливает власть монополий во всех других отраслях народного хозяйства, в частности в сельском хозяйстве, где достигнутый уровень концентрации производства ниже, чем в промышленности.

Данные буржуазной статистики при всей их недостаточности показывают все усиливающийся процесс концентрации производства в США. Об этом свидетельствуют данные о распределении рабочей силы между отдельными группами предприятий.

Удельный вес рабочих в группе предприятий, на которых занято 500 рабочих и более, составил в 1947 г. 45,9% ко всем рабочим, занятым в обрабатывающей промышленности, а в группе предприятий, на которых занято 1 000 рабочих и более — 32,8%¹¹.

В 1952 г. удельный вес рабочих в первой группе составил 47%, во второй — 34,9% от общего числа рабочих, т. е. более трети рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, работало на гигантских предприятиях, с числом рабочих свыше тысячи на каждом.

По данным доклада Федеральной торговой комиссии США «Изменения в концентрации обрабатывающей промышленности с 1935 по 1947 и 1950 гг.», 200 наиболее крупных концернов выпускали в 1935 г. 37,7% всей стоимости продукции обрабатывающей промышленности, а в 1950 г. — 40,5%¹².

Американская буржуазная печать вынуждена признать, что 1954 год явился годом усиленной концентрации производства и участвовавших слияний отдельных корпораций. Журнал «Бизнес уик» (в номере от 15 мая 1954 г.) отметил, что 1954 год может быть назван «годом гигантских слияний». Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» (в номере от 13 августа 1954 г.) признал, что слияние компаний, поглощение одними компаниями других происходит теперь «в поразительных масштабах».

Характерен в этом отношении пример автомобильной промышленности США — количество имеющихся в ней корпораций сократилось с 9 до 6.

На базе усиливающейся концентрации производства и капитала растет контроль монополий над выпуском продукции. Выше приводились данные об автомобильной и сталеплавильной промышленности. В медной промышленности четыре крупнейшие компании контролировали в 1910 г. 48,8% всего производства данной

¹¹ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник, стр. 69.

¹² «Economic Notes», July, 1954. p. 9.

отрасли, в 1930 г.—76,4, в 1937 г.—82,1%. В черной металлургии четыре крупнейшие компании сосредоточивали у себя в 1880 г. 24,8%, в 1892 г. — 28,2, в 1920 г.—54,5, в 1930 г.—67,2, в 1938 г.—64% мощности прокатных станов¹³.

В настоящее время с неослабевающей силой звучат слова В. И. Ленина, написанные в 1916 г.: «Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, напр., в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополий концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»¹⁴.

2. ПОПЫТКИ ОПРАВДАНИЯ И ПРИУКРАШИВАНИЯ МОНОПОЛИЙ

Попытки отрицания господства монополий представляют собой лишь один из методов оправдания монополистического капитала. Однако монополистические круги не удовлетворяются такой негативной защитой, они требуют от своих экономистов восхваления «благотворного» влияния монополий на экономическое развитие, изображения монополий в качестве источника «всеобщего благоденствия и процветания». Выполняя прямой заказ монополий, американские буржуазные экономисты сеют иллюзии о том, что такие общеизвестные факты монополистической практики, как взвинчивание цен, искусственное ограничение производства, порча товаров в целях сокращения предложения, задержка применения новых технических методов, осуществление демпинга и т. п., представляют собой лишь «аномалию», лишь случайное явление для современного капитализма, лишь отклонение от «нормального» порядка.

Образцом таких утверждений является напумевшая книга бывшего руководителя Администрации по управлению долины Теннесси и председателя комиссии по атомной энергии Д. Лилиентала «Большой бизнес. Новая эра». Автор понимает, что нельзя оправдывать современный капитализм, не защищая монополий. Он пишет: «Страх, подозрение, недоверие к крупному бизнесу неизбежно привели к возникновению чувства недоверия к любому бизнесу вообще и к роли бизнесменов в обществе»¹⁵.

Лилиенталь понимает, что всякого рода громкие слова о свободе человека и т. д. не могут удовлетворить рядового читателя, не принадлежавшего к касте монополистов, который на своей спине чувствует растущий гнет монополистического капитала. Поэтому наряду с прямым восхвалением монополий Лилиенталь прибегает

¹³ Дж. Блэр, Х. Хаугтон и М. Роуз. Экономическая концентрация и вторая мировая война. М., ИЛ, 1948, стр. 519.

¹⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 188.

¹⁵ D. Lilienthal. Big Business. A New Era, N. Y., 1953, p. 4. Такую же точку зрения развивает и другой апологет монополий — А. Каплан (A. Kaplan. Big Enterprise in a Competitive System. Wash., 1954).

к другим методам их защиты. Он пытается успокоить рядового американца и внушить ему, что магнаты финансового капитала не так уж плохи. Руководитель современной корпорации, по словам Лилиентала, обладает «сильным и реальным чувством ответственности и пониманием этики современной деловой конкуренции». Наконец, в качестве самого сильного «аргумента» он выдвигает апелляцию к буржуазному государству. Возросшая роль государства в экономических делах, пишет Лилиенталь, сократила до вполне приемлемых размеров опасность злоупотреблений большого бизнеса. «В течение прошедших двадцати лет правительство и предприниматели объединенными усилиями изменили природу и масштабы ответственности большого бизнеса, имея в виду общественное благосостояние». В картине, нарисованной Лилиенталем, вместо системы монополий появился своего рода «регулируемый капитализм», где главную роль играет государство, а монополии превратились ни больше ни меньше как в «слуг народа».

Все эти рассуждения подчинены одной задаче — всячески выгородить монополии и представить «большой бизнес» в качестве источника непрерывного процветания. «Вооружившись таким образом, — пишет Лилиенталь, — мы можем спокойно поощрять деятельность большого бизнеса, а не следить с тревогой за его ростом».

В целях оправдания монополий буржуазные экономисты стараются извратить понятие монополии. В этом отношении характерна позиция Ф. Махлупа, автора большой работы с претенциозным названием «Политическая экономия монополии». Махлуп, ссылаясь на то, что нет точного количественного критерия, который позволил бы отграничить монополистические предприятия от немонаполистических, объявляет само понятие монополии крайне неопределенным. Он делает вывод, что нет вообще таких показателей, которые позволили бы установить наличие монополии в том или ином случае. Махлуп отвергает даже такой совершенно бесспорный критерий, как наличие монопольной прибыли. Вся «аргументация» Махлупа сводится к тому, что нет точных количественных границ между средней «нормальной» и монопольной прибылью¹⁶. По тем же мотивам Махлуп отказывается квалифицировать процесс слияния (фузий) предприятий как монополистический процесс, так как нельзя-де «точно исчислить, насколько возрастает монополистическая сила в результате такого слияния»¹⁷.

Рассуждая о неопределенности понятия монополии, буржуазные экономисты трактуют это понятие так, как это соответствует интересам монополий. Они констатируют существование монополии там, где нет никаких ее признаков, отрицая в то же время реально существующие монополии. Ярким образчиком такого

¹⁶ Fritz Machlup. The Political Economy of Monopoly. Business, Labor and Government Policies. Baltimore, 1952, p. 11.

¹⁷ Ibid.

конгломерации термином «монополия» является модная теперь в американской экономической литературе так называемая теория монополистической конкуренции», автором которой выступает американский буржуазный экономист Э. Чемберлин.

Весьма характерно, что в своей основной работе, специально посвященной проблеме «монополистической конкуренции», Чемберлин совершенно абстрагируется от рассмотрения картелей, синдикатов, трестов и других форм монополистических объединений. Он прямо заявляет, что эти формы не составляют предмета исследования его книги. Чемберлин отвергает решающее условие образования монополий — концентрацию производства, объявляя, будто величина предприятия не имеет никакого значения для процесса образования монополий, что монополистическая конкуренция может якобы иметь место там, где преобладают мелкие предприятия¹⁸.

Вместо рассмотрения подлинных монополий, господствующих в экономике США, как и в экономике других капиталистических стран, Чемберлин оперирует надуманными схемами монополии. Монополии он определяет на основе положения о «дифференциации продукта», составляющей якобы существо монополий. С этой точки зрения любое предприятие, хотя бы карликовое, производящее какие-то новые продукты или новые сорта обычных товаров, чем-то отличающиеся от основной массы этих товаров, представляет собой монополию, поскольку оно, мол, обладает какими-то преимуществами по сравнению с другими предприятиями. По Чемберлину, даже такие преимущества, как территориальная близость к потребителю, наличие доверия со стороны потребителя к данному производителю или продавцу и т. д., представляют собой элементы монополии.

Выдвинув «дифференциацию продукта» в качестве главного условия монополии, Чемберлин тем самым запутывает проблему капиталистических монополий. В действительности основу образования капиталистических монополий составляет концентрация производства, с которой, как правило, связана стандартизация производства массовой продукции. Наиболее мощные монополии господствуют как раз в тех отраслях, где производится массовая продукция, где дифференциация продукции сравнительно незначительна. В отраслях, которые ориентируются на особые, специфические вкусы «избранных» потребителей и которые связаны с производством наиболее изысканных предметов роскоши, как правило, преобладает мелкое производство с широким применением ручного труда. В этих отраслях консервируются архаические формы конкуренции, характерные для ранних стадий капитализма, когда личная связь производителя с потребителем играла существенную роль. Нередко в таких отраслях сохраняются условия, ха-

¹⁸ Edward Chamberlin. The Theory of Monopolistic Competition, Sixth Edition. London, 1949, p. 219.

актерные для господства торгового капитала, когда само производство еще не приняло полностью капиталистического характера. Совершенно очевидно, что не эти отрасли типичны для современного капитализма, не они составляют базис капиталистических монополий.

Современная капиталистическая действительность полностью опровергает утверждение Чемберлина о том, что для образования монополий безразличны размеры предприятий, что монополия может, мол, установиться при господстве мелких предприятий. Даже в тех случаях, когда монополистические предприятия работают на заказ и производят сравнительно уникальные товары, на которые отсутствует массовой спрос, например оборудование для крупных гидроэлектростанций, металлургических заводов и т. д., такие предприятия имеют, как правило, крупный характер. Только гигантские размеры производства таких предприятий могут обеспечить за ними монопольное положение в данной отрасли. В условиях современного капитализма, когда процесс разорения мелкой буржуазии зашел так далеко, когда техническое развитие находится под контролем монополистического капитала, когда в руках последнего сосредоточены важнейшие сырьевые источники, транспортные средства, кредитная система, торговая сеть и другие условия производства, совершенно нелепо, чтобы мелкое предприятие могло занимать монопольное положение даже и в том случае, если оно обладает каким-либо секретом производства.

Определение монополий, предложенное Чемберлином, совершенно несостоятельно. Зато оно дает возможность приукрасить монополии и представить их в качестве необходимого условия «более полного и разностороннего удовлетворения потребностей». Прием, к которому прибегает Чемберлин, сводится к следующему: основой монополии он объявляет «дифференциацию продукта», а последняя, мол, необходима для удовлетворения разнообразных потребностей. Без монополий-де не может быть обеспечена полное удовлетворение индивидуальных потребностей. «Монополия, — пишет он, — является необходимой составной частью нормы благосостояния»¹⁹. Не приходится доказывать, что реальные капиталистические монополии, которые Чемберлин тщательно обходит, имеют своей целью не потребление, а извлечение монопольно высокой капиталистической прибыли за счет дальнейшего усиления эксплуатации основной массы потребителей — трудящихся. Низкий уровень потребления становится господствующей нормой потребления для широких масс населения. Вопреки апологетическим измышлениям буржуазных экономистов господство монополистиче-

¹⁹ Edward Chamberlin. Product Heterogeneity and Public Policy. «American Economic Review», May, 1950, p. 86. Этот апологетический вывод о монополиях, как о факторе, обеспечивающем разнообразное удовлетворение индивидуальных потребностей, повторяет Махлуп (Fritz Machlup. The Political Economy of Monopoly, p. 33, 53).

ского капитала выступает в качестве фактора снижения материального благосостояния трудящихся.

Отождествляя монополии со всякими элементами новшества в производстве, позволяющими выпускать новые продукты, Чемберлин делает вывод, что всякий новатор производства до тех пор, пока его новшество не получило всеобщего распространения, пользуется монополией и что всякая сверхприбыль новатора является монопольной прибылью²⁰. Этот софизм дает возможность квалифицировать всякое покушение на монопольные прибыли как покушение на технический прогресс. Чемберлин в этом вопросе следует за Шумпетером, с исключительной бесцеремонностью воспевавшим монополии как условие технического прогресса. Шумпетер заявляет, что «монополизация может увеличить сферу влияния лучших умов»²¹. Шумпетер выдает монопольную прибыль за сверхприбыль, получаемую отдельными капиталистами в результате технических нововведений (избыточная прибавочная стоимость). Такое отождествление не выдерживает никакой критики. Во-первых, избыточная прибавочная стоимость получается и в условиях господства свободной конкуренции, между тем как наличие монополий неизбежно связано с ограничением свободной конкуренции. Во-вторых, избыточная прибавочная стоимость возникает и при продаже товара по стоимости или по цене производства, между тем как монопольные прибыли связаны с образованием монопольной цены, которая всегда превышает уровень цен производства. В-третьих, избыточная прибавочная стоимость, как правило, стимулирует технический прогресс, между тем как наличие монополий и монопольной цены приводит к задержке технического прогресса, к тому, что патенты кладутся под сукно, и т. д. В-четвертых, избыточная прибавочная стоимость имеет временный характер — она связана с временными расхождениями между индивидуальной и общественной стоимостью. Между тем монопольная прибыль имеет длительный и устойчивый характер, пока сохраняются монополии. Монопольная прибыль значительно превышает избыточную прибавочную стоимость. Она имеет своим источником ограбление всех трудящихся «своей» и зависимых стран, а также милитаризацию народного хозяйства и империалистические войны.

Одним из приемов оправдания современных капиталистических монополий является отождествление их с теми полуфеодальными монополиями, которые существовали на заре капитализма, в период первоначального накопления капитала, и которые, несмотря на все свои злоупотребления, в свое время сыграли прогрессивную роль, способствуя созданию новых отраслей производства.

Для того чтобы скрыть специфические особенности современных монополий, и их обусловленность концентрацией производства,

²⁰ E. Chamberlin. Monopolistic Competition Revised. «Economica», November, 1951, p. 357.

²¹ J. A. Schumpeter. Capitalism, Socialism and Democracy, N. Y.—L., 1942, p. 101.

буржуазные экономисты распространяют миф об извечности монополий. Монополии, согласно их версии, существовали на разных стадиях исторического развития. Так, Махлуп приводит упоминания о монополии в кодексе Хаммураби в древнем Вавилоне (свыше 2 тыс. лет до н. э.), в произведениях Аристотеля, Катона Старшего, Плиния, в кодексе Юстиниана²². При таком внеисторическом определении монополий исчезают не только специфические особенности современных монополий, но и их капиталистическая сущность.

Одновременно буржуазные экономисты пытаются отождествить систему мероприятий меркантилистской политики, имевшую место на заре капитализма и частично сохранившуюся в XIX в., с современным государственно-монополистическим капитализмом. К числу таких меркантилистских мероприятий относилось и искусственное насаждение монополий, например Кольбером во Франции. За последние годы в буржуазной экономической литературе участились попытки представить государственно-монополистический капитализм в качестве неомеркантилизма. Многие буржуазные экономисты настойчиво подчеркивают, что политика *laissez faire* была только теоретической схемой, что она никогда не получала реального осуществления, что так называемое государственное «регулирование экономики» всегда якобы имело место. «Существование ограничений со стороны государств по отношению к деловым кругам, — пишет американский экономист Кунц, — в действительности так же старо, как сами деловые круги». Такую же точку зрения защищает Д. М. Кларк: «Частное предпринимательство, — говорит он, — никогда в истории не было свободно от контроля».

Вся эта антиисторическая схема развития капитализма основана на смешении совершенно различных периодов — периода возникновения капитализма, когда он расчищал себе путь в недрах феодализма и когда он играл прогрессивную роль, и периода империализма, знаменующего собой монополистический, загнивающий и умирающий капитализм. Несомненно, что имеется некоторое сходство между мероприятиями экономической политики в тот и другой периоды. Но это сходство остается чисто внешним, формальным, поверхностным; оно не выражает существа происходящих процессов. На протяжении рассматриваемых исторических периодов изменилась природа государства, изменились взаимоотношения государства и монополий, изменился характер мероприятий экономической политики, изменились и сами монополии.

Типичным государством, осуществлявшим меркантилистскую политику в Европе, была абсолютная монархия, опиравшаяся в основном на крупных землевладельцев и пытавшаяся в то же время использовать молодую буржуазию для укрепления своего гос-

²² Fritz Machlup. The Political Economy of Monopoly, p. 185.

подства в борьбе с частью феодального класса, заинтересованной в сохранении феодальной раздробленности. Экономические мероприятия этого государства, направленные к тому, чтобы укрепить централизованный рынок, облегчить развитие капиталистической промышленности, обеспечить ее рабочей силой, играли прогрессивную роль. Чтобы стимулировать развитие промышленности, государство в тот период предоставляло различные льготы предпринимателям, в частности монопольное право на выпуск определенных видов продукции. В период возникновения капитализма не было еще реальных предпосылок для образования монополий: уровень концентрации производства был тогда невысок и во всяком случае недостаточен для этой цели. Монополии тогда не были господствующей силой и находились в подчинении у феодального государства. По мере укрепления капитализма и экономического положения буржуазии мероприятия меркантилистской политики, в том числе искусственное насаждение монополий, превратились в пути для развития капиталистических производительных сил. На очередь дня был поставлен вопрос о переходе к политике *laissez faire*. Этот переход был осуществлен — в разных странах по-разному, — но такой отказ от меркантилизма и переход к более либеральной экономической политике является несомненным историческим фактом.

Капитализм свободной конкуренции заполняет исторический промежуток между периодом первоначального накопления и периодом империализма. Буржуазные экономисты стараются обойти период свободной конкуренции, чтобы облегчить для себя отождествление эпохи первоначального накопления капитала с эпохой империализма. А такое отождествление потребовалось современным апологетами монополии для того, чтобы затушевать подчинение империалистического государства монополиям при помощи абстрактной формулы о государственном вмешательстве в экономику, имеющем место на всем протяжении капитализма.

Глубокие качественные различия между домонополистическим и монополистическим капитализмом буржуазные экономисты стараются свести к несущественным количественным различиям. Некоторые буржуазные экономисты пытаются показать, будто нет и особо значительных количественных различий. Так, например, Штиглер, взяв за основу вымышленную им схему распределения отраслей народного хозяйства на монополизированные и немонополизированные, распространил эту схему на американскую экономику 1870 г., т. е. отрасль, которая в современных условиях является монополизированной, рассматривается им как монополизированная и для 1870 г. Опираясь этим «методом», Штиглер пришел к выводу, что в 1870 г. 22,5% рабочей силы было занято в монополизированных отраслях, а в 1940 г. — 23,8%, т. е. что почти не произошло сколько-нибудь заметного роста монополизации народного хозяйства.

Порочность расчетов Штиглера очевидна. Обходя вопрос о сущности монополий, он исходит из совершенно неверной предпосылки, что распределение на монополизированные и немонополизированные отрасли не изменилось с 1870 г., т. е. по существу он абстрагируется от важнейших изменений, характеризующих подчинение монополиям все новых отраслей народного хозяйства. Расчеты Штиглера ничего не говорят об изменении роли монополий в американской экономике. Единственное, что они показывают, это — изменение соотношения между отдельными отраслями, изменения в распределении рабочей силы в отраслевом разрезе. Подменив проблему об изменении роли монополий в американской экономике проблемой изменения пропорций между отдельными отраслями, Штиглер пытается запутать вопрос о монополиях для того, чтобы замазать факт перехода от домонополистического к монополистическому капитализму.

Некоторые буржуазные экономисты в своих попытках извратить историю капитализма идут так далеко, что буквально ставят вещи на голову, выступая с утверждениями, будто современный капитализм обеспечивает лучшие условия для конкуренции и представляет менее обширную почву для всякого рода монополистических ограничений, нежели капитализм XIX в. Они утверждают, что в XIX в. конкуренция по ряду товаров была ограничена узко локальными рамками, конкуренция в национальном и международном масштабе была развита слабо, что якобы наличие узко локального рынка облегчало установление монополистических соглашений и т. д.²³

Понятно, что буржуазные экономисты не рискуют проверять свои явно надуманные схемы на фактическом материале. Буржуазная официальная статистика дает массу материалов, подтверждающих положение о растущей концентрации производства и об усиливающейся власти капиталистических монополий. Учитывая это обстоятельство, буржуазные экономисты предпочитают воздерживаться от пользования статистическими материалами, ограничиваясь голословными утверждениями и всякого рода надуманными историческими схемами.

Одним из важнейших приемов приукрашивания монополий является апологетическая характеристика источников и методов обеспечения монопольно высоких прибылей, получаемых монополистическим капиталом. Идеологам монополий важно затушевать эксплуататорский характер максимальной прибыли, получаемой за счет беспощадной эксплуатации трудящихся, в первую очередь рабочего класса данной страны, а также в результате систематического закабаления и ограбления народов других стран. С этой целью они используют весь «теоретический» арсенал вульгарной

²³ См., напр., Charles S. Tippets and Livermore. *Business Organization and Public Control*. N. Y., 1946, p. 529—530.

политической экономики, и прежде всего буржуазные теории стоимости, отрицающие роль труда как единственного источника стоимости. На эти вульгарные теории стоимости опираются теории прибыли, господствующие в современной буржуазной политической экономии, — «теория производительности капитала» и «теория воздержания». И та и другая «теории» отрицают тот непреложный факт, что прибыль образуется в результате присвоения капиталистами прибавочного труда рабочих. И та и другая «теории» утверждают, что прибыль создается помимо рабочих. Тем самым с самого начала снимается вопрос о том, что монополю высокая прибыль отражает усиление антагонистических противоречий между капиталистами и рабочими.

Современные буржуазные теории снимают вообще вопрос о различии в условиях производства и распределения прибыли. Все эти теории сводятся в конечном счете к утверждению, будто меновая стоимость отдельных товаров определяется конкретными условиями спроса и предложения, складывающимися на рынке, и что каждое предприятие реализует и получает созданную им прибыль. Такая трактовка прибыли ведет к отрицанию возможности присвоения монополистами части прибавочной стоимости, созданной на предприятиях других капиталистов. Тем самым отрицается, что монополю высокая прибыль выражает и противоречия внутри самого капиталистического класса, что она имеет своим непосредственным результатом подавление и вытеснение более слабых капиталистов. Получается идиллическая картина капиталистической конкуренции, в которой затухает борьба между отдельными капиталистами.

Буржуазные авторы в своем стремлении доказать, будто монополющая прибыль не затрагивает ничьих интересов и не ослабляет позиции кого бы то ни было, доходят до абсурда. Так, например, указанный выше Чемберлин заявляет, что любой капиталист всегда, даже в условиях свободной, или, как он выражается, «чистой» конкуренции, получает максимальную прибыль. «Равновесие в условиях конкуренции, — утверждает он, — не только совместимо с максимальными прибылями для каждого, — оно включает их как необходимое условие»²⁴. Положение о максимальной прибыли, получаемой всяким капиталистом, не только противоречит очевидным фактам, но и представляет собой логическое противоречие: максимальная прибыль по самой своей природе предполагает, что она значительно превышает среднюю норму прибыли, получаемую массой капиталистов. Это не просто высокая прибыль, но наивысшая прибыль по сравнению со средней прибылью. Если все капиталисты получают такую прибыль, то, как бы она ни была высока, она теряет свойство максимальной прибыли.

Стремление к максимальной прибыли свойственно каждому

²⁴ E. Chamberlin. The Theory of Monopolistic Competition, Sixth Edition, p. 20.

капиталисту. Оно вытекает из самой природы капитала. Это стремление сопровождает все развитие капитализма в условиях свободной конкуренции. Как указывал Маркс, «постоянная цель капиталистического производства состоит в том, чтобы при минимуме авансированного капитала производить максимум прибавочной стоимости или прибавочного продукта»²⁵. Но в условиях свободной конкуренции эта тенденция не может реализоваться: постоянная миграция капиталистов, перемещение из менее рентабельных в более рентабельные отрасли, сводит норму прибыли к среднему уровню. Только монополии создают почву для реализации максимальной прибыли.

Приведенное высказывание Чемберлина при всей своей абсурдности представляет, однако, интерес, поскольку оно доводит до логического конца исходные предпосылки буржуазных теорий максимальной прибыли и тем самым демонстрирует их абсурдность. Следует отметить, что буржуазные авторы, рассматривая вопрос о максимальной прибыли, имеют в виду не норму, а массу прибыли. Понятие нормы прибыли вообще и средней нормы прибыли в частности обходится в современной буржуазной литературе. Буржуазные авторы утверждают, что отдельный капиталистический предприниматель может расширять производство до того размера, который является пределом с точки зрения экономической выгоды. Этот предел экономической выгоды они определяют при помощи пресловутого «закона убывающей производительности». Буржуазные авторы пытаются при помощи всяких софизмов и надуманных положений открыть в самом производстве, рассматриваемом независимо от его социально-экономической природы, какой-то предел, делающий экономически невыгодным дальнейшее расширение производства. При этом они обходят специфически капиталистические границы производства, связанные с узостью рынка, с противоречием между условиями производства и реализации прибавочной стоимости. Они игнорируют даже такую очевидную границу, как размеры индивидуальных капиталов, имеющие огромное значение для отдельных капиталистов. Современные буржуазные экономисты пользуются приемом, введенным еще Сэем, изображавшим предпринимателей как особый класс, существующий якобы обособленно от собственников капитала и применяющий в своих предприятиях чужие капиталы. Это надуманное, находящееся в кричащем противоречии с действительностью построение позволяет апологетам монополий сделать вывод, будто любой предприниматель независимо от величины его собственного капитала доводит свое производство до таких размеров, которые совпадают с пределом экономической выгоды и обеспечивают тем самым максимально возможную массу прибыли.

Если допустить на минуту, что все капиталисты имеют воз-

²⁵ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, ч. II. 1957, стр. 552.

возможность неограниченного расширения производства и что они доводят это расширение до предельного пункта, то это неизбежно привело бы к колоссальному переполнению рынка товарами, к небывалому по своей силе кризису перепроизводства, который в свою очередь вызвал бы резкое сокращение массы реализованной прибыли и колоссальное разорение более слабых капиталистов. В результате такого кризиса не осталось бы и следа от выдуманной буржуазными экономистами «всеобщей» максимальной прибыли. Вся эта схема целиком держится на давно раскритикованной Марксом догме Сэя, согласно которой всякий вновь произведенный товар открывает собой рынок для других товаров и всеобщее перепроизводство поэтому признается невозможным.

В период домонополистического капитализма, когда проблема максимальной прибыли не имела еще такого значения, буржуазные авторы остерегались делать такие абсурдные выводы, к каким пришел Чемберлин. В тот период буржуазные экономисты считали нужным подчеркивать различие в условиях образования прибыли при системе свободной конкуренции и при наличии монополий. Они не скрывали того факта, что монополии в интересах увеличения прибыли взвинчивают цены при помощи искусственного ограничения предложения и при помощи торможения роста производства.

В условиях империализма для большинства буржуазных экономистов становится характерной другая тенденция. Они стараются подчеркнуть уже не различие, а близость условий образования цен и прибыли при системе свободной конкуренции и при наличии монополий. Они стараются представить максимальную прибыль как результат установления якобы оптимальной цены, основанной на учете динамики спроса и издержек производства и не намного превышающей уровень цен в условиях свободной конкуренции. Они пытаются внушить читателю мысль о том, что собственные интересы монополий якобы диктуют им умеренную политику цен, так как повышение цен вызывает снижение спроса, а следовательно, и сокращение производства, ведущее к росту издержек производства на единицу продукции, невыгодному для монополий.

Смысл всех этих рассуждений состоит в том, чтобы приукрасить деятельность монополий, основным двигателем которой является погоня за монопольно высокой прибылью, и представить капиталистические монополии чуть ли не в роли ревнителей развития общественного производства и потребления.

Для того чтобы обелить монополии, защитники их пускают в ход и такой аргумент — необходимо, мол, проводить различие между временными и длительными интересами монополий: если повышение цен и ограничение производства соответствуют временным интересам монополий, то их длительные интересы состоят в снижении издержек производства и росте производительности

труда, предполагающих расширение производства, увеличение предложения товаров и связанное с этим снижение цен. Апологеты монополий предлагают рассматривать явления в «длительной перспективе». Тогда то, что в данный момент выступает как искусственное ограничение производства и взвинчивание цен, получает, по их словам, иной смысл. Взвинчивание цен тогда можно трактовать как страховку от возможного падения цен в будущем, а ограничение производства — как мудрую политику картелей, пытающихся предупредить или во всяком случае ослабить предстоящее кризисное сокращение производства. Эти рассуждения необходимы буржуазным экономистам для того, чтобы скрыть реальные противоречия, порожденные господством монополий. Эти противоречия переносятся в сферу временных явлений, которые, как временные, признаются несущественными и не заслуживающими внимания. Так, апелляция к произвольно сконструированной «длительной перспективе» используется для того, чтобы прикрыть любые действия финансовых магнатов.

К этому приему апологетики монополий прибегают многие американские буржуазные экономисты, в частности бывший председатель Совета экономических советников при Трумэне Ноурс, а также Шумпетер. Шумпетер заявляет, что при наличии монополий, если рассматривать длительный период, цены не выше, чем при свободной конкуренции. Остается лишь прийти к заключению, что при рассмотрении явлений в длительной перспективе исчезает вообще различие между господством монополий и господством свободной конкуренции. Шумпетер не преминул сделать и этот вывод. Эту точку зрения подробно развили защитники так называемой теории эффективной конкуренции (*workable competition*), главным представителем которой является Д. М. Кларк. Эта теория утверждает, что положительные результаты в области развития производительных сил, которые прежде были достигнуты в условиях свободной конкуренции, могут быть обеспечены и при очень ограниченном числе конкурентов, т. е. при наличии монополий.

«Аргументация» Шумпетера основана на простом софизме: раз монополия не устраняет конкуренции, то практически, мол, ничего не меняется с ростом монополий и усилением господства монополистического капитала. Шумпетер игнорирует элементарный факт, что сама конкуренция на монополистической стадии капитализма приобретает новые качества. Движение цен в этих условиях приобретает новые закономерности — оно отражает не только изменения количества труда, затраченного на производство данных товаров, но и зависит от степени концентрации производства. Мощные монополии имеют возможность поддерживать высокий уровень цен за счет подавления более слабых предприятий других отраслей и осуществления таким путем перераспределения прибавочной стоимости. При благоприятной конъюнктуре, когда су-

существует повышенный спрос на товары, монополии искусственно задерживают рост производства для того, чтобы поддержать повышенный уровень цен. В периоды экономических кризисов и депрессий монополии стараются задержать падение цен, которое могло бы в какой-то мере оживить спрос. Это вызывает еще большее сокращение производства товаров по сравнению с тем, что имело бы место в условиях господства свободной конкуренции.

Положение не изменяется и в том случае, когда в данной отрасли существует несколько конкурирующих между собой монополий. За редкими исключениями все они проводят тактику искусственного ограничения производства в интересах взвинчивания цен. Это молчаливое согласие дает такой же эффект, как если бы было заключено между монополиями специальное соглашение по вопросу о политике цен. В целях повышения цен монополии не останавливаются перед уничтожением продовольствия. Американский бизнесмен Теодор Рузвельт, опубликовавший книгу под названием «Гигантский бизнес — угроза демократии», вынужден был признать, что «когда тонны картофеля и огромное количество рогатого скота и свиней, хотя в них нуждаются люди, должны быть уничтожены для того, чтобы предотвратить падение цен, то эта нетерпимая искусственная мера олицетворяет собой приговор системе».

Некоторые буржуазные авторы признают изменение характера конкуренции в условиях современного капитализма, но это изменение они представляют в совершенно извращенном виде. Так, например, Д. Лилиенталь определяет современную конкуренцию прежде всего как соперничество между «различными способами удовлетворения потребностей людей в товарах и услугах» (например, конкуренция между различными видами транспорта, между заменителями определенных видов товаров и т. д.). Таким образом, он замалчивает конкуренцию в производстве одних и тех же товаров, которая в условиях монополистического капитализма принимает весьма острые формы. Лилиенталь старается замаскировать основной факт, что конкуренция субститутот, как и другие виды конкуренции, ведется монополиями, цель которых — получение монопольно высоких прибылей. Лилиенталь изображает дело так, будто конкуренция подчинена задаче наилучшего удовлетворения потребностей населения. «Новая конкуренция», по Лилиенталю, создает неограниченные возможности для удовлетворения растущих потребностей общества, величайшие стимулы для научно-исследовательской работы и благоприятные условия для деятельности мелких и средних предприятий. Иными словами, «новая конкуренция» рисуется как источник процветания и благоденствия. Апологетический смысл этой вымышленной картины очевиден.

Что бы ни писали адвокаты монополий, какие бы хитроумные приемы они ни применяли для того, чтобы скрыть грабительскую

практику монополистического капитала, торможение монополиями роста производительных сил, задержка ими технического развития в интересах взвинчивания цен и выколачивания монопольно высоких прибылей остается неоспоримым фактом. Господство монополий привело к тому, что противоречие между огромными возможностями в области технического прогресса, которые обеспечивает современная наука, и фактической реализацией этих возможностей в условиях современного капитализма достигло неслыханного обострения.

Тормозящая роль монополий в области развития техники и вообще производительных сил неразрывно связана с действием монопольных цен.

Существование монопольных цен является настолько очевидным фактом, что его вынуждены признать многочисленные официальные документы правительства США. Франклин Рузвельт в своем послании конгрессу в апреле 1938 г., выступая с предложением о создании Временной национальной экономической комиссии по изучению концентрации экономической мощи, указывал, что практика монопольных цен является «одной из первичных причин наших теперешних трудностей»²⁶.

Взвинчивание монополиями цен проявляется в многообразных формах. Если монополистическим организациям удалось достаточно укрепиться в данной отрасли, если они могут использовать в борьбе с аутсайдерами свои связи с банками, с железными дорогами, со сбытовой сетью, с государственным аппаратом, то они могут сохранить высокие цены, хотя бы аутсайдеры продавали такие же товары по более низким ценам. В этих условиях аутсайдеры могут кое-как удержаться на поверхности только благодаря тому, что они продают товары дешевле, нежели монополии. Расхождение цен, устанавливаемых монополиями и аутсайдерами, является одновременно результатом и базой ожесточенной борьбы между ними.

Повышение цен иногда замаскировывается посредством так называемой дифференциации монопольных цен. Последняя принимает разнообразные формы. Она выражается в установлении разных продажных цен для различных районов, в зависимости от степени господства данной монополии в этих районах, или в назначении различных цен для отдельных клиентов, согласно степени их зависимости от монополий. Иногда устанавливается одна и та же продажная цена для всех районов, игнорирующая различия фрахтов и тарифов. В некоторых случаях цена устанавливается с учетом транспортных издержек от условного пункта (базисного пункта), хотя в действительности товары производятся не в этом условном пункте.

²⁶ George W. Stocking and Myron W. Watkins. Monopoly and Free Enterprise. N. Y., Twentieth Century Fund, 1951, p. 92—93.

Взвинчивание цен монополиями особенно ярко проявляется в том, что монополиям во многих случаях удается поддерживать высокий уровень цен, несмотря на рост производительности труда и снижение стоимости соответствующих товаров. Степень этого монополистического вздутия цен различна для разных товаров и монополий.

В некоторых случаях монополии вынуждены снижать цены, но далеко не в такой степени, в какой растет производительность труда и снижается стоимость товаров.

В качестве яркой иллюстрации можно привести динамику цен на нефть. Цена на сырую нефть в 1892 г. составляла 55,5 цента за баррель. Несмотря на последующий значительный рост производительности труда и снижение издержек производства, монополисты взвинчивали цены. В 1900 г. цена на нефть составляла 1,35 долл. за баррель, а в 1913 г. она достигла 2,45 долл. (в 1914 г. она снизилась до 1,9 долл.). В итоге получается (если даже взять уровень 1914 г.), что за 22 года цены на нефть вследствие монополистической практики «Стандард ойл» выросли на 247% при одновременном снижении издержек производства.

Весьма характерно, что цена на нефть для экспорта повышалась гораздо медленнее, поднявшись за тот же период на 39%. Тут сказались влияние конкуренции на мировом рынке.

В истории «Стандард ойл», составленной И. Тэрбеллом, приводится откровенное высказывание одного из руководителей этой монополии — Роджерса — перед промышленной комиссией конгресса в 1899 г. Ему был задан вопрос, как могло случиться, что за 20 лет «Стандард ойл» не удешевила стоимость добычи и транспорта нефти ни на один цент и даже ни на одну долю цента. Роджерс цинично ответил: «Мы занимаемся делами не ради нашего здоровья, но ради долларов».

Практика взвинчивания монопольных цен и поддержания их на высоком уровне при одновременном снижении издержек производства, в частности при снижении цен на сырье, продолжается до наших дней. Современная действительность в США дает многочисленные иллюстрации этой практики. Приведем несколько примеров. В то время как за последние годы цены на каучук резко понизились (индекс оптовых цен министерства труда упал с 242,8 в январе 1951 г. до 123,8 в мае 1953 г.), цены на резиновые покрышки и камеры фактически остались без изменения. За тот же период оптовые цены на табак почти не изменились. Однако четыре крупные табачные корпорации, господствующие в табачной промышленности, вызвали повышение индекса оптовых цен на сигареты со 105,7 до 124.

В то время как индекс цен на зерно за период с января 1951 г. по май 1953 г. упал с 99,4 до 93,4, индекс оптовых цен на мучные изделия, в том числе на хлеб, возрос со 106,4 до 109. Оптовые цены на молоко понизились со 106,2 до 94,2. Однако

индекс цен на молочные продукты и мороженое возрос со 105,8 до 107,9.

Индекс цен на кожевенное сырье за тот же период упал со 140,9 до 74,9. Однако оптовые цены на обувь и другие кожаные изделия понизились лишь незначительно²⁷.

Буржуазные экономисты не могут полностью скрыть взвинчивание цен монополиями, но они пытаются изобразить его как явление случайное для современного капитализма. Таков характерный для буржуазных апологетов прием приукрашивания капиталистических монополий. То, что буржуазные экономисты преподносят как «злоупотребления», на деле является нормальной, обычной деятельностью картелей и трестов. Раздел мира на сферы влияния, установление высоких монопольных цен, ограничение производства, уничтожение товаров, патентные соглашения, приводящие к отказу от использования новых технических методов и т. п., — это не «отклонения», а главное содержание деятельности монополий, непосредственно обусловленное действием основного экономического закона современного капитализма. Все эти моменты, подчиненные задаче обеспечения монопольно высоких прибылей, выражают растущий гнет монополий в капиталистическом мире.

3. КРИТИКА ТЕОРИЙ «ПЛАНОВОГО КАПИТАЛИЗМА» И «СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ»

Период общего кризиса капитализма сопровождается значительным усилением государственно-монополистического капитализма. Это связано как с возросшим влиянием капиталистических монополий, так и с углублением всех противоречий мировой капиталистической системы, с обострением трудностей реализации товаров, с усилением борьбы за источники сырья и сферы приложения капитала, с ростом милитаризма. Подчинение крупнейшими монополиями буржуазного государственного аппарата особенно усилилось на втором этапе общего кризиса капитализма. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1929 г. правительственные закупки товаров в США составляли 9% валового национального продукта, в 1952 г. — 22%; в 1929 г. налоги равнялись 13% национального дохода, в 1952 г. — 32%; в 1929 г. государственный долг составлял лишь 8,6% всей суммы задолженности (государственной и частной), в 1952 г. — 40,5%²⁸.

Этот процесс, означающий усиление гнета монополистического капитала над всем обществом при помощи использования им

²⁷ «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 23 июня 1953 г.

²⁸ Mary Norris. The Economic Outlook. «Political Affairs», February, 1954, p. 43—44.

государственной надстройке, выдается апологетами монополистического капитала за контроль над деятельностью отдельных предприятий, включая и монополии, за подчинение капиталистической экономики «регулирующему» воздействию буржуазного государства.

Буржуазные экономисты распространяют легенду о том, что в условиях современного капитализма якобы коренным образом изменилась роль государства, что оно стало играть решающую роль в экономике. Так, Д. М. Кларк выступил с утверждением, будто за последние десятилетия произошла «революция в экономических функциях государства»²⁹. Эту «революцию» он усматривает в том, что если раньше государство было «пассивным сторожем», то теперь оно якобы стало «ведущей и организующей силой хозяйственного развития».

Однако далеко не все буржуазные экономисты считают удобным и целесообразным писать о «революции в экономических функциях государства». Большинство из них ограничивается заявлениями о резком усилении роли государства в экономической жизни.

Одним из вариантов апологии государственно-монополистического капитализма является теория «планового капитализма», получившая большое распространение в США после кризиса 1929—1933 гг.

Главным защитником этой теории выступил Д. Р. Тегвелл.

Тегвелл не скрывал того, что основной целью предлагаемой им «плановой экономики» для США является борьба с революционным движением. Он неоднократно писал о том, что революционеры имеют поддержку в массах, что их идеи пользуются успехом. Нужно «успокоить беспокойные умы». Для того чтобы осуществить это «успокоение», Тегвелл предлагал «усовершенствовать» капитализм, создать при помощи «планового капитализма» клапаны для того, чтобы разрядить недовольство масс. В качестве одного из средств для достижения этой цели Тегвелл предлагал поднять социально-политический вес производственно-технической интеллигенции, с тем чтобы превратить ее в основную социальную базу «реформированного» капитализма. Тут сказались непосредственное влияние Веблена.

Центральное положение «теории» Тегвелла заключается в том, что необходимость планирования предопределяется потребностями развития техники. Для Тегвелла вообще характерно не только то, что он решающую роль в развитии общества приписывает технике, но и то, что он все коренные проблемы капитализма сводит к вопросам технического развития. Центральную

²⁹ J. M. Clark. Financing High-Level Employment.— «Financing American Prosperity. A Symposium of Economists». N. Y., Twentieth Century Fund, 1945, p. 71.

проблеме нашей эпохи он усматривает в «высвобождении техники», т. е. в устранении препятствий для ее развития. Эту точку зрения крайнего техницизма наиболее резко выразил другой представитель «американских плановиков» — Джордж Саул, заявивший, что «нашу современную цивилизацию, пожалуй, лучше охарактеризовать как машинную или техническую цивилизацию, а не как капиталистическую или систему прибыли»³⁰.

В этом определении отчетливо выражен коренной порок всей буржуазной «плановой концепции» — полное игнорирование роли производственных отношений, совокупность которых образует экономическую структуру общества. Тегвелл и Саул стараются подменить экономику техникой. Они утверждают, что раз современный уровень технического развития требует планового хозяйства, то этим, мол, все дано для реализации последнего. Тегвелл подчеркивает, что современное техническое развитие ведет к установлению очень тесной взаимозависимости между отдельными отраслями, из которой вытекает необходимость единого управления всем общественным производством страны. А раз техника этого требует, то все остальное приложится, — таков главный вывод Тегвелла.

Во всем этом рассуждении не учитывается «мелочь» — сама капиталистическая система хозяйства, которая несовместима с плановым хозяйством. О том, в какой мере буржуазные «плановики» замазывают значение этого решающего фактора, видно из следующего рассуждения Саула — он сравнивает капиталистическое хозяйство с низшими организмами, у которых отсутствует сознание. Он предлагает «привить» капитализму отсутствующее у него сознание в виде создания единого центра, направляющего хозяйственную жизнь. Саул, однако, не упоминает о том, что такая радикальная хирургическая операция может затронуть интересы капиталистических хозяев и встретить с их стороны ожесточенное сопротивление.

Для того чтобы окончательно разорвать органическую связь, существующую между плановым хозяйством и социалистическими производственными отношениями, буржуазные «плановики» заявляют, будто стремление к плановой организации имело место на всех ступенях исторического развития. Такой поистине абсурдный вывод и делает Саул. Он придумывает и вводит в качестве определяющего понятия политической экономии понятие «организующего человека», противопоставляя его «экономическому человеку» буржуазной классической школы. Если А. Смит в свое время утверждал, что потребность в обмене является органическим свойством человека, всегда ему присущим, то Саул из-

³⁰ G. H. Soule. A Planned Society. N. Y., 1935, p. 132.

мышляет стремление к плановой организации, объявив его первоначальным и неистребимым инстинктом человека, кроме инстинкта самосохранения. Различие между отдельными историческими эпохами Саул видит только в масштабах плановой организации: раньше она осуществлялась в рамках отдельного предприятия, теперь она должна осуществляться в рамках всего народного хозяйства. Саул и здесь упускает из виду «мелочь» — такое расширение масштабов плановой организации требует коренного переворота в производственных отношениях, оно несовместимо с господством частной собственности. Саул замалчивает и то, что в условиях капитализма отдельное предприятие не может по-настоящему планировать свою деятельность, ибо оно зависит от стихийной игры конкуренции, ход которой нельзя ни предвидеть, ни предупредить.

До какого абсурда доходят буржуазные экономисты, видно из высказываний В. Кейльхау, что всякая экономика является плановой³¹.

Тегвелл, Саул и другие идеологи «планового капитализма» во всех своих рассуждениях исходят из того, что сохранение частной собственности на средства производства является обязательным и неизменным условием, составляющим *conditio sine qua non* (непременное условие) любого планового эксперимента. Они отвергают не только социалистическое обобществление средств производства (об этом они никогда не помышляли и не могут помышлять), но даже капиталистическую национализацию, которая частично проводилась некоторыми буржуазными правительствами, например Бисмарком, английскими правыми лейбористами. В частности, Саул подчеркивает, что такая национализация средств производства буржуазным государством может проводиться только в исключительных условиях и что в каждом случае национализации должны быть особые основания, вынуждающие провести такое мероприятие.

То обстоятельство, что именно сохранение капиталистической частной собственности на средства производства исключает возможность планового хозяйства, игнорируется Тегвеллом, Саулом и другими идеологами «планового капитализма».

Современное развитие производительных сил со все большей настоятельностью выдвигает задачу устранения капиталистической анархии производства и осуществления планового хозяйства. Тут дело не только в техническом развитии, а в гигантском обобществлении труда, принимающем многообразные формы. Потребность в плановом хозяйстве настолько назрела, что даже буржуазные идеологи (вернее, часть их) должны в какой-то форме признать эту потребность и учитывать ее. Но так как они

прежде всего заинтересованы в сохранении и укреплении капиталистического строя, то они обходят тот факт, что для существования планового хозяйства требуется не только определенный уровень производительных сил, но и определенный характер производственных отношений (т. е. социалистические производственные отношения).

Практика социалистического хозяйства в СССР и странах народной демократии показала, что экономический закон планового (пропорционального) развития народного хозяйства возникает только на базе социалистического обобществления средств производства как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме.

Только в социалистическом обществе годовые и перспективные планы приобретают силу обязательных законов. Только социалистическое общество имеет возможность претворять в жизнь эти планы, поскольку оно является собственником всех важнейших средств производства и поскольку оно направляет развитие всего народного хозяйства.

Буржуазные идеологи для оправдания своих «плановых» программ выдвигают в качестве аксиомы положение о том, что капиталистический строй якобы вполне соответствует назревшим потребностям производительных сил в организации планового хозяйства.

Между тем это положение находится в вопиющем противоречии с капиталистической действительностью. Основу капиталистических производственных отношений составляет частная собственность на средства производства и превращение рабочей силы в товар. Частная собственность на средства производства предполагает свободу капиталиста распоряжаться принадлежащими ему капиталами по своему усмотрению. Как бы ни вмешивалось буржуазное государство в деятельность капиталистических предприятий, оно не может устранить того, что в коренных вопросах — определение масштабов производства, выбор технических методов, прием и увольнение рабочей силы и т. д. — капиталистическое предприятие или объединение предприятий полностью самостоятельно и не зависит от буржуазного государства. Господство частной собственности неизбежно приводит к тому, что «общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов, — подобно тому как в мире животных *bellum omnium contra omnes* [война всех против всех] есть в большей или меньшей степени условие существования всех видов»³². Маркс проронически писал про фабричный кодекс, что в

³¹ Wilhelm Keilhau, Principles of Private and Public Planning. A Study in Economic Sociology. L., 1951, p. 201.

³² Р. Маркс. Капитал, т. I, стр. 364.

нем «капитал в частнопрововом порядке и самовластно, без разделения властей, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими...»³³ Подлинное, а не фиктивное народнохозяйственное планирование требует ликвидации самодержавия капиталиста в его предприятии (независимо от того, идет ли речь об отдельном капиталисте или о монополистическом объединении). Оно предполагает фактическую отмену прав капиталистического собственника на его предприятие. Ясно, что такая фактическая отмена бессмысленна при сохранении частной собственности на средства производства.

Следует отметить, что Тегвелл и другие буржуазные экономисты в своих работах неоднократно подчеркивают, что при планировании, которое они предлагают, самостоятельность капиталистических предпринимателей не ликвидируется, она лишь должна сочетаться с подчинением предпринимателя государственному контролю. «Регулирующая» роль государства, по Тегвеллу, должна выражаться в контроле над инвестициями, над ценами и денежным обращением.

Практика государственно-монополистического капитализма во всех капиталистических странах, в том числе в США, воочию показала, что государственное регулирование экономики осуществляется целиком в интересах крупнейших монополий. Руководитель управления военным производством США во время второй мировой войны Дональд Нельсон откровенно показал, чем был на деле государственный контроль над производством в военные годы: «Мы, — говорил он, — использовали контроль, все виды контроля, в том числе контроль над снабжением материалами, но это была не больше, чем помощь государства промышленности в получении всего необходимого для выполнения заказов. Промышленность говорила нам, что и когда ей требуется. Наша деятельность состояла в установлении правил, при помощи которых можно было вести игру так, как промышленность хотела играть... Мы никогда не принимали решений за промышленников»³⁴.

В действительности этот пресловутый «контроль» только помогает монополиям выколачивать монополично высокие прибыли. Он осуществляется только в определенном направлении, именно в том направлении, которое соответствует интересам монополий. Вполне естественно, что он не задевает и не может задевать суверенных прав крупнейших капиталистических предприятий. Частнокапиталистические предприятия остаются самостоятельными при всех

формах государственного контроля над экономикой. А с этой самостоятельностью сохраняется и анархия производства, само наличие которой самым очевидным образом демонстрирует отсутствие каких бы то ни было элементов планового хозяйства.

Четырехлетние, пятилетние и тому подобные «планы» буржуазных правительств представляют собой систему пожеланий даже в том случае, если они получают законодательную санкцию (например, четырехлетний план на 1948—1951 гг. лейбористского правительства Англии). Эта характеристика, в частности, относится ко всем предложениям, разработанным в США Национальным управлением планирования ресурсов. Управление выпустило ряд работ. В 1939 г. оно издало книги: «Структура американской экономики», «Потребительские расходы в США», «Расходы американских семей»; в 1940 г. — «Экономический эффект федеральных расходов на общественные работы в 1933—1938 гг.»; в 1941 г. — «Будущее транспорта», «Роль промышленного и жилищного строительства»; в 1943 г. — «Промышленное размещение и национальные ресурсы». По существу национальное управление планирования ресурсов занималось исследовательской работой (конечно, в буржуазном духе), конкурируя с другими многочисленными исследовательскими учреждениями США. В опубликованных этим бюро работах содержались и практические предложения, но они носили слишком общий характер и были лишены обязательной силы в такой же мере, как предложения любого отдельного лица.

Не имел обязательной силы и разработанный указанным бюро «шестилетний план развития общественных работ» (1943 г.), представляющий собой сводку антикризисных мероприятий в кейнсианском духе, столь обильно предлагаемых в буржуазной экономической литературе.

Хотя этот «план» не предлагал никаких радикальных мероприятий и намечал лишь некоторое смягчение кризиса и безработицы за счет более значительного финансирования общественных работ, он не был утвержден конгрессом. Конгресс не только не утвердил «плана», но даже отказал в ассигнованиях на содержание Национального управления планирования ресурсов, что привело к его ликвидации.

Перспективные «планы», разрабатываемые буржуазными деятелями, не в состоянии устранить действие закона конкуренции и анархии производства. Эти «планы» преследуют другую цель — они нередко служат ширмой, за которой скрывается милитаризация народного хозяйства и подготовка войны. Такую роль играли, в частности, пресловутые гитлеровские «четырёхлетки».

Комиссия при президенте США по определению политики в области материалов под председательством Палая опубликовала в 1952 г. доклад в пяти томах, в котором делается попытка «спланировать» развитие экономики США и других капиталистических стран в течение 25 лет — с 1950 по 1975 г. Весьма характерно,

³³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 429—430.

³⁴ D. Nelson. Arsenal of Democracy. The Story of American War Production. N. Y., 1946, p. 209.

что все проектировки комиссии Палея основаны на предположении, что до 1975 г. международное положение по-прежнему будет оставаться напряженным. Проектировки роста отдельных отраслей сделаны прежде всего из расчета военного значения этих отраслей. Так, например, комиссия установила, что прирост продукции авиационной промышленности за 1950—1975 гг. составит 400%, алюминевой — 358, синтетического каучука — 187, выработки электроэнергии — 260%. В то же время не предполагается никакого роста за 25 лет по сельскохозяйственному машиностроению, судостроению и некоторым другим гражданским отраслям. При выработке своих проектировок комиссия Палея исходила из военных потребностей не только США, но и их союзников по Североатлантическому и другим военным блокам.

Плановые расчеты комиссии Палея лишены всякого научного значения. Эта комиссия при определении генерального плана развития экономики США исходила исключительно из производственных возможностей, абстрагируясь от условий реализации и от экономических кризисов перепроизводства. Как указывают авторы доклада, они основывали свои расчеты на предположении, что «высокая занятость и экономическое процветание будут господствовать»³⁵ в капиталистическом мире. Комиссия Палея очень легко и просто «отделалась» от экономических кризисов — она решила их просто не замечать и не учитывать. Но тем самым она продемонстрировала неосновательность своих прогнозов, построенных на игнорировании столь важного и неустрашимого при капитализме факта, как кризисы перепроизводства.

Сами авторы доклада комиссии Палея вынуждены были признать сугубо «приближенный» и «ориентировочный» характер своих «плановых» расчетов. По разъяснению авторов доклада, размеры производства, исчисленные комиссией для 1975 г., следует толковать в том смысле, что они будут реализованы где-то в 1970-х годах³⁶.

Многие цифры, приводимые в этом докладе, совершенно не обоснованы. Например, комиссия утверждает без всяких серьезных доводов, что в 1975 г. число безработных в США составит только 2,5 млн. человек.

Столь же ненаучный характер имеют «плановые» расчеты, приводимые в сборнике «Потенциальный экономический рост Соединенных Штатов в течение ближайшего десятилетия», подготовленном работниками объединенной экономической комиссии конгресса и опубликованном в октябре 1954 г. официальным правительственным издательством. Как отмечал руководитель этой комиссии Гровер Энсли, все ее проектировки основаны на предположении,

что в течение ближайшего десятилетия (до 1965 г.) не будет серьезного кризиса.

Практический смысл подобного рода плановых расчетов заключается в том, чтобы придать видимость научного обоснования программам милитаризации народного хозяйства.

В американской буржуазной экономической литературе довольно часто проводится идея «мирового планирования». Эту идею защищает, например, Л. Хансен. «Планирование на будущее, — писал он, — не должно остановиться на наших национальных границах. Национальное планирование в интересах стабильности и экстенсии включает не только внутрихозяйственные, но и международные планы». Американский буржуазный экономист Л. Лорвин, много распространяющийся о «планировании», откровенно изложил империалистическую подоплеку разговоров о «мировом планировании». «В современной мировой обстановке, — заявляет он, — единственная страна, которая может принять на себя руководство в осуществлении новой мировой эры, — это Соединенные Штаты... Американский курс в формировании послевоенного мирового устройства не является более дискуссионным вопросом. Соединенные Штаты обладают техническими ресурсами и экономической мощью для осуществления мер, необходимых для достижения этой цели»³⁷.

В послевоенный период в американской буржуазной экономической литературе получил широкое распространение другой вариант апологии государственно-монополистического капитализма — в виде так называемой теории смешанной экономики, согласно которой современная американская экономика представляет собой смешанную экономику, основанную на сочетании частных и государственных предприятий. Эта версия фигурирует под разными названиями. Некоторые прямо пишут о смешанной экономике (например, Стюарт Чейз), другие изощряются в изобретении новых терминов для выражения того же понятия. Так, например, Хансен употребляет термин «двойная экономика», Айрес — «ограниченный капитализм», Лорвин — «неокапитализм», С. Гувер — «организованная экономика», и т. д.

Главным защитником «теории смешанной экономики», или «двойной экономики», в США выступает Хансен. Он различает два типа «двойной экономики». Первым из этих типов является «двойная производственная экономика», представляющая сосуществование частнокапиталистических предприятий и государственных предприятий, удельный вес которых возрастает. Для второго типа, именуемого Хансеном «двойной потребительской экономикой», характерно то, что все предприятия остаются в руках их частных владельцев, но государство регулирует распределение национального

³⁵ «Resources for Freedom», v. II, Outlook for Key Commodities. Wash., 1952, p. 5.

³⁶ Ibid., p. III.

³⁷ Lewis. L. L. L. Time for Planning. A Social Economic Theory and Program for Twentieth Century. N. Y. and L., 1945, p. 232.

дохода, распределение сырья, направление инвестиций и т. д. Хансен не скрывает того, что «двойная экономика» выгодна с точки зрения интересов частнокапиталистических предприятий, что она обеспечивает им большие возможности роста и накопления.

То, что буржуазные экономисты называют «смешанной экономикой», представляет собой не что иное как государственно-монополистический капитализм. Смысл «теории смешанной экономики» состоит в том, чтобы затушевать капиталистический характер государственных предприятий и представить их как предприятия особого рода, отличные от капиталистических предприятий. Точно так же различные экономические мероприятия буржуазного государства защитники «смешанной экономики» пытаются изобразить как мероприятия, не связанные с капиталистическим развитием, не обусловленные требованиями и интересами капиталистических монополий.

Этот маневр не нов. Он давно применялся реакционными немецкими идеологами, представителями пресловутой доктрины «государственного социализма», объявившими «без оценок социалистическим *всякое*, даже бисмарковское, обращение средств производства в государственную собственность. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма»³⁸, писал Энгельс в 70-х годах XIX в.

«Теория смешанной экономики» является преимущественно американским вариантом апологии государственно-монополистического капитализма. Существо этого варианта то же, что и доктрины «государственного социализма», но он имеет другое оформление, без использования социалистической фразеологии.

Американский вариант «теории смешанной экономики» по форме отличается также от английского варианта этой теории. В Англии после второй мировой войны рост государственно-капиталистических предприятий происходил главным образом за счет буржуазной национализации части промышленных и транспортных предприятий. Там «теория смешанной экономики» в основном служит для приукрашивания буржуазной национализации. Между тем в США типичной формой государственно-капиталистических предприятий являются предприятия, созданные на средства казны. Эти предприятия часто, по мере того как у государства отпадает потребность в них, продаются за бесценок монополистическим организациям. Американская практика особенно наглядно показывает, что «смешанная экономика» не только служит обогащению монополистов, но непосредственно расширяет сферу частнокапиталистических предприятий за счет государственных средств.

Американский вариант «теории смешанной экономики» характеризуется также тем, что американские буржуазные экономисты

с особой настойчивостью распространяют тезис об отсутствии в США господства монополий, о мнимом преобладании так называемого «свободного предпринимательства», преподносимого в качестве одного из атрибутов «американского образа жизни».

В основе «теории смешанной экономики» лежит неправильное утверждение о том, что современное буржуазное государство способно руководить народным хозяйством. В действительности же в условиях капитализма, где средства производства находятся в руках частных собственников, государство лишено возможности играть эту роль. Основные функции буржуазного государства сводятся к охране капиталистического строя, к поддержанию господства буржуазии над массами, оказанию содействия буржуазии в ее наступлении на жизненный уровень трудящихся, к поддержке господства монополий в колониях, к подготовке и ведению империалистических войн.

Только социалистическое государство, являющееся собственником важнейших средств производства, опираясь на действие экономических законов социализма, в частности закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, может осуществлять хозяйственно-организаторскую функцию, недоступную буржуазному государству. Функции буржуазного государства целиком и полностью противоположны функциям социалистического государства.

Классики марксизма-ленинизма с полной очевидностью установили объективный характер экономических законов. Государство не обладает такой властью, чтобы отменять экономические законы, внутренние присущие данному способу производства. Одним из важнейших экономических законов капитализма является закон конкуренции и анархии производства, который по своей природе предполагает сосредоточение руководства отдельными капиталистическими предприятиями и объединениями в руках их хозяев и отсутствие единого руководства всем общественным производством. Какие бы реформы ни проводило буржуазное государство, оно не может посягнуть на «святыню святынь» буржуазного общества — на капиталистическую частную собственность, неразрывно связанную с признанием суверенных прав капиталиста на предприятие, с признанием самодержавия капитала над рабочими.

На самом деле современное буржуазное государство является органом монополий и используется ими в соответствии с требованиями основного экономического закона капитализма в целях обеспечения монопольно высокой капиталистической прибыли. Конкретные формы подчинения и использования государства капиталистическими монополиями весьма многообразны.

Государственная власть используется для того, чтобы облегчить монополистическому капиталу наступление на жизненный уровень рабочего класса. В. И. Ленин еще в 1912 г. писал, что

³⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1953, стр. 262 (сноска).

«государственный контроль»... превратится — при сохранении капитала за капиталистами — в средство борьбы со стачками и удешевления их»³⁹. Антирабочее законодательство выступает в качестве одного из важнейших моментов капиталистического «регулирования».

Далее, государственная власть используется монополистическим капиталом в целях борьбы за господство на мировом капиталистическом рынке. На втором этапе общего кризиса капитализма использование американскими монополиями государственных учреждений для финансирования экспорта товаров и капиталов осуществляется в особенно крупных масштабах.

Капиталистическое «регулирование» направлено также к тому, чтобы обеспечить высокий уровень монопольных цен, являющийся необходимым условием получения монополиями высоких прибылей. Эта задача разрешается многообразными способами. Наряду со старыми методами в виде установления высоких таможенных барьеров, затрудняющих проникновение иностранных конкурентов, практикуются новые приемы в виде предоставления государственных заказов монополиям по вздутым ценам и вообще на крайне выгодных для монополий условиях. Одним из таких приемов является проведение политики инфляции, облегчающей взвинчивание цен монополиями и снижение реальных заработков трудящихся.

Одна из главных задач капиталистического «регулирования» заключается в обеспечении монополистам гарантированного рынка за счет государственных заказов. Монополии стараются взвалить на государственный бюджет весь риск и все убытки, связанные с экономическими кризисами. Монополистический капитал осуществляет своеобразную и весьма выгодную для себя «двойную бухгалтерию» — высокие прибыли он присваивает себе, а возможные убытки перекладывает на казну. Казна используется для предоставления субсидий монополиям, находящимся на грани банкротства. В больших масштабах такое субсидирование осуществлялось в 30-х годах. С этим мероприятием связано также гарантирование правительством банковских вкладов (до определенной суммы), кредитов под жилищное строительство и т. д.

Государственная власть служит орудием крупнейших монополий для подавления конкурентов. «Контроль» буржуазного государства над капиталистическими предприятиями и их объединениями позволяет крупнейшим монополиям выколачивать монопольно высокие прибыли. Для мелких, средних предприятий и более слабых монополий этот «контроль» оборачивается другой стороной, стесняя их самостоятельность, затрудняя им борьбу с главными капиталистическими хищниками. Крупнейшие монополии максимально используют все льготы, предоставляемые им бур-

жуазным государством, например в отношении налогов, кредита и т. д. И в этой области проводится своеобразная «двойная бухгалтерия» — льготы для одних, стеснительные меры — для других.

Подчинение буржуазного государства крупнейшим монополиям особенно ярко выступает в условиях милитаризации экономики, подготовки и ведения империалистических войн, в процессе ограбления колоний и т. д. Милитаризация народного хозяйства открывает огромные возможности в части предоставления государственных заказов крупнейшим монополиям. Она создает благоприятную обстановку для ликвидации буржуазно-демократических свобод и усиленного наступления на жизненный уровень трудящихся. В этой обстановке значительно облегчается и усиливается процесс перераспределения прибавочной стоимости в пользу финансовых магнатов. Империалистическая война и милитаризация народного хозяйства усиливают все функции, выполняемые капиталистическим «регулированием», знаменуя собой значительно возросшее подчинение буржуазного государства капиталистическим монополиям.

Капиталистическое «регулирование», будучи целиком подчинено действию закона монопольной прибыли, приводит к дальнейшему углублению капиталистических противоречий. Антирабочее законодательство и вся антирабочая политика буржуазного государства усиливают возмущение рабочего класса и обостряют социально-политическую обстановку. Этому же способствует осуществляемая буржуазным государством политика инфляционного и налогового ограбления трудящихся.

Финансирование империалистическим государством значительной части экспорта товаров и капитала и осуществление других мероприятий, позволяющих крупнейшим монополиям подчинять себе экономически и политически другие страны, приводит неизбежно к обострению противоречий как внутри империалистического лагеря, так и между метрополиями и колониями, между империалистическими державами и слабо развитыми странами. Способствуя обогащению и укреплению отдельных монополий, капиталистическое «регулирование» обостряет всю совокупность капиталистических противоречий и способствует тем самым ослаблению капиталистической системы.

В США представители монополистического капитала играют очень важную роль не только в экономической, но и в политической жизни.

«Наиболее крупные американские капиталисты наших дней, — пишет американский писатель Ландберг, — имеют гораздо больший вес, чем та гордая аристократия, которая окружала Людовика XIV, царя Николая, кайзера Вильгельма и императора Франца-Иосифа, и обладают значительно большей властью. Могущество кардинала Ришелье, Меттерниха, Бисмарка и Диз-

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 194.

разли не превышало могущества таких нетитулованных граждан, как Дж. П. Морган, Эндрю У. Меллон, Джон Д. Рокфеллер, Генри Форд и Дюпоны»⁴².

Финансовые магнаты США не считают нужным скрывать теперь свои претензии на господствующее положение во всех областях общественной жизни Америки. «Бизнес — это все», «Америка — страна бизнеса», «правительство — это орган бизнеса» — такие фразы все чаще произносятся крупнейшими американскими бизнесменами. Кредо этих бизнесменов ясно выразил председатель «Дженерал моторс» Джордж Слаун в свое выступлении 19 января 1953 г. в Нью-Йорке: «Наша страна — это преимущественно общество бизнеса: как идут дела в мире бизнеса, так и у всех нас. Наше правительство отчасти является генеральным штабом нашего общества, а поэтому и бизнеса».

Буржуазные экономисты много распространяются о «деловом сотрудничестве» между государством и бизнесом. В действительности это «сотрудничество» имеет весьма своеобразный характер — оно целиком подчинено задаче выколачивания прибылей для монополий. На средства государственного бюджета строятся новые заводы, которые предоставляются в эксплуатацию монополиям на самых выгодных условиях. Американский прогрессивный писатель Джеймс Аллен писал: «Еще не известно такое деловое товарищество, в котором один партнер делал бы все капиталовложения, предоставлял средства для текущих операций, нес весь риск и покрывал все потери другого партнера, тогда как последний, не вкладывая ни одного пенни, являлся бы главным хозяином всего предприятия, присваивал все текущие прибыли, накапливал для собственных нужд множество новых технических данных и оговаривал для себя право исключительного контроля над всем предприятием в настоящее время и в будущем. Это вряд ли свидетельствует о том более или менее равном положении участников, которое является отличительным признаком делового товарищества»⁴¹.

Американская практика дает многочисленные иллюстрации того, как «двойная производственная экономика» и «двойная потребительская экономика», если употреблять терминологию Хансена, одинаково служат интересам финансовых магнатов.

Идея о решающей роли буржуазного государства в экономике используется буржуазными экономистами для «обоснования» мифа о возможности контроля государства над капиталистическими монополиями и устранения таким путем их гнета. Так, Хансен, восхваляя деятельность буржуазного государства, заявляет, что «монополистические организации и корпорации должны стать

слугами хорошо функционирующего экономически и политически общества вместо того, чтобы быть его господами»⁴².

Буржуазные экономисты сами мало верят в эффективность подобного контроля. Поэтому они считают нужным дополнить свои предложения о «контроле» над монополиями апелляцией к «совести» монополистов. Д. М. Кларк почтительно уговаривает монополистов «осознать свою ответственность»: «Если мы окажемся неспособными развить это чувство персональной ответственности в экономических делах, то мы не сможем успешно выдержать предстоящие штормы»⁴³. А американский экономист Адольф Берли в своей книге «Капиталистическая революция XX века» (1954) поспешил возвестить миру радостную весть о том, что произошла долгожданная «моральная революция», что одержимый стремлением к максимальной прибыли Савл превратился в добропорядочного Павла, заботящегося прежде всего об интересах общества, что «наметилась здоровая тенденция к повышению морального уровня корпораций».

Очевидно, что эти призывы ничего не могут изменить в природе монополистического капитализма. Гнет монополий — результат не злой воли отдельных монополистов, а неизбежное следствие экономических законов современного капитализма.

В обстановке максимального использования монополиями буржуазного государственного аппарата всякие юридические положения о контроле над монополиями превращаются в простую фикцию.

Лучшим опровержением вымыслов о возможности контроля над монополиями являются результаты «антитрестовского» законодательства в США. Американские буржуазные экономисты изображают «антитрестовское» законодательство как средство борьбы с монополиями. Такие иллюзии, в частности, распространяют экономисты, занимающие половинчатую позицию в отношении монополий: наряду с разоблачением хищнической практики монополий они выдвигают мелкобуржуазные утопии о возврате к свободной конкуренции. Бердж пишет, например, что благодаря закону Шермана⁴⁴ в США создалась якобы «демократическая система контроля».

В действительности антитрестовские законы, принятые под давлением трудящихся и некоторых групп буржуазии, испытывающих на себе давление монополистического капитала, представляют собой яркую иллюстрацию полной бесплодности законов, направленных против монополий.

⁴² A. N. Hansen. America's Role in the World Economy. N. Y., Norton, 1945, p. 176.

⁴³ J. M. Clark. Financing High-Level Employment.— «Financing American Prosperity», p. 124.

⁴⁴ Закон Шермана, изданный в 1890 г., формально запрещает создание объединений или соглашений фирм в какой-либо отрасли, преследующих своей целью регулирование цен, сбыта и производства.

⁴⁰ Ф. Ландберг. 60 семейств Америки. М., ИЛ, 1948, стр. 2.

⁴¹ Джеймс Аллен. Атомный империализм. 1952, стр. 103.

Наличие закона Шермана не помешало дальнейшему усилению монополий. Этот закон не поменял образования еще более крупных по сравнению с существовавшими ранее монополистических объединений. Например, в 1901 г. под сенью закона Шермана был создан такой монополистический гигант, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн».

Бизнесмены выработали ряд приемов, позволяющих легко обходить самые «суровые» статьи антитрестовских законов. Так, например, закон Клейтона, принятый в 1914 г., объявил незаконными поглощения других предприятий в тех случаях, когда эти поглощения приводят к «значительному ослаблению конкуренции» между компаниями или «ведут к образованию монополий в какой-либо отрасли коммерческой деятельности». Однако этот закон позволял одной компании скупать все активы другой компании, без приобретения акций последней. В одном из своих первых решений, связанных с практикой осуществления закона Клейтона, Верховный суд США подтвердил, что ограничения и запрещения, установленные этим законом, не распространяются на покупку заводов, оборудования и всякого имущества, принадлежащих другим предприятиям. Такое «либеральное» толкование закона Клейтона позволяет крупным корпорациям скупать имущество своих конкурентов, оставляя им акции, которые в данном случае превращаются в пустую форму.

В США был издан ряд законов, официально освобождающих многие монополии от действия «антитрестовских» актов. Так, по закону Вебба — Поммерна, изданному в 1918 г., «антитрестовские» ограничения не распространяются на экспортные объединения. Эти ограничения не касались также монополистических объединений, созданных при Ф. Рузвельте в 1933 г. по закону об Администрации по восстановлению промышленности. В 1948 г. конгресс США принял закон Рида — Балунника, освобождающий от действия «антитрестовского» законодательства монополистические соглашения о железнодорожных тарифах.

Верховный суд США отменил многие постановления о роспуске монополистических объединений. Так, например, Верховный суд в 1920 г. отменил постановление о роспуске крупнейшей стальной монополии «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», ссылаясь на то, что эта корпорация не обладает полной монополией и что гигантские размеры этой корпорации не являются «проступком» (offense) с точки зрения закона. Верховный суд США в 1927 г. отказался распустить крупнейшее объединение сельскохозяйственного машиностроения «Интернейшнл харвест компани», ссылаясь на то, что «наличие мощи, не прибегающей к давлению (unexerted power), не является проступком».

Следует отметить, что и в тех случаях, когда «антитрестовская» администрация добивалась роспуска некоторых монополистических объединений (например, «Стандард ойл» в 1911 г.),

эти решения имели формальный характер и вызывали только некую организационную перестройку монополий. Объединение формально объявлялось распущенным, но все прежние связи между предприятиями, входящими в него, сохраняли свою силу.

«Репрессии», которые иногда проводит «антитрестовская» администрация, представляют собой поистине булавочные уколы для монополий. Штрафы за монополистическую практику являются смехотворно низкими — всего лишь 5 тыс. долл. и до года тюремного заключения. За все время действия «антитрестовских» законов ни один из служащих корпораций не был заключен в тюрьму за нарушение этих законов. В начале 1950 г. под давлением монополий был отвергнут внесенный в конгресс законопроект, предусматривающий повышение максимального размера штрафа за нарушение «антитрестовских» законов с 5 тыс. до 50 тыс. долл. Штрафы, которые монополиям изредка приходится выплачивать, не идут ни в какое сравнение с их гигантскими прибылями. Неудивительно, что предъявление «антитрестовских» исков к корпорациям, как правило, не вызывает какого-либо беспокойства на бирже и не отражается на курсе акций соответствующих предприятий. Когда в 1949 г. правительство США под давлением общественного мнения предъявило иск к Дюпонам, то их акции продолжали так же высоко котироваться на нью-йоркской бирже, как и до сообщения о предъявлении этого иска.

Безрезультатность «антитрестовского» законодательства в США является настолько очевидной, что ее вынуждены констатировать многие буржуазные авторы. Немецкий буржуазный экономист Энгельман, участвовавший в специальной комиссии Западной Германии, посетившей США летом 1950 г. для обследования положения трестов, в работе, посвященной американскому «антитрестовскому» законодательству, вынужден был признать, что «принятие конгрессом закона Шермана явилось пустой формальной попыткой... успокоить общественное мнение, возмущенное засильем трестов». Рассматривая итоги судебных процессов против монополий, Энгельман констатирует, что для борьбы с трестами у правительства не было «ни воли, ни желания», что американские «антитрестовские» власти не имеют ничего общего с преследованием трестов в собственном смысле этого слова.

Некоторые буржуазные авторы, например Уэнделл Бердж, пытаются объяснить безрезультатность «антитрестовского» законодательства в США плохой работой «антитрестовской» администрации, недостатком людей и отпущенных на эту «деятельность» средств.

Совершенно очевидно, что причины этой безрезультатности лежат неизмеримо глубже — они коренятся в самой системе монополистического капитализма. Финансовая олигархия, держащая в своих руках государственный аппарат, никогда не позволит пред-

принять какие-либо серьезные действия, направленные против монополий. Она превращает любой «антитрестовский» закон в демагогический маневр, рассчитанный лишь на успокоение общественного мнения.

Многие буржуазные экономисты из наличия «антитрестовского» законодательства пытаются сделать вывод об отсутствии господства монополистического капитала в США. В действительности «результаты» или, вернее, полное отсутствие результатов этого законодательства является яркой демонстрацией могущества американских монополий.

Восхваление в американской буржуазной литературе «антитрестовского» законодательства и призыв к контролю над монополиями преследуют двойного рода задачи.

Во-первых, при помощи этого приема буржуазные экономисты пытаются укрепить иллюзию о том, что капиталистические монополии не всемогущи, что над ними господствует высшая, их контролирующая сила в лице государства.

Во-вторых, буржуазные деятели нередко вкладывают совершенно определенное, конкретное содержание в свой призыв к осуществлению контроля над монополиями — этот контроль они сводят к борьбе с ...профессиональными союзами. Для того чтобы подвести читателя к такому совершенно неожиданному выводу, американские буржуазные экономисты распростирают версию о том, что профессиональные союзы якобы представляют собой разнородность монополий. Когда речь заходит о пролетарских организациях, буржуазные экономисты достигают поистине рекордов в части измышлений: начав с утверждений о том, что профессиональные союзы представляют собой одну из форм монополий, некоторые буржуазные экономисты доходят до фантастических заявлений, будто профессиональные союзы являются самой мощной и наиболее агрессивной монополией. Так под прикрытием критики монополий подводится идеологическая база под требования о ликвидации профессиональных союзов или во всяком случае о значительном ограничении их деятельности.

Некоторые американские буржуазные авторы идут так далеко, что пытаются представить профессиональные союзы чуть ли не в роли главных инициаторов образования монополистических объединений. По этой версии, профсоюзные деятели в ряде случаев побуждают, а иногда и принуждают промышленных капиталистов входить в картельные и трестовские организации.

«Теория», отождествляющая профессиональные союзы с монополиями, используется для маскировки господства монополистического капитала. При помощи этого приема буржуазные экономисты пытаются взвалить ответственность за все бедствия капитализма на профессиональные союзы и отвести внимание от капиталистических монополий, всячески умаляя их роль и значение в современной капиталистической экономике, прикрывая фактиче-

ское господство и всемогущие подлинные монополии разговорами о мнимом господстве мнимых профсоюзных монополий.

К этому приему особенно охотно прибегает та группа буржуазных экономистов, которая облекается в тогу противников монополий и ревнителей свободной конкуренции. Типичными для этой группы являются работы Чарльза Линдблома⁴⁵. Линдблом подбирает материал таким образом, чтобы уверить читателя в том, что промышленные монополии не представляют серьезной силы, что они не так могущественны и устойчивы, как это кажется на первый взгляд. Главными монополиями, по Линдблomu, выступают профессиональные союзы, в них все зло, против них нужно направить основной огонь антимонполистической кампании. Так Линдблом пытается одним ударом разрешить две задачи — вывести из-под критики фактические монополии и оправдать меры, предпринимаемые против организаций рабочего класса, осуществляющих экономическую борьбу с монополиями.

Аргументация этих экономистов не блещет особой оригинальностью. Она повторяет софизмы буржуазных экономистов, которые обманывали рабочих иллюзиями о том, что организация профсоюзов приводит якобы к коренному улучшению положения рабочих, к устранению их экономической зависимости от капиталистов.

В пользу того софизма, что главной экономической силой в буржуазном мире выступают профсоюзы, приводятся весьма нехитрые аргументы, например ссылки на то, что промышленным монополиям приходится сталкиваться с конкуренцией субститутов, в то время как рабочая сила является совершенно необходимым элементом всякого производства и не может быть кем-либо заменена.

При этом буржуазные экономисты обходят тот факт, что капиталистические предприниматели имеют возможность изменять спрос на рабочую силу, заменяя при помощи механизации производства живой труд прошлым трудом. Точно так же они забывают о том, что в распоряжении капиталистов имеются всегда резервы свободной рабочей силы, которые позволяют предпринимателям диктовать свои условия рабочим. В обстановке общего кризиса капитализма, при наличии хронической массовой безработицы зависимость рабочих от капиталистов еще более усиливается. Как бы ни были хорошо организованы профессиональные союзы и как бы сплоченно они ни действовали, в условиях господства капиталистической частной собственности, они бессильны устранить диктатуру капиталистов и наемное рабство. Самое большее, на что могут рассчитывать профсоюзы, — это несколько ограничить чрезмерные притязания капиталистов, пытающихся довести потребление рабочих до голодного минимума и удержать заработную плату на уровне, близком к стоимости рабочей силы.

⁴⁵ Основные положения программы Линдблома изложены в кн. Charles E. Lindblom. Unions and Capitalism. New Haven, 1949.

Борьба, которую профессиональные союзы ведут против капиталистических монополий, самым очевидным образом демонстрирует, что профессиональные союзы по своей сути не только не являются организациями, аналогичными монополиям, а, наоборот, преследуют диаметрально противоположные цели. Основным содержанием деятельности монополий является обеспечение монопольно высоких прибылей, важнейшим источником которых выступает чрезмерная эксплуатация, обнищание и разорение рабочих. Профсоюзы борются прежде всего за то, чтобы ограничить эксплуатацию рабочих и тем самым ограничить важнейший источник монопольно высоких прибылей. Борьба профсоюзов и монополий выражает не конкуренцию двух организаций, преследующих одни и те же цели, а борьбу двух антагонистических классов, интересы которых диаметрально противоположны и борьба между которыми должна в конечном счете закончиться полной ликвидацией капиталистического класса.

Кампания против профсоюзов, ведущаяся под флагом борьбы с монополиями, преследует, конечно, своей целью не ослабление, а, напротив, максимальное усиление и укрепление капиталистических монополий, интересам которых угрожают профсоюзы.

Монополии США стараются максимально использовать «анти-трестовское» законодательство, объявляя профсоюзы монополиями и призывая использовать против них законы Шермана и Клейтона. Усиленная кампания в этом направлении развернулась с 1949 г. Среди организаций, принимающих в ней участие, фигурируют Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата Соединенных Штатов Америки. Именно по их просьбе сенатор А. Виллис Робертсон в январе 1950 г. внес законопроект, который предусматривает распространение на профсоюзы «анти-трестовских» судебных преследований, если профсоюзы «чрезмерно ограничивают работу основных отраслей промышленности». Для того чтобы облегчить проведение этого закона через конгресс, было сфабриковано дело по обвинению профсоюзов, в особенности Объединенного профсоюза горняков, в «монополистической» практике. Во время обсуждения законопроекта представители монополистического капитала выступили с яростными нападками на профсоюзы. Особенно резким нападкам подверглась практика заключения коллективных договоров. В своем заявлении перед комиссией конгресса президент стальной корпорации «Джонс энд Лафлин стил корпорейшн» бывший адмирал Бен Морилл откровенно выразил одну из главных целей, преследуемых при этом монополиями, — он призывал принять меры против профсоюзов на основе «анти-трестовских» законов с целью «уничтожения коллективных договоров, заключаемых в масштабе всей промышленности»⁴⁶.

Некоторые открыто договариваются до необходимости ликви-

дировать профсоюзы. Такова позиция Линдблума, автора специальной работы «Союзы и капитализм». «Главный тезис этой книги, — заявляет он, — что профсоюзное движение (unionism) и капитализм несовместимы друг с другом». Так всячески рекламируемая платформа «восстановления свободной конкуренции и борьбы с монополиями» прикрывает программу ликвидации профсоюзного движения, ликвидации тех скромных социальных завоеваний рабочего класса, которых он добился в упорной многолетней борьбе с буржуазией.

Тезис о монополистическом характере профсоюзов получил всеобщее распространение в современной буржуазной экономической литературе. Но отдельные авторы по-разному используют этот тезис. Одни пытаются при его помощи оправдать жестокие преследования профсоюзов, другие, не ограничиваясь этим, предлагают усилить использование монополиями оппортунистической верхушки профсоюзов. Наличие двух направлений по данному вопросу отражает две стороны отношения монополистического капитала к профсоюзам: борясь с рабочими массами, объединенными в профсоюзах, монополии в то же время устанавливают тесный блок с реакционной профсоюзной верхушкой, используя ее в качестве одной из своих важнейших опор.

В США существует ряд профсоюзов, которые прямо учреждаются монополиями, — так называемые «комнатейские» или предпринимательские профсоюзы. По данным обследования, проведенного организацией «Фонд двадцатого века», к 1935 г. около 2,5 млн. рабочих в США состояли в предпринимательских профсоюзах. Во многих случаях шипонские агентства предпринимателей засылают своих агентов в руководящие органы профсоюзов для того, чтобы подчинить их своему влиянию и развалить работу. Один из агентов «Корпорейшнс озгильери К^о», которому в 1935 г. удалось пролезть на пост секретаря местного отделения профсоюза рабочих заводов пишущих машинок в Хартфорде (штат Коннектикут), действовал так «успешно», что число членов этого отделения менее чем за год упало с 2500 до 75. В другой профсоюзной организации, в городе Флинт (штат Мичиган), где у руководства находились засланные предпринимателями шипоны, число членов упало с 26 тыс. человек в 1935 г. до 122 в 1936 г.⁴⁷

Кроме засылки своих шипонов в профсоюзные организации монополии при помощи всяческих подачек и различных форм подкупа подчиняют своему влиянию многочисленных функционеров профсоюзных организаций. А армия этих функционеров весьма обширна — около 15—20 тыс. функционеров работают в общенациональных профсоюзных организациях и примерно такое же число функционеров — в местных профсоюзных отделениях.

⁴⁶ Альберт Кап. Измена родине. Заговор против народа. М., ИЛ, 1950, стр. 190.

⁴⁷ Цит. по кн. «Монополии сегодня». М., ИЛ, 1951, стр. 108.

Для позиции большинства американских буржуазных экономистов характерна рецензия Дэнлопа на упомянутую книгу Линдблома. Дэнлоп основной недостаток этой книги усматривает в том, что «для Линдблома всякое профсоюзное движение является одним и тем же»⁴⁸. Дэнлоп пишет, что нужно различать профсоюзы и профсоюзы, что не со всеми профсоюзами нужно вести борьбу, что профсоюзы нужно привлечь на свою сторону и использовать в интересах монополий.

Более развернуто и откровенно эти мотивы выражены в работах Сличтера и Д. М. Кларка. Сличтер прямо пишет, что перед профсоюзами имеется двойная перспектива — выступать в качестве враждебной капиталу или сотрудничающей с ним организации. Не приходится говорить о том, что Сличтер целиком одобряет вторую перспективу. Основное назначение профсоюзов он усматривает в том, что последние «помогают строить более дружественное и основанное на сотрудничестве (cooperative) сообщество, в котором различные экономические группы лучше знают свои проблемы и проблемы других... и обладают большей способностью к совместной работе»⁴⁹.

Д. М. Кларк всячески расхваливает «сотрудничество» профсоюзов и монополий. Общество, по Кларку, должно строиться как федерация «организованных групп», в которые он включает монополии и профсоюзы⁵⁰. Не приходится доказывать, что рекомендуемая Кларком «федерация», или «сотрудничество», «организованных групп» имеет весьма своеобразный характер — она напоминает «сотрудничество» всадника и лошади. Смысл этой «федерации» в том, чтобы обезвредить профсоюзное движение, разложить его изнутри, поставить его целиком на службу монополистическому капиталу. Не случайно Кларк первейшим условием «благоустроенного общества» объявляет «развитие лучшей морали». А что понимают буржуазные идеологи под «лучшей моралью», давным-давно известно — это отказ пролетариата от революционной борьбы.

Как ни агитируют буржуазные деятели и их агенты в профсоюзном движении за «сотрудничество», эта агитация обречена в конечном счете на провал. Действие экономических законов капитализма толкает рабочих на усиление борьбы с капиталистами. Опыт повседневной жизни, растущее обнищание рабочих помогают рядовым членам профсоюзов освободиться от «теорий классового сотрудничества» и распознавать истинное лицо профсоюзных воротил. Об этом свидетельствует забастовочное движение в США. В 1935—1939 гг. среднее число забастовок в год состав-

ляло 2 862, а число бастующих — 1 125 тыс. человек. В 1945—1949 гг. соответствующие цифры равнялись 4 091 и 3 046 тыс. В 1950 г. число забастовок составило 4 843, а число бастующих — 2 440 тыс. Для 1951 г. соответствующие цифры равны 4 737 и 2 192 тыс., для 1952 г. — 5 117 и 3 540 тыс., для 1954 г. — 3 468 и 1 530 тыс.

Усиливающаяся классовая борьба между рабочими и буржуазией является самым очевидным и наглядным опровержением вымышленной буржуазными экономистами басни о гармонии классовых интересов, лежащей в основе всех других измышлений буржуазной политической экономии, в частности измышлений о монополистическом характере профессиональных союзов.

4. ПОПЫТКИ ОПРАВДАНИЯ ВОЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Империалистические войны и милитаризация народного хозяйства империалистических стран представляют собой один из важнейших методов обеспечения монополиями высоких прибылей.

Буржуазная апологетика заинтересована в том, чтобы всячески скрыть и завуалировать подлинную природу военной экономики капиталистических стран, представляющей собой, по ленинскому определению, «систематическое, узаконенное казнокрадство»⁵¹. С этой целью в буржуазной экономической литературе распространяются различные теории, приукрашивающие военную экономику капиталистических стран.

При этом применяются следующие приемы.

Во-первых, распространяется иллюзия, будто военная экономика имеет свои закономерности, отличные от экономических законов капитализма.

Во-вторых, буржуазные авторы пытаются уверить своих читателей в том, что в условиях военной экономики погоня за прибылью якобы перестает играть решающую роль для монополистов и отступает на задний план по сравнению с мотивами, продиктованными «национальными интересами», «военной необходимостью» и т. д.

В-третьих, военная экономика в изображении буржуазных авторов знаменует собой отрицание стихийных законов капиталистической экономики и переход к плановому хозяйству. Военная экономика рисуется как экономика, якобы свободная от антагонистических противоречий капитализма. С этим связано распространение в буржуазной литературе измышление о том, что военная экономика представляет якобы средство борьбы с безработицей.

⁴⁸ J. T. Dunlop. Unions and Capitalism, by Charles E. Lindblom. «American Economic Review», June 1950, p. 467.

⁴⁹ Sumner H. Slichter. The Challenge of Industrial Relations. Ithaca, 1947, p. 170—171.

⁵⁰ J. M. Clark. Alternative to Serfdom. N. Y., 1948.

⁵¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 315.

В основе всех этих приемов лежит характерная для буржуазной политической экономии внеисторическая постановка экономических вопросов. Буржуазные экономисты оперируют с абстрактным понятием «военная экономика». Они умалчивают о том, что в условиях общего кризиса капитализма, когда мир распался на две системы — социалистическую и капиталистическую, — нет единой военной экономики. Во время второй мировой войны наряду с военной экономикой капиталистических стран существовала социалистическая военная экономика СССР, имеющая другую социальную природу и подчиняющаяся другим закономерностям.

В условиях существования капиталистической и социалистической систем хозяйства становится особенно очевидным, что выяснение специфических черт военной экономики капиталистических стран возможно только на базе анализа действия общих законов капитализма. Игнорирование имманентной связи между военной экономикой капиталистических стран и действием экономических законов капитализма может привести только к общим, бессодержательным рассуждениям о военной экономике, без учета специфического своеобразия современной военной экономики капиталистических стран. Внеисторическая трактовка военной экономики на руку только защитникам монополий, ибо она маскирует заинтересованность финансового капитала в гонке вооружений и в развязывании войны.

Уже в период первой мировой войны в буржуазной литературе стала пропагандироваться версия, особенно охотно подхваченная правыми социалистами, будто военная экономика представляет собой выражение «военного социализма». Эта идея получила большее распространение в буржуазной литературе и во время второй мировой войны. Основной смысл этой «теории» сводится к тому, чтобы затушевать подчинение экономики капиталистических стран интересам монополистического капитала. С этой целью буржуазные экономисты распространяют легенду, что капиталистическая экономика во время войны якобы коренным образом меняет свой характер и свои закономерности. Так, английский буржуазный экономист Р. Кларк в работе «Экономическое напряжение войны», вышедшей в 1940 г., выдвигает положение о коренном отличии военной экономики капиталистических стран от экономики мирного времени. «Эти два типа экономики, — пишет он, — фундаментально различны»⁵². Версия о коренном изменении капиталистической экономики во время войны переплетается у Кларка с охотно муссируемой в буржуазной литературе версией о якобы решающей роли буржуазного государства во время войны. «Во время войны, — пишет Кларк, — правительство решает, что должно быть произведено. Государство делается диктатором в экономической области»⁵³.

⁵² R. W. Clark. The Economic Effort of War. L., 1940, p. 16.
⁵³ Ibid., p. 15.

В американской литературе такую же точку зрения развивал У. Огбэрн. В статье, опубликованной во время второй мировой войны, он писал: «Влияние войны на организацию нашей экономической жизни таково, что ее природа изменяется. Экономика свободного предпринимательства больше не существует. На ее место пришла, по крайней мере на время войны, другая, отличная от нее система, для которой еще нет общепринятого названия». Ее можно назвать, по словам Огбэрна, «военной экономикой», «управляемой экономикой» или «планируемой экономикой»⁵⁴. Огбэрн пытался представить, что в условиях военной экономики происходит якобы принципиальное изменение частной собственности в силу существования... налога на сверхприбыли. «Собственники, — писал он, — по-прежнему имеют законные права на собственность, — но если они не свободны делать с ней все, что хочется, а доходы от этой собственности до определенного пункта забираются у них, то это право уже не имеет того смысла, который обычно придается собственности»⁵⁵.

Весьма отчетливо эта точка зрения выражена в ноябрьском номере периодического издания «Анналы Американской академии политических и социальных наук» за 1951 г.:

«Наш опыт двух больших войн привел большинство людей к выводу, что мобилизация и реконверсия требуют расширения правительственной деятельности в области политики и экономики и противоположность концепции *laissez faire*. Свободный рынок не обеспечивает регулирования цен и распределения в специальных условиях мобилизации. Обычный принцип «спроса и предложения» не в состоянии направить сырье и рабочую силу для самых важных видов производства. Нормальное действие международной торговли оказывается нарушенным. Правительство начинает управлять значительно большим количеством операций, ранее не контролируемых. В результате появляются новые экономические силы, пробуждаются новые методы и возникает временно контролируемый экономический организм».

Сеймур Харрис изображает военную экономику как... отход от капиталистических принципов хозяйствования. «Война и огромные военные расходы, — пишет он, — являются, быть может, величайшей угрозой капиталистической системе... Атомная война, — продолжает Харрис, — приведет к значительно более жесткому контролю над экономикой по сравнению с тем, о котором говорилось выше. От капитализма не останется почти никаких следов»⁵⁶.

Вымысел о том, что военная экономика якобы уже не является капиталистической, защищается в ряде статей и книжек,

⁵⁴ W. F. Ogburn. The War State. — «Economic Problems of War and its Aftermath», edited by Ch. W. Wright. Chicago, 1942, p. 135—136.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ S. Harris. The Battle of the Budget. «Current History», May, 1954, p. 291.

посвященных военной экономике. Этот вымысел является лейтмотивом ряда работ, опубликованных за последние годы по вопросам милитаризации, например: сборника «Экономическая мобилизация и стабилизация», изданного Л. Чендлером и Д. Уоллесом, книги С. Харриса «Экономика мобилизации и инфляции», сборника «Война и оборонная экономика», под редакцией Бекмана, и др.

В действительности в основе военной экономики капиталистических стран лежат общие экономические законы, присущие капиталистическому способу производства. Какие бы изменения ни вносила война в экономику воюющих стран, она сама по себе не в состоянии изменить экономическую структуру общества, основные особенности способа производства и выражающие их экономические законы.

Война сама по себе не может устранить частную собственность на средства производства и необходимость для пролетариев продавать свою рабочую силу. Ликвидация капиталистических производственных отношений происходит только в результате социалистической революции.

Для подтверждения своих взглядов буржуазные экономисты ссылаются на факты усиления государственного вмешательства в экономику капиталистических стран в условиях войны и милитаризации народного хозяйства. Но никакое государство не может «отменять» экономические законы. Само вмешательство буржуазного государства в экономику осуществляется в интересах монополистического капитала и на основе действия экономических законов капитализма. Война и милитаризация народного хозяйства, порожденные в конечном счете погоней за прибылями, не могут ликвидировать причины, вызвавшие их.

Капиталистическая система хозяйства составляет основу военной экономики капиталистических стран и определяет ее организацию, методы покрытия военных расходов, распределение заказов, организацию работы на предприятиях и т. д. Сама война является фактором ускоряющим развитие всех противоречий и всех тенденций, заложенных в капиталистическом способе производства.

Военно-государственный монополистический капитализм, лежащий в основе военной экономики капиталистических стран, никоим образом не может рассматриваться как отрицание капитализма. В. И. Ленин в период первой мировой войны дал исчерпывающее разъяснение по этому вопросу. Ленин писал, что «самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной плановости, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают плановость, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производ-

ства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при капитализме, хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме»⁵⁷.

«...То, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»⁵⁸.

Наглядным опровержением буржуазных измышлений о якобы некапиталистическом характере военной экономики служит тот факт, что война и милитаризация хозяйства являются средствами громадного усиления и обогащения монополистического капитала. Это обстоятельство находит свое выражение в важнейших особенностях военной экономики капиталистических стран. Они могут быть сведены к следующим моментам:

1. Организация военного хозяйства построена таким образом, чтобы обеспечить руководящую роль воротилам монополистического капитала.
2. Выполнение военных заказов в условиях капитализма становится средством легализованного казнокрадства.
3. Монополии переносят весь риск и возможные убытки, связанные с послевоенной реконверсией, на государство. В связи с этим расширение производственных мощностей для военных нужд осуществляется в основном за счет государства.
4. Принудительное закрытие массы мелких и средних предприятий.
5. Перераспределение национального дохода в пользу монополий при помощи налогов, государственных займов и инфляции.
6. Установление принудительного режима труда, усиление эксплуатации рабочего класса и резкое снижение реальной заработной платы.

Основой военной экономики капиталистических стран являются крупнейшие монополистические объединения. Их представители образуют ядро военно-хозяйственных органов, при посредстве которых осуществляется распределение заказов на военную продукцию, снабжение предприятий сырьем и рабочей силой и другие мероприятия, входящие в систему так называемого экономического регулирования.

Важнейшей особенностью военной экономики является работа капиталистических предприятий на государство. Не приходится удивляться тому, что представители крупнейших монополий, занимающие господствующее положение в государственных военно-хозяйственных органах, подчиняют все развитие военной экономики

⁵⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 414.

⁵⁸ Там же, стр. 331—332.

своим собственным интересам. Это прежде всего отражается на распределении военных заказов.

По официальным данным, в США доля военного производства в продукции обрабатывающей промышленности составляла в 1943 г. 66%⁵⁹. Монополистические организации, заключавшие контракты с правительством на выполнение военных заказов, имели ряд очень важных привилегий. Им был гарантирован приоритет на получение дефицитных видов сырья, деталей, оборудования и т. д. Заключение крупных контрактов с правительством давало право монополистическим организациям расширять свои производственные мощности на крайне выгодных условиях с использованием больших налоговых льгот в соответствии с законом о пятилетней амортизации. После окончания войны эти же компании получили во владение наибольшую часть заводов, построенных государством; им было предоставлено преимущественное право покупки этих заводов.

С июня 1940 г. по сентябрь 1944 г. первичные контракты на сумму в 175 млрд. долл. были заключены с 18 539 корпорациями. Не менее $\frac{2}{3}$ этой громадной суммы (117 млрд. долл.) досталось 100 крупнейшим корпорациям, причем 30% стоимости контрактов, заключенных в течение этого периода, приходилось на долю десяти корпораций, 12% — еще десяти и 7% — еще десяти; таким образом, почти половина всей суммы контрактов (49%) досталась 30 наиболее крупным корпорациям⁶⁰. Компаниям, заключившим первичные контракты с правительством, было предоставлено право передавать на началах субконтрактов выполнение части заказов другим фирмам; эти компании единолично решали вопрос о составе субконтракторов и о том, какой приоритет должен быть им предоставлен в отношении дефицитных видов сырья и материалов. Система субконтрактов была использована монополиями как средство подчинения себе аутсайдеров. Обследованием 1943 г. было установлено, что 252 крупнейшие корпорации передали субконтрактами 34% полученных ими первичных контрактов (по стоимости), причем $\frac{3}{4}$ этой стоимости пришлось на долю фирм с числом рабочих более 500 человек. Отсюда следует вывод, что в качестве субконтракторов выступали преимущественно крупные фирмы. Правда, эти субконтракты прибегали в свою очередь к субконтрактам с более мелкими фирмами, которые получили около 22% первичных заказов. Однако в конечном счете доля фирм с числом рабочих до 500 человек в военных заказах составила менее 30%.

Тенденция к передаче большинства военных заказов наиболее мощным монополиям еще отчетливее проявилась после второй

⁵⁹ Сб. «Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике». М., Госпланиздат, 1947, стр. 14.

⁶⁰ Дж. Блэр, Х. Хаугтон и М. Роуз. Экономическая концентрация и вторая мировая война, стр. 36.

мировой войны. Это видно из следующих данных: 100 компаний получили 62% всех военных заказов, размещенных в течение первых двух лет войны в Корее, на долю 10 компаний пришлось 30% заказов и на долю одной компании, «Джелерал моторс», — 8%.

В послевоенный период правительство США стало широко применять систему так называемых картельных заказов (pooling orders). Правительственные органы, ведающие распределением военных заказов, ставят непосредственным условием получения этих заказов корпорациями вступление их в тот или иной пул или картель.

Одной из наиболее выгодных для монополий форм «работы на казну» является заключение военных контрактов на научно-исследовательскую работу. Львиная доля этих военных заказов попадает в руки самых мощных монополистических организаций. Тридцать крупнейших корпораций получили во время второй мировой войны 49% всех заказов (по стоимости) на научные исследования для военного ведомства, из них 10 корпораций — 30%.

Эти военные заказы имеют особое значение для усиления конкурентоспособности отдельных монополий, предоставляя им монопольное право обладания некоторыми патентами. Свыше 90% правительственных контрактов с частными промышленными лабораториями, заключенных во время второй мировой войны, предусматривали передачу соответствующим корпорациям права на патенты, связанные с использованием результатов исследований. «По существу, это означает, — признают авторы книги «Экономическая концентрация и вторая мировая война», — что крупные корпорации, осуществлявшие за счет государства большую часть промышленных исследований военного времени, будут иметь возможность с помощью патентов контролировать коммерческое применение результатов этих исследований»⁶¹.

Особое значение для американских монополий имели правительственные ассигнования на научные исследования, связанные с подготовкой производства атомных бомб.

Многочисленные факты, свидетельствующие о руководящей роли монополий в военной экономике капиталистических стран, полностью опровергают вымышленное буржуазными экономистами противопоставление военной экономики общим законам капиталистического хозяйства.

Но буржуазные экономисты из всех сил стараются «обосновать» идею о некапиталистическом характере военной экономики. Для этой цели прежде всего используется версия о том, что «мотив прибыли», как выражаются буржуазные авторы, в условиях военной экономики якобы потерял свою определяющую роль. Эта версия подчеркивается во всех буржуазных книгах и статьях,

⁶¹ Дж. Блэр, Х. Хаугтон и М. Роуз. Экономическая концентрация и вторая мировая война, стр. 72.

посвященных военной экономике. Ее повторяют и политические деятели. Так, руководитель Управления по экономической мобилизации в США во время второй мировой войны Дональд Нельсон говорил в июне 1942 г., что «мотив прибыли продолжает еще существовать, но не является более главным движущим мотивом».

Буржуазные экономисты пытаются всячески затушевать тот очевидный и бесспорный факт, что огромные субсидии, получаемые монополиями во время подготовки войны и в период войны, представляют собой средство обогащения монополистического капитала. Они представляют эти субсидии в качестве меры, продиктованной якобы стремлением к расширению производства и поддержанию цен на невысоком уровне. Так, например, авторы сборника «Война и военная экономика» изображают субсидии в виде вынужденных издержек, которые несет общество в целях расширения производства⁶². Они утверждают, что если бы государство не выплачивало субсидий капиталистам, то последние вынуждены были бы значительно поднять цены на военные материалы и вооружение, в результате чего военные затраты значительно повысились бы. Общество, заявляют эти авторы, должно выбирать между субсидиями и повышением цен, которое и означает еще большие военные издержки. Так субсидии изображаются в качестве наилучшего мероприятия, «гарантирующего минимальные военные издержки».

Буржуазные экономисты утверждают, что военная экономика якобы ни в какой мере не зависит от интересов капиталистических монополий и имеет целью лишь «рациональное использование ресурсов на случай войны». В основе этого явно апологетического вымысла лежит ложное противопоставление целей империалистической войны задаче получения монополиями высокой прибыли. В действительности погоня монополий за монопольно высокой прибылью является главным движущим мотивом всей политики империалистических государств.

Динамика прибылей американских монополий наглядно показывает, какая тесная зависимость существует между ростом прибылей и уровнем милитаризации хозяйства. В 1938 г. американские корпорации получили 3,3 млрд. долл. прибыли. С 1939 г., когда в США начинает усиленно развиваться военная промышленность, прибыли корпорации обнаруживают стремительный рост: в 1939 г. они достигли 6,5 млрд. долл., в 1940 г. — 9,3 млрд., в 1941 г. — 17,2 млрд., в 1942 г. — 24,1 млрд., в 1943 г. — 25,4 млрд., в 1944 г. — 24,3 млрд., в 1945 г. — 20,4 млрд. долл. В 1943 г. в США, как известно, был достигнут военный максимум производства. Не случайно этот год дал наиболее высокую сумму прибылей за период второй мировой войны.

⁶² «War and Defense Economics», by J. Backman and others. N. Y.—Rinehart. 1952, p. 83.

После небольшого снижения общей суммы прибылей в 1945—1946 гг., когда происходила частичная реконверсия американской промышленности, с 1947 г. снова начинается рост общей суммы прибылей. В 1947 г. они достигли 30,5 млрд. долл., а в 1948 г. — 33,9 млрд. долл. Этот рост капиталистической прибыли был связан с усиленной гонкой вооружений. После небольшого снижения суммы прибылей в 1949 г. (27,6 млрд. долл.), связанного с назревающим с конца 1948 г. экономическим кризисом перепроизводства, начинается новый колоссальный рост прибылей, обусловленный милитаризацией, развернувшейся после начала войны в Корее (25 июня 1950 г.). Общая сумма прибылей американских корпораций в 1950 г. достигла 39,6 млрд. долл. После начала войны в Корее и громадного усиления милитаризации сумма прибылей сразу выросла наполовину. В 1951 г. прибыли корпораций составили 41,2 млрд. долл., в 1952 г. — 37,2 млрд., в 1953 г. — 39,4 млрд. долл. Норма прибыли в обрабатывающей промышленности (до уплаты налогов), нечисленная комесней по торговле между штатами, повысилась с 18,5% в 1949 г. до 28,6% в 1951 г.

Следует отметить, что в то время как норма прибыли крупнейших корпораций обнаружила значительный рост, норма прибыли средних и мелких предприятий за эти годы снизилась. По данным федеральной торговой комиссии, отношение прибыли к стоимости реализованной продукции (profits on sales) после вычета налогов повысилось для крупных фирм (в число которых включаются все корпорации, имеющие капитал свыше 5 млн. долл.) с 11,6% в 1947 г. до 13,4% в 1951 г. В то же время для остальных фирм это отношение понизилось за те же годы с 9,5% до 7,8%.

Горстке крупнейших корпораций досталось в 1951 г. 86% всей прибыли предприятий обрабатывающей промышленности. На более высокая норма прибыли была у монополий, играющих ведущую роль в производстве вооружения. Отчеты «Дженерал моторс» показывают, что за год, окончившийся 30 сентября 1953 г., прибыль до вычета налогов составила 1 880 млн. долл., что соответствует норме прибыли в 71%. У химического треста Дюпонов норма прибыли за тот же период составила 46%, у «Дженерал электрик» — 61% за год, окончившийся 30 июня 1953 г.

Охарактеризованная выше зависимость между ростом прибылей и масштабами милитаризации экономики наглядно подтверждает тот факт, что военная экономика капиталистических государств подчинена основному экономическому закону современного капитализма.

Военная экономика обеспечивает капиталистическим предпринимателям не только устойчивый рынок в виде военных заказов, но и крайне выгодные условия реализации.

Война и милитаризация хозяйства создают условия для самого беззащитного использования средств государственного бюджета

в интересах монополий. В. И. Ленин дал беспощадную характеристику военной практике монополий. «Особенно крупные фирмы и банки, ссужающие деньги под операции с военными поставками, — писал он, — наживаются здесь неслыханные прибыли, наживаются именно казнокрадством, ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей»⁶³.

Ленин писал, что «война наполняет карманы капиталистов, которым течет море золота из казны великих держав»⁶⁴.

С развитием военной техники, с применением новых видов вооружения, с дальнейшим ростом моторизации войны, с небывалым ростом военной авиации и т. д. война становится все дороже, а это делает ее еще более доходной и прибыльной для капиталистических монополий. Ярким примером того, как современное развитие военной техники используется для обогащения монополий, является производство атомного оружия.

Производство вооружения открывает наиболее широкие возможности для казнокрадства, поскольку предметы вооружения не являются коммерческими товарами и цены на них не складываются на свободном рынке. При этих условиях монополии имеют возможность произвольно диктовать свои цены, заключая контракты с правительственными органами, во главе которых стоят... те же представители монополий.

В начале второй мировой войны американские монополии отказались переоборудовать свои предприятия для производства военных материалов, пока правительство не пошло на их ростовщические условия. В частности, крупнейшие автомобильные монополии «Дженерал моторс» и «Форд» тормозили перевод своих предприятий на выполнение военных заказов, продолжая выпускать легковые автомобили, ограничивая производство даже грузовиков. А крупнейшие сталелитейные корпорации создали в интересах повышения цен острую пехватку стали.

На протяжении всей войны, как и в мирное время, монополии последовательно держались капиталистического принципа: для наживы все средства хороши.

Этот факт вынуждена была признать комиссия конгресса по обследованию состояния национальной обороны, созданная под давлением общественного мнения. «Деловые круги... — отмечала эта комиссия — требовали, чтобы прежде чем колеса промышленности будут пущены в ход, были уточнены условия оплаты. Прибыли, налоги, займы и тому подобное представлялись им более важным делом, чем развертывание производства орудий, танков и авиационных моторов...

Выяснилось, что деловые круги не хотят работать для страны из расчета прибыли в 7—8%... Монополии подрывают обороноспо-

⁶³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 316.

⁶⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 336.

собность нации во время войны. Национальная оборона требует расширения производства; монополии стремятся к увеличению своих прибылей путем ограничения производства и сохранения высоких цен».

Используя все имеющиеся в их распоряжении средства, монополии добились очень выгодных для себя цен. В итоге, вынужден признаться Харрис, «цены, по военным контрактам чрезмерно выросли, а прибыли чрезвычайно повысились»⁶⁵.

Монополии скрывали у себя дефицитное сырье, нужное другим производителям, стремились заполучить его в больших количествах, чем это требовалось нуждами собственного производства, и держать у себя на складе «про запас» для черного рынка. Д. М. Кларк писал в 1944 г., что «приоритеты вскоре истощили все наличные запасы дефицитных материалов. Приоритеты стали представлять собой вид бумажной валюты с сильно выраженной тенденцией обесцениваться»⁶⁶.

Монополисты во время войны вели себя так бесцеремонно, что это вызвало нарекания со стороны ряда официальных комиссий. Выше приводилась оценка комиссии по обследованию состояния национальной обороны. Временная национальная экономическая комиссия, изучавшая вопрос о концентрации экономической мощи в США, следующим образом охарактеризовала положение во время второй мировой войны: «Нужно прямо сказать, что, когда во время войны или в иной критической обстановке правительству и общественным кругам приходится иметь дело с крупным капиталом, создается невозможное положение. Капиталисты отказываются делать что-либо иначе, как на условиях, которые они же сами диктуют. Они держат в своих руках природные ресурсы страны, ликвидные капиталы, командные позиции во всей экономике страны, техническое оборудование промышленности и производственный опыт. Уроки (первой) мировой войны — а они теперь, видимо, повторяются — говорят, что капиталисты согласятся пустить все это в ход только за «соответствующую плату». А по существу это шантаж...»⁶⁷

Монополистический капитал в условиях военной экономики использует для своего обогащения всякого рода льготы. Одной из важнейших льгот является закон об ускоренной амортизации основного капитала. Согласно этому закону предприятия получают скидку с налогов в размере амортизационных отчислений из расчета, что основной капитал окажется изношенным в течение пяти лет. Такой закон действовал в США во время второй мировой войны. После начала войны в Корее американские монополии

⁶⁵ S. Harris. Price and Related Control in the United States. N. Y.—L., 1945, p. 250.

⁶⁶ J. M. Clark. Demobilization of Wartime Economic Controls. N. Y.—L., 1944, p. 52—53.

⁶⁷ Альберт Кан. Измена родине. Заговор против народа, стр. 295—296.

добились в 1950 г. возобновления этого закона. На таких крайне выгодных условиях в настоящее время предоставляются военные заказы наиболее мощным монополиям. Фактически же срок не только физического, но и морального снашивания значительно превосходит установленный законом пятилетний срок амортизации, и предприятия возмещают стоимость основного капитала задолго до того, как он перестает функционировать.

В результате основной капитал, полностью амортизированный в стоимостном отношении, но фактически еще действующий, функционирует как даровая сила. Использование полностью амортизированной машины ничего не стоит капиталистам. Кроме того, этот закон дает им возможность укрыть от налогового обложения значительную часть военных сверхприбылей. Таким образом, как указывают составители 11-го сборника «Факты о труде», монополии недодают налогов по крайней мере на сумму в 2 млрд. долл. в год.

Неслыханное обогащение капиталистических монополий в условиях войны и милитаризации хозяйства наглядно демонстрирует полную несостоятельность утверждений о том, что военная экономика якобы сводит на нет значение «мотива прибыли».

Данные о государственном бюджете в условиях военной экономики с полной очевидностью раскрывают всю фальшь буржуазных теорий, утверждающих, что война и милитаризация будто бы приводят к «пивелировке» в распределении национального дохода.

Военная экономика капиталистических государств обеспечивает перераспределение национального дохода и национального богатства в пользу наиболее могущественных групп монополистического капитала. В этом перераспределении — смысл государственного «регулирования», составляющего неотъемлемую черту военной экономики в условиях капитализма. «Буржуа лгут, — писал Ленин, — выдавая за «контроль» государственно-плановые меры обеспечения тройных, если не десятикратных, прибылей капиталистам»⁶⁸.

Одним из методов приукрашивания военной экономики капиталистических стран является попытка изобразить ее как якобы «плановую экономику». Такой метод получил очень широкое распространение в буржуазной литературе. Многие буржуазные экономисты утверждают, что в условиях военной экономики будто бы перестают действовать стихийные экономические законы и что там осуществляется плановое хозяйство. Этот миф пропагандируют С. Чейз, Хансен, Берихем и др.

Версия о «плановом» характере капиталистической военной экономики, как и всякие теории «планового капитализма», построена на полном извращении представлений как о капитализме, так и о народнохозяйственном планировании. Буржуазные авторы

подводят под рубрику народнохозяйственного планирования всякие формы государственного вмешательства в экономику, в том числе и такие, как установление карточной системы, введение таке на некоторые виды товаров, регулирование условий договоров о продаже рабочей силы и т. д. При таком толковании народнохозяйственного планирования нетрудно усмотреть последнее в любых условиях капиталистического развития, в том числе в условиях военной экономики.

Так, например, авторы работы «Введение в военную экономику», изданной Броунским университетом, ссылаясь на военную практику рационализации сырья и других дефицитных товаров, делают вывод, что «на протяжении всей войны эта политика идентична с плановой экономикой»⁶⁹.

Реальная действительность опрокидывает разного рода теории «планового капитализма». Капитализм несовместим с плановым ведением хозяйства независимо от того, имеет ли место военная или мирная обстановка. Классики марксизма-ленинизма с полной очевидностью установили несовместимость планового хозяйства с капиталистическим способом производства. Частная собственность на средства производства, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения обуславливают конкуренцию и анархию капиталистического производства и исключают возможность планомерного развития экономики при капитализме.

Поскольку капиталистическая собственность и в условиях военной экономики является основой хозяйства и не только не ликвидируется, а, наоборот, расширяется и укрепляется, постольку сохраняются и еще более обостряются такие неотъемлемые черты капитализма, как конкуренция и анархия производства.

Конкуренция в условиях военной экономики наряду с обычными формами принимает многообразные новые формы. Она выражается в ожесточенной борьбе между отдельными монополиями за государственные заказы, за приоритеты в отношении снабжения сырьем, топливом, рабочей силой, за получение в аренду государственных заводов и последующую покупку этих заводов на наиболее выгодных условиях, за руководящую роль в военно-хозяйственных организациях. Председатель Управления по делам военного производства во время второй мировой войны Д. Нельсон писал: «По публикуемым сообщениям, может сложиться впечатление, что мы (т. е. монополисты. — Н. Б.), заседав в управлении, тратим большую часть времени на то, чтобы хватать друг друга за горло и бросать книжки»⁷⁰.

⁶⁹ «Introduction to War Economics», by Brown University Economists. Editor Alfred C. Neal. Chicago, 1942, p. 89.

⁷⁰ D. Nelson. Arsenal of Democracy. The Story of American War Production, p. XV—XVI.

⁶⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 29.

Планомерность народного хозяйства означает пропорциональность в развитии отдельных частей общественного производства. Такое пропорциональное развитие экономики несовместимо с капитализмом. Для капиталистической экономики характерна диспропорциональность между отдельными частями общественного производства. Она ведет к громадной растрате общественного труда и непроизводительному использованию средств производства.

Яркую иллюстрацию анархии капиталистического производства дает военная экономика США в период второй мировой войны. Американская промышленность вступила в войну с очень большим удельным весом неиспользуемых производственных мощностей. За их счет могла бы быть удовлетворена весьма значительная часть военных потребностей. Однако многие из существовавших до войны предприятий, в частности автомобильные, бездействовали или слабо использовались в годы войны.

Ряд заводов и оборудование многих цехов сохранялись в резерве для обеспечения предприятия возможности после войны быстро возобновить производство. В то же время государство затрачивало миллиарды долларов на постройку новых заводов, передававшихся для эксплуатации капиталистическим монополиям.

Часть огромных производственных мощностей, созданных в военные годы, оказалась излишней уже в период войны. Например, в США во время войны государство построило алюминиевые заводы с мощностью в 0,5 млн. т. В 1943 г. в США обнаружилось перепроизводство алюминия и 17 заводов было закрыто.

Следует отметить, что при планомерном ведении военного хозяйства та же промышленная продукция могла бы быть получена при значительно меньших затратах на новое строительство за счет более интенсивного использования предприятий. Между тем большинство военных заводов, на строительство которых государство затратило миллиарды долларов, использовались недостаточно эффективно.

Анархия производства, присущая всякому капиталистическому хозяйству, неизбежно обуславливает расточительность и другие пороки военной экономики капиталистических стран.

Апологеты военной экономики пытаются подкрепить миф о ее «плановом» характере ссылками на то, что во время войны значительно возрастают государственные капитальные вложения. Военная экономика изображается в буржуазной литературе как реализация пресловутой «смешанной экономики»⁷¹. В основе схем «смешанной экономики» лежит попытка противопоставить частнокапиталистические и государственно-капиталистические предприятия как якобы два принципиально отличных и даже противоположных типа производства, подчиняющихся различным закономерностям.

⁷¹ См. Stuart Chase. Goals for America. N. Y., Twentieth Century Fund, 1944, p. 132.

Практика военного хозяйства капиталистических стран демонстрирует тот бесспорный факт, что в эпоху империализма капиталистические монополии подчиняют себе государственный аппарат и что рост государственной собственности идет целиком на пользу монополистическому капиталу. То, что буржуазные экономисты пытаются представить как показатель усиления экономической роли буржуазного государства (увеличение государственной собственности), на самом деле есть прежде всего показатель роста силы монополий, предпочитающих брать в аренду государственные заводы на исключительно выгодных для себя условиях и при этом получать колоссальные прибыли без риска, связанного с новыми вложениями капитала.

Подавляющая часть заводов, построенных в США на средства государства во время второй мировой войны, была передана в аренду наиболее мощным монополиям. Во владении 168 концернов находилось 83,4% стоимости (9 326 млн. из 11 185 млн. долл.) всех производственных мощностей, принадлежащих государству и переданных для эксплуатации частным компаниям. 100 крупнейших корпораций эксплуатировали 75% правительственных заводов. Почти половина их (49,3% общей их стоимости) находилась в эксплуатации у 25 самых крупных корпораций. После войны правительство США передало или сдало в аренду крупнейшим корпорациям 53% (по стоимости) государственных предприятий, построенных за счет налогоплательщиков. Переданы монополиям и многие вновь построенные в послевоенный период военные предприятия.

Преимущественное расширение отраслей, обслуживающих военные нужды, за счет государственных средств составляет одну из характерных особенностей военной экономики капиталистических стран. Так, в США с июля 1940 по июнь 1945 г. доля частных затрат на расширение основного капитала обрабатывающей промышленности составила 25,6%, а доля государственных затрат — 74,4%, т. е. в 3 раза больше. Государственные затраты играли решающую роль не только в чисто военных отраслях, как, например, в производстве огнестрельного оружия, артиллерийского снаряжения, боеприпасов и т. д., но и в таких отраслях, как судостроение (91,4%), черная (57,8%) и цветная (75,8%) металлургия, производство синтетического каучука (93,7%). Частный капитал опасаясь, что по окончании войны возросшие производственные мощности могут оказаться излишними, отказывался брать на себя риск инвестиций даже в самые, казалось бы, рентабельные в военный период отрасли.

Монополии сочли более выгодным для себя переложить все расходы по строительству новых предприятий на государство и эксплуатировать эти предприятия на арендных началах. Тем более, что государство предоставляло эти предприятия в аренду на самых выгодных для монополий условиях. В отличие от обычных

арендаторов; арендаторы государственных заводов не несли и не несут никакого производственного или финансового риска. Все расходы включались в цену продукции, продаваемой государству, которое часто являлось единственным ее покупателем. Государство оплачивало даже расходы на арендную плату. Таким образом, монополии фактически даром получали в свое пользование заводы, построенные за счет казны.

Аренда государственных заводов стала источником острой борьбы между монополиями. Наиболее мощные монополии захватывали в свои руки аренду большинства заводов, построенных за счет государства. Так, например, в алюминиевой промышленности США из 9 заводов, построенных за время войны на государственные средства, 8 заводов эксплуатировались наиболее мощной компанией «Алюминум компани оф Америка» и только один завод был передан в аренду сравнительно маломощной «Алюминум индастри». Аренда государственных заводов во время войны оказалась для монополий наиболее прибыльным делом.

В некоторых случаях монополии эксплуатировали государственные заводы, общая стоимость которых значительно превышала стоимость собственных заводов этих монополий. Крупнейшая корпорация «Дженерал моторс» затратила на расширение собственного производства 93,6 млн. долл. и эксплуатировала заводы, построенные за счет государства, стоимостью в 802,9 млн. долл. Стоимость государственных заводов, находившихся в аренде у «Дженерал моторс», почти вдвое превышала стоимость заводов, которыми эта монополия располагала до войны. Другая автомобильная компания, «Крейслер корпорейшн», к 1944 г. управляла заводами, стоимость которых почти в 4 раза превышала стоимость ее довоенных заводов. Увеличение производственных мощностей, находившихся в распоряжении этой компании во время войны, произошло главным образом за счет новых заводов, построенных на средства государства.

Монополистические организации были заинтересованы в громадных государственных затратах на расширение производственных мощностей в ряде отраслей также и потому, что они надеялись после войны получить в собственность за бесценок принадлежащие государству предприятия и оборудование. Крупные корпорации США еще до окончания второй мировой войны проводили в прессе и в парламенте энергичную кампанию за ликвидацию государственной собственности. Часто монополии имели возможность непосредственно принуждать правительственные органы к распродаже принадлежащих государству предприятий. Дело в том, что в ряде случаев новые сооружения — доменные, сталеплавильные и другие цехи — воздвигались на площадках частных предприятий. По истечении срока договора эти компании потребовали «освобождения» их территории от сооружений принадлежащих государству. Но домну или какой-либо цех нельзя «убрать» без больших допол-

нительных расходов. Требования корпораций об «освобождении» их территории служили предлогом для продажи государственных предприятий. Не приходится удивляться, что условия этой продажи были очень выгодными для монополий.

Даже те государственные заводы, которые создавались как самостоятельные производственные единицы, находились в тесной технической связи с частными предприятиями. Например, все построенные за счет государства доменные печи (кроме одной) строились при сталеплавильных заводах, принадлежащих частным компаниям, которые получали право на приобретение доменных печей на наиболее выгодных условиях.

Во многих случаях государственные предприятия буквально продавались за бесценок. Так, гигантский металлургический завод в Жене (штат Юта), строительство которого обошлось государству в 191 млн. долл., был продан «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» за 47,5 млн. долл., т. е. за четверть его первоначальной стоимости. Та же корпорация приобрела государственные предприятия в Пенсильвании (Бреддон, Хомстед и др.) за 65 млн. долл., из которых только одно (в Хомстеде) обошлось правительству в 99,5 млн. долл. Другая корпорация в металлургической промышленности, «Ринаблик стил корпорейшн», купила крупнейший в США электрометаллургический завод в Саус-Чикаго, стоивший государству 92 млн. долл., за 35 млн. долл.

Буржуазные экономисты в интересах приукрашивания военной экономики капиталистических стран распространяют версию о том, что эта экономика знаменует собой якобы ослабление социально-классовых противоречий. Английский буржуазный экономист Р. Кларк, наиболее последовательно развивающий мысль о якобы фундаментальном различии между военной и мирной капиталистической экономикой, выступал с утверждением, что в условиях войны происходит якобы «революция в отношении моральных ценностей». «В мирное время, — пишет Р. Кларк, — человек, который обогащается за счет чрезмерного (sweating) труда, женского труда и продажи недоброкачественных товаров по чрезвычайно высоким ценам, может получить влияние; во время войны он рассматривается как враг народа»⁷². Р. Кларк рисует милитаризованную экономику как систему некоего «военного коллективизма»⁷³.

Нетрудно показать, что это картина «военного коллективизма» далека от действительности. На самом деле милитаризация экономики в условиях капитализма имеет своим непосредственным результатом обострение классовых противоречий, усиление абсолютного и относительного обнищания трудящихся. Это осуществляется как на основе усиления эксплуатации рабочих в самом производственном процессе, так и посредством налогового и инфляционного ограбления трудящихся.

⁷² R. W. Clark. The Economic Effort of War, p. 17.

⁷³ Ibid., p. 16.

Важнейшей чертой военной экономики капиталистических стран является повышение степени эксплуатации трудящихся на основе милитаризации труда, установления каторжного режима на предприятиях, увеличения продолжительности рабочего дня и интенсификации труда. Усиление военно-полицейского угнетения трудящихся в условиях военной экономики позволяет предпринимателям выколачивать из рабочих более высокую норму прибавочной стоимости. Монополии используют военный режим для запирения стачек, замораживания заработной платы, лишения рабочих их элементарных прав, для осуществления хищнической эксплуатации рабочих.

Усиление эксплуатации рабочего класса в условиях военной экономики способствует широкое применение женского и детского труда, непосредственно связанное с милитаризацией хозяйства. В 1944 г. число женщин, занятых в производстве в США, увеличилось до 19 110 тыс. человек по сравнению с 13 млн. в 1940 г. В главных военных отраслях промышленности (металлообрабатывающей, химической и резиновой) число занятых женщин за период 1940—1944 гг. увеличилось на 46%. Женский труд в капиталистических странах, как известно, оплачивается ниже, чем мужской труд той же квалификации. Монополии стараются использовать военную или предвоенную ситуацию для широкого привлечения в производство более дешевой женской рабочей силы. Такое широкое применение женского труда имело место в США во время второй мировой войны, несмотря на наличие там в эти годы безработных взрослых мужчин.

В начале послевоенного периода произошло некоторое снижение удельного веса женского труда. Однако в последние годы, в связи с усиленной милитаризацией, снова возрос спрос на женский труд. В 1952 г. число работающих женщин в США достигло 20,4 млн. В промышленности США было занято свыше 4,5 млн. женщин. Их заработная плата в среднем была на 39% ниже заработной платы мужчин. Это принесло монополиям в одном только 1950 г. по крайней мере 5,4 млрд долл. прибыли.

Наряду с женским трудом источником добавочной эксплуатации является крайне низко оплачиваемый детский труд. В апреле 1944 г. в производстве США было занято около 3 млн. подростков от 14 до 17 лет — на 2 млн. больше, нежели в 1940 г. В середине 1951 г. в промышленности, на транспорте и в торговле было занято около 2,5 млн. подростков.

Важнейшим методом повышения степени эксплуатации рабочих в условиях военной экономики является снижение реальной заработной платы.

По данным, приведенным в 11-й книге «Факты о труде»⁷⁴, в которых не учтен рост интенсивности труда, реальная заработная

⁷⁴ Сборник «Факты о труде» периодически издается прогрессивной Американской ассоциацией по исследованию проблем труда.

плата американских рабочих уменьшилась с 1950 по 1952 г. на 5%. Если же учесть новышение интенсивности труда, то окажется, что фактически реальная заработная плата упала значительно ниже. Доля трудящихся в национальном доходе, по тем же данным, систематически падает: так, например, с 54% в 1923 г. она снизилась до 42% в 1951 г.

Наряду с усилением интенсификации труда и ухудшением условий труда рабочих милитаризация экономики сопровождается финансовым ограблением трудящихся. Монополистический капитал взваливает на трудящихся бремя финансирования войн и милитаризации экономики.

У буржуазного государства имеются три основных источника покрытия своих расходов — налоги, займы и инфляция. В современных условиях инфляция в США является результатом, в частности, роста государственного долга.

Финансирование военных расходов при помощи государственных займов представляет большие удобства для монополистического капитала. Во-первых, оно приносит гарантированные и высокие проценты владельцам облигаций государственных займов. Во-вторых, оно является в социальном отношении менее опасным методом, нежели финансирование при помощи налогов и инфляции (непосредственно отражающихся на покупательной способности трудящихся масс). Финансирование военных расходов при помощи государственных займов также ведет к росту налогов и усилению инфляционных процессов, но эти последствия сказываются не сразу.

Задача буржуазной апологетики заключается в том, чтобы затуманить эти последствия роста государственного долга и изобразить дело так, будто рост государственного долга не затрагивает интересов трудящихся.

Одним из наиболее распространенных в американской буржуазной литературе идеологических маневров является восхваление государственного долга как фактора, якобы стимулирующего рост производительных сил, увеличение национального дохода и предохраняющего тем самым экономику от инфляционных процессов. Эта, по выражению Г. Моултона, «новая философия государственного долга» является типично американским вариантом апологии инфляционной практики.

Споры вокруг вопроса о государственном долге занимают большое место в американской буржуазной экономической литературе.

Это не случайно. Дело в том, что государственные займы, непосредственно ведущие к увеличению государственного долга, сыграли крупнейшую роль в финансировании первой и второй мировых войн.

Авторы проектов усиленной милитаризации настаивают на значительном увеличении государственного долга США. Так, например, профессора Стенфордского университета Т. Шитов-

ский, Э. Шоу и Л. Таршис предлагали довести государственный долг к 1956 г. до 750 млрд. долл.⁷⁵, т. е. увеличить его почти втрое.

Под флагом восхваления якобы положительной народнохозяйственной роли государственного долга в буржуазной литературе фактически проводится восхваление и возвеличивание военных расходов и затрат.

Американские буржуазные экономисты прибегают к разным софизмам для того, чтобы продемонстрировать эту мнимую благотворную роль государственного долга. Одним из таких софизмов является довод, к которому прибегают Хансен, Харрис, Лернер и другие сторонники «новой философии государственного долга», о том, что государство, располагая неограниченным кредитом, якобы может не платить по своим долгам, систематически возобновляя свои долговые обязательства. Если вдуматься в содержание этого «довода», то он означает ни более, ни менее, как защиту государственного банкротства, возведенного в систему.

Другой ходячий «аргумент» откровенных защитников программы форсирования государственного долга сводится к заявлению, что поскольку общество включает в себя как владельцев облигаций государственных займов, так и плательщиков процентов по этим займам, то для общества в целом активы и пассивы по государственным займам взаимно покрывают друг друга и оно ничего не теряет от возрастания государственного долга.

Это типичный прием буржуазной апологетики, представляющий собой попытку скрыть классовый характер и различные для отдельных классов последствия экономических процессов. Буржуазные экономисты тщательно обходят тот основной факт, что рост государственного долга по-разному влияет на положение отдельных классов. На трудящихся, составляющих основную массу налогоплательщиков, падают все финансовые тяготы. Уже сейчас налогоплательщики в США уплачивают ежегодно в виде процентов по государственному долгу громадную сумму, превышающую 5 млрд. долл. За 1946/47—1950/51 г. правительство США уплатило процентов по государственному долгу 26,9 млрд. долл.

В то же время рост государственного долга является источником крупных доходов для капиталистов. Достаточно сказать, что сумма процентов по государственным займам, выплачиваемая ежегодно в послевоенный период, превышает размер прибылей всех корпораций в 1938 г. Для финансовых дельцов государственный долг представляет весьма выгодный бизнес. «Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруд-

⁷⁵ T. Scitovsky, E. Show, L. Tarshis. Mobilizing Resources for War. N. Y., 1951.

нениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность...»⁷⁶

«Новая философия государственного долга» призвана оправдать дополнительное ограбление трудящихся масс капиталистическими монополиями через государственный бюджет. Буржуазные экономисты замалчивают и то, что рост государственного долга сопряжен с инфляционными последствиями. Облигации государственных займов обладают способностью к обращению. Они являются одним из важнейших средств обеспечения банкнот, выпускаемых американскими банками, и открываемых ими текущих счетов. В США в годы второй мировой войны значительная часть государственного долга была фактически оплачена деньгами, созданными банками. Именно это явилось главным фактором, обусловившим огромное увеличение массы денежных средств в обращении.

Американские буржуазные экономисты пытаются отгородиться от этих неприятных фактов при помощи распространения версии о том, что США, мол, вообще не подвержены инфляции. Это особый вариант «теории американской исключительности». Проповедником этого вымысла, в частности, выступает Хансен. Он заявляет, что «инфляционные опыты примитивных и бедных стран с их слабой налоговой силой и ограниченными возможностями сбережений и банковского дела не касаются проблем государственного долга стран, подобных Соединенным Штатам»⁷⁷. Хансен пытается уверить читателей в том, что Соединенные Штаты якобы «не являются страной, чувствительной к инфляции»⁷⁸.

Действительность полностью опровергла эти утверждения.

Наряду с государственными займами крупнейшим источником финансирования военных расходов являются налоги. В послевоенный период милитаризация привела в США к небывалому усилению налогового пресса.

Общая сумма налогового обложения в США (имея в виду все федеральные налоги) увеличилась в 1952/53 г. по сравнению с 1937/38 г. (с учетом обесценения валюты) в 6 раз, а прямые налоги с населения — в 12,4 раза. Удельный вес налогов в национальном доходе США возрос с 20,3% в 1937/38 г. до 34,3% в 1952/53 г.⁷⁹. Особое значение имеет то обстоятельство, что в течение рассматриваемого периода резко увеличилось налоговое бремя, падающее на низкооплачиваемые группы населения. Если перед войной, в 1939 г., на долю налогоплательщиков с облагаемым доходом до 5 тыс. долл. приходилось менее 10% общей суммы федерального

⁷⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 758.

⁷⁷ A. Hansen. Inflationary Potentialities of the Public Debt.— «Curbing inflation through Taxation». N. Y., 1944, p. 49.

⁷⁸ A. Hansen. Economic Policy and Full Employment. N. Y. — L., 1947, p. 12.

⁷⁹ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 150—151.

индивидуального подоходного налога, то в 1948 г. та же группа выплатила свыше 50% общей суммы этого вида налога. По данным, собранным Налоговым фондом, финансируемым предпринимателями, в 1954 г. налоги составляли почти треть доходов семей с низкими доходами⁸⁰.

Объявляя высокие налоги методом борьбы с инфляцией, многие буржуазные экономисты откровенно пропагандируют необходимость дальнейшего повышения налогов с трудящихся. Лернер, Харрис и другие американские экономисты выдвигают в защиту подобного рода предложений следующую «аргументацию»: у групп налогоплательщиков с наименьшими доходами «склонность к потреблению» якобы выше, чем у богатых, которые затрачивают на потребление меньшую долю своего дохода, а большую часть его «сберегают».

Эта «аргументация» совершенно несостоятельна. Если целью налогов действительно должно служить изъятие части избыточных покупательных средств, то, очевидно, изымать их следует у тех групп населения, у которых они действительно имеются в избытке, — у капиталистов, а не у трудящихся, едва-едва сводящих концы с концами.

Увеличение налогов на трудящихся не может предупредить инфляцию, но оно, бесспорно, усиливает и без того глубокое противоречие между производственными возможностями капитализма и ограниченными рамками потребления, непосредственно ведущее к экономическому кризису перепроизводства.

Таков конечный итог всех методов финансирования милитаризации в условиях капитализма.

В ряде работ, опубликованных за последние годы, специально посвященных вопросам финансирования гонки вооружений и рассчитанных на узкий круг монополистов и подчиненных им правительственных чиновников, содержится прямой призыв к максимальному завычиванию налогового пресса, к еще большему ограничению личного потребления населения. В этом отношении характерна коллективная работа, изданная в США в 1951 г. профессорами Чэндлером и Уоллесом «Экономическая мобилизация и стабилизация»⁸¹. Считая нынешний уровень военного производства США «явно недостаточным», авторы этой работы выдвигают программу интенсивной гонки вооружений и в качестве первоочередной задачи требуют повысить ставки налогов, расширить число налогоплательщиков, увеличить к 1956 г. почти втрое размер государственного долга.

Один из участников этой коллективной работы, профессор Колумбийского университета Харт, требует увеличение налогов производить исключительно за счет самых бедных слоев населения.

Он предлагает понизить до 400 долл. границу необлагаемого дохода и увеличить на 10—20% налоговые ставки для низших групп налогоплательщиков⁸².

Редактор сборника Уоллес призывает завысить налоговый пресс до «политически возможного предела», т. е. довести налоги до того максимума, который не угрожал бы социальными потрясениями. Уоллес спешит разъяснить, что речь идет не о повышении налогов на прибыль. Он ратует за то, чтобы налоги «не повредили побудительным мотивам, необходимым для военной программы»⁸³. «Налоги на корпорации, — добавляет он, — не приведут к уменьшению инфляции».

В наиболее откровенной форме призыв к увеличению налогового обложения трудящихся выражен в статье американского буржуазного экономиста Ролфа в следующих словах: «Чтобы противодействовать давлению инфляции путем налогового обложения, надо брать деньги у людей, которые в противном случае истратили бы их. Если же, руководствуясь ложными понятиями о справедливости, мы будем нежничать с такими группами, то они всячески будут вздывать цены... А если к тому же учесть, что более богатые группы населения не сокращают значительно свои расходы на каждый доллар налоговых поступлений, то отсюда, по-видимому, следует, что более тяжелые налоги на слои с более низкими доходами становятся единственной эффективной альтернативой более высоких цен на предметы, в которых они нуждаются»⁸⁴.

Работы американских буржуазных экономистов, посвященные проблеме экономической мобилизации, содержат программу резкого снижения жизненного уровня трудящихся. Весьма отчетливо этот мотив выступает в книге «Мобилизация ресурсов для войны», написанной профессорами Стенфордского университета Т. Шитовским, Э. Шоу и Лори Таршином. Они предлагают к 1956 г. «сократить число наемных работников в сфере гражданского производства с 53,7 млн. до 27,9 млн. человек, а размеры потребления гражданского населения — с 183 млрд. долл. в 1950 г. до 124 млрд. в 1956 г.». По подсчетам этих авторов, размеры потребления на душу населения в 1955 г. должны снизиться до уровня кризисного 1932 г., потребление продовольствия на душу населения в ближайшие 4—5 лет должно уменьшиться на 1/4. Кроме того, Шитовский, Шоу и Таршин предлагают сократить расходы на медицинскую помощь и народное образование.

По программе, намеченной этими экономистами, в 1955 г. должно было изыматься в виде налогов 60% личных доходов населения. Ясно, что реализация такого предложения означала бы катастрофическое падение жизненного уровня трудящихся США.

⁸² Ibid., p. 543.

⁸³ Ibid., p. 480.

⁸⁴ E. R. Rolph. Equity Versus Efficiency in Federal Tax Policy. «American Economic Review», May, 1950, p. 394.

⁸⁰ «12 Labor Fact Book», p. 21.

⁸¹ «Economic Mobilization and Stabilization», edited by Lester Chandler and Donald Wallace. N. Y., 1951.

Призыв к снижению жизненного уровня трудящихся выражен и в новейшей работе Сеймура Харриса «Экономика мобилизации и инфляция». «Что требуется, так это снижение жизненных стандартов»⁸⁵, — заявляет Харрис.

Харрис пытается мобилизовать все приемы вульгарной политической экономии для «обоснования» своего главного практического предложения. Он ссылается на вымышленный буржуазными экономистами «закон убывающей производительности труда и капитала». При помощи этой явно надуманной и давно разоблаченной в марксистской литературе схемы Харрис пытается уверить читателя, что дополнительные рабочие, втянутые в производство в связи с милитаризацией хозяйства, являются якобы менее производительными и должны получать поэтому более низкую заработную плату. «Экономика», — пишет он, — отправляясь в 1950 г. от высокого уровня занятости, и поэтому вновь нанимаемые в начале 50-х годов добавочные рабочие в целом были менее эффективными рабочими, нежели те, что были заняты в 1950 г.»⁸⁶

Харрис не удовлетворяется ссылкой на вымышленный «закон убывающей производительности». Он требует снижения заработной платы даже при наличии повышения производительности труда и роста стоимости жизни. «Необходимость стабилизации доходов... — пишет он, — является аргументом против регулирования заработной платы в ответ на рост стоимости жизни или какие-либо улучшения в методах производства»⁸⁷.

Особое место в ряду мероприятий по снижению жизненного уровня трудящихся Харрис отводит налоговой политике. «Налоги, все больше налогов, — заявляет он, — вот в чем мы теперь нуждаемся и будем нуждаться еще в большей степени по мере продолжения мобилизации»⁸⁸. Он прямо призывает к тому, чтобы «атаковать» личные доходы американцев. При этом он разъясняет, что сокращение личного потребления коснется главным образом тех слоев населения, доходы которых не превышают 5 тыс. долл., т. е. основной массы населения.

В обстановке милитаристского психоза восхваление «благотворной» роли милитаризации народного хозяйства и призывы к ее дальнейшему усилению получили широкое распространение в американской буржуазной литературе.

Однако некоторые трезвые буржуазные экономисты, учитывая рост недовольства масс в связи с тяготами, вызываемыми милитаризацией экономики и гонкой вооружений, высказывают тревогу по поводу социальных последствий перевода экономики на военные рельсы. В этом отношении представляет большой интерес высказы-

вание в сборнике «Как исправить капитализм», о том, что усиленная милитаризация экономики чревата гибельными последствиями для капиталистической системы. «Существует прямой конфликт между максимумом военного бюджета... и будущим капитализма. Другими словами, можно убить капитализм, привлекая слишком много его экономических ресурсов для подготовки военного убийства»⁸⁹, — утверждают авторы этого сборника.

За последнее время под давлением масс, борющихся за мир и ослабление напряженности в международных отношениях, в американской буржуазной прессе стали появляться статьи, призывающие к мирному разрешению международных конфликтов и осуждающие лихорадочную гонку вооружений. «Стремление к миру, — писала влиятельная американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в июле 1955 г., — это сильнейшая страсть в современной Америке». «Народ в здешних краях и, вероятно, во всей стране, — заявил корреспонденту Ассошиэйтед Пресс крупный предприниматель и фермер из Айовы, — чертовски устал от разговоров о войне и международной напряженности»⁹⁰.

Однако империалистические круги, боящиеся смягчения международной напряженности, по-прежнему поддерживают открытое оправдание военной экономики в американской прессе и литературе.

5. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КРИТИКА МОНОПОЛИЙ

С критикой монополистического капитала выступают сторонники мелких и средних фирм, мечтающие о давно прошедших днях свободной конкуренции. Работы этой группы экономистов характеризуют современный этап мелкобуржуазной политической экономии.

Мелкобуржуазная политическая экономия в эпоху империализма значительно отличается от экономических теорий Сисмонди и Прудона, определивших лицо мелкобуржуазной политической экономии периода домонополистического капитализма. Это изменение обусловлено в первую очередь тем, что в эпоху империализма основную угрозу самостоятельности мелких предприятий представляют капиталистические монополии.

В отличие от Сисмонди, усматривавшего в системе свободной конкуренции первоисточник всех бедствий капитализма, современные мелкобуржуазные экономисты пропагандируют такие мероприятия экономической политики, которые должны якобы обеспечить возврат к свободной конкуренции.

Внешне аргументация современных мелкобуржуазных экономистов совпадает с аргументацией монополистических идеологов

⁸⁵ S. Harris. The Economics of Mobilization and Inflation. N. Y., 1951, p. 212.

⁸⁶ Ibid., p. 10.

⁸⁷ Ibid., p. 12.

⁸⁸ Ibid., p. 115.

⁸⁹ D. M. Keezer and Others. Making Capitalism Work, p. 286.

⁹⁰ Цит. по газете «Правда», 1 августа 1955 г.

свободного предпринимательства — и те и другие апеллируют к принципу свободной конкуренции. Но за этим внешним тождеством скрывается существенное различие: первые при помощи этого принципа пытаются оправдать свободное хозяйничанье монополий, вторые рисуют монополии в качестве главного противника свободной конкуренции. «Картели, — заявляет Уэнделл Бердж, один из видных мелкобуржуазных критиков монополий, — представляют собой величайший вызов американской системе свободного предпринимательства»⁹¹.

Мелкобуржуазные критики монополий заостряют свое внимание на противоречии между руководителями корпораций, владеющими контрольными пакетами акций, и массой мелких акционеров. С наиболее развернутой критикой в этом направлении выступили американские писатели Берли и Минс. В своей книге «Современная корпорация и частная собственность» они на большом фактическом материале иллюстрируют различные формы и способы экспроприации мелких и средних держателей акций. Берли и Минс подчеркивают, что владельцы большей части акционерного капитала в силу распыленности их собственности потеряли всякий контроль над ведением дел в акционерных предприятиях. Руководители корпораций нередко владеют небольшим процентом акционерного капитала, и это не мешает им безраздельно господствовать над данной корпорацией. «Владелец большинства акций компаний, стоящий на вершине пирамиды, — отмечают Берли и Минс, — может обладать почти полным контролем над всей пирамидой собственности как единственный владелец, хотя доля его владения составляет менее 1% всей массы контролируемой собственности»⁹².

Наряду с защитой интересов мелких и средних рантье мелкобуржуазные критики монополий выступают с защитой самостоятельности мелких и средних предпринимателей, попадающих в зависимость от монополистического капитала. В литературе этого направления бичуются методы, применяемые монополиями для подавления аутсайдеров, — лишение их сырья, организация бойкота со стороны сбытовых фирм, заключение торговых соглашений, исключающих конкуренцию, отказ в выдаче патентных лицензий или в разрешении на доступ к технической информации, война цен в местном масштабе, возбуждение клеветнических судебных дел и т. д.

В работах мелкобуржуазных критиков монополий собран богатый фактический материал, демонстрирующий, как монополистический капитал превратился в главное препятствие для развития производительных сил и технического прогресса. Ими отмечено много важных и интересных фактов, подтверждающих хищ-

ническую практику картелей, синдикатов, трестов. Но вместе с тем необходимо отметить, что мелкобуржуазные экономисты дают критику монополий с реакционных, мелкобуржуазных позиций. Они не понимают или не хотят понять, что монополистический капитализм вырос на почве старого, домонополистического капитализма, что он является неизбежным результатом законов капиталистического развития. Они мечтают о возврате к капитализму свободной конкуренции и выступают как принципиальные противники социалистической революции.

Некоторые представители этого направления главный порок монополий усматривают в том, что их господство возбуждает недовольство масс и тем самым создает угрозу для существования капитализма. Так, Л. Брандейс в книге под характерным заглавием «Проклятие величин» (речь идет о чрезмерно крупных размерах монополистических предприятий и их объединениях) много распространяется о «социальной опасности», которой чревато засилье монополий и в особенности взвешивание цен, приводящее к снижению жизненного уровня населения. У. Дуглас, описывая усиление монополий, мощь которых достигает чудовищных размеров, заключает: «Если их рост будет продолжаться в такой же мере, в какой он происходил в течение последних десятилетий, то капитализм потускнеет (will be eclipsed). Потому что неотъемлемую характеристику капитализма составляют конкуренция, индивидуальная инициатива, свобода конкуренции»⁹³.

О реакционности мелкобуржуазной критики монополий свидетельствует и тот факт, что некоторые из представителей этого направления (например, Г. Саймонс), так же как и ярые апологеты монополий, занимают явно враждебные позиции по отношению к профессиональным союзам и требуют применения к ним драконовских мер.

Мелкие и средние капиталисты не способны вести серьезную борьбу с монополистическими гигантами. Отражением этого факта является то, что идеологи мелкой и средней буржуазии не способны дать серьезную критику капиталистических монополий. Они возражают не против монополий вообще, а лишь против «злоупотреблений» с их стороны. Они — за сохранение монополистических предприятий, но против неизбежных последствий их господства.

Позицию этих экономистов отчетливо выразил один из главных защитников «антитрестовского» законодательства в США — А. Тормен. Он писал, что крупные размеры предприятий «сами по себе не являются злом, но они дают силу тем, кто их контролирует. Эта сила должна находиться под постоянным наблюдением соот-

⁹¹ Уэнделл Бердж. Международные картели. М., ИЛ, 1947, стр. 59.
⁹² A. A. Berle and C. Means. The Modern Corporation and Private Property. N. Y., 1934, p. 73.

⁹³ William A. Douglas. Democracy and Finance. Yale University Press, New Haven, 1940, p. 5. Цит. по кн: K. W. Stocking and M. W. Watkins. Monopoly and Free Enterprise, p. 425.

ветствующей принудительной организации, которая должна следить за тем, чтобы эта сила не разрушала свободный рынок»⁹⁴.

Итак, монополии без монополистической практики — вот суть программы А. Тормена.

Мелкобуржуазные критики монополий выражают мечту мелких и средних предпринимателей о том, чтобы концентрация капитала и производства остановилась на каком-то «разумном» уровне, который не угрожал бы их самостоятельности. Мы «за большой бизнес, но без чудовищно большого бизнеса»⁹⁵, — заявляет Т. Куинн.

Идеологи мелких и средних предприятий мечтают о мирном сосуществовании монополий и мелкого производства. Они мечтают об ограничении власти монополий путем регулирования и контроля со стороны буржуазного государства, игнорируя тот факт, что последнее в современных условиях находится в подчинении у финансовых магнатов.

Один из видных представителей этого направления, швейцарский экономист, долго работавший в США, — В. Репке рекомендует утопический «третий путь», именуемый им «экономическим гуманизмом». Суть этого «третьего пути» сводится к поощрению мелкого производства и свободной конкуренции в тех отраслях, где для них существуют благоприятные условия. В тех же отраслях, где гигантские предприятия неизбежны, Репке предлагает государственный контроль. «Третий путь» Репке и других мелкобуржуазных идеологов представляет собой теоретическое оправдание попыток гибнущих классов приостановить неизбежное действие законов капиталистической концентрации производства, обрекающих мелкие и средние предприятия на гибель или на подчинение монополистическим гигантам.

Большие надежды мелкобуржуазные критики монополий возлагают на «антитрестовское» законодательство. Они сеют иллюзии о том, что «антитрестовские» законы якобы способны ликвидировать «злоупотребления» монополий.

«Энергичное проведение антитрестовских законов, — заявляет Бердж, — является для США величайшей гарантией демократических возможностей их экономики»⁹⁶.

Вся аргументация Берджа, как и других мелкобуржуазных критиков монополий, строится на предпосылке, что «правильная» экономическая политика со стороны буржуазного государства в состоянии восстановить «свободный рынок», т. е. свободную конкуренцию.

⁹⁴ A. Thurman. The Bottlenecks of Business. N. Y., 1940, p. 125. Цит. по кн. G. W. Stocking and M. W. Watkins. Monopoly and Free Enterprise, p. 93.

⁹⁵ T. V. Quinn. Giant Business, Threat to Democracy. N. Y., 1954, p. 310.

⁹⁶ Уэнделл Бердж. Международные картели, стр. 72.

Наряду с антитрестовскими мероприятиями мелкобуржуазные критики монополий предлагают всякого рода меры поощрения мелких предприятий, в частности по линии внедрения на этих предприятиях новейших достижений технического прогресса. Так, например, Бердж предлагает организовать в больших масштабах научно-исследовательские работы за счет государства, с тем чтобы сделать результаты этих работ доступными для всех, в том числе для мелких предпринимателей. «...С точки зрения здоровой экономики, — пишет он, — мелкому предпринимателю и мелкому изобретателю, который не может конкурировать на равных началах с крупными промышленными лабораториями, обладающими огромными ресурсами, надо дать возможность проявить инициативу и создавать новые проекты, новые способы производства и новые изделия»⁹⁷.

Это предложение столь же неосуществимо в рамках империализма, когда монополистические объединения контролируют развитие техники и подчиняют его своим интересам, как и предложения о децентрализации гигантских корпораций, о роспуске трестов и картелей, взвинчивающих цены и вообще нарушающих правило «справедливой» торговли и т. д. В действительности средства, отпускаемые государством на научно-исследовательские работы, широко используются американскими монополиями.

Столь же утопичны предложения мелкобуржуазных писателей (например, Берли и Мянса) путем изменения устава акционерных компаний, установления широкой гласности и упорядочения отчетности последних, путем борьбы с разводом капитала и спекулятивными махинациями воротил корпораций прекратить экспроприацию мелких и средних держателей акций.

Наиболее обширную программу ограничения роста корпораций в духе мелкобуржуазных теорий разработал Г. Саймонс⁹⁸. Саймонс предложил издать закон, запрещающий промышленным и торговым корпорациям владение ценными бумагами других подобных корпораций. Он предложил лимитировать на основе закона размеры собственности, которой может владеть единичная корпорация (с дифференциацией этого лимита для различных отраслей). Он рекомендовал ограничить деятельность инвестиционных компаний с тем, чтобы они не могли оказать влияние на деятельность компаний, в которые они вкладывают свои капиталы (в частности, чтобы инвестиционные компании не могли пользоваться правом голоса по имеющимся в их распоряжении акциям других предприятий). Саймонс предложил запретить администраторам служить в нескольких корпорациях одной и той же отрасли, запретить администраторам инвестиционной компании служить в корпорациях, в которые вкладываются капиталы этой компании.

⁹⁷ Уэнделл Бердж. Международные картели, стр. 72—73.

⁹⁸ H. Simons. Economic Policy for a Free Society. Chicago, 1948 (в особенности п. 58—59).

Программа Саймонса — мелкобуржуазная утопическая программа, совершенно неприменимая к современному капитализму с его громадной концентрацией капитала, переплетением промышленного и банкового капитала и т. д.

Особую разновидность мелкобуржуазной критики монополий представляют теории, провозглашающие сельскохозяйственные кооперативы в качестве главного средства спасения мелких фермеров (так называемые семейные фермы). В качестве представителя этого направления можно назвать американского экономиста Ли Фрайера, автора известной работы «Американский фермер. Его проблемы и его перспективы». Фрайер разоблачает хищническую политику монополий, банков и крупных землевладельцев, обрекающих массу фермеров на пауперизм и деградацию. Он заявляет, что «корпорации и крупные владельцы плантаций не имеют больше в этой стране какого-либо социального оправдания»⁹⁹.

В книге Фрайера содержится большой материал, ярко рисующий тяжелое экономическое положение основной массы американских фермеров. Автор вместе с тем распространяет иллюзию о том, что экономическое положение фермерства может быть коренным образом улучшено в рамках капитализма за счет помощи буржуазного государства и в особенности при посредстве организации сельскохозяйственных кооперативов. «Непосредственное значение кооперативов, — объявляет он, — заключается в их способности помочь семейным фермам выиграть борьбу за существование (struggle for survival)»¹⁰⁰. «Единственный выход для фермеров, — пишет он, — создать свои собственные единицы хозяйственной организации... так, чтобы они могли контролировать жизненные каналы торговли. Эти единицы хозяйственной организации называются фермерскими кооперативами»¹⁰¹. Эти кооперативы, по словам Фрайера, должны помочь разрешить «хроническую для ферм» проблему цен сельскохозяйственной продукции, — они должны устранить монопольно низкие цены на продукты фермерского хозяйства, диктуемые монополиями, господствующими в области реализации сельскохозяйственной продукции. Фрайер возлагает на кооперативы и борьбу с монопольно высокими ценами на промышленную продукцию, в частности на сельскохозяйственные машины. Снижение цен на машины, по его словам, должно облегчить для семейных ферм внедрение более развитой и совершенной техники. Фермерские кооперативы призваны, по словам Фрайера, помочь арендаторам и кропперам (издольщикам) покупать у землевладельцев участки.

Проповедь Фрайера — образец программы разрешения фермерского вопроса в духе мелкобуржуазной политической экономии. Эта программа страдает теми же пороками, что и старые программы укрепления крестьянского хозяйства за счет кооперации (Герца, Давида и др.), против которых выступал В. И. Ленин еще в начале текущего столетия.

Вся практика современного капитализма полностью опровергает подобные программы. Мелкие собственники средств производства располагают слишком незначительной экономической силой для того, чтобы успешно бороться с капиталистическими монополиями. Как правило, кооперативные объединения попадают в открытую или скрытую зависимость от монополий. Вместо того чтобы выполнять функции органа борьбы с монополиями, кооперативные организации мелких производителей превращаются в служебное оружие монополистического капитала, используемое для укрепления его господства.

К мелкобуржуазной критике монополий применима характеристика «нового прудонизма», которую Ленин дал в годы первой мировой войны. В. И. Ленин характеризовал «новый прудонизм» как менцанский реформизм, пропаганду чистенького, прилизанного, умеренного и аккуратного капитализма¹⁰².

«Новый прудонизм» в отличие от старого не мечтает уже об устранении экономической зависимости рабочих и мелких производителей от капитала. Его единственная мечта — устранение заискивания монополистического капитала при сохранении основ капиталистического способа производства.

¹⁰² В. И. Ленин. Тетради по империализму, 1939, стр. 83.

⁹⁹ Lee Frayer. The American Farmer. His Problems and his Prospects. N. Y., 1948, p. 35.

¹⁰⁰ Ibid., p. 117.

¹⁰¹ Ibid., p. 114.

КРИТИКА «АНТИКРИЗИСНЫХ» ПРОГРАММ

1. ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ КРИЗИСОВ

В период общего кризиса капитализма проблема экономических кризисов стала одной из самых грозных проблем, стоящих перед американским капитализмом. В этот период основное внимание буржуазных экономистов сосредоточено на вопросе — каким образом можно предотвратить наступление кризисов или во всяком случае ослабить их, сделать безболезненными для крупнейших монополий.

Американский буржуазный экономист Арнольд Тэрмен откровенно пишет: «Половина энергии наших экономистов посвящена размышлениям о том, когда наступит ближайшая депрессия»¹.

Особое значение для эволюции буржуазных теорий кризисов имел мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Этот кризис вызвал небывалое до того времени сокращение производства — объем промышленного производства в США в 1932 г. составил 53,8% по отношению к уровню 1929 г. и 91,4% по отношению к уровню 1913 г. Падение промышленного производства в США было сильнее, чем в других крупнейших капиталистических странах. Так, например, в Англии уровень промышленного производства в 1932 г. составил 83,8% по сравнению с 1929 г., во Франции — 69,1, в Германии — 59,8%. Упадок промышленного производства в США выступает еще ярче, если взять данные по ведущим отраслям промышленности. Так, выплавка стали в 1932 г. составила 13,9 млн. т по сравнению с 57,3 млн. в 1929 г., добыча угля — 325 млн. т по сравнению с 552,3 млн. в 1929 г., выпуск автомобилей — 1 371 тыс. по сравнению с 5 395 тыс. в 1929 г.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. с исключительной силой продемонстрировал неспособность капитализма использовать наличные производственные ресурсы и возможности. Он не мог не вызвать у буржуазии тревоги за судьбы капитализма.

¹ Arnold T h u r m a n. Must 1929 Repeat Itself. «Harvard Business Review». January 1948, p. 45.

В книге американского экономиста Джона Айза («Экономия») приводится ряд характерных выдержек из работ, написанных буржуазными экономистами в 1933—1934 гг.² Профессор Найт писал, например: «В течение первых двух лет экономического кризиса 1928 г. я принадлежал к широкой группе исследователей экономики, отрицавших, что этот кризис коренным образом отличается от других депрессий. Но я потом пришел к убеждению, что ошибался, что мы находимся перед одной из величайших экономических и политических революций мира. Если мы даже увидим хозяйственное оживление, то оно будет ограниченным и временным. Либеральная система девятнадцатого столетия выдохлась». Артур Солтер писал, что «капитализм идет к упадку («on the way out») и мы сейчас в стадии перехода к другому виду экономики».

Американская буржуазия больше всего боится повторения кризисов таких масштабов. Зловещая тень кризиса 1929—1933 гг. наложила свой отпечаток на трактовку всех политико-экономических проблем в современной буржуазной литературе. «Помни о кризисе 1929 г.» — эти слова можно было бы взять эпиграфом к большинству работ по политической экономии, вышедших в США за последние два десятилетия. В этом отношении характерно высказывание А. Хансена. Он пишет: «Великая депрессия, начавшаяся в 1929 г., может быть отмечена как одно из наиболее глубоко потрясающих событий во всей мировой истории. Она самыми различными путями расшатала старые шаблоны человеческого мышления и в особенности в отношении экономических институций и экономической политики»³.

Экономический кризис представляет собой угрозу прибылям монополий. Уменьшение числа занятых в производстве рабочих, введение для значительной части рабочих неполной рабочей недели и т. д. приводят к абсолютному сокращению массы произведенной прибавочной стоимости. В еще больших размерах сокращается масса реализованной прибавочной стоимости. Все это должно сказаться и на уровне монопольно высокой прибыли, общие границы которой определяются всей суммой произведенной и реализованной в буржуазном обществе прибавочной стоимости. Хотя крупнейшие монополии нередко имеют возможность в фазе кризиса присваивать себе большую долю совокупной прибавочной стоимости, чем обычно, но, поскольку сама совокупная прибавочная стоимость снижается, это в конечном счете ведет и к снижению прибылей.

Официальная буржуазная статистика дает неверные, заниженные сведения об абсолютных размерах прибылей монополий. Однако по этим данным все же можно получить представление о динамике прибылей во время экономического кризиса 1929—1933 гг.,

² John I s e. Economics, N. Y., and L., 1946, p. 572.

³ A. H a n s e n. Stability and Expansion. — «Financing American Prosperity». N. Y., Twentieth Century Fund, 1945, p. 200.

поскольку данные о прибылях за разные годы исчислены по одной и той же методике. По официальным данным, общая сумма прибылей американских корпораций (до уплаты налогов) снизилась с 9,8 млрд. долл. в 1929 г. до 3,3 млрд. в 1930 г. и 0,2 млрд. долл. в 1933 г.

Не удивительно, что монополистический капитал проявляет тревогу по поводу возможности повторения кризисов таких же масштабов и такой же силы, каким был кризис 1929—1933 г.

Особенно большую опасность для финансовой олигархии представляют социальные последствия экономических кризисов. Известно, что кризисы являются мощным фактором революционизирования народных масс и в ряде случаев создают предпосылки для революционной ситуации.

Выполняя социальный заказ монополистов, современные буржуазные экономисты занимаются разработкой «антикризисных» проектов. Они распространяют среди масс иллюзии о том, что «регулирование конъюнктуры» не только возможно, но что оно якобы осуществляется на практике и что глубокие экономические кризисы ушли уже в область прошлого.

В целях оправдания проводимых в интересах монополий «антикризисных» программ, американские буржуазные экономисты широко используют старые кредитно-денежные теории кризисов, «теории недопотребления», «теории перекапитализации» и т. д.

Американские буржуазные теории кризисов носят на себе явную печать прагматизма. Так, Бернс и Митчелл характеризуют свое определение цикла как «рабочую гипотезу», как «орудие исследования». Они подчеркивают, что определение цикла может меняться в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь⁴. Тем самым они расписываются в том, что их нехотное определение цикла специально приспособлено для получения определенных практических результатов.

Американские буржуазные экономисты не скрывают того, что практические, прикладные соображения играют у них руководящую роль не только при выработке общих определений цикла, но и при выявлении отдельных факторов в движении цикла. Например, Д. М. Кларк в своей книге «Стратегические факторы экономических циклов» так формулирует свою задачу: найти в промышленных циклах факторы, которые имели бы наибольшее стратегическое значение и посредством воздействия на которые можно было бы если не совсем уничтожить, то хотя бы сгладить наиболее резкие колебания хозяйственной конъюнктуры. При объяснении промышленных циклов он на первое место выдвигает роль производственного спроса. При этом Кларк особенно подчеркивает то обстоятельство, что на этот фактор можно воздействовать. Если бы производственный спрос можно было контролировать во всех его

⁴ Arthur F. Burns and Wesley C. Mitchell. *Measuring Business Cycles*. N. Y., National Bureau of Economic Research, 1946, p. 3

проявлениях, добавляет он, то первым результатом была бы большая устойчивость среднего темпа производственной активности благодаря устранению таких колебаний производства, которые превосходят колебания текущих расходов потребителей⁵.

Бизнесмены считают, что лучше одновременно испробовать несколько средств борьбы с кризисами, — авось какое-либо из них окажется действенным. Наиболее пригодна для этого «теория множества причин» кризисов, воспринятая большинством американских буржуазных экономистов. Тут на помощь буржуазным экономистам опять-таки приходит прагматическая философия, отрицающая научный характер причинности, проповедующая, что исследователь устанавливает причинность в зависимости от преследуемых им практических задач.

Имея в виду эти практические цели, Д. М. Кларк жалуется на то, что «теоретические исследования дают нам причины, которых слишком мало и которые слишком просты, как, например, переизводство, недопотребление, чрезмерное накопление, непредоставление рабочим полного продукта или достаточной доли полного продукта промышленности...»⁶ Для того чтобы застраховать себя от подобных обвинений, Кларк насчитал целых одиннадцать «стратегических факторов».

Такие же взгляды пропагандирует и Моултон, категорически заявивший: «Нет никаких действительных оснований принять, что может существовать какая-либо единая основная причина»⁷ (речь идет о причине кризисов). Моултон идет так далеко в отрицании основной причины кризисов, что для разных экономических кризисов допускает самостоятельные причины, не совпадающие одна с другой. Для обоснования своей позиции Моултон ссылается на то, что «современная экономическая система есть очень сложный механизм». Но из этого положения следует вывод, диаметрально противоположный тому, который сделал Моултон. Именно потому, что современное капиталистическое хозяйство представляет собой крайне сложную систему, именно потому, что в кризисе проявляется взаимодействие множества зависящих один от другого моментов, необходимо выделить главное звено, которое лежит в основе этого сложного комплекса, а именно — основное противоречие капитализма. Иначе исследователь рискует потерять нить исследования и должен неизбежно скатиться на путь самого беспроблемного эклектизма. Для современных буржуазных экономистов как раз и характерен эклектизм, который неразрывно связан с прагматизмом. Последний объявляет эклектическое сочетание конкурирующих одна с другой теорий руководящим принципом «рациональной» философии.

⁵ J. M. Clark. *Strategic Factors in Business Cycles*, N. Y., Publications of the National Bureau of Economic Research, 1934, p. 191.

⁶ Ibid., p. 6.

⁷ Harold G. Moulton. *Controlling Factors in Economic Development*. Wash., 1949, p. 54.

На примере трех наиболее крупных американских буржуазных экономистов, писавших по вопросам теории кризисов и конъюнктуры, — Митчелла, Бернса и Хансена — можно видеть, как воплощается на практике этот эклектизм. Митчелл и Бернс, обозревая разнообразные буржуазные теории кризисов — Джевонса, Пигу, Зомбарта, Афтальона, Бунятяна, Туган-Барановского, Шумпетера, Шпитгофа и других, заявляют: «Каждое из этих объяснений заслуживает внимания со стороны тех, кто пытается объяснить экономические циклы, ибо каждое из них проливает свет на какую-либо особенность или аспект этого сложного комплекса»⁸.

Хансен, начиная со своих первых работ по теории кризисов, относящихся к 20-м годам, пишет о необходимости примирения разнообразных теорий кризисов. Как и Моултон, он ссылается на то, что экономический цикл представляет собой столь сложное явление, что «одностороннее объяснение является неправильным или по крайней мере частичным и незаконченным». В своей позднейшей работе «Экономические циклы и национальный доход» он насчитывает восемь различных буржуазных теорий кризисов, которые, по его утверждению, должны составить основы современной теории цикла⁹.

Эклектизм проявляется у буржуазных экономистов также и в частой смене точки зрения и в метаниях между различными теориями. Это можно проиллюстрировать на примере того же Хансена. В своей книге «Цикл подъема и депрессий» (1926 г.) он подчеркивал особое значение процессов, развертывающихся в сфере денежного обращения, придерживаясь прежде всего кредитно-денежных теорий. Позднее Хансен стал выдвигать на передний план теорию Шпитгофа, который пытался объяснить кризисы мнимым ростом издержек производства в процессе расширенного воспроизводства. После выхода в свет «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса Хансен испытал на себе влияние кейнсианства. Если раньше (например, в книге «Теория экономических циклов») он объявлял себя противником теории Фостера и Китчингса, рассматривающей кризисы как результат тенденции к чрезмерному сбережению, то в дальнейшем, под влиянием Кейнса, он отдал известную дань и этой теории.

Американские буржуазные экономисты тщательно «увязывают» одни с другими самые разнообразные буржуазные теории кризисов. Вместе с тем они выступают против единственно правильной и научной — марксистской теории кризисов. Эта теория, совершенно неприемлема для апологетов монополий, ибо она полностью отвергает самую возможность как устранения экономических кризисов в условиях капитализма, так и «контроля» над кризисами со

⁸ Arthur F. Burns and Wesley C. Mitchell. *Measuring Business Cycles*, p. 12.

⁹ A. Hansen. *Business Cycles and National Income*. N. Y., 1951, p. 490—491.

стороны буржуазного государства. Марксизм-ленинизм с неслыханной полнотой и ясностью раскрыл, что основа экономических кризисов перепроизводства лежит в самой системе капиталистического хозяйства, что их главная причина лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным ростом производственных возможностей капитализма и относительным сокращением платежеспособного спроса со стороны миллионных масс трудящихся. Это противоречие так же неразрешимо в условиях капиталистического строя, как и основное противоречие капитализма, непосредственно обусловленное самим характером капиталистических производственных отношений.

Как ни велико различие между отдельными вариантами буржуазных теорий кризисов, всех их объединяет один общий методологический порок — основу экономических кризисов они ищут не в самом капиталистическом способе производства со всей совокупностью противоречий, а в процессах, которые они изображают как не зависящие от капиталистического строя.

Большинство американских буржуазных экономистов комбинирует в различной форме четыре варианта буржуазных теорий кризисов:

- а) кредитно-денежные теории;
- б) психологические теории, выводящие кризисы из смены оптимистических настроений предпринимателей пессимистическими настроениями;
- в) теории, выводящие кризисы из роста производственно-технических трудностей;
- г) «теория недопотребления».

Все эти теории придают решающее значение технико-производственным и психологическим факторам, рассматриваемым независимо от всей системы буржуазных производственных отношений и капиталистических противоречий.

Это методологическое единство различных буржуазных теорий кризисов находит свое выражение и в части практических предложений. Их объединяет одна общая черта — иллюзия о возможности воздействия буржуазного государства на ход кризисов. Буржуазные экономисты придумывают такие причины кризисов, которые было бы легче изобразить как поддающиеся воздействию со стороны буржуазного государства.

Исходной базой разнообразных американских буржуазных теорий кризисов является «теория конъюнктуры», получившая в США широкое распространение.

Эта теория не является оригинальным продуктом американской буржуазной экономической мысли. Она импортирована из Европы. Основоположником этой теории был В. Зомбарт,

выступивший в 1903 г. с предложением заменить теорию кризисов «теорией конъюнктуры». Апологет германского империализма, Зомбарт утверждал, что кризисы по мере развития капитализма принимают все более смягченную форму длительной депрессии. «Поэтому более целесообразно, — писал Зомбарт, — изучение не проблемы кризиса, а проблемы форм движения капиталистического хозяйства. Нужно исходить из того, что движение подчиняется двум тенденциям — 1) к повышению и 2) к понижению. Следовательно, теория кризисов расширяется до теории конъюнктуры».

Эта апологетическая теория, родившаяся на германской почве, получила наибольшее распространение в американской экономической литературе. Для буржуазных экономистов она удобна тем, что, с одной стороны, признает необходимость циклических колебаний, а с другой стороны отрицает неизбежность экономических кризисов. Ее суть сводится к признанию возможности бескризисного цикла, характеризующегося якобы только сменой повышательной и понижательной фаз. Американские буржуазные экономисты дают различные классификации фаз цикла, но основной чертой этих классификаций является попытка «устранить» фазу кризиса. Так, например, главный американский «конъюнктуровед» У. Митчелл делит цикл на четыре фазы — экспансию, рецессию, сужение и оживление. Митчелл употребляет вместо слова «кризис» термин «рецессия» для того, чтобы подчеркнуть, будто циклическое сокращение производства происходит не в кризисной форме, а плавно и постепенно. Что же касается экономического кризиса, то в трактовке Митчелла он не является обязательной и неперенной фазой цикла, а лишь возможной формой рецессии, когда последняя выступает в наиболее интенсивном и разрушительном виде. Основной смысл классификации Митчелла сводится к утверждению, что кризисы могут быть, но могут и не быть, что их якобы можно заменить мягкими и не особенно разрушительными рецессиями. Такого рода схема подводит «теоретическую» базу под проекты «регулирования» капиталистических циклов. Следует отметить, что Митчелл решающее значение в этом «регулировании» приписывает «рациональной» организации банковской системы.

История капиталистических циклов полностью опровергает эту надуманную схему. В действительности экономический кризис перепроизводства является важнейшей фазой капиталистического цикла. «В кризисах мирового рынка бурно прорываются наружу противоречия и антагонизмы буржуазного производства»¹¹. Кризис открывает собой начало нового цикла, создавая предпосылки для перехода в последующие фазы. Основные особенности каждого капиталистического цикла — его общая продолжительность,

соотношение продолжительности отдельных фаз, интенсивность подъема и т. д. — в первую очередь определяются характером, глубиной и продолжительностью кризиса.

Не выдерживает, конечно, критики утверждение Митчелла и других защитников «теории конъюнктуры» о том, что экономические кризисы представляют собой якобы дело минувших дней. Особенно усиленно буржуазные экономисты пытаются пропагандировать эту иллюзию в периоды подъема. На это обстоятельство обратил внимание Маркс еще свыше ста лет назад. Маркс писал: «Но имел ли место хотя бы один случай — со времени «Робинсона — Просперити», знаменитого канцлера казначейства, открывшего в 1825 г. в самый канун кризиса сессию парламента предсказанием колоссального и неизбежного процветания, — когда бы эти буржуазные оптимисты предугадали или предсказали кризис? Наоборот, не было еще ни одного периода процветания, когда бы они не воспользовались случаем для утверждения, что *на этот раз* медал не имеет оборотной стороны, что *на этот раз* неумолимый рок побежден»¹².

«Теория конъюнктуры» получила особенно большое распространение в период частичной и относительной стабилизации (именно тогда выступили В. Зомбарт с «теорией стабилизации конъюнктуры» и Митчелл со своей попыткой подменить кризисы рецессией). Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. развеял в прах все эти оптимистические иллюзии. Военно-инфляционный бум, наступивший в США после второй мировой войны, снова возродил «теорию конъюнктуры».

Буржуазные экономисты нарочито дают наиболее бессодержательное и формальное определение цикла для того, чтобы скрыть решающую роль экономических кризисов в капиталистическом цикле. Митчелл присоединился к чисто формальному определению цикла, которое дал Ф. Клементис на конференции по вопросу о циклах, созванной Институтом Карнеджи. «В общем научном употреблении, — говорил Клементис, — слово это (цикл) означает повторение различных фаз положительных и отрицательных отклонений, часто доступных точному измерению»¹³.

Клементис и Митчелл не случайно ссылаются на «общенаучное употребление» понятия о цикле. Они пытаются дать такое формальное определение цикла, которое в равной мере было бы применимо как к политической экономии, так и к астрономии, геологии, ботанике и т. д. При таком формальном определении цикла выпадают специфические особенности капиталистического цикла.

Для того чтобы замаскировать причину кризисов, умалить их роль и значение, американские буржуазные экономисты применяют многообразные приемы.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 391.

¹³ Цит. по кн.: Уэслей К. Митчелл. Экономические циклы. М.—Л., Госиздат, 1930, стр. 388.

¹⁰ W. S o m b a r t. Versuch einer Systematik der Wirtschaftskrisen. «Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik», 1904, Bd XX, S. 21.

¹¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II, стр. 505.

Во-первых, они пытаются представить экономические циклы как одну из многочисленных разновидностей цикла, имеющего место в самых различных областях природы.

Во-вторых, американские «конъюнктуроведы» пытаются растворить экономические циклы в ряде других процессов, происходящих в экономике, для которых кризисы не являются необходимой составной фазой. Преобладающая в американской буржуазной экономической литературе теория, выдвинутая гарвардской школой (Персонс и др.), насчитывает четыре формы изменения экономики: вековой уровень (тренд), циклические, сезонные и иррегулярные колебания. Под «вековым уровнем» эти экономисты понимают общую тенденцию развития в течение длительного времени, осуществляемую независимо от циклических, сезонных и иррегулярных колебаний. Сезонные колебания отражают экономические изменения в зависимости от времени года и климатических условий, от общественных традиций и установлений (оживление розничной торговли перед новым годом, изменение моды). Под рубрику иррегулярных колебаний гарвардская школа подводит изменения, вызванные войнами, забастовками, стихийными бедствиями, открытием новых источников сырья, введением новых изобретений и т. д. Опираясь на эту классификацию, американские буржуазные экономисты соответственно обрабатывают статистические данные по движению производства и другие показатели за ряд лет, элиминируя влияние «векового уровня» и сезонных колебаний. При этом американские «конъюнктуроведы» механически отрывают различные формы движения одни от других, отрицая решающую роль циклической формы движения. В действительности же тенденция к развитию производительных сил, именуемая буржуазными экономистами «вековым уровнем», в условиях капитализма осуществляется с перерывами, которые периодически принимают форму разрушительных кризисов перепроизводства. Периодическое уничтожение чрезмерно выросших, по сравнению с узким базисом, на котором покоится народное потребление, производительных сил представляет собой единственно возможную форму временного насильственного разрешения капиталистических противоречий. Иной формы развития производительных сил капиталистический способ производства не имеет и не может иметь.

Попытка экономистов гарвардской школы представить циклическое развитие как нечто совершенно независимое от общей тенденции капиталистического развития является несостоятельной, антинаучной. Рост противоречий капиталистического способа производства, усиливающееся торможение капитализмом развития производительных сил находят свое непосредственное выражение в изменении характера капиталистического цикла, учащении кризисов, ослаблении промышленного оживления, выпадении фазы расцвета и т. д.

Точно так же несостоятельна попытка экономистов гарвардской школы оторвать другие формы колебаний производства от циклического движения. Сезонные колебания производства имеют место ежегодно, но их характер, интенсивность сезонного повышения и понижения производства зависят от фазы цикла. Очевидно, что в фазе кризиса сезонное повышение производства является очень слабым и может даже не обнаружиться. В фазе подъема сезонное сокращение производства может оказаться сравнительно ослабленным.

Что же касается колебаний, именуемых экономистами гарвардской школы «иррегулярными», то за исключением колебаний, вызванных воздействием природного фактора, они также тесно связаны с циклической формой движения капиталистического производства. Так, например, новые источники сырья, новые изобретения и вообще всякого рода технические преобразования получают широкие возможности для развития и применения в результате изменений, вызванных кризисом, так как эти изменения создают усиленный стимул к снижению издержек производства и к обновлению основного капитала. Экономические кризисы ускоряют развязку войн, которые, по теории гарвардской школы, также вызывают «иррегулярные колебания».

В-третьих, американские «конъюнктуроведы» пытаются уменьшить значение кризисов при посредстве так называемой теории множественности циклов. Существующие реальные циклы продолжительностью в 8—10 лет трактуются американскими «конъюнктуроведами» как одна из форм цикла наряду с вымышленными «большими» и «малыми» циклами. «Большие циклы», по их утверждению, охватывают периоды примерно в 50 лет и распадаются на две фазы — повышательную и понижательную. Каждый «большой цикл» состоит, согласно этой теории, из нескольких «средних циклов» длительностью в 8—10 лет каждый. Последние в свою очередь подразделяются американскими буржуазными экономистами на два-три «малых цикла» продолжительностью в среднем около 40 месяцев.

Вымышленная «теория больших и малых циклов» представляет для буржуазной апологетики большие удобства в том отношении, что при этом циклы сводятся к смене фаз экспансии и сжатия, к смене повышательных и понижательных колебаний без всяких кризисов. Эта теоретическая конструкция позволяет буржуазным экономистам навязывать читателю вывод, что большинство циклов не знает вообще кризисов, что кризисы встречаются лишь в одной из форм цикла, «средних циклах», да и то не обязательно. Руководящая идея «теории конъюнктуры», идея о возможности бескризисного цикла, получает свое дальнейшее оформление в «теории больших и малых циклов».

Все эти теории представляют собой наглядный пример «статистического творчества» буржуазных экономистов: при помощи

разнообразных методов обработки статистических рядов, при помощи элиминирования «векового уровня» и сезонных колебаний, при посредстве сглаживания кривых и т. д. получают нужные для буржуазной апологетики схемы или графические изображения. Эти сфабрикованные буржуазными экономистами схемы являются иллюстрацией порочности эмпирического метода, столь распространенного в американской буржуазной экономической литературе.

Так, например, при конструировании схемы «больших циклов» решающее значение имеет ссылка на колебания товарных цен. Авторы этой теории пытаются убедить читателей, будто длительные тенденции повышения цен периодически сменяются длительными тенденциями понижения цен. Но если ближе присмотреться к периодам колебаний, намечаемым буржуазными экономистами, то становится очевидным, что в разные периоды повышательные тенденции цен были вызваны различными причинами. Так, например, повышательная тенденция цен в 50-х и 60-х годах прошлого столетия, трактуемая в буржуазной литературе как выражение повышательной волны «большого цикла», охватывающего вторую половину прошлого столетия, была вызвана в первую очередь изменениями в области денежного обращения, удешевлением стоимости золота в связи с открытием богатейших его месторождений в Калифорнии, Австралии, Южной Африке и т. д. Повышательная тенденция цен в конце прошлого и в первых двух десятилетиях текущего столетия, давшая повод буржуазным экономистам сконструировать новый «большой цикл», вызвана в основном воздействием монополий, осуществляющих взвинчивание цен. Повышательная тенденция цен, начавшаяся перед второй мировой войной и продолжающаяся до настоящего времени, обусловлена инфляционными процессами прежде всего в результате роста военных расходов. Поскольку в разные периоды действовали различные причины, нет решительно никаких оснований для того, чтобы трактовать периоды повышательного движения цен как фазы какого-то особого цикла.

То, что американские «конъюнктуроведы» называют «малыми циклами», является не чем иным, как временными изменениями производства в пределах отдельных фаз цикла, колебаниями, постоянно происходящими в стихийно развивающемся капиталистическом хозяйстве. Влияние капиталистической анархии производства сказывается в том, что фаза промышленного подъема прерывается частичными, или так называемыми промежуточными, кризисами, вызываемыми диспропорциями в отдельных отраслях, потрясениями в кредитно-денежной сфере, нарушением установившихся отношений и пропорций в области внешней торговли. Наличие частичных, или промежуточных, кризисов перепроизводства отмечалось К. Марксом и Ф. Энгельсом. К. Маркс указывал, что частичные кризисы всегда предшествуют периодическому все-

общему кризису. Ф. Энгельс подчеркивал, что при подробном анализе цикла «необходимо принять во внимание промежуточные кризисы, носящие отчасти более местный, а отчасти более специальный характер...»¹⁴ Так, например, в США на протяжении цикла 1921—1929 гг. имели место два промежуточных кризиса — в 1924 и 1927 гг. Наличие таких колебаний в пределах одной фазы капиталистического цикла дало повод американским «конъюнктуроведам» конструировать схему «малых циклов». В действительности эти колебания конъюнктуры, приносимые под рубрикой «малых циклов», вызываются многочисленными причинами, которые не повторяются обязательно в разных циклах и не совпадают в разных капиталистических странах. Подобного рода колебания имеют местный характер, они не затрагивают всего капиталистического производства в целом.

Сама идея о возможности множества циклов — «больших», «средних» и «малых» — внутренне противоречива и порочна. Поскольку циклическая форма движения является той формой, в которой противоречия, присущие капиталистическому способу производства, получают свое осуществление и временное, насильственное разрешение, постольку возможен лишь один вид цикла. Нельзя себе представить дело так, что одни противоречия разрешаются в циклах одного типа, другие противоречия — в циклах другого типа. Все противоречия капитализма тесно связаны между собой, все они — проявления основного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения; все эти противоречия могут временно разрешаться лишь в едином акте — экономическом кризисе, который становится исходным пунктом последующих фаз цикла. Возможность и необходимость единственной формы цикла вытекает из того неопровержимого факта, что в каждом обществе производственные отношения образуют одно целое.

«Теория конъюнктуры» и тесно связанная с ней «теория множества циклов» выполняют определенное назначение в целях апологетики капитализма — они призваны показать, что кризисы якобы не являются необходимой составной фазой цикла, что сущность циклического движения сводится лишь к смене повышательных и понижательных колебаний.

Эклектизм и эмпиризм — таковы характерные особенности американской буржуазной экономической литературы по вопросам кризисов. Основная задача американских буржуазных теорий кризисов в период общего кризиса капитализма состоит в том, чтобы снабдить буржуазное государство рецептами, которые помогли бы ему предупредить или во всяком случае ослабить экономические кризисы.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, Партиздат, 1935, стр. 184.

В США больше, чем в какой-либо другой капиталистической стране мира, развито прожектерство, выражающееся в конструировании всякого рода «антикризисных» проектов. Это прожектерство носит на себе печать самых худших сторон буржуазной прессы — погони за сенсацией и внешними эффектами, стремления поразить читателей всякого рода сногсшибательными предложениями и создать таким образом рекламу для этих предложений. Последние часто имеют такой фантастический характер, что с полным основанием можно усомниться, верят ли сами авторы этих проектов в реальность их осуществления.

В качестве примера подобного рода предложений можно привести пресловутый «план Таунсенда», главным пунктом которого было предложение повысить покупательную силу общества путем выплаты всем пожилым людям пенсии в размере 200 долл. в месяц. Для того чтобы финансировать такие щедрые пособия, Таунсенд рекомендовал обложить все сделки по покупке и продаже товаров, ценных бумаг и всякого рода имущества особым налогом в размере 2% от суммы сделок. Не приходится доказывать, что такое обложение всех сделок должно было привести к снижению совокупного спроса, которое свело бы на нет последствия увеличения покупательной силы некоторой группы населения в результате щедрых пенсий.

Можно отметить также пресловутую «схему Дальберга», или схему «тающих денег», по которой предлагалось ввести налог на сбережения. Деньги должны постепенно «таять» в руках их обладателя, если он не будет их тратить, — таков принцип этой схемы. К этому типу проектов относится предложение о введении так называемых «марочных денег», т. е. обязательного наклеивания марок на денежные знаки в определенные сроки, чтобы побудить владельцев денег скорее тратить их и тем самым ускорить обращение денег, увеличить сумму товарных закупок.

Явно фантастический характер имеет предложение американского буржуазного экономиста Пирсона. Пирсон возлагает на буржуазное государство обязанность гарантировать всем членам общества стабильную покупательную силу путем регулирования налогов с населения (повышения их в фазе подъема, снижения их в фазе кризиса и депрессий) и выплаты специальных пособий для того, чтобы восполнить недостаточную покупательную способность населения во время кризиса. Он рекомендует целую систему таких пособий, которые называет «платежами для обеспечения национального дохода». Пирсон указывает, что всему населению должны выплачиваться дивиденды так, как если бы все граждане были обладателями акций определенного предприятия. Этот «дивиденд» возрастает, когда специальные органы, занимающиеся изучением конъюнктуры, предсказывают снижение потребительского спроса в ближайшие месяцы, и, напротив, снижается, когда ожидается увеличение потребительского спроса.

Наряду с подобного рода проектами, предъявляющими огромные требования к государственному бюджету, имеются предложения, носящие внешне противоположный характер, но имеющие столь же фантастическое содержание. Сюда относятся предложения той группы экономистов, которая полагает, что борьбу с кризисами следует начать с ограничения бумов. Так, например, группа чикагских экономистов, возглавляемая И. Фишером, требует введения так называемых «стопроцентных денег». Сущность этого проекта сводится к тому, что депозитные банки должны иметь стопроцентные резервы для имеющихся в их распоряжении депозитов. Осуществление этого проекта должно резко ограничить возможности банковского кредита. При этой схеме банки могут предоставлять в кредит только свои собственные средства. Тем самым сводится на нет важнейшая функция банков, являющихся посредниками между свободными капиталами и предприятиями, нуждающимися в дополнительных капиталах, отвергается важнейший источник банковской прибыли — разность процентов по банковским депозитам и по ссудам, предоставляемым банком. Авторы этих предложений пытаются отвлечь внимание от подлинных причин кризисов, предлагая заведомо неосуществимые мероприятия. Совершенно очевидно, что капиталисты никогда не пойдут на такой шаг, ибо капиталистический кредит является крупнейшим фактором централизации капитала; он делает возможным громадное обобществление капитала и увеличение его мощи именно за счет привлечения чужих капиталов и чужой собственности, включая в том числе и трудовые доходы населения.

Столь же утопический характер носит и предложение американского буржуазного экономиста Анджелла о фиксации денежной массы на определенном уровне. При осуществлении этой схемы всякие изменения потребности в денежном обращении будут непосредственно отражаться на скорости обращения денег. Такой же явно нереальный характер имеет и предложение об установлении неизменного уровня цен.

В «антикризисных» проектах, выдвинутых американскими буржуазными экономистами, нет недостатка в обещаниях увеличения потребления масс, смягчения имущественных различий, борьбы с монопольными ценами и т. д. Так, в докладе группы экспертов Организации Объединенных Наций о мерах достижения полной занятости, представленном в 1949 г.¹⁵, в числе многочисленных предложений, связанных с различными методами обеспечения максимальных прибылей, имеется и такое заявление: «кроме фискальных и бюджетных мер, правительственная деятельность может установить контроль над монопольными ценами и пределами прибылей с тем, чтобы осуществить более равномерное распределение дохода и увеличить частное потребление».

¹⁵ «National and International Measures for Full Employment». Lake Success. N. Y., 1949.

Не приходится доказывать, что монополистический капитал меньше всего проявляет склонности к осуществлению подобных предложений. Реализация их означала бы прямое противоречие требованиям основного экономического закона современного капитализма. Совершенно очевидно, что монополии никогда не пойдут на какие-либо серьезные уступки, затрагивающие их монопольно высокие прибыли.

* * *

Проектов борьбы с кризисами в американской буржуазной экономической литературе было выдвинуто очень много. На первый взгляд они производят впечатление чрезвычайно большой пестроты. Однако можно выделить какие-то господствующие руководящие идеи, составляющие основу большинства «антикризисных» проектов. Эти руководящие идеи менялись с изменением исторической обстановки.

До кризиса 1929—1933 гг. среди американских бизнесменов была широко распространена точка зрения, что разрушительную силу экономических кризисов можно якобы легко ограничить путем лучшей организации кредитного дела и путем вооружения капиталистических предпринимателей так называемыми экономическими барометрами, которые позволили бы предвидеть изменения хозяйственной конъюнктуры.

Американские дельцы возлагали большие надежды на федеральную резервную систему, созданную по банковскому акту 1913 г.¹⁶ Этот акт возлагает на управление федеральной резервной системы борьбу с кризисами путем регулирования учетной ставки и денежного обращения на основе покупки и продажи больших пакетов государственных и частных ценных бумаг. По идее, положенной в основу банковского акта 1913 г., резервные банки в периоды подъемов должны тормозить слишком быстрое расширение производства и рост цен путем повышения учетной ставки и вздорожания кредита. В периоды кризисов и депрессий на федеральную резервную систему возлагается задача приостановить сокращение производства при помощи снижения учетной ставки и удешевления кредита. Регулирование учетной ставки банковский акт связывал с воздействием резервных банков на массу денежного обращения. Для того чтобы стимулировать хозяйственную деятельность, резервным банкам рекомендовалось скупать на рынке большие партии государственных и частных ценных бумаг и тем самым пускать в обращение массу денег. По идее инициаторов

¹⁶ Согласно этому закону территория США разбита на 12 округов, в центре которых созданы федеральные резервные банки, связанные между собой в единую банковскую систему. Акционерами федеральных резервных банков являются исключительно банки, причем для национальных банков вхождение в федеральную резервную систему обязательно. Во главе этой системы стоит федеральная резервная палата, являющаяся правительственным органом.

банковского акта 1913 г. увеличение массы денег в обращении должно автоматически привести к удешевлению кредита и к снижению нормы процента. Для того же, чтобы затормозить развертывание бума, банкам рекомендовалось выбрасывать на рынок большое количество ценных бумаг и изымать таким образом большую массу денег из обращения. По идее авторов банковского акта, это должно было иметь своим результатом вздорожание кредита и рост нормы процента. В основе банковского акта 1913 г. лежит порочная кредитно-денежная теория кризисов.

Эта теория, во-первых, основана на совершенно несостоятельной предпосылке о том, что уровень процента якобы устанавливается в зависимости от количества денег, находящихся в обращении. В действительности норма процента, являющегося частью средней прибыли, определяется движением спроса и предложения ссудного капитала. Общеизвестно, что величина ссудного капитала отнюдь не совпадает с массой денежного обращения. С одной стороны, не все деньги используются для кредитных сделок. С другой стороны, одни и те же денежные знаки могут быть использованы для нескольких кредитных сделок.

Эта теория, во-вторых, основана на фантастическом предположении о том, что изменение нормы процента определяет собой движение капиталистического цикла и изменение хозяйственной конъюнктуры. В действительности капиталистический кредит играет подчиненную роль. Процессы, развертывающиеся в кредитной сфере, являются отражением движения капиталистического производства. Снижение нормы процента в фазе кризиса может несколько ослабить развертывание специфически кредитного кризиса и смягчить волну банкротств, но оно не в состоянии приостановить течение кризиса: на каких бы выгодных условиях ни предлагался капиталистический кредит, предприниматели не смогут его использовать для расширения производственного спроса в обстановке громадного сокращения производства.

Кризис 1929—1933 гг. особенно ярко показал бессилие буржуазных экспериментов приостановить кризисы при помощи кредитно-денежных мероприятий. Он отчетливо продемонстрировал полную неэффективность федеральной резервной системы в качестве орудия борьбы с экономическими кризисами. В период кризиса 1929—1933 гг. норма процента была на низком уровне вследствие громадного избытка свободных ссудных капиталов. И тем не менее, несмотря на низкую норму процента, экономический кризис достиг исключительной силы и продолжительности.

Даже буржуазные экономисты, например Моултон, вынуждены признать, что надежды, которые возлагались на федеральную резервную систему «были расшатаны наступлением великой депрессии 1929 г.»¹⁷.

¹⁷ Harold G. Moulton. Controlling Factors in Economic Development, p. 304.

Кризис 1929—1933 гг. опроверг и другую буржуазную иллюзию — иллюзию о возможности смягчения кризисов путем организации предвидения изменений экономической конъюнктуры. 20-е годы были годами усиленной разработки так называемых «экономических барометров» в различных капиталистических странах. Инициаторами «экономического барометра» выступили экономисты гарвардской школы. Основу «барометра» составляет выдвинутое Персонсом положение о том, что существует якобы определенная последовательность в движении трех показателей, выражаемых в виде трех кривых. Кривая *A* (speculation) отражает изменения на рынке ценных бумаг. Она строится экономистами гарвардской школы на среднеарифметических данных о циклических колебаниях расчетных операций нью-йоркских банков, биржевых ценностей, продающихся на нью-йоркской бирже, и рыночных цен промышленных акций. Кривая *B* (business), по замыслу Персонса должна отражать изменения, происходящие на товарном рынке. При ее построении взяты за основу среднеарифметические данные о расчетных операциях 40 банков вне Нью-Йорка и о динамике товарных цен. Наконец, кривая *C* (money) должна отражать изменения в области кредита. Она составлена гарвардцами, исходя из среднеарифметических данных об учетной ставке по коммерческим векселям сроком на 4—6 месяцев и на 60—90 дней.

По учению гарвардской школы, существует определенная продолжительность «лагов», т. е. промежутков между поворотами одной кривой и соответствующими поворотами других кривых. Согласно этой теории циклические колебания кривой *B* в среднем отстают на 8 месяцев от колебаний кривой *A*; циклические колебания кривой *C* отстают в среднем на 4 месяца от колебаний кривой *B*. Гарвардцы утверждали, что по изменениям, кривой *A* можно предсказать, когда наступит соответствующее изменение кривой *B*, а затем и кривой *C*.

«Экономический барометр» гарвардской школы строился на некоторых эмпирических закономерностях, полученных при помощи обработки временных статистических рядов с нарушением самых элементарных научных требований.

Гарвардская школа при построении своего «барометра» опиралась на материалы из экономической жизни США за ограниченный срок (1903—1914 гг.). Выведенные для этого короткого отрезка времени эмпирические закономерности экономисты гарвардской школы рассматривают как универсальные законы.

Методология гарвардской школы характеризуется ярко выраженным статистическим формализмом. Это видно из подбора показателей при составлении упомянутых трех кривых. Одни и те же по своей экономической природе показатели — расчетные операции банков — в одном случае были использованы для составления кривой *A* (расчетные операции нью-йоркских банков), в другом слу-

чае — для составления кривой *B* (расчетные операции провинциальных банков).

О порочности методологии гарвардской школы свидетельствует и такой бросающийся в глаза факт: «экономический барометр» строился исключительно на основе данных, относящихся к сфере обращения; при составлении «барометра» совершенно не использованы показатели промышленного производства (динамика важнейших отраслей производства, наиболее чувствительных к циклическим колебаниям, изменения в размерах безработицы, новое строительство и т. д.). Вполне очевидно, что без учета производственных показателей немислм сколько-нибудь серьезный анализ хозяйственной конъюнктуры.

Прогнозы гарвардцев относительно 1929 г. и последующих лет кризиса кончились позорным провалом. Гарвардцы в начале 1929 г. рисовали самые радужные перспективы на этот год. «Не видно конца всеобщего процветания, начавшегося с 1922 г., — писали они в своем бюллетене от 19 января 1929 г. — Хотя высокая хозяйственная активность и может показать кратковременные заминки, тем не менее 1929 год обещает быть годом всеобщего процветания». Когда эти радужные обещания с треском провалились и разразился экономический кризис 1929 г., гарвардцы продолжали строить хорошую мину при плохой игре и успокаивали бизнесменов оптимистическими обещаниями. В декабре 1929 г. Персонс предсказывал, что американское промышленное производство сократится не более чем на 8—15% и что «процветание» будет, мол, восстановлено уже во второй половине 1930 г. Когда и это предсказание провалилось, Персонс назначил новый срок прохождения низшей точки кризиса — на февраль — март 1931 г. Прогноз Персонса и на этот раз оказался несостоятельным.

Эти бесконечные просчеты и провалы не могли не поколебать веры в «экономические барометры» даже среди весьма легковесных и наджких на всякие «открытия» бизнесменов.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., продемонстрировавший с исключительной силой полную никчемность всех старых «антикризисных» проектов, вызвал к жизни волну новых «антикризисных» проектов, обусловивших некоторую эволюцию буржуазных теорий кризисов.

Уже в начале кризиса 1929—1933 гг. правительство США попыталось прийти на помощь монополиям, чтобы смягчить для них последствия кризиса. В декабре 1929 г. президент Гувер созвал совещание представителей финансовой олигархии для выработки программы борьбы с кризисом. Промышленные и железнодорожные корпорации обязались в 1930 г. вложить в свои предприятия более 3 млрд. долл. При этом было заявлено, что правительство США намерено выделить несколько сот миллионов долларов для строительства новых предприятий и организации так называемых общественных работ. Банки федеральной резервной системы взяли

обязательство снизить учетную ставку и увеличить закупку ценных бумаг.

Правительство Гувера безуспешно пыталось при помощи этой программы приостановить все усиливающийся кризис перепроизводства. Оно осуществило и ряд других мероприятий, в частности создало «фермерскую палату» для изъятия с рынка «излишков» зерна и хлопка. Одним из важнейших мероприятий правительства Гувера по борьбе с кризисом была организация в начале 1932 г. Реконструктивной финансовой корпорации, развернувшей свою основную деятельность уже при Ф. Рузвельте. Эта корпорация представляла собой своеобразную «спасательную» организацию, призванную оказать «скорую помощь» предприятиям, терпящим крах, находящимся на грани банкротства. Она образовалась в основном за счет государственных средств и занималась выдачей авансов и льготных займов предприятиям, находящимся в угрожающем положении.

Франклин Рузвельт, придя к власти в начале 1933 г., значительно расширил масштабы «антикризисных» мероприятий, которые наметило и начало осуществлять правительство Гувера. Рузвельт попытался дополнить программу Гувера рядом новых мероприятий. Он осуществил девальвацию доллара, снизив его золотое содержание, и отменил размен банкнот за золото. Эта мера имела своим результатом снижение реальной заработной платы и доходов фермеров. Она способствовала росту прибылей монополий, особенно тех, которые работали на экспорт.

Усилия, предпринятые правительством Ф. Рузвельта, оказались безуспешными: они не могли предотвратить наступления нового экономического кризиса (1937 г.), не смогли сколько-нибудь значительно ослабить безработицу.

Тем не менее «антикризисные» мероприятия Гувера и Рузвельта послужили базой для новейших буржуазных теорий кризисов. Как отметил Уильям Фостер, эти мероприятия предвосхищали теорию Кейнса¹⁸.

Эволюция буржуазных теорий кризисов под влиянием экономического кризиса 1929—1933 гг. в основном выразилась в том, что апологеты монополистического капитала стали выдвигать на передний план бюджетную политику буржуазного государства как основной рычаг «антикризисных» мероприятий. Главный смысл этого предложения сводится к тому, чтобы возложить весь риск и все убытки крупнейших монополий, связанные с кризисом, на государственный бюджет и тем самым сделать кризисы безболезненными для монополистического капитала. Но расходы государственного бюджета в конечном счете покрываются за счет налогоплательщиков, основную массу которых составляют трудящиеся. Иными словами, классовый смысл указанного выше предложения состоит в

том, чтобы при содействии государственного аппарата переложить всю тяжесть кризисов на трудящихся, осуществить при помощи государственного бюджета перекачку средств из карманов трудящихся в карманы монополистов.

Эволюция буржуазных теорий кризисов в период общего кризиса капитализма выразилась в попытках «обоснования» дополнительных методов эксплуатации трудящихся — ограбления их посредством налогов и инфляции. В современной американской буржуазной экономической литературе выдвигаются требования: 1) снижения реальной заработной платы в качестве якобы необходимого условия борьбы с кризисами; 2) поощрения капиталистов за счет средств государственного бюджета; 3) расширение государственных расходов как «основного регулятора конъюнктуры».

Требование снижения реальной заработной платы у американских буржуазных экономистов базируется на вымышленном «законе убывающей производительности».

Американские буржуазные экономисты пытаются использовать этот вымышленный закон в своих теориях кризисов. Они утверждают, будто расширение производства в фазе подъема сопровождается снижением производительности труда, приводящим к росту издержек производства. Повышение же издержек производства многие американские буржуазные экономисты объявляют одной из главных причин кризисов, причем рост издержек они прежде всего трактуют как повышение заработной платы. Эта теория преследует своей целью доказать, что основным средством борьбы с экономическими кризисами является снижение заработной платы.

Наиболее подробно эта теория излагается Митчеллом в первом издании его «Экономических циклов» (1913 г.). Митчелл утверждает, что предприятия достигают в фазе подъема якобы предельной нагрузки, включая в том числе и полное использование имеющейся в их распоряжении рабочей силы. До наступления этого момента, указывает Митчелл, расширение производства приносило возрастающие прибыли даже при сохранении прежнего уровня цен, так как оно сопровождалось снижением издержек производства на единицу продукции. Дальнейший рост производства, по Митчеллу, обязательно связан с увеличением его издержек, поскольку в процесс производства вовлекается устарелое оборудование, а также новые рабочие, труд которых менее производителен, чем труд ранее занятых рабочих. К тому же, добавляет Митчелл, растут цены на сырье, повышаются номинальная заработная плата и ссудный процент, который он также включает в состав издержек производства. Рост издержек производства, который, по Митчеллу, не может компенсироваться повышением товарных цен, ведет к снижению рентабельности капитала, к снижению сначала темпов роста производства, а затем и к абсолютному сокращению производства, т. е. в конечном счете к экономическому кризису.

¹⁸ W. Z. Foster. The Two Major Variants of Keynesianism. «Political Affairs», January 1949, p. 55.

Особое значение Митчелл, как и большинство американских буржуазных экономистов, придает так называемому фактору «ускорения» или «ускорителю» (accelerator). Митчелл утверждает, что колебания спроса на некоторые товары, в частности на предметы потребления, дают толчок для гораздо больших колебаний в отношении спроса и производства средств производства, в особенности элементов основного капитала. Малейшее замедление в темпах роста продукции влечет за собой, по Митчеллу, сокращение заказов на новое оборудование и производство средств производства начинает свертываться.

Митчелл в своей теории кризисов, выражающей в наиболее концентрированном виде широко распространенные среди американских буржуазных экономистов взгляды, пытается свести причины экономических кризисов прежде всего к производственно-техническим трудностям, к исчерпанию стандартного эффективного оборудования и хороших, полноценных рабочих, к недостатку сырья и ко всякого рода другим трудностям, на которые наталкивается слишком быстро растущее производство. Трудности реализации произведенных товаров эта теория пытается вывести из того, что капиталистическое производство в своем росте наталкивается якобы на узкие границы в виде недостатка рабочей силы, сырья и оборудования.

Пределы производства прибавочной стоимости очень эластичны. Даже при полном использовании рабочей силы увеличение массы прибавочной стоимости происходит за счет повышения нормы эксплуатации. В действительности буржуазное общество всегда располагает резервной армией труда. Особенно крупные размеры этот резерв приобретает в период общего кризиса капитализма, когда миллионные армии безработных превращаются из резервных в постоянные.

Точно так же совершенно неверно утверждение, будто вновь возникший спрос может быть удовлетворен только при помощи вновь установленного оборудования, вновь построенных фабричных зданий и т. п. Это не соответствует действительности даже для общества, где производственный аппарат, как правило, используется полностью. Опыт показывает, что современная техника таит большие возможности повышения эффективности наличного оборудования путем усовершенствования технологических процессов, применения разнообразных методов рационализации труда. К тому же следует добавить, что в капиталистических странах существует большая хроническая недогрузка предприятий и, следовательно, полностью отсутствуют условия, предполагаемые Митчеллом. По тем же причинам не может иметь сколько-нибудь существенного значения фактор «ускорения», который всячески раздувается буржуазными экономистами.

Конечно, при наличии высоких темпов расширения отдельных отраслей производства может временно обнаруживаться дефицит

в некоторых видах сырья и оборудования. На некоторых участках может обнаружиться снижение производительности труда. Но эти трудности разрешаются не путем сокращения производства в ходе кризиса, а, напротив, путем расширения соответствующих отраслей.

Производственно-технические трудности не могут служить основанием экономических кризисов хотя бы потому, что техника в своем развитии создает ряд средств, позволяющих преодолеть эти трудности. Это обстоятельство отметил еще Маркс, который указывал, что технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д. делают возможным в величайшем масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства, Маркс писал, что «наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины»¹⁹.

Как выше отмечалось, буржуазные экономисты делают ударение на мнимой диспропорции между «убывающей производительностью труда» в фазе подъема и якобы растущей заработной платой. Это утверждение оказывается особенно удобным для буржуазии, так как оно взваливает ответственность за экономические кризисы на рабочий класс и дает возможность призывать к тому, чтобы именно рабочие расплачивались за кризисы. Так подводится «теоретическая» база под резкое снижение заработной платы, рекламируемое как главный выход из кризиса.

Требование снижения реальной заработной платы в качестве необходимого условия борьбы с кризисами дополняется усиленной пропагандой необходимости поощрения капиталистов, поддержания у них бодрости, «веры в будущее», «самопроизвольного оптимизма» и т. д. Для «обоснования» такой столь выгодной для капиталистов политики привлекается так называемая психологическая теория кризисов, объявляющая смену оптимистических настроений предпринимателей несимметрическим одной из важнейших причин кризисов. Основу экономических кризисов эта «теория» усматривает прежде всего в так называемом кризисе доверия, в потере предпринимателем веры в прочность своего экономического положения.

Не приходится сомневаться в том, что эта «теория» ставит вопрос на голову. На деле смена оптимистических и пессимистических настроений предпринимателя определяется изменением объективного положения, изменением в процессе капиталистического воспроизводства, а не наоборот.

Конечно, паника, охватывающая капиталистический мир в фазе кризиса, способствует его дальнейшему обострению. Но сама эта паника обусловлена кризисом. Она только отражает реальные процессы, происходящие в капиталистической экономике. Влияние этого фактора ограничено общими условиями воспроизводства капитала.

¹⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 611.

«Психологическая теория кризисов» — одно из наиболее откровенных применений субъективного идеализма. Эта идеалистическая теория создала базу для самых фантастических рецептов лечения капитализма от экономических кризисов. Современные «лекари» капитализма рекомендуют прежде всего внушить капиталистическому предпринимателю оптимистическую веру, преодолеть его пессимистические настроения, найти выход из «кризиса доверия». Так, например, Моултон придает особое значение внушению капиталистам во время кризиса веры в то, что уже достигнута нижняя граница кризиса, что дальнейшего падения производства не последует. При этом Моултон выдвигает такой «аргумент»: «почему мы должны ожидать естественного экономического предела ((bottom), когда такой предел нельзя выявить и он может быть установлен и признан только ретроспективно»²⁰. Моултон не высказывает до конца свои соображения, но ход его мыслей совершенно очевиден: раз никто не может в данный момент с полной очевидностью доказать, что нижняя граница кризиса уже достигнута, то отчего не пустить ложный слух, что эта нижняя граница уже достигнута? Пусть это будет спасительная ложь, лишь бы она исцелила капиталистов от их пессимистических настроений и побудила предпринимателей увеличить капиталовложения.

Исходя из той же субъективно-идеалистической «теории кризисов», Хансен объявляет одним из главных препятствий к осуществлению «полной занятости» распространенное среди капиталистических предпринимателей убеждение в нестабильности конъюнктуры²¹. Только это злосчастное убеждение, по Хансену, толкает предпринимателей в фазе подъема взвинчивать цены для того, чтобы иметь средства для покрытия возможных убытков во время кризиса. Хансен изображает это убеждение чуть ли не в качестве главной причины, вынуждающей капиталистов снижать заработную плату. Итак, для того чтобы отучить капиталистов от плохих привычек и направить их на стезю добродетели, по Хансену, имеется только одно средство — заставить капиталистов поверить в то, что конъюнктура может быть стабилизирована.

Но одни словесные уверения в возможности стабилизации конъюнктуры не могут удовлетворить бизнесменов. Они, конечно, охотно распространяют такие «теории» в интересах успокоения масс, но для себя бизнесмены требуют не словесных деклараций, а вполне осязательных, реальных ценностей. Основной смысл «психологической теории кризисов» состоит в оправдании всяких форм материального поощрения и финансирования магнатов капитала, в «обосновании» программы перераспределения народных средств через посредство государственного бюджета в пользу

²⁰ Harold G. Moulton. Controlling Factors in Economic Development, p. 334.

²¹ A. Hansen. Economic Policy and Full Employment, p. 133.

финансовой олигархии. Речь идет о создании для крупнейших монополий гарантированного рынка в виде государственных заказов на крайне льготных для капиталистов условиях, о предоставлении монополиям крупных субсидий, налоговых льгот, о передаче им в эксплуатацию государственных заводов и т. д. Особое значение в системе «взбадривания» монополистов имеют указанные выше мероприятия по организации «скорой помощи» предприятиям, находящимся на грани банкротства (так называемое санирование). Эти «антикризисные» мероприятия имеют многообразный характер, но их основа одна и та же — она сводится к обогащению монополий за счет казны, т. е. в конце концов за счет трудящихся.

Требование усиленного поощрения капиталистических предпринимателей (речь, конечно, идет в первую очередь о крупнейших монополиях) непосредственно связано с провозглашением государственных расходов в качестве важнейшего фактора стимулирования общественного спроса. Всячески восхваляя «спасительную» роль государственного «регулирования» экономики, буржуазные идеологи кейнсианского толка усматривают основу этого «регулирования» в искусственном форсировании общественного спроса за счет увеличения государственных расходов.

Эту точку зрения отчетливо выразил американский буржуазный экономист А. Лернер²². Он упростил теорию Кейнса, освободив ее от чересчур сложных «построений».

Суть кейнсианской теории Лернер сводит к утверждению, будто уровень занятости зависит от общей суммы расходов как частных лиц, так и государства. Уровень расходов, по идее Лернера, должен служить «регулятором занятости». Такое «регулирование», по его мнению, должно осуществляться правительством. При недостаточном уровне расходов в стране (например, во время кризисов) правительство, по Лернеру, должно либо само способствовать повышению этого уровня, например посредством организации общественных работ, либо же поощрять население к увеличению потребления путем снижения налогов. При чрезвычайно высоком уровне расходов (например, во время инфляции) Лернер рекомендует правительству принимать меры к их снижению посредством сокращения государственных расходов и повышения налогов.

В американской буржуазной экономической литературе получила большое распространение так называемая теория заправки или накачки насоса (pump priming). Когда насос перестает подавать воду, необходимо влить воду в цилиндр для того, чтобы восстановить деятельность насоса. «Теория заправки насоса» проводит аналогию между государственными расходами и вливанием воды, которое восстанавливает деятельность насоса.

²² В частности, в кн. A. Lerner. Economics of Employment. N. Y., 1951.

Эта аналогия не только подчеркивает благотворную роль государственных расходов. Она преследует и другую цель. Дело в том, что для восстановления работы насоса часто бывает достаточным влить небольшое количество воды. Эта теория пытается внушить рядовому американцу убеждение, будто для оживления хозяйственной конъюнктуры не требуется какого-то экстраординарного роста государственных расходов.

В действительности монополистический капитал требует гигантского роста государственных расходов. Он заинтересован в максимальном использовании государственного бюджета в качестве источника увеличения своих прибылей. Монополии осуществляют самое необузданное казнокрадство.

Буржуазные экономисты (в частности Хансен, Харрис, Мерпер и др.) отстаивают разнообразные формы финансирования монополий из средств государственного бюджета. Они восхваляют расширение практики государственных заказов, создание новых государственных предприятий, закупку в больших масштабах стратегического сырья, увеличение армии и государственного аппарата. Реализация этих мероприятий не может не привести к разбуханию в огромных размерах расходной части государственного бюджета.

Хансен, защищая эту практику, объявляет гигантский рост расходов федерального бюджета во время второй мировой войны «одним из самых больших достижений военного опыта»²³. Рост государственных расходов он рекламирует как важнейшее условие, которое якобы должно привести к смягчению или даже к преодолению экономических кризисов. Суть этой философии, прямо и непосредственно оправдывающей интересы монополистов, кратко и популярно изложил американский буржуазный экономист Вассерман. Неудачи попыток Ф. Рузвельта ослабить кризисы 30-х годов Вассерман объясняет тем, что правительство тогда тратило слишком мало денег. Когда же во время второй мировой войны правительство стало тратить гораздо больше, то это-де вызвало быстрый выход из кризиса²⁴. Итак, увеличивайте государственные расходы в интересах монополистов! — таков смысл этой философии.

При рассмотрении вопроса о действительной роли государственных расходов необходимо прежде всего исходить из классово-природы государства и выяснить два совершенно конкретных вопроса: а) для каких целей используются государственные средства и б) из каких источников финансируются государственные расходы.

Совершенно очевидно, что если бы государственные средства в условиях капитализма затрачивались на увеличение народного потребления, то это могло бы ослабить экономические кризисы.

²³ A. Hansen, *Economic Policy and Full Employment*, p. 132.

²⁴ «Commercial and Financial Chronicle», January 29, 1948.

Но столь же очевидно, что такое использование государственных средств противоречит природе капитализма и буржуазного государства.

В эпоху империализма и общего кризиса капитализма наиболее предпочитаемой монополиями формой государственных затрат являются военные расходы. Форсированный рост производства вооружения находится в полном соответствии с империалистическими целями, которые ставит перед собой монополистический капитал. Усиленная гонка вооружений облегчает финансовой олигархии осуществление общей программы реакции, укрепление власти монополистического капитала и его милитаристской агентуры. Особо важное значение имеет то, что в обстановке усиливающейся военной истерии создаются чрезвычайно благоприятные условия для обирания монополиями казны: военные заказы приносят монополиям баснословные прибыли.

Рост государственных расходов при капитализме в силу их непроизводительного характера неизбежно приводит в конечном счете к упадку производительных сил и к обострению социально-экономических противоречий. Буржуазные экономисты обходят социальные последствия роста непроизводительного потребления, используя старую вульгарную теорию, согласно которой всякий труд, в котором нуждается буржуазное государство, имеет якобы производительный характер. Стирая всякое различие между производительным и непроизводительным трудом, эта «теория» объявляет деятельность государственных чиновников, полицейского аппарата, армии и флота таким же источником национального дохода, как и труд рабочих, занятых в материальном производстве.

Конечно, при такой трактовке источника национального дохода снимается вопрос о пагубном влиянии растущих непроизводительных расходов на экономику. Не приходится доказывать, что такие рассуждения очень выгодны для буржуазии.

Рост государственных расходов в условиях капитализма неизбежно приводит к сокращению покупательной способности и потребления основной массы населения и, следовательно, способствует обострению противоречий капитализма.

Огромный рост государственных расходов, сопровождаемый политикой бюджетного дефицита, ведет к повышению цен, усилению инфляции, к расстройству денежного обращения. В интересах монополий, обогащающихся на инфляции и обнищании трудящихся масс, многие американские буржуазные экономисты высказываются за развязывание инфляции. При этом инфляция выдается за метод предотвращения или смягчения неизбежного кризиса. Сущность этого маневра Хансен характеризует, как лавирование «между Сциллой инфляции и Харибдой стагнации»²⁵.

²⁵ A. Hansen, *Full Recovery and Stagnation*, N. Y., 1938, p. 319.

Игнорируя тяжелые последствия инфляции на протяжении всей истории капитализма и в особенности после первой мировой войны, буржуазные экономисты говорят о возможности «контролировать» и «регулировать» инфляцию, об «инфляции в умеренных рамках», не угрожающей развалом хозяйства. При этом они уверяют, что снижение стоимости денежной единицы будет столь умеренным, что не вызовет полного расстройства всего денежного обращения, как это имеет место на определенном этапе развертывания инфляции. В основе такого рода призрачных надежд лежит апологетическое представление о том, что буржуазное государство якобы может управлять законами денежного обращения, лежит игнорирование анархичности капиталистического хозяйства.

В действительности инфляция способствует нарастанию процессов, подготовляющих экономический кризис перепроизводства. С одной стороны, она стимулирует увеличение капиталовложений, расширение производства, образование спекулятивных запасов товаров. С другой стороны, будучи средством дополнительной эксплуатации и ограбления трудящихся, она способствует сжатию реального объема спроса на предметы потребления. Тем самым инфляция обостряет коренные противоречия капиталистического воспроизводства.

Фактическая защита инфляции объединяет многих американских буржуазных экономистов. Различие между ними лишь в методах прикрытия и маскировки инфляционной практики.

Некоторые буржуазные экономисты выступают с откровенной защитой «умеренной инфляции». «Умеренная доза инфляции,— заявляет без обиняков Шоу,— была бы превосходным средством доведения до максимума военных усилий на домашнем фронте»²⁶.

Но буржуазные экономисты отдают себе отчет в том, что рабочих никак не может прельстить перспектива даже весьма умеренной инфляции. Рабочий на своем кармане скоро начинает чувствовать влияние инфляции, означающей прежде всего прямое снижение реальной заработной платы. Буржуазный экономист Харт убеждает своих собратьев по перу в том, что нельзя считать рабочих настолько глупыми, чтобы они поверили в благотворительные последствия инфляции²⁷.

В сборнике статей, изданном в США в 1951 г. под названием «Экономическая мобилизация и стабилизация», подчеркивается, что по мере усиления классовой борьбы пролетариата использование инфляции становится все более опасным и что «она может привести к массовым волнениям и даже к революции»²⁸. Поэтому

²⁶ Edward S. Show. Money, Income and Monetary Policy. Chicago, 1950, p. 451.

²⁷ Albert G. Hart. Money, Debt and Economic Activity. N. Y., 1948, p. 374—375.

²⁸ «Economic Mobilization and Stabilization», edited by Lester V. Chandler and Donald. Wallace, p. 180, 547.

только немногие буржуазные экономисты решаются выступить с открытой защитой инфляции. Большинство же предпочитает применять другую тактику в этом вопросе.

Значительная группа буржуазных экономистов считает нужным тщательно маскировать инфляционную практику, прикрывая ее активной антиинфляционной демагогией. Эта группа очень много распространяется об опасности инфляции. Буржуазные экономисты, принадлежащие к этой группе, пытаются представить себя в роли хранителей традиционной политики так называемых здоровых финансов и бюджетного равновесия, ревнителей экономии в области государственных расходов, противников увеличения государственного долга. Они проповедают экономию в расходовании государственных средств и достижение бюджетного равновесия за счет так называемых социальных расходов, например расходов на здравоохранение, народное просвещение, на пособия по безработице, т. е. за счет расходов, играющих ничтожную роль в американском бюджете. Но эти пылкие «ревнители экономии государственных средств», подчеркивающие на каждом шагу свое непримиримое отношение к инфляции, под шумок своих антиинфляционных заклинаний отстаивают предоставление капиталистам субсидий за счет государственного бюджета. Они забывают о своих предостережениях против опасности инфляции всякий раз, когда речь заходит о военных расходах. Они не менее рьяно, чем прямые апологеты увеличения государственного долга, раздувают военную истерию, проповедают гонку вооружений.

В отдельные периоды, в зависимости от конъюнктуры, усиливается то открытая защита инфляции, то критика ее. Эта критика имеет преимущественно демагогический характер, но в некоторой степени она отражает интересы отдельных групп буржуазии, которые затрагивает инфляция. Кризис 1929—1933 гг., депрессия особого рода, кризис 1937—1938 гг. сделали идею «регулируемой инфляции» популярной в буржуазных кругах. Большинство «антикризисных» программ, выдвинутых в 30-х годах, в первую очередь программа Кейнса, включали в себя в качестве необходимого момента предложения поощрять инфляцию как средство оживления хозяйственной конъюнктуры.

После второй мировой войны, в обстановке военно-инфляционного бума, когда столь явственно сказались разрушительные последствия инфляции, усилилась антиинфляционная демагогия. Характерны названия брошюр и книг, вышедших в начале 50-х годов: Г. Катон. Народ против инфляции (1952), А. Харт. Оборона без инфляции (1951), «Оборона, контроль и инфляция» — сборник выступлений участников конференции экономистов по вопросам военной экономики (1952) и т. д.

В 1953—1954 гг. в связи с выявившимися кризисными явлениями в американской экономике снова участились призывы к «умеренной» инфляции. Так, авторы коллективной работы «Обо-

рона против депрессии. Политика усиления экономической стабильности» в качестве рецепта для лечения капитализма от кризисов прописывают инфляцию. «Опыт показывает, — пишут они, — что постоянное, но не чрезмерное увеличение денежного предложения наиболее благоприятствует экономическому росту»²⁹. В изданном в 1955 г. сборнике «Послекейнсианская экономия» в ряде статей восхваляются преимущества «умеренной» инфляции. Так, в статье американского профессора У. С. Викри предлагается признать «условие специфической контролируемой и в общем антиципированной инфляции respectable и, возможно, даже желательным условием»³⁰.

Следует отметить, что в 30-х годах военные расходы США были относительно невелики. Так, в 1937/38 г. прямые военные расходы США составляли 1 млрд. долл., или 14,3% государственного бюджета и 1,5% национального дохода³¹.

В тот период проповедь милитаризации народного хозяйства еще не была лейтмотивом буржуазной экономической литературы. Кейнсианская теория использовалась тогда преимущественно для оправдания мероприятий экономической экспансии, для «обоснования» организации «спасательных» работ в отношении предприятий, находящихся на грани банкротства, для приукрашивания других государственных мероприятий, целью которых было укрепление монополистического капитала (например, принудительное картелирование).

В 30-х годах при Ф. Рузвельте значительные государственные средства были затрачены на организацию «общественных работ». Именно в тот период в буржуазной экономической литературе получила широкое хождение идея о том, что так называемые общественные работы призваны сыграть роль своеобразного «стабилизатора» конъюнктуры, что они должны восполнить недостаток частнохозяйственной активности, дать применение избыточной рабочей силе и т. п., особенно во время кризисов.

Не требуется особых доказательств для опровержения подобного рода рассуждений. Кризисное состояние экономики крайне ограничивает выбор отраслей, в которые могут быть направлены государственные инвестиции. Ясно, что капиталовложения в те отрасли, где орудует частный капитал, способствовали бы обострению там конкуренции. Рост государственных и муниципальных инвестиций в этом случае неизбежно привел бы к росту товарной продукции, к росту общественного предложения. Для перепроизвод-

ства товаров в конечном счете безразлично, получается ли оно за счет частных или государственных предприятий. Поэтому лечить перепроизводство в частных предприятиях путем расширения государственных инвестиций в тех же отраслях так же бессмысленно, как лечить болезнь путем усиления тех причин, которые ее вызывают.

Современное буржуазное государство осуществляет инвестиции в те отрасли, куда неохотно идет частный капитал (в связи с низкой рентабельностью или длительным оборотом основного капитала). Вполне естественно, что круг таких отраслей весьма ограничен, ибо монополистический капитал подчиняет себе подавляющую часть общественного производства. Все это лимитирует масштабы «общественных работ».

Урок организации «общественных работ» в США в 30-х годах весьма поучителен. Еще в 1933 г. была создана Федеральная администрация общественных работ, имевшая довольно разветвленную сеть строительных организаций на железнодорожном транспорте, в речных портах, в автодорожном хозяйстве и т. д. Для организации этих работ было выделено 3,3 млрд. долл. В 1935 г. была создана Администрация общественных строительных работ, продолжавшая ту же деятельность по организации «общественных работ». За период с 1933 по 1937 г. всего было отпущено на эти цели около 12 млрд. долл. Официальное назначение этих государственных расходов состояло в том, чтобы довести до минимума огромную армию безработных.

Несмотря на громадные государственные затраты, общее сокращение числа безработных было незначительно. Правда, Администрация общественных строительных работ предоставляла работу 1—2 млн. человек, а в некоторые годы и 3 млн., но при этом сохранялась в несколько раз большая армия полностью безработных. Так, например, в 1936 г. Администрация общественных строительных работ предоставила работу 3 млн. человек, а осталось полностью безработных 10 млн. человек. Для 1937 г. соответствующие цифры составили 1 млн. и 8,2 млн., для 1938 г. — 3 млн. и 10,9 млн., для 1939 г. — 2 млн. и 10,2 млн.

В каком же направлении используются «общественные работы» в условиях капитализма? Буржуазные экономисты пытаются уверить читателей в том, что государственные инвестиции должны быть якобы использованы для улучшения материального положения народа — для строительства новых школ, больниц, жилищ, для оздоровления городов.

Утверждения о возможности использования «общественных работ» в условиях капитализма в интересах улучшения положения трудящихся столь же несостоятельны, как и распространяемые буржуазными апологетами иллюзии о том, будто капиталисты стремятся увеличить личное потребление трудящихся. Буржуазные государства сводят «общественные работы», направленные на удов-

²⁹ «Defence against Recession: Policy for Greater Economic Stability», N. Y., 1954, p. 6.

³⁰ W. S. Vickrey. Stability through Inflation. «Post-Keynesian Economics», edited by K. K. Kurihara, New Brunswick, New Jersey, 1954, p. 90.

³¹ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 149.

летворение потребностей населения, к минимуму. В основном же «общественные работы» в условиях капитализма получают одностороннее, преимущественно военное применение. Не случайно в программах «общественных работ» столь большое место занимают, с одной стороны, дорожные работы, имеющие непосредственно стратегическое значение, а с другой — работы по строительству мощных гидростанций, используемых в условиях капитализма прежде всего как военный резерв. Так, например, одним из важнейших элементов программы «общественных работ» в США в 30-х годах было сооружение мощных электростанций в долине реки Теннесси. В период второй мировой войны эти государственные гидростанции служили источником энергии для налаживания производства атомных бомб³².

В конечном счете от организации «общественных работ» выигрывают не столько рабочие, сколько капиталистические предприниматели. Последние получают заказы на строительные материалы, оборудование и всякого рода другие материалы, используемые при «общественных работах». Особенно важное значение для капиталистов имеет тот факт, что на «общественных работах» практикуется очень низкая заработная плата. Это дает возможность монополистам снижать заработную плату рабочим, занятым на их предприятиях. Мы уже не говорим о том, что распространение среди рабочих иллюзий о возможности устранения безработицы при помощи организации «общественных работ» ослабляет революционную борьбу рабочих и тем самым выгодно капиталистам.

Значение того факта, что некоторое число безработных вовлекается в производство на «общественных работах», в значительной мере умаляется и в силу того, что заработная плата, выплачиваемая на этих работах, не намного превышает пособия по безработице. По этим же причинам увеличение числа занятых на «общественных работах» не может в сколько-нибудь значительной степени увеличить покупательную способность населения.

2. ОСОБЕННОСТИ «АНТИКРИЗИСНЫХ» ПРОГРАММ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После второй мировой войны в американской буржуазной экономической литературе имеют хождение те же теории кризисов, что и на первом этапе общего кризиса капитализма. Но под влиянием промышленного оживления, имевшего место в США, в по-

³² Характерно, что в разделе «Закона о восстановлении национальной промышленности», касающемся «общественных работ», говорилось: «...Программа общественных работ может содержать... сооружение военно-морских судов... постройку тяжелых летательных аппаратов и технических сооружений для военно-воздушных сил, строительство военных казарм, а также оборудование для механизации и моторизации тех армейских тактических единиц, которые будут указаны президентом.

слевоенный период произошла некоторая модификация этих теорий.

Буржуазные экономисты распространяют версию о том, что в современных условиях в результате мероприятий, осуществляемых правительством, возможны только слабые и безопасные «спады».

Стремясь всячески успокоить и обнадежить американского обывателя, современные американские буржуазные экономисты избегают употребления не только термина «кризис», но даже менее грозных терминов, как «рецессия», «депрессия» и т. д. По этому поводу американский журнал «Тайм» 9 ноября 1953 г. в статье под названием «Что такое спад?» иронически писал: «Как ни странно, никто, по-видимому, не знает в точности, что такое спад. Это слово так же трудно определить, как и любовь. Одно из затруднений состоит в том, что такие выражения, как «депрессия» и «спад», имеют плохую репутацию, особенно среди политических деятелей, и их никогда не употребляют, если можно найти другое, более приятное слово.

Таким образом образовался целый новый словарь. На новом жаргоне спад может именоваться «регулированием», «корректированием», «скольжением», «замедлением», «небольшим уклоном», «понижающим поворотом», «нормальным приспособлением», «выравниванием», «легкой понижающей тенденцией», «затишьем», «возвратом к нормальному положению» и т. д. Все эти иносказания с своей стороны тоже не поддаются определению.

Для того чтобы судить о приемах, к которым прибегают американские буржуазные экономисты в интересах сокрытия экономических кризисов, достаточно привести следующий прогноз конъюнктуры Гравера Энсли из объединенной экономической комиссии конгресса: «Мы вступаем в период приспособления, который если и не имеет характера спада, отличается все же понижающими тенденциями».

Многие буржуазные экономисты пытаются успокоить общественное мнение, распространяя версию о том, что «спады» не представляют собой опасности и что они не лишены даже некоторых полезных сторон. Буржуазные экономисты имеют в виду то, что экономические кризисы дают возможность монополистическому капиталу усилить свое наступление на жизненный уровень рабочего класса. Рост безработицы, имеющий место в фазе кризиса, облегчает монополиям снижение заработной платы и значительно затрудняет борьбу рабочих за сохранение прежнего уровня жизни.

В американском журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», тесно связанном с монополистическим капиталом, от 2 октября 1953 г. в статье под названием «Насколько резким будет спад деловой активности?» откровенно высказывается надежда, что ожидающийся «спад» улучшит позиции капитала в его борьбе с рабочим классом. «Рабочая сила, — лицемерно жалуется этот

орган монополий, — была в дефиците, и сверхурочная работа была обычным явлением. Во многих случаях от рабочих было трудно добиться полной отдачи за рабочий день. Это должно измениться по мере того, как положение на рынке труда будет становиться выгодным для покупателя».

Кризисы перепроизводства создают монополистическому капиталу благоприятные условия для расправы с мелкими и средними предприятиями. Конкурентная борьба достигает в фазе кризиса своего наибольшего ожесточения. Как и следует ожидать, в этой борьбе выходят победителями наиболее мощные предприятия. Буржуазные экономисты всячески пытаются приукрасить эту борьбу и представить ее результаты как победу технически прогрессивных и передовых предприятий над отсталыми и технически консервативными предприятиями. В условиях домонополистического капитализма обычно выживали во время кризисов предприятия, имеющие более низкие издержки производства и возможность сбывать товары по более низким ценам. В тех исторических условиях низкие цены играли, по выражению К. Маркса, роль тяжелой артиллерии, при помощи которой буржуазия разрушала все китайские стены. Господство монополистического капитала внесло существенные изменения в положение дел. Конечно, метод подавления конкурентов при помощи низких цен не потерял своего значения и в период империализма, но он играет подчиненную роль. Современные монополии располагают такой колоссальной экономической мощностью, которая позволяет им подавлять своих конкурентов и при сохранении относительно высокого уровня цен за счет использования всяких других преимуществ, которыми располагают монополии (монопольное обладание сырьем, использование наиболее выгодных условий в области транспорта, организации сбыта товаров, получения кредита и т. д.). В этих условиях выживают отнюдь не всегда технически наиболее передовые предприятия.

Экономические кризисы способствуют обострению неравномерности экономического развития капиталистических стран. Монополии наиболее крупных империалистических государств осуществляют «экспорт кризиса» в другие страны, пытаются перенести на них основное бремя издержек, связанных с кризисами. Одним из важнейших проявлений такого «экспорта кризиса» является усиленный демпинг, разрушительно действующий на экономику более слабых капиталистических стран. В результате этих процессов усиливается экономическая зависимость одних стран от других, растет экономическая экспансия наиболее мощных монополий.

Ссылка на подобного рода факты усиления позиций некоторых монополий на внутреннем и внешнем рынке в результате экономических кризисов используется буржуазными экономистами для обоснования «теории», что «умеренные» кризисы или «спады» представляют собой положительное явление.

Весьма отчетливо эта позиция выражена в книге американского буржуазного профессора Альберта Харта «Деньги, долг и экономическая активность». Харт дает сводку приводимых в американской экономической литературе «положительных» оценок кризисов. В изображении американских буржуазных экономистов кризисы перепроизводства 1) выступают источником «всеобщего морального подъема» (!), 2) являются фактором отбора наиболее эффективных процессов лучше работающих фирм и руководителей предприятий, 3) способствуют росту числа изобретений, 4) ломают монополистические объединения и свойственную монополиям негибкость цен (*price rigidities*), 5) поднимают индустриальную дисциплину и производительность труда³³.

Свойственное современным буржуазным идеологам игнорирование действительных противоречий выступает в этой схеме в обнаженном, неприкрытом виде. Чего стоит одна только ссылка на «всеобщий моральный подъем»! В этой «сводке» совершенно игнорируются такие решающей важности факты, вызываемые современными экономическими кризисами, как разрушение производительных сил, рост безработицы, массовое закрытие предприятий, деградация ряда отраслей, в частности сельского хозяйства метрополий, и экономики колониальных стран. Достаточно привести данные о том, на сколько десятилетий назад отбросил экономический кризис 1929—1933 гг. промышленность крупнейших капиталистических стран, чтобы ясна была вся фальшь «аргументации» тех, кто занимается восхвалением экономических кризисов. Сам Харт чувствует неудобство открытого восхваления кризисов перепроизводства, представляющих собой величайшее бедствие для населения капиталистических стран, и выступает с показной «критикой» приведенной выше «аргументации». Но общий его вывод по данному вопросу весьма недвусмысленно подчеркивает желательность сохранения «смягченных» кризисов. «Вероятно, нет опасности (!), — заверяет он, — что мы сможем полностью избежать депрессии. При удаче и хорошем руководстве мы окажемся способными добиться разумно мягких и коротких депрессий и использовать реальные преимущества, которые они представляют»³⁴.

Еще более откровенно эту точку зрения выразил другой американский буржуазный профессор, Шоу, заявивший, что идеалом экономики является не полная стабильность и не полное отсутствие стабильности, а нечто среднее между этими двумя крайностями³⁵. Смысл этого высказывания также в восхвалении «смягченного цикла».

Эта точка зрения получила широкое распространение в современной американской буржуазной экономической литературе. Она защищается и в учебниках по политической экономии. Например,

³³ Albert G. Hart. Money, Debt and Economic Activity, p. 339.

³⁴ Albert G. Hart. Money, Debt and Economic Activity, p. 338—339.

³⁵ Edward S. Shaw. Money, Income and Monetary Policy, p. 422—423.

в учебнике Моффата и других читаем, что задача «антикризисной политики» заключается в обеспечении «здорового роста со сменой подъема и спада производства в умеренных пропорциях», в «предупреждении эксцессов, которые имели место в прошлом»³⁶.

Современные американские буржуазные экономисты изыскивают всякие аргументы для подкрепления своих измышлений о том, что американскому капитализму якобы удалось создать механизм, при помощи которого он оказался способным предупреждать наступление глубоких экономических кризисов. Эта версия стала одной из главных опор пресловутой «теории американской исключительности» или «превосходства американского образа жизни».

В наиболее концентрированном виде основные «аргументы», выдвигаемые сторонниками этой версии, собраны в статье Уорнера Вильсона «Силы и факторы, ослабляющие депрессию» («Мэгэзин оф Уолл-стрит», 2 октября 1954 г.), разрекламированной в американской буржуазной прессе. Вильсон ссылается на четыре фактора, которые, по его утверждению, «в значительной мере обезвредили экономический цикл». Важнейшим фактором, «ослабляющим депрессию», он объявляет громадный рост правительственного спроса. В качестве дополнительных факторов Вильсон называет снижение удельного веса в народном хозяйстве «одного заведомо неустойчивого фактора — сельского хозяйства», создание «циклических амортизаторов» или «стабилизаторов», под которыми имеются в виду пособия безработным и вообще увеличение выдач по соцстраху, снижение налогов во время кризисов и т. д., наконец, пресловутую «революцию» в распределении национального дохода.

Американские буржуазные экономисты усиленно распространяют легенду о том, что процент доходов, получаемых наиболее богатыми членами общества, по отношению к национальному доходу якобы снизился к выгоде менее обеспеченных и хуже оплачиваемых слоев. Для «подкрепления» этой версии используется фальсифицированная буржуазная статистика. Так, Симон Кузнец при помощи соответствующей обработки статистических рядов продемонстрировал в своей книге «Доли высших групп по доходу в доходе и сбережениях»³⁷, будто группа наиболее богатых, составляющая 1% населения, получала в 1919—1928 гг. 13,4% всех частных доходов, а в 1939—1948 гг. — только 9,9%.

Расчеты Кузнеца основаны на игнорировании ряда моментов, приводящем к преуменьшению доходов, получаемых крупнейшими капиталистами США. Так, он учитывает лишь ту часть прибылей, которая присваивается в виде дивидендов, опуская нераспределенные прибыли. Между тем последние достигают весьма крупных размеров, и удельный вес их обнаруживает тенденции к росту.

³⁶ James E. Moffat, C. Lawrence Christenson and others. Economics. Principles and Problems. N. Y., 1946, p. 872.

³⁷ Simon Kuznets. Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. N. Y., National Bureau of Economic Research, 1953.

Например, в 1929 г. корпорации США выплатили 5,8 млрд. долл. дивидендов и оставили нераспределенными прибыли на сумму 2,6 млрд.; в 1948 г. они выплатили дивидендов на сумму 7,2 млрд. долл. и оставили 13,5 млрд. долл. нераспределенных прибылей.

Далее, Кузнец учитывает лишь ту часть доходов богатейших американцев, которую они сами сообщают налоговым органам, и игнорирует тот факт, что капиталисты укрывают от обложения значительную часть своих прибылей. Правительственный статистик С. Гольдсмит считает, что от обложения укрывается 5% заработной платы рабочих и служащих, 29% предпринимательской прибыли, 24% дивидендов, 63% процентов и 55% ренты³⁸.

В интересах снижения налогового обложения крупнейшие капиталисты записывают свои прибыли на ряд подставных лиц. Так, доходы Дюпонов расписываются на 150 лиц.

Известный прогрессивный американский экономист Виктор Перло опроверг расчеты Кузнеца, показав, что наиболее богатые американцы, составляющие 1% всего населения, получают $\frac{1}{6}$ часть всех частных доходов, т. е. в 2 раза больше по сравнению с расчетами Кузнеца.

Буржуазные экономисты утверждают, что в условиях инфляционной конъюнктуры правительство якобы в состоянии охранять доходы трудящихся путем «контроля» над ценами и заработной платой. В действительности же существовавший в США «контроль» над заработной платой сводился к ее «замораживанию». Управление стабилизации заработной платы установило в 1950 г., что заработная плата может меняться лишь в соответствии с изменением индекса цен на потребительские товары, составляемого Бюро статистики труда.

Но как отмечал орган профсоюза электриков, «этот индекс исходит из цен на более дорогие предметы, которые рабочим не по карману и которые вздорожали меньше всего. В индекс стоимости жизни Бюро статистики труда не включаются налоги, которые за последние годы особенно сильно истощают кошельки рабочих»³⁹.

Что же касается «контроля» над ценами, то устанавливаемый максимальный предел для цен на самом деле является фикцией, ибо монополии всегда имели возможность обходить эти правила. Кроме того, цены были установлены на очень высоком уровне.

Следует к тому же добавить, что в настоящее время «контроль» над ценами и заработной платой отменен. Монополии тем самым получили возможность устанавливать грабительские цены на свои товары, не прибегая к маскировочным средствам.

Рост цен ведет к снижению реальной заработной платы. Даже буржуазная статистика показывает снижение реальной

³⁸ Victor Perlo. The Income «Revolution». N. Y., 1954, p. 14.

³⁹ Цит. по кн. «Последствия милитаризации экономики США». Сборник материалов. М. ИЛ, 1953, стр. 76.

заработной платы американских рабочих в послевоенный период. Это видно из следующих данных⁴⁰.

Официальные индексы (1944 г. = 100)

	1946 г.	1948 г.	1950 г.
Индекс выплаченной суммы заработной платы в промышленности . . .	80	102	94
Индекс цен на потребительские товары	111	139	135

Как видно из этих данных, индекс заработной платы снизился к 1950 г. на 6%, а цены выросли на 35%. После перехода экономики США в 1950 г. на военные рельсы положение рабочего класса еще больше ухудшилось. Цены на важнейшие предметы потребления стали быстро расти, что привело к снижению реальной заработной платы. Последняя снижалась еще и в результате роста налогового обложения рабочих.

Обнищание рабочего класса усиливается в связи с увеличением интенсивности труда, ростом безработицы, ухудшением жилищных условий и т. д.

Буржуазные экономисты пишут, будто в США существует чуть ли не «полная занятость». Однако данные официальной статистики безработицы и занятости основываются на выборочном опросе нескольких тысяч рабочих, итог которого затем распространяется на всю армию рабочих. При этом не считается безработным тот, кто имеет рабочее место, но не работает; тот, кому обещано получение работы в течение предстоящего месяца; тот, кто работает хотя бы один час в неделю.

По данным американского Бюро переписи, в середине 1953 г. 8,3 млн. человек имели укороченную рабочую неделю — от 2 до 6,5 часа в день, а 2,1 млн. имели несколько часов случайной работы в неделю. Экономисты прогрессивного профсоюза электриков подсчитали, что в январе 1954 г. было не 3,1 млн. полностью безработных, как установила официальная статистика, а по меньшей мере — 4 млн.⁴¹

Буржуазные экономисты много пишут о значении пособий по безработице, изображая их как фактор стабилизации конъюнктуры. При этом они умышленно умалчивают о том, что эти пособия носят временный характер (обычно не более полугода) и что многие миллионы рабочих и служащих США вообще не охвачены страхованием по безработице.

Что касается ссылки Уорнера Вильсона на снижение удельного веса сельского хозяйства, благодаря чему якобы обеспечивается

большая устойчивость конъюнктуры, то и эта ссылка неосновательна.

Пережитие аграрного кризиса с промышленным кризисом перепроизводства усиливает разрушительное действие последнего. Этот факт сыграл немаловажную роль в 1929—1933 г., когда кризис достиг исключительной силы и продолжительности.

И для послевоенного периода характерно наличие длительного аграрного кризиса, охватившего не только США, но и другие страны Западного полушария. Этот факт не может не оказать своего воздействия на интенсивность промышленного кризиса перепроизводства. Решающее значение имеет здесь не удельный вес сельского хозяйства во всем народном хозяйстве, а прежде всего состояние сельского хозяйства, наличие в нем элементов перепроизводства.

Наряду со ссылкой на минимую революцию в распределении и на другие вымышленные факторы, якобы способствующие «стабилизации» конъюнктуры, американские буржуазные экономисты много распространяются о якобы благотворном влиянии милитаризации и гонки вооружений на капиталистический цикл.

Восхваление «чудотворного» воздействия милитаризации на экономику превратилось в США в настоящий «бизнес». Вот как расписывал «магическое» влияние милитаризации американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд уорлд рипорт»: «Правительственные плановики утверждают, что они нашли магическую формулу для благоденствия почти на вечные времена. Им теперь начинает чудиться, что существует действительно нечто вроде перпетуум-мобиле... Холодная война — это пусковой кран автоматического насоса. Откроешь этот кран — и публика требует увеличения расходов на вооружение. Закроешь — и нет этого требования... Потребности холодной войны, если их полностью использовать, почти безграничны»⁴². Восторгаясь огромным ростом военных расходов США после начала войны в Корее, тот же журнал писал в 1951 г.: «О таком уровне расходов на оборону раньше можно было мечтать разве только в разгар войны. Этот ливень миллиардов открыл эру процветания с рекордной деловой активностью, рекордными прибылями и рекордным спросом на промышленную продукцию»⁴³.

В сборнике «Экономическая мысль 20 столетия» Гордон Хайек писал: «Выдающейся формой потребления и средством обеспечения занятости во все века была война. Совсем недавно мы имели поразительный пример эффективности войны в обеспечении занятости. Недавний конфликт разрешил для нас проблему труда, с которой мы тщетно боролись в течение десятка лет. Он продемонстрировал всем, кто в состоянии видеть, как мы проложили

⁴⁰ Е. В а р г а. Основные вопросы экономики и политики империализма. М., Госполитиздат, 1953, стр. 42.

⁴¹ «12 Labor Fact Book», p. 13.

⁴² «United States News and World Report», May 26, 1950.

⁴³ «United States News and World Report», September 14, 1951.

свой путь к процветанию... Как заметил Кейнс, очевидно, только война заставит нации расходовать столько, чтобы сделать их процветающими»⁴⁴.

Основное извращение, которое здесь допускается, состоит в том, что рост спроса на военную продукцию изображается как фактор, равносильный по своему экономическому значению увеличению потребительского спроса. Между тем в действительности финансирование военного производства осуществляется такими методами, которые неизбежно влекут за собой сокращение потребительского спроса широких масс населения и, следовательно, обостряют противоречия, ведущие непосредственно к кризису перепроизводства.

Милитаризация экономики может вызвать только временный рост общественного производства и занятости, она не может устранить экономические кризисы, неизбежные при капитализме.

Это временное оживление объясняется некоторыми особенностями воспроизводства общественного капитала на первых этапах милитаризации. Если ограничиться только рассмотрением воспроизводства в наиболее абстрактном виде, если отвлечься от особенностей натурального состава продукции, от необходимости создания новых производственных мощностей, от условий кредитования и денежного обращения, то становится непонятным даже временное оживление, вызванное милитаризацией. Допустим, что государство затрачивает на военную программу 1 млрд. долл., взимая с населения такую же сумму денег. В этом случае рост спроса со стороны государства на 1 млрд. долл. компенсируется сокращением спроса со стороны населения на тот же 1 млрд. долл. В итоге имеет место лишь перераспределение национального дохода без всякого увеличения общественного спроса.

Однако этот вывод изменится, если учесть особенности натурального состава продукции, связанные с изменением структуры общественного спроса. Военное производство является весьма капиталоемким. Его расширение обычно связано с расширением таких капиталоемких отраслей, как черная и цветная металлургия (в частности, выплавка качественных металлов), химическая индустрия, станкостроение и т. д. Развитие военного производства предполагает создание новых производственных мощностей. В течение известного периода военные отрасли не дают продукции или дают очень мало и в то же время предъявляют огромный спрос на строительные материалы, оборудование и т. д. В результате милитаризации экономики происходит такое изменение структуры общественного производства, которое вызывает не только изменение в структуре совокупного платежеспособного спроса, но и общее возрастание его величины.

При рассмотрении особенностей воспроизводства общественного капитала на первых этапах милитаризации экономики нужно, далее, учесть то обстоятельство, что фактический разворот военного производства несколько опережает расплату казначейства за произведенную продукцию. Рост военных заказов и сокращение платежеспособного спроса населения на первых этапах милитаризации происходят неодинаковыми темпами. Правительство, пользуясь кредитом, предоставляемым капиталистами, имеет возможность перекладывать тяжесть военных расходов на население не сразу, а постепенно. Это обстоятельство сдерживает на начальном этапе милитаризации сокращение платежеспособного спроса населения.

Временное оживление производства связано также с особенностями инфляционного процесса, порожденного милитаризацией экономики. Значительная часть военного спроса реализуется посредством выпуска дополнительной массы средств обращения и платежа. Этот выпуск дополнительных средств обращения и платежа производится в настоящее время в виде государственных займов. Значительная часть этих займов представляет собой замаскированную форму эмиссии бумажных денег, связанную с обесценением валюты. Но это обесценение наступает не сразу. В течение известного времени обесценение бумажных денег происходит в более слабой степени по сравнению с ростом массы средств обращения и платежа. Все это дает возможность некоторого роста совокупного спроса на начальном этапе инфляции.

Рассмотрение факторов, объясняющих некоторое оживление промышленного производства в начале милитаризации, легко убеждает нас в том, что все они могут оказать только временное воздействие на увеличение совокупного платежеспособного спроса. Это совершенно очевидно и в отношении инфляции и в отношении того обстоятельства, что правительство не сразу перекладывает всю тяжесть военных расходов на население. Точно так же перестройка общественного производства, обусловленная милитаризацией экономики, требует известного времени, в течение которого имеет место усиленный спрос на продукцию I подразделения, необходимую для строительства военных предприятий. После окончания этой перестройки общественного производства противоречие между производственными возможностями капитализма и платежеспособным спросом должно сказаться с особой силой.

Воспроизводство общественного капитала в условиях милитаризации экономики имеет еще одну важную особенность, обусловленную характером продукции военных отраслей. Эта продукция не может быть использована ни в качестве средств производства, ни в качестве предметов потребления. Она предназначена для разрушения производительных сил. Она представляет по существу прямой вычет из национального богатства. По характеристике Маркса, использование продукции для военных целей

⁴⁴ «Twentieth Century Economic Thought», p. 229.

«в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала...»⁴⁵ Расширение военных отраслей отвлекает все большую часть общественного продукта от производительного применения, от использования в процессе воспроизводства и тем самым ограничивает в конечном счете возможности роста производительных сил. При прочих равных условиях экономика, в которой большую роль играют военные отрасли, представляет худшие условия для развития производства. Рост военной экономики знаменует собой громадное усиление расточительного потребления и в результате ведет к упадку производительных сил даже при отсутствии прямых военных разрушений.

Сочетание этих двух тенденций, характеризующих военную экономику, — сокращения покупательной способности населения и ограничения роста производительных сил — принимает разнобразный характер в зависимости от конкретных исторических условий. В частности, следует различать милитаризацию экономики в предвоенный период и в условиях уже развернувшейся «большой войны».

В обстановке «большой войны» имеет место громадное потребление вооружения и боеприпасов. Все потенции, заложенные в военной экономике, проявляются тогда с наибольшей полнотой. Значительная часть общественного продукта поглощается военной экономикой. Это неизбежно ведет к упадку гражданских отраслей и к общему истощению производительных сил. При этом противоречия капиталистического производства проявляются обычно не в форме кризиса перепроизводства. В странах, воюющих с полным напряжением, сокращение гражданского производства обычно происходит в более сильной степени, нежели сокращение платежеспособного спроса. Это вызывает своеобразные кризисные явления, выражающиеся в товарном дефиците, в росте спекуляции, в падении покупательной силы денег, в стремлении населения создавать запасы продуктов и т. д. Возникают процессы, аналогичные тем, которые имеют место в условиях разрушительной инфляции, хотя причина этих процессов лежит не столько в области денежного обращения, сколько в изменении структуры общественного производства и в огромном росте расточительного потребления. Недостаток многих товаров затрудняет воспроизводство не только во II, но и в I подразделении. Недостаток товаров тяжело отражается на экономическом положении трудящихся. Их жизненный уровень еще более снижается. Это в конечном счете обуславливает снижение производительности труда и усугубляет упадок производительных сил.

При всем внешнем различии кризиса перепроизводства и кризисных явлений, разветвляющихся в военной экономике, они

имеют одну общую черту — они выражают вынужденное разрушение производительных сил. Война способствует смягчению ударов кризиса перепроизводства именно в силу того, что она вызывает разрушение и упадок производительных сил в другой форме. Общими являются и социально-экономические последствия кризиса перепроизводства и кризисных явлений военной экономики. И в том и в другом случае налицо громадное усиление обнищания рабочих, массовое разорение мелких производителей и т. д. По своим политическим последствиям кризисные явления военной экономики могут быть не менее грозными для капитализма, нежели циклические кризисы перепроизводства.

Милитаризация экономики капиталистических стран, осуществляемая в мирное время, имеет некоторые особенности. Важнейшая особенность — отсутствие массового потребления военной продукции. Это ведет к тому, что военная машина поглощает значительно меньшую долю общественного продукта, нежели в условиях развернувшейся «большой войны». В этой обстановке разрушительное воздействие роста военного производства на экономику сказывается слабее, нежели во время войны. В предвоенной милитаризованной экономике сокращение платежеспособного спроса населения обычно происходит быстрее и сильнее, нежели свертывание гражданского производства. Вследствие этого, в отличие от периода войны, создаются благоприятные условия для взрыва экономического кризиса перепроизводства.

Само временное оживление, вызванное милитаризацией экономики, носит на себе отпечаток кризисных явлений. В этом отношении военно-инфляционное оживление отлнчно от обычного, традиционного, «нормального» оживления, представляющего собой одну из фаз капиталистического цикла. Своеобразие военно-инфляционного оживления заключается в том, что рост производства охватывает не все отрасли, а лишь определенную группу отраслей, обслуживающих прямо или косвенно военную машину, в том, что имеет место усиленное сокращение покупательной способности населения и резкое ухудшение положения мелких производителей. Как правильно отмечает академик Н. А. Трахтенберг, «разбухание военной промышленности, рост товарных цен и в особенности необычайный рост капиталистических прибылей создают иллюзию экономического процветания. В действительности же под внешним пестрым экономическим оживлением скрываются глубочайшие кризисные явления, хищническое расточительство производительных сил, дезорганизация процесса воспроизводства, неисчислимые бедствия трудящихся, крайнее ослабление всей капиталистической системы в целом»⁴⁶.

⁴⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1935, стр. 29.

⁴⁶ Н. А. Трахтенберг. Кредитно-денежная система капитализма после второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 109.

По мере истощения действия охарактеризованных выше факторов, вызывающих временное оживление в первой стадии развертывания милитаризации экономики, кризисные явления, сопровождавшие это временное оживление, неизбежно усиливаются и в конечном счете перерастают в кризис перепроизводства.

Таким образом, милитаризация народного хозяйства оказывает деформирующее влияние на течение капиталистического цикла, но она не в состоянии отменить его основных закономерностей. Деформирующее влияние милитаризации проявляется в трех направлениях. Во-первых, милитаризация резко усиливает неравномерность развития отдельных отраслей капиталистического производства, создавая исключительно большие диспропорции между отдельными отраслями. Милитаризация способствует развитию военных отраслей и сокращению гражданских отраслей промышленности (в первую очередь производства предметов потребления) и сельского хозяйства.

Во-вторых, экономический кризис в условиях милитаризации народного хозяйства сочетается с сохранением чрезвычайно высокого уровня цен в связи с большими государственными расходами на подготовку империалистической войны и с ростом государственного долга. Сохранение высокого инфляционного уровня цен маскирует кризис перепроизводства и в то же время тормозит реализацию имеющихся товарных запасов, затягивая тем самым выход из кризиса.

В-третьих, милитаризация народного хозяйства имеет тенденцию отсрочивать наступление экономического кризиса за счет развития военного производства, но в то же время она способствует усилению обнищания народных масс, углублению противоречия между производственными возможностями капитализма и потребительской способностью общества, возрастанию анархии производства и диспропорций между различными отраслями народного хозяйства и в конечном счете — обострению кризисов перепроизводства.

Империалистические круги пытаются преодолеть назревающий экономический кризис путем новой волны милитаризации, путем новых крупных военных ассигнований. Но это означает лишь отсрочку кризиса, чреватую взрывом еще более сильного и ужасного кризиса перепроизводства, ибо в процессе милитаризации происходит дальнейшее обострение основного противоречия капитализма.

Буржуазные экономисты подчеркивают только одну сторону влияния милитаризации на воспроизводство (отсрочку экономических кризисов), используя тот факт, что она маскирует кризисные процессы в экономике. В то же время они всячески замалчивают другую сторону — то, что милитаризация способствует дальнейшему углублению противоречий капиталистического воспроизводства.

Опыт США во время второй мировой войны и в послевоенный период показал, что хотя милитаризация и способствует временному расширению производства, но это стимулирующее воздействие милитаризации имеет ограниченные пределы. Чем продолжительнее происходит милитаризация экономики, тем более ослабевает ее стимулирующее воздействие на рост производства и тем более усиливается вызываемое ею обострение противоречий процесса воспроизводства.

Прежде всего следует отметить, что в США уже в 1943 г., т. е. в самый разгар военных действий, объем промышленного производства перерос объем военного потребления. После 1943 г. в США начинается сокращение промышленного производства. Так, индекс промышленного производства (1935—1939 гг. = 100) составил в 1943 г. — 219, в 1944 г. — 216, в 1945 г. — 186, в 1946 г. — 155. Этим самым было продемонстрировано, что даже в условиях мировой войны общественное предложение товаров может превысить общественный спрос.

Далее важно отметить, что после второй мировой войны, несмотря на усиленную милитаризацию, промышленность США долго не могла достигнуть военного максимума 1943 г. Лишь летом 1953 г. в течение очень непродолжительного времени общий индекс производства обрабатывающей промышленности превысил уровень 1943 г. на 3 пункта (2%). Затем началось значительное сокращение производства — общий индекс промышленной продукции с августа 1953 г. по август 1954 г. сократился на 9,6%.

Само расширение производства на базе милитаризации происходило крайне неравномерно и сопровождалось периодами приостановки роста и значительного сокращения производства. Так, после быстрого роста производства в 1950 и в начале 1951 г., вызванного большими военными заказами в связи с развертыванием войны в Корее, с середины 1951 г. до осени 1952 г. промышленный индекс США оставался примерно на одном и том же уровне. С осени 1952 г. по август 1953 г. имел место значительный рост промышленного производства, который сменился сокращением производства в 1953/54 г. С августа 1953 г. по август 1954 г. произошло сильное сокращение производства в ряде важнейших отраслей. Так, выплавка стали за указанный период сократилась на 30%, выпуск грузовых машин — на 37, железнодорожного оборудования — на 50, синтетического каучука — на 28,4, резиновых изделий — на 24,6, сельскохозяйственных машин — на 19,4, добыча угля — на 20%.

Сокращение производства сопровождалось значительным ростом безработицы (число полностью безработных увеличилось, по официальным данным, с августа 1953 г. по март 1954 г. с 1,2 млн. до 3,7 млн. человек), увеличением числа банкротств, обострением начавшегося раньше аграрного кризиса и т. д.

С сентября 1954 г. в США возобновился рост промышленного производства.

В отличие от США в большинстве западноевропейских капиталистических стран в 1953/54 г. имел место рост промышленного производства, что создавало благоприятные условия для расширения американского экспорта в Западную Европу. Это обстоятельство, связанное как с более поздним развитием по сравнению с США милитаризма в Западной Европе, так и с тем, что ликвидация последствий второй мировой войны, вызвавшей огромные разрушения в ряде западноевропейских стран, потребовала роста жилищного строительства и обновления основного капитала, позволило ослабить кризисные явления в США.

Совершенно очевидно, что подобного рода факторы имеют только временный характер.

В капиталистических странах Западной Европы имеется ряд симптомов роста экономических трудностей. Достаточно сослаться на изданную в Англии в марте 1955 г. Белую книгу, где дан обзор состояния английской экономики за 1954 г. При всем своем оптимизме авторы не смогли скрыть тревоги за ближайшее будущее. Неумолимый ход экономического развития капиталистических стран неизбежно обрекает эти страны на кризисы перепроизводства.

В первые годы после окончания второй мировой войны «взбаламучивающее» влияние на американскую экономику оказывало значительное увеличение экспорта товаров из США. Монополии США повысили свою долю в мировом капиталистическом производстве, временно вытеснив своих главных конкурентов. В последние годы намечилась обратная тенденция. Страны Западной Европы, Япония и другие капиталистические страны стали меньше покупать в США и больше продавать на внешних рынках. Обострилась конкуренция на мировом капиталистическом рынке.

Исчерпывается воздействие другого фактора, временно способствовавшего промышленному оживлению в США после второй мировой войны, — большого обновления основного капитала. Потребность в обновлении оборудования, накопившаяся за многие годы, удовлетворялась после войны. В результате больших капитальных вложений, совпавших с гонкой вооружений и стимулируемых ею, еще более обострилось противоречие между сильно выросшей производственной мощностью США и отстающим в своем росте внутренним и внешним рынком. Все это предопределяет неизбежность экономического кризиса исключительных масштабов.

При всем многообразии внешних форм проявления современных «антикризисных» программ они имеют одну общую черту — все они пытаются взвалить полностью тяжесть кризисов на трудящихся. Имеющиеся иногда в буржуазных программах предложения об увеличении личного потребления, о некоторых социальных реформах играют роль фиговых листочков, маскирующих

основное содержание этих программ. Перенесение издержек кризисов на рабочих выражается в росте налогов, в увеличении государственного долга, в инфляционных процессах. Но все эти методы ограбления трудящихся неизбежно сопровождаются снижением покупательной способности народных масс, определяющей в основном масштабы рынка на предметы потребления. В этом заключается ахиллесова пята буржуазных «антикризисных» программ. «Антикризисные» мероприятия способствуют усилению эксплуатации рабочих, развязыванию войн и милитаризации народного хозяйства, но они не в состоянии решить задачу предотвращения кризисов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БОРЬБА ПРОГРЕССИВНЫХ ЭКОНОМИСТОВ США ПРОТИВ РЕАКЦИОННЫХ ТЕОРИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Борьба сил демократии и прогресса против сил реакции в США находит отражение и в области идеологии, в том числе и в области экономических вопросов.

В авангарде этой борьбы идет передовой отряд американского рабочего класса — Коммунистическая партия США. Американская коммунистическая партия ведет большую пропагандистскую и научно-исследовательскую работу.

Из работ американских экономистов-коммунистов следует прежде всего отметить работы У. Фостера. За последние годы Фостер выпустил ряд больших трудов: «Закат мирового капитализма» (1949 г., русский перевод издан в 1951 г.), «Очерк политической истории Америки» (1951 г., русский перевод издан в 1953 г.), «Негритянский народ в американской истории» (1954 г.).

Фостер возглавлял борьбу с защитниками «теории исключительности американского капитализма» (Ловстон и др.), с попытками ренегата Браудера представить американский капитализм как какой-то особый «прогрессивный», «просвещенный» капитализм. Фостер противопоставил этим апологетическим теориям глубокий анализ особенностей современного капитализма США.

Он вскрыл ряд благоприятных условий, способствовавших в прошлом более успешному развитию производства и более интенсивному техническому прогрессу в США, нежели в других частях капиталистического мира. «Однако, — подчеркивает Фостер, — несмотря на важное значение этих благоприятных условий развития американского капитализма, они могут оказывать лишь ограниченное и временное влияние на американскую капиталистическую систему. Они несколько не меняют природы капитализма в США, который, как и во всех других странах, основан на частной собственности на средства производства и на эксплуатации рабочих при помощи системы наемного труда»¹.

¹ Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма. М. Госполитиздат. 1959, стр. 40.

Вскрывая корни империалистических устремлений монополистического капитала, Фостер подвергает глубокой критике империалистов, выступающих против мирного урегулирования отношений с СССР. Он с исчерывающей полнотой показывает, что империалистическая экспансионистская политика в корне противоречит интересам подавляющего большинства американского народа. «Огромные расходы на вооружение, вызванные политической империалистской, — пишет Фостер, — значительно повысили стоимость жизни. Эта политика срывает и попытки улучшить систему государственного социального страхования от безработицы, на случай болезни и старости. Она подрывает демократию в США...»² Фостер призывает к установлению мира и дружественного сотрудничества между США и СССР.

Выдающийся научный интерес представляет книга прогрессивного американского экономиста Виктора Перло «Американский империализм» (1951 г., русский перевод издан в 1951 г.). На большом фактическом материале Перло анализирует многообразные формы экономической экспансии американских трестов и крупнейших банков. Он детально выясняет участие американских монополий в борьбе за важнейшие источники сырья в слаборазвитых странах, в частности за источники нефти, месторождения цветных металлов, источники снабжения продовольствием, за наиболее выгодные сферы экспорта капитала, за раздел рынков капиталистического мира. Он раскрывает тесную связь между экспортом американского капитала и экспортом товаров из США. «Перечень стран, в которых преобладают капиталовложения Соединенных Штатов, — пишет Перло, — фактически совпадает с перечнем стран, в которые США экспортируют больше всего товаров»³.

Заслуживает внимания детальный анализ В. Перло заграничных сверхприбылей американских монополий. Он устанавливает ряд характерных черт этих сверхприбылей: они весьма сконцентрированы и достаются наиболее мощным корпорациям; они превышают уровень прибылей, получаемых внутри страны; они принимают различные формы, скрытые и открытые, и вместе взятые достигают многих миллиардов долларов в год. Перло выясняет, как американские монополии используют «ножницы» цен, образовавшиеся в результате разрыва в ценах на товары, производимые в метрополиях и в колониальных и зависимых странах. Он показывает, что «добыча в этой форме распределяется более широко, чем прибыли от прямых капиталовложений. Она достается всем монопольным корпорациям, ведущим значительную внешнюю торговлю, независимо от размера их заграничных капиталовложений»⁴.

² Там же, стр. 56.

³ Виктор Перло. Американский империализм. М., ИЛ, 1951, стр. 66.

⁴ Там же, стр. 78.

Большой интерес представляет четвертая глава книги Перло, посвященная показу того, «что дает Уолл-стриту угнетение негров». Перло сделал интересный подсчет сверхприбылей, получаемых американскими капиталистами от сверхэксплуатации негров в США. Помножив дополнительную прибыль в 1 100 долл., составляющую разницу между средним годовым заработком негра и средним годовым заработком белого, на число негров, работающих в сельском хозяйстве и промышленности США (в 1947 г. это число равнялось 3,5 млн. человек), Перло пришел к выводу, что в 1947 и в 1948 гг. общая сумма дополнительных прибылей за счет повышенной эксплуатации негров составила 4 млрд. долл. в год.

У. Фостер указал, что эти расчеты являются минимальными, что необходимо учесть также обратное воздействие крайней дешевизны негритянского труда на снижение заработной платы белых рабочих в южных штатах.

В книге Перло разоблачается ряд легенд, распространяемых буржуазной пропагандой, в частности легенда об истощении естественных ресурсов, в результате которого США якобы могут оказаться беззащитными против иностранного агрессора, если американские корпорации не увеличат свои зарубежные владения нефтью, металлическими рудами и другими сырьевыми источниками. Перло убедительно показывает, что погоня американских монополий за зарубежными источниками сырья вызвана отнюдь не истощением внутренних ресурсов. Разведанные запасы сырья в США сейчас больше, чем когда бы то ни было прежде благодаря расширению геолого-разведочных работ. Погоня за иностранными источниками сырья объясняется как возможностью извлечения в колониальных и слаборазвитых странах более высокой прибыли вследствие наличия там чрезвычайно низкого уровня заработной платы, так и стремлением американских монополий сделать эти источники недоступными для своих соперников.

Серьезное исследование финансового капитала США представляет собой книга Анны Рочестер «Правители Америки» («Rulers of America»), вышедшая в 1936 г. Рочестер подвергает детальному анализу историю, сферы влияния, рабочую политику наиболее крупных финансовых династий США — Морганов, Рокфеллеров, Меллонов, а также других, менее влиятельных финансовых групп. Она подробно выясняет методы, при помощи которых наиболее крупные финансовые группы подчиняют себе и осуществляют контроль над массой мелких, средних и менее крупных предприятий. Рочестер не ограничивается только рассмотрением промышленности, она показывает, как монополии опутывают своими щупальцами сельское хозяйство и торговлю.

Выяснив разнообразие факторы, определяющие силу отдельных монополий, Рочестер раскрывает важнейшие методы получения монопольно высоких прибылей. Она сопоставляет громадный рост прибылей с динамикой заработной платы и на конкретном

материале иллюстрирует, как развитие монополистического капитала сопровождается усилением эксплуатации и обнищания рабочего класса. Роскошь монополистов зиждется на нищете масс — этот вывод убедительно обоснован автором.

В книге А. Рочестер раскрывается механизм не только экономического, но и политического господства крупных монополий, показывается, что они подчиняют себе государственный аппарат.

Логическим продолжением исследования Анны Рочестер является книга «Монополии сегодня», подготовленная Ассоциацией по исследованию проблем труда и опубликованная в ноябре 1950 г. В этой работе показана деятельность монополий США во время второй мировой войны и в послевоенный период. «В американской экономике в настоящее время господствует четыреста человек»⁵. — так начинается это исследование. В книге дана детальная характеристика господствующих в американской экономике восьми групп финансового капитала — Моргана, Рокфеллера, Кун — Леба, Меллона, Дюпона, чикагской, кливлендской и бостонской групп и раскрыты взаимно переплетающиеся связи этих групп. Авторы на большом материале показывают сущность «антитрестовских» мероприятий правительства США. Богатый материал, собранный в этой книге, убедительно показывает, что крупнейшие монополии держат в своих руках все средства идеологического воздействия — печать, кино, радио, телевидение.

Специальный раздел книги посвящен экономической экспансии американских монополий. На большом материале авторы иллюстрируют масштабы и степень распространения иностранных капиталовложений ведущих монополий США.

Фактический материал о монополистическом капитале США, приведенный в книге «Монополии сегодня», обновлен в другой книге, подготовленной той же Ассоциацией по исследованию проблем труда, под названием «Корпорации-миллиардеры» (1954 г.). В этом исследовании анализируется деятельность 66 крупнейших корпораций, располагающих капиталом более чем в миллиард долларов каждая. Если в работе «Монополии сегодня» исследование заканчивается 1949 г., то в работе «Корпорации-миллиардеры» охватывается период усиленной милитаризации экономики, наступившей после начала войны в Корее. Авторы показывают, какие огромные прибыли получили крупнейшие монополии, используя усиленную гонку вооружений.

Критика теорий об «исключительности американского капитализма» и «превосходстве американского образа жизни» неразрывно связана с выявлением абсолютного и относительного обнищания рабочего класса в США, с опровержением легенды об отсутствии якобы в США противоречий между буржуазией и пролетариатом. Большую работу в этом направлении ведет Ассоциация

⁵ «Монополии сегодня». М., ИЛ, 1951, стр. 15.

по исследованию проблем труда, созданная в 1927 г. Она занимается исследованием социально-экономических и политических проблем, связанных с рабочим движением. Ассоциация издает ежемесячный бюллетень «Экономик ноутс» и регулярно, каждые два года, — сборники материалов под названием «Факты о труде». Двенадцатый сборник за 1953—1954 гг. вышел в 1955 г.

Сборники «Факты о труде» содержат богатый фактический материал о концентрации капитала, о росте монополий и монопольных прибылей, движении номинальной и реальной заработной платы, об условиях труда на производстве, распространении жеского и детского труда, о размерах полной и частичной безработицы, о положении фермеров и т. д. Материалы 10, 11 и 12-го сборников показывают пагубное влияние гонки вооружений на экономику США, усиливающееся обнищание трудящихся в связи с милитаризацией народного хозяйства.

Ценным вкладом в литературу, посвященную критике буржуазных теорий, является книга Виктора Перло «Революция доходов» («The Income Revolution»), опубликованная в 1954 г. Перло подвергает убедительной критике статистические построения Симона Кузнеця, при помощи которых буржуазные экономисты пытаются доказать, будто удельный вес доходов, получаемых наиболее богатыми американцами, в общем национальном доходе США снижается.

Серьезным исследованием является книга Анны Рочестер «Почему бедны фермеры», вышедшая в 1940 г. (русский перевод издан в 1949 г.). А. Рочестер опирается на классический труд В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Богатый фактический материал, собранный в книге А. Рочестер, о положении американских фермеров за период между первой и второй мировыми войнами, в условиях значительно усилившегося господства монополий и небывалого по своей силе и продолжительности аграрного кризиса, иллюстрирует ленинские выводы о законах развития капитализма в земледелии. В книге проанализированы специфические формы концентрации капитала и производства в сельском хозяйстве, которые маскируются ростом мельчайших ферм. Аграрный кризис приводит к краху многие мелкие и средние фермы и одновременно способствует дальнейшему дроблению ферм. «Наличие множества мелких ферм, — указывает Рочестер, — отнюдь не означает, что мелкое производство для рынка выживает в сельском хозяйстве... Наоборот, эти очень бедные фермеры — жертвы капиталистического развития, которое лишило их средств к существованию... и обрекло на полупролетарское существование»⁶.

В книге Рочестер дана яркая картина тяжелого положения сельскохозяйственных рабочих США. Они получают самую низ-

кую заработную плату и являются наиболее бесправной прослойкой населения.

А. Рочестер детально выясняет, как развернувшаяся после первой мировой войны механизация сельского хозяйства подрывает устои мелкого фермерского хозяйства. «Часть мелких фермеров буквально сметается с лица земли; другие остаются на фермах и вступают в безнадежную конкуренцию с крупными производителями»⁷.

Большой интерес представляет обстоятельный анализ в книге Рочестер эксплуатации фермеров монополистическими объединениями, занятыми скупкой и переработкой продуктов животноводства. Эти монополистические объединения, скупая по низким ценам продукты животноводства фермеров и продавая эти продукты после переработки по монопольно высоким ценам, получают огромную прибыль, в которую входит не только прибавочный продукт мелких фермеров, но и значительная часть необходимого продукта.

Одной из наиболее острых проблем американской действительности является вопрос о правовом и экономическом положении негров. Этому вопросу посвящен ряд исследований прогрессивных американских экономистов. Первым серьезным исследованием в этой области в период общего кризиса капитализма явилась книга Джеймса Аллена «Негритянский вопрос в США», опубликованная в 1936 г. Из работ послевоенного периода прежде всего следует отметить книгу видного негритянского деятеля, крупного организатора негритянских профсоюзов на Юге США Гарри Хейвуда «Освобождение негров», опубликованную в 1948 г. (русский перевод издан в 1950 г.). Автор вскрывает социально-экономические корни расовой дискриминации негров. Он дает серьезный анализ социальных отношений на Юге США, показывая, что основа экономической отсталости этого района коренится в аграрных отношениях. Хейвуд убедительно доказывает, что существующая до настоящего времени на Юге полуфеодальная система плантационного хозяйства сохранилась лишь в результате финансовой поддержки со стороны монополистического капитала США, являющегося действительным собственником этих плантаций, заинтересованного в извлечении высоких прибылей из эксплуатации дешевого труда негров и белых бедняков. Как правильно указывает Г. Хейвуд, негритянский вопрос в Соединенных Штатах по своему происхождению — аграрный вопрос. «Он включает проблему угнетенного крестьянства, живущего в условиях издольщины, хозяйского надзора, долгового рабства, хронического земельного голода и всеческой зависимости — короче говоря, в условиях плантационной системы, представляющей собой пережиток рабского труда»⁸.

⁷ Там же, стр. 209.

⁸ Гарри Хейвуд. Освобождение негров. М., ИЛ, 1950, стр. 38.

⁶ Анна Рочестер. Почему бедны фермеры. М., ИЛ, 1949, стр. 140.

Глубокий анализ системы издольщины, господствующей на Юге США, дан в книге Виктора Перло «Негры в сельском хозяйстве юга США» (1954 г.). Перло обстоятельно исследовал процесс объединения собственников земли в этом районе с крупнейшими монополиями и показал, как банки, железнодорожные компании, корпорации, господствующие в производстве сельскохозяйственных машин, удобрений и т. д., наживаются на эксплуатации негров. Уолл-стрит, заключает В. Перло, становится прямым подстрекателем угнетения и дискриминации негров в США.

Негритянскому вопросу уделен много внимания У. Фостер. В ряде работ («Очерк политической истории Америки», в капитальной работе, специально посвященной этому вопросу, — «Негритянский народ в американской истории» и др.) Фостер выяснил исторические условия порабощения негров в США, влияние дискриминации негров на положение американских трудящихся масс.

Фостер убедительно показал, что освобождение американского рабочего класса невозможно без устранения угнетения негров, которое в свою очередь невозможно без роста национального самосознания негров и достижения их национального самоопределения в южных штатах.

Наряду с разоблачением антинародной внутренней политики монополий прогрессивные экономисты США уделяют много сил борьбе с агрессивной политикой американской финансовой олигархии на международной арене. Разоблачению демагогии о «свободе предпринимательства», «свободе торговли» и т. д. посвящена книга Джеймса Аллена «Международные монополии и мир». Аллен убедительно разъясняет, что эти «свободы» служат только идеологическим прикрытием экономической экспансии, проводимой американскими монополиями. Он характеризует их как «свободы» экономического экспансионизма, которые имеют своим непосредственным результатом подавление и подчинение экономически слабым и зависимым стран.

Борьба с милитаристской пропагандой, с апологией «холодной войны» и гонки вооружений в послевоенный период находится в центре внимания прогрессивных экономистов США. Они направляют огонь своей критики прежде всего против столь модной в настоящее время кейнсианской теории, пытающейся представить милитаризацию в качестве панацеи от капиталистических противоречий, и в первую очередь — от экономических кризисов перепроизводства.

У. Фостер подверг глубокой критике кейнсианскую теорию. Он выяснил социально-классовый смысл кейнсианства. Он показал, что, «хотя Кейнс, конечно, не принимает ленинской концепции общего кризиса капитализма, его доктрина преследует цель преодоления этого кризиса и стабилизации капиталистической систе-

мы»⁹. Фостер раскрыл реакционность кейнсианства, являющегося средством оправдания безудержной экономической экспансии США и гонки вооружений, рекламируемых в качестве главного метода борьбы с экономическими кризисами. Он убедительно показал теоретическую несостоятельность кейнсианства и реакционный утопизм проектов «оздоровления» современного капитализма. «Кейнсианская политика, — пишет Фостер, — не может исцелить капитализм, она может лишь обострить его общий кризис...»¹⁰

Развернутой критике кейнсианства посвящен сборник под редакцией Дж. Аллена и Д. Вилкерсона «Экономический кризис и «холодная война», в котором напечатаны доклады, прочитанные на конференции в Джефферсоновской школе социальных наук в мае 1949 г. У. Фостер в своем вступительном докладе на конференции вскрыл служебную роль кейнсианства в качестве теоретической базы защитников гонки вооружений. Он подчеркнул огромный вред и большую социально-политическую опасность, которыми чревата пропаганда подобных теорий.

У. Фостер детально раскрывает, почему военные расходы являются для капиталистов предпочтительной формой расходования государственных средств. «Во-первых, производство вооружения в обстановке усиливающейся военной истерии дает монополистам гораздо большую прибыль, чем любая другая форма правительственных затрат, а крупные военные заказы получить легко. Во-вторых, производство вооружения и связанное с этим запугивание войной возбуждает реакционные политические настроения, в силу которых крупному капиталу легче осуществлять общую программу фашистской реакции и укреплять власть монополий и их милитаристской агентуры в стране. В-третьих, производство вооружения находится в полном соответствии с империалистическими целями, которые ставит перед собой монополистический капитал»¹¹.

Авторы сборника показывают теоретическую несостоятельность утверждений буржуазных экономистов о том, что усиленная милитаризация народного хозяйства якобы может предотвратить экономические кризисы. Свои выводы авторы сборника иллюстрируют большим фактическим материалом, в частности относящимся к периоду экономического кризиса 1948—1949 гг.

Серьезным вкладом в прогрессивную литературу США, посвященную разоблачению буржуазной апологии милитаризации экономики, является вышедшая в 1954 г. книга Г. Люмера «Военная экономика и кризис». Люмер выясняет особенности временного бума, вызванного большими военными заказами. Этот бум принципиально отличен от промышленного оживления как регулярной

⁹ W. L. Foster. The two Major Variants of Keynesianism. — «Political Affairs», January, 1949, p. 46.

¹⁰ Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., ИЛ, 1953, стр. 845.

¹¹ «Экономический кризис и „холодная война“» М., ИЛ, 1950, стр. 36—37.

фазы капиталистического цикла. Своеобразие военного бума состоит в том, что он происходит в обстановке значительного сокращения покупательной способности населения в связи с огромным усилением налогового пресса, инфляционным ростом цен и т. д. Это приводит к тому, что наряду с разбуханием военных отраслей наблюдаются кризисные явления в гражданских отраслях производства. «Возникает явление, — пишет Люмер, — которое можно охарактеризовать как «кризис внутри бума», когда процветание производства предметов войны более чем нейтрализуется растущим перепроизводством гражданских товаров. Таким образом, воздействие военной экономики выражается в деформировании экономического цикла путем искусственного стимулирования одной стороны экономики за счет прогрессирующего спада в других»¹².

Люмер показывает, что при отсутствии «большой войны» перепроизводство должно со временем распространиться и на отрасли, обслуживающие военные заказы, т. е. на крупнейшие отрасли I подразделения. «При данном уровне военной экономики, — указывает он, — рост новых производственных мощностей рано или поздно обгоняет имеющийся рынок. Вложение новых капиталов становится все более невыгодным и в конце концов прекращается. Удары, которые испытывает промышленность, производящая средства производства, в результате приостановки таких капиталовложений становятся теперь еще более жестокими именно вследствие искусственного характера, который носит расширение этой отрасли промышленности в ответ на запросы рынка военных товаров».

Прогрессивные экономисты США ведут активную борьбу с одной из наиболее реакционных теорий современности, широко используемой империалистами, — с неомальтузианством. Яркую статью, посвященную разоблачению неомальтузианства, написал профессор Гарвардского университета Г. Грандфест под ироническим названием «Мальтузиазм»¹³. Так Г. Грандфест окрестил «энтузиазм», с которым апологеты империализма распространяют мальтузианскую теорию.

Критике неомальтузианства посвящена интересная и содержательная статья Давида Хайнеса в мартовском номере «Политикал афферс» за 1954 г. Хайнес анализирует вопрос о причинах возрождения мальтузианства в эпоху империализма.

На страницах прогрессивной печати систематически ведется борьба с многообразными проявлениями реакционной идеологии. Как известно, в идеологическом одурманивании народных масс последнюю роль играет Ватикан. Разоблачению реакционной пропаганды Ватикана посвящена интересная статья прогрессивного американского экономиста Джорджа Морриса «Рабочая философия

Ватикана»¹⁴. Моррис вскрывает реакционный смысл и демагогический характер папских энциклик по рабочему вопросу. «Подлинное содержание папских энциклик по вопросам труда, — говорит он, — является новой формой кампании против «красных», приправленной клерикализмом и преследующей цель отвлечь мысли рабочих от действительных проблем и удержать их от борьбы за лучшие условия жизни». Католическая церковь пытается разрушить рабочее движение через организованную ею Ассоциацию католических профсоюзов. Моррис разоблачает предательский в отношении рабочего класса характер этой Ассоциации. Он показывает, что «целью Ассоциации является насаждение иллюзий, будто бы рабочие могут обойтись без борьбы за улучшение условий жизни, будто бы капитализм может быть плановым и служить благополучию всех людей и что нет нужды таким образом надеяться на социалистическое разрешение вопроса и на руководство со стороны коммунистов».

Представителям передовой экономической науки в США приходится преодолевать большие трудности в борьбе с буржуазной идеологией.

¹⁴ G. Morris. The Vatican's «Labor Philosophy». «Political Affairs», April 1949.

¹² H. Lumer. War Economy and Crisis. 1954, p. 145—146.

¹³ H. Grundfest. Malthusiasm. «Monthly Review», 1951, N 8.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Айз Дж. (Ise J.) 461
Айрес К. Э. (Ayres C. E.) 243, 415
Аллен Дж. (Allen J.) 420, 511, 513
Аллен Ф. (Allen F.) 384
Анджелл Н. (Angell N.) 473
Афталъон А. (Aftalion A.) 464

Баллог Т. (Ballogh T.) 20, 236, 239
Бастиа Ф. (Bastiat F.) 49, 61, 318
Батлер (Butler) 17, 22, 25, 244, 246, 247

Бевеидж У. (Beveridge W.) 20, 123, 177, 178, 188—190, 230, 232

Бем-Баверк Е. (Böhm-Bawerk E.) 80, 171

Бердж У. (Berdge W.) 421, 423, 454, 456, 457

Берли А. (Berle A.) 421, 454, 457

Бернс А. (Burns A.) 355, 462, 464

Бернхэм Дж. 440

Бернштейн Э. (Bernstein E.) 342

Блокетт (Blockett) 306

Бойд-Опп 158, 306

Боулдинг К. (Boulding K.) 232

Брандейс Л. 455

Бретертон Р. (Bretherton R.) 227

Бронфенбреннер М. (Bronfenbrenner M.) 354

Брукс (Brooks) 258

Бунятян 464

Бурхардт (Burckhardt) 227

Варга Е. 375, 496

Вассерман (Wassermann) 484

Вебб С. (Webb S.) 66, 84

Веблен Т. (Veblen T.) 337, 341—346

Виганд К. (Wiegand K.) 21

Викри У. (Viekrey W.) 488

Вилкерсон Д. А. (Wilkerson D. A.) 513

Вильсон (Wilson) 238

Вильсон Р. (Wilson R.) 142

Вильсон У. (Wilson W.) 77, 494, 496

Витон А. (Witon A.) 291

Гальтон (Halton) 253

Ган А. (Hahn A.) 77

Гамильтон А. (Hamilton A.) 315—317, 340

Гауинг М. (Gowing M.) 295, 297

Гендерсон Г. (Henderson H.) 300

Гобсон Дж. (Hobson J.) 61, 282

Голбрейс Дж. (Galbraith J.) 386—389

Грандфест Г. (Grundfest H.) 514

Григг Э. (Grigg E.) 256

Гувер С. (Hoover C.) 415

Дальтон Х. (Dalton H.) 69, 88, 142, 143, 223

Датт П. (Datt P.) 307, 308

Дальберг (Dalberg) 472

Джевоис У. (Jevons W.) 37—40, 80, 156, 157, 464

Джефферсон Т. (Jefferson Th.) 317

Джевитс Б. (Jevits B.) 372, 373

Джукис Дж. (Jewkes J.) 136

Джей Д. (Jay D.) 70, 85, 206

Джонстон Э. (Johnston E.) 373, 377, 378

Джордж Г. (George G.) 324—326

Добб М. (Dobb M.) 307

Донам У. (Donham W.) 353

Дорфманн Дж. (Dorfmann J.) 316

Дуглас У. (Douglas W.) 455

Дэвидсон Б. (Davidson B.) 262

Дэвис У. (Davis W.) 277, 278

Дэнлоп Дж. (Dunlop J.) 428

Зомбарт В. (Sombart W.) 337, 464—467

Итон Дж. (Eaton J.) 97, 182, 303, 307

Калецкий М. (Kalecki M.) 110

Кан А. (Kahn A.) 427, 439

Каплан А. (Caplan A.) 392

Карвер Т. (Carver T.) 378, 383

Карр Э. (Carr E.) 63

Каутский К. (Kautsky K.) 281

Кейнс Дж. (Keynes J.) 48, 61, 67, 72—80, 85, 86, 90, 106, 129, 132, 136, 151, 162—176, 178, 206, 208—217, 220, 221, 225, 226, 228, 229, 290, 297, 299, 352, 354, 364, 366, 498, 500

Кейльхау В. (Keilhau W.) 410

Кейс А. 249

Кеннан Э. (Cannan E.) 40, 282

Кент Т. (Kent T.) 290, 301
Кэри Г. (Cary H.) 318—322, 324, 327, 328, 331, 334, 348

Кидд Б. (Kidd B.) 252

Кизер Д. (Keezer D.) 373, 453

Киндлбергер Ч. (Kindlberger Ch.) 240

Киплинг Р. (Kipling R.) 252, 259

Кларк Д. Б. (Clark J. B.) 322, 326, 327—336, 348, 355

Кларк Д. М. (Clark J. M.) 365, 383, 408, 421, 428, 462, 463

Кларк К. (Clark C.) 56, 198, 199

Клейн Л. (Clein L.) 353, 364, 367

Клементис Ф. 467

Коль Д. (Cole D.) 69

Колтон Э. (Colton E.) 318

Коммонс Дж. (Commons J.) 340, 346—351

Криппс С. (Cripps S.) 182, 223

Кроссланд А. (Crossland A.) 94

Кроссман Р. (Crossman R.) 304

Кузнец С. (Kusnets S.) 376, 494, 495

Куинн Т. (Quinn T.) 404, 456

Курно А. (Cournot A.) 106

Куртис 280, 281

Кучинский Ю. (Kuczynski J.) 77, 147, 158, 159, 165, 263

Лавингтон (Lavington) 212

Ландауэр К. (Landauer C.) 68

Ландберг Ф. (Lundberg F.) 419, 420

Ленин В. И. 5—7, 14, 30, 35, 51, 57, 59, 60, 74, 82, 90, 95, 96, 111, 113—116, 125, 127, 128, 135, 151, 168, 169, 255, 264, 273, 274, 282, 288, 290, 293, 299, 323, 325, 331, 336—338, 370, 375, 378, 379, 380, 385, 392, 417, 418, 429, 432, 433, 438, 440, 459, 512

Лернер А. (Lerner A.) 448, 450, 483, 484

Лист Ф. (List F.) 374, 375

Лилленталь Д. (Lilientahl D.) 392, 393, 404

Линдблом Ч. (Lindblom Ch.) 425, 427, 430

Лорвин Л. (Lorwin L.) 415

Лоу Дж. (Law J.) 77, 222

Люмер Г. (Lumer H.) 513, 514

Лютц Г. (Lutz H.) 365

Макиндер Г. (Mackinder H.) 276—279

Мальтус Т. (Malthus Th.) 30—33, 77, 167, 169, 267, 269, 270, 319, 367, 368, 372

Мак-Грегор Д. (McGregor D.) 131

Маккормик Дж. (MacCormick J.) 21

Мак Куллох Дж. (MacCulloch J.) 32—34

Маркс Карл — 7, 14, 28—30, 32, 35—39, 41, 43—45, 47, 49, 51, 65, 66, 80, 83, 85, 87, 91, 96, 113, 118, 151, 155, 159, 160, 171, 174, 175, 181, 182, 197, 207, 210, 212, 220, 221, 224, 254, 257, 264, 268, 278, 279, 287, 311, 312, 314, 315, 318, 322, 324—329, 337, 369—374, 401, 402, 411, 449, 466, 467, 470, 481, 499

Маршалл А. (Marshall A.) 34, 40—48, 61, 72, 80, 99, 106, 109, 110, 150, 156, 157, 255, 256, 289, 324

Мауди 278

Махлун Ф. (Machlup F.) 70

Мейхью Ч. П. (Mayhew C. P.) 70

Менгер К. (Menger K.) 37, 80

Мид Э. (Mead E.) 136

Мизес Л. (Mises L.) 134, 206, 359, 360, 363, 365

Милль Дж. (Mill J.) 32—34

Митчелл У. (Mitchell W. C.) 337, 462, 466—469, 480

Мок Ж. (Mock J.) 26

Монд А. (Mond A.) 100

Моррис Дж. (Morris J.) 515

Моррисон Г. (Morrison H.) 83, 123, 124, 141, 142, 188

Моултон Г. Дж. (Moulton H. J.) 365, 447, 463, 464, 475, 482

Моффат Дж. (Moffat J. E.) 494

Мэрфи Мэри Э. (Murphy Mary E.) 295

Найт Ф. Г. (Knight F. H.) 117, 359, 360, 365, 461

Нельсон Д. (Nelson D.) 412, 436, 441

Нурс Э. (Nourse E.) 403

Огбэрн У. Ф. (Ogburn W. F.) 431

Осипов А. 237

Персонс О. (Parsons O.) 476, 477

Перло В. (Perlo V.) 495, 507, 508, 510, 512

Пигу А. К. (Pigou A. C.) 48, 80, 153—157, 159—161, 163, 164, 200, 212, 214, 289, 292, 464

Поллит Г. (Pollit H.) 133, 181, 265, 305

Пенделл (Pendell) 368

Поляни М. (Polanyi M.) 218

Пирсон (Pirson) 472

Пурдом Ч. Б. (Purdhom C. B.) 184

Раймонд Д. (Raymond D.) 317

Раунтри 158

Роус А. (Rowse A. L.) 86

Рёпке В. (Röpke W.) 456

Рикардо Д. (Ricardo D.) 33, 34, 42, 183, 348, 322
 Рипли (Repley) 383
 Роббинс Л. (Robbins L.) 50, 62, 80, 112, 113, 115, 132, 133, 135, 136, 150, 200, 246, 281, 283, 284
 Робинсон Э. А. Г. (Robinson E. A. G.) 117, 121, 122
 Робинсон Дж. (Robinson J.) 177
 Робинсон А. (Robinson A.) 299
 Ролф Э. Р. (Rolph E. R.) 451
 Ротерфорд 227
 Рочестер Анна (Rochester Anna) 508, 509—511
 Рузвельт Ф. Д. (Roosevelt F. D.) 133, 215, 228, 336, 353, 358, 366, 405, 422, 478, 484, 488
 Рюэфф Ж. (Rueff J.) 148, 149
 Саймонс Г. (Simons H.) 455, 457, 458
 Саул Дж. Г. (Soule J. H.) 353, 409, 410
 Сениор А. (Senior R.) 34—36, 47, 85
 Сличтер С. Г. (Slichter S. H.) 373, 384, 428
 Смит А. (Smith A.) 45, 130, 228, 318, 409
 Смитс А. (Smithies A.) 365
 Смэтс Дж. Ч. (Smuts J. C.) 258
 Солтер А. 461
 Соутер Р. У. (Souter R. W.) 62
 Стрэчи Дж. (Strachey J.) 90
 Сэй Ж-Б (Say J-B) 33—35, 47, 61, 72, 73, 77, 151, 171, 172, 209, 402, 404
 Таршис Л. (Tarshis L.) 448, 451
 Таунсенд Дж. (Townsend J.) 472
 Тегвелл Д. П. (Tegwell D. P.) 353, 408, 409, 410, 412
 Терборг Дж. (Terborg J.) 358
 Тилле А. (Tille A.) 160
 Тольятти П. 94
 Тормен А. (Thurman A.) 455, 456, 460
 Трахтенберг И. А. 501
 Туган-Барановский М. И. 210, 464
 Уильямс Ф. (Williams F.) 141, 144, 188
 Уилкинсон Эллен (Wilkinson Ellen) 13
 Уилкокс Клэр (Wilcox Clair) 381
 Уокер Ф. (Walker F.) 325, 326
 Фишер А. (Fisher A.) 122, 123, 473
 Фишер И. (Fisher J.) 473
 Флетчер (Fletcher) 340
 Фрайер Л. (Frayer L.) 158, 159
 Франклин В. (Franklin V.) 314, 315
 Фогт В. (Fogt W.) 270, 274
 Фостер У. (Foster W.) 77, 79, 163, 215, 312, 364, 366, 367, 377, 378, 478, 506—508, 512, 513
 Фуллер Дж. (Fuller J.) 232, 271, 272
 Хаберлер Г. (Haberler G.) 365
 Хайек Г. (Hayek G.) 497
 Хайек Ф. А. (Hayek F. A.) 50, 52, 55, 80, 132, 133, 200—205
 Хайнес Д. (Haynes D.) 514
 Хаксли О. 267, 269
 Хансен А. Г. (Hansen A. H.) 78, 122, 356—358, 362, 364, 367, 372, 373, 415, 420, 423, 440, 448, 449, 461, 464, 482, 484, 485
 Харрис С. Э. (Harris S. E.) 103, 354, 431, 439, 448, 450, 452, 484
 Харрис А. (Harris A.) 337
 Харрод Р. (Harrod R.) 74, 110, 136, 185, 186
 Харт Л. (Hart L.) 271
 Харт А. (Hart A.) 450, 486, 493
 Хейвуд (Haywood) 511
 Хекснер Э. (Hexner E.) 122
 Хенкок У. К. (Hancock W. K.) 295, 297
 Хени Л. Г. (Haney L. H.) 337
 Хоман Т. (Homan T.) 337
 Хоутри Р. Г. (Hawtrey R. G.) 112, 113, 191, 206, 208, 230, 245, 246, 256, 280
 Хьюкс Г. Д. (Hughes H. D.) 144
 Чейз С. (Chase S.) 353, 415, 440, 442
 Чемберлин Э. (Chamberlin E.) 116, 394, 395, 396, 400
 Чернышевский Н. Г. 49, 369
 Шаффер Г. (Schaffer G.) 241
 Шахт Я. (Schacht H.) 354
 Шитовский Т. (Scitovsky T.) 448, 451
 Шоу Э. С. (Show E. S.) 448, 451, 486, 493
 Шпенглер Дж. (Spengler J.) 249
 Шпитгоф 464
 Штиглер Дж. Дж. (Stigler J. J.) 359, 360, 380, 381, 398, 399
 Шумпетер И. А. (Schumpeter J. A.) 111—113, 365, 396, 403, 464
 Эйнциг П. (Einzig P.) 242
 Энгельман (Engelmann) 423
 Энгельс Ф. 51, 65, 88, 95, 96, 121, 130, 138, 182, 183, 212, 254, 257, 269, 374, 416, 471
 Эддингс К. Р. (Attlee C. R.) 85, 142, 250, 256, 264, 283

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ АНГЛИИ

<i>Глава первая.</i> Английская экономика в период общего кризиса капитализма	5
<i>Глава вторая.</i> Эволюция буржуазной апологетики в условиях экономического соревнования двух мировых систем	28
<i>Глава третья.</i> Апология монополий и государственно-монополистического капитализма	95
<i>Глава четвертая.</i> Оправдание наступления на рабочий класс — основное содержание современных буржуазных «теорий занятости»	146
<i>Глава пятая.</i> Критика антикризисных теорий	194
<i>Глава шестая.</i> Проповедь современными буржуазными экономистами войны и милитаризации народного хозяйства	249

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ США

<i>Глава первая.</i> Эволюция буржуазной политической экономики США	311
<i>Глава вторая.</i> Апология монополий и государственно-монополистического капитализма	379
<i>Глава третья.</i> Критика «антикризисных» программ	460
Заключение	506
Именной указатель	516

Израиль Григорьевич Блюмин

Критика буржуазной политической экономии, том II

Утверждено к печати Институтом Мировой экономики
и международных отношений

Редактор издательства А. А. Кормильцева. Художник Л. Г. Ларский

Технический редактор С. Г. Тихомирова

Корректор Л. О. Коган

РИСО АН СССР № 20—96В Сдано в набор 2/VI 1962 г.

Подписано к печати 30/X 1962 г. Формат 60×90^{1/16}

Печ. л. 32,5 Уч.-из. л. 33,6 Тираж 3200 экз.

Изд. № 992 Тип. зак. № 834

Цена 2 руб. 20 коп.

Издательство Академии наук СССР.

Москва, Б-62, Подосенский пер., 21

2-я типография Издательства.

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
42	11 св.	революционизма	эволюционизма
133	14 св.	Роббине	Роббине
517	23 св.	Kusnetz	Kuznetz
518	6 св.	Wolker	Walker

И. Г. Блюмин, т. II